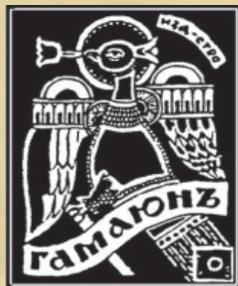

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО российского зарубежья (XIX–XX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО российского зарубежья (XIX–XX вв.)

ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ им. А. СОЛЖЕНИЦЫНА
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО
российского зарубежья
(XIX–XX вв.)

Москва
ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ им. А. СОЛЖЕНИЦЫНА
2017

УДК 002
ББК 76.17
И-36

Отв. ред. *П.А. Трибунский*

Рецензенты:
доктор исторических наук *А.Б. Николаев*
кандидат исторических наук *В.В. Тихонов*

ISBN 978-5-98854-062-5

© Коллектив авторов, 2017
© Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017
© Институт российской истории РАН, 2017
© Русский путь, 2017

ОТ РЕДАКЦИИ

Седьмого — девятого октября 2015 г. прошла международная научная конференция «Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.)», организованная Домом русского зарубежья им. А. Солженицына и Институтом российской истории РАН. В настоящем сборнике, составленном по материалам конференции, помещены работы, подготовленные исследователями из Германии, Израиля, Италии, Канады, Латвии, России, Сербии, США, Украины, Чехии.

Эмигранты, беженцы, экспатрианты никогда не были свободны от условий пребывания в стране-реципиенте, от политической ситуации в мире и стране, от отношений с метрополией. Как результат издательское дело в зарубежье, помимо информационной, культурной, научной и развлекательной составляющей, имело и политическую, и пропагандистскую. Указанные обстоятельства, наряду с неравномерной сохранностью источников, их разбросанностью по многим странам, превращают историю издательского дела российского зарубежья, несмотря на многолетнее изучение, в одну из слабо исследованных областей мировой и отечественной гуманитаристики.

Авторы настоящего сборника научных трудов обращаются к мало-, а зачастую, и к вообще неисследованным темам. Работы сборника изучают отдельные аспекты издательской деятельности российского зарубежья XIX–XX вв., преимущественно пореволюционной эмиграции, эволюции практик и стратегий издательств и издающих организаций, от политических до культурных и религиозных, существование в иноязычной среде, затрагивают судьбы журналов, газет, историю публикации отдельных произведений и книг, биографии издателей, писателей и журналистов. Разные по тематике работы вносят свой вклад в создание целостной картины становления, развития и упадка издательского дела российского зарубежья в Европе, Азии и Америке. Рассмотрение затронутых вопросов строится с привлечением широкого круга архивных документов из разных стран и архивохранилищ, материалов периодической и повременной печати, официальных распоряжений, статистических сборников, эпистолярия, дневников и воспоминаний.

Сборник разбит на разделы «Поговорим о главном», «Дела издательские», «Дела книжные», «Дела журнальные», «Дела газетные», «Бесценные свидетельства». В первом разделе помещены работы, призванные обратить внимание на проблемы в изучении издательского дела российского зарубежья (П.Н. Базанов), на способы поступления эмигрантской периодики в СССР и ее использовании Советской властью в своих целях (А.В. Голубев), на пути развития русскоязычного книгоиздания после Второй мировой войны, получившего название «тамиздат» (И.Н. Толстой). Завершает раздел обобщающий очерк Г. Кратца о русском книгоиздании «золотого века» в Берлине, основанный на многолетних исследованиях автора.

Второй раздел содержит работы, посвященные отдельным русскоязычным издательствам и издающим организациям 1920–1970-х гг.; территориально охвачены Германия, Италия, США, Франция, Чехословакия, Швейцария, Югославия. Из множества ценных работ особо хочется выделить публикацию М. Шрубы, впервые воссоздавшего в деталях трансконтинентальную издательскую деятельность М.Н. Павловского, и воспоминания участника создания «дипийской» периодики и публикации книг в послевоенной Германии Р.В. Полчанинова.

Собственно книгоизданию XIX–XX вв. отведен третий раздел. Русскоязычной экстерииорике XIX в. посвящены работы М.Е. Сороки и В.В. Левченко. В центре внимания других статей — издание религиозной литературы (Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская), детской книги (А.А. Димьяненко), публикация русскоязычных книг и календарей на оккупированных нацистами территориях (Г. Кратц, Б.А. Равдин), история издания отдельных произведений Б.К. Зайцева, М.А. Булгакова, А.А. Ахматовой. Завершает раздел статья Т.И. Ульянкиной о неосуществленном проекте «Золотая книга российской эмиграции».

Четвертый и пятый разделы посвящены журналам и газетам соответственно. Охват статей — от политических (В.В. Черемухин, Н.И. Герасимов, З.С. Бочарова, А.Ю. Вовк) и литературно-общественных (А.В. Громова, Е.Ю. Скарлыгина) до сатирических (Д.Д. Николаев), деловых (Н.Б. Хайлова), рекламно-информационных (Г.Н. Кацов) и педагогических (Е.Е. Седова) органов печати. Неизвестные ранее страницы масштабного сотрудничества русских художников в итальянских периодических изданиях освещены в статье А. д’Амелии. Биография видного общественного деятеля российского зарубежья, журналиста, переводчика, издателя В.А. Лазаревского детально описана в работе Л.А. Мнухина.

В последнем разделе — «Бесценные свидетельства» — представлены статьи, рассматривающие роль периодических органов в развитии культуры русскоязычного населения в Польше (Т.М. Симонова), образы Советского Союза в эмигрантской периодике (Т.С. Кутаренкова), данные периодики о жизни научного сообщества зарубежья (В.Ю. Волошина, Н.А. Родионова). В публикациях В.В. Леонидова и Г.Б. Глушанок подняты вопросы отношений писателей с русскоязычными издательствами в 1920–1930-е гг.

Хочется верить, что настоящий сборник научных трудов не только найдет заинтересованного читателя, но и послужит стимулом к развитию исследований по истории издательского дела российского зарубежья.

ПОГОВОРИМ О ГЛАВНОМ

П.Н. Базанов

Проблемы изучения истории издательской деятельности русской эмиграции

Аннотация: В статье анализируются проблемы развития и современное состояние изучения книжного дела русской эмиграции, даны основные проблемы исследования книжного дела. Особое внимание уделено специфике предмета, а также проблемам плагиата и дилетантизма.

Annotation: The article analyzes the problems of development and present state of the study of books of Russian emigration, as well as the major problems of research of books. Particular attention is paid specific subject as well as to plagiarism and amateurism.

Ключевые слова: издательское дело, книжное дело, русская эмиграция, плагиат, дилетантизм, проблемы исследования.

Key words: publishing, book publishing, Russian emigration, plagiarism, amateurism, research problem.

В современном эмигрантоведении важное место занимает изучение издательской деятельности русской эмиграции. Во многих работах, посвященных истории, литературе, философии, политике и даже повседневности, присутствуют упоминания о книге, периодике или об их распространении. В то же время издательское дело русского зарубежья, несмотря на интенсивное развитие в последние двадцать лет, по-прежнему остается одной из наименее изученных областей истории мировой и отечественной книги. Вместе с тем российское зарубежное издательское дело уже не может считаться практически неисследованной областью мировой и национальной истории книги. Скорее, наоборот, уже существует ряд серьезных научно-исследовательских и учебно-популярных работ, целиком посвященных данной проблеме¹. Вся отечественная литература по рассматриваемому во-

¹ Выделим два отечественных энциклопедических издания: Книга: Энциклопедия / Редкол.: И.Е. Баренбаум, А.А. Беловицкая, А.А. Говоров и др. М., 1999. 800 с.; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: в 2 т. / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. 640 с. Среди учебных пособий отметим: Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья. СПб., 1999. 134 с.; Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века. СПб., 2001. 113 с.; 2-е изд., испр. СПб., 2003. 110 с.; Базанов П.Н. Книжное дело русской эмиграции: Курс лекций. СПб., 2015. 192 с.

Монографии: Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге, 1918–1944. М., 2006. 416 с.; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): Монография. СПб., 2004. 430 с.; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. 468 с.; Букреев А.И. Книга «восточной ветви» русской эмиграции. Хабаровск, 2003. 208 с.; Волков С.В. Русская военная эмиграция: из-

просу может быть поделена на три основных направления: эмигрантская, советская и современная российская. Тем не менее до сих пор большинство работ, посвященных различным аспектам деятельности русских эмигрантов, содержат лишь упоминания об издательствах или периодических органах, существовавших в русском зарубежье.

Парадокс объясняется комплексом общественных и научно-книговедческих причин. Недостатки подавляющего большинства работ системны для современной российской науки, хотя есть и отличия, связанные со спецификой изучаемой тематики. Попробуем кратко определить некоторые из них.

Выделим процветающий в современной науке дилетантизм. В эмигрантоведение, как новую область знания, пришли люди, порой не имеющие элементарной гуманитарной подготовки.

Далее отметим повторяемость фактического материала во многих работах, что объясняется неумением и нежеланием определенного числа авторов читать труды предшественников. Из этого обстоятельства постоянно проистекает регулярное «открытие Америки» и приписывание права первенства. В историографии указанное обстоятельство осложняется еще и «москвоцентризмом», когда сноски идут только на московских авторов или издания, печатающиеся в Москве.

Бич нашего времени — плагиат. Кто-то выставляет чужой текст в Интернете, потом его копирует другой сайт. Третий человек заимствует с него текст или информацию без ссылки и выдает за свое творчество. Плагиат легко определяется по устаревшим данным, не исправленным неточностям, опечаткам и стилистическим оборотам.

Многие авторы-эмигрантоведы не читают специальных историко-книговедческих работ и порой просто не знают, что было опу-

дательская деятельность. М., 2008. 552 с.; *Гуревич А.Л.* История издательства «УМСА-Press»: (с приложением подробной библиографии книг, опубликованных издательством). М., 2004. 59 с.; *Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России...»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000. 164 с.; *Колупаев В.Е.* Православная книга Русского Зарубежья первой половины XX в.: Из истории типографии братства Иова Почаевского. Вольнь — Карпаты, 1903–1944. М., 2010. 279 с.; *Кузнецова Т.В.* Русская книга в Китае (1917–1949). Хабаровск, 2003. 256 с.; *Хисамутдинов А.А.* Русское слово в стране иероглифов: К истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов. Владивосток, 2006. 303 с.

См. также: *Базанов П.Н.* Книжное дело русской эмиграции. С. 18–41; *он же.* Современная историография изучения истории книги и книжной культуры русской эмиграции // Федоровские чтения. 2011. М., 2012. С. 318–332; *он же.* Современные проблемы и актуальные вопросы историографии книжного дела русской эмиграции // Нансеновские чтения, 2010. СПб., 2012. С. 86–107; *он же.* Историография книжного дела русской эмиграции // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX — XX вв.) / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 2004. С. 107–117; *он же.* Современная историография издательского дела политических партий русской эмиграции // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2003). СПб., 2003. С. 68–75.

бликовано в профессиональных изданиях. И наоборот, историки книги часто не знакомы с классическими трудами по русскому зарубежью или порой просто принципиально не читают общих и специальных современных работ по эмиграции.

История книги и книжного дела принадлежит к книговедению, и исследование в этой науке подразумевает наличие специальных книговедческих методов, прежде всего тематико-типологических. В работе по истории издательского дела должна присутствовать внутренняя история самих издательств, нереализованные планы издающих организаций, цензурные преследования, книгораспространение и отзывы читателей на само издание. Большинство же авторов, пишущих об издательском деле, превращают свои публикации в простое перечисление изданных книг и брошюр в искомом издательстве, т.е. в библиографический список.

Во многих работах происходит подмена элементарных понятий. Вместо истории **издательского** дела рассматриваются проблемы содержания книг и периодики, рассказываются биографии авторов, подчас не имеющие никакого отношения к данному издательству.

В современном книговедении приняты нижеследующие определения «издательского дела». Так, ГОСТ 7.81-2001: «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статистический учет выпуска непериодических, периодических и продолжающихся изданий. Основные положения» дает такое определение: «Область культуры и производства, связанная с организацией издательств и их деятельностью по подготовке, выпуску и распространению издательской продукции» (п. 3.5). Известный ученый, доктор филологических наук, профессор Б.В. Ленский в последней книговедческой энциклопедии предлагает очень узкое толкование термина: «Издательское дело — сфера общественной деятельности, связанная с подготовкой, выпуском и распространением книг, брошюр и видов непериодических изданий, в том числе сериальных или продолжающихся изданий, которые выпускаются в форме книг и брошюр. Поскольку для обозначения газетного и журнального дела распространены термины “пресса” и “периодическая печать”, в российском книговедении традиционно понимается преимущественно книгоиздательское дело или (книгоиздание) как основная часть более общего понятия *книжное дело*»². Б.В. Ленский, как видно, не рассматривает периодические издания, исключая то, что изучает журналистика, из издательского дела. Автор данной статьи сторонник более широкого похода, зафиксированного в «Большой российской энцикло-

² Ленский Б.В. Издательское дело // Книга. С.228.

педии»: «Издательское дело — отрасль культуры и производства, связанная с подготовкой, выпуском и распространением книг, журналов, газет, изобразительных материалов и других видов печатной продукции»³. Но еще раз подчеркнем — во всех этих определениях речь идет о проблеме издания, а не содержания.

Бурное развитие эмигрантоведения привело к тому, что историки книги русского зарубежья, в том числе и потенциальные, переориентировались на проблемы филологии, культурологии, искусства и истории русской эмиграции, оставив историю книговедения и библиотечно-информационных наук. Отметим, что в таком «актуальном», «современном», я бы даже сказал, «продвинутом» сегменте книговедения, как история издательского дела русской эмиграции, стали проявляться работы исследователей, не имеющих отношения к нашей официальной специальности 05.25.03 «библиотековедение, библиографоведение, книговедение». В принципе это и не плохо: история обогащается уникальными фактографическими данными. Всегда интересен взгляд со стороны. Многие ведущие отечественные историки книги не оканчивали библиотечных или полиграфических факультетов, но стали настоящими учеными-книговедами. Иное дело, когда тезисы, статьи и даже книги пишутся людьми, ничего не понимающими и даже ничего не желающими понимать в книговедении.

Снижение интереса к науке вообще и к книговедению в частности, в том числе и к истории книги и библиографии, в «лихие» 1990-е гг. не могло не сказаться и на качестве, и на интенсивности работ по анализируемой теме. Ни для кого не секрет, что качество научных работ в 1990–2000-х гг. резко упало. По самым формальным признакам — научная новизна, историографическая и источниковедческая разработка темы — современные исследования оставляют желать лучшего...

Официально в 1990-е гг. история издательского дела русской эмиграции не вошла ни в какие ГОСТы и стандарты. Парадоксально, что практически во все программы и учебники (учебные пособия) были включены разделы по упомянутой теме. На различных библиотечно-информационных и полиграфических факультетах появились спецкурсы «Информационные ресурсы русского зарубежья», «Книга русского зарубежья», «Книжная культура русского зарубежья», «Книжное дело русской эмиграции». Многие из спецкурсов, созданных для специалитета, органично перешли в бакалавриат. Не надо забывать, что во многих вузах нашей страны читаются курсы «Культура русского зарубежья», «История русской эмиграции» и т.д., где одна-две темы (лекции), как правило, уделяются книжному делу. Перспективными представляются новые магистерские курсы: «Современные проблемы кни-

³ Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 753.

говедения» и «Историография библиотечно-информационных наук». При их разработке, по мнению автора, большое внимание следует уделять вопросам и проблемам истории книжного дела русской эмиграции.

В Российской Федерации в науке немалую роль играет административный фактор. В 1990–2000-е гг. не было создано никаких административных структур для изучения книги русской эмиграции. Неформально роль лидеров играют кафедра документоведения и информационной аналитики (бывшая общей библиографии и книговедения) Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств и отдел «Литература русского зарубежья» Российской государственной библиотеки. Но, скорее, это исключение из правил, связанное с энтузиазмом и инициативой руководителей (И.А. Шомракова и Н.В. Рыжак) и их сотрудников.

Впрочем, в последние годы наблюдается снижение научного интереса и к собственно русскому зарубежью. Делается во многом справедливый вывод о прекращении раннего, восторженного этапа изучения эмиграции из России, когда общественность с радостным изумлением воспринимала любую информацию о вновь открытой «terra incognita» русской культуры XX века — русском зарубежье. Правда, при этом не сообщается, что изучение русской эмиграции давно органично перетекло в академическую, научно-исследовательскую форму. Началось монографическое изучение отдельных сюжетов, появились учебные пособия по учебным дисциплинам и курсам, разделы в энциклопедиях и справочниках, статьи в научных журналах и сборниках.

Все вышесказанное относится и к книжной культуре русского зарубежья. Несмотря на регулярно защищаемые дипломы специалитета (надеюсь, и на звание бакалавра и магистра), кандидатские диссертации, есть еще немало недостатков и пробелов. За рамками интересов исследователей оказались многочисленные регионы и центры книжного дела русской эмиграции. Практически нет объемных работ, в особенности монографий, посвященных биографиям известных издателей. Совершенно не изучена книжная торговля русского зарубежья, в то время как распространение русской эмигрантской книги — один из самых захватывающих сюжетов отечественной истории издательского дела. К сожалению, изучение книжной культуры, образно выражаясь, топчется у первоначальных сюжетов: издательства первой волны в Берлине, Париже, Харбине, Шанхае, крупнейшие послевоенные («Посев» и «УМСА-Press»), деятельность военной и политической эмиграции, «дипийское» книжное дело и на периферии с журналистикой — история периодических изданий. Нет работ и о современных русскоязычных издательствах. Хотя все исследователи признают, что феномен существования современного зарубежного издательского дела русских диа-

спор («Русского мира», «Дальнего» и «Ближнего» Зарубежья), также нуждается в изучении.

В зачаточном состоянии находится тема «писатель (ученый, общественный деятель) и история его творчества в издании в русском зарубежье».

Проникновение зарубежной русской книги в СССР, «бытование» эмигрантской книги в СССР, реакция советского читателя, история переизданий эмигрантской книги в Советском Союзе, советская цензура и издания русской эмиграции — все это также еще не изучено.

История эмигрантского читателя так и остается в течение последней четверти века на уровне эмпирических умозаключений и предположений. В этой огромной теме, за одним редким исключением, все пока находится на уровне упоминаний, констатирующих сам факт существования эмигрантского читателя.

Насколько известно автору данной работы, пока не опубликовано ни одного труда, посвященного разработке различных проблем теории книговедения у мыслителей русского зарубежья.

Многие сюжеты, «лежащие на поверхности», до сих пор, по единодушному мнению всех историков книги, не разработаны, и в этом состоят дальнейшие перспективы развития.

Главная современная проблема, существующая в изучении книжного дела русской эмиграции — отсутствие системы монографического изучения темы. Должны появиться работы, посвященные издательскому делу русской эмиграции по страноведческому принципу, по «волнам», по организациям, типам издательств, а также о конкретных издательствах. Стоит также и вопрос о создании базы данных всех издательств и издающих организаций русской эмиграции с последующим выпуском многотомного и обязательно коллективного энциклопедического справочника⁴. Для решения этой проблемы должен быть создан координационный всероссийский центр.

⁴ Первая попытка выпуска такого справочника под авторством П.Н. Базанова, С.С. Кремнева, Т.В. Кузнецовой и И.А. Шомраковой «Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник» (СПб., 2005. 336 с.) оказалась неудачной по вине издательства, напечатавшего экземпляры без внесения корректуры, редакторских исправлений и т.д.

Г. Кратц

Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине¹

Аннотация: В статье рассматриваются общие вопросы русского книгоиздательского бума в Германии в 1920-е гг.

Annotation: The article considers general questions of Russian book publishing's boom in Germany in the 1920s.

Ключевые слова: русское книгоиздательство, эмиграция, Германия, «золотой век».

Key words: Russian book publishing, émigré, Germany, «Golden Age».

«Золотым веком» российского книгоиздания в Германии обычно называют период первой половины 1920-х гг., когда богатство и разнообразие русских издательств в Германии отличали этот «век» от предыдущего и последующего. Бросим беглый взгляд на сопредельные с «золотым веком» эпохи.

История русского книгопечатания в Германии восходит к середине XVIII в., когда печатались книги пиетистов в г. Галле. Но после некоторого затишья настоящий расцвет наблюдается только накануне крестьянских реформ. Вслед за лондонскими «вольными изданиями» А.И. Герцена и в Берлине появился целый ряд издательств, большая доля которых работала в поддержку оппозиции в России².

Всего задокументирована продукция 26 издательств и 35 коммерческих типографий, издававших и печатавших русскоязычную литературу в Германии в течение всего XIX в.³ Ближе к концу XIX — началу XX в., наряду с издательствами и типографиями, выпускавшими теперь уже не только общественно-политическую, но и религиозную (Новый Завет в переводе

¹ Настоящая статья основана на наших работах о русских издательствах в Берлине, начавших выходить с 1980-х гг., и прежде всего на двух списках издательств (*Kratz G. Russische Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg // Beyer T.R., Kratz G., Werner X. Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. Berlin, 1987. S. 39–150 (Veröffentlichungen der Osteuropaabteilung Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz; Bd. 7); idem. Russische Verlage und Druckereien in Berlin. 1918–1941 // Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Hrsg. von K. Schlögel. Berlin, 1999. S. 501–569*). Ссылки мы даем только на работы других исследователей и на новые архивные документы, не учтенные ни в моих, ни в их работах.

² См.: *Feyl O. Zu den deutsch-russischen Beziehungen von 1861–1917 im Lichte der Buchgeschichte. Die Berliner Druckhilfe für die russische Opposition im Zarenreich // Jahrbuch für die Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1982. Bd. 25, h. 2. S. 83–105.*

³ См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Книги и периодические издания. 2-е изд., доп. и перераб. [Редкол.: И.В. Морозова (пред.) и др.]. М., 1982. Ч. 3. С. 152, 173–174.

поэта В.А. Жуковского), научную и справочную литературу (библиографии, словари и разговорники)⁴, все больше встречается издательств, выпускавших художественную литературу. Самое известное из них — основанное в 1906 г. «Издательство И.П. Ладыхникова»⁵, выпускавшее, как говорят энциклопедии, в начале своей деятельности «марксистскую литературу» и «сочинения писателей, группировавшихся вокруг “Знания”». Конкретно мы видим запрещенные в России сочинения не только Максима Горького и Леонида Андреева, но и Л.Н. Толстого и др. Появились и издательства, выпускавшие бульварную литературу⁶, такие как издательство Каспари, вплоть до литературы «сугубо эротического характера»⁷, которая продавалась покупателям из «десятков тысяч» русских туристов, «наполнявших» ежегодно в разгар сезона улицы Берлина⁸.

Особая глава в истории русского книгопечатания в Германии — берлинские издания, выпущенные в 1915–1918 гг. специально для русских военнопленных, задержанных в лагерях в Германии. Цель у них была одна — показ военнопленным «плачевного положения... дел на их родине» и «подстрекательство» (*Aufwiegelung*) их против самодержавия⁹. Известна деятельность издательства М.В. Мейера¹⁰.

⁴ См.: *Otten F. Russisch-deutsche Verständigungshilfen. 1799 und 1813 // Bibliothek und Medien. Mitteilungen der ... ABDOS. München, 2012. № 2. S. 1–17.*

⁵ Издательство было основано под названием «Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow», формально с И.П. Ладыхниковым как единоличным собственником (*Handelsregister, Abteilung A, 28040 // Deutscher Reichsanzeiger und (Kgl.) Preussischer Staatsanzeiger (Berlin), 16, 19. Januar 1906*). Следуя данным в литературе, фактически во главе издательства в начальный период стояли, наряду с Ладыхниковым, Е.Д. Стасова и Р.П. Аврамов (*Metzger W. Eine Brücke zwischen deutschem und russischem Geiste // Marginalien (Berlin, Ost). 1987. № 106. S. 59*), который впоследствии, как и Ладыхников, работал в структурах советского торгпредства в Берлине (*Рапорт А. Советское торгпредство в Берлине. Нью-Йорк, 1981. С. 8 и сл.*).

⁶ См.: *Азадовский К.М. Летающий репортер. Штрихи к биографии Михаила Сукенникова // Русский Берлин, 1920–1945: Международ. науч. конф. / Науч. ред. Л.С. Флейшман; сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 274.*

⁷ *Голос Москвы. 1914. 13 (26) июня. № 160. С. 2.*

⁸ *Раннее утро (М.). 1910. 17 авг.*

⁹ *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Weltkrieg № 8b: «Propaganda unter den russischen Kriegsgefangenen durch Herausgabe von Zeitungen», 12.1914 — 04.1918. Bd. R 20867 (из проекта, предложенного графом фон Шверином, на основе которого была инициирована серия «Родная речь», в Военное министерство от 15 января 1915 г.). О месте этого проекта в рамках общеполитической программы фон Шверина см.: *Geiss I. Der polnische Grenzstreifen. 1914–1918. Lübeck, 1960. S. 78 ff (Historische Studien; 378).**

¹⁰ См.: *Колоницкий Б.И. Берлинская газета «Русский вестник», 1915–1919 // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века / [Сост. И.И. Фролова; ред. И.С. Зверева, И.И. Фролова]. СПб., 1996. Вып. 8. С. 133. М.В. Мейер до Первой мировой войны был сотрудником немецкоязычной «Санкт-Петербургской газеты» (*St. Petersburger Zeitung*), при Гитлере сотрудником министерства пропаганды Й. Геббельса, а затем консулом Германии в Новосибирске.*

Менее известна деятельность издательства «Родная речь». Замахнувшееся своим названием на бренд кадетских и околкадетских изданий (петербургской газеты «Речь» и ростовского издательства Н.Е. Парамонова «Донская речь») и скрывшееся под ложным местом издания «Москва, Криво-Арбатский пер., д. 3», это берлинское издательство выпустило серию брошюр (более ста выпусков) тщательно подобранных сочинений классической (от Н.А. Некрасова до Л.Н. Толстого) и современной русской художественной литературы (от М. Горького до Н.А. Тэффи).

Эти брошюры выпускались вперемежку с агитационными брошюрами, отчасти времен революции 1905–1907 гг., отчасти современными, написанными под псевдонимом редактором серии, тогдашним подданным России (Артуром Лютером), нанятым немецкой стороной. Последний даже не стеснялся писать под фамилией другого реально пишущего автора¹¹. Знаменательно, что из первых 90 названий берлинской серии «Родная речь» 35 повторяют издания, выпущенные в Ростове-на-Дону издательством «Донская речь» в период революции 1905–1907 гг.

Редко какое издательство этого периода встречаем после Первой мировой войны. Исключением были прежде всего названные «Издательство И.П. Ладъжникова» и «Издательство Каспари». Директором и собственником обоих был уже с довоенных времен Борис Николаевич Рубинштейн¹², сохранивший марку издательств с фамилией бывших владельцев¹³. Войну

¹¹ Например, Кабанова, автора «Донской речи» (Н.А. Кабанова) (*Кошеверова С.В., Тарасова М.Н.* Каталог издательства «Донская Речь» Н.Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. 2-е изд., испр. и доп. / Науч. ред. Н.В. Самарина. Ростов н/Д, 2006. С. 93–95), только с другими инициалами (М. Кабанов).

¹² Б.Н. Рубинштейн (Bernhard Rubinstein) — старший брат автора и издателя берлинского меньшевистского журнала «Социалистический вестник», видного деятеля Социал-демократической партии Германии Александра Николаевича Рубинштейна (Alexander Stein), и Льва Николаевича Рубинштейна, советского деятеля, не раз бывавшего с официальной миссией в Берлине по линии торгпредства (*Papanek H. Elly und Alexander. Berlin, 2006. S. 315, 355–360*). Александр Штейн (Alexander Stein) упомянут как один из переводчиков авторизованного немецкого перевода «Посмертных художественных произведений» Л.Н. Толстого, вышедшего в 1911–1912 гг. в издательстве И.П. Ладъжникова.

¹³ Судя по записи в Торговом реестре издательство Ладъжникова в 1911 г. было преобразовано в ООО под названием «I. Ladyschnikow Verlag» (Handelsregister, Abteilung B, 9382 // *Deutscher Reichsanzeiger und (Kgl.) Preußischer Staatsanzeiger, 155, 4. Juli 1911*) с писателем и издателем Б.Н. Рубинштейном, названным Минск («Verleger und Schriftsteller Bernhard Rubinstein, genannt Minsk, in Grunewald»), имеющим единоличное право подписи. Надолго ли и в каком размере сохранил свою долю в «Издательстве Ладъжникова» сам Иван Павлович, нам не удалось установить по документам. Дело «Издательства И.П. Ладъжникова» в архиве Торгового реестра в Берлине погибло (эл. письмо Landesarchiv — Г. Кратцу, 1 февраля 2013 г. // Архив Г. Кратца), а архив самого Ивана Павловича в Москве до конца еще не обработан (эл. письмо Д.Д. Николаева — Г. Кратцу, 13 сентября 2010 г. // Архив Г. Кратца). Судя по данным литературы, Ладъжников и московский издатель И.Д. Сытин имели долю в издательстве до 1913 г. С 1913 г. Б.Н. Рубинштейн стал единоличным собственником издательства (*Metzger W. Op. cit. S. 59*). Более детально см. статью А.З. Дуна, став-

он пережил, поставляя литературу своих и других издательств в лагеря военнопленных¹⁴.

Но бум или, точнее сказать, стремительный рост русского книгоиздания после 1918 г. — только частичное продолжение довоенных и военных традиций. Период с 1918 по 1924 г. стал «золотым веком» в силу радикально изменившейся исторической ситуации после Октябрьской революции в России и провозглашения Германии республикой (9 ноября 1918 г.). Из России хлынул невиданный доселе поток эмигрантов за пределы страны, по разным подсчетам от двух в 1921 г. (подсчет В.И. Ленина) до трех миллионов человек в 1924 г.¹⁵ В одном Берлине в конце 1919 г. уже насчитывалось около 70 000 эмигрантов, причем их число ежемесячно увеличивалось на 1000 человек. К эмигрантам, вскоре после возобновления прерванных в 1918 г. торговых (1921) и дипломатических (1922) отношений между Германией и Россией, присоединяются еще граждане Советской России. К тому же до 1922 г. в лагерях все еще находились сотни тысяч и потом десятки тысяч военнопленных царской армии и интернированных солдат Красной армии.

Вся эта многоликость Русского Берлина была отражена в русских издательствах, выпускавших литературу на объединяющем всех, независимо от правового статуса, национальности и гражданства, русском языке.

Начиная с рубежа 1918–1919 гг. в Берлине регистрировались одно за другим русские издательства. Рост числа издательств, зарегистрированных в библиографиях до 1924 г., следующий: 3 издательства в 1918, 7 в 1919, 23 в 1920, 37 в 1921, 80 в 1922 и 87 в 1923 г. Всего зарегистрированных в Торговом реестре и других справочниках, и не только в библиографиях, по нашим подсчетам, набирается в одном только Берлине до 1941 г. 275 издательских и типографских предприятий. Из них 220 издательств, зарегистрированных в библиографиях собственной продукцией. Это 95 процентов всех русских издательств, работающих в этот период в Германии. Остальные 5 процентов распределяются по другим местам издания (Мюнхен, Лейпциг и др.).

Если ограничиться периодом 1918–1924 гг., то эти издательства представляют все группы Русского Берлина:

- Переселившиеся в Берлин, наряду с довоенными издательствами «Ладыжникова» или «Каспари», дореволюционные российские издательства, такие как «А.Ф. Девриен» и «Отто Кирхнер».

шую нам доступной только после завершения работы над данным докладом (Дун А.З. К истории книгоиздательства И.П. Ладыжникова // Уч. зап. Ленинабадского гос. пед. ин-та им. С.М. Кирова. 1972. Вып. 36. С. 96–10).

¹⁴ См.: Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 136.

¹⁵ См.: Börsenblatt. 1924. 31 Dezember. № 304. S. 19413; Das neue Russland. 1924. № 5-6. S. 36.

- Советские государственные и связанные с государственными структурами издательства, такие как «Госиздат», «БИНТ», «Всемирная литература», «Гржебин», «Френкель», «Книга». Посредником этих издательств в Берлине было торговое представительство со своим книгоиздательским отделом, во главе которого теперь стоял Иван Павлович Ладыжников, т.е. тот Ладыжников, имя которого в то же самое время сохранилось как издательская марка на эмигрантских книгах «политически беспринципно-го» Б.И. Рубинштейна, который выпускал теперь «книги разных авторов, включая меньшевиков, кадетов, и даже монархистов», как мы читаем в работе 1967 г.¹⁶

- Группа частных издательств (такие, как «Возрождение», «Геликон», «Накануне», «Обелиск», «Петрополис», «Светозар», «Эпоха» и др.), которые если уж не в форме записи в официальном Торговом реестре, то в марке и на деле сохранили связь с одноименным издательством в России.

- Типографская артель «Печатное искусство», работающая в лагере военнопленных в Вюнсдорфе под Берлином, например, на издательство «Елочка». Это было к тому же и издательство «Новый мир», работавшее на интернированных в Германии бойцов Красной армии (попавших на немецкую территорию и впоследствии в лагерь в ходе польской кампании). Директором издательства был Эрнст Рейтер, бывший председатель Поволжского комиссариата по немецким делам, теперь Генеральный секретарь Коммунистической партии Германии и будущий (после Второй мировой войны) правящий бургомистр Западного Берлина.

- Издательства политических партий, такие как группа русских анархистов в Германии, «Двуглавый орел», «Евразийское книгоиздательство» с директором А.В. Меллером-Закомельским, будущим идеологом и вождем русских национал-социалистов, автором «Очерков по еврейскому вопросу», вышедших под псевдонимом А. Мельский и без указания места, с шифром «В 57» вместо издательской марки, под заглавием «У истоков великой ненависти» в 1942 г.¹⁷

- Религиозные издательства западных церквей, такие как Британское и иностранное библейское общество и издательство ИМКА, фигурирующее

¹⁶ Подобная характеристика основывалась на «Секретном бюллетене» иностранного отдела Главлита за 1922 г. (см.: Назаров А.И. Октябрь и книга. М., 1967. С. 257. См. также: Блюм А.В. За кулисами Министерства правды. СПб., 1994. С. 198; Динерштейн Е.А. Российское книгоиздание (конец XVIII — XX в.): Избранные статьи. М., 2004. С. 376). Соответственно, и в «Краткой литературной энциклопедии» подчеркивалось, что «унаследовавшее ... название» до войны издательство уже «не имело ... отношения» к изначальному издательству Ладыжникова (Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М., 1966. Т. 3. С. 965).

¹⁷ Чистяков К.А. Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930 гг. // Русский Берлин, 1920–1945. С. 417. Примеч. 18.

в библиографиях под разными марками (Издательство Y.M.C.A. Press, Издательство X.C.M.L., Американское издательство The YMCA Press Ltd., Издательство Русской секции Американского христианского союза молодых людей). Одновременно видные представители зарубежной русской православной церкви жалуются, что «книги религиозно-нравственного содержания почти не выходят из печати» (епископ Берлинский Тихон (Лященко)), несмотря на то что в 1924–1925 гг. «полтора миллиона русских православных людей» (подсчет парижского митрополита Евлогия) находятся «в заграничном скитании»¹⁸.

- «Сионистское», по определению Главлита¹⁹, издательство С.Д. Зальцмана, которое «специализировалось на издании на русском языке книг по еврейскому вопросу или переводов (с жаргона) на русский язык еврейских авторов»²⁰, таких как книги Х. Бялика и В. Жаботинского или «Рембрандт и еврейство в его творчестве» (1923) Л.О. Пастернака.

Трудно выяснить финансирование всех этих издательств, за исключением тех, которые в Торговом реестре или в печати сами указывают на связь с немецкими издательствами. Такие, как «Слово» (работающее на деньги видных кадетов и издательского концерна «Ульштейн»), «Врач» (работающее совместно с солидным медицинским издательством «Урбан и Шварценберг»), «Нева (директором наряду с рижанином Виктором Карловичем Струве (Victor von Struve), впоследствии известным кинопродюсером, был один из владельцев старейшей (с 1861 г.) берлинской типографии русских книг и издательства библейских изданий «Тривицш и сын»), «Знание» (основано по инициативе бывшего дореволюционного переводчика с немецкого «первой биографии» Л.Н. Толстого²¹ и теперь редактора газеты «Голос России» С.Я. Шклявера с концерном «Моссе» как главным пайщиком).

Общее количество всех книг, изданных в Берлине до рубежа 1923/24 гг., составляет, по разным данным, то 3735²², то 4200²³, и даже 7000 названий²⁴. Последняя цифра редактора критико-библиографического журнала А.С. Ященко, возможно, спекулятивная.

¹⁸ Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера) / Подгот. изд. Ю.Л. Сидякова. Рига, 2008. Т. 1: Письма и другие документы. С. 18, 60 (Русский мир и Латвия; вып. 14).

¹⁹ Блюм А.В. Указ. соч. С. 201.

²⁰ Новая русская книга (Берлин). 1922. № 2 (февраль). С. 32–33.

²¹ Левенфельд Р. Граф Лев Толстой / Пер. с нем. С. Шклявера. СПб., 1896; он же. Первая биография Льва Толстого / Пер. с нем. Л.М. Кулаевой. Ростов н/Д., 2011. С. 4.

²² См.: Каталог книг, вышедших вне России. Берлин, 1924. С. VI.

²³ См.: Русская зарубежная книга. Прага, 1924. Ч. 2: Библиогр. ук. 1918–1924 гг. С. 2 (Труды комитета русской книги; 1).

²⁴ См.: Jaschtschenko A. Das russische Buch in Deutschland // Das deutsche Buch. 3. Jg. Sonderheft «Rusland». Leipzig, 1923. S. 49.

Есть и другие, кроме наличия читателя, причины такого издательского бума — технические, юридические и коммерческие (финансовые). Это «традиционно высокая техническая постановка печатного дела в Германии»²⁵, либеральный закон о печати в Германии и длившаяся с 1919 г. до декабря 1923 г. инфляция, которая превратила русское книгоиздание в Берлине в очень прибыльное дело. Ведь требуемый законом основной капитал ООО (GmbH), как наиболее распространенной юридической формы предприятия, был 20 000 марок, которые очень быстро обесценивались в ходе инфляции. Например, в июле 1923 г. основной капитал, требуемый для открытия ООО, теперь уже 500 тысяч инфляционных марок, соответствовал цене десяти «самых дешевых обедов в кабаке»²⁶.

И еще нагляднее: Иван Наживин в 1922 г. рассказывал об одной книге, которая стоила издателю 6–7 марок, продавалась в Берлине за 85 марок, а в Соединенных Штатах за 1 доллар, т.е. за 300 марок²⁷. И это притом, что только 10 процентов обычного тиража берлинской русской книги расходились в самом Берлине. Все остальные экземпляры продавались в страны с высокой валютой, прежде всего в США. В ночь с 31 декабря 1923 г. на 1 января 1924 г. Германия перешла на твердую валюту. Моментально требовалось переоформить свое предприятие и по-новому заложить основной капитал, только теперь в новых рейхсмарках. В течение последующего времени одно за другим издательства, которые не были в состоянии заложить эти новые деньги, самоликвидировались или были ликвидированы в административном порядке. Переход на золотую валюту, таким образом, обозначает конец «золотого века» инфляции.

Начался второй период, длившийся примерно с 1924 г. до конца 1920-х — начала 1930-х гг., скорее, период «прозябания»²⁸ русского издательского дела. Не зря же в 1928 г. и кончается текущее библиографирование русских изданий в Германии в библиографии, составленной Львом Сергеевичем Левенсоном, сыном владельца известной московской типографии и теперь научным сотрудником Института по восточноевропейской истории Берлинского университета²⁹. Часть издательств перешла на издание книг на немецком языке («Дьякова», «Обелиск», «Ладыжников»), на что указывала современная печать³⁰,

²⁵ Русская книга (Берлин). 1921. № 2 (февраль). С. 15.

²⁶ *Никитин Н.Л.* Сейчас на западе. Л.; М., 1924. С. 33.

²⁷ См.: *Наживин И.* Среди потухших маяков. Берлин, 1922. С. 228. Примеч.

²⁸ См.: *Гессен И.В.* Годы изгнания. Paris, 1979. С. 113.

²⁹ См.: *Loewenson L.* Russisches Schrifttum im Ausland. 1926–1928 (Bibliographie) // Osteuropa. Berlin, 1928/29. Jg. 4. S. 526–534, 617–618, 710–713, 797–802, 869–875; 1929/30. Jg. 5. S. 74–77, 149–153.

³⁰ См.: *Д.* Кризис русского книжного дела в Германии // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. С. 85

«транспонировались на немецкий лад», как писалось в письме современника³¹.

Из 186 русских издательств, зарегистрированных до 1928 г., в 1926–1928 гг. только 11 издательств, работающих еще с периода «золотого века», активно выпускали литературу. К этим 11 издательствам еще надо причислить 4 новых издательства, которые впервые выступают в период 1926–1928 гг. Из великанов «золотого века» — «Ладыжников» (выпустивший 485 названий во время своей издательской деятельности в указанный период и без книг на немецком языке), «Гржебин» (выпустивший 218 названий во время своей издательской деятельности), «Слово» (выпустившее 143 названия во время своей издательской деятельности) — выбыл пока только «Гржебин», издательство, которое было погашено в Торговом реестре административным путем в 1926 г. «Ладыжников» и «Слово» продолжали, хоть и слабо, издательскую работу. Прежде всего они теперь занимались книготорговым делом, продавая имеющиеся у них на складах книги, собственные и купленные у ликвидированных издательств. Это было прибыльное дело и для других издательств. Например, для «Петрополиса» и фирмы «Москва», особенно после того, как «Москва» в 1928 г. купила книготорговую ветвь «Слова» — фирму «Логос»³² и образовала Объединенные книжные склады «Москва–Логос» (1931 г.)³³.

На «золотой век» только ностальгически намекалось. АО «Москва–Логос» приступило к изданию серии «Золотая библиотека» — «в подарочных коленкорových переплетах с золотым тиснением»³⁴. Но более близкий взгляд показывает нам, что изданные в этой серии книги не что иное, как повтор в старой орфографии книг из одноименной дореволюционной серии Петербургского издательства М.О. Вольфа³⁵ под редакцией Людвиг Маврикиевича Вольфа, сына основателя издательства³⁶.

³¹ Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» // Русская литература. 1991. № 1. С. 200.

³² ГАРФ. Ф. Р-8324. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

³³ ГАРФ. Ф. Р-5897. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

³⁴ Крылов И.А. Полное собрание басен с 32 рисунками Н. Олшанского и П. Беллингерста. Берлин; Париж, [1929]. (Золотая библиотека).

³⁵ См.: Крылов И.А. Полное собрание басен с биографией М.Н. Никольского, с 32 рисунками Н. Олшанского и П. Беллингерста. СПб.; М., 1900. (Золотая библиотека).

³⁶ Людвиг Маврикиевич Вольф (Ludwig Wolff; 1865 — ?), бывший владелец и председатель правления (1900–1918) петербургского / петроградского «Т-ва М.О. Вольф». Жил после революции в Висбадене (Luther A. Aus der Geschichte des russischen Buchhandels // Börsenblatt. 1922. 18. März. № 66. S. 345) и потом в Берлине (последнее упоминание в Берлинской адресной книге на 1933 г.). Его внучка Katharina Wagenbach-Wolff по сей день издает для любителей избранные шедевры русской литературы в немецком переводе.

На предстоящий окончательный переход от «золотого века» к другим временам намекают теперь те немногочисленные издательства-однодневки, которые выпускают до начала 1930-х гг. то одну, то две книги, чаще всего авторства самого издателя. Так, в 1931 г. известный писатель-меценат А.П. Буров выпускает под грифом издательства «Новая литература» («Neue Literatur») сборник своих рассказов «Под небом Германии» в русском и параллельном немецком издании. Последнее сопровождается предисловием писателя Осипа Дымова, который здесь в 1931 г. говорит о чувстве «благодарности» по отношению к «бедной» послевоенной Германии, давшей приют «пасынкам» России-мачехи, «почти все из которых — евреи»³⁷. И это всего через год после того, как его самого в штуттгартском театре встретили криками «Вышвырнуть евреев вон отсюда!».

А Яков (Исидорович ?) Трахтенберг, издавший в начале 1930-х гг. свой «Самоучитель русского языка», в составлении которого участвовали даже литературные силы Русского Берлина³⁸, опубликовал в пик антиеврейского бойкота и еврейских погромов в Германии начала 1933 г. книгу на немецком и других западноевропейских языках, о том, что «немецкие евреи сами говорят», что громкие заявления или «страшилки» о зверствах по отношению к евреям в гитлеровской Германии — «сплошная ложь». Все это под конфузлившим читателя названием «Greuelpropaganda ist Lügenpropaganda — Das sagen die deutschen Juden selbst» (Berlin, 1933). И А.В. Матанкин, посвятивший еще в 1917 г. брошюру одному из лидеров кадетской партии³⁹, теперь, в начале 1930-х гг., в издательстве «Будущая Россия» (1931)⁴⁰ и позже в собственном издательстве выступает уже как «теоретик русского национал-социализма»⁴¹.

Последний рубеж — приход к власти Гитлера в 1933 г., после чего сильно сокращается число издательств.

Свернули свою деятельность и советские издательские структуры в Берлине. «Книга» ликвидировалась к 1935 г. Стоявший во главе всех советских издательских проектов в Берлине Иван Павлович Ладыжников вернулся в Москву и умер там в 1945 г. своей смертью. Иная участь ждала последнего

³⁷ *Вуров А.* Unter deutschem Himmel. Berlin, 1931. S. 10–11. Подробнее см.: *Обухова-Зелиньска И.* Осип Дымов. Путешествие сквозь социокультурные пространства // Русские евреи в Америке: Сб. ст., эссе, док. / Ред.-сост. Э. Зальцерг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2012. Кн. 6. С. 85. См. также: *Кратц Г.* Тени над Гарлемом // Там же. 2013. Кн. 7. С. 91, 101. Примеч. 138.

³⁸ См.: *Schiff S. Vera.* Ein Leben mit Vladimir Nabokov. Reinbek b. Hamburg, 2001. S. 552.

³⁹ См.: *Азадовский К.М., Суперфин Г.Н.* Русский в Германии. Одиссея профессора Матанкина // *Donum Homini Universalis*: сб. ст. в честь 70-летия Н.В. Котрелева / Сост. Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Г.В. Обатнин. М., 2011. С. 19.

⁴⁰ У К.М. Азадовского и Г.Н. Суперфина датируется 1938 г. (См.: Там же. С. 37. Примеч. 77.)

⁴¹ *Азадовский К.М., Суперфин Г.Н.* Указ. соч. С. 26.

фактического руководителя «Книги» Фридриха (Frederic) Христофоровича Бергмана. Засыпавший в годы своей деятельности в Берлине то «секретную часть» Межкниги, то Главлит, то Отдел печати ЦК ВКП(б) бесчисленными сообщениями доносного характера⁴², с грифом то «доверительно», то «секретно», то «не подлежит оглашению», о внутренней жизни книжного мира Русского Берлина, он, вскоре по возвращении, был арестован, обвинен в «шпионской деятельности», приговорен к высшей мере и расстрелян 10 июля 1938 г.

Его предшественник Петр Петрович Крючков, издававший в течение всей своей деятельности в «Книге» сочинения М. Горького, вскоре по возвращении и после того, как на страницах «Правды» появилось его признание, что: да, «я убил Максима Горького»⁴³, был расстрелян 15 марта 1938 г. Даже вернувшийся на много лет раньше в Москву бывший содиректор берлинского «Книгоиздательства писателей» (1922–1928), теперь член Союза советских писателей, Глеб Васильевич Алексеев был арестован той же весной 1938 г., обвинен в «участии в антисоветской террористической организации» и расстрелян 1 сентября 1938 г.

Между тем в Берлине, сразу после прихода к власти Гитлера, бывшие и действующие руководители русских издательств были отправлены в концлагеря. Кого-то отправили туда как не соответствующего по своей политической ориентации курсу нового правительства, как, например, сразу после поджога Рейхстага в 1933 г. бывшего издателя «Нового мира» Эрнста Рейтера или директора «Ладъжников» Б.Н. Рубинштейна. Кого-то отправили сразу после путча Рема в 1934 г., подозревая в тех же уклонах, что и у самого Рема. Еще кого-то посадили просто «по недоразумению» (как Романа Гуля, бывшего редактора издательства «Taurus-Verlag», переименованного издательства «Глагол»)⁴⁴.

Некоторые издательства сразу после 1933 г. были погашены административным путем. Примером могут служить издательства «Врач», «Гутнов», «Ефрон», «Знание», «Каспари».

Кое-кто из издателей эмигрировал, и издательства прекратили работу. В 1933 г. издательство «Ладъжников» перестало работать, и выпущенный только что из концлагеря Рубинштейн эмигрировал во Францию. Гессен в 1935 г. эмигрировал в США, и «Слово» перестало работать. На его место встало издательство «Новое слово» (1933–1944), скоро приступившее к изданию речей Гитлера на русском языке.

⁴² См.: ГАРФ. Ф. Р-8324. Оп. 1. Д. 29. Л. 4, 5; Д. 40. Л. 19.

⁴³ Правда. 1938. 10 марта. № 68. С. 3.

⁴⁴ См.: Р.Б. Гуль — К.А. Федину, 28 авг. 1925 г. // Только одна человеческая жизнь. Саратов, 1993. С. 118 (Фединские чтения; 3).

Но кое-какие издательства продолжали работать. Образовались даже новые. Например, целый ряд православных издательств, автором и издателем которых, не всегда с высшей церковной санкции⁴⁵, был тогдашний настоятель храма Святого равноапостольного князя Владимира в Берлине (1932–1945) архимандрит Иоанн (Шаховской), после войны — архиепископ Иоанн Сан-Францисский (православное миссионерское издательство «За Церковь», издательство прихода Св. равноап. князя Владимира, Марфо-Мариинское подворье).

Из старых издательств продолжало работать «Петрополис» (1922–1938), среди руководителей которого были братья Барух (Baruch) и Давид (David) Каган (Kahan <sic!> из семьи нефтепромышленников. Брат Baruch⁴⁶ в 1923 г. был в числе пяти пайщиков-учредителей АО, а брат David в числе трех членов наблюдательного совета. «Петрополис» успешно работал, особенно на книготорговом рынке, до 1938 г., торгуя уже с начала 1930-х гг. книгами других издательств, имеющимися у них на складе (в т.ч. издательств «Москва» и «Парабола»). В июле 1938 г. «Петрополис» «аризировали». Выбыли пришедшие еще из петроградского «Петрополиса» Я.Н. Блох и А.С. Каган. David Kahan, по данным литературы⁴⁷, уже в апреле 1933 г. эмигрировал. Вскоре после «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 г. собрание акционеров «Петрополиса» решило самоликвидироваться. Подробное исследование всего этого процесса производится в рамках проекта Верены Дорн⁴⁸.

Скоро на место «Петрополиса» встало «Русское национальное издательство» (с февраля 1939 г.) с редактором гитлеровской русской газеты «Новое слово» В.М. Деспотули в качестве главного редактора. Только слабым намеком на старые времена стала выпущенная «Русским национальным издательством» в старой орфографии перепечатка дореволюционного собрания басен Крылова⁴⁹, которое уже издавалось таким же набором,

⁴⁵ См.: Косик В.И. Русское церковное зарубежье. XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. М., 2008. С. 185–186.

⁴⁶ Baruch Kahan, англ. вариант Cohen, русский вариант не известен. Имя отца, следуя архивной записи, данной в Интернете (Фил. ЦГИА УССР в г. Харькове. Ф. 768. 650 ед. хр., 1894–1918): Каган, Хаим Наумович, нефтепромышленник. Генеалогию семьи Хаима Кагана, см.: <http://www.myheritage.com/site-family-tree-58182141/a-celebration-gita?lang=DE#!profile-2000132>. Фото см.: <http://www.jmberlin.de/berlin-transit/orte/kahan.php?ansicht=historisch>.

⁴⁷ См.: Kühn-Ludewig M. Jiddische Bücher aus Berlin. 1918–1936. 2., erg. Aufl. Nümbrecht (Bruch), 2008. S. 192.

⁴⁸ См.: О текущем проекте по исследованию истории семьи нефтепромышленников Kahan см. сообщение о проекте профессора В. Дорн: <http://www.hist.uni-hannover.de/7984.html>.

⁴⁹ См.: Крылов И.А. Басни. [Полное собрание басен с 32 рисунками Н. Олшанского и П. Беллингерста]. Берлин, [1940].

только под другой обложкой в начале 20-х гг. в издательстве «Москва» и в конце 1920-х гг. в АО «Москва—Логос». В 1940 г., однако, уже не было никакого указания на «Золотую библиотеку»⁵⁰. На первом месте у «Русского национального издательства» стояло издание других книг, таких как книга «писателя-националиста и антисемита» (по собственному определению) Ивана Александровича Родионова, которого до этого не хотела печатать «наша большая зарубежная пресса... покорная раба своих повелителей-евреев»⁵¹.

Он же в своем трактате «Царство сатаны» воспринимал обещанный Гитлером «Тысячелетний рейх» как предстоящую «реализацию» «Тысячелетнего царства» Откровения Иоанна Богослова. Царства, которое наступит в его толковании или «перетолковывании» Откровения⁵² с момента низвержения сатаны и его «земного сына — всемирного еврейства»⁵³. С момента — страшно его цитировать — «поголовного и беспощадного истребления» и «уничтожения еврейского племени», которое «подлежит полному и окончательному уничтожению», «будет физически истреблено, как бы сожжено, ... как особый народ», и, когда «погибнет их ... 5–6 миллионов», оно «существовать уже не сможет»⁵⁴. Помощниками в этой «грандиозной вивисекции, уничтожить целый народ» он видит «немцев»⁵⁵. Особенно теперь, после того, как «20 января 1933 года благое Провидение послало немцам великого человека. Имя ему Адольф Хитлер»⁵⁶. Умер Родионов 24 января 1940 г. Почти в день его смерти — только два года спустя (20 января 1942 г.) — предсказания его нашли официальное оформление рукой Адольфа Эйхмана в протоколе Ванзейской конференции по «окончательному решению еврейского вопроса».

В концентрационные лагеря теперь были депортированы эмигрировавшие во Францию бывший директор «Геликона» А.Г. Вишняк⁵⁷, бывший

⁵⁰ Книги этой серии, просмотренные нами de visu, не дали ответа на вопрос, как понять тот факт, что набор издания И.А. Крылова в дореволюционном издании Вольфа, напечатанном под маркой издания в типографии М.О. Вольфа в Санкт-Петербурге, и в эмигрантском издании «Москвы» начала 1920-х гг. и АО «Москва—Логос» (оба издания без указания типографии) абсолютно идентичен.

⁵¹ Родионов И.А. Царство сатаны. Берлин, б.г. С. 1.

⁵² Странник [Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)]. Переписка с ген. П.Н. Красновым // Континент. 1988. № 56. С. 317.

⁵³ Родионов И.А. Указ. соч. С. 64.

⁵⁴ Там же. С. 45, 46, 60, 76, 77.

⁵⁵ Там же. С. 43, 76.

⁵⁶ Там же. С. 43–44.

⁵⁷ Бывший директор «Геликона» А.Г. Вишняк был депортирован из лагеря Дранси во Франции в Аушвиц уже 14 сентября 1942 г. (см. <http://db.yadvashem.org/names/nameDetails.html?itemId=3226818&language=en#!prettyPhoto>).

директор «Ладъжникова» Б.Н. Рубинштейн⁵⁸ и оставшийся до этого, по всей видимости, в Германии бывший директор фирмы «Москва» А.С. Закс⁵⁹. Никто из них оттуда не вернулся.

Остались как свидетели их дел — книги ими изданные, но будто мертвые в библиотечных хранениях, только изредка выставляемые на показ. До 1920-х гг. библиотеки прятали германские издания в своих фондах как «секретный материал»⁶⁰. Но с начала 20-х гг. выставляли их в Петрограде и в Москве, вплоть до большой выставки немецкой книги в Москве в 1923 г.⁶¹ и еще камерной московской выставки берлинского издательства «Нева» в 1925 г.⁶² После этого власти опять вернулись к дореволюционной практике засекречивания заграничных изданий в «спецхранах» и книжных «политизоляторах»⁶³. Только начиная с послеперестроечного времени мы видим берлинские издания на выставках, например на грандиозной выставке «Берлин — Москва / Москва — Берлин», показанной в 1996 г. в Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина⁶⁴. С 2013 г. на постоянной основе в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына действует выставка «Золотой век российского книгоиздания в Германии»⁶⁵.

Час возрождения берлинских русских изданий настал раньше, во время перестройки в СССР, когда перепечатывались репринтным способом, в первую очередь, издания периода «золотого века». Вспоминая греческий

⁵⁸ Борис Рубинштейн (Bernhard Rubinstein; 1880–1944) был арестован в Париже и депортирован в Аушвиц, где и погиб, по свидетельству дочери. ([http://db.yadvashem.org/names/nameDetails.htm?itemId=4344417&language=en#!prettyPhoto\[gallery2\]/1/](http://db.yadvashem.org/names/nameDetails.htm?itemId=4344417&language=en#!prettyPhoto[gallery2]/1/)). Директора «Издательства Ладъжникова» Bernhard Rubinstein'a нельзя смешивать с его полным тезкой, уроженцем Вены, Bernhard'ом Rubinstein'ом, владельцем магазина «Книга почтой» в г. Линц, отправленным в концентрационный лагерь Дахау в 1938 г.

⁵⁹ В 1942 г. погиб в концентрационном лагере, по свидетельству родного брата (*Schüring M. Minervas verstossene Kinder. Göttingen, 2006. S. 84–85*), А(ндрей) С(еменович?) Закс (Генрих Закс, Heinrich Sachs; 1892–1942), сын московского купца Зигфрида Игнатъевича Закса, владелец берлинских книготорговых и издательских фирм «Москва», против которого уже в 1939 г. берлинское гестапо возбудило производство преследования с целью установления его «расового происхождения» (*rasische Abstammung*), с целью узнать, действительно ли он «немецкой крови» «по происхождению» (*deutschblütige Abstammung*).

⁶⁰ Андерсон В.М. Вольная русская печать. Пб., 1920. С. VII.

⁶¹ См.: Кратц Г. Московская «Выставка немецкой книги». 1923 г. // Книга: Исследования и материалы. М., 2012. Сб. 95. С. 85–97.

⁶² См.: Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги: Воспоминания. М., 2011. С. 140–141.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-8324. Оп. 1. Д. 40. Л. 173.

⁶⁴ Берлин–Москва = Berlin–Moskau. 1900–1950. München; N.Y., 1995. С. 655–688.

⁶⁵ Кратц Г. Золотой век российского книгоиздания в Германии // Библиография. 2013. № 1. С. 112–113; [Круглый стол «История российского книгоиздания в Германии. Судьбы художников русского зарубежья»] // ХиП (М.). 2013. №2 (17). С. 29.

термин «анастатического» печатания, т.е. старый термин для обозначения репринтных изданий, можно даже говорить об «анастасисе», или «воскресении», этих книг.

Более широкое переиздание чуть ли не всех упомянутых книг мы видим теперь в цифровом XXI в. Невольно оно ведет нас обратно к Откровению Иоанна (Отк. 20: 11–12), где упоминается не только второе «воскресение», но и «вторая смерть» после «Тысячелетнего царства». Когда Иоанн «увидел... великий белый престол и Сидящего на нем... И увидел... мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были... и судимы были мертвые по написанному в книгах» и «сообразно с делами своими».

А.В. Голубев

«Хроникерские и хронические выдумки»: эмигрантская пресса в СССР в 1920–1930-е гг.

Аннотация: Статья посвящена малоизученному сюжету о распространении в СССР эмигрантской прессы в 1920-е — начале 1930-х гг. Речь идет об отношении советского руководства и населения к ее распространению, о путях распространения, об основных изданиях, попадавших в СССР, и мерах по ограничению доступа к ним читателя.

Annotation: The paper is devoted to a poor-studied problem dealing with the distribution of émigré press in the USSR in the 1920s — the beginning of the 1930s. The aim of the article is to study the attitude of Soviet authorities and population to distribution of émigré press, ways of distribution, chief editions received in the USSR and measures for a limitation of access to them for readers.

Ключевые слова: советское общество, межвоенный период, эмиграция, пресса, цензура.

Key words: Soviet society, interwar period, emigration, press, censorship.

В постсоветской историографии советское общество, особенно применительно к периоду 1930–1950-х гг., часто определяется как «закрытое». Одни авторы формулируют это достаточно безапелляционно: «Информационная блокада явилась частью общей блокады сферы духовной жизни народа... С начала 1930-х гг. можно говорить о полной информационной блокаде в СССР», — утверждает, например, И.В. Павлова¹. Другие подчеркивают, что «административно-чиновничья система особые старания прилагала для изоляции общества от событий и явлений, происходивших в зарубежном мире»². Третьи отмечают лишь создание предпосылок «закрытого общества»³. Но вместе с тем само применение данного термина вызывает у части исследователей советского общества явное отторжение. Нередко в этой связи встречаются упоминания о пролетарском интернационализме, об обостренном интересе к внешнему миру у молодежи, особенно в связи с ожиданиями мировой революции, о «всемирной отзывчивости» русской культуры и т.д.⁴

¹ Павлова И.В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: Материалы региональной науч. конф. / Под ред. С.А. Красильникова. Новосибирск, 2000. С. 40, 45.

² Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 165.

³ См., напр.: Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.) СПб., 1999. С. 101.

⁴ Подробнее см.: Голубев А.В. «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // ОИ. 2004. № 4. С. 32–53.

Конечно, вряд ли можно точно измерить степень «закрытости» того или иного общества от внешнего мира. Тем не менее вопрос о том, какая именно тенденция: на «закрытость» или «всемирность» — в эти годы преобладала, заслуживает специального рассмотрения.

Прежде всего необходимо не смешивать два понятия: «закрытое государство» и «закрытое общество». История знает действительно закрытые государства (классический пример — Япония эпохи сегуната), однако СССР в те годы поддерживал дипломатические, торговые, культурные отношения со многими странами, советские граждане выезжали за рубеж, в СССР существовала достаточно многочисленная иностранная колония. Более того, господствующая идеология претендовала на «всемирность», особенно в первые послереволюционные годы. Впрочем, и накануне Второй мировой войны в официальной пропаганде подчеркивалась перспектива превращения СССР в «мировую республику»⁵. Существовала развернутая инфраструктура, специально предназначенная как для революционной деятельности и пропаганды, так и для расширения официальных культурных, научных и общественных связей с заграницей. Нет особой необходимости доказывать, что эти структуры лишь формально могли считаться общественными, фактически же выполняли функции, возложенные на них государством, создавались и финансировались им. С другой стороны, на Западе многие интеллектуалы левого толка воспринимали СССР именно как прообраз «новой цивилизации», могущей служить образцом для всего мира. Так, книга видных английских социологов С. и Б. Вебб, вышедшая впервые в 1935 г., называлась «Советский Союз — новая цивилизация?», причем вопросительный знак, содержащийся в заглавии, снимался всем содержанием книги⁶. Подобные представления активно поддерживались советской пропагандой. Уже поэтому определение «закрытое» в отношении государства представляется преувеличением.

С другой стороны, «закрытым» может считаться общество, замкнутое по отношению к иным социумам, убежденное в превосходстве собственной культуры, религии, образа жизни. Черты такого общества можно найти, скажем, в той же Японии, средневековом Китае и даже, в некоторой степени, в Московской Руси. Однако советское общество характеризуется обостренным и разносторонним интересом к внешнему миру. В первой

⁵ Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / Под ред. А.В. Голубева. М., 1998. С. 90.

⁶ См.: Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М., 2004. С. 176–177; Куликова Г.Б. СССР 1930-х гг. глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Под ред. А.В. Голубева. М., 2002. Вып. 2. С. 183.

половине XX века в России и СССР происходит, без преувеличения, настоящая революция в инокультурных представлениях⁷.

Да и в массовом сознании, в том числе и благодаря развернутой системе пропаганды, а также успехам советской культурной дипломатии, СССР, как правило, отнюдь не воспринимался как «закрытое» общество. В газетах постоянно появлялись отчеты о пребывании иностранных делегаций, развернуто цитировались положительные (и, конечно, замалчивались отрицательные) отзывы гостей из-за рубежа о жизни в СССР. «Советские музыканты, певцы, шахматисты завоевывали лавры на международных конкурсах, и росло ощущение принадлежности к большому миру за пределами наших непроницаемых границ», — писал позднее в своих мемуарах переводчик В.М. Бережков⁸. Подобное восприятие мира часто воспроизводится в воспоминаниях о тех годах.

Тем не менее тенденция, направленная на «закрытость» если не государства (заинтересованного, в частности, в сохранении и расширении сферы политического и экономического влияния, в получении из-за границы современного оборудования и новейших технологий), то, по крайней мере, общества, в политике советского руководства тех лет прослеживается вполне явственно. Это проявлялось в стремлении контролировать и ограничивать как получение достоверной информации о жизни за рубежом, так и всевозможные личные (т.е. существующие помимо официальных) контакты советских граждан с иностранцами.

В историографии иногда встречается утверждение, что информация о жизни зарубежных стран свободно поступала в СССР. «Самоизоляция СССР всегда была весьма относительной. Благодаря книгам, фильмам заинтересованные советские граждане могли ознакомиться с бытом других народов», — пишет современный российский исследователь⁹. Однако книги или фильмы о жизни и быте других стран подвергались тщательному отбору, часто переводились или дублировались со значительными купюрами. Это относилось и к изобразительному искусству, и даже к музыке.

Пожалуй, наиболее образно охарактеризовал ситуацию в июле 1929 г. М.М. Пришвин: «Наша республика похожа на фотографическую темную комнату, в которую не пропускают ни одного луча со стороны, а внутри все освещено красным фонариком...»¹⁰

⁷ См.: Голубев А.В. Революция в инокультурных представлениях российского общества // Граждано-генез в России / Под ред. В.Д. Мехедова, В.Ф. Блохина. Брянск, 2009. Кн. 1. С. 144–175.

⁸ Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 262.

⁹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М., 1999. С. 135.

¹⁰ Пришвин М.М. Дневники / Подгот. текста, коммент. Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М., 2004. Кн. 6: 1928–1929 гг. С. 432.

Основным источником информации о внешнем мире служили советская пресса и радио. В материалах так называемого «Гарвардского проекта»¹¹ есть данные о том, что газеты служили основным источником информации для 59% служащих, 47% представителей интеллигенции, 30–35% рабочих и 18% колхозников. На втором месте стояла устная информация, проще говоря, слухи, которые служили основным источником информации для 60% колхозников, 34% представителей интеллигенции, 43% рабочих (для квалифицированных рабочих этот показатель составлял 26%). На третьем месте стояло радио — его в качестве основного источника указывали от 9 до 22% опрошенных¹². Правда, для школьников, как было установлено одним из обследований 1920-х гг. важнейшим источником социально-политических представлений являлись как раз слухи, домашние или уличные разговоры и т.п. (этот источник назвало свыше 20% опрошенных); соответственно, занятия по политграмоте и чтение газет и другой политической литературы заняли второе и третье место¹³. Однако необходимо учитывать, что применительно к информации о внешнем мире слухи появлялись преимущественно на основании газетных публикаций¹⁴.

Уже в 1920-е гг. наблюдатели отмечали как рост интереса в массах, в деревне в том числе, к газетным материалам, так и умение читать их. Как записал в своем дневнике в январе 1929 г. М.М. Пришвин, «многие за последнее время простые люди привыкли газеты читать, и им легко вспомнить, как странно казалось им в газете при первоначальном неумении выбирать нужное, встречать один за другим разнородные, не связанные между собой факты»¹⁵.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Большинство советских граждан, в том числе политическая элита 1920–1930-х гг., не владело в достаточной степени иностранными языками и, следовательно, не могло использовать для этого западную прессу или сообщения иностранного радио.

Впрочем, поступление иностранной прессы в СССР было очень ограниченным: списки допущенных и запрещенных изданий пересматрива-

¹¹ В 1950–1951 гг. сотрудники Гарвардского университета опросили несколько тысяч т.н. «перемещенных лиц». Материалы этих опросов легли в основу многих социологических и политологических работ о сталинском обществе, изданных в США в 1950–1960-е гг.

¹² См.: *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003. С. 143.

¹³ См.: *Бернштейн М., Гельмонт А.* Наша современность и дети: Педологическое исследование о социальных представлениях современных школьников. М.; Л., 1926. С. 174.

¹⁴ См.: *Голубев А.В.* Слухи как форма бытования представлений о внешнем мире в советском обществе 1920-х годов // *Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. ст. / Под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой и др. Челябинск, 2011. С. 256–275.

¹⁵ *Пришвин М.М.* Дневники. Кн. 6. С. 351.

лись и утверждались на Политбюро. Но и к «разрешенной» прессе даже в столицах доступ имели немногие. Что же касается провинции, можно привести в качестве примера материалы из фонда Омского обллита. И в годовом отчете за 1922 г., и в полугодовом за вторую половину 1925 г. содержатся похожие фразы: «Иностранных газет и журналов через гублит в пределах Омска и губернии не распространялось» (1923); «через Омский окрлит иностранные газеты не проходили и не проходят» (1925)¹⁶.

В 1920-е гг. иностранные издания в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке.

Как только по окончании Гражданской войны была восстановлена почтовая связь с заграницей, среди советского руководства оживились опасения, связанные с проникновением таким путем иностранной (прежде всего эмигрантской) периодики. Уже в январе 1922 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин выразил озабоченность тем, что «по почте уже посылаются газеты частным лицам. Допускать это значит восстановить возможность печатной агитации против нас. По Москве будут ходить какие-нибудь ярко агитационные номера белогвардейской печати». Признавая, однако, «что неудобно просто декретировать воспрещение ввоза газет из заграницы», Чичерин предложил создать комиссию для рассмотрения этих вопросов из представителей Политбюро, ВЧК и НКВД¹⁷.

Опасения советского руководства были отнюдь не беспочвенными: распространением эмигрантской прессы, в частности «Социалистического вестника»¹⁸, в 1922–1924 гг. (в том числе «путем разбрасывания старых номеров») занимались сохранившиеся еще в СССР подпольные меньшевистские организации. Осенью 1923 г. и летом 1924 г. ОГПУ сообщало, что в Сибири монархическими организациями распространяются издаваемые в Харбине газеты «Свет», «Заря» и «Русский голос»¹⁹; эсеры присылали в СССР «в большом числе членам объединения ЛСР и максималистов и ответствен-

¹⁶ Государственный архив Омской области. Ф. Р-693. Оп. 1. 1921–1930. Д. 40. Л. 12, 74.

¹⁷ См.: История советской политической цензуры: Документы и комментарии, 1917–1993 / Под ред. Т.М. Горяевой. М., 1997. С. 427–428.

¹⁸ «Социалистический вестник» издавался с 1921 г. сначала в Берлине, затем в Париже и, наконец, в Нью-Йорке под редакцией Ю.О. Мартова, Р.А. Абрамовича. Выступал в качестве официального органа заграничной делегации РСДРП (меньшевиков).

¹⁹ «Свет» выходил с 1919 г. под редакцией Г.Г. Сатовского-Ржевского и отличался резко антибольшевистской позицией. Характерно, что «Заря», издававшаяся в Харбине в 1920-е гг. под редакцией Г.Н. Шипкова и М.С. Лембича и пользующаяся достаточно большой популярностью в среде эмиграции, имела репутацию газеты демократического направления. Неясно, почему ее распространением занимались (по оценке ОГПУ) именно монархические организации. В отличие от нее, влиятельный «Русский голос», основанный в 1920 г. С.В. Востротинным, придерживался правых позиций.

ным партийным и совработникам» журналы «Революционная Россия» и «Знамя борьбы»²⁰.

В 1923 г. сообщалось о перехвате в Москве около 1 тыс. монархических листовок, направленных из Берлина на адреса учреждений, фабрик, издательств, торговых заведений. В 1924 г. через московский почтамт в месяц проходило от 4000 до 5000 «заграничных контрреволюционных газет», причем преобладали эсеровские «Дни» (67%) и кадетские «Руль» (19%) и «Последние новости» (5%)²¹. В 1925 г. формулировка в сводке ОГПУ изменилась — теперь речь шла не о количестве газет, которые проходят через почтамт, а о количестве газет, задержанных ОГПУ. Размах, однако, примерно тот же самый — 5000 экземпляров эмигрантских газет и от нескольких сотен до полутора тысяч различных листовок и воззваний²². В апреле 1925 г. информационный отдел ОГПУ сообщал: «Необходимо отдельно отметить рассылку воззваний различных монархических групп (в частности, она налажена по Ленинградской губернии, откуда письма получают в ряде губерний)»²³.

Помимо столиц, Московской и Ленинградской губерний, присланная из-за границы монархическая литература была в сентябре 1924 г. обнаружена в Курской, Владимирской, Тверской, Ярославской, Самарской, Екатеринославской, Оренбургской губерниях и в Туркестане, а в октябре — в Тамбовской, Царицынской губерниях, в Мордовии и на Украине. В ноябре к этому списку добавляются Саратовская и Тульская губернии и Уральская область²⁴. Речь, видимо, шла об единичных экземплярах, но, с другой стороны, они могли достаточно активно переходить из рук в руки.

Впечатляет и география мест отправления — литература и пресса поступали из Эстонии, Болгарии, Канады, Королевства сербов, хорватов и словенцев и других стран. Очевидно, в категорию «других» попали такие важнейшие центры эмиграции, как Германия, Франция, Чехословакия, где издавалась большая часть эмигрантской прессы. Одновременно ежемесячно упоминается об арестах анархистов, эсеров, меньшевиков, о конфискации

²⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) М., 2001. Т. 1: 1922–1923 гг., ч. 1. С. 191; Ч. 2. С. 944, 945, 970; Т. 2: 1924 г. С. 67. 131. Журнал «Революционная Россия», основанный В.М. Черновым, издавался в 1922–1923 гг. в Берлине, в 1924–1931 гг. в Праге. «Знамя борьбы» выходило в Берлине в 1924–1930 гг. Редактор (с 1929 г.) М.М. Федоров.

²¹ Газета «Дни» выходила в 1922–1933 гг., до 1925 г. в Берлине как ежедневная, затем в Париже как еженедельная. Редактор А.Ф. Керенский; ежедневная газета «Последние новости» выходила в 1920–1940 гг. в Париже. В 1921–1940 гг. редактор П.Н. Милуков. Ежедневная газета «Руль» выходила в 1920–1931 гг. в Берлине, редактор И.В. Гессен.

²² См.: «Совершенно секретно»... Т. 1, ч. 2. С. 945; Т. 2. С. 242; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 76 об.; Д. 182. Л. 9 об.

²³ Там же. Д. 199. Л. 60.

²⁴ См.: «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 210, 241, 274.

литературы (эмигрантской прессы в том числе) и даже ликвидации подпольных типографий.

В первой половине 1925 г. ситуация с поступлением прессы обострилась. И не случайно теперь ОГПУ ежемесячно указывает точное количество задержанных «монархических» газет (впрочем, из приведенных выше примеров видно, что подобная характеристика была весьма условной и порой применялась даже и к социалистической прессе). Так, в январе на Московском почтамте было задержано 9300 экз. газет и журналов и несколько сотен листовок, в феврале — до 7000 газет²⁵. Впрочем, в марте–мае вновь появляются более привычные цифры — 4000–5000²⁶. А в сентябре упоминается рекордно низкая цифра, 1700 экз., и после этого упоминания о задержании газет (в отличие от единичных листовок и воззваний) в отчетах ОГПУ исчезают. Может быть, они по-прежнему задерживались в каком-то количестве, но с точки зрения составителей отчетов проблема потеряла прежнюю остроту²⁷.

Иногда подобная почта доходила до адресата довольно экзотическими путями (например, через сплавщиков леса из Псковской губернии, которые возвращались из Латвии в СССР²⁸) и при этом попадала не только в крупные промышленные центры, но и в деревню. Так, в сентябре 1925 г. секретарь Александровского сельсовета Луганского округа (Украина), «разбирая прибывшую почту, обнаружил заграничную белогвардейскую газету “Парижский вестник”, присланную одним эмигрантом своему родственнику Калининченку и, прочтя газету, заявил присутствующим крестьянам: “Вот где действительно свобода слова, печати, а у нас бойся рот раскрыть, не то [что] напечатать или что-нибудь сказать”»²⁹.

Если верить отчетам ОГПУ, к концу 1925 г. нелегальные каналы доставки эмигрантской прессы удалось перекрыть достаточно эффективно. Своеобразным подтверждением этого может служить сообщение о попытках эсеров переправить в СССР выпуски газеты «Знамя борьбы», вкладывая их в номера «Роте Фане»³⁰. В течение 1926–1927 гг. встречаются лишь упоминания об отдельных экземплярах эмигрантских газет, изъятых в ходе обысков и арестов. Последнее упоминание об эмигрантской прессе относится к декабрю 1930 г. и носит, скорее, курьезный характер. В августе было арестовано несколько человек по делу так называемого «Русского ЦК РСДРП». Из ма-

²⁵ См.: «Совершенно секретно». М., 2002. Т. 3, ч. 1: 1925 г. С. 47, 133.

²⁶ См.: Там же. С. 191, 244, 307.

²⁷ См.: Там же. Т. 3, ч. 2. С. 513.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 182. Л. 85.

²⁹ Там же. Д. 180. Л. 55.

³⁰ См.: «Совершенно секретно»... М., 2003. Т. 5: 1927 г. С. 331. «Роте Фане» («Красное знамя»), ежедневная немецкая газета, основана К. Либкнехтом и Р. Люксембург в 1918 г. Центральный орган Коммунистической партии Германии. Выходила до осени 1939 г.

териалов видно, что никакого «Русского ЦК» не существовало. Тем не менее один из арестованных, служащий Госбанка А.И. Антокольский, показал, что членам организации раздавали для чтения «Социалистический вестник», однако не смог сказать, является ли «Вестник» газетой или журналом. Другой арестованный, видный сотрудник Наркомторга СССР М.П. Якубович, на допросе заявил, что организация получала по 150 экз. «Социалистического вестника» «в тюках, идущих багажом “большой скорости”». Даже автор справки, начальник отделения СО ОГПУ П.И. Колосовский, признал, что эти «показания маловероятны», тем более что прочие обвиняемые заявили, что «Социалистический вестник» не читали³¹.

Тем не менее в марте 1930 г. появился секретный циркуляр спецотдела ОГПУ, в котором утверждалось, что «наблюдаются случаи присылки в СССР из заграницы разной белогвардейской литературы и всевозможных контрреволюционных листовок. Зачастую эта литература и листовки вкладываются в почту или пересылаются с разного рода грузами, идущими из заграницы в адрес наших советских и хозяйственных учреждений и предприятий. Попадая в руки сотрудников учреждений и предприятий, эта литература затем нелегально распространяется среди населения нашего Союза»³². ОГПУ предложило простой до гениальности выход, возможный, впрочем, только в СССР: отныне вся иностранная корреспонденция поступала в секретные части соответствующих учреждений и лишь после проверки выдавалась адресатам, все грузы также принимались только сотрудниками секретных частей.

Помимо нелегальных и полуполигальных каналов поступления эмигрантской прессы, в течение 1920-х гг. существовали и каналы официальные. Но и тут прослеживалась определенная тенденция.

В апреле 1921 г. президиум ВЦИК принял постановление о выписке 20 экз. каждой из ведущих эмигрантских газет. Их выписывали также ЦК и ЦКК РКП(б), крупнейшие обкомы партии (например, Ленинградский, Кубано-Черноморский). В апреле 1922 г., в связи с подготовкой процесса правых эсеров, Политбюро приняло решение о снабжении эсеровской газетой «Голос России» и меньшевистским журналом «Социалистический вестник» губкомов РКП(б) и утвердило смету на выписку 20 экземпляров каждого издания³³. Однако эти издания предназначались лишь для относительно узкого круга, прежде всего партийной элиты.

³¹ См.: «Совершенно секретно»... М., 2013. Т. 9: 1931 г. С. 432, 444, 447.

³² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 130. Л. 22.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 5; Цакунов С.В. Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. С. 88.

С середины 1920-х гг. круг людей, имевших доступ к иностранной прессе и другим альтернативным источникам информации постепенно сокращается. В 1925 г. резко сужается круг получателей «контрреволюционной литературы»³⁴. Если в 1922–1923 гг. чтение подобной литературы разрешалось, например, всем сотрудникам «Правды», то в 1924–1925 гг. для этого требовалось уже специальное разрешение ответственного секретаря редакции М.И.Ульяновой³⁵. В марте 1925 г. отдел печати ЦК определил «список враждебных эмигрантских издательств, книги коих, независимо от их содержания, не пропускаются в пределы СССР»³⁶.

Практика ограничения доступа к эмигрантской прессе вызывала недовольство не только среди интеллигенции, в том числе партийной, но и в массах. Так, на беспартийной конференции в августе 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии была подана записка, в которой, помимо прочего, спрашивалось: «Почему у нас в Республике нет свободной печати и почему в Губкоме можно читать заграничные эмигрантские газеты только членам Губкома и Укома, а рабочим нельзя — где же тут собака зарыта. Если у вас все чисто, то и нечего бояться, чтобы не давать»³⁷.

В 1926 г. Информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды на имя секретаря ЦК В.М. Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240–300 ведомств и лиц. К тому же большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.) В письме утверждалось, что ряд «белоэмигрантских изданий» вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 35 экз.³⁸

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на эмигрантскую прессу была запрещена. До этого момента официально эмигрантскую прессу могли выписывать любые организации и лица. На практике, однако, когда Информационный отдел ЦК ВКП(б) в связи с запрещением подписки запросил списки подписчиков, которые уже успели оформить ее в конце 1926 г., в ответах с

³⁴ Зеленов М.В. Главлит и историческая наука в 20-30-е годы // ВИ. 1997. № 3. С. 25.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 288. Л. 22.

³⁶ Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // ОИ. 2000. № 2. С. 131.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 198. Л. 159.

³⁸ Там же. Д. 171. Л. 37–38.

мест подчеркивалось, что подписывались на эти издания лишь партийные комитеты, начиная с районных³⁹.

Вместо эмигрантских изданий в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имеющих право на их получение, постоянно сокращалось. Так, заместитель заведующего Информационным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л.М. Кагановича перечислял 36 парткомов и 4 другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Составитель записки, однако, рекомендовал рассылать обзор лишь в 16 парткомов и 3 организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка 5 парткомов и 2 организации. Таким образом, количество адресатов сократилось с 40 до 12⁴⁰ (на самом деле, как будет показано ниже, в 1927–1930 гг. рассылалось несколько сотен экземпляров таких обзоров).

В 1927 г. по поводу содержания пробных обзоров были получены любопытные отзывы важнейших должностных лиц и организаций. Если в отзыве ОГПУ, подписанном Г.Г. Ягодой, говорилось о желательности использования лишь статей, имеющих политическое значение, и предлагалось не включать в обзоры любые «сообщения сенсационного характера» как «совершенно не отвечающие действительности», то нарком финансов Н.П. Брюханов, напротив, полагал, что есть смысл публиковать наиболее характерные «хроникерские и хронические выдумки» о событиях в СССР, так как «в них подчас удачнее всего отражаются чаяния и вожделения белой эмиграции». Своеобразную точку в этой мини-дискуссии поставил заведующий Отделом печати ЦК С.И. Гусев, решительно указавший: «Белогвардейское вранье не помещать»⁴¹. Нет необходимости пояснять, что в разряд «белогвардейского вранья» можно было при желании отнести любую информацию, противоречащую официальной.

Практически полный комплект «Сводок белоэмигрантской прессы» за 1927–1930 гг. сохранился в бывшем партийном архиве Свердловской области (Екатеринбург). Всего за этот период было выпущено 102 сводки (впрочем, многие номера оказывались сдвоенными). Они представляли собой тетрадку из 16–24 листов большого формата. На второй странице всех сводок печаталось «Постановление ЦК о порядке хранения и пользования сводками белоэмигрантской печати». Оно дословно гласило: «1. Хранить “сводку”

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 551. Л. 143.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Там же. Л. 178, 180, 184.

должны лично товарищи, которым посылается сводка, или их доверенные лица (обязательно члены ВКП); сводку надлежит хранить в несгораемых шкафах. 2. Рассылаемые экземпляры сводки хранению не подлежат, а по истечению 3 месяцев подлежат сожжению по особому акту⁴². 3. Отдельные товарищи (члены ЦК, ЦКК, руководители центральных учреждений и т.п.), получающие сводку, могут за своей ответственностью знакомить с ее содержанием самый узкий круг товарищей — членов ВКП(б), коим это, по роду их работы, действительно необходимо. 4. Секретари ГК, ОК, Крайкомов, Обл[астных] бюро ЦК и Нац[иональных] ЦК могут знакомить со сводкой только членов парткомов, членов соответствующих КК, редакторов газет и руководителей проп[агандистских] групп ЦК»⁴³.

В 1927 г. были разосланы 42 еженедельные сводки (об их тираже можно судить по тому, что экземпляр, поступавший в 1927 г. в Уральский обком, имел номер 417, а в 1928 г. — 322), в 1928 г. — 28 сводок, в 1929 г. — 29 и, наконец, в 1930 г. — 3 сводки.

Главной темой сводок была ситуация в СССР и положение внутри самой эмиграции по материалам таких авторитетных газет, как «Возрождение», «Дни», «Последние новости», «Руль», «Социалистический вестник» и др.⁴⁴ Например, в сводке № 3–4 от 2 марта 1929 г. были воспроизведены, помимо прочего (по всей видимости, полностью), такие статьи, как «Настроения в России», «Комсомольские настроения», «Как понимают фашизм в России» из «Последних новостей» и передовую статью «Хлебные карточки» из «Возрождения»⁴⁵. Важно отметить, что все номера газет, из которых были взяты статьи, вышли с 9 по 14 февраля; другими словами, весь цикл подготовки сводки занимал не более двух-трех недель.

Есть смысл подробнее рассмотреть, что именно привлекло внимание составителей обзора. Прежде всего, все статьи являются передовицами, т.е. отражают позицию редакции и одновременно сразу же привлекают внимание читателя. Во-вторых, первая статья опубликована 13 февраля, вторая 9 февраля, две последующих 14 февраля. Можно предположить, что статья от 13 февраля заняла первое место по своей важности. Эти статьи объединяет общая тема — ситуация в Советской России, настроения населения, прежде всего среди молодежи, и так далее.

⁴² К счастью для исследователей, работники Уральского обкома пренебрегли этим строгим указанием.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1251. Л. 1 об.

⁴⁴ «Возрождение», периодическое издание, выходило в Париже (в 1925–1935 гг. как еженедельная газета, в 1936–1940 гг. как еженедельник). Редакторы: П.Б. Струве (1925–1927), Ю.Ф. Семенов (1927–1940).

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655. Л. 23–24.

Первая статья, «Настроения в России», посвящена по сути полемике с позицией газеты «Борьба за Россию»⁴⁶. Основой для нее явились опубликованные в «Борьбе за Россию» впечатления некоего «Курьера», вернувшегося из СССР. Речь идет об отношении российской общественности к эмиграции. Автор передовицы указывал на «роль советской печати, которая стремится создать в русском населении представление о “реакционных бреднях” всей эмиграции — на то, что этот аргумент, о реставрационных и реституционных намерениях эмиграции, стремящейся прийти и “завоевать” Россию при помощи иностранных сил, является одним из постоянных средств самосохранения большевистской диктатуры, — на этот факт мы всегда указывали. И мы прибавляли, что эта тактика большевиков возможна потому, что часть эмиграции действительно представляет собою людей “другой планеты”, людей, мечтающих о восстановлении абсолютно неприемлемого для русского народа прошлого... Мы указывали, что нельзя идти в Россию без совершенно определенной политической программы, — что пресловутый лозунг: “идти хоть с чертом против большевиков”, неприемлем не только для нас с нашими “интеллигентскими” идеями, — но и для русского народа, которого сама жизнь учит необходимости “идей” и “программ”»⁴⁷.

Вторая статья, «Комсомольские настроения», более любопытна. В данном случае автор основывается не на сообщениях и впечатлениях анонимного «Курьера», а на материалах советской печати. И он приходит к весьма неожиданному выводу. По его мнению, советский комсомол явственно распадается на две части. «Лучшая» его часть обращается к ценностям православия, «худшая» же, теряя веру в коммунистические идеалы, скатывается к пьянству, разврату, карьеризму. «Если лучшие из комсомольцев попадают под влияние “классового врага” и проявляют свою “буржуазную и контрреволюционную сущность”, то среди комсомольцев, свято хранящих заветы коммунистической партии, сильны упадочные настроения. Пессимизм, разочарование в жизненных целях, полная неудовлетворенность окружающей пошлой действительностью и разочарование в “коммунистических идеалах” влечет за собою организацию “лиг смерти” и эпидемию самоубийств. Среди комсомольской молодежи господствует увлечение поэзией Есенина,

⁴⁶ Еженедельник «Борьба за Россию» издавался в Париже в 1926–1931 гг. и в первую очередь предназначался для распространения в Советской России. Политическая программа еженедельника не только отвергала какие бы то ни было контакты русской эмиграции с Советской Россией, но и призывала к борьбе с ней в полном соответствии с заявлениями одного из ее создателей, С.П. Мельгунова, о том, что вооружённая борьба — единственное средство свержения власти большевиков.

⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655. Л. 23.

и гимназисты и гимназистки взапуски пишут стихи на пессимистические темы о ненужности и бренности всего земного», — говорилось в статье⁴⁸.

Здесь проявилась одна из характерных черт эмигрантской прессы — «умение» на основании конкретных эпизодов делать обобщающие выводы, выдавая желаемое за действительное. Об этом не стоило бы и упоминать, если бы не стремление некоторых современных российских историков опираться на подобные статьи в описании «реальных» настроений в Советской России конца 1920-х гг. Понятно, что на самом деле ситуация в комсомоле в 1929 г. была несколько иной... Конечно, какая-то часть молодых людей, особенно в деревне, поступала в комсомол (нередко по вполне достойным причинам), сохраняя свои православные убеждения, но вот «перетекания» лучшей и тем более значительной части комсомольцев в православие в 1929 г. не отметил ни один наблюдатель и ни один мемуарист. И уж тем более не было в 1929 г. ни в комсомоле, ни вообще в СССР «гимназистов и гимназисток» — ошибка мелкая, но характерная.

Не менее интересна и следующая статья, «Как понимают фашизм в России», из «Последних новостей». Ее название не должно обманывать — речь идет не о восприятии реалий фашизма (стоит оговориться, что речь, конечно, идет о фашизме итальянском, о немецком «фашизме» в СССР в те годы не слыхали — слышали о национал-социализме, да и то, что называется, «краем уха»), а о том, насколько фашистский строй возможен в России. Впрочем, фашистские настроения были гораздо более характерны именно для эмиграции, чем для Советской России. К идеям фашизма сочувственно отнесся Высший монархический совет, фашистские организации создавались в среде российской эмиграции, брошюры о фашизме нелегально отправлялись в СССР и там распространялись⁴⁹.

При этом, как отмечал автор статьи, ссылаясь на известные ему настроения среди советской молодежи, на роль будущего Муссолини в СССР предполагался Сталин. «Отрекись Сталин от ленинских глупостей, и тогда нам нечего искать своего Муссолини, т.е. кандидата на должность генерального секретаря в предполагаемом “Союзе трудящихся”», — приводит он анонимное высказывание. При этом будущий российский фашизм должен был сохранить выборность, причем выборы должны были стать тайными, и возможность контроля избирателя над избранным таким образом «диктатором»⁵⁰.

Что касается статьи о хлебных карточках, автор, с одной стороны, принимает советскую версию о том, что главная цель их введения — борьба со

⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655. Л. 23 об.

⁴⁹ «Совершенно секретно»... Т. 1, ч. 2. С. 884, 945.

⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655. Л. 24–24 об.

спекуляцией, но одновременно делает вполне ожидаемый вывод: «Таков уж насаждаемый в России хозяйственный строй. При нем накормить всех досьта нет никакой возможности, а хлебные карточки, этот символ недостатка хлеба, рождаются сами собой. Для того, чтобы на Руси хлеба опять было вдоволь, необходима коренная ломка хозяйственной системы. А ломка эта произойдет только после того, как население окончательно прозреет и закончит с теми, кто сейчас морит его голодом»⁵¹.

В марте 1930 г. издание сводок белоэмигрантской прессы было прекращено. Вместо них уже 12 марта вышел первый «Бюллетень заграничной печати». Подчеркивалось, что «для ознакомления руководящих кадров партии с освещением в заграничной печати положения СССР Секретариат ЦК ВКП(б) счел целесообразным издание Секретным отделом “Бюллетеня заграничной печати”. В бюллетене будет даваться обзор буржуазной, социал-демократической и белогвардейской (в т.ч. троцкистской) печати»⁵².

На первый взгляд, подобное изменение представлялось вполне логичным. Партийные работники, не владеющие, за редким исключением, иностранными языками, могли теперь знакомиться хотя бы с некоторыми материалами западной прессы. Однако на практике подобное изменение привело не к расширению объективной информации о внешнем мире и о самом СССР, а, скорее, к ее сокращению. Действительно, количество изданий русского зарубежья было ограничено, и сводки позволяли довольно подробно представить их содержание; к тому же общее настроение всех без исключения эмигрантских газет было в лучшем случае критическим по отношению к Советской власти. Зато безбрежный океан зарубежной прессы позволял найти любые статьи с любым «направлением» (не случайно сразу же в перечне использованных изданий появились коммунистические, а также никому не известные провинциальные газеты, где можно было найти публикации буквально на любой вкус, в том числе и об успехах социалистического строительства в СССР). Другими словами, бюллетени заграничной печати были на порядок более субъективными, чем сводки эмигрантской прессы.

В первом выпуске были разделы «Общее положение СССР» (выдержки из статей «Таймс», «Роте Фане» и др.), «Положение в деревне» («Таймс», «Манчестер Гардиан», «Тан» и др.), «О советах» («Социалистический вестник», «Дни»), «Кампания против преследований религии» («Манчестер Гардиан», «Каррент Хистори», «Дейли Геральд» и др.), «Внешнее положение СССР», «О Красной армии», «Разное». Характерно, что эмигрантская пресса использовалась для составления лишь одного из разделов, о советах. Ясно,

⁵¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655.. Л. 24.

⁵² Там же. Д. 1898. Л. 23.

что западную прессу, в отличие от эмигрантской, тем более социалистической направленности, эта проблема мало интересовала.

Подобная структура сохранялась и в последующих выпусках. Позднее, однако, появились разделы, никак не относящиеся к советской жизни (например, о положении в Индии или о состоянии английской независимой рабочей партии), и тут уже эмигрантская пресса никак не использовалась.

В Свердловском архиве сохранились засекреченные инструкции по выдаче «Бюллетеней заграничной печати» и списки получавших их лиц за 1933 г. Это секретарь горкома, заведующие отделами горкома (иногда их заместители), председатель горсовета — каждый номер читали всего 4–5 человек из многотысячной городской партийной организации. Бюллетени выдавались строго под расписку, в одной из инструкций, определявших порядок их выдачи, они красноречиво именовались «конспиративными материалами»⁵³.

Постепенно подобные секретные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, однако их содержание все меньше отличалось от материалов, публикуемых официальной советской прессой. Основное место занимали краткие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях «кризиса капитализма» и нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные сообщения о новостях культурной жизни на Западе. Никаких материалов, существенно дополнявших сообщения советской прессы или критически оценивавших советскую действительность, в подобных сводках уже не было⁵⁴.

Достаточно рано были предприняты меры для ограничения доступа рядовых граждан к нежелательным, в том числе эмигрантским, изданиям. В 1922–1923 гг. были созданы отделы специального хранения (спецхраны) в Книжной палате, Румянцевской библиотеке (позднее Государственной библиотеке им. В.И. Ленина) в Москве и Государственной публичной библиотеке в Ленинграде для хранения секретной и антиправительственной литературы. С 1923 г. спецхраны из ведения библиотек перешли под контроль Главлита и Главполитпросвета. Постепенно туда стали поступать практически все эмигрантские и многие иностранные издания. В результате только в спецхране Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в конце 1930-х гг. было 4 тыс. иностранных книг⁵⁵.

⁵³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.

⁵⁴ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 588.

⁵⁵ См.: Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конф., 24–27 мая 1993 г., Москва / Под ред. Т.В. Громовой. М., 1995. С. 162–164.

О том, как была организована работа спецхранов, можно узнать из опубликованных материалов Горьковского обллита. Закрытый спецфонд был создан при Горьковской областной библиотеке им. В.И. Ленина в 1936 г. в соответствии с приказом Главлита. К 1947 г. туда было передано почти 18 тыс. экз. печатной продукции. Т.к. каждое издание должно было сохраняться не более чем в 2 экз., около 4 тыс. «лишних» экз. было уничтожено. Своеобразным «ноу хау» Горьковского обллита явилось создание временных, «дочерних» спецфондов или, вернее, «спецшкафов»: такие спецшкафы были созданы при вузовских библиотеках в годы войны, Временно (т.е. на период войны) помещенная в них литература должна была выдаваться лишь по решению дирекции и партбюро вуза. В спецфонд поступали книги, газеты и журналы, вышедшие в свет, но впоследствии изъятые Главлитом; издания, выпущенные с соответствующими грифами, например «для служебного пользования», и иностранные (эмигрантские в том числе) издания, пропущенные Главлитом, но с ограничениями; наконец, издания из числа «устаревших, а также не подлежащих выдаче по политическим соображениям», изъятые из библиотек⁵⁶.

Массовые чистки библиотечных фондов начали проводиться с 1923 г., хотя изъятия, как таковые, в соответствии с инструкциями Наркомпроса происходили и раньше. В журнале «Красный библиотекарь» даже появилась специальная рубрика «К очистке библиотек». Но не успели справиться с чисткой советских библиотек, как возникли новые проблемы.

В 1939–1940 гг. были присоединены Западная Украина и Белоруссия, Бессарабия, прибалтийские страны, а также часть финских территорий. И везде, как в публичных библиотеках, так и в частных домах, как подчеркивалось в письме в «Правду» из Выборга в январе 1941 г., «остались десятки и сотни книг на русском языке, изданных в Хельсинки, Риге, Берлине». При этом само собой разумелось, что «содержание этих книг — антисоветское... В кабинете директора ремесленного училища хранятся явно фашистские книги (на финском языке), которые давно следовало бы изъять»⁵⁷. Конечно, изымалась и эмигрантская пресса, в изобилии отложившаяся во многих библиотеках. Изъятие книг и газет на вновь присоединенных территориях еще продолжалось, когда началась война и многие регионы оказались под нацистской оккупацией. В результате все пришлось повторять заново; так, только в освобожденной Литве республиканский Главлит в 1944–1945 гг.

⁵⁶ Общество и власть: Российская провинция / Под ред. М. Вдовиной, М. Долковой. М., 2005. Т. 3: Июнь 1941 г. — 1953 г. С. 733.

⁵⁷ Цит. по: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Под ред. А.К. Соколова. М., 1998. С. 226.

ударными темпами изъял практически всю литературу, изданную за годы оккупации (свыше 3,5 млн. экз.) и продолжал изъятие оставшихся книг и прочих изданий уже досоветского периода⁵⁸.

* * *

Период, когда контакты с внешним миром контролировались достаточно эффективно, закончился в 1939 г., после вступления советских войск на территорию Польши. Увиденное там потрясло многих, и, несмотря на все старания пропаганды, рассказы об этом быстро распространялись сначала в армии, а затем и в стране. Тот же эффект произвело и присоединение Прибалтики. Затем началась Великая Отечественная война. Сначала в Германию были угнаны тысячи советских людей, в большинстве своем молодых. В 1944–1945 гг. Красная армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии, встретилась с американскими и английскими товарищами по оружию. Миллионы советских солдат увидели настоящую повседневную жизнь Запада. Впечатления были не столь благостными, как об этом принято было писать несколько лет назад, но все же увиденное составляло разительный контраст с картиной, нарисованной довоенной пропагандой. Но описание этих настроений и процессов выходит за рамки данной работы.

⁵⁸ См.: *Tininis V. Komunistinio režimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953.* Vilnius, 2003. T. 3. P. 168–169. В сборник вошли документы советского времени из литовских архивов, преимущественно на русском языке.

И.Н. Толстой

Платформа для «тамиздата»: к постановке темы

Аннотация: Статья посвящена становлению феномена «тамиздата» в его «долгоиграющей» форме. Этот феномен стал возможен с послевоенным приходом на поле идеологического противостояния (холодной войны) Соединенных Штатов, учредивших Американский Комитет за свободу народов СССР (России), позднее переименованный в Комитет Радио Свобода. При нем было открыто (1953) Радио Освобождение (Свобода) и издательская компания «Бэдфорд» (1956 — 1970/71). Методы работы «Бэдфорда» расширялись год от года: поначалу отправка в СССР западных книг, альбомов и каталогов на иностранных языках, затем финансирование переводов на русский политических, философских и литературных бестселлеров — с переправкой их за железный занавес и, наконец, оплата части тиражей нужных «Бэдфорду» изданий в уже существующих эмигрантских издательствах. Некоторое число книг и брошюр было выпущено самим «Бэдфордом», однако никогда имя компании ни на одном из изданий не появилось. «Бэдфорду» принадлежали также полузакрытые офисы по распространению «тамиздата» — в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Риме.

Annotation: The article is dedicated to the long-term development of *tamizdat*, a phenomenon that became possible with the United States' entering the ideological playing field of the Cold War and founding the American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia, later renamed the Radio Liberty Committee. Under its auspices, Radio Liberation (later Radio Liberty) and the Bedford Publishing Company came into existence (1956 — 1970/71). Bedford's activity expanded from year to year: starting with the smuggling of Western books, albums, and catalogs into the USSR, financing the Russian translation of political, philosophical and literary bestsellers, and finally paying émigré publishers for copies of Russian books already available in the West. A number of books and brochures were published by Bedford itself, but the company's name never appeared in print. Bedford also owned offices for distributing *tamizdat* in New York, London, Paris and Rome.

Ключевые слова: «тамиздат», холодная война, ЦРУ, книжная программа, Радио Свобода, Айзек Пэтч, Джордж Минден, Бэдфорд, АмКомЛиб, Владимир Набоков.

Key words: tamizdat, Cold War, CIA, Book Program, Radio Liberty, Isaac Patch, George Minden, Bedford, AmComLib, Vladimir Nabokov.

Когда мне было четырнадцать лет, я сломал ногу. Какое счастье в восьмом классе, посреди учебного года, просидеть дома целых две недели! Если бы тогда, в 1972 г., существовали еще и компьютеры! Но в те гутенберговские времена некоторые книги казались высшей ценностью в мире — особенно книги взрослые и недозволенные. Именно их я и начал тогда жадно для себя открывать.

Поскольку родители мои часто бывали в заграничных разъездах (отец работал в образовательной системе ЮНЕСКО), меня слегка опекал семейный знакомый, литератор и пижон, приносивший мне редкие книжки — Бориса Савинкова, историю Николая Костомарова или знаменитые дореволюционные журналы.

Однажды, уже уходя и прощаясь, он спросил меня, лежачего: «А такие книжки вы, Ваня, читаете?» — и достал из своей модной сумки набоковскую «Защиту Лужина» с известной трехцветной, как пастила, обложкой. Он ждал вспышки моего изумления.

Но я, умело выдержав драматургическую паузу, сунул руку под диван и, не вставая из-за сломанной ноги, вальяжно показал ему точно такую же, трехцветную.

Как могло получиться, что в советском Ленинграде у двух разных людей оказались в руках — одновременно, а не по очереди — два экземпляра запрещенного заграничного издания? И не в машинописных копиях, а самые что ни на есть типографские оригиналы?

Очень просто: «Защита Лужина» принадлежала к так называемым засылочным изданиям¹, ее проникновение в Советский Союз вменялось в обязанность определенной группе лиц, так что появление в моих руках некоторых западных изданий было заботой тихих подпольных ангелов на регулярной зарплате.

С тех пор прошло больше сорока лет, а «тамиздат» по-прежнему волнует меня своими секретами. В его истории до сих пор больше вопросов, нежели ответов. Попробую поделить рядом твердых фактов, некоторыми допущениями и возможными гипотезами.

«Тамиздат» был одним из инструментов холодной войны. Между тем само определение и временные рамки этого явления до сих пор не устоялись. Часто «тамиздат» понимают чересчур расширительно, включая в него всю печатную продукцию, выпускавшуюся за пределами СССР, что приводит к неоправданному размыванию самой библиографической и историко-книговедческой дисциплины. Именно это стало главным методологическим недостатком недавнего богато иллюстрированного и представительного сборника, выдержавшего за короткий срок уже два издания².

Говоря о «тамиздате», буду придерживаться следующих хронологических рамок: 1958 г. (нижняя граница) и 1991-й (верхняя), то есть период от выхода «Доктора Живаго» до распада Советского Союза, признавая при

¹ См.: Набоков В. Защита Лужина: Роман. Paris, Editions de la Seine, [1966].

² См.: ТамИздат: 100 избранных книг / Сост. М. Сеславинский. М., 2012; Тамиздат: 100 избранных книг / Сост. М. Сеславинский. М., 2014.

этом, что сам термин «тамиздат» невозможен без породившего его слова «самиздат», изобретенного в конце 1940-х поэтом Николаем Глазковым³ и широко распространившегося в период оттепели.

Поскольку здесь нет возможности задерживаться на всех оттенках дефиниции «тамиздата», скажу лишь несколько необходимых слов.

Фактор присылки текста из СССР в «свободный мир», разумеется, важен, но не абсолютен для разговора о феномене «тамиздата», поскольку важнейшей целью выпуска «острой» литературы на Западе была прежде всего засылка ее на советскую территорию. И ряд типографских изданий в Европе и США предпринимался исключительно с этой целью. Причем в ход шли не только новейшие, послевоенные тексты, созданные при Сталине–Хрущеве–Брежнев–Андропове, но и запрещенные в СССР произведения 1920–1930-х гг. (литература, публицистика, политология, экономический анализ), а также кое-что из дореволюционной и переводной литературы, включая философию и богословие.

Подобные издания, разумеется, выходили на Западе по-русски и в предвоенное время (от Парижа до Шанхая), но ни у одного заграничного правительства до 1945 года (за исключением гитлеровского) планомерный выпуск или распространение запрещенных текстов на русском языке не составляли осознанной комплексной программы. Для засылки в СССР перед войной предназначалась специальная литература — листовки, брошюры, тонкие журналы антибольшевистской направленности, а если художественная литература, то разве что монархические романы генерала Петра Краснова, но, скажем, не мемуары Владислава Ходасевича.

Если и называть эту продукцию «тамиздатом», то крайне выборочно и с соблюдением содержательных, жанровых, а в ряде случаев и полиграфических рамок.

В качестве примера довоенного «тамиздата» (при всех поправках на анахронизм термина) можно привести ежеквартальник «Современные записки», финансируемый чехословацким правительством Томаша Масарика через Земгор. Но вряд ли этот журнал можно полноценно отнести к «тамиздатским»: он обслуживал прежде всего интересы культурной диаспоры, хотя отдельные экземпляры попадали в СССР и читались там с безусловным интересом. Зато другое парижское периодическое издание — еженедельник «Борьба за Россию» (1926–1931) — и политическим содержанием, и документально-публицистическим жанром, и малым объемом своих номеров полностью подпадал под критерии засылочного издания. И таковым был.

³ См.: Лосев Л. Крестный отец самиздата // Лосев Л. Собранное. Екатеринбург, 2000. С. 571–574.

К «тамиздатским» справедливо отнести и такие довоенные издания, как «Бюллетень оппозиции» Льва Троцкого (1929–1941), и книги Владимира Бурцева⁴, и бесчисленное множество листовок как правых, так и левых эмигрантских организаций. Но, повторим, в финансировании подобных политизированных изданий не было единой системы, не говоря уже о том, что дело распространения этой печатной продукции лежало на плечах самих эмигрантских издателей и тех ходоков «на ту сторону», кто отправлялся с заданием через советско-польскую или советско-финскую границу.

Начало изменений в этом вопросе принято отсчитывать от развертывания холодной войны, старт которой традиционно относят к фултонской речи Уинстона Черчилля (5 марта 1946 г.) и постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.).

Именно в первые послевоенные месяцы стала несомненной перегруппировка мировых сил и на европейской политической сцене стали доминировать интересы нового для Старого Света игрока — Соединенных Штатов. В их программу входило идеологическое сдерживание Советского Союза, и только им было по силам построение контрпропагандистского фронта — по принципу «книги дешевле пушек и воздействуют глубже и дольше».

Но созданию печатной «империи» предшествовала «империя» устная — радиовещательная. Причем поначалу вовсе не на русском языке. 4 июля 1950 года в Мюнхене вышла первая пробная передача по-чешски американского Национального комитета Свободной Европы, который годом позже превратился в Радио Свободная Европа со штаб-квартирой в том же Мюнхене. Регулярное вещание на восточноевропейских языках началось 4 июля 1951 г.

Почти сразу вслед за радиопрограммами стартовала программа печатная: в августе 1951 г. тысячи надувных шаров начали запускаться из западногерманского города Регенсбурга в сторону Чехословакии. В специальных контейнерах они несли листовки политического и информационного характера. От удара о землю контейнеры раскрывались, и местные жители разносили листовки по домам, но чаще всего сдавали их в полицию.

Операция вскоре была признана опасной для воздушных авиасообщений: газеты советского блока сообщали даже о гибели нескольких пассажирских самолетов, впрочем, о правдивости этих сведений судить трудно.

В 1956 г. начала разворачиваться широкомасштабная «Книжная программа», возглавленная румынским эмигрантом Джорджем Минденом (George Minden; 1921–2006), со штаб-квартирой в Нью-Йорке и отделениями в европейских столицах.

⁴ Например: *Бурцев В.Л.* Проклятие вам, большевики! Открытое письмо большевикам. Стокгольм, 1918; *он же.* Боритесь с ГПУ! Париж, 1932 и др.

Программа осуществлялась в рамках подразделения «Печать Свободной Европы» (Free Europe Press), входившего в Радио Свободная Европа. Организационный и финансовый размах деятельности «Книжной программы» со временем стал столь значителен, что его прозвали «интеллектуальным Планом Маршалла» или «Планом Маршалла для умов». Задачей программы было возвращение восточноевропейской интеллигенции в общемировой интеллектуальный и культурный круг, что было трудно лишь технически, но не духовно, поскольку идеологические границы между странами возникли совсем недавно — лишь в конце 1940-х гг., и обе половины Европы жили еще общими традициями и памятью.

Кроме того, потенциальные потребители «Книжной программы» свободно читали на основных европейских языках и составить для них «домашнее задание» не представляло труда.

Джордж Минден не только с помощью финансирования из ЦРУ, но и благодаря умелому маркетингу и пиару смог убедить многих западных книгоиздателей регулярно жертвовать десятки экземпляров самых разнообразных изданий на культурную поддержку отрезанных от свободы читателей. Речь шла о философских, литературных, исторических, медицинских новинках, о технических справочниках, об альбомах по искусству и археологии, о грампластинках с новой «буржуазной» музыкой и т.д.

Поначалу Д. Минден прибегал к маленьким хитростям, посылая за железный занавес каталоги своих предложений и прося потенциальных получателей отмечать свои пожелания, потом перешел на систему книгообмена, но вскоре забросил этот хлопотный механизм, убедившись, что жажда новинок с Запада совершенно безмерна. За 33 года деятельности (1956–1989 гг.) читателям в Албании, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии было отправлено около 10 миллионов экземпляров книг, журналов и брошюр.

Работе Д. Миндена и его организации посвятил свое исследование «Горячие книги в Холодной войне» бывший сотрудник Радио Свободная Европа журналист и политолог Альфред Рейш⁵.

Совершенно иначе обстояло дело с Советским Союзом. Прежде всего, государственные границы здесь охранялись сильнее. Но и иностранные языки имели куда меньшее хождение: от свободных контактов с Европой советское население отделяли не несколько лет, а уже несколько десятилетий. Поэтому и методы на «советском направлении» понадобились совершенно иные.

⁵ См.: *Reish A.A. Hot Books in the Cold War: the West's CIA-funded Secret Book Distribution Program behind the Iron Curtain.* Budapest; N.Y., 2013.

Как радиовещание на СССР (Радиостанция Освобождение, с 1959 года — Радио Свобода (далее — РС)) отличалось от вещания на Европу, так и книжная программа потребовала прежде всего одного-единственного языка — русского и каналов распространения, не связанных с почтой (хотя время от времени применялся и такой вариант, почти всегда проваливавшийся).

Русская книжная программа так же, как и восточноевропейская, была административно порождена радиостанцией. С самого начала РС создавалось как литературная и переводческая организация. Мир готовился к Третьей мировой войне. И на РС возлагались пропагандистская и контрпропагандистская задачи. Поскольку пропагандист должен быть человеком подкованным, а еще лучше — образованным, то неудивительно, что при заполнении служебной анкеты каждый поступавший на работу — в Мюнхене, в Нью-Йорке, в Париже или Лондоне — выбирал всего лишь из двух предложенных граф: записываться либо инженерно-техническим работником (technician), либо писателем (writer). Писатели занимались всем: сочиняли тексты (скрипты), переводили новости, аналитические статьи и интервью с экспертами, начитывали программы на пленку.

При этом вся организация находилась в весьма специфической юридической ситуации. РС с первого же дня финансировалось Конгрессом США, но заявить об этом открыто не могло, поскольку по американским законам ни одна общественная группа или юридическое лицо не имеет права получать средства от государства. Единственная структура, которой можно было поручить негласную регулярную передачу денег, — разведка. Вот почему вопрос об участии Центрального разведывательного управления был решен автоматически. ЦРУ было посредником в финансировании РС с 1953 до 1971 г., когда в результате разразившегося скандала (сенатор Дж.У. Фулбрайт заявил об участии американской разведки в этой истории), в Конгрессе был поставлен вопрос о закрытии этого «пережитка холодной войны» — станций РС и Радио Свободная Европа⁶. Но довольно скоро выяснилось, что сенатора Фулбрайта на разоблачения спровоцировала советская разведка через польского журналиста, и действия сенатора оказались дезавуированными.

Тем не менее Конгресс США сделал для двух радиостанций исключение, объединил их в одну вещательную корпорацию и начал свое финансирование напрямую. Чем занимается и по сей день.

Но сами обстоятельства существования РС как неофициального канала дипломатии, канала передачи политических идей, с которыми официальная американская дипломатия технически не могла выйти на советскую

⁶ Подробнее см.: *Сосин Дж.* Искры свободы: Воспоминания ветерана радио / Под общ. ред. и с предисл. И.Н. Толстого. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2004. С. 138–146.

аудиторию, эти обстоятельства секретности (с западной стороны) и заглашаемости (с советской) подсказывали всему проекту дополнительные возможности для расширения.

Одним из таких шагов по расширению «путей проникновения» стал русскоязычный книжный проект, книжная программа.

Провезти книгу в СССР можно было несколькими способами. Во-первых, передав ее через иностранца (ученого, студента, инженера совместного предприятия, участника конгресса, туриста); во-вторых, с помощью советских моряков заграничавания; в-третьих, предложив советским гастролирующим артистам театров, оркестров и цирков, спортсменам или выездным ученым. Четвертым способом был постоянный книгообмен, поездки дипломатов, журналистов, железнодорожных проводников и стюардесс «Аэрофлота».

Все эти люди получали запрещенную и лакомую литературу совершенно бесплатно и могли продать ее в СССР за большие деньги. (В 1983 г. один ленинградский знакомый предлагал мне купить у него две совершенно новые книги Александра Зиновьева по 100 рублей и две книги Джона Баррона — «КГБ» и «КГБ сегодня» — по 300. Совершенно непредставимые по тем временам суммы: комплект энциклопедии Брокгауза и Ефрона стоил на черном рынке в тот год 1500 рублей).

Таким образом, провозить нелегальные книги в Советский Союз было хоть и опаснее, но выгоднее, чем джинсы. Добавим сюда для полноты водно-морскую доставку: небольшие моторные яхты вечером выбрасывали за борт в нейтральных водах (вблизи эстонского, батумского или сахалинского берега) сотни экземпляров, скажем, «Архипелага ГУЛАГ», отпечатанного на особой нетонущей и непромокающей бумаге и в пластиковых переплетах. Морским течением книги к утру прибывало к берегу. Разумеется, не следует преувеличивать эффективность и результативность такого способа доставки, как и сами масштабы подобной операции. Но существование этого «канала» отчасти, только отчасти, объясняет ночную и утреннюю бдительность пограничных катеров: советский дозор следил не только за попытками одиноких пловцов «выбрать свободу», но и за массовыми попытками книжных «леммингов» выброситься на сушу.

Русская книжная программа была создана под руководством американского дипломата Айзека Пэтча (Isaac Patch, в разговорах часто — Ike Patch; 1913–2014). Не попав из-за ранения на фронт Второй мировой и неплохо владея русским языком, выпускник Массачусетского технологического института А. Пэтч был отправлен проходить армейскую службу в американское посольство в Москву, где одним из его заданий было хождение по столичным книжным магазинам в поисках наиболее подробных путеводи-

телей по советским городам. Разведывательный прицел подобной задачи лежит на поверхности.

После войны Пэтч некоторое время служил в Дайрене (Маньчжурия), а в январе 1949 г. был отправлен в Прагу на должность политического атташе, но задержаться ему там не удалось: несколько месяцев спустя он был в 24 часа выслан из страны за, как было объявлено, разведывательную деятельность. После его скорого отъезда двое граждан Чехословакии были за связь с ним казнены по обвинению в шпионаже⁷.

18 января 1951 г. в штате Делавэр был зарегистрирован Американский комитет за свободу народов СССР (The American Committee for Freedom for the Peoples of the USSR, сокращенно АмКомЛиб, AmComLib, в том же году подкорректировавший свое название: American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia, то есть народов России, а с 1964 г. именовавшийся Radio Liberty Committee, Комитет Радио Свобода; с начала 1970-х — несуществующая организация).

А. Пэтч был принят на работу в АмКомЛиб в качестве директора по эмигрантским связям в Мюнхене, в чью обязанность входила политическая координация различных групп с несовпадающими интересами, идейными представлениями и целями.

В своих мемуарах «Closing the Circle», выпущенных для узкого круга друзей и бывших коллег, он писал, что тогдашняя попытка объединить российских и советских эмигрантов обеих волн провалилась. И хотя Пэтчу не удалось составить единый комитет с русскими и нерусскими представителями и стать их попечителем, он все же помог в подборе персонала для различных отделов Радио Свобода⁸.

Некоторое время Айзек Пэтч там же в Мюнхене возглавлял «Отдел специальных проектов», выпускавший газету и ежеквартальный журнал для русской эмигрантской общины, а в 1956 г. был переведен в Нью-Йорк, где приступил к «Книжному проекту». Поставленную перед ним цель он обосновывал так: «Доводить западные идеи до советских граждан с помощью книг о политике, экономике, философии, искусстве и немного о технологии — обо всем, в чем советская диктатура им отказывает»⁹.

С 1954 по 1975 г. президентом АмКомЛиб — Комитета Радио Свобода был Хауленд Сарджент, с большой заинтересованностью отнесшийся к идее книжного проекта. Сарджент свел Пэтча с ЦРУ, горячо рекомендовав

⁷ Подробнее см.: Zvaners M. Isaac Patch: «A True Cold War Warrior» // www.rferl.org/content/in-memoriam-isaac-patch-a-true-cold-war-warrior/25432712.html

⁸ См.: Patch I. Closing the Circle: a Buckalino Journey Around Our Time. Wellesley, MA, 1996. P. 248.

⁹ Patch Critchlow P. Cold War Hero, who Slipped a Million Banned Books into the USSR, Dies at 101 // http://radios42.rssing.com/chan-12047533/all_p4.html

в Лэнгли идею выпуска литературы. Вскоре новообразованная фирма получила первый грант (10 тысяч долларов). Структура была формально выведена из состава РС и при регистрации получила название частного издательства *Bedford Publishing Company*. (К существующим сегодня издательствам не имеет никакого отношения.) Тем не менее Пэтч продолжал регулярно посещать все заседания персонала АмКомЛиба в Нью-Йорке¹⁰.

Помимо нью-йоркской штаб-квартиры, компания «Бэдфорд» открыла свои представительства в Лондоне, Мюнхене, Париже и Риме. В общей сложности под руководством Айзека Пэтча фирма просуществовала 14 лет — с 1956/57 по начало 1970-х гг. и закрылась по причинам все того же публичного разоблачения связей Комитета Радио Свобода с ЦРУ. Тем не менее последователи Пэтча рук не опустили и продолжили работу под другими вывесками.

Все это происходило в эпоху, когда человеческие контакты Запада с Советским Союзом были еще относительно слабы, — во времена «героической поры» «тамиздата».

Чем же конкретно занималась организация? Можно выделить пять направлений деятельности компании. При этом следует иметь в виду, что ценилась любая возможность повлиять на идеологическую зашоренность читателей за железным занавесом и расширить мировоззренческие представления публики.

Первое. «Бэдфорд» предлагал западным издательствам в разных странах жертвовать часть тиражей своей обычной продукции — модные журналы, торговые каталоги, рекламные буклеты, каталоги автомобилей и бытовой техники, художественные альбомы Сальвадора Дали, Ренэ Магритта, Энди Уорхолла и других, путеводители по европейским столицам, грампластинки с джазом и рок-музыкой и всевозможные прочие издания, призванные поразить изголодавшегося по информации читателя и несшие заряд «буржуазных» ценностей. Буржуазных, разумеется, в представлении советского агитпропа. Подобные издания предоставлялись «Бэдфорду» либо бесплатно, либо в обмен на некоторые торгово-рекламные услуги. Объем таких пожертвований был весьма значительным, и хотя альбомы и другая печатная продукция на мелованной бумаге были тяжелы и громоздки при доставке в СССР, зато и вызывали меньше вопросов у советских таможенников. Многие из этих изданий раздавались посетителям западных посольств и консульств, в культурных представительствах и на выставках, привозимых в Советский Союз. Это была мягкая форма подрывной деятельности. За обладание подобными изданиями советских людей если и преследовали, то лишь в глубинке.

¹⁰ См.: *Patch Critchlow P. Cold War Hero....*

Второе. «Бэдфорд» финансировал выпуск русских переводов западных политических, исторических и литературных бестселлеров, сохраняя марку западных же издательских домов. Имя самого «Бэдфорда» никогда и ни при каких обстоятельствах в открытой печати не фигурировало. Прежде всего в этой категории надо назвать издательство «Фредерик Прегер»: в конце 1950-х — начале 1960-х годов здесь были выпущены «Новый класс» Милована Джиласа, «Пять дней, которые меняют мир» Барбары Уорд, «Тринадцать дней» Тибора Мераи, «Политическая система Соединенных Штатов и как она действует» Давида Койла, «Стадии экономического роста» У. Ростоу, «Джефферсон — жизнь и идеи великого американца» Саула Падовера, «История советской России» Г.К. Рауха, сборник стихов «Весенний лист» Александра Есенина-Вольпина и многие другие.

Такие же отношения складывались у «Бэдфорда» с британскими издательствами «Макмиллан» («Кто сумасшедший?» братьев Медведевых, «Десять лет после “Ивана Денисовича”» Жореса Медведева) и «Стенвэлли» («Голос из хора» Абрама Терца).

К подобной продукции можно отнести «Тропик рака» Генри Миллера (издательство Grov Press, Нью-Йорк, 1964), «900 дней: Блокада Ленинграда» Гаррисона Солсбери (издательство Harper & Row, Нью-Йорк, 1973), книгу Вольфганга Леонгарда «Революция отвергает своих детей» (издательство Condor, Карлсруэ, б.г.). Без бэдфордовской помощи у немецкого издательства не было ни малейших шансов распродать тираж В. Леонгарда на Западе.

Также частично или полностью оплачивались в западных издательствах уже не переводные, но русские авторы: Борис Пастернак, прекрасно оформленный и дорогой трехтомник Мичиганского университета в твердых переплетах, 1959–1960 гг., в дополнение к вышедшему там же ранее «Доктору Живаго», Михаил Зощенко (Мичиганский университет, 1960), Николай Данилевский (его «Россию и Европу» напечатало издательство Johnson Reprint, 1966).

Предположительно попадал под эту программу владелец нового «Издательства имени Чехова Корпорейшн» (Chekhov Publishing Corporation) Эдвард Клайн, выпустивший «Остановку в пустыне» Иосифа Бродского, «Конец трагедии» Анатолия Якобсона, «Воспоминания» Надежды Мандельштам, «Спуск под воду» Лидии Чуковской и др. книги. Из материалов, хранящихся в Rockefeller Archive Center, следует, что финансирование этого издательства в 1977–1993 гг. шло за счет грантов фонда Форда.

С большим допущением отнесем сюда и «Лолиту» Владимира Набокова. В пользу нашего аргумента говорит анонимный идеологически ориентированный текст на обороте обложки: «Говорят, что эта книга в

Советском Союзе запрещена. Да так ли это? И если так, то почему? В чем состоит запрет? Внесена ли она в некий официальный список запрещенных книг? Существует ли такой список? ... Если эта книга действительно запрещена, то теряет на этом только советский читатель»¹¹.

Нужен ли был подобный текст, если у издательства не было мысли засылать книгу в СССР? Хотя, разумеется, издательство Phaedra и само зарабатывало бы хорошие деньги, выпуская набоковскую книгу по-русски. Нельзя исключить, что «вторжение» «Бэдфорда» ограничилось этим обложечным текстом.

Третье. Пока что речь шла о совместной деятельности с западными партнерами. Однако в гораздо больших масштабах «Бэдфорд» финансировал часть, иногда подавляющую, тиражей собственно русских эмигрантских издательств.

Ряд бэдфордовских книг появлялся с маркой «Посева» на титульном листе или «ЦОПЭ» («Центрального объединения послевоенных/политических эмигрантов из СССР»), или «ТЗП» («Товарищества зарубежных писателей»), или «Международного литературного сотрудничества» (состоявшего из одного-единственного Бориса Филиппова), или (в меньшей степени) «Виктора Камкина»: большой камкинский торговый оборот позволял ему самостоятельно финансировать свои издания, но поскольку четырехтомное собрание сочинений Николая Гумилева (1962–1968) готовилось Глебом Струве и Борисом Филипповым, то уместно допустить, что Филиппов способствовал привлечению хотя бы части бэдфордовских средств для этого гумилевского проекта.

С высокой долей вероятности можно говорить о таких ветеранах рынка, как «ИМКА-Пресс» или «Русская мысль» (как газета, так и издательство при ней — *La Presse Libre*), о недолговечном издательском доме «Пять континентов» (повесть «Опустелый дом» Лидии Чуковской, 1965, «Малознакомый Ленин» Н. Валентинова, с предисловием Б. Суварина, 1972).

Может, впрочем, создаться ложное впечатление, будто чуть ли не все русскоязычные книги подряд выходили на Западе на деньги ЦРУ. Нет, конечно же, многочисленные поэтические сборники, памятные книги различных землячеств, большая часть православной и монархической литературы, иудаика и, с другой стороны, антисемитская продукция, семейные саги, пухлые романы, мистическая и оккультная литература, книги по генеалогии и дореволюционному краеведению, переиздания классики — все это не принималось «Бэдфордом» к финансированию до тех пор, пока Айзек Пэтч и его помощники не могли обосновать перед ЦРУ, что выпуск

¹¹ Набоков В. Лолита: Роман / Пер. с англ. автора. N.Y.: Phaedra Publishers, 1967.

какого-то издания повернет настроения советской публики хотя бы самую малость в сторону западных берегов.

Четвертое. В дополнение к работе с другими проектами, «Бэдфорд» в конце 1950-х гг. открыл и собственное издательское дело — опять же избегая называться своим именем. Часть печатной продукции, прежде всего брошюры, компания печатала без указания какого-либо издателя, места и года. При до сих пор закрытых архивах «Бэдфорда» говорить о полноте перечня невозможно. Поэтому назову лишь некоторые выявленные позиции. Обосновывать отнесение данного списка именно к продукции «Бэдфорда» в настоящей публикации не представляется возможным: этому со временем будет посвящена отдельная работа, куда войдут и найденные по архивам некоторые письма, документы и устные свидетельства, записанные на магнитофон автором этих строк.

Все перечисляемые издания описаны de visu и приведены в хронологическом порядке:

Зотов Георгий. Я побывал на Родине / Под ред. и с послесл. Юр. Большухина. Мюнхен: Свободный голос, [1957]. 160 с. 12x16,5 см.

Пастернак Борис Леонидович. Доктор Живаго: Роман [/ Предисл. Б.Филиппова]. [Paris]: Societe d'Edition et d'Impression Mondiale, 1959. 635 с. 9,6x14,5 см. Формат меньше карманного. (Издание, за исключением предисловия, факсимильно воспроизводит самое первое русское издание «Доктора Живаго»: Милан, Г. Фелтринелли, 1958. Фактически: Гаага, Мутон.)

Пастернак Борис Леонидович. Доктор Живаго: Роман [/ Предисл. Б.Филиппова]. [Paris]: Societe d'Edition et d'Impression Mondiale, 1959. [В двух томах]. 635 с., сквозная пагинация. 9,6x14,5 см. Формат меньше карманного.

К.Д. Свободная беседа о свободе. Б. м., 1961. 27 с. (Автор: Кирилл Дмитриевич Померанцев?). 9,5x14,5 см. Формат меньше карманного.

Ульянов Н.И. Исторический опыт России. Нью-Йорк, 1962. 32 с. 14x20,2 см. (Принадлежность к «Бэдфорду» сомнительна.)

Михайлов Михайло. Московское лето 1964 года. [Париж, 1965]. 54 с. Ротаторное издание. 10,5x14,8 см. Формат меньше карманного.

Кафка Франц. Процесс: Роман / Пер. с нем.; Вступ. Георгия Адамовича. Torino, [без изд-ва, б.г.]. 262 с. 11,6x16,8 см. (Факсимильное воспроизведение части советского однотомника Ф. Кафки 1965 года.)

Джойс Джемс. Дублинцы / Пер. с англ.; Послесл. Н. Гарина. Неаполь: Edizioni Scientifiche Italiane, [1966]. 328 с. 13,5x18,4 см.

Камю Альбер. Незнакомец / Пер. Г. Адамовича. Paris: Editions Victor, [не ранее 1966]. 135 с. 13,6x18,5 см.

Набоков Владимир. Защита Лужина: Роман. Paris: Editions de la Seine, [1966]. 268 с. 13,3x18 см.

Набоков Владимир. Приглашение на казнь: Роман. Paris: Editions Victor, [1967]. 219 с. 13,5x18,5 см.

Силоне Иньяцио. Судьба одного бедного христианина / Пер. с англ. И. Альберти; Вступ. ст. Ирвинга Хау и В. Вейдле. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, [не ранее 1968]. 302 с. 11,4x15,8 см.

Джойс Джемс. Портрет художника в юности / Пер. с англ. В. Франк. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, [1968]. 367 с. 13,2x18,4 см.

Кеннеди Роберт. 13 дней: Свидетельство о Кубинском кризисе / Пер. И. Брукса. Paris: Editions de la Seine, [1969]. 144 с. 10,8x16,1 см. Карманный формат.

«...По вопросу, имеющему большое значение»: Письмо А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина и Р.А. Медведева руководителям партии и правительства (19 марта 1970 года); *Сахаров А.Д.* Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе (июнь 1968). Torino, [1970]. 77 с. 12x16,8 см.

Бринтон Крейн. Истоки современного мира: История западной мысли / Пер. с англ. и вступ. заметка В. Франка. Roma: Edizioni Aurora, 1971. 470 с. 11,6x16,8 см.

Горький Максим. Несвоевременные мысли: Статьи 1917–1918 гг. / Сост., введение и примеч. Г. Ермолаева. Paris: Editions de la Seine, 1971. 304 с. 12x17 см.

Анин Давид. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Roma: Edizioni Aurora, 1971. 528 с. 11,6x16,8 см.

«Он не искал ни богатства, ни славы...» [Сборник в память Юрия Галанскова]. [Б.м., без изд-ва, не ранее 1972]. Ротаторное издание. 95 с. 11x15,4 см.

Документы Комитета прав человека. November, 1970 — December, 1971 / With an introduction by J. Carey. New York: The International League for the Rights of Man, 1972. 353 с. 12,7x16,5 см.

Серж Виктор. Дело Тулаева: Роман / Пер. Э. Грей. Paris: Collection Editions de la Seine, [1972]. 473 с. 10,9x16 см. (Чуть ли не единственный случай, когда название подлинного издателя было указано прямо на титульном листе: С.I.L. 23, rue du Cherche-Midi.)

Новый колокол: Литературно-публицистический сборник. Лондон, 1972 (Фактически: Нью-Йорк). 480 с. 13,3x19 см.

Бергер Иосиф. Крушение поколения: Воспоминания / Пер. с англ. Я. Бергер. Firenze: Edizioni Aurora, 1973. 329 с. 11x18 см.

Коряков Михаил. Покаяние Хрущева: По страницам воспоминаний бывшего Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. [Б.м., без изд-ва, не ранее 1974]. Ротаторное издание. 48 с. 11,5x17,5 см.

Конквест Роберт. Большой террор / Пер. Л. Владимирова. Firenze: Edizioni Aurora, 1974. 1064 с. 11,5x16,8 см.

Колаковский Лешек. Похвала непоследовательности / Пер. с пол. и предисл. В. Кольцова. Firenze: Edizioni Aurora, 1974. 341 с. 10,8x16 см.

Дело Дандарона [/ Сост. и предисл. Е. Семека]. Firenze: Edizioni Aurora, 1974. Ротаторное издание. 71 с. 12x15,4 см.

Семь писем из Праги. Paris: Editions de la Seine, 1975. 125 с. 19x16 см. Карманный формат.

Шапиро Леонард. Коммунистическая партия Советского Союза. 2-е изд., доп./ Пер. с англ. В. Франк. Firenze: Edizioni Aurora, 1975. 933 с. 11,5x16,8 см.

Крэнстон Морис. Права человека: Документы о правах человека. Париж: Editions de la Seine, 1975. 376 с. 10,8x15,9 см.

Издания, с годом выхода которых нет ясности:

Орвелл Джордж. 1984 / Пер. В. Андреева и Н. Витова. Roma: [без издательства, б.г.]. 300 с. Карманный формат. По изданию: Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 300 с. 12x17 см.

Орвелл Джордж. Памяти Каталонии. Paris: Editions de la Seine, б.г. 312 с. 11x16 см. Карманный формат.

Путеводитель по Парижу. Paris: Editions de la Seine, б.г. 48 с., ил. 11,6x15,8 см. Карманный формат.

Наконец, пятое. Под всю эту финансово-издательскую деятельность Айзек Пэтч к концу 1960-х гг. подвел общий организационный фундамент: с разрастанием контактов между Западом и СССР «Бэдфорду» необходимо было создать легко управляемую распространительскую базу, своего рода общую платформу, на которой сосредоточивалась бы продукция, перечисленная выше.

Такие пункты распространения «тамиздата» особо расцвели в 1970–1980-е гг., уже после формального прекращения связи «Бэдфорда» с Комитетом Радио Свобода, но начало было положено при Айзеке Пэтче. Тем более что в течение еще пяти лет (1971 — июль 1975 г.) компания Пэтча продолжала получать финансирование самостоятельно, после чего была преобразована в International Literary Center (ILC, Международный литературный центр, называвшийся в Париже CIL, в Риме ALI, а в Лондоне UBEX) и полностью закрылась с распадом Советского Союза в 1991 году¹². Именно в этих городах — местах наибольшего скопления со-

¹² См.: *Zvaners M. Isaac Patch: «A True Cold War Warrior»*.

ветских туристов и иностранных путешественников в СССР — возникли специальные склады под видом частных квартир.

Эти «квартиры» не только принимали у себя посетителей и бесплатно раздавали им запрещенные в Советском Союзе издания, но и служили закупочными пунктами для издателей-эмигрантов. Любой такой издатель мог подать в «квартиру» свою заявку на выпущенную им (или только запланированную к выпуску) книгу или журнал. Заявка рассматривалась, и в случае ее одобрения «квартира» гарантировала приобретение части тиража. Как правило, 400 экземпляров книги среднего объема хватало для покрытия убытков на издание, остальное издатель-эмигрант оставлял для собственной коммерции. Тонкая книжка окупалась при покупке «квартирой» одной сотни экземпляров.

За 14 лет деятельности в Советский Союз было увезено более одного миллиона экземпляров книг, брошюр и журналов. Айзек Пэтч в мемуарах приводил следующие цифры: 35% продукции получили советские путешественники, 40 — западные, 15% — пошло по «специальным каналам»¹⁵. Трудно оценить, какая часть достигла читателей за железным занавесом.

Таким образом, не фигурируя ни в каких открытых отчетах и не называя своего имени, Bedford Publishing Company на деньги ЦРУ организовала в 1956–1970 гг. (с продолжением в 1971–1991-м) производство и распространение сотен наименований книг, брошюр и журналов, в той или иной степени несших заряд, критикующий политику советских властей, или невозможных для печати по различным причинам — от идейных до эстетических. В отличие от своих предшественников, «Бэдфорд» организовал еще и распространение печатной продукции и тем самым позволил успешно состояться тому явлению, которое получило в истории название «тамиздата».

¹⁵ Patch I. Op. cit. P. 261.

ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ

К.К. Семенов

Издательская деятельность Архива «Белое дело» в документах архивного собрания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Аннотация: Статья посвящена документам по истории Архива «Белое дело», хранящимся в архивном собрании Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Документы подтверждают, что издательский проект «Белое дело» был реализован благодаря совместной работе двух издательских центров: берлинского (А.А. фон Лампе) и рижского (князя А.П. Ливена).

Annotation: The article is dedicated to the documents on history of the Archive «White Cause», which are in the archival collection of House of Russian Diaspora Abroad. These documents prove that the publishing project of the «White Cause» was realized due to the co-work of two publishing centers: in Berlin (A.A. von Lampe) and in Riga (Prince A.P. Lieven).

Ключевые слова: Архив ДРЗ, «Белое дело», А.А. фон Лампе, князь А.П. Ливен.

Key words: Archive of House of Russian Diaspora Abroad, «Beloe delo» («White cause»), A.A. von Lampe, Prince A.P. Lieven

В современной историографии деятельность Архива «Белое дело» нашла заметное отражение, при этом она связывается исключительно с именем Алексея Александровича фон Лампе, чей вклад в издание альманаха, безусловно, неоспорим. Документы, отложившиеся в Архиве ДРЗ, позволяют нам взглянуть на историю альманаха под иным углом зрения.

Естественным желанием эмиграции было увековечить память о событиях Русской смуты и Белой борьбы. Это желание дало жизнь как отдельным изданиям воспоминаний, так и целым издательским проектам. В 1921 г. в Берлине И.В. Гессеном было начато издание многотомной серии документальных сборников «Архив русской революции». Начало этого проекта вызвало большое оживление в среде военной эмиграции: «Нам, участникам <Белого> движения, надо сделать все усилия, чтобы сохранить его для потомства и не дать противникам его возможности заглушить память о нем, как оглашением документов, всячески порочащих движение (Гессенский архив, книги Г. Раковского¹ и ему подобных), так и выемкой документов, описывающих движение с благоприятной стороны для препятствования появлению их на свет Божий (цель “Пражского архива”)²».

¹ См.: Раковский Г.Н. Конец белых. От Днепра до Босфора: Вырождение, агония и ликвидация. Прага, 1921. Эта книга вызвала острую негативную реакцию в среде военной эмиграции.

² А.А. ф. Лампе — Н.Н. Стогову, 20 августа 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 240.

Военная эмиграция также вынашивала идею об издании документальных сборников о своей борьбе с большевизмом. В 1923 г. А.А. фон Лампе предложил П.Н. Врангелю начать публикацию документальных сборников под собирательным названием «Белый архив». Предложение было поддержано Главнокомандующим, а также герцогом Г.Н. Лейхтенбергским³. При этом Врангель поставил фон Лампе два условия:

- 1) в названии издания должно фигурировать слово «Белый»;
- 2) редакцию должен возглавлять человек, пользующийся доверием Главнокомандующего⁴.

Таким образом, весь подготовительный процесс возглавил А.А. фон Лампе. Помимо издания альманаха, фон Лампе задумал создание архивного хранилища и предложил герцогу Лейхтенбергскому разместить это хранилище в своем замке.

Основой сборников должны были стать воспоминания участников событий, приказы и документы армии. Сам фон Лампе располагал «рядом документов, состоящих из моего дневника, переписки, газетных вырезок с 1919 года в количестве свыше 10 000 страниц»⁵. Еще до начала издания сборников Алексей Александрович разослал письма старшим офицерам с анонсами издания и предложением предоставить в распоряжение редакции свои воспоминания. Фон Лампе вел переговоры и с П.Н. Врангелем. Предложение фон Лампе у многих не вызывало энтузиазма, ибо они опасались, что Алексей Александрович не сможет осуществить издание сборников. Часто фон Лампе приходилось убеждать своих адресатов. Так, в одном из писем к П.А. Кусонскому генерал фон Лампе писал: «Я твердо верю, что издание сборников “Белое дело” не остановится на перечисленных мною книгах, почему и хочу напомнить Вам о Вашем согласии принять участие в создании этой летописи Белой борьбы и вновь прошу Вас не отказать предоставить редакции Ваши воспоминания, записки, дневники, письма или же сохранившиеся в ваших руках документы и передать такую же просьбу всем вашим близким и знакомым»⁶.

Кратко рассмотрев подготовительную работу А.А. ф. Лампе, перейдем непосредственно к предмету нашего сообщения. В Архиве ДРЗ хранится фонд 39 «Объединенный архивный фонд Северо-Западная армия» (Северная Армия, Северо-Западная армия, Русские вооруженные силы на

³ См.: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996. С. 56.

⁴ См.: *Павлова В.И.* «Рыцарь белой идеи»: (Генерал А.А. фон Лампе) // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки (Пенза). 2008. № 2. С. 46.

⁵ А.А. ф. Лампе — князю А.П. Ливену, 30 ноября 1925 г. // Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2. Л. 10.

⁶ А.А. ф. Лампе — А.П. Кусонскому, 11 декабря 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

территории Польши, 3-я Русская армия). Фонд (ранее Ф. 3. Оп. 2) был передан А.И. и Н.Д. Солженицыными в 1996 г. В 2005 г. фонд был разделен на 2 отдельных фонда, что привело к образованию Ф. 3 «Зуров Леонид Федорович» и вышепомянутого объединенного архивного фонда 39.

Опись 2 фонда 39 имеет заголовок «Архив Белое дело». В описи собраны 33 единицы хранения, всего 893 листа. Предыстория описи такова: в 1925 г. в Риге был образован «Архив гражданской борьбы с большевизмом». Ведущую роль в его создании сыграли Светлейший князь Анатолий Павлович Ливен и Леонид Федорович Зуров. Позже «Архив гражданской борьбы с большевизмом» стал рижским центром архива «Белое дело».

Согласно описи, в фонде присутствуют следующие материалы: протоколы заседания редакционной коллегии «Архива гражданской борьбы с большевизмом» за 1925–1926 гг.; переписка Светлейшего князя А.П.Ливена и Л.Ф.Зурова о сборе материала для Архива «Белое дело» за 1925–1926 гг., письма Н. Скородинского «Ответы Леониду Федоровичу Зурову на его вопросы относительно обороны Зимнего дворца 24.X.1917» за 1961 г., письма М. Бочарниковой; рукописи «Из записной книжки подпоручика Генриха Александровича Гана» за 1919 г., «Дневник пулеметчика Дмитрия Соломина», «Формирование Северной армии»; воспоминания В. Гусева «Три дня Красной Горки», И.С. Коноплина «Крестonosцы», М. Иванова «Отряд Балаховича», Г. Тарасова «Воспоминания рядового добровольца Северо-Западной армии», В. Карклина «Воспоминания о Кронштадтском восстании», неизвестных офицеров Северо-Западной армии — «От Гольдингена до Митавы», «Из владивостокских воспоминаний (ноябрь 1919 г.)»; дневники Н. Хвоинского «История славного 12-го Темницкого Гренадерского полка, 1918–1920», ротмистра П.В. Шапошников «Дневник офицера», дневник неизвестного автора «Дневник военных действий 1-й Светлейшего князя Ливена батареи 5-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона»; очерки генерал-майора М.В. Ярославцева «Последние дни Северо-Западной армии» (1932), фон Розенберга «За кулисами русской контрреволюции. Формирование русских националистических частей на Балтийском фронте», очерки неизвестных авторов «Остров», «На защите Риги (Встреча 1919 г.)», «Подполковник Николай Васильевич Рудаков», «Со щитом или на щите. Краткий очерк истории Ревельского Стрелкового полка»; статьи Л.Ф. Зурова «Даниловы», М. Курдюмова, статьи разных авторов для Архива «Белое дело», рецензия К.С. Леймана на книгу А.П. Родзянко «Воспоминания о Северо-Западной армии»⁷.

⁷ URL: http://www.bfrz.ru/?fond_element_id=20&mod=arhiv

По количеству листов дела существенно разнятся. Наименьшее — 3 листа (Коноплин И.С. Крестonosцы, Ф. 39. Оп. 2. Д. 8), самое большое — 110 листов (П.В. Шапошников «Дневник офицера», Ф. 39. Оп. 2. Д. 24).

Для нашего сообщения наиболее значимыми являются следующие дела: протоколы заседаний редакционной комиссии «Архива гражданской борьбы с большевизмом» за ноябрь 1925 г. — январь 1926 г. (Д. 1). Первое заседание редакционной коллегии (А.П. Ливен, Л.Ф. Зуров, А.С. Лукаш) состоялось 3 ноября 1925 г. На нем было решено изменить название проекта на «Архив недавней гражданской войны при газете “Слово”», Л.Ф. Зуров был назначен секретарем проекта, утвержден штамп организации и др.⁸ Второе заседание редакционной коллегии состоялось 9 декабря 1925 г., и, помимо уже известных нам лиц, на нем присутствовали Н.А. и С.А. Белоцветовы. Члены редколлегии доложили о ходе переговоров с В.Я. Гуревичем, Р.К. Бангерским и др., были заслушаны письма генералов А.П. Кутепова, А.А. фон Лампе, Е.К. Миллера и пр., Н.А. Белоцветов предложил дистанцироваться от газеты «Слово». В качестве наиболее важных постановлений были: решение стать независимой организацией, начать преобразование проекта в Национальный архив Зарубежной России, пригласить в организационный комитет П.Н. Врангеля, А.В. Карташева, А.А. фон Лампе, В.Л. Бурцева, герцога Лейхтенбергского.

Переписка членов редакционного совета с разными адресатами отложилась в делах 2, 3, 5 и 6. Особый интерес представляет переписка князя Ливена с А.А. фон Лампе, из которой становится понятно, что оба участника начали работу над созданием сборников почти одновременно. Так, 30 ноября 1925 г. фон Лампе в письме к князю Ливену высказал следующие мысли: «Ввиду того, что эта идея почти совпадает с той, которую я вынашиваю уже несколько лет, мне захотелось поделиться с вами моими мыслями и, быть может, впоследствии прийти к совместной работе во имя одного и того же убеждения!»⁹. Это письмо стало первым шагом к сотрудничеству. Завязалась оживленная переписка, результатом которой стало намерение редколлегии отправить Н.А. Белоцветова для личной встречи с А.А. фон Лампе в Берлин. Вскоре фон Лампе записал в своем дневнике: «Получил ответ от Ливена относительно возможности издать “Белый архив” — кажется что-то найдено»¹⁰.

Однако от названия «Белый архив» организационной группе пришлось отказаться из-за выхода в Париже первого выпуска «Белого архива», издан-

⁸ Протокол № 1 от 3 ноября 1925 г. // Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2.

⁹ А.А. ф. Лампе — князю А.П. Ливену, 30 ноября 1925 г. // Там же. Д. 2. Л. 8.

¹⁰ *Ершов В.Ф.* Деятельность генерала А.А. фон Лампе по созданию «Белого архива» российского военного зарубежья 1920–30-х годов и публикации материалов по истории Белого движения // *Белая армия. Белое дело* (Екатеринбург). 1998. №. 5. С. 59.

ного Я.М. Лисовским. Позже фон Лампе вспоминал: «Много споров вызвало название моего сборника, и в конечном результате, забрав «Летопись Белого движения» за интеллигентный оттенок, остановились на «Белое дело — Летопись белой борьбы»»¹¹. Это и стало окончательным названием серии, в качестве логотипа был принят шестиугольник, в который было помещено изображение летописца.

В распоряжении А.А. фон Лампе и князя Ливена имелось достаточное количество материалов для начала проекта, но, поскольку альманах задумывался как многолетний проект, издатели решили обратиться к участникам событий с просьбой о предоставлении материалов для последующих томов. А.А. фон Лампе направил соответствующие письма руководству РОВС и бывшим командирам на юге России, князь Ливен — участникам антибольшевистской борьбы на Северо-Западе и Сибири. Самыми известными среди адресатов князя были генералы Н.Н. Юденич и Р.К. Бангерский. Также отдельное письмо было направлено в редакцию ревельской газеты «Последние известия» для публикации: «...Недавно образовалась небольшая группа, состоящая под председательством бар^{она} П.Н. Врангеля и герцога Г.Н. Лейхтенбергского, А.А. ф. Лампе и меня, поставившая себе цель собрать в особый Архив всякого рода документы, записки, воспоминания, дневники, чертежи и фотографии, относящиеся к борьбе как русских добровольческих армий различных фронтов, так и к противобольшевистской борьбе самостоятельных государств, прилегавших в¹² границам СССР, как-то Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и кавказских республик. Эта группа лиц, не преследуя никаких политических целей, поставила себе задачей спасти для будущего историка все то, что может служить к освещению лежащего за нами периода борьбы. Группа эта намерена периодически издавать наиболее интересные документы отдельными выпусками под заглавием «Белое Дело — Летопись белого движения» под редакцией А.А. ф. Лампе»¹³. Письмо было полностью опубликовано в 175-м номере газеты¹⁴. Решив все организационные вопросы и собрав материалы, редакция приступила к подготовке сборников к печати.

Первый том «Белого дела» вышел из печати в октябре 1926 г. в русском издательстве «Медный всадник» в Берлине. Издание сопровождалось значительными трудностями, в первую очередь материальными. Авторы воспоминаний не могли сами финансировать издание сборников, потому фон Лампе приходилось искать меценатов. Издание первого сборника опла-

¹¹ Цит. по: Павлова В.И. Указ. соч. С. 47.

¹² Так в тексте документа.

¹³ Князь А.П. Ливен — Р.С. Ляхницкому // Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

¹⁴ См.: Письмо в редакцию // Последние известия (Ревель). 1926. 8 авг. № 175. С. 4.

тил Н.А. Белоцветов, второго — герцог Г.Н. Лейхтенбергский, третьего — В.Э. Фальц-Фейн. Кроме них, альманах материально поддержали и внесли большие суммы С.В. Рахманинов и Л.А. Тижетов (или Тиметов)¹⁵.

Распространение сборников было передано магазину «Град Китеж», расположенному в Берлине по адресу: Клейштштрассе, д. 21 (позже: Лютцовштрассе, д. 80). Лица, указанные в 1-м томе как сотрудники редакции, получали право на приобретение альманаха со скидкой 40 %.

Всего в 1926–1933 гг. вышло семь томов (I–VII) альманаха. Шесть томов вышли в упомянутом издательстве «Медный всадник», последний том — в берлинском издательстве «Шеер и Шмидт». Редактором всех томов был А.А. фон Лампе. Тираж первых шести томов был 2500 экземпляров, а VII тома — 1000 экземпляров.

Содержание томов альманаха было следующим:

I том (1926). 205 с.: Марушевский В.В. Год на Севере, Врангель П.Н. Март 1920 года, Алексеев М.В. Письмо к М.К. Дитерихсу, Степанов А.П. Симбирская операция, Иностранцев М.А. Первое поручение адмирала Колчака, Смирнов К.К. Начало Северо-Западной армии, Шульгин В.В. Контрабандисты;

II том (1927). 236 с.: Быховский альбом, Марушевский В.В. Год на Севере, Филимонов А.П. Кубанцы, Агапеев В.П. Убийство генерала Романовского, Акулинин И.Г. Уральское казачество в борьбе с большевиками, Занкевич [М.И.]. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске, Зуров Л.Ф. Даниловы, Гауг Е.М. На службе у большевиков;

III том (1927). 236 с.: Городецкий С.Н. Образование Северной области, Марушевский В.В. Год на Севере, Брагин А.П. Смешное в страшном, Пауль С.М. С Корниловым, Штейфон Б.А. Бредовский поход, Гутман-Ган А.Я. Два восстания, Гутман-Ган А.Я. Выдача адмирала Колчака, князь Ливен А.П. В Южной Прибалтике, Потоцкий Д.Н. Перед занятием Риги, де Гиллот Г.Н. Взрыв порохового погреба, атаман Дергач. В пасти Чека;

IV том (1928). 228 с.: Миллер Е.К. Борьба за Россию на Севере, Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (1918 г.), Белогорский Н. В дни Каледина, Потоцкий Д.Н. На Дону, Емельянов Е.Ф. Воспоминания добровольца, Андрушкевич Н.А. Последняя Россия: (Воспоминания о Дальнем Востоке), Коноплин-Горный И.С. Крестonosцы, Агапеев В.П. Корпус генерала Довбор-Мусницкого, Нелидов Н.Д. Заговоры в Петрограде;

V том (1928). 311 с.: Врангель П.Н. Записки: (Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.);

¹⁵ См.: *Базанов П.Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 102.

VI том (1928). 266 с.: Врангель П.Н. Записки: (Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.);

VII том (1933). 208 с.: Мечов Леонтий. Записки добровольца (1919–1920 гг.).

Каждый том альманаха дополнялся документами Белых армий (приказы, инструкции, расписания и т.п.), иногда публиковались и письма читателей. Сравнение содержания томов альманаха «Белое дело» и документов, отложившихся в Архиве ДРЗ, позволяет сделать вывод о публикации в альманахе только двух материалов из фонда 39: статьи Л.Ф. Зурова (Т. II. С. 158–196) и рукописи И.С. Коноплина<Горного> «Крестonosцы» (Т. IV. С. 146–179). Вместе с тем документы по Северо-Западному фронту Гражданской войны (воспоминания князя А.П. Ливена и пр.) явно происходят из рижского центра архива.

Документы по истории издательского проекта «Белое дело», отложившиеся в Архиве ДРЗ, позволяют нам дополнить новыми фактами процесс публикации одноименного альманаха, установить участие в этом процессе рижского центра во главе с князем А.П. Ливеном и Л.Ф. Зуровым, и тем самым внести свой вклад в изучение истории издательского дела российского зарубежья.

А. Аккаттоли

Издательское дело русской эмиграции глазами фашистского режима: по материалам итальянских архивов

Аннотация: На основе материалов итальянских институциональных архивов данная статья рассматривает развитие и функционирование системы фашистского надзора за иностранной печатью. В частности, проанализирует отношение итальянского режима к русской эмигрантской прессе. Сведения о цензуре помогут выявить трудности, с которыми приходилось сталкиваться русским эмигрантам в Италии в области развития печатной деятельности и культурной жизни вообще. Документы подтверждают, что в фашистской Италии не было гостеприимной среды для создания независимой и плодотворно работающей русской диаспоры.

Annotation: On the basis of materials of Italian institutional archives, the article analyzes the structure of the fascist censorship of the foreign press, with particular attention to the Russian émigré press. Data on censorship allows to understand the difficulties the Russian emigrants have encountered in Italy in the publishing field and in general in the cultural sphere. The documents confirm that fascist Italy was not a hospitable environment for the Russian diaspora, regarded with particular suspicion by the institutions.

Ключевые слова: фашистская Италия, цензура, итальянские архивы, пресса русского зарубежья, русская диаспора в Италии.

Key words: fascist Italy, censorship, Italian archives, Russian émigré press, Russian diaspora in Italy.

На протяжении двадцати лет существования фашистского режима (1922–1943), несмотря на присутствие русских общин в крупных городах и на высоко интеллектуальный состав русской эмиграции, в Италии не открылся ни один издательский дом и не вышло ни одного периодического издания русской эмиграции. Тем не менее на территорию Италии проникали эмигрантская пресса и литература из-за границы, пройдя предварительный контроль, а иногда и цензуру властей. В нашу задачу входит рассмотреть основные особенности развития и функционирования системы фашистского надзора за иностранной печатью. В частности, мы проанализируем отношение режима к русской эмигрантской прессе. Сведения о цензуре помогут выявить трудности, с которыми приходилось сталкиваться русским эмигрантам в Италии в области развития печатной деятельности и культурной жизни диаспоры.

Отсутствие эмигрантской печати в Италии, возможно, стало следствием прохладного отношения фашистского правительства к русским эмигрантам и их инициативам, к которым проявляли терпимость, но не

оказывали поддержки. Подобная осторожность наблюдалась с первых лет установления фашистского режима, когда в Италии был зарегистрирован наибольший наплыв русских беженцев, формировавших центры культурного объединения.

В качестве примера можно привести нереализованный проект основания русского издательского дома, предложенный в 1923 г. агрономом-социалистом Карлом Качоровским. Это характерный случай, так как Качоровский был основателем «La Russia», одной из немногих русских антибольшевистских газет, выходивших в течение нескольких лет в дофашистской Италии. Качоровский пользовался в Италии достаточно широкой известностью и авторитетом и, несмотря на свои социалистические и демократические взгляды, не скрывал свои симпатии по отношению к фашизму. Тем не менее, когда он представил в Министерство народного образования проект русского издательского дома, ему не удалось получить «моральную поддержку Правительства», на которую он рассчитывал. Фашистское правительство не создавало препятствий проекту, но одновременно с этим пришло к выводу, что «не стоит поддерживать официальным согласием со стороны государственных властей культурную инициативу, предпринимаемую К.»¹. Напомним, что в тот момент Б. Муссолини активно работал над подписанием политического соглашения с СССР, что помешало ему проявить щедрость по отношению к эмигрантам.

Из документов следует, что, даже несмотря на узкий круг русскоязычных читателей в Италии, фашистские власти с повышенной осторожностью относились и к присылаемой из-за границы эмигрантской печати. Данное исследование полностью основано на официальных источниках, хранящихся в различных архивах, так как система надзора за иностранной печатью во время фашизма состояла из нескольких отделов, находящихся в подчинении Министерства внутренних дел и Отдела печати при Главе правительства (1923–1933). В дальнейшем этот орган получил название Секретариата печати и пропаганды (1934), а в 1937 г. он будет переименован в Министерство народной культуры (Минкультуры)². В целях мониторинга иностранной печати Минкультуры пользовалось многочисленными услугами и персоналом Министерства иностранных дел. Этим объясняется то, что сегодня большая часть документов Минкультуры хранится в Историко-дипломатическом архиве Министерства иностранных дел³. Другая часть его

¹ ACS. PS. 1925. A11, b. 17, f. Caciowski Carlo fu Romano ed altri.

² См.: Ferrara P. I servizi per la stampa estera: dal ministero degli affari esteri al ministero della cultura popolare // Amministrazione centrale e diplomazia italiana (1919-1943): fonti e problemi: Atti del convegno Certosa di Pontignano (Siena), 25 aprile 1995 / A cura di V. Pellegrini. Roma, 1998. P. 101–115.

³ ASMAE. MINCULPOP.

делопроизводства находится в Центральном государственном архиве Рима, где хранятся также документы Министерства внутренних дел.

Документы категории F4 — «Иностранная печать» органов общественной безопасности Министерства внутренних дел — хронологически охватывают период с 1915 г. до 1943 г. и всесторонне отражают систему контроля, которому подвергались в Италии присылаемые из-за границы публикации⁴. В особенности те из них, которые подозревались в распространении коммунистических идей. К «иностранной печати» относился весь печатный материал, опубликованный за границей: монографии, периодика, брошюры и бюллетени на итальянском и иностранных языках. Фонд делится на три отдела: дела по общим вопросам; документы, относящиеся к отдельным публикациям; личные дела подписчиков на иностранную периодику. Большая часть документов относится к фашистскому периоду, а наиболее репрезентативный отдел посвящен отдельным публикациям. Изучение иностранной печати может дополнить анализ отдельных дел, взятых из других отделов фонда общественной безопасности, таких как распоряжения общего характера или личные дела получателей или авторов⁵.

Каталог фонда Минкультуры (1920–1944) состоит из трех плохо упорядоченных списков авторов и произведений различной тематики. Большинство из этих дел относится к зарубежной прессе, а некоторые (их мало) содержат информацию о русских и советских авторах. В папках Минкультуры собраны документы, содержащие сведения различного характера. Среди них находятся сведения о мерах, предпринятых в области цензуры книг, периодических изданий, а также по отношению к авторам.

Фашистская цензура иностранной печати. Основная задача фашистской цензуры в отношении иностранной прессы состояла в защите итальянского читателя от ее опасного влияния, главным образом политического. Эта проблема встала перед фашистскими властями с первых дней существования режима. Однако начиная со второй половины 1920-х гг. наблюдалось резкое увеличение делопроизводства в этой области, что явно свидетельствовало о расширении и усилении системы надзора и пресечения. Функционирование системы по обнаружению и изъятию нежелательной литературы обеспечивалось на трех этапах: за границей, на границе и на территории Италии.

Контроль за границей представлял совокупность превентивных мер, за исполнение которых отвечали итальянские дипломатические представительства. Часто посол лично прочитывал все опубликованные в периодической печати материалы об Италии, регулярно посылая в Рим тщательно

⁴ ACS. PS. F4 — Stampa estera.

⁵ ACS. PS. Massime; A1; A4; A11; A16; J5 и др.

составленный обзор печати и точные сведения о новых изданиях. Или, наоборот, иногда центральные органы запрашивали у послов информацию о конкретных зарубежных произведениях или авторах.

Для противодействия проникновению в Италию запрещенных публикаций в действие вступал контроль на границе, осуществлявшийся почтовыми отделениями, служащие которых работали в тесном контакте с агентами общественной безопасности. Почтовые работники располагали постоянно обновляемыми и дополняемыми Министерством внутренних дел списками запрещенных в Италии публикаций⁶. В действительности на границе допускалось много недосмотров, так как почтовые работники с трудом отслеживали все снимаемые или вновь налагаемые запреты, производившиеся в срочном порядке. Часто бывали и сбои в передаче информации в рамках цензурной системы между заграничными представительствами, центральными органами, пограничными почтовыми отделениями и префектурами.

За проведение надзора на территории Италии отвечали префекты. Для изъятия из обращения всех подозрительных изданий они прибегали к конфискации, налагаемой и в качестве превентивной меры. Информация о произведенных секвестрах поступала из префектур в Министерства внутренних дел и Минкультуры, которые должны были изучить изъятые публикации и принять соответствующие меры. Одной из причин, вызывавших подозрение властей и приводивших к конфискации, мог быть непонятный язык. Это часто касалось, в частности, русскоязычных изданий. И действительно, среди документов, относящихся к русской печати, находим множество сообщений о публикациях, найденных в поездах или изъятых на почте. Впоследствии эти печатные материалы посылались в министерства для прочтения, перевода и оценки содержания русскоговорящим персоналом.

Изучение отношения режима к советской печати не приводит к неожиданным результатам. Для фашистских властей это была идеологически враждебная пресса, и на протяжении всего фашистского периода любые советские произведения политического или идеологического содержания, считавшиеся опасными для итальянского читателя, подвергались полной цензуре, то есть «запрету на ввоз и распространение на территории Королевства». К подобной литературе относились советские периодические издания, тексты партийных лидеров, все брошюры, выпускаемые советскими организациями, а также Коммунистическим Интернационалом. Приходилось прикладывать гигантские усилия для противодействия про-

⁶ ACS. PS. F4, b. 117; Massime, b. 217, f. 2; b. 221, ff. 11 и 13.

никновению в Италию всего этого информационного материала, к которому необходимо добавить и массу присылаемой из СССР публицистики тенденциозного или пропагандистского содержания.

В целом этот материал, в оригинале и переводах, представлял относительно небольшую часть запрещенной в Италии печати. Гораздо большую опасность для фашистского режима представляла антифашистская пресса итальянских эмигрантов, издававшаяся главным образом в Париже, а также в основных центрах сосредоточения итальянской эмиграции в Северной и Южной Америке.

Меньшее беспокойство вызывали русские и советские литературные произведения в узком понимании, которые, как известно, были широко распространены в Италии в 1920–1930-х гг. Лишь на немногие книги был наложен запрет. Среди них числились и произведения М. Горького, считавшиеся образцом революционной литературы⁷. Необходимо признать, что периодически налагались общие запреты на распространение в Италии русских литературных произведений, однако в этих случаях речь шла лишь о временных мерах. Так, например, в 1928 г. неожиданно была запрещена продажа всей советской литературы любого жанра. Однако запрет был снят два месяца спустя самим Муссолини⁸. В 1929 г., а затем в 1938 г. в центре внимания цензуры оказались русские классики: Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, так как их произведения были расценены как настольные книги для воспитания молодых коммунистов⁹. Однако ни в одном из двух случаев это распоряжение не перешло в статус официального запрета на распространение или продажу. Сегодня эти меры представляют определенный интерес в рамках исследования представлений о русской культуре в Италии в фашистский период. Однако они не оказали значительного влияния на распространение в Италии произведений русской литературы в целом.

Печать русской эмиграции. Если полный запрет на распространение в Италии советской печати по идеологическим причинам не является неожиданным, то гораздо менее очевидным было подозрительное отношение итальянских властей к русской некоммунистической, более того, открыто антибольшевистской печати. Ею, по сути, являлись все периодические издания русской эмиграции, выходившие в различных столицах Европы, и не только. В некоторых случаях по отношению к ним проявлялась терпимость, особенно если в содержании были отражены профашистские настроения. Однако это не исключало неусыпного контроля за всей эмигрантской печат-

⁷ ACS. PS. F4, bb. 22, 23, 30, 51, 54, 108.

⁸ ACS. PS. F4, b. 108, f. Stampa sovietica.

⁹ ACS. PS. Massime, b. 220, f. 5.

тью. Так, к примеру, печатные органы младороссов, движения с откровенно профашистской окраской, часто подвергались проверкам, а в 1939 г. номера «Бодрости» (Париж) были конфискованы¹⁰.

Стоит заметить, что до Италии доходило небольшое количество периодических изданий русской эмиграции. Возможно, что запрет, налагавшийся на большую часть русскоязычных газет, заставлял читателей отказываться от подписки. Во всяком случае из исследованных документов следует, что под систематическим или нерегулярным надзором фашистских властей находились: среди ежедневников — выходившие в Париже «Последние новости» и «Возрождение» (за ними осуществлялся особенно тщательный контроль), белградское «Новое время» и берлинский «Руль»; среди еженедельников — «Дни», «Иллюстрированная Россия», «La Russie opprimée», «Россия и славянство», «Бодрость!», а также ежемесячник «Завтра». Все эти издания выходили в Париже. И, наконец, выходивший два раза в неделю в Буэнос-Айресе «Голос труда».

Можно выделить три основные причины враждебного отношения цензоров к эмигрантской печати. Речь идет, во-первых, об антиитальянских высказываниях, найденных хотя бы в одной статье; во-вторых, о политических взглядах редакции и общей линии газеты: вся эмигрантская печать социалистической направленности считалась политически враждебной фашизму, даже если открыто не критиковала его; и наконец, в-третьих, о сдерживающем факторе взаимных договоренностей с советскими властями. Еще одним важным фактором субъективного характера было широко распространенное в среде итальянских властных структур общее предубеждение по отношению к русским эмигрантам. Фашистские чиновники плохо разбирались в разнородном составе русской эмиграции, поэтому их недоверие объяснялось прежде всего незнанием ситуации. Предубеждение к русским эмигрантам выражалось в присвоении им совершенно особенных ярлыков-клише, не всегда понятных в наше время: русские эмигранты ассоциировались со шпионами и интриганами, или, что еще хуже, с масонами и евреями, или со всеми ними, вместе взятыми. Кроме того, часто эмигранты подозревались в сотрудничестве с советскими спецслужбами. К этим предубеждениям необходимо добавить обычное недоверие по отношению ко всем журналистам. Таким образом, русский эмигрант-журналист, а еще и еврей, что часто совпадало, становился образчиком ненадежного и сомнительного иностранца.

В зависимости от опасности, которую представляли публикации, они подпадали под различные уровни проверки и цензуры. Запрет на

¹⁰ ACS. PS. F4, b. 21.

ввоз и распространение на территории Итальянского Королевства являлся постоянной мерой, действующей до ее возможной отмены. Например, часто налагаемый на «Последние новости» запрет объяснялся тем, что уже несколько месяцев спустя он снимался, как правило, в результате протестов редакторов или итальянских подписчиков. Приказ же о конфискации выдавался в более выборочном порядке и мог касаться лишь одного номера. Однако после конфискации газета подпадала под «специальный надзор», как в случае с «Возрождением», неоднократно подвергавшимся конфискации, не будучи ни разу запрещенным¹¹.

Не стоит полагать, что система надзора за иностранной печатью отличалась постоянной последовательностью и строгостью. Так, с одной стороны, нередко допускались промахи и ошибки, а с другой — жесткость подхода была излишней и безосновательной. Именно поэтому негативное влияние цензоров имело большое значение. Многие русские эмигрантские журналы подпадают под их надзор случайно: как правило, в один из отделов приходило сообщение о подозрительной статье, ее немедленно переводили и разбирали содержание. Затем немедленно собирались сведения об авторах и издателях путем обращения в соответствующие итальянские посольства в Париже, Москве, Белграде, Варшаве и т.д. Иногда директорам изданий направлялись письма с предупреждением и в редких случаях запрашивалось мнение Муссолини. Сразу после наложения запрета газеты задерживались на границе, и их могли получить лишь особые адресаты.

Среди «особых» адресатов русскоязычных изданий в Италии были советские дипломатические представительства, русские эмигрантские круги (как, например, собиравшийся на улице Колоннетте в Риме), знаменитые деятели эмиграции, такие как дочь графа Л.Н. Толстого, религиозные и папские учреждения, итальянские организации, занимающиеся изучением современного положения СССР, такие как Центр Антикоммунистических исследований в Риме. Советское посольство в Риме являлось одним из получателей большинства запрещенных в Италии изданий, в том числе и эмигрантского происхождения. Доставка запрещенных материалов разрешалась в виде исключения, однако, десятки дел, хранящиеся в фондах Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел, свидетельствуют о том, что издания часто не доходили до места назначения из-за пропаж или бойкота¹². Все это вызывало раздражение

¹¹ ACS. PS. F4, b. 76, f. Renaissance 1928–36; b. 95, f. Vezraidenie (Rinascimento) 1934; ASMAE. MINCULPOP, b. 883, f. Renaissance.

¹² ACS. PS. F4, b. 104, f. Rappresentanze estere nel Regno.

подписчиков, вынужденных обращаться с жалобами в соответствующие министерства.

Отсутствие газет вызывало особенное раздражение у Александра Амфитеатрова, проживавшего на Лигурийском побережье. Верный почитатель Муссолини, который нередко выделял ему правительственные средства, в 1926 г. журналист написал длинное письмо дуче, подозревая заговор против русских эмигрантов в Италии. Будучи сотрудником газеты «Возрождение», он перестал получать ее как раз в период проходившего в Париже Съезда русских эмигрантов, что заставило его предположить существование плана по изоляции проживающих в Италии русских эмигрантов от всей остальной Европы. Однако самое удивительное в этой истории то, что именно в этот момент без какой бы то ни было предварительной подписки Амфитеатров начал неожиданно получать на домашний адрес советские газеты¹³. Неизвестной остается причина такой ошибки, как и достоверность самой описанной истории, однако она ярко свидетельствует о трудностях русских подписчиков и о нелегкой судьбе русской эмигрантской печати в Италии.

Рассмотрим конкретный пример «Последних новостей», эмигрантской русской газеты, подвергавшейся в Италии наиболее строгой цензуре. В течение всего фашистского периода посольства в Москве и Париже десятки раз получали запросы из Рима о целесообразности наложения запрета на эту газету в Италии. Каждый раз дипломаты составляли исторический обзор издания, определяли его внешнеполитическую позицию, в частности по отношению к Италии, сопровождали отчет переводами статей и биографий редакторов, а также высказывали свои доводы «за» или «против» запрета. В 1920-е гг. «Последние новости» несколько раз изымались почтовыми отделениями для проведения проверок, однако каждый раз вновь возвращались в оборот¹⁴. Тем не менее в 1930-е гг. четырежды был наложен запрет на распространение газеты.

С сентября по декабрь 1930 г. запрету на распространение газеты было дано следующее объяснение: «В редакции засилье русских евреев и масонов. Газета меньшевистской или социал-демократической и масонской направленности. Несмотря на поддержку антибольшевистской политики, нельзя исключить внедрение тайных советских агентов»¹⁵. Спустя пять лет, в течение которых папки, заведенные на газету в различных министерствах, ни разу не открывались, началась череда постоянных осложнений. В марте — июне 1936 г. из-за антиитальянских позиций газеты было при-

¹³ ACS. PS. A4, b. 32, f. Amfiteatroff Alessandro di Valentino e figli.

¹⁴ ACS. PS. F4, b. 24, f. Dernières (Les) nouvelles 1925–1940.

¹⁵ Ibid.

нято решение о постоянном запрете на ввоз и распространение в Италии, а также об изъятии из продажи всех экземпляров. В сентябре директор И.П. Демидов получил предупреждение итальянских властей. Обращал на себя внимание тот факт, что все иностранные корреспонденты были евреи: в Италии от нее работал Самуил Певзнер, проживавший в Милане¹⁶.

В мае — ноябре 1937 г. причиной запрета стало масонское и еврейское руководство «Последних новостей». Более того, цензоры обвиняли газету в проведении завуалированной пропаганды против Италии путем перепечатывания нескольких статей антифашистского содержания, вышедших в советской прессе. Демидов возражал и утверждал, что речь идет об изложении фактов, а не о пропаганде. После тщательного анализа последних номеров газета была снова пущена в оборот¹⁷. Наконец, в 1938 г. появляется новая дискредитирующая информация о руководителях и сотрудниках газеты, в большинстве случаев евреев, находившихся в тесном контакте с французскими масонами. На журнал накладывается запрет на ввоз и распространение в Италии до 1940 г.¹⁸

Как можно заключить из всего корпуса изученных дел, взгляд цензоров, как и всего фашистского режима, на издания русского зарубежья был столь же поверхностным, сколь и недоброжелательным. Предубеждения государственных чиновников, политиков и дипломатов отчасти отражали и общественное мнение итальянцев. Это объясняет не только строгость цензуры, но и отсутствие благоприятных условий в итальянской культурной среде для развития издательской деятельности русских эмигрантов, а в более широком смысле — и для создания независимой и плодотворной русской диаспоры, несмотря на присутствие в ней профессионалов высокого уровня, деятелей культуры и интеллигентов.

Перевод с итальянского Ольги Дубровиной.

¹⁶ ACS. PS. F4, b. 24, f. Dernières (Les) nouvelles 1925–1940.

¹⁷ Ibid; ASMAE, MINCULPOP, b. 789, f. Dernières Nouvelles.

¹⁸ ACS. PS. F4, b. 24, f. Dernières (Les) nouvelles 1925–1940; ASMAE, MINCULPOP, b. 789, f. Dernières Nouvelles.

А.В. Бакунцев

Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937): краткий очерк деятельности

Аннотация: Статья посвящена деятельности одного из самых жизнеспособных книгоиздательств русского зарубежья — Издательской комиссии Русского культурного комитета в Белграде. Опираясь на неизвестные доселе материалы фонда Русского культурного комитета в Государственном архиве Российской Федерации, автор рассказывает об истории учреждения, составе, основополагающих принципах деятельности Издательской комиссии, а также о трудностях, с которыми она столкнулась, и о причинах ее упразднения.

Annotation: The article is dedicated to the activities of one of the most viable publishing house of the Russian Abroad — the Publishing Commission of Russian Culture Committee in Belgrade. The article is based on materials of the Russian cultural Committee Fund at the State Archives of Russian Federation, which have not been known until now. The author of the article tells us about the circumstances of creation, composition, fundamental principles of the Publishing Commission as well as the difficulties it faced and the reasons for its elimination.

Ключевые слова: Издательская комиссия, Русский культурный комитет в Белграде, Державная комиссия по делам русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, русская эмиграция, русское зарубежье, писатели-эмигранты, книгоиздательство, книжная серия, книжная торговля, авторский гонорар.

Key words: Publishing Commission, Russian Culture Committee in Belgrade, State Commission for problems of Russian Fugitives in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Russian emigration, Russian Abroad, émigré writers, publishing house, book series, book trade, author's fee.

Деятельности Издательской комиссии Русского культурного комитета (или по-сербски – одбора) в Белграде посвящена сравнительно небольшая, но в целом весьма авторитетная исследовательская литература¹. Тем не ме-

¹ См.: *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. / Под ред. А. Арсеньева, О. Кирилловой, М. Сибиновича. М., 1996. С. 46–71; *Бурић О.* Руска литерарна Србија: 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). Београд, 1990; *Качаки И.Н.* Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии), 1920–1945 гг. = *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S (Yugoslavia), 1920–1945. Arnhem, 1991; *Качаки Ј.* Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиограф. радова, 1920–1944: покушају реконструкције. Београд, 2003; *Кодзис Б.* Литературные центры русского зарубежья, 1918–1939: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. München, 2002; *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде, 1920–1950-е годы: Эссе. М., 2007; *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996; *Шофракова И.А.* Белградские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940 / Гл. ред., сост. А.Н. Николюкин. М., 2000. Т. 2: Периоди-

нее нельзя сказать, что эта деятельность изучена в достаточной степени. Разумеется, наиболее достоверные сведения об Издательской комиссии можно почерпнуть в публикациях тех исследователей, которые непосредственно работали с фондами Русского культурного комитета. Таких фондов всего два: один из них хранится в архиве Сербской академии наук, другой — в Государственном архиве Российской Федерации. Кое-какие материалы, связанные с деятельностью Русского культурного комитета и его Издательской комиссии, хранятся также в Архиве внешней политики России.

На сегодня в исследовательской литературе лучше всего представлена сербская часть фонда Русского культурного комитета. Именно на его материалах основаны работы А.Б. Арсеньева, О. Джурича, Й. Качаки. Материалы из Архива внешней политики России использованы в статье В.И. Косика. Менее всего исследован фонд Русского культурного комитета в ГАРФ, хотя — судя по его объему и содержанию — этот фонд является наиболее полным и репрезентативным. В его составе имеется значительный массив документов, связанных с деятельностью Издательской комиссии. Это в первую очередь протоколы заседаний Комиссии, ее переписка с Русским культурным комитетом и Державной комиссией по делам русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а также обширная переписка с писателями-эмигрантами, чьи произведения были Комиссией изданы. Пока что этот богатейший архивный материал нашел отражение (к слову, совсем неадекватное — и по объему, и по содержанию, и по уровню общекультурной осведомленности) лишь в трех небольших публикациях старшего научного сотрудника ГАРФ А.Л. Райхцаума в журнале «Исторический архив». По поводу этих публикаций скажу только следующее.

Во-первых, совершенно неясен принцип отбора документов для всех трех публикаций, предметом которых была переписка Издательской комиссии с А.И. Куприным, А.В. Амфитеатовым и И.А. Буниным. Например, из 52 эпистолярных единиц, составляющих переписку И.А. Бунина с Издательской комиссией, А.Л. Райхцаум опубликовал лишь 9 писем, тематически и хронологически мало меж собой связанных. Во-вторых, вне поля зрения публикатора остался огромный массив переписки Издательской комиссии с другими писателями-эмигрантами. В частности, переписка

ка и литературные центры. С. 21–22; «Будь проклята нужда»: Переписка А.И. Куприна с председателем Издательской комиссии Русского культурного комитета в Белграде В.Д. Брянским, 1928–1931 гг. / Публ. А.Л. Райхцаума // ИА. 1995. № 4. С. 136–146; «Я – литератор старой школы»: Переписка А.В. Амфитеатрова с Издательской комиссией в Белграде, 1928–1937 гг. / Публ. А.Л. Райхцаума // Там же. 1997. № 5–6. С. 165–176; «Ваша слава есть слава России»: Переписка И.А. Бунина с Издательской комиссией в Белграде, 1929–1933 гг. / Публ. А.Л. Райхцаума // Там же. 1999. № 1. С. 192–199.

с Д.С. Мережковским представляет собой собрание, насчитывающее не менее 200–300 архивных листов, и, судя по листку контроля, эта — весьма пухлая — папка еще никем не изучалась. Безусловно, все эти материалы ждут своих исследователей и публикаторов.

Данная статья основана на малоизвестных материалах фонда Русского культурного комитета в Белграде, который хранится в ГАРФ². В числе этих материалов — два «Очерка деятельности Издательской комиссии», которые были подготовлены в 1932 и 1937 гг. ее бессменным председателем — В.Д. Брянским, и журналы заседаний Издательской комиссии.

Прежде чем говорить об Издательской комиссии, необходимо сказать хотя бы два слова об ее учредителе — Русском культурном комитете в Белграде. Эта организация была образована весной 1928 г. На первом заседании Русского культурного комитета, которое состоялось 29 мая 1928 г., профессор Белградского университета, президент Сербской академии наук, председатель Державной комиссии по делам русских беженцев А. Белич отметил, что «целью новой организации является подъем и развитие тех граней жизни, “без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни — науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей чести Славянства место”»³.

Среди задач, которые поставил перед собой Русский культурный комитет, было создание Русского научного института, публичной библиотеки, литературно-художественного журнала, книгоиздательства, музыкальной, художественной и театральной студий. Для реализации этой программы из государственного бюджета Королевства сербов, хорватов и словенцев выделялось по 300 тыс. динаров ежемесячно. Председателем Русского культурного комитета был избран А. Белич. Работа по всем обозначенным направлениям началась незамедлительно.

Издательская комиссия была учреждена на очередном заседании Русского культурного комитета 29 июня 1928 г. А первое заседание самой Издательской комиссии состоялось почти через месяц — 23 июля 1928 г. В

² В конце 1930-х гг. архив Русского культурного комитета в Белграде и его Издательской комиссии был передан в Русский зарубежный исторический архив в Праге (РЗИА). В 1946 г. вместе с другими фондами РЗИА фонд Русского культурного комитета был перевезен в СССР и передан в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. В 1961 г. этот архив слился с Центральным государственным историческим архивом в г. Москве и стал называться Центральным государственным архивом Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. В 1992 г. он был объединен с Центральным государственным архивом РСФСР, в результате чего появился Государственный архив Российской Федерации.

³ Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20.

дальнейшем — по крайней мере, в первые годы существования Комиссии — ее заседания проходили обычно раз в неделю, но затем заседания «сократились, и Комиссия собиралась по мере надобности, но приблизительно раз в месяц»⁴.

В первый состав ИК вошли:

В.Д. Брянский — представитель Всероссийского союза городов, бывший член Совета начальника Управления внутренних дел Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России;

Е.В. Спекторский — председатель Русского научного института, профессор Белградского университета;

А.П. Доброклонский — председатель Совета по русской школе при Державной комиссии по делам беженцев, профессор;

Б.М. Орешков — представитель Русского культурного комитета, инженер, масон;

В.М. Пронин — полковник Генерального штаба, начальник канцелярии Державной комиссии Министерства иностранных дел, издатель и редактор «Военных сборников» и газеты «Русский голос», а также член-учредитель русского Военно-научного института в Белграде, преподаватель в белградском отделении Высших военно-научных курсов генерала Н.Н. Головина.

Председателем Издательской комиссии был избран В.Д. Брянский; функции секретаря были поручены В.М. Пронину; за реализацию книжной продукции стал отвечать Б.М. Орешков.

В дальнейшем в составе Издательской комиссии произошел ряд изменений. Уже с 1928 г. вместо отказавшегося участвовать в ее работе профессора А.П. Доброклонского Совет по русской школе в Издательской комиссии стал представлять Л.М. Сухотин — историк, земский деятель, преподаватель Русской гимназии и директор Русско-сербской женской гимназии. В конце 1930 г. профессора Е.В. Спекторского, получившего назначение в Люблянский университет, в Издательской комиссии сменил новый председатель Русского научного института профессор Ф.В. Тарановский. В декабре того же, 1930 года в состав Издательской комиссии по решению Русского культурного комитета вошел редактор-издатель белградской русской газеты «Новое слово» М.А. Суворин (сын знаменитого газетного магната А.С. Суворина). М.А. Суворину, среди прочего, была поручена своего рода литературная экспертиза поступавших в Комиссию произведений. В 1936 г. членом Издательской комиссии снова стал профессор А.П. Доброклонский, сменивший умершего профессора Ф.В. Тарановского.

⁴ [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии Русского культурного комитета в 1928–1937 гг. // ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

Такой довольно «пестрый» состав Издательской комиссии позволил современному сербскому исследователю-эмигрантологу О. Джуричу усомниться в профессиональной состоятельности ее членов — как *организаторов* издательского процесса. По мнению О. Джурича, члены Издательской комиссии, будто бы не обладавшие ни достаточным опытом эдиционной практики, ни безупречным литературным чутьем, при выборе произведений для издания руководствовались не универсальными литературными критериями, а «преходящими политическими целями», что якобы и «предопределило неудачу, постигшую отличный замысел»⁵. Нам подобное утверждение представляется весьма спорным. И вообще непонятно, на чем основаны столь категоричные выводы сербского эмигрантолога.

По крайней мере, если судить по материалам фонда Русского культурного комитета, которые хранятся в ГАРФ, то «политика», «преходящие политические цели» *никогда* не рассматривались Комиссией в качестве критериев при отборе произведений для издания.

В действительности Издательская комиссия руководствовалась в своей деятельности не политическими, а, скорее, *прагматико-дидактическими* соображениями. Своей главной задачей Комиссия считала помощь в воспитании и образовании эмигрантской молодежи и в соответствии с этим поставила себе целью обеспечить русские библиотеки, школы, высшие учебные заведения «хорошей и недорогой книгой, которая бы содействовала заложению в душах молодежи здоровых моральных, национальных и чисто человеческих начал»⁶. При этом во всех программных документах и в отчетах Издательской комиссии подчеркивалось: «Стремление к коммерческой наживе исключено, книги должны себя окупать и иметь хороший, красивый вид»⁷.

Первоначально план действий Издательской комиссии включал следующие пункты: «1) издание русских классиков и [современных] писателей; 2) издание книг для юношества и детей и 3) издание учебников»⁸. В целом этот план был реализован. Но от реализации одного его пункта Комиссии пришлось отказаться, даже несмотря на то, что на самом первом этапе ее существования этот пункт был основополагающим: речь идет о переиздании произведений русских классиков. Как видно из журналов заседаний Издательской комиссии во второй половине 1928 г., для такого переиздания

⁵ Ђурић О. Руска литерарна Србија. С. 186.

⁶ [Брянский В.Д.]. Доклад [в заседании Русского культурного комитета от 29 июня 1928 г.] // ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

⁷ [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии при Русском культурном одборе с июля 1928 г. по июль 1932 г. // Там же. Л. 63.

⁸ Там же.

намечались «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Демон» М.Ю. Лермонтова и избранные рассказы Н.С. Лескова. Однако в конечном счете Издательская комиссия отдала предпочтение изданию произведений писателей-эмигрантов, контакты с которыми начали успешно развиваться со второй половины 1928 г.

Возникновению этих контактов существенно помог I съезд зарубежных русских писателей и журналистов, который прошел в Белграде с 25 сентября по 1 октября 1928 г. В работе съезда участвовали Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Вас.И. Немирович-Данченко, Е.Н. Чириков, А.И. Куприн, Б.К. Зайцев. В.Д. Брянскому удалось встретиться и вступить в переговоры с ними. Так Издательская комиссия получила своих первых авторов, а в Париже стали распространяться слухи о появлении в Королевстве сербов, хорватов и словенцев нового русского книгоиздательства.

Никакого «фирменного» наименования это книгоиздательство — за все время его существования — так и не получило, хотя вопрос о таком наименовании поднимался. Например, в протоколе заседания Издательской комиссии от 15 октября 1928 г. отмечено, что Комиссия приняла предложение профессора А. Белича «дать название издательству “Русский путь”»⁹, однако в итоге издательство почему-то так и осталось «безымянным».

Все книги, принятые Издательской комиссией в производство, были выпущены в составе трех серий: «Русская библиотека», «Детская библиотека» и «Библиотека для юношества». По данным известного польского исследователя Б. Кодзиса, таких книг было выпущено Издательской комиссией «более 50»¹⁰. В работах других исследователей приводятся и другие цифры. Например, О. Джурич, А.Б. Арсеньев, И.А. Шомракова пишут, что в рамках «Русской библиотеки» было выпущено 43 книги писателей-эмигрантов¹¹. Эта цифра изначально была определена О. Джуричем и его коллегой — сербским библиографом Й. Качаки в результате архивных и библиографических изысканий. В то же время В.И. Косик говорит о 40 книгах¹². Кто же тут прав?

В рамках книжной серии «Русская библиотека» с 1928 по 1937 г. действительно было издано 43 книги. Но речь в данном случае идет не о *наименованиях*, а о *выпусках* внутри этой серии. Слово «книга» тут имеет не столько «общегуманитарный», сколько «технический», «полиграфический» смысл. Напомню: с точки зрения полиграфии книга — это непериодическое

⁹ Журнал заседания Издательской комиссии при Русском культурном одборе от 15 октября 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 113. Л. 99 об.

¹⁰ Кодзис Б. Указ. соч. С. 147.

¹¹ См.: Джурич О. Руска литерарна Србија. С. 197–202; Арсеньев А. Указ. соч. С. 55; Шомракова И.А. Указ. соч. С. 21.

¹² См.: Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? С. 73.

текстовое произведение печати объемом свыше 48 страниц. Именно такие «непериодические произведения печати» и зафиксированы в библиографических обзорах О. Джурича и Й. Качаки¹⁵.

Если внимательно рассмотреть хотя бы те перечни выпущенных Издательской комиссией книг, которые приводят в своих работах сербские исследователи, то легко заметить, что в ряде случаев эти «книги» (или выпуски) представляли собой *отдельные части* (отдельные тома) *одних и тех же* произведений. Так было, например, с книгами Д.С. Мережковского «Наполеон» (1929), «Атлантида-Европа. Тайна Запада» (1931) и «Иисус Неизвестный» (1932–1934), с «семейной хроникой» Е.Н. Чирикова «Отчий дом» (1929–1931), с фундаментальным историческим исследованием С.П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» (1930–1931). Поэтому — с точки зрения наименований — Издательская комиссия выпустила в серии «Русская библиотека» не 43, а 31 книгу.

В серии «Детская библиотека» было издано 11 книг¹⁴, в том числе 6 выпусков «Народных русских сказок» в изложении П.Н. Полевого 1874 г. издания (1928–1929); книги Саши Черного «Серебряная елка» (1929) и «Румяная книжка» (1931), 2 выпуска «Сказок» В.С. Булич (1931) и сказка Н.А. Еленева «Белая башня» (1931).

В серии «Библиотека для юношества» были изданы только 2 книги: «На морском берегу» (1930) И.С. Шмелева и «Сильные духом» (1930) педагога и писателя Е.А. Елачича¹⁵.

Кроме перечисленных изданий, Издательская комиссия выпустила также 2 учебника, которые предназначались для русских средних школ, — это «История средних веков» (1929) и «История нового времени» (1931) Л.М. Сухотина¹⁶.

Таким образом, за все время своего существования, с середины 1928 г. по начало 1937 г., Издательская комиссия выпустила *формально* (номинально) 58 книг, которым в действительности соответствует 41 наименование.

Принципиальная установка Издательской комиссии на отсутствие и даже недопустимость коммерческого интереса была обусловлена в первую очередь тем, что деятельность Комиссии финансировалась из государственной казны югославского королевства. Первоначально предполагалось, что

¹⁵ См.: Качаки И.Н. Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии).

¹⁴ В.И. Косик ошибочно пишет о 9 книгах (выпусках) (см.: Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? С. 73).

¹⁵ А.Б. Арсеньев пишет о «12 книжках “Детской библиотеки” и “Библиотеки для юношества”» (Арсеньев А. Указ. соч. С. 55), но это также досадная ошибка.

¹⁶ Среди учебных пособий, выпущенных Издательской комиссией, О. Джурич называет также «Начала науки о государстве и обществе» (1929) Е.В. Спекторского и «Учебник общей географии» (1929) Б.Н. Протопопова. Однако Й. Качаки не подтверждает эти сведения.

в виде субсидий Издательская комиссия будет получать по 50 тыс. динаров ежемесячно. Однако уже в середине осени 1928 г. сумма государственного ассигнования была сокращена ровно вдвое, т.е. до 25 тыс. динаров в месяц. Причем из этой суммы предполагалось расходовать 18 тыс. динаров на издание новых произведений и 7 тыс. — на переиздание классиков. Однако в итоге, в связи с отказом от такого переиздания, вся указанная сумма, очевидно, употреблялась на издание произведений писателей-эмигрантов.

В программных документах Издательской комиссии содержался ряд положений «технического» свойства, ставших впоследствии своего рода нормативно-материальной основой деятельности Комиссии. Эти положения касались формата, объема, тиража, шрифтового оформления изданий, качества используемой бумаги, размера авторских гонораров.

Так, было решено «установить однообразную форму для каждого вида издания отдельно, приняв для общелитературных произведений формат 58x84, а для детского издательства 50x80»¹⁷.

Для художественно-литературных и учебных изданий был принят шрифт «корпус» (10 пунктов), для произведений детской литературы — «цицера» (12 пунктов).

На основе социологического исследования, целью которого было изучение спроса со стороны эмигрантских «общественных, частных и кружковых библиотек», Комиссия постановила «книги печатать в количестве 2000 экземпляров для классиков и детских книг и 1500–1000 [экземпляров] для остальных писателей»¹⁸. Однако реальность внесла в эти расчеты свои коррективы. Уже с начала 1930-х гг., вследствие, как писал В.Д. Брянский, «ухудшения русского книжного рынка», Издательская комиссия вынуждена была сократить тиражи с «типовых» 2 тыс. до 1,5 тыс., а затем и до 1 тыс. экземпляров.

Так как Издательская комиссия стремилась сделать свою продукцию по возможности образцовой, должна была использоваться бумага «хорошего качества, белая». В своем «Очерке деятельности Издательской комиссии» 1932 г. В.Д. Брянский пишет, что первоначально книги печатались на бумаге сорта «Хольцфрай-44». Однако уже с 1930 г., опять-таки вследствие экономических затруднений, Комиссии пришлось перейти на бумагу более низкого качества.

По первоначальному замыслу, объем каждой книги должен был составлять 10–12 листов, при этом планировалось *ежемесячно* выпускать в среднем по 20–25 листов, т.е. по 2 книги. Однако в действительности, как

¹⁷ [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии при Русском культурном одборе с июля 1928 г. по июль 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

¹⁸ Там же.

указывал В.Д. Брянский, редкая книга, выпущенная Издательской комиссией, составляла менее 20 листов, а некоторые даже имели объем до 35 листов. Соответственно Комиссии не удалось выдержать и заявленный ритм выпуска книг. В приводимой ниже таблице показана динамика падения издательской активности по годам:

Год	Книжные серии			Учебники
	Русская библиотека	Детская библиотека	Библиотека для юношества	
1928	-	2	-	-
1929	13	5	-	1
1930	9	-	2	-
1931	11	4	-	1
1932	4	-	-	-
1933	2	-	-	-
1934	1	-	-	-
1935	2	-	-	-
1936	1	-	-	-
Итого	43	11	2	2
Всего	58			

Что касается авторских гонораров, то, как писал в 1932 г. в своем «Очерке деятельности Издательской комиссии» В.Д. Брянский, первоначально авторам предполагалось платить по 1 тыс. динаров с листа и еще по 10% от «обложечной» (т.е. указанной на обложке, розничной) цены. Однако «ближайшие переговоры с авторами, а также общая мировая постановка авторского вознаграждения русским писателям внесли некое изменение в первоначальное предположение»¹⁹. В итоге, после неоднократных обсуждений, было решено выплачивать авторам вознаграждение «за впервые печатаемые Издательской комиссией труды — в размере 20% от обложечной цены» книги, «с выдачей аванса при начале печатания в размере 50% всей причитающейся данному писателю суммы»²⁰. При переиздании «ранее печатавшихся трудов» гонорар сокращался до «10% с обложечной цены», но размер аванса оставался тем же. На практике в иных случаях аванс мог составлять и 25% от «обложечной» цены. Так или иначе, как отмечал в 1932 г. В.Д. Брянский, «это общее правило имело и отступления: так, не-

¹⁹ [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии при Русском культурном одборе с июля 1928 г. по июль 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 63 об.

²⁰ Журнал заседания Издательской комиссии при Русском культурном одборе от 15 октября 1928 г. // Там же. Л. 98–98 об.

которые книги были изданы без всякой выдачи авансов, а другие — с выдачей автору единовременного вознаграждения без всякой последующей уплаты процентов от продажи. Для издательского дела, — подчеркивал В.Д. Брянский, — последняя форма [т.е. выплата фиксированной суммы, или “фикса”. — А.Б.] является наиболее удобной»²¹.

В «Очерке деятельности Издательской комиссии» 1937 г. отмечено, что гонорары в виде «фикса» были выплачены Д.С. Мережковскому — за его «Атлантиду-Европу» и «Иисуса Неизвестного».

Что же касается «общего правила» начисления гонораров, то оно «применялось главным образом по отношению к авторам», внесенным в особый список: произведения таких авторов издавались в первую очередь. В этом списке значились имена М.А. Алданова, А.В. Амфитеатрова, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.И. Куприна, Д.С. Мережковского, Вас.И. Немировича-Данченко, А.М. Ремизова, Е.Н. Чирикова, И.С. Шмелева. В то же время, если «оставались свободные средства, то издавались и другие авторы, но на других условиях, главным образом с уменьшением или даже с уничтожением аванса»²².

Определенный интерес представляет расчет того, что в документах Издательской комиссии называется «обложечной» ценой. В эту цену закладывались следующие параметры:

- 1) расходы издательства — примерно 35%;
- 2) вознаграждение авторам — 20%;
- 3) скидка для распространителей (начиная с книжного магазина Державной комиссии) — 45%.

При этом Издательская комиссия оставляла в своем распоряжении 100 экземпляров, большая часть которых предназначалась: а) для выдачи авторских экземпляров (обычно 25–30 экз.); б) для бесплатной рассылки на отзыв в редакции газет и журналов, а также отдельным лицам, список которых утверждался Издательской комиссией (около 50 экз.). В «Очерке деятельности Издательской комиссии» 1937 г., среди прочего, говорится, что «каждая печатаемая книга через председателя Русского культурного одбора проф. Белича подносилась его величеству королю»²³.

С первых дней существования Издательской комиссии собственно книгоиздательская сторона дела была отделена от книготорговой. Распространение на первых порах было поручено Отделу труда Державной

²¹ [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии при Русском культурном одборе с июля 1928 г. по июль 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 63 об.

²² [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии Русского культурного комитета в 1928–1937 гг. // Там же. Д. 4. Л. 3.

²³ Там же. Л. 3 об.

комиссии. «Это разделение, — отмечал впоследствии В.Д. Брянский, — может быть, было ошибкой при организации дела, т.к. издание книги и продажа ее должны быть тесно связаны между собою»²⁴.

Самым наглядным и, несомненно, роковым — для коммерческого благополучия Издательской комиссии — следствием этой «ошибки» были крайне вялые продажи. Убедиться в этом можно на примере реализации книги Бунина «Грамматика любви», которую Издательская комиссия выпустила в ноябре 1929 г. Как следует из регулярных (поначалу — ежесеместровых) отчетов Комиссии, с 13 ноября 1929 г. по 1 января 1937 г. из 2 тыс. экземпляров этой книги было продано всего лишь 678 экземпляров (т. е. менее трети тиража). См. таблицу:

Год	I полугодие	II полугодие
1929	-	252
1930	123	30
1931	36	23
1932	16	2
1933	75	
1934	121	
1935		
1936		
Итого	678	

Разумеется, виновником столь низких продаж был не И.А. Бунин, а навязанная Издательской комиссии Русским культурным комитетом малоэффективная система книгораспространения. Одной из ее характерных особенностей был своего рода книжный «бартер»: книги, выпущенные Издательской комиссией и поступавшие в розницу, не столько продавались, сколько обменивались на книги других эмигрантских издательств. Вдобавок к этому ряд книжных магазинов требовал для себя более высокий процент скидки, чем тот, что предоставляла Издательская комиссия (60% вместо 45%). Из-за того что Комиссия не соглашалась на подобные условия, магазины ничего не предпринимали для оптимизации продаж ее изданий.

Ситуацию усугубил мировой экономический кризис, одним из следствий которого был запрет на перемещение через границу национальных валют. Расчеты с зарубежными партнерами оказались существенно затруднены.

Система книгораспространения явно требовала пересмотра и реформирования. В мае 1931 г. В.Д. Брянский представил проект такой реформы.

²⁴ [Брянский В.Д.]. Очерк деятельности Издательской комиссии Русского культурного комитета в 1928–1937 гг. // Там же. Д. 4. Л. 5 об.

Смысл этого проекта состоял во введении в действие системы так называемого «зарубежного представительства»: предлагалось привлечь к сотрудничеству с Издательской комиссией крупнейших книжных комиссионеров (представителей) — главным образом в Париже. В.Д. Брянский обращался к И.А. Бунину, Д.С. Мережковскому, А.И. Куприну, А.М. Ремизову, К.Д. Бальмонту и И.С. Шмелеву с просьбой указать таких комиссионеров. Однако из затеи с «зарубежным представительством» ничего не вышло. В конце 1932 г. Издательская комиссия заключила соглашение с частным предпринимателем — неким книготорговцем И.И. Строгановым, который взял на себя обязательства по продаже книг, выпущенных Комиссией. Однако это партнерство также оказалось для Издательской комиссии роковым: уже к 1934 г. И.И. Строганов запутался в расчетах с Комиссией и задолжал ей изрядную сумму.

К концу 1935 г. Русский культурный комитет, по существу, утратил свое значение. Делами учреждений, основанных Комитетом, в том числе Издательской комиссии, занялась Державная комиссия по делам русских беженцев, хотя юридически она не имела никакого отношения к этим учреждениям.

Очевидный, по существу катастрофический, спад в деятельности Издательской комиссии, а также ее коммерческие неудачи привели к тому, что Комиссия в конце концов была упразднена. Уведомление, подписанное дежурным членом Державной комиссии по делам русских беженцев С.Н. Смирновым, о ликвидации Издательской комиссии В.Д. Брянский получил в феврале 1937 г. Протесты В.Д. Брянского, пытавшегося доказать — в частности, А. Беличу, — что Державная комиссия не обладает полномочиями, которые позволяли бы ей принимать подобные решения, ни к чему не привели.

С.И. Михальченко

Письма Е.А. Ляцкому как источник по истории издательства «Пламя»

Аннотация: Статья посвящена отражению в письмах русских писателей и ученых известному литературоведу и этнографу Е.А. Ляцкому вопросов их взаимоотношений с издательством «Пламя» в Праге в середине 1920-х гг.

Annotation: The article is devoted to representation in the letters of Russian writers and scholars to a literary critic and ethnographer E.A. Lyatsky of their relationships' particularities with the publishing house «Plamya» (=«Flame») in Prague in the mid-1920s.

Ключевые слова: издательство «Пламя», русская эмиграция, Е.А. Ляцкий, письма русских писателей и ученых.

Key words: publishing house «Plamya» (=«Flame»), Russian emigration, E.A. Lyatsky, letters of the Russian writers and scholars.

Издательство «Пламя» было одним из наиболее крупных и известных издательств русской эмиграции в Европе в межвоенные годы. Его деятельность уже становилась предметом исследования¹, однако далеко не все особенности функционирования издательства изучены. Новые штрихи в детали взаимоотношения издательства с авторами содержат письма русских писателей и ученых фактическому руководителю издательства Е.А. Ляцкому.

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) был выдающимся этнографом, литературным критиком и литературоведом (исследователем творчества И.А. Гончарова, Н.Г. Чернышевского, а также «Слова о полку Игореве»). Изучены пока только основные факты его биографии².

Ляцкий происходил из семьи дворян Минской губернии. В конце 1880-х — 1900-х гг., заинтересовавшись народной культурой белорусов, он предпринял ряд экспедиций по губерниям «Северо-Западного края» (Белоруссии) и собрал значительный по объему этнографический мате-

¹ См.: Шомракова И.А. Евгений Александрович Ляцкий — издатель Русского Зарубежья (по архивным материалам) // Книга: Исследования и материалы. М., 2002. Сб. 80. С. 346–364; Егорова К.Б. Издательство «Пламя» и его роль в жизни русской Праги // Актуальная Цветаева–2012: к 120-летию со дня рождения поэта: XVII Международная науч.-темат. конф., 8–10 окт. 2012: сб. докладов / Сост. И.Ю. Белякова. М., 2014. С. 213–220.

² Биографию Е.А. Ляцкого см. подробнее: Грачева А.М., Матренина М.М. Е.А. Ляцкий // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 445–447; Цішчанка І. З думкай пра Беларусь: Да 130-годдзя з дня нараджэння Я.А. Ляцкага // Польшыя (Мінск). 1999. № 1. С. 156–185; Автобиография Ляцкого // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Публ. С.И. Михальченко. Брянск, 2000. С. 6–13.

риал³. После окончания Московского университета по филологическому отделению историко-филологического факультета Ляцкий занимался педагогической и научной деятельностью. Работа Ляцкого как этнографа получила особое развитие во время его службы в Русском этнографическом музее императора Александра III в 1901–1907 гг. Вскоре он начал и активную журналистско-издательскую деятельность (в начале XX в. был редактором или сотрудником ряда известных изданий, в том числе «Вестника Европы», «Современника» и др., являлся одним из руководителей издательства «Огни»), он стал широко известен в литературной среде. Среди корреспондентов Ляцкого были К.Д. Бальмонт, А. Белый, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, М. Горький и многие другие известные писатели, поэты, ученые⁴.

В декабре 1917 г. Ляцкий эмигрировал — первоначально в Финляндию, затем в Швецию. В 1922 г. он по приглашению известного слависта Й. Поливки⁵ переехал в Прагу, где до 1939 г. служил профессором кафедры русской филологии чешского Карлова университета, и в середине 1920-х гг. руководил деятельностью издательства «Пламя». Под руководством Ляцкого «Пламя» стало одним из наиболее известных русскоязычных издательств зарубежной Европы, в котором публиковались как художественные произведения, так и научные и учебные сочинения по русской истории, праву, географии, экономике. Столь плодотворная деятельность обусловила его широкую переписку. В настоящее время письма Ляцкому пореволюционного периода хранятся преимущественно в его фонде в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге (Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze). Цель настоящей статьи — на примере некоторых из них показать особенности взаимоотношений издательства «Пламя» с авторами из числа русских писателей и ученых⁶.

³ См., напр.: Календарь Северо-Западного края на 1889 г. М., 1889; *Ляцкий Е.А.* Представления белоруса о нечистой силе // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 7, № 4; *он же.* Материалы для изучения творчества и быта белорусов. М., 1898. Ч. 1; *он же.* Материалы по белорусской словесности и языку // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1904. Т. 9, кн. 4 и др.

⁴ См. опубликованную переписку: *Брюсов В.Я.* Письма к Е.А. Ляцкому // Новый мир. 1932. № 2. С. 190–196; *Бальмонт К.Д.* Письма к Е.А. Ляцкому // Русская литература. 1975. № 2. С. 199–201; *Белый А.* Письма к Е.А. Ляцкому // Ежегодник Рукописного отдела Института русской литературы за 1978 г. Л., 1980. С. 218–230; Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С. 486–573 (Литературное наследство; т. 95); О «творчестве» или о «товаре»? Письма И.А. Бунина к Е.А. Ляцкому // Октябрь. 1993. № 6. С. 187–191; [Е.А. Ляцкий — М.И. Цветаевой] // Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6: Письма. С. 782–784; Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 36–177 и др.

⁵ См.: *Михальченко С.И.* Высшее образование русского зарубежья: новые документы // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2015. Вып. 17. С. 154–155.

⁶ См.: *Vinarová M.* Jevgenij Alexandrovic Ljackij. Literární pozůstalost. Praha, 1976; *Михальченко С.И.* Фонд Е.А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии: обзор // АЕ за 1999 г. М., 2000. С. 286–301.

Весьма показательной в этой связи является переписка Ляцкого с З.Н. Гиппиус. Поэтесса издала в «Пламени» несколько книг, и особенности их «прохождения» хорошо отражаются в письмах.

Так, 2 сентября 1924 г. она, рассчитывая получить корректуры книги воспоминаний «Живые лица», просила подумать над включением в нее нового очерка «Благоухание седин»: «эти мои “старики” (я их люблю), — сообщила Гиппиус Ляцкому, — появятся, кажется, в ближайшей книжке *Совр[еменных] Зап[исок]*»^{7,8}. Очерк был напечатан в № 21 за 1924 г., а также вошел в книгу. Однако издательство предложило выпустить ее в свет в двух томах. Этот вопрос вылился в настоящую полемику Гиппиус с Ляцким, следить за которой, возможно, к сожалению, лишь по письмам Гиппиус.

27 марта 1925 г. она писала: «почему вам кажется, что выпустить мою книгу в двух томах — удобно? Разве она вышла такая толстая? Да уж тогда бы, пожалуй, лучше выкинуть, — ну хоть “Седины”, что ли! Мне представляется, что в двух томах она будет гораздо менее привлекательна; один-то купить — туда-сюда, но целых два! Конечно, я могу ошибаться, вам виднее. Я высказываю лишь изумление мое, но, во всяком случае, предоставляю вам действовать, как вы сами решите и найдете лучшим»⁹. Вскоре книга вышла, именно в двух томах, и 17 июля 1925 Гиппиус, хваля «Пламя» («Книжка моя, действительно, изящно издана»), опять высказывала недоумение по поводу ее двухтомности. Причем теперь в эстетические разногласия вмешались и материальные обстоятельства: «одно с ней всегда недоразумение: никто не видит, что это два тома, покупают один, воображая, что другой — то же самое». Кроме того, двухтомность создала проблемы и для критиков: «Критик *Звена* — похвалил первый (не подозревая о втором, как сам говорил), критик *Возрождения* несмело выругал тоже I, тоже не подозревая о втором, ибо там даже нигде не написано! Я жалею об этом ввиду статьи о Розанове, которая, по-моему, интереснее всех других. (Там же и о Сусловой упоминается, о которой теперь чепуху, по-моему, стали писать). Не находите ли вы, что в объявлении следовало бы подчеркнуть двухтомность книжки?»¹⁰ — в некотором раздражении заканчивала инвективу Гиппиус.

Через месяц ситуация, по мнению Гиппиус, усугубилась: в письме Ляцкому от 27 августа 1925 г. она отмечала: «“Двухтомность” <...> продолжает раздражать и вводит в заблуждение недругов и друзей. Друзей, как я вам писала, можно было образумить, вышло две рецензии вместо одной; но не-

⁷ Особенностью орфографии писем З.Н. Гиппиус является употребление названий периодических изданий, книг и др. без кавычек. Для удобства чтения они при публикации выделяются курсивом.

⁸ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 2 сентября 1924 г. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 98.

⁹ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 27 марта 1925 г. // Там же. С. 101

¹⁰ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 17 июля 1925 г. // Там же. С. 104.

други, вплоть до подкаретной газеты *Веч[ернего] Времени*, с особой силой ругаются на меня за “обман”: обещаю такие-то статьи, а даю половину, ибо один покупает зеленые “Лица” “за всё”, другой синие — тоже за всё, ну и говорят, что я этих Фердыщенко надуваю. Я, впрочем, не в претензии и, каюсь, не огорчена, если вот эти “подкаретные” надуты. Пусть их. Не знаю только, довольно ли издательство»¹¹.

К осени 1925 г., однако, в письмах начинает преобладать другая тема — уход Ляцкого из «Пламени». Еще летом Гиппиус была убеждена в обратном («Что вы перестанете поддерживать *Пламя* — не очень верю: ведь оно погаснет!»)¹², но к осени ситуация изменилась, а поскольку Ляцкий сыграл важную роль в практике осуществления «русской акции», это событие для многих эмигрантов — и Гиппиус не исключение — выглядело как катастрофа: «Я продолжаю огорчаться, что вы покидаете *Пламя*: одинаково — и корыстно, и бескорыстно... — писала Гиппиус 1 октября. — Если не будет *Праги*, то нам, “маститым” эмигрантам, совсем придется беда... Вы бы подумали о человеколюбии. Впрочем, в смысле человеколюбия (помимо *Пламени*) вы уже проявили себя к нам с такой элегантной стороны, что упрекать вас не вертится язык. Он вертится только для очень важного вопроса: будет ли, после октября, нам продолжено то, что явилось результатом этого элегантного вашего поведения?»¹³. Впрочем, и в это письмо вмешались отзвуки былых споров: «В *Пламени* вас уже не слушают, ни живых, ни мертвых лиц мне не присылают. Уже теперь даже не всем поднесешь книгу: не “их печки”. За что это они мной так пренебрегли?»¹⁴ — завершала риторическим вопросом Гиппиус. А месяцем позже (6 ноября 1925 г.) просто вопль отчаяния: «Что делать, чтобы получить экземпляры “Живых лиц”, о которых давно слезно и напрасно умоляю? Научите!!»¹⁵.

Прошло шесть лет, переписка Гиппиус и Ляцкого прервалась (во всяком случае, не сохранилась), но в письме мужа Гиппиус, Д.С. Мережковского, от 26 января 1932 г. давно ушедшему из издательства Ляцкому приписка: «З[инаида] Н[иколаевна] Вам сердечно кланяется, надеясь Вас здесь увидеть, а затем просит ей прислать пять экземпляров книги ее, изданной в бывшем Вашем издательстве “Пламя”: “Живые лица” (I и II т.т.)»¹⁶.

Кроме Гиппиус, затрагивала вопросы издания книг в «Пламени» и Н.А. Тэффи: «Хочу Вам предложить к напечатанию книгу моего брата гене-

¹¹ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 27 августа 1925 г. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 107.

¹² З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 17 июля 1925 г. // Там же. С. 105.

¹³ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 1 октября 1925 г. // Там же. С. 110.

¹⁴ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 1 октября 1925 г. // Там же. С. 111.

¹⁵ З.Н. Гиппиус — Е.А. Ляцкому, 6 ноября 1925 г. // Там же. С. 112.

¹⁶ Д.С. Мережковский — Е.А. Ляцкому, 26 января 1932 г. // Там же. С. 118.

рала Лохвицкого¹⁷ о русском вопросе на Дальнем Востоке. Я просмотрела и нахожу ее довольно интересной. Если Вам годится такая вещь — напишите и я вышлю ее Вам на просмотр»¹⁸. Книга, видимо, издана не была.

Издательство не всегда выдерживало сроки работы с авторами. Тэффи, отдавшая туда книгу рассказов и повестей «Вечерний день», возмущалась: «Когда же я, наконец, получу свою корректуру? Пока мою книжку¹⁹ набирают, Вы успели сочинить, написать и издать целый роман в двух томах!»²⁰. Речь идет о романе Ляцкого «Тундра».

Активная переписка связывала Ляцкого не только с писателями, но и с учеными, прежде всего историками, что не случайно — «Пламя» издавало не только художественную, но и научную (большей частью, конечно, гуманитарную) литературу. Живший в 1924 г. в Риме Е.Ф. Шмурло писал: «“Пламя” в русской эмигрантской Европе теперь не только первое, но, можно сказать, единственное русское издательство с определенной программой, которая ставит себе целью достижения духовные, идейные, а не какой-либо сбыт товара на книжном рынке»²¹. 12 ноября 1924 г. он предложил «Пламени» издать несколько своих сочинений: «Римский престол в его отношениях с Россией в первой половине XVII в.» («том листов в 30 (считая и документы)»), «Вольтер и его Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand»²², первый том «Курса русской истории. Древний период, 862–1725». «Первый том я довожу до 1613 года, — писал Шмурло Ляцкому, — а во втором помещаю 1613–1725 с приложением отдельных экскурсий под общим названием “Спорные и неясные вопросы русской истории”. На первый том понадобится, вероятно, 22–25 листов»²³.

28 декабря того же, 1924 г. Шмурло обратился с предложением отметить юбилейную годовщину со дня смерти Петра Великого: «Неужели “Пламя” ничем не откликнется на это событие, не примет участия в чествовании памяти великого человека?!» — писал Шмурло и предлагал издать свою «вполне законченную работу объемом примерно в 7 листов “Петр Великий в ту пору, когда он еще не был великим. Первые 25 лет его жизни”». «Работа эта предназначалась для Половцовского “Русского Исторического Словаря”, была уже отдана в типографию и сохранилась у меня в корректурных ли-

¹⁷ Лохвицкий Николай Андреевич (1868–1933) — генерал. В Первую мировую войну командующий русским экспедиционным корпусом во Франции.

¹⁸ Н.А. Тэффи — Е.А. Ляцкому, б.д. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 151.

¹⁹ Речь, видимо, о книге рассказов и повестей Тэффи «Вечерний день» (Прага: Пламя, 1924).

²⁰ Н.А. Тэффи — Е.А. Ляцкому, б.д. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 153.

²¹ Е.Ф. Шмурло — Е.А. Ляцкому, 28 декабря 1924 г. // Там же. С. 168.

²² Опубликована под названием «Вольтер и его книга о Петре Великом» (Прага, 1929).

²³ Е.Ф. Шмурло — Е.А. Ляцкому, 12 ноября 1924 г. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 168. «Курс русской истории» Е.Ф. Шмурло вышел в свет в четырех томах в Праге в 1931–1935 гг.

стах; я обработал биографию царя по первоисточникам, но все примечания и ссылки спрятал в карман в намерении предложить читающей публике широких кругов книгу в общедоступном изложении»²⁴.

По совету известного искусствоведа П.П. Муратова к Ляцкому обратился медиевист Р.Ю. Виппер с предложением обширной издательской программы, куда входили его собственные книги и книги его сына, историка искусства Б.Р. Виппера («мы оба не могли бы и придумать более соответствующей нашим воззрениям и симпатиям редакции»²⁵).

Среди сочинений, могущих быть изданными, значились следующие книги самого Р.Ю. Виппера: «История Греции в классическую эпоху» («с некоторыми сокращениями против издания 1916 г., около 570 с.»), «Иван Грозный» (с патриотическим введением, которое большевики не пропустили в издании 1922 г.), «Тибет и возрождение религий», «Очерк гуситских войн» (1419–1434). «Эту небольшую статью (в 1 1/2 — 2 листа) в сопровождении наглядных карт я написал еще в 1921 г. в каком-то смутном предположении перекинуть мост к возрождающейся Чехии, — отмечал Виппер, — моей целью было представить героическую борьбу маленькой нации, отстоявшей свою личность от подавляющих ее отовсюду посторонних враждебных сил».

Б.Р. Виппер мог предложить «Общий очерк истории искусства», «который можно было бы назвать также Историей стилей, такого рода книги нет сейчас в современной литературе». В письме отмечалось, что Б.Р. Виппер «делает попытку указать связь и аналогии между искусством европейским и дальневосточным, а также вводить в общую систему развития искусство русское. Размер книги около 20 листов. К ней потребуются некоторое (не очень большое, но хорошо выбранное) количество иллюстраций»²⁶. Судя по списку книг, изданных «Пламенем» к 1929 г., сочинения обоих Випперов там напечатаны не были²⁷.

Это — лишь несколько примеров отражения деятельности издательства «Пламя» (в частности, его взаимоотношений с авторами) в письмах Ляцкому. Ценность этих писем, как источника, представляется несомненной.

²⁴ Е.Ф. Шмурло — Е.А. Ляцкому, 28 декабря 1924 г. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 166. Отдельным изданием книга не вышла, была «распечатана» по статьям (см.: *Лашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 188–189).

²⁵ Р.Ю. Виппер — Е.А. Ляцкому, 21 сентября 1924 г. // Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 169.

²⁶ Там же. С. 169–170.

²⁷ LAPNP. Ljackij. Č. 3825.

М. Шруба

«Меценат изумительный!»: издательская деятельность М.Н. Павловского

Аннотация: В статье воссоздана история издательства «Русские записки» (Шанхай; Париж, 1937–1939). Представлены обстоятельства выхода в свет его изданий (8 книг и 21 номер журнала «Русские записки»). Изложены основные вехи биографии М.Н. Павловского, а также особенности его издательской деятельности. В приложении опубликована переписка М.Н. Павловского с В.В. Рудневым и М.А. Алдановым.

Annotation: The paper outlines a history of the publishing house «Russkie zapiski» («Russian annals») (Shanghai; Paris, 1937–1939). It delineates the circumstances of the publication of all editions generated by the publisher (8 books and 21 issues of the review «Russkie zapiski»). It gives a recapitulation of the biography of M.N. Pavlovsky and a characteristic of his activities as a publisher. An appendix contains M.N. Pavlovsky's correspondence with V.V. Rudnev and M.A. Aldanov.

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, издательское дело, издательства русской эмиграции, М.Н. Павловский, М.А. Алданов, И.А. Бунин, В.В. Набоков.

Key words: Russian emigration of the first wave, publishing, Russian émigré publishing houses, M.N. Pavlovsky, M.A. Aldanov, I.A. Bunin, V.V. Nabokov.

Издательская деятельность Михаила Наумовича Павловского относится к 1937–1939 гг. За эти три года он успел выпустить лишь восемь книг (плюс два десятка номеров толстого журнала «Русские записки»). Достаточно, однако, перечислить имена авторов этих книг — Марк Алданов, Борис Зайцев, Владимир Набоков, Тэффи — чтобы стало понятно, что по замыслу и по перспективам это было отнюдь не заурядное или маргинальное издательское предприятие.

Между тем имя Павловского мало что говорит даже специалистам по культуре русского зарубежья. Его нет почти во всех справочниках¹. Справка о нем размером в семь строк, да и то с неточностями, помещена лишь в известном трехтомнике «Российское зарубежье во Франции». Павловский попал туда на основании того, что он якобы «в 1930-е переехал во Францию», что не соответствует действительности. Дата рождения отсутствует, указан лишь год смерти; о жизни и деятельности сообщается предельно кратко: «Издатель, предприниматель. В эмиграции с 1919, жил в Шанхае»².

¹ Как ни странно, нет статьи о М.Н. Павловском и в словаре А.А. Хисамутдинова, лучшим на сегодня справочнике по русской эмиграции на Дальнем Востоке (см.: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток, 2001).

² Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 2. С. 384.

Гораздо больше сведений можно найти в «Википедии», где статья о Павловском была размещена в феврале 2013 г.⁵ Данная статья — впрочем, тоже несвободная от неточностей — опирается, в частности, на архивные документы, опубликованные в 2010 г. в новосибирском сборнике материалов об Уфимской директории (сибирском Временном Всероссийском правительстве)⁴. Некоторые биографические сведения о Павловском содержат мемуарные книги М.В. Вишняка ««Современные записки». Воспоминания редактора» (где имя Павловского, впрочем, не упоминается)⁵ и, в еще большей степени, «Годы эмиграции», где Вишняк пытается дать «общую характеристику этого крупного человека и общественного деятеля, исключительной, совершенно несвойственной такого рода людям, скромности»⁶. Кое-какие новые материалы о Павловском имеются также в опубликованном недавно четырехтомном издании редакционной переписки журнала «Современные записки»⁷.

Изложим основные даты жизни Павловского, опираясь на указанные источники, а также на неопубликованные архивные материалы, в частности, на переписку Павловского с Марком Вишняком, с Вадимом Рудневым и с Марком Алдановым.

М.Н. Павловский родился 3 октября 1889 г. в Могилеве⁸ в еврейской семье; его отец, Наум Давидович, был врачом, точнее, фельдшером с собственной врачебной практикой. В 1907 г. Павловский прибыл в Санкт-Петербург; вероятно, тогда и вступил в партию эсеров; Вишняк сообщает, что «он с юных лет выделялся как умелый организатор... на нелегальной работе в партии социалистов-революционеров»⁹. За подпольную политическую деятельность он был в 1910 г. сослан в Сибирь¹⁰, откуда в 1912 г. бежал за границу. В 1912–1914 гг. жил в бельгийском городе Льеж, где получил

⁵ Павловский Михаил Наумович // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

⁴ См.: Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.): сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128.

⁵ Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, IN, 1957. С. 322–324.

⁶ Вишняк М.В. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж; Нью-Йорк: (Воспоминания). Stanford, CA, 1970. С. 113.

⁷ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011–2014.

⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66.

⁹ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 113.

¹⁰ Ср. анкетные данные М.Н. Павловского для получения американской визы, приведенные в письме к М.В. Вишняку от 10 октября 1941 г. из Шанхая: «В 1910 г. за принадле[ежность] к П.С.Р. Киевск[ой] Суд[ебной] Палатой высылка на поселение» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66).

высшее инженерное образование, затем работал в 1914–1917 гг. по специальности в Париже; здесь он познакомился, в частности, с Н.Д. Авксентьевым, в будущем одним из редакторов «Современных записок».

Павловский возвратился в Россию весной 1917 года. Об обстоятельствах его приезда рассказано в воспоминаниях Вишняка: «Из первой эмиграции он вернулся после Февральской революции в качестве переводчика при французском министре труда Альбере Тома, командированном правительством Клемансо подтолкнуть Временное Правительство к более энергичным военным действиям»¹¹.

После Октябрьского переворота Павловский активно участвовал в антибольшевистском движении партии социалистов-революционеров в рамках Народной армии КОМУЧа (Комитета членов Учредительного собрания). Летом 1918 г. он находился в городе Сызрань на правом берегу Волги, который в это время был западным фронтовым городом территории под контролем КОМУЧа. Отголосок событий того лета находим в письме Павловского к редактору «Современных записок» В.В. Рудневу из Шанхая от 4 июля 1938 г.: «Недавно ездил в Гонконг, оттуда летел в Ханькау — ставку Чжанкайшека, где пробыл 12 дней (вероятно, ко времени прихода этого письма Ханькау будет накануне падения). Для застоявшейся в эмигр[антском] безделии крови — путешествие это было весьма полезным “exercise”. Двадцать лет тому назад мы сдавали Сызрань и с Лебедевым, Фортунатовым и др. сидели на пароход... Mutatis mutandis много похожего я нашел в Ханькау»¹².

Осенью 1918 г. Павловский оказался в Сибири: в Уфе, затем в Омске; при Временном Всероссийском правительстве (Уфимской директории) он служил специалистом по снабжению антибольшевистской Народной армии. Напомним попутно, что председателем Директории был не кто иной, как его знакомый по парижской эмиграции 1910-х гг. Николай Авксентьев. В качестве снабженца Павловский, в частности, выступал с докладом на заседании Временного Всероссийского правительства 29 сентября 1918 г. в Уфе¹³.

Конфликт между политическим и военным начальством Директории кончился, как известно, победой военных-колчаковцев. Авксентьев и другие эсеры — члены Директории были арестованы в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. и высланы в Китай. Десять дней спустя, 28 ноября, Павловский отбыл из Омска на восток в поезде генерала В.Г. Болдырева, главнокомандующего войсками Директории, который подал в отставку после колчаковского переворота. Однако по приказу адмирала А.В. Колчака, отданному еще в конце

¹¹ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 113.

¹² LRA. MS. 1500/9.

¹³ См.: Временное Всероссийское правительство. С. 43–44.

ноября, Павловский был арестован и задержан до 6 марта 1919 г. После освобождения выехал во Владивосток; там он входил в редколлегию демократической газеты «Вечер». После ликвидации Дальневосточной Республики в ноябре 1922 г. Павловский эмигрировал 15 июля 1923 г. в Китай; он жил в 1923–1925 гг. в Харбине, в 1925–1930 гг. в Тяньцзине; в 1930 г. обосновался в Шанхае¹⁴.

О своей профессиональной деятельности в Китае Павловский информировал Вишняка в письме от 10 октября 1941 г., содержащем анкетные данные для получения американской визы: «с 1923 г. — Managing Director of “Société Française des Telephones Interurbains”, Harbin, Tientsin, Shanghai, а с 1926 г. сверх того Director and General Manager for China of “Material Technique”, Paris»¹⁵. Вишняк сообщает о китайском периоде жизни Павловского: «Вынужденный отойти от политической деятельности, он не утратил интереса к политике, но стал заниматься по преимуществу общественными и филантропическими делами и приобрел чрезвычайную популярность среди “русских китайцев” в связи, в частности, с сооружением памятника Пушкину в 1937 году. Одновременно он развил огромную жизнедеятельность в торгово-промышленной области как представитель французского машиностроения и поставщик китайскому правительству железнодорожного оборудования, состава и прочего»¹⁶.

Успешная предпринимательская деятельность и материальное благополучие позволили Павловскому применять свои незаурядные организаторские способности также в области культуры.

Осенью 1936 г. Павловский возобновил связь с пребывающими в Париже и в Праге товарищами по партии эсеров, предлагая им, в частности, финансовую поддержку¹⁷. Как сообщает Вишняк, связь наладилась через Авксентьева¹⁸: «В конце 36-го года Авксентьев получил неожиданно письмо из Шанхая от старого приятеля эсера, которого знал еще по первой эмиграции в Париже. Письмо выражало “Современным запискам” полное сочувствие от группы шанхайцев и попутно высказывало пожелание, чтобы журнал

¹⁴ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 113–114.

¹⁷ В архиве В.В. Руднева сохранился чек Павловского на 3000 франков на имя Н.Д. Авксентьева, датированный 6 мая 1939 г.; на обороте запись рукой Руднева: «Копия чека Павловского для пражских с-р» (LRA. MS. 1500/7).

¹⁸ Сам Авксентьев, впрочем, относился к Павловскому неоднозначно, как явствует из его письма к Рудневу от 20 августа 1938 г.: «То, что ты сообщаешь о Павловском — как говорят французы — est très rigolo [очень забавно]! Самоуверенный и, скажем, смелости хоть отбавляй. Такие преуспевают! Но я лично постараюсь, когда он пребудет во славе через 2 года, держаться от него подальше. А то опять нас — конечно, нас — “облагодетельствуют”» («Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 866).

стал менее отвлеченным, более актуальным и больше внимания уделял, в частности, Дальнему Востоку и его проблемам. Для осуществления этой задачи автор письма выражал готовность помочь и средствами.

В реакции друзей-читателей на чрезмерную отвлеченность “Современных записок”, которые могут стать журналом для немногих, нам послышался “голос из народа”. И, обсудив всесторонне предложение, мы решили его принять в том смысле, что рядом с “Современными записками” станем издавать другой журнал, более доступный по форме и удовлетворяющий указанным целям. Сдержаннее и скептически других отнесся к предложению Руднев: он опасался, как бы новый журнал не отбил у “Современных записок” читателей и сотрудников. Всё же и Руднев не считал возможным по морально-культурным соображениям отвергнуть предложение. После обмена письмами Авксентьева с Шанхаем в половине 37 года, на 17-м году существования “Современных записок”, возник в том же Париже под редакцией тех же лиц, которые значились на титульном листе “Современных записок”, новый журнал — “Русские записки”. Только в отличие от “Современных записок” на “Русских записках” значилось: “Париж-Шанхай»¹⁹.

Первый номер «Русских записок»²⁰ вышел в августе 1937 г. (под предисловием «От редакции» указана дата «Июнь 1937»). Второй номер появился в декабре 1937 г., третий — в марте 1938 г.²¹ Первые три номера «Русских записок», вышедшие, как значилось на титульных листах, «при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, В.В. Руднева», во многом походили на «Современные записки». Это отметил к своему неудовольствию и спонсор издания Павловский: «К тому времени приехал в Париж инициатор-издатель “Русских записок”, отказавшийся поставить свое имя, но отнюдь не отказавшийся от суровой критики того, что получилось. Не без основания нашел он, что “Русские записки” во многих отношениях дублируют “Современные записки” — стали как бы “Современными записками” второго порядка или журналом “для бедных”, для читателей меньшей образованности и культуры. Этим не оправдывалось, по его мнению, издание второго журнала»²².

Павловский приехал в Париж, вероятно, в августе 1937 г., как явствует из письма Руднева к Вишняку от 21 августа 1937 г.: «О “настроениях и планах Павловского” я тебе, Марк, ничего не могу сообщить, ибо сам ничего не знаю. Звонил Илюше [Фондаминскому], а через несколько дней Володе

¹⁹ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 322–323.

²⁰ Русские записки: Общественно-политический и литературный журнал. Париж; Шанхай [с № 4: Париж], 1937–1939. № 1–20/21.

²¹ URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/341-pom>

²² Вишняк М.В. «Современные записки». С. 323–324.

[Зензинову], спрашивал о П[авловском] (он уже в Париже), — ответ был, на мой вкус, не достаточно определенным: П[авловский] настроен “оптимистически”, они с Илюшей [Фондаминским] ведут переговоры о *расширении* издательских планов... Я уже ставлю вопрос, неуютный, у нас: *откуда же* столько денег? Ответ И. [Фондаминского], что это П[авловский] “из своего жалования” тратит, — для меня недостаточен. В первом письме-предложении П[авловского] финансовая *основа* журнала указывалась — китайские торговые объявления. С началом военных действий в Шанх[ае], естественно, писали в газетах, *tout commerce et industrie sont paralysés* [вся торговля и промышленность парализованы (фр.)]. А теперь, когда шанхайский Бродвей сплошь горит на 1½ километра, уничтожены фабрики и пр.? — Я собираюсь в четверг еще приехать в Париж по типографским делам, — зайду к Илюше [Фондаминскому] и поговорю с ним. Тогда напишу»²³.

В конце 1937 г. Павловский, недовольный обликом первых номеров, созданных «при ближайшем участии» всех четырех редакторов «Современных записок», решил изменить состав редакции и пригласить П.Н. Милюкова. Вишняк так рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Навестив предварительно П.Н. Милюкова, наш приятель предложил Авксентьеву, Фондаминскому и мне сделать попытку рядом с “Современными записками” создать периодически выходящий и более актуальный журнал на расширенной редакционной базе: включить в редакцию Милюкова, который тогда в некоторых отношениях был даже “левее” нас. Все вместе отправились мы к Милюкову, который без долгих споров согласился войти в коалиционную редакцию. Но когда дело дошло до конкретного оформления соглашения, Милюков дал понять, что позиция Бунакова-Фондаминского ему во многом чужда и он предлагает составить двучленную редакцию — из него и меня.

Я искренне поблагодарил за лестное предложение, но решительно его отклонил: слишком очевидно было фальшивое положение, в котором я очутился бы как соредактор Милюкова, — фактически при Милюкове. Я предложил вместо этого стать секретарем журнала при Милюкове, единоличном редакторе. Так создался ежемесячник, унаследовавший прежнее название — “Русские записки” — и выходявший регулярно в конце каждого месяца с марта 1938-го по сентябрь 1939-го, т.е. до самой мировой войны»²⁴.

В следующей книге воспоминаний Вишняк уточняет свой рассказ о ходе событий, приводя в тексте отрывки из письма Павловского к нему

²³ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 839. Здесь и далее курсивом выделены авторские подчеркивания.

²⁴ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 325.

от 9 августа 1957 г.: «Натолкнувшись на разногласицу среди редакторов “Современных записок”, Павловский решил привлечь к редактированию журнала Милюкова. Он стал все чаще с ним встречаться, и — “по мере учащения встреч (а я в это время встречался с ним почти ежедневно), я определенно ‘влюбился’ в этого человека и про себя решил, что журнал будет во всяком случае с Милюковым, в крайнем случае с ним одним”. Когда Милюков отклонил кандидатуру Фондаминского как соредатора, возникла идея составить редакцию из Милюкова и Авксентьева при секретаре Фондаминском, “обладающем совершенно исключительными способностями по умению ладить с сотрудниками, писателями и философами”, как справедливо заверял Авксентьев. И Павловский стал “сторонником” такой комбинации и, как мог, отстаивал ее в разговорах с Милюковым. Но и на эту комбинацию Милюков не пошел. Авксентьева он отвел по соображениям “делового характера: не пишущий человек, без опыта в ведении журнала”. Милюков “выставил Вашу кандидатуру, но я еще с Вами на эту тему не говорил и не знал, получу ли Ваше согласие”, — добавил в скобках Павловский»²⁵.

В стэнфордском архиве Вишняка сохранилась его переписка с Павловским за 1937–1963 гг. объемом в несколько сот писем²⁶; письма за 1937–1939 гг. посвящены в основном делам журнала (в меньшей степени также книгоиздательства) «Русские записки». Данные материалы, равно как сохранившаяся в архиве Вишняка переписка с П.Н. Милюковым за 1938–1941 гг.²⁷, позволяют до подробностей реконструировать историю этого журнала. Подобная реконструкция не входит в задачу настоящей статьи, посвященной в первую очередь истории издательства, а не журнала, «Русские записки». Относительно журнала сосредоточимся поэтому лишь на новых фактах о ключевых моментах его истории.

Одним из таких ключевых моментов является решение Павловского изменить состав редакции и профиль журнала, принятое еще в конце 1937 г. В письме к Вишняку от 26 декабря 1937 г. Павловский сообщал: «Дорогой Марк Вениаминович, в дополнение к письму моему, адресованному Ил[ъе] Ис[идорови]чу [Фондаминскому], но относящемуся ко всем вам, я хочу зафиксировать следующее:

1) я не вижу другого выхода, как участие П.Н. Милюкова в редакции журнала;

²⁵ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 114–115.

²⁶ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 57–67; Box 9, folder 1–5. В том же фонде имеется также переписка Вишняка с вдовой Павловского, Т.К. Павловской, за 1963–1968 гг. (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 56).

²⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 7, folder 76–78.

2) будет ли это участие единоличным либо урезанным “паритетной” конституцией, — будет зависеть от вашей группы;

3) принять на себя обязанности секретаря Вам придется и в том и другом случае»²⁸.

Вишняк ответил 28 декабря 1937 г.: «Дорогой Михаил Наумович! Получил Ваше письмо от 26-го с “пунктами”, Вами фиксированными. Не стану спорить о первом — такова Ваша оценка создавшегося положения. Но второй “пункт” мне представляется фактически неверным. Неужели, в самом деле, “от нашей (вашей) группы” *зависит*, будет ли участие П.Н. М[иллюкова] единоличным или “урезанным паритетной конституцией”?! На *реальный* паритет мы все шли с полной готовностью, а на фиктивный “паритет” охоты нет итти и у меня.

За предложение, сделанное в пункте третьем, — могу Вам быть только весьма и весьма признательным»²⁹.

31 декабря 1938 г. Павловским были составлены три письма-соглашения с ближайшими сотрудниками журнала: Вишняк принимал на себя обязанности секретаря редакции, Миллюков — редактора журнала (с вознаграждением в размере 1500 франков в месяц каждый); третье соглашение было заключено с Ильей Николаевичем Коварским, принявшим на себя обязанности управляющего конторой журнала (за что ему полагалось вознаграждение в размере 1000 франков в месяц). В договоре с Вишняком имеется также графа, посвященная книгоиздательству: «Помимо функций секретаря редакции Вы берете на себя обязанности доверенного Издательства “Русские записки”, согласно доверенности, выданной мною Вам 26 января 1938 г. В качестве доверенного Вы являетесь распорядителем всех финансовых средств Издательства, в расходовании и получении которых Вы являетесь подотчетным Издательству в моем лице. Все суммы, превышающие 1.000 франков, должны храниться Вами на текущих счетах Издательства в парижских банках и в почтовом отделении. Все поступления должны быть вносимы на указанные текущие счета и все суммы, потребные для журнала, должны сниматься с указанных текущих счетов... В качестве дополнительного вознаграждения по должности доверенного Издательства Вы получаете 500 франков в месяц, начиная с 1-го февраля 1938 г.»³⁰.

В архиве Вишняка сохранилась фотография с надписью его рукой: «Paris, 1938. “Russian zapiski”. Pavlovsky — publisher, Miliukov (editor), V. Vishniak (secretary). Париж, Люксембургский сад, 1938 г. — М.Н. Павлов-

²⁸ HIA. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 57.

²⁹ Ibid.

³⁰ HIA. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 58.

ский, П.Н. Милюков, М.В. Вишняк. Издатель, редактор, секретарь “Русских записок”»³¹. Фотография относится к первой половине февраля 1938 г. Павловский писал Вишняку в письме от 17 ноября 1941 г.: «Мы виделись с Вами в последний раз не в 1937, а в 1938 году (февраль)»³²; затем Павловский вернулся в Шанхай. Из Франции уехал он не ранее 18 февраля: Вишняк общал Павловскому 16 апреля 1938 г.: «Послезавтра — два месяца, что мы расстались»³³.

Павловский вернулся в Китай во второй половине марта 1938 г., путешествуя морем (24 февраля он отправил Вишняку письмо из Порт-Саида, 13 марта — из Сингапура). Вскоре после возвращения в Шанхай он сообщал Вишняку в письме от 2 апреля 1938 г.: «К печатанию книг мы уже приступили: если увидите Ив[ана] Ал[ексеевича Бунина], передайте ему, что книжку Гал[ины] Ник[олаевны Кузнецовой] вышлем через несколько дней»³⁴. Никакой авторской книги Кузнецовой в 1938 г. не выходило; речь идет, по всей видимости, о романе Ф. Мориака «Волчица» («Genitrix») в переводе Г.Н. Кузнецовой, с предисловием И.А. Бунина³⁵. Итак, первой книгой, выпущенной под издательской маркой «Русские записки» в апреле 1938 г., был французский переводной роман.

В конце апреля — начале мая 1938 г. была отпечатана вторая книга — роман Марка Алданова «Бельведерский торс»³⁶. Павловский сообщал Вишняку 3 мая 1938 г.: «Ближайшим [пароходом] “Mess[ageries] Maritimes” по-

³¹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 19, folder 13. Воспроизведено в кн.: «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. Вклейка между с. 384 и 385 (Ил. 14). Об этой фотографии говорится в письме Вишняка к Павловскому от 27 мая 1938 г.: «Очень Вам благодарен за карточки. Наша вышла совсем неплохо. Один экземпляр я сегодня отдал П.Н. [Милюкову]. — Ему тоже понравилась. Когда он рассматривал, — прислуга, подававшая чайник, заглянула тоже. П.Н. пояснил ей: вот человек, который дает деньги, а вот двое, которые их тратят...» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59).

³² НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66. Данная фраза является реакцией на следующий пассаж в письме Вишняка к Павловскому от 16 октября 1941 г. (речь идет об аффидевитах, т.е. о письменных заявлениях Вишняка в связи с хлопотами об американской визе для Павловского): «Пур тут фэн ютиль», как говорят французы, сообщу вам, что я написал в своих биографических Аффидейвитах. Хорошо, что к вопросу 5 (Форм “В”) придано слово “аппроксимэтивли”, а то бы я вовсе не решился на него ответить. Ответил я “по совести” так: Могилев, Россия 1889–1907; Петербург 1907–1912; Льеж, Бельгия 1912–1914; Париж 1914–1917; Петербург, Омск, Харбин 1918–1924; Шанхай 1925–1936; Париж 1936–1937; Шанхай 1937–1941. Да, еще забыл, что должен был указать, когда я видел в последний раз лиц, коим выдаю Аф[фидейвита]. Это было, как мне помнится, — февраль 1937 г. в Париже» (Ibid.).

³³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 58.

³⁴ Ibid. Сохранившиеся письма М.Н. Павловского и его супруги чете Буниных см.: LRA. MS.1066/4561-4562; 1067/5851-5852; 1067/5853-5868.

³⁵ См.: Мориак Ф. Волчица (Genitrix) / Пер. Г.Н. Кузнецовой; предисл. И.А. Бунина. Париж, 1938. 119 с.

³⁶ См.: Алданов М.А. Бельведерский торс: Роман. Париж, 1938. 189 с.

шлем Вам “Бельведерский торс” Алданова. Сирин набирается. Следующими пойдут Тэффи и “Начало конца” (надеюсь, Вы уже отправили рукопись, полученную от Алданова)»³⁷.

Очередной книгой издательства был сборник рассказов В. Набокова-Сирина «Соглядатай»³⁸. Книга была опубликована в начале июня 1938 г., как явствует из сохранившихся писем. Павловский писал Набокову 3 мая 1938 г.: «Дорогой Владимир Владимирович, мы приступили к печатанию Вашей книги рассказов и обнаружили, что если в нее включить все данные Вами рассказы (21), то получится не менее 350 стр[аниц] — формата изданий “Петрополис”... Так как увеличить пропорционально цену нет практической возможности, мы надумали следующую комбинацию. В одну книгу (под заголовком “Соглядатай”) мы дадим 13 рассказов: Соглядатай, Обида, Лебеда, Terra Incognita, Встреча, Хват, Занятой человек, Музыка, Совершенство, Пильграм, Случай из жизни, Красавица и Оповещение. Это составит книжку в 230–240 страниц. Остальное мы хотели бы издать второй книгой, в которой к 8-ми рассказам (Круг, Королек, Адмиралтейская игла, Тяжелый дым, Памяти Шигаева, Набор, Весна в Фиальте и Озеро, облако, башня) мы добавили бы пьесу “Событие”, что дало бы книжку тоже в 240–250 стр[аниц]. Заглавием хотелось бы дать “Весна в Фиальте”, и дать этот рассказ первым (пьеса — в конце). Сделать это мы можем, конечно, при условии Вашего на то согласия. Поэтому — просьба немедленно по получении этого письма сообщить М.В. Вишняку, чтобы он протелеграфировал нам Ваш ответ: “согласен” либо “нет”. — В случае Вашего согласия, вторую книгу “Весна в Фиальте” мы выпустим осенью, и, разумеется, по ней у нас с Вами будут такие же расчеты, как и по первой. Аванс (такой же, как и по первой книге) вышлем Вам по получении Вашего согласия. Не уверен, что Вы все еще в Ментоне, поэтому шлю это письмо через М.В. Вишняка»³⁹.

Набоков согласился на предложение издателя. Месяц спустя, в начале июня 1938 г., Павловский в ответ писал Набокову: «Дорогой Владимир Владимирович, Ваше телеграфное согласие на мое письмо от 3-го мая получил, и “Соглядатай” выпущен в том виде, как было условлено. Этой почтой мы выслали Вам бандеролью 2 книжки (через парижскую контору “Русских записок”). Остальные книжки отправляются пароходом “Арамис”, приходящим в Марсель около 5-го июля, и Вы получите из конторы “Русских записок” дополнительные 28 книжек авторских. Не знаю, как понравится Вам издание. Здесь мы сделали все, что по местным условиям возможно. Если

³⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59.

³⁸ См.: Сирин В. [Набоков В.В.] Соглядатай. Париж, 1938. 255 с.

³⁹ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 323.

найдете недочеты, укажите: будем иметь в виду при выпуске “Весны в Фиальте”. К этому письму, которое пересылаю через Париж, прилагаю чек на имя Вишняка, который Вам переведет 1500 франков в качестве аванса за “Весну в Фиальте”. Более точный расчет можно будет произвести в зависимости от цены, по которой можно будет установить на книгу ко времени ее выпуска. Получение аванса не откажите подтвердить. Цетлины мне писали, что видели Вас в Ментоне, и что у Вас все благополучно. Закончен ли “Дар”?»⁴⁰

Намеченная к публикации в издательстве «Русские записки» вторая книга Набокова так и не появилась, хотя книга указывалась в анонсах среди «готовящихся к печати».

Набоков подтвердил получение первых экземпляров «Соглядатая» в письме к М.Н. Павловскому от 29 июня 1938 г.: «Дорогой Михаил Николаевич <sic!>, получил 2 экземпляра “Соглядатая” и аванс за “Весну в Фиальте” (полторы тысячи франков). Благодарю Вас. Мне чрезвычайно понравилась внешность “Соглядатая” — и у Вас гениальный корректор! Хочу Вам дать списочек опечаток в “События” в “Русских записках”. Их следует исправить»⁴¹.

Что касается внешности книги, то Набоков, надо полагать, тут немного лукавит. Он, конечно, едва ли стал бы жаловаться — дареному коню в зубы не смотрят. В условиях эмиграции издательство, которое не только не брало с автора денег за печатание книг, но еще и платило авансы и гонорары, это было явление совершенно исключительное. Надо, однако, сказать, что издания Павловского не принадлежали к шедеврам типографского искусства. Напечатанные на дешевой серенькой бумаге, с мягким переплетом, без особого внимания к графической стороне, издания Павловского были скорее невзрачными. Таково было, кстати, и мнение Марка Алданова. Он писал по этому поводу Вишняку 24 июля 1938 г.: «Получил очень милое письмо от Павловского, но книги наши (Сирина и мою) он погубил»⁴².

Следующим изданием Павловского был сборник рассказов Тэффи «О нежности»⁴³. Книга вышла из печати в начале июля 1938 г., как явствует из сохранившегося в архиве Тэффи письма Павловского от 7 июля 1938 г., в ко-

⁴⁰ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 323.

⁴¹ Там же. С. 328.

⁴² «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 89. Ср. также в письме Вишняка к Павловскому от 19 июня 1938 г.: «Книжка Алданова — с двумя шрифтами в тексте и с “Петрополисовской” формой обложки — издана, на мой взгляд, не слишком блестяще. По крайней мере, он сам не в восторге» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59).

⁴³ См.: Тэффи Н. О нежности. Париж, 1938. 294 с.

тором он сообщает, что выслал ей два экземпляра «только что выпущенной “О нежности”»⁴⁴.

Отвечая на письмо Павловского от 3 мая 1938 г. Вишняк сообщал ему 27 мая 1938 г. о делах издательства: «С Сириным я снесся. Вы, конечно, получили мою телеграмму, посланную на следующий же день по получении авиона?! Сирин — согласен, разумеется. — Побывал у Алданова. Он рукописи своей не сдал еще. Говорит, что отписал Вам. Его несколько огорчает, что две его книги появятся одновременно. Он считает это фактом неблагоприятным для успешности распространения. Как только он сдаст манускрипт, я его Вам вышлю»⁴⁵.

Речь идет о романе «Начало конца». Алданов, очевидно, задержал сдачу рукописи романа, чтобы «Бельведерский торс» и новая книга не появились почти одновременно. И действительно, вторая книга Алданова в издательстве «Русские записки» появилась лишь в начале декабря 1938 г. (причем с указанием на год издания «1939»).

Дата выхода из печати первой части «Начала конца»⁴⁶ явствует из переписки Павловского с В.В. Рудневым по поводу еще одного издательского начинания. Речь идет об указателе содержания к журналу «Современные записки», вышедшем без выходных данных в Шанхае в начале декабря 1938 г.⁴⁷ В архиве Руднева сохранилась переписка с Павловским по поводу «Указателя»⁴⁸. Павловский писал Рудневу из Шанхая 12 апреля 1938 г.: «Мы приступили здесь к составлению указателя к вышедшим 65 книжкам “Совр[еменных] зап[исок]”»⁴⁹. В письме от 4 июля 1938 г. Павловский сообщал Рудневу: «“Указатель” уже закончен составлением, [...] Если хотите, можно его пометить Вашим изданием (города мы не указываем) и дать соотв[етственную] обложку. Напишите — мне совершенно безразлично, какое пометить изд[ательств]во»⁵⁰. Руднев ответил 22 августа 1938 г.: «Относительно указателя: подарку не ставят условий. Если пришлете 200 экз[емпляров], буду благодарен. Озаглавьте как издание “Совр[еменных] зап[исок]”, — еще лучше»⁵¹.

⁴⁴ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 573. Ср. также недатированное письмо Тэффи к М.В. Вишняку, имеющее отношение к подготовке данного издания: «Дорогой Марк Веняминович, мне нужен адрес Павловского в Шанхае — он ведь там? Нужно снести (какое куриное слово!) по поводу книги, которую он у меня взял» (Там же. С. 573).

⁴⁵ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59.

⁴⁶ См.: Алданов М.А. Начало конца. Париж; [Шанхай], 1939. Ч. 1. 319 с.

⁴⁷ См.: «Современные записки»: Указатель. №№ I–LXV, 1920–1937. [Шанхай: Б.и., 1938]. 93 с.

⁴⁸ Ср.: «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 885–886.

⁴⁹ LRA. MS. 1500/9.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

Книга вышла в начале декабря 1938 г. Павловский сообщил Рудневу в письме от 12 декабря 1938 г.: «Дорогой Вадим Викторович, выслал Вам бандеролью через Сибирь 250 экз[емпляров] “Указателя”. Получилось менее хорошо, чем рассчитывали. Наша обычная типография была занята “Началом конца” [М.А. Алданова. — М.Ш.] (вышедшим одновременно), а новая тип[ограф]ия надула нас на бумаге, дав не то, что было обусловлено. Сообщите, пожалуйста, если найдете ошибки»⁵². Посылки прибыли в Париж около 5 января 1939 г.; сохранился черновой автограф ответного письма Руднева Павловскому от 8 января 1939 г.: «Три дня тому назад я получил с таможи посланные Вами 18 пакетов с “Указателем”, а вчера, через М.В. Вишняка, и письмо Ваше. “Указатель” производит отличное впечатление»⁵³.

Кроме упомянутых выше, в издательстве «Русские записки» вышли еще две книги. Очередным изданием Павловского был сборник мемуарных очерков Б.К. Зайцева «Москва»⁵⁴. Книга вышла, вероятно, в феврале 1939 г. Рецензия П.М. Пильского на данное издание появилась в рижской газете «Сегодня» в номере от 18 марта 1939 г.⁵⁵ Дата выхода книги уточняется также письмом Зайцева к Вишняку от 2 марта 1939 г., где сообщалось: «я получил 1 экз[емпляр] кн[иги] своей “Москва” — Павловский пишет, что остальные 29 экз[емпляров] передаст мне издательство. Книга в Париже объявлена и продается. Не будете ли так добры распорядиться доставить мне эти авторские экземпляры?»⁵⁶.

Последняя книга, выпущенная издательством М.Н. Павловского, — сборник рассказов Тэффи «Зигзаг»⁵⁷. Издание вышло в свет, вероятно, в начале мая 1939 г. Павловский сообщал Вишняку в письме от 6 апреля 1939 г.: «Следующей книгой мы здесь выпускаем “Зигзаг” Тэффи, которая придет в Париж числа 15–20 мая. На этот раз “printed in China” будет отмечено»⁵⁸. П.М. Пильский откликнулся на книгу рецензией в газете «Сегодня» в номере от 29 июня 1939 г.⁵⁹

Весьма загадочна история еще одного (мнимого?) издания книгоиздательства «Русские записки». Речь идет о книге Вадима Андреева (сына

⁵² LRA. MS. 1500/7.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ См.: Зайцев Б.К. Москва. Париж, 1939. 297 с.

⁵⁵ См.: Трубников П. [Пильский П.]. [Рец. на кн.: Зайцев Б.К. Москва. Париж, 1939] // Сегодня (Рига). 1939. 18 марта. № 77. С. 2.

⁵⁶ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. С. 758.

⁵⁷ См.: Тэффи Н. Зигзаг. Париж; Шанхай, 1939. 324 с.

⁵⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63.

⁵⁹ См.: Пильский П. [Рец. на кн.: Тэффи Н. Зигзаг. Париж; Шанхай, 1939] // Сегодня. 1939. 29 июня. № 177. С. 4.

Леонида Андреева) «Детство. Повесть об отце». Единственное место, где зафиксировано данное издание, это картотека А.Д. Алексеева в Пушкинском доме, со следующей записью: «*Андреев В.* Детство. (Повесть об отце). Париж: “Рус. Записки”, 1938. 265 с.»; на архивной карточке — помета другим почерком: «У Фостер — нет»⁶⁰. На основе информации на архивной карточке была внесена соответствующая запись в известный посмертный библиографический справочник А.Д. Алексеева 1993 года⁶¹.

Проблема в том, что отдельного издания «Повести об отце» 1938 г. нет в крупнейших российских и зарубежных книгохранилищах; безрезультатным оказался также поиск в сводных интернет-каталогах научных библиотек (<http://kvk.bibliothek.kit.edu>; <http://www.worldcat.org/>). Не обладаем и косвенными данными о выходе книги — рецензий на мнимое издание 1938 г. не удалось выявить. В рекламном списке книг издательства «Русские записки», помещенном в конце сборника Тэффи «Зигзаг», книга не фигурирует ни в графе «Вышли из печати» (где указаны все опубликованные издательством книги, кроме указателя к «Современным запискам»), ни в графе «Готовятся к печати» (где указаны «Давнее» М.А. Алданова и «Весна в Фиальте» В. Сирина).

Запись в картотеке А.Д. Алексеева противоречит также информации по поводу «Повести об отце», извлеченной из гуверовского архивного фонда М.В. Вишняка (являющегося фактически и редакционным архивом «Русских записок»). Об издании книги говорится, в частности, в письме Андреева к Вишняку от 16 января 1939 г.: «Пользуюсь случаем для того, чтобы напомнить Вам, что я до сих пор не получил оттисков двух последних номеров журнала — ноябрьского и декабрьского. Теперь, когда издание моей “Повести” отдельной книжкой становится день ото дня все проблематичнее, мне эти оттиски до чрезвычайности нужны»⁶².

Текст «Повести об отце» печатался в журнале «Русские записки» с мая по декабрь 1938 г. (№ 5–12). В издательстве рассматривался, в частности, вариант публикации книги с использованием набора «Русских записок», как явствует из письма Павловского к Вишняку от 29 октября 1938 г. (его текст приведен ниже в статье).

⁶⁰ ИРЛИ. Картотека А.Д. Алексеева. Имеется в виду известный справочник Л.А. Фостер, где действительно на страницах, посвященных В.Л. Андрееву, отдельное издание «Повести об отце» 1938 г. отсутствует (зато зафиксированы два московских издания «Детства» 1963 и 1966 гг.). См.: Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 / Сост. Л.А. Фостер = Bibliography of Russian Emigre Literature 1918–1968 / Comp. by L.A. Foster. Boston, MA, 1970. Т. 1. С. 144–146.

⁶¹ См.: *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 18.

⁶² НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 1, folder 24.

Планы издания книги упоминаются также в письме Андреева к Вишняку от 18 июля 1939 г.: «Дорогой Марк Вениаминович, простите, что задержал рецензии — завален моей кинематографической работой. В то же время еще раз приходится “чинить” мою “Повесть об отце” — если судьба не обманет, издам ее отдельной книгой еще в текущем году»⁶³.

Из письма явствует, что еще в середине июля 1939 г. отдельного издания «Повести об отце» не существовало. Полтора месяца спустя издательство «Русские записки» прекратило свою деятельность в связи с началом Второй мировой войны. В сохранившейся у Вишняка редакционной переписке проект публикации книги Андреева больше не упоминается. Судя по всему, издание в свое время так и не состоялось, а приведенную выше записку в картотеке А.Д. Алексеева следует считать библиографическим казусом (фиксированием несуществующего издания).

Издательское предприятие М.Н. Павловского привлекло внимание ряда других писателей из круга сотрудников как «Современных», так и «Русских записок». В частности, Иван Бунин старался выяснить у Вишняка условия возможной публикации в этом издательстве. В письме от 23 октября 1938 г. он писал Вишняку: «Дорогой Марк Вениаминович, воображаю, как Вы меня, иногда вспомнив обо мне, матюкаете! Но погодите еще ставить крест на моих обещаниях. Сейчас не будете ли добры написать мне два словечка: кто заведует изданием книг в издательстве “Русские записки”? В Париже редакция и печатание? И плата гонорара тоже в Париже? И какие условия? Мог бы дать Вам книгу новых моих рассказов. (В Шанхай я не мог дать — за тридевять земель)»⁶⁴.

Вишняк ответил Бунину 26 октября 1938 г.: «Дорогой Иван Алексеевич! насчет того, какими словами я вспоминаю давшего не раз и не два слово и его не сдержавшего, это Вы совершенно правильно изволите предполагать... Что Чемберлен, что нобелевский лауреат — здесь все едино...

А вот относительно издательства (не журнала) “Русск[ие] зап[иски]” я, к сожалению, ничем не могу быть полезным Вам. И прием книг, и печатание, и выплата условленного гонорара производится в Шанхае и из Шанхая. Если Вам требуется адрес М.Н. Павловского, могу Вам его сообщить»⁶⁵.

О своей переписке с Буниным Вишняк сообщал Павловскому в письме от 9 ноября 1938 г.: «Чтобы перейти к административно-организационному вопросу, должен еще упомянуть о получении мною письма от Бунина.

⁶³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 44. Отметим попутно, что письма В.Л. Андреева отложились в архиве Вишняка не только в первой коробке, в папке на подлинную фамилию Андреев (Box 1, folder 24), но и в восьмой коробке, в папке на псевдоним Осокин (Box 8, folder 44).

⁶⁴ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 920.

⁶⁵ Там же.

Он пишет, что представляет себе, как я его “матюкаю”, когда о нем вспоминаю, но все же просит не окончательно ставить на нем крест: может быть, все же кое-что даст “Р[усским] з[апискам]”. Пока же его интересует: в Шанхае ли или в Париже находится редакция, печатание и касса издательства “Р[усские] з[аписки]”: он мог бы предложить книгу рассказов, но только в том случае, если она будет печататься в Париже. Я ответил ему, указав, что он прав относительно слов, которыми я поминаю не держащих своих обещаний — английского ли премьера или нобелевского лауреата, не имеет значения, — что же касается места печатания и выдачи гонорара по издательству, за этим надо обращаться не ко мне. Я могу переслать письмо или дать адрес»⁶⁶.

Бунин действительно списался с Павловским несколько месяцев спустя: «Дорогой Михаил Наумович, поздравляем с Праздником Вас и Вашу супругу.

У меня есть книга новых рассказов — все о любви — всегда ходкий товар. Предлагаю издать. Хотите ли и на каких условиях?

Мы сейчас над Монте-Карло, но пишите мне в Париж.

Ваш Ив. Бунин

4.IV.39»⁶⁷.

Копию письма Бунина вместе с копией своего ответа Бунину Павловский 18 апреля 1939 г. послал Вишняку: «Дорогой Марк Вениаминович, “для сведения и руководства” посылаю Вам копию моей переписки с И.А. Буниным. Комментарии излишни. И.А. очень хорошо знает (и Вы ему писали о “неловкости” передо мною), что я в курсе его отношений с “Р[усскими] з[аписками]”, и все же предлагает мне издать свои “новые рассказы”... Ответ мой его убедит, что предложение не встретило энтузиазма, и вопрос в лучшем случае остается открытым на ближайшие месяцы (до конца года).

Не мог я также отказать себе в удовольствии подчеркнуть, что условия издательства “остаются прежними”, т.е. теми самыми, которых не хотел принять И.А. в 1937 г., требуя “для Бунина” исключений.

Так как письмо И.А. послано авионом, я полагаю, что он рассчитывал связать с вопросом о новой книге возврат гонорара по “Рус[ским] зап[искам]” (обещанный на конец апреля). Не возражаю, если, в случае разговора на эту тему, Вы сообщите И.А., что я Вас осведомил о его предложении

⁶⁶ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 61.

⁶⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63. Ср. в письме Бунина к Вишняку от 29 мая 1939 г.: «Я обещал вам возратить в мае то, что я должен Павловскому. Но я веду сейчас с Павловским переговоры насчет издания у него книжки моих новых рассказов. Если мы сговоримся с ним, мой долг ему пойдет в уплату за эту книжку. А не сговоримся, пришлю этот долг Вам» («Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 926).

нии издать книгу “новых рассказов” (т.е. не имевшихся еще в конце 1937 года?).

Урегулирование вопроса об авансе было бы гораздо проще нормальным путем, т.е. выполнением обязательства (объявленного подписчиком) о сдаче рассказа в журнал.

Привет и всего лучшего

М. Павловский»⁶⁸.

Вот упомянутая в ответе Вишняку копия письма Павловского к Бунину от 18 апреля 1939 г.: «Дорогой Иван Алексеевич, благодарю за Ваше письмо от 4 апреля. Технически мы смогли бы приступить к печатанию Вашей книги в конце августа (рукопись в этом случае должна быть выслана сюда в конце июля). Но кто может сказать, что произойдет к этому времени в мире и в частности на нашем островке, называемом концессией? Вы, вероятно, смотрите на вещи более оптимистически. Поэтому отвечаю и на второй Ваш вопрос. Условия наши в отношении гонорара не изменились: 15 процентов с продажной цены, половина — по сдаче рукописи. Изменились, к сожалению, наши расчеты на тираж. От прежних иллюзий пришлось начисто отказаться. Продажа нами передана генеральному представителю — “Editeurs Réunis”, и мы печатаем максимально на 100 процентов больше того, что этот представитель у нас забирает. При книжке в 250–300 стр[аниц] цену придется поставить в 30–35 франков, а тираж определить в 600 экз[емпляров].

Еще одно замечание. Мы не имеем возможности высылать оттиски для авторской корректуры. Но опыт показал, что в этом нет практической необходимости при условии, что автор прежде, чем расстаться с рукописью, внимательно ее прокорректирует. Мы, с своей стороны, ручаемся за точное воспроизведение оригинала и выполнение всех указаний автора.

Искренне уважающий Вас»⁶⁹.

Правда, Бунина, любившего держать многочисленные корректуры, издательство, находящееся «за тридевять земель», едва ли могло вполне устроить. Никакой книги Бунина в издательстве «Русские записки» опубликовано не было.

Другим видным писателем, которого заинтересовала возможность печататься у Павловского, был Вячеслав Иванов. На его вопрос Алданов ответил в письме от 29 сентября 1938 г.: «Что до книги избранных стихов, то я тотчас по возвращении в Париж написал об этом Павловскому в Шанхай

⁶⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63.

⁶⁹ Ibid.

(указав ему Ваш адрес), но ответ может прийти еще только недели через три, — вот неудобная сторона этого шанхайского дела»⁷⁰.

С предложением опубликовать свои произведения в издательстве «Русские записки» выступил также М.А. Осоргин, как явствует из письма Павловского к Вишняку от 15 декабря 1938 г.: «Я недавно отказался (правда в условной и любезной форме) печатать его книгу рассказов»⁷¹.

К Павловскому с подобным вопросом обратилась также сотрудница журнала Л.А. Крестовская. В письме от 29 октября 1938 г. Павловский сообщил Вишняку: «Я получил от Л. Крестовской запрос (посланный, как она общает, по сговору с редактором “Р[усских] з[аписок]”) о том, не согласился ли бы я выпустить роман “Черный ветер” отдельным изданием (рукопись романа мне прислана). К сожалению, я до сих пор не имею данных, запрошенных мною в связи с проектом издания “Повести об отце”, о стоимости печатания с готового набора Зелюком (плюс бумага). До получения этих сведений я не могу ничего ответить ни на запрос Андреева, ни на запрос Крестовской. При использовании набора “Р[усских] з[аписок]” придется в книге оставить строчку той же ширины, как и в журнале. Поэтому формат книги получится несколько иной, чем другие наши издания. — Размер наших изданий — 13,7 x 19,2 см., размер же книги, при использовании набора журнала, будет примерно 14,8 x 19,5 см. Строчек в странице будет 32 при Вашем крупном шрифте (беллетристика) и 34–35 при шрифте “Повести об отце”. Необходимо подобрать и соответственный размер бумаги для наиболее экономного ее использования.

Давая цену за печать и брошюровку за лист, укажите точно, сколько в нем будет страниц вышеуказанного формата. Отдельно — цену за обложку (3-х цветную, как все наши издания, без клише). Желательно иметь цену при тираже 600 и 800 экземпляров. При случае сообщите Л. Крестовской, что я знакомлюсь с рукописью и отвечу ей по получении от Вас типографских справок»⁷².

Роман Крестовской «Черный ветер» был опубликован в № 12–14 «Русских записок» за декабрь 1938 г. — февраль 1939 г.; отдельное издание не состоялось. О сомнениях насчет существования отдельного издания «Повести об отце» Вадима Андреева конца 1930-х гг. было сказано выше.

История издательства «Русские записки» не будет полной без рассказа о неосуществленных планах. Как «готовящаяся к изданию» анонсировалась, в частности, книга М.А. Алданова под названием «Давнее». Книга с подобным заглавием никогда не выходила; она, скорее всего, должна была содержать

⁷⁰ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. С. 979–980.

⁷¹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 61.

⁷² Ibid.

исторические очерки Алданова. Павловский собирался также, несмотря на затруднения военных лет, издать вторую часть «Начала конца», как явствует из его писем к Алданову 1941 года.

О «готовящейся к изданию», но так и не вышедшей книге Сирина «Весна в Фиальте» (не путать с одноименным нью-йоркским изданием 1956 г.) было сказано в приведенных выше письмах Павловского к Набокову от мая — июня 1938 г. Почти год спустя Павловский пытался — безуспешно, как оказалось, — завершить этот проект. В письме к Вишняку от 6 апреля 1939 г. он сделал новое предложение: «Не откажите попросить Сирина дать свое согласие на следующее: мы условились выпустить под загол[овком] “Весна в Фиал[ь]те” его рассказы, не вошедшие в “Соглядатай” плюс *его пьесу*. Между тем, книжники очень не советуют помещать пьесу вместе с рассказами, как мы это сделали в “Бельв[е]дерском” торсе”. Это и технически выходит плохо, т.к. для пьесы у нас другой шрифт (т.к. нужен *и жирный и курсив*). Поэтому мы предложили бы заменить пьесу 3-мя нов[ыми] рассказами, появившимися в “Р[усских] зап[исках]” (2) и в “Совр[еменных] зап[исках]” (1). Этого было бы вполне достаточным для заполнения книги (280–300 стр[аниц]). Если Сирин согласен, напишите мне — телеграфировать не стоит, т.к. время есть»⁷³.

Вишняк ответил Павловскому в письме от 30 апреля 1939 г.: «От Сирина получился ответ: он согласен, чтобы в сборник его рассказов были включены последние его 3 рассказа (2 из “Русск[их]” и 1 из “Совр[еменных]” Записок), но все же рассчитывает, что и выключенная из этого Сборника (“Вечер в Фиальте”) пьеса рано или поздно увидит свет»⁷⁴.

М.Н. Павловский заинтересовался и другой книгой Набокова — «Дар». Набоков предложил Павловскому опубликовать этот роман в письме от 29 июня 1938 г.: «Что касается “Дара”, то закончил я его давно, и очень хотел бы выпустить его отдельным изданием. В нем около 450 страниц. IV глава, по моему замыслу центральная (“Жизнь Чернышевского”), так и осталась *inedited* [неопубликованной, неизданной (англ.)]. Пожалуйста, сообщите мне, если издание “Дара” может представить для Вас интерес»⁷⁵.

Роман Набокова печатался в это время в «Современных записках» (в книгах 63–67 за 1937–1938 гг.), но без злополучной четвертой главы. Нам уже приходилось писать о причинах этого конфликта: «Чернышевский был кумиром дореволюционной демократической интеллигенции — протажистов освободительного движения, народников и эсеров; нелицеприятное его изображение в романе Набокова было для “традиционалистов” в

⁷³ ИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 328–329.

редакции СЗ, особенно для Вишняка, совершенно неприемлемо»⁷⁶. Вопрос о книжной публикации «Дара» волновал поэтому и редакторов журнала. О намерении Набокова узнал откуда-то Вишняк. В письме к Павловскому от 13 августа 1938 г. он спрашивал: «И еще: верно ли, что изд[ательс] тво “Р[усские] з[аписки]” собирается выпустить сирийский “Дар” полностью в 5 частях, т.е. с включением и той 4-ой, которая посвящена полупублицистическому пасквилю на Чернышевского?..»⁷⁷

Однако Павловский и сам сомневался, напуганный отрицательной реакцией парижских товарищей-эсеров на публичное чтение главы о Чернышевском (состоявшееся еще 6 февраля 1937 г. в Париже на квартире Фондаминского в присутствии 30 человек). Он ответил Вишняку в письме от 5 сентября 1938 г.: «2°. По тем же причинам, которые изложены выше»⁷⁸, я оставил открытым вопрос об издании “Дара”. Что же касается его 4-й части (я ее еще не читал), то в принципе я допускаю возможность ее издания на том основании, что изд[ательств]во несет гораздо меньшую ответственность за содержание книги, чем редакция журнала (особенно, когда речь идет о крупном писателе). Но я допускал и допускаю, что П.Н. [Милюкову] и Вам могло бы не понравиться издание под фирмой изд[ательств]ва “Русск[ие] зап[иски]”, и я предполагал согласовать этот вопрос с Вами, и в крайнем случае указать на обложке другое название изд[ательств]ва. Но все это — вопрос далекого будущего. Нужно: 1) мне самому прочитать 4-ю главу; 2) чтобы к осени будущего года (“Е[сли] Ж[ивы] Б[удем]”!) “Дар” был еще свободен, т.е. не взят другим издательством»⁷⁹.

Вопрос о «Даре» обсуждался Павловским также с другим редактором «Современных записок». В письме к Рудневу от 27 декабря 1938 г. он пишет в связи с содержанием 67-й книги журнала: «Очень мне понравилась Ваша

⁷⁶ Шруба М. История журнала «Современные записки» в свете редакционной переписки // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 110.

⁷⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 60.

⁷⁸ В первой части письма речь идет о технических проблемах: «1°. Издание “Повести об отце” [В.Л. Андреева]. Если бы пришлось набирать и печатать здесь, я бы ответил на В[аш] вопрос сразу же отрицательно. Причины: а) мы замедлили выход дальнейших книг, т.к. три выпущенные (Алд[анов], Сир[ин] и Тэффи) пойдут в продажу только осенью, а, кроме того, нам нужно время организовать распространение (Вы, вероятно, знаете о переговорах И.Н. [Коварского], вместе с [Ал. Пав.] Мещерским, с “Д[омом] кн[иги]” и другими); б) взятыми уже к печати книгами мы нагружены на весь зимний сезон 1938–39 г.; в) речь, поэтому, могла бы идти о выпуске книги к осени 1939. При нын[ешнем] положении я не склонен ни себя ангажировать, ни ангажировать автора на такой срок. Проект Ваш о печатании с готового уже набора (об этом Вы пишете впервые, и я не знал, что Зелюк дает Вам [рукой Вишняка] приписано: «не нам, а [ндрее]ву») хранить набор почти полгода) может изменить положение, но для решения вопроса мне не хватает сведений: а) каков будет объем книги; б) во сколько приблизит[ельно] обойдется печатание с бумагой 700 примерно экземпляров. По получении этих данных дам Вам окончательный ответ».

⁷⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 60.

статья о Чехословакии. Гораздо меньше — обе статьи — и Бунина и Алданова — о Куприне. Зато — великолепен — “Дар”. Вот уж действительно самое выдающееся произведение нашей эмигрантской литературы. Если памятником ее останется только “Дар”, то этого будет достаточно. Для меня лично создается тягостный *cas de conscience*. В. Сирин предложил мне издать *всю* книгу, включая 4-ую часть. Не издать такой книги прямо невозможно (когда *до сих пор* продолжает выходить отдельными книгами всякая ерунда). Но что делать с 4-й частью (которую я сам даже еще не читал, но которой меня пугают решительно со всех сторон)?»⁸⁰.

Сомнениям Павловского положила конец разразившаяся Вторая мировая война. Осенью 1939 г. он прекратил всю издательскую деятельность, включая и журнал. Руднев сообщал об этом П.М. Бицилли в письме от 10 января 1940 г.: «Потом подошел сентябрь 1939 г. Даже богатейшие (меченат изумительный!) “Русские записки” и то закрылись из-за риска издания сейчас книги (сокращение рынка, исчезновение бумаги, цензура и пр.)»⁸¹.

О приостановлении журнала Вишняк сообщал в письме к Павловскому от 4 сентября 1939 г.: «Если (подчеркиваю: “если”), — потому что до самой последней минуты нельзя быть вполне уверенным) эту книгу 20–21 выпустим, — издание приостановим, руководясь и общим положением вещей (ограничение бумаги, цензуры, убыль сотрудников и т.д.), и текстуальным приказом Вашей прошлой телеграммы от 28 сентября [19]38 г.: “Ка эвенеман сюспандэ пюбликасион, реглэ абоннэ”...»⁸².

Последнюю книгу журнала удалось выпустить без задержки, о чем Вишняк извещал Павловского в письме от 13 сентября 1939 г.: «Как бы то ни было, — но сентябрьскую книжку мы выпустили. На случай, что книга, отправленная Вам 7-го (мы не запоздали ни на один день!), до Вас еще не дошла, — никто сейчас не знает, *каким путем* к Вам идет сейчас почта, — сообщу, что я сделал на внутренней стороне обложки примечание жирным шрифтом: “Значительная часть этой книги была отпечатана до катастрофического развития событий, — вследствие чего удалось дать лишь несколько статей, связанных с освещением происшедшего”. — Я сделал это примечание, даже не снесшись с П.Н. [Милюковым], потому что боялся, как бы книга не произвела впечатления своим выходом в такую минуту некоторой несвоевременности, архаизма и даже “курьеза”: мир и культура рушат-

⁸⁰ LRA. MS. 1500/7.

⁸¹ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 640.

⁸² HIA. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 64. Упомянутая телеграмма сохранилась в архиве Вишняка: «CAS EVENEMENTS SUSPENDEZ PUBLICATIONS REGLEZ ABONNES [В случае событий прекратите публикации, верните деньги подписчикам]» (HIA. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 60).

ся, а они экзотику Федорова и эротику Газданова печатают... За несколько дней, что прошли с момента выпуска книги, я уже убедился, что страх мой был напрасен: книга определенно нравится (и даже роман Газданова имеет большой успех; многие запрашивают, — чем же он заканчивается), да и жизнь вообще не кончилась еще, а продолжается...»⁸³.

Прекращение деятельности издательства мыслилось Павловским как временное. Уже 10 января 1940 г. он предложил Вишняку выпустить сборник статей памяти своего близкого друга времен Уфимской директории, товарища по партии эсеров А.А. Аргунова (умершего 7 ноября 1939 г. в Праге): «Мне бы очень хотелось издать сборник памяти Андр[ея] Ал[ександровича Аргунова]. Его жизнь, вся посвященная в конце концов одному делу, заслуживает большего отклика на смерть, чем это получилось. Слетов тоже умер во время войны, и не до отдельных людей было, но сборник мы тогда все же издали⁸⁴ — оставили памятку для будущего. Если Вы считаете это дело осуществимым, я бы был Вам благодарен за присылку схемы, к[а]к литературной, т[а]к и финансовой (сколько будет стоить, какой формат, объем, № экзем[пляр]ов). Я думаю, что, кроме старых товарищей, участие в сборнике могли бы принять и другие лица, имевшие дело с А.А. и лично его уважавшие. М.б. и П. Н[иколаев]ич [Милюков] напишет статью? И Алданов? Буду ждать Вашего ответа»⁸⁵.

Вишняк ответил Павловскому 4 февраля 1940 г.: «Самый сборник мне кажется вполне осуществимым. Я переговорил об этом и заручился согласием Марка Алекс[андровича Алданова] и Николая Дмитриевича [Авксентьева]. Алданов готов дать несколько страничек. Авксентьев согласен даже написать пространный биографический очерк, если я ему достану данные, точные даты и проч. Данные эти можно будет, вероятно, добыть через Кускову у вдовы Аргунова. В качестве возможных авторов воспоминаний, кроме Алд[анова] и Авкс[ентьева], можно будет привлечь Зензинова, Кускову, Делевского, ныне евангелиста-сектанта и проповедника В.Ф. Токарева, большого друга Аргуновых и до 6-го года эсера; вероятно, что-нибудь дадите Вы; может быть, — если понадобится, — дам я. Но все это будет достаточно скучно, и на продажу рассчитывать не может. Надо будет запросить нью-йоркских товарищей, сколько экземпляров они взяли бы, и на указанное ими число набавить 100 экз[емпляр]ов]. Я считаю, что предельный размер сборника — 5 печатных листов; максимум тиража — 300 экз[емпляр]ов]. При нашей бумаге 5 листов будут стоить примерно 2.500 фр[анков] типографии,

⁸³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 64.

⁸⁴ См.: Памяти Степана Николаевича Слетова. Париж, 1916. С.Н. Слетов (1876, Тамбов — 1915, Париж) был одним из руководителей партии эсеров.

⁸⁵ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

2.000 фр[анков] авторских и 500 фр[анков] — корректура с выпуском. Всего около 5.000 фр[анков] расходов и решение проблемы: к кому обратиться с предложением написать об Андр[ее] Алекс[андровиче] *в первую очередь* — к Виктору Мих[айловичу Чернову] или к Павлу Ник[олаевичу Милюкову], ибо есть риск, что один с другим не захочет сотрудничать, даже если П.Н. и согласился бы написать несколько страниц об А.А. (Вы ведь знаете, что, когда П.Н. разошелся с “Крестьянской Россией”, он лютой ненавистью возненавидел не только Маслова, но и А.А.). На мой взгляд — того же мнения держится и Ник[олай] Дмитр[иевич Авксентьев]. — Чернов в данном случае мог бы сказать больше и интереснее, нежели П.Н. И хотя покойный А.А. терпеть не мог В. М[ихайловича] Ча, я бы все-таки обратился раньше к Ч[ернову], даже с риском, что П.Н. в таком случае откажется. А Ваше мнение?»⁸⁶.

Переписка по поводу задуманного сборника продолжалась еще некоторое время. Павловский ответил Вишняку 21 февраля 1940 г.: «3°. Сборник памяти А.А. С Вашей программой согласен, приступайте. Главное, конечно, подобрать данные биографии и жизнедеятельности А.А. (к[а]к ни скромны и по количеству, и по качеству писания покойного, хорошо бы подобрать указатель). Уцелела ли его последняя вещь, об издании которой он просил меня в последнем, через Вас переданном письме? М.б., можно взять что-либо оттуда, этим выполнив до некоторой степени его “предсмертную волю”. К Викт[ору] Мих[айловичу Чернову] нужно, конечно, обратиться в первую очередь, но написать следует и П.Н. [Милюкову]. Думаю, что не следует обойти и Е.А. Сталинского, соредактора А.А. по “Воле народа”⁸⁷, м.б., даже (если Вы и другие сочтут нужным) и В.И. Лебедева. Наконец, раз у нас время есть (нужно *двинуть* дело, сроком же для печатания мы не ограничены) и будете писать в Америку, нужно бы попросить статью и у А.Ф. [Керенского]. На продажу, разумеется, рассчитывать не приходится, но смысл сборника не в этом. — Кстати, в связи с персональными взаимоотношениями авторов, я лишний раз рискую Вам продемонстрировать свое “провинциальное прекраснодушие”, но уверяю Вас, что именно издаека истинный и полукомический смысл этих взаимоотношений виднее. Но эта “объективная” оценка, конечно, не устраняет не менее объективного *факта* существования всех этих трудностей, иногда, к сожалению, не преодолимых»⁸⁸.

Получив это письмо, Вишняк обратился 12 марта 1940 г. к Милюкову: «Получил письмо от Мих[аила] Наумовича. ...по всему видно, что он не утратил ни своей активности, ни своего интереса ко всякого рода изда-

⁸⁶ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

⁸⁷ Газета правых эсеров «Воля народа» выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по февраль 1918 г. (с ноября 1917 г. под разными названиями: «Воля», «Воля вольная», «Воля страны», «Воля земли»).

⁸⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

тельски-политическим предприятиям. Он предлагает, в частности, издать небольшой сборник памяти своего друга Андрея Алекс[андровича] Аргунова и просит меня обратиться к Вам с предложением, не дадите ли и Вы небольшую статью о покойном? — Рукопись нужна неспешно. Предполагается и гонорар — из расчета в 400 фр[анков] за печатный лист в 40 тыс[яч] знаков. — Пока требуется лишь Ваше принципиальное согласие»⁸⁹.

В тот же день, 12 марта 1940 г., Вишняк ответил Павловскому на письмо от 21 февраля 1940 г.: «Переход к второму пункту — о Сборнике. — Я сговорился уже с Авксентьевым. Мы с ним, Ильей Ник[олаевичем Коварским] и, может быть, еще одним лицом, составим редакционно-техническую коллегия. Я уже написал Кусковой: предложил дать очерк о жизнедеятельности А.А. в Праге и, главное, добыть фактически-хронологический материал у Марьи Евгениевны [Аргуновой]. На полученной канве Ник[олай] Дм[итриевич Авксентьев] обещал вырисовать биографический очерк и характеристику. — В ближайшее время обращусь к Викт[ору] Мих[айловичу] Чернову, и кто-нибудь другой — к Сталинскому. (Лебедев по-прежнему в Америке.) — Рукопись А.А. находится у его здешнего друга-евангелиста Токарева, и ее легко будет получить. Я бы уже снесся с ним, но не сговорился с Ник[олаем] Дм[итриевичем] относительно привлечения самого Токарева к участию в Сборнике. Я скорее — “за”, а Н.Д. как будто — против. — К А.Ф. [Керенскому], только что вернувшемуся из Соед[иненных] Штатов, думаю, бесполезно обращаться: он сейчас захвачен высокой политикой, страшно бодро и уверенно настроен, и ему, вероятно, не до того. Он собирается к тому же в Лондон»⁹⁰.

Три месяца спустя, в начале июня 1940 г., Вторая мировая война захватила и Францию. Общественная жизнь русской эмиграции в Париже на долгое время приостановилась. Вишняк и Авксентьев перебрались осенью 1940 г. в США. Сборник памяти А.А. Аргунова так и не состоялся.

Весной 1941 г. Павловский пытался возобновить издательскую деятельность, предлагая Алданову в письмах от 5 марта и от 15 мая 1941 г. возможные варианты издания второй части «Начала конца» (см. приложение, письма 7–8), однако эти попытки оказались тщетными.

В письме от 21 января 1946 г. Павловский писал Алданову все еще из Шанхая и напоминал: «Кстати, имейте в виду, что у меня сохранилось в целости Ваше “Давнее”. Здесь перспектив на его издание в ближайшее время никаких. Не хотите ли, чтобы я его выслал Вам в Америку?»⁹¹.

⁸⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 7, folder 78.

⁹⁰ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

⁹¹ ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P-R».

Три года спустя Павловский сам переселился в Америку. Вместе с женой, Таисией Константиновной Павловской (21.10.1898, Барнаул⁹² — не ранее 1968⁹³), он прибыл в Сан-Франциско в начале апреля 1949 г., как явствует из его письма к Вишнякам от 9 апреля 1949 г.: «Дорогие Марк Вениаминович и Мария Абрамовна, прилетели мы два дня тому назад в San Francisco. Пробудем здесь еще дней 5–6, а затем поедem в New York. Будем рады снова повидать всех Вас. Надеемся, все у Вас благополучно и все Вы здоровы.

В Нью-Йорке мы не собираемся задерживаться долго — наш дальнейший путь — в Париж»⁹⁴.

В Нью-Йорке Павловский успел опубликовать книгу о китайско-русских отношениях, написанную за годы войны⁹⁵. Однако вскоре он перебрался в Европу. Следующее его письмо к Вишняку, отправленное уже из Парижа, датировано 17 октября 1949 года⁹⁶. К концу 1952 г. Павловские поселились в Лозанне; первое письмо, отправленное Вишняку из Швейцарии, датировано 15 ноября 1952 года⁹⁷. Впрочем, Павловский постоянно бывал по делам в Париже, как явствует из его письма к Вишняку от 11 марта 1954 г.: «Мы теперь живем “в принципе” больше в Лозанне, хотя мне приходится каждый месяц ездить в Париж. Т[аисия] К[онстантиновна] все же более соблюдает “принцип” и больше проводит времени в Лозанне»⁹⁸.

В последние годы жизни Павловский работал над второй книгой о Дальнем Востоке; рукопись осталась незавершенной и неопубликованной. Скончался Павловский 17 апреля 1963 г. в Лозанне⁹⁹. Вишняк откликнулся на весть о его смерти письмом к вдове от 25 апреля 1963 г., где, в частности,

⁹² НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66.

⁹³ Последнее письмо Т.К. Павловской, сохранившееся в архиве Вишняка, датировано 15 января 1968 г. (см.: НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 56).

⁹⁴ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 1.

⁹⁵ См.: *Pavlovsky M.N. Chinese-Russian Relations*. N.Y., [1949]. VIII, 194 p. Книга Павловского вызвала многочисленные отклики. См. рецензии: *Lantzeff G.V.* [Review] // *Pacific Historical Review*. 1949. Vol. 18, № 4. P. 540–541; *North R.C.* [Review] // *Pacific Affairs*. 1950. Vol. 23, № 4. P. 433–436; *White J.A.* [Review] // *The Far Eastern Quarterly*. 1949. Vol. 9, № 1. P. 100–101; *Parry A.* [Review] // *The Russian Review*. 1950. Vol. 9, № 4. P. 330–333; *Pritchard E.H.* [Review] // *The Annals of American Academy of Political and Social Science*. 1949. Vol. 266. P. 213–214; *Wing Mah N.* [Review] // *The Western Political Quarterly*. 1950. Vol. 3, № 1. P. 122–123; *V.S.Y.* [Review] // *Special Science Review*. 1951. Vol. 25, № 2. P. 266; *Pratt J.T.* [Review] // *International Affairs*. 1950. Vol. 26, № 3. P. 445–446; *V.G.K.* [Review] // *The English Historical Review*. 1949. Vol. 64, № 253. P. 551–552; *Hudson G.F.* [Review] // *The Slavonic and East European Review*. 1949. Vol. 28, № 70. P. 274–276; *Wei H.* [Review] // *The Southwestern Social Science Quarterly*. 1949. Vol. 30, № 3. P. 210–212; *Whiting A.S.* [Review] // *The American Slavic and East European Review*. 1950. Vol. 9, № 3. P. 222–224. Благодарю П.А. Трибунского за справку.

⁹⁶ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 1.

⁹⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 2.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 5.

спрашивал: «Не возражаете ли Вы против того, чтобы я написал нечто вроде некролога М.Н. в парижской “Русской мысли” и нью-йоркском “Социалистическом вестнике”? (В “Нов[ом] р[усском] слове” я уже больше трех лет не пишу.) Не дать ли в “Нов[ом] р[усском] слове” и в “Русской мысли” краткой фактической заметки о кончине М.Н.?»¹⁰⁰.

Т.К. Павловская ответила Вишняку 13 мая 1963 г.: «Насчет некролога, я думаю, это нужно оставить, так как писать в русских газетах его индустриальную жизнь это никого не интересует и это никто не знает; если бы я хотела, [чтобы] об этом написали, то только в французской газете, но он уже семь лет, как ушел от дел, все наверное забыли. Политическую сторону [так] его деятельности *ни в коем случае нельзя касаться*, т.к. его дочь в Москве. Вы знали, что он хотел издать свою книгу на чужое имя. Таким образом оставим это в молчании, ему этого не надо сейчас, он всегда был очень скромным человеком»¹⁰¹.

Вишняк три дня спустя (16 мая 1963 г.) еще раз попытался — тщетно — убедить Т.К. Павловскую в желательности отклика в печати на смерть мужа. Данное письмо само по себе является своего рода некрологом: «Дорогая Таисия Константиновна! Благодарность Вашу передал по назначению: Коварским, Берте Михайловне [Авксентьевой], Николаевскому.

Конечно, если Вы не разрешаете, я писать некролог о Мих[аиле] Наумовиче не буду. Но я с Вами решительно не согласен в этом пункте. Покойному это, может быть, и не требуется. Но он жил не в безвоздушном пространстве, а окруженный людьми, которые его ценили и, мне кажется, вправе узнать подробнее, что это был за человек, которого не стало. Между тем даже факт его смерти известен очень немногим.

Думаю, что жизнь М.Н. не исчерпывалась его промышленной деятельностью, как она успешна и значительна ни была. Только после первой мировой войны стал он “индустриалистом”, а связи с такими людьми, как Чернов, Абрамович, Николаевский, он поддерживал до самой смерти — и отношения эти были не только личные. Наконец, его две книги о русско-китайских отношениях, на мой взгляд, *останутся*, т.е. сохраняют свое значение и тогда, когда память о промышленной деятельности М.Н. изгладится даже у французов и китайцев.

Может быть, Вы согласитесь, чтобы некролог написал такой человек, как Адамович? Он ведь ничего общего никогда не имел с политикой, а Мих[аила] Наумовича все-таки немного знал и, надеюсь, не откажется о нем написать.

С другой стороны, может быть, Вы не станете возражать, если бы я воспроизвел уже напечатанное мною о М.Н., как об издателе “Русских записок”,

¹⁰⁰ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 5.

¹⁰¹ Ibid.

без упоминания его имени? М.Н. читал это (в моей книге о “Совр[еменных] зап[исках]”) и не возражал. После его смерти тем менее может это повредить его близким в России. Если большевиков интересует то, что было 25 лет назад, они давно это узнали при посредстве своей агентуры и через приехавших из Парижа после войны “возвращенцев”: Любимова, Одинца, Ладинского, Цветаеву и др.

И последнее. Как Вы, может быть, знаете, в августе я предполагаю быть в Швейцарии (в Бадене). Меня интересует, в каком положении книга, которую готовил М.Н. к печати: удобочитаема ли она? И разрешите ли Вы с нею ознакомиться (*не для использования в печати!*).

Неприятно досаждают Вам: Вы и утомлены, и Вам не до моих запросов. Но все-таки... Как выйти из положения полного умолчания о выдающемся человеке, которым несомненно был М.Н. Это не только нестерпимо, это и незаслуженно ни им самим, ни связанными с ним в течение десятилетий. Надеюсь, Вы поймете меня правильно и не осудите: пишу откровенно, что думаю, но с самыми добрыми чувствами к М.Н. и Вам.

Обнимаю Вас

М. Вишняк¹⁰²».

Итак, запретом вдовы Павловского объясняется, почему общественно-политическая, профессиональная и — не в последнюю очередь — издательская деятельность этой незаурядной личности, равно как детали биографии Павловского не получили в свое время освещения в печати и остались на долгие десятилетия почти полностью забытыми.

¹⁰² HIA. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 5.

Переписка М.Н. Павловского
с В.В. Рудневым и М.А. Алдановым

1. М.Н. Павловский — В.В. Рудневу
Шанхай, 12 апреля 1938 г.

Shanghai, 12.IV.38

Дорогой Вадим Викторович,

мы приступили здесь к составлению указателя к вышедшим 65 книжкам «Совр[еменных] зап[исок]». В основу положен указатель, приложенный к 26-й книжке, и мы дополняем его, придерживаясь того же плана, до 65-й кн[ижки] включительно.

Этот указатель мы, если Вы не возражаете, отпечатаем здесь, придерживаясь формата «С[овременных] з[аписок]», и вышлем Вам несколько сот экземпляров.

Но для окончания работы нам не хватает трех книжек: №№ 40, 41 и 44. Если Вы все еще не можете их раздобыть для меня, не откажите, пожалуйста, выслать мне оглавления этих трех книг.

Начал я делать «Указатель» для себя, но потом обнаружил, что он может быть полезен и вообще читателям «Сов[ременных] зап[исок]», и в некоторой степени может стимулировать продажу¹ отдельных книг, если не целых комплектов.

К жизни здешней начинаю приспосабливаться: кажется, и не уезжал вовсе. С тоской соображаю, что на Пасхе не смогу отведать вашей наливки.

Привет Вере Ивановне [Рудневой] от Т[аисии] К[онстантиновны Павловской] и меня. То же и Вам.

Ваш М. Павловский

P.S. Будущие номера «С[овременных] з[аписок]» высылайте мне в 3-х экземплярах. М.В. [Вишняк] рассчитается за них. Адрес прежний: 320, Szechuen road, Shanghai, via Siberia, мне.

LRA. MS. 1500/9. Автограф.

¹ Далее зачеркнуто: прежних.

2. М.Н. Павловский — В.В. Рудневу
 Шанхай, 4 июля 1938 г.

4.VII.38

Дорогой Вадим Викторович, получил Ваше письмо от 10.VI. Надеюсь, что свою *carte d'identité*² Вы разыскали. Что касается моего письма и просьбы прислать недостающие н[оме]ра «С[овременных] з[аписок]», то не беспокойтесь — я их в конце концов нашел здесь, в одной библиотеке (т.к. там все равно не было комплекта, и было н[оме]ров 20, то мне нужные книжки продали). Во всяком случае — спасибо за присланное содержание №№ 39–42, совместно мне, что отнял у В[ас] время на переписку.

«Указатель» уже закончен составлением, думаю, что ошибок в нем нет, хотя проверим еще раз. Сдадим в печать приблизительно через месяц. Вам вышло неск[олько] сот экземпляров (в нем, пожалуй, будет стр[аниц] 60–65 текста, формата «С[овременных] з[аписок]»). Если хотите, можно его пометить Вашим изданием (города мы не указываем) и дать соотв[етственную] обложку. Напишите — мне совершенно безразлично, какое пометить изд[ательств]о.

Что касается «удивления» Вашего, «как просто ВВР», то что же нам возвращаться к нашим старым спорам. Я думаю, правильнее поступает Ил[ья] Ис[идорович] Фондаминский, когда пишет: «я не сомневаюсь, что в конце концов мы с Вами сговоримся и будем вместе работать».

Во всяком случае — позвольте пока отметить один благоприятный результат «конкуренции»: с начала 1937 «С[овременные] з[аписки]» значительно улучшились, и номера получаются все более и более интересными. *Tous mes compliments*³ за № 66 (пару статей я, впрочем, выкинул бы из него без ущерба — догадайтесь, какие).

Живем здесь в центре одного из циклонов, другой, кажется, пока миновал Вас — надолго ли? Недавно ездил в Гонконг, оттуда летел в Ханькау — ставку Чжанкайшека, где пробыл 12 дней (вероятно, ко времени прихода этого письма Ханькау будет накануне падения⁴). Для застоявшейся в эмигр[антском] безделии крови — путешествие это было весьма полезным «*exercice*»⁵. Двадцать лет тому назад мы сдавали Сызрань, и с Лебедевым, Фортунатовым⁶

² удостоверение личности (*фр.*).

³ мои комплименты; поздравляю (*фр.*).

⁴ Речь идет о Японо-китайской войне (июль 1937 — сентябрь 1945). После занятия японцами столичного города Нанкина в декабре 1937 г. гоминьдановское правительство Чан Кайши эвакуировалось сначала в Ханькау (сегодня в составе г. Ухань, Wuhan), а затем летом 1938 г. — в город Чунцин (Chongqing) в центральной части Китая.

⁵ упражнением (*англ.*).

⁶ Организаторы и члены штаба Народной армии КОМУЧа. Лебедев Владимир Иванович (1883–1956), общественно-политический деятель, эсер, журналист, публицист, редактор; в эмиграции с 1919 г., жил в Париже, с 1920 г. в Праге, член редколлегии журнала «Воля России»; с 1928 г. в Белграде и Париже, руководитель журнала «Руски архив»; с 1936 г. в США. Фортунатов Борис Константинович (1886 — не ранее 1936), зоолог, эсер, автор научно-фантастической прозы (под псевдонимом Б. Туров); в 1920 г. перешел на сторону Советской власти; в 1933 г. арестован, репрессирован.

и др. садились на пароход... *Mutatis mutandis*⁷ много похожего я нашел в Хань-кау.

Большой привет от меня и Таис[ии] Конст[антиновны] Вере Ивановне и Вам.

Ваш М. Павловский

LRA. MS. 1500/9. Автограф. На бланке с надписью: «89 Route Pichon, Shanghai».

З. В.В. Руднев — М.Н. Павловскому
Париж, 22 августа 1938 г.

22.VIII.

Дорогой Михаил Наумович!⁸

Возвратясь из отпуска в Париж, уже дней десять тому назад, застал здесь Ваше письмо. Со смущением узнал из него, что Вы нужные Вам номера «С[овременных] з[аписок]» уже купили... а я, найдя Ваше прежнее письмо, тоже *отправил их* Вам приблизительно месяц тому назад.

Как теперь быть, раз они Вам не нужны? Вина [нрзб] исключительно моя⁹, не теряя деловых писем. Так что, если только не найдете какого-нибудь любителя в Шанхае, чтобы их перепродать (за 90 фр[анков]¹⁰ комплект), то остается единственное — вернуть их мне, поставивши почтовые расходы в мой счет...

Относительно указателя: подарку не ставят условий. Если пришлете 200 экз[емпляров], буду благодарен¹¹. Озаглавьте как издание «Совр[еменных] зап[исок]», еще лучше.

К прошлому — не возвращаюсь, тема сложная. Но очень мне понравилось в Вашем письме, что Вы даже удачу нескольких последних № «С[овременных] з[аписок]»¹² готовы¹³ приписать... «*благоприятному результату конкуренции с начала 1937 г.*»... Боже, можно ли до такой степени быть во власти предвзятых идей! Как будто бы ~~мне~~ это дело, лично мне очень дорогое, и поглащающее вот уже много лет все мои мысли и силы¹⁴, нуждалось в таком своеобразном стимуле, как пережитые и переживаемые с 1937 г. неприятности?!

⁷ С учетом соответствующих изменений (*лат.*).

⁸ Далее зачеркнуто: Мы с Верой Ивановной уезжали на две недели в деревню отдыхать. Перед

⁹ Далее зачеркнуто: и моя ответственность:

¹⁰ Далее зачеркнуто: каждая

¹¹ Далее зачеркнуто: Поместите к

¹² Далее зачеркнуто: приписываете умудрились

¹³ Далее зачеркнуто: увидеть

¹⁴ Далее зачеркнуто: мною как-то особенно

Пожалуйста, попросите Чан Кай Шека побить хорошенько морду японцам. Пишу via Siberia¹⁵, — но не уверен, как теперь дело с транзитом в Китай.

LRA. MS. 1500/9. Черновик. Автограф. Отпуск. На бланке с надписью: «“Родина и родная речь”. Группа борьбы с денационализацией русской молодежи. 6, rue Daviel, Paris (XIIIe)¹⁶».

4. М.Н. Павловский — В.В. Рудневу
Шанхай, 12 декабря 1938 г.

12.XII.38

Дорогой Вадим Викторович, выслал Вам бандеролью через Сибирь 250 экз[емпляров] Указателя. Получилось менее хорошо, чем рассчитывали. Наша обычная типография была занята «Началом конца» (вышедшим одновременно), а новая тип[ограф]ия надула нас на бумаге, дав не то, что было обусловлено. Сообщите, пожалуйста, если найдете ошибки.

Т[аисия] К[онстантиновна] очень рада была получить письмо от Веры Ивановны. Письмо ее застало в больнице, где ей пришлось подвергнуться операции, т.к. опасались рака в груди. Опухоль оказалась доброкачественной, и все закончилось вполне благополучно.

Вместе со мною она шлет Вам и Вере Ивановне лучшие пожелания на 1939 год.

Хочется — не не верится, — чтобы он был лучше 38-го.

Крепко жму Вашу руку.

М. Павловский

LRA. MS. 1500/7. Автограф. На бланке с надписью: «89 Route Pichon, Shanghai».

5. М.Н. Павловский — В.В. Рудневу
Шанхай, 27 декабря 1938 г.

27.XII.38

Дорогой Вадим Викторович, получил Вашу открытку от 29.XI. и 2 кн[иги] «Совр[еменных] зап[исок]».

С удивлением узнал, что за №№ 40, 41 и 44 Вы все еще не получили денег. 25 июля Вы мне писали — «счет предъявлю Вашему заместнику здесь, — М.В. В[ишняку]». Я думал, что это давно отрегулировано. Книги пока остаются

¹⁵ Через Сибирь (англ.)

¹⁶ Адрес редакции «Современных записок».

у меня, но я их могу Вам выслать, когда на них будет у Вас покупатель. Пока же, конечно, получите 90 fr[анк]с¹⁷ у М[арка] В[ениаминови]ча. То же насчет дальнейших номеров «С[овременных] зап[исок]»: я полагал, что само собою разумеется — высылка мне 3-х (теперь только двух) экз[емпляров] и оплата их за мой счет М.В. [Вишняком]. Я ему пишу об этом точнее.

Очень мне понравилась Ваша статья о Чехословакии¹⁸. Гораздо меньше — обе статьи — и Бунина и Алданова — о Куприне¹⁹. Зато — великолепен — «Дар»²⁰. Вот уж действительно самое выдающееся произведение нашей эмигрантской литературы. Если памятником ее останется только «Дар», то этого будет достаточно. Для меня лично создается тягостный *cas de conscience*²¹. В. Сирин предложил мне издать *всю* книгу, включая 4-ую часть. Не издать такой книги прямо невозможно (когда *до сих пор* продолжает выходить отдельными книгами всякая ерунда). Но что делать с 4-й частью (которую я сам даже еще не читал, но которой меня пугают решительно со всех сторон)?

Жму В[ашу] руку и кланяюсь Вере Ивановне.

Ваш МП.

LRA. MS. 1500/7. Автограф.

6. В.В. Руднев — М.Н. Павловскому
Париж, 8 января 1939 г.

8.I.1939

Дорогой Михаил Наумович!

Три дня тому назад я получил с таможи посланные Вами 18 пакетов с «Указателем», а вчера, через М.В. Вишняка, и письмо Ваше.

«Указатель» производит *отличное* впечатление, не только на меня, м[ожет] б[ыть], пристрастного, но и на всех, кому его приходилось показывать. Мне же, помимо доставляемого огромного удовольствия личного, он доставляет²² сознание большой пользы²³ не только для целей историко-литературных и библиографических, но и для²⁴ повышения спроса на старые номера журнала.

¹⁷ франков (*фр.*).

¹⁸ См.: Руднев В.В. Судьба Чехословакии // СЗ. 1938. № 67. С. 434–448.

¹⁹ См.: Бунин И.А. Перечитывая Куприна // Там же. С. 309–316; Алданов М.А. Памяти А.И. Куприна // Там же. С. 317–324.

²⁰ В № 67 «Современных записок» вышла заключительная пятая глава романа В.В. Набокова «Дар» (С. 69–145).

²¹ случай совести (*фр.*).

²² Далее зачеркнуто: удовлетворение от

²³ Далее зачеркнуто: для всех

²⁴ Далее зачеркнуто: распространения старых номеров

Словом, не знаю, как благодарить Вас за такой милый, симпатичный и полезный подарок.

Должен²⁵ признать, — смотрю на книжку с несколько сложным чувством: суждено ли «Указателю»²⁶ надгробным памятником над дорогим покойником, — или²⁷ быть верстовым столбом на дальнейшем²⁸ движении журнала — или стать... надгробным памятником.²⁹

Удары в 1938 г. «С[овременные] з[аписки]» потерпели жестокие, и самый страшный нанесен гибелью Чехословакии. Но сдаваться не намерен: по крайней мере,³⁰ роковой год 1939,³¹ так или иначе, надо пережить, а там — что Бог даст. Да и не останется к 1940 вообще от Европы одна дыра?

LRA. MS. 1500/7. Черновик. Автограф. [??]

7. М.Н. Павловский — М.А. Алданову
Шанхай, 5 марта 1941 г.

Shanghai, 5.III.41

Дорогой Марк Александрович,
приветствую Вас и Татьяну Марковну от своего и Т[аисии] К[онстантиновны] имени!

Если Вы еще не договорились с издателем с Америки относительно 2-й ч[асти] «Нач[ала] конца», примите в расчет два обстоятельства, которые могут облегчить дело: 1) отпечатать издание можно в Шанхае за 200–250 ам[ериканских] долл[аров] (включая пересылку); 2) у нас имеется на складе несколько сот 1-й ч[асти] «Нач[ала] конца», которые, как Вы помните, мы хотели предоставить В[ашему] европейскому издателю по льготной цене, а теперь готовы предоставить их целиком в Ваше распоряжение.

Издание книги в Нью-Йорке, я полагаю, обойдется в 800 приблиз[ительно] долларов, не включая сюда гонорара автора. Поэтому нижеследующая комбинация, мне кажется, могла бы заинтересовать и самого тароватого издателя:

За 500 ам[ериканских] долларов мы доставим издателю (или книгопродавцу) — 400 экз[емпляров] «Нач[ала] конца», 2-я часть, и 300 экз[емпляров] 1-й части. Номинальная цена этих 700 экз[емпляров] будет т[аким] обр[азом] 1050 ам[ериканских] д[олларов] (считая по \$ 1.50 за экз[емпляр]). Из получаемых 500 долл[аров] автор берет себе 250 \$, а остальное идет на типогр[афские] расх[оды],

²⁵ Далее зачеркнуто: сказать

²⁶ Далее зачеркнуто: статья

²⁷ Далее зачеркнуто: дорожным

²⁸ Далее зачеркнуто: пути

²⁹ Далее зачеркнуто: Во всяком случае

³⁰ Далее зачеркнуто: страшный

³¹ Далее зачеркнуто: твердо решил прод[олжать]

бумагу и пересылку из Шанхая. Если издатель (или книжник) — лицо кредитоспособное — расчет можно произвести в два срока: 250 \$ при заключении договора (автору), остальное по прибытии книг, векселем на 2–3 месяца.

Совершенно не представляю себе возможностей америк[анского] читат[ельского] рынка, вернее — до какой степени переселение европейцев в состоянии его разбудить. Поэтому не знаю, до какой степени предлагаемая формула способна заинтересовать издателя. Во всяком случае, думается мне, она должна оказаться много более приемлемой, чем затрата двойной против 500 долл[аров] суммы за 400 экз[емпляров] одной 2-й части (только вряд ли может разойтись в Америке).

Здесь с книжн[ым] рынком дело совсем плохо. Книгу совершенно невозможно продать по цене 6–7 местных долларов, а это по нынешнему курсу составляет около 35 ам[ериканских] центов (да еще скидки книгопродавцам — 30–40 %). Но даже и при этой мизерной цене сейчас трудно будет продать здесь более 100 экз[емпляров].

Буду рад, если предложенная мною формула даст возможность осуществить дело.

Если же Вы уже договорились об издании 2-й части³², и во всяком ином случае, сообщите, не окажутся ли Вам полезными в Нью-Йорке те экз[емпляры] 1-й части, которые имеются у нас здесь: мы тогда их вышлем.

Сердечный привет и всего лучшего.

М. Павловский

P.S. Мое письмо в Париж, в котором я благодарил Вас за присланную «Пунш[евую] водку»³³, очевидно, до Вас уже дошло.

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P–R». Автограф.

8. М.Н. Павловский — М.А. Алданову
Шанхай, 15 мая 1941 г.

15.V.41. Shanghai

Дорогой Марк Александрович,
получил Ваше письмо от 21.IV. О договоре с «Домом книги» я не забыл: экземпляры 1-й части я и предложил потому, что этого в свое время требовал Каплан. Я так же, как и Вы, считаю, что исключительные обстоятельства дают полное основание аннулировать договор, возместив полученный аванс. На этот раз 300 экз[емпляров] 1-й части я предлагаю не по пониженной расценке, как Дому

³² Вторая часть романа М.А. Алданова «Начало конца» опубликована не была.

³³ Речь идет об издании: *Алданов М.А. Пунш[евая] водка и Могила воина: Философские сказки.* Париж, 1940. Упомянутое М.Н. Павловским письмо не сохранилось.

книги, а именно бесплатно для пушщего соблазна нового издателя. Буду ждать сообщение о том, что удалось Вам сделать.

Вы правы, конечно, что можно бы не торопиться с изданием этой книги — ей «предстоит долгая жизнь». Но если изданием теперь же автор может выручить известную сумму, то этим пренебречь теперь не следовало бы.

Ближайшим парходом (20.V.) вышлем Вам 35 экз[емпляров] «Начала конца», 2 экз[емпляра] «Бельв[едерского] торса» и по 1 экз[емпляру] всех тех Ваших книг, которые удастся найти в Шанхае. Поиски уже начаты, и если не все найдется здесь, то есть еще надежда на Харбин и Тяньдзин.

На днях прочитал о том, что затевается журнал на англ[ийском] языке при Вашем и Сирина участии³⁴. Рад узнать также, что журнал, о котором мне писала М.С. Цетлин, начнет выходить³⁵. Будем ждать первых книжек.

О себе и своих планах не писал В[ам] потому, что все очень неясно и неопределенно. Катастрофа и все, что за ней последовало, отразилась на мне прежде всего физически — развинтился я, хвораю и все еще не могу «собрать» себя. Это не располагает к принятию решений. Уезжать? Куда и зачем? У Вас, Марк[а] Вен[иаминовича Вишняка] и др. не было выбора, у меня он пока есть, и побеждает инерция. Меньше у меня и материальных забот, что оставляет досуг для philosophare³⁶. А каково это philosophare сейчас, нетрудно догадаться. С самого начала войны искал для себя «места» в происходящем. Те, от кого это зависело, уговорили меня остаться здесь, дали небольшую работу, которая давала некоторую иллюзию «участия» в событиях. С июня и это кончилось, а сейчас что-либо найти еще труднее. Временами кажется, что пошел бы в home-guard'ы³⁷, но для этого надо быть в Англии, что опять невозможно. — Вернее всего, впрочем, что победит женский bon sens³⁸. Т[аисие] К[онстантинов] не очень хочется, чтобы мы уехали в Америку — и климат лучше и спокойнее, чем в наших краях. Когда это будет — еще не знаю.

Искренний привет Вам обоим от нас обоих

Ваш М. Павловский

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P-R». Автограф.

³⁴ Издание не состоялось.

³⁵ Имеется в виду «Новый журнал», основанный М.А. Алдановым и М.О. Цетлиным в 1942 г. в Нью-Йорке.

³⁶ философствования (лат.).

³⁷ Home Guard — добровольческое оборонческое формирование вооруженных сил Великобритании во время Второй мировой войны; в ее состав входили люди, непригодные для активной военной службы (слишком молодые, слишком пожилые и т.п.).

³⁸ здравый смысл (фр.).

9. М.Н. Павловский — М.А. Алданову
Шанхай, 10 июня 1941 г.

Shanghai, 10th June 1941

Дорогой Марк Александрович,

в дополнение к посланным уже 3-м книгам («9 Термидора», «Чорт[ов] мост» и «Пав[ел] Строг[анов]»³⁹) сегодня отправили Вам еще 8 книг («Ключ», «Бегство», «Пещера» I и II, «Заговор», «Св. Елена», «10-ая Симфония», «Земли, люди»). Эти книги удалось найти в Маньчжурии благодаря счастливой случайности: мы набрали здесь на довольно большой выводок Ваших почитателей и почитательниц (настоящих «алданисток»), связанных с Маньчжурией. Люди эти оказались полны энтузиазма и, когда я им сообщил, что Вам не удалось вывезти из Парижа даже собственных книг, принялись энергично за поиски и в короткий срок добыли все это, что Вам послано. Я очень порадовался такой находке и решил порадовать и Вас. Люди это все сравнительно молодые (under forty⁴⁰), работающие, скромные, и раньше мне не приходилось их встречать. У каждого — своя библиотечка, много ном[еров] «Совр[еменных] зап[исок]», все книги «Рус[ских] зап[исок]». К Вам относятся с совершенно исключительной симпатией.

Мы собрали их у себя и показали фильм, снятый, помните, в Париже в 1937 г. Энтузиазм «алданисток» от этого только увеличился, хотя кое-кто признался мне, что представлял Вас несколько моложе.

Все книги доставлены без всякой платы, просили только Вам передать, что это от Ваших почитателей с Д[альнего] Востока. Не знаю, смогу ли Вам передать наше с Т[аисией] К[онстантиновной] впечатление, но мы почувствовали какую-то давно не испытанную бодрость.

С сердечным приветом Вам обоим от нас обоих

МП.

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P-R». Автограф.

10. М.А. Алданов — М.Н. Павловскому
Нью-Йорк, 20 ноября 1941 г.

20 ноября 1941

Дорогой Михаил Наумович,

в ту пору, когда я написал Вам после получения книг от Вас (еще раз сердечно благодарю Вас и Ваших знакомых, столь мило и трогательно откликнувшихся на мою просьбу о присылке мне моих книг), я еще не знал, что Вы имели в виду

³⁹ Имеется в виду книга М.А. Алданова «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (Белград, [1935]).

⁴⁰ Моложе сорока (англ.).

для меня литературный заказ: книгу об эмиграции. Недавно Марк Вениаминович [Вишняк] мне об этом сказал, добавив, что дело это расстроилось. Позвольте еще раз от души Вас поблагодарить и за это. Я с удовольствием взялся бы за эту работу и жалею, что она не осуществилась, но, разумеется, моя признательность Вам не уменьшается от ее неосуществления.

Наш журнал осуществляется. Думаю, что две книги мы выпустим во всяком случае. Оптимисты же утверждают, что мы будем существовать «вечно». Если вечно, то тем более надо подумать о распространении книг. На Дальнем Востоке много не продашь, да и цена для него неприемлема, и деньги перевести нам будет трудно. Но все же мы хотели бы хоть некоторое число экземпляров послать в Ваши края, если это окажется возможным. Не посоветуете ли, кому их отправить? Предполагаю, что есть надежные магазины? Какую назначит[ь] цену? Ведь положение еще изменилось со времени Вашего давнего письма ко мне. Фактически редактируем журнал мы с М.О. Цетлиным.

Мы все надеемся, что Вы и Таиса <sic!> Константиновна сюда приедете. Но когда это будет, неизвестно. Если скоро, то Вы сами нам и дадите здесь указания. Если же дело затягивается, то не напишете ли?

В прошлом письме я Вас спрашивал, как мне отблагодарить людей, подаривших мне мои книги. Вы на это не ответили (т.е. я пока не имел от Вас письма). Поэтому я того письма им не написал, — надеюсь, они на меня не сердятся? Они мне оказали большую услугу.

Я кое-как живу, печатаюсь в американских журналах и газетах, но не часто. На днях продал Скрибнеру американское издание «Начала конца»⁴¹. Русское издание второго тома все не наладилось, да, вероятно, и Ваше любезное предложение теперь отпало, если Вы переезжаете и если из Шанхая посылать сотни книг в Нью-Йорк стало невозможным?

Позвольте приложить объявление (вернее, циркулярное письмо) о нашем журнале. Оно — для Вашего сведения, но если его можно опубликовать (с сокращениями?) в шанхайских газетах (?), то мы были бы Вам за это весьма признательны. Если хотите, понизьте «своей властью», как признаете необходимым, цену журнала на Дальнем Востоке.

Марк Вениаминович [Вишняк] и сам не знает, удастся ли Вам скоро приехать сюда. Мы очень, очень хотели бы, чтобы это Вам удалось. В надежде скоро Вас увидеть здесь, шлем с Т[атьяной] М[арковной] Ландау] самый сердечный привет, самые лучшие пожелания Таисе Константиновне и Вам.

ВА. М. Aldanov papers. Box 11, folder «Correspondence: Aldanov to various persons — 1941». Машинопись. Отпуск.

⁴¹ См.: Aldanov M. The Fifth Seal / Transl. by N. Wreden. N.Y., 1943.

11. М.Н. Павловский — М.А. Алданову
Шанхай, 21 января 1946 г.

89, route Pichon
Shanghai, 21th Jan[uary] 1946

Дорогой Марк Александрович,

позвольте Вас поблагодарить самым сердечным образом — в Вашем лице редакцию «Нов[ого] журнала» — за Ваш подарок — нумерованную 1-ую книжку журнала. Очень, очень был тронут.

Рад был получить и остальные 9 книжек (11-го ном[ера] еще не получил) и жду большего количества экземпляров для распространения здесь. На будущее время высылайте нам 10 экз[емпляров] каждого номера, надеюсь повесить эту цифру, к[a]к только публика ознакомится с журналом. Для расчетов посылаю при сем чек на 150 долл[аров] на имя Mrs. Zetlin (к[a]к указано в объявлении); в дальнейшем, когда наладится распространение, я укажу адрес кн[ижного] маг[ази]на, куда Вы сможете непосредственно посылать книжки и с кем будете вести дальнейшие расчеты.

Теперь о самом журнале, его физиономии, характере и содержании. Без всякого желания быть комплиментарным, скажу, что первое мое читательское впечатление самое благоприятное. Знакомство сразу с 10-ю книжками, покрывающими период в 4 года (и какие годы!) — наиболее суровый экзамен для нов[ого] издания. Мое впечатление, что оно выдерживает этот экзамен полностью. В свое время (в 1939) мы вели переписку с Марк[ом] Вен[иаминовичем] Вишняком и Павл[ом] Ник[олаевичем] Милюковым о содержании и характере «Русск[их] зап[исок]», по поводу которых я высказывал свои «еретические мысли». П.Н. [Милюков] остроумно отвечал на мою критику «благожелат[ельного] читателя» и со многим соглашался. Основное было то, что в эпоху, когда явно надвигался Sturm und Drang⁴², журнал продолжал заниматься «камерной музыкой» (балет, общефилос[офские] проблемы и пр.). Из всех толстых журналов, издававшихся в эмиграции, «Н[овый] ж[урнал]» является самым актуальным. Конечно, здесь не только заслуга руководителей, но и влияние эпохи, и, если хотите, даже влияние эпохи на руководителей. Та встряска, которой многие из вас подверглись в Европе, переезд в Америку, новая обстановка и пр. до известной степени «освежила» вас, самых застоявшихся в бездействии (к[a]к покойный Авксентьев), вызвала к новой активности и динамизму. Но нужно отдать должное и «руководству».

Ceci dit⁴³, объективные факторы остаются прежними. Смерть косит старых, а смены нет. В беллетристике вы добросовестно старались дать место «новым» — увы, общее впечатление от них очень серое. Из «старых», но не писавших или редко писавших в «С[овременных] з[аписках]» и «Р[усских] з[аписках]» (публицист[ов]) большим и ценным приобретением является Николаевский. Я

⁴² буря и натиск (нем.).

⁴³ сказав это; кроме этого (фр.).

с огромным интересом читал его статьи о внешн[ей] полит[ике] Советов, с тем большим интересом, что в отношении Китая (а частично и Японии) я считаю его положения ошибочными, во всяком случае очень спорными и односторонними (конкретная политика не определяется «установками» одной стороны, в данн[ом] случае Москвы, но и другими составляющими в Европе и Азии, которые Ник[олаевски]й значительно меньше обследует)...

О Вашей новой вещи⁴⁴ ничего не говорю, я знаю — Вы не любите, когда Вам говорят о Ваших вещах. Скажу только, что мне она *понравилась*. А о необычной форме (роман, портреты, ревью?), композиции и подходе хотелось бы поговорить, но, м[ожет] б[ыть], когда-либо лично. Кстати, имейте в виду, что у меня сохранилось в целости Ваше «Давнее». Здесь перспектив на его издание в ближайшее время никаких. Не хотите ли, чтобы я его выслал Вам в Америку?

Большой привет от Т[аисии] К[онстантиновны] и меня Татьяне Марковне и Вам.

Ваш МП.

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P-R». Автограф.

⁴⁴ Имеется в виду роман М.А. Алданова «Истоки» (НЖ. 1943. № 4, 6; 1944. № 7–10; 1945. № 11; 1946. № 12–13).

Н.М. Сегал-Рудник, Д.М. Сегал

Vita Nova Verlag: Рудольф Рёсслер и его издательские планы

Аннотация: Предметом статьи является определение основных направлений деятельности швейцарского издательства Vita Nova Verlag, основанного в 1934 г. в Люцерне бывшим председателем Всенемецкого театрального союза и редактором ряда крупных немецких культурных журналов Рудольфом Рёсслером. Объектом особого внимания издательства стали три сферы, имеющие непосредственное отношение к современной ситуации в Европе после 1933 г.: публикация антинацистских работ, в том числе связанных с репрессивной расистской и антисемитской идеологией; издание сочинений русских философов и культурологов и их немецких, швейцарских и французских коллег, рассматривающих происшедшие в России и Германии исторические события первой трети XX века как предупреждение и обращение *urbi et orbi*; выпуск религиозно-философских трудов, посвященных проблемам христианства. В статье предлагается новый подход к личности и идеологии Рудольфа Рёсслера, одного из наиболее известных разведчиков периода Второй мировой войны. Рёсслер декларирует свое противостояние нацизму в общей ситуации мирового духовного кризиса в письме к Е.Д. Шору, философу, переводчику и музыканту. В этом письме, впервые предлагаемом вниманию научного сообщества, Рёсслер объясняет необходимость выбора указанных выше основных направлений деятельности Vita Nova Verlag.

Annotation: The article traces the main lines of activity of the publishing house Vita Nova Verlag (Lucerne, Switzerland). Special attention is given to the three spheres of the publishing house program: anti-Nazi writings, including the collection of articles against Nazi anti-semitism and racial policies; publications describing the role of Russia and Germany in the political turmoil of the 1930s and religious and philosophical tracts aimed at promoting Christianity. The article also discusses the personality and ideology of Rudolf Roessler, the founder of the publishing house and, later, one of the central figures in the Allied intelligence effort against the Nazi Germany. Roessler described his resistance to the modern world moral and spiritual crisis and outlined his publishing plans in one of his letters to philosopher, translator and musician E.D. Schor. This letter hitherto unknown to researchers is of particular interest and is published as a part of the article.

Ключевые слова: Vita Nova Verlag, Рудольф Рёсслер, Е.Д. Шор, католицизм, русская религиозная философия, национал-социализм, антисемитизм, расовые преследования.

Key words: Vita Nova Verlag, Rudolf Roessler, E.D. Schor, Catholicism, Russian religious philosophy, National Socialism, anti-Semitism, racial persecution.

Издательство Vita Nova Verlag было основано в 1934 г. в Люцерне, Швейцария, новым эмигрантом из нацистской Германии Рудольфом Рёсслером (Karl Rudolf Rößler; 1897–1958) совместно с книготорговцем Йозефом Штокером (Josef Stocker; 1900–1985). Кредитором нового издательства была

гражданка Швейцарии Анриэтт Расин (Henriette Racine; 1889–1956). Издательство эффективно работало во все время национал-социализма и первые два года после окончания Второй мировой войны.

Рудольф Рёсслер к моменту эмиграции уже имел значительный опыт журналистской, редакторской и издательской деятельности. Он работал журналистом в годы Первой мировой войны (1916–1918), после войны сотрудничает в газетах «Augsburger Postzeitung» и «Augsburger Allgemeine Zeitung» и в 1922 г. становится основателем «Аугсбургского литературного общества» («Augsburger Literarische Gesellschaft»). С 1928 г. Рёсслер является руководителем «Немецкого народного театрального союза» («Deutsche Bühnenvolksbund»), редактором двух журналов — «Form und Sinn» и «Deutsche Bühnenblätter» — и соиздателем крупнейшего немецкого театрального журнала «Nationaltheater», при котором выпускается серия книг, посвященных вопросам истории и теории театра, в том числе и работы русских философов — недавних эмигрантов из Советской России, например Ф.А. Степуна¹. Рёсслер также выпускает сборники «Thespis. Das Theaterbuch», посвященные общим вопросам театра, теоретическим и историческим, проблемам театральной архитектуры, театральных жанров, актуальным в то время, например, взаимоотношению театра и танца или новому освещению проблемы театральной куклы. Здесь публикуют свои работы такие видные театральные деятели, писатели и поэты, как Оскар Фишель, Вальтер фон Голландер и Теодор Дейблер². К 1933 г. у Рёсслера были планы значительного расширения деятельности издательства при журнале «Nationaltheater». Большую роль в осуществлении этих планов должен был играть Евсей Давидович Шор (1891–1974), философ, искусствовед, музыкант и переводчик на немецкий язык работ В. Иванова, Н. Бердяева и ряда других русских философов. С Шором Рёсслера познакомил Ф.А. Степун. Приход к власти национал-социалистов разрушил все эти планы, и Рёсслер, жена которого, Ольга Гофманн, была еврейкой, потерял все свои посты, его издательства были ликвидированы, и ему необходимо было покинуть Германию.

Причиной отъезда была не только смертельная опасность, грозящая его семье, а Рёсслер прекрасно понимал уже в это время размеры будущих расовых преследований, но и его абсолютная убежденность в необходимости идеологического сопротивления нацизму. Рёсслер был убежденным католиком ле-

¹ *Stepun F. Theater und Kino. Berlin, 1932.*

² См., напр., в выпуске «Thespis. Das Theaterbuch. 1930»: *Fischel O. Das ewige Gesicht der Szene; Goetz B. Kultische Bühne und Sprechchöre; Wagner E. Zuschauer und Spiel; Erhardt O. Das Theatralische und die Oper; Hollander W., von. Das Tänzerische in der Darstellung des Menschen; Däubler T. Griechisches Theater; Stolzer E. Theaterbau als Einheit; Goetz W. Marionetten; Wolfurt K., von. Sachlichkeit und Entdeckung in der Musik.*

вого толка и пацифистом. Известно, что во время Первой мировой войны он, пришедший в армию как патриот и доброволец, декларативно ходил в атаку с незаряженным ружьем, чем снискал уважение и дружбу своих товарищей, которые в будущем будут занимать высокие посты в государстве и в армии, в том числе среди них будут и те, кто станет вести антинацистскую деятельность. Он был человеком левых взглядов и поддерживал отношения с группой левых швейцарских католиков, в частности с Ксавье Шнипером и Отто Каррером. Отто Каррер (Otto Karrer; 1888–1976) был известным католическим теологом, религиозным философом и писателем, одним из активных сотрудников журнала «Hochland». Ксавье Шнипер (Xaver Schnieper; 1910–1992) был журналистом левокатолического направления, одним из издателей радикального католического журнала «Entscheidung». Эмигрировав в Швейцарию по настоянию Шнипера, Рёсслер входит в круг этих левых католических интеллектуалов и публикуется в журнале «Entscheidung» под псевдонимом «Arbiter»³.

Издательство Vita Nova было задумано Рёсслером и его коллегами как форпост религиозно-философских идей, связанных с историософией современного момента, и боевой орган сопротивления национал-социализму, в том числе его расовой теории. Достаточно бросить беглый взгляд на список книг, изданных в этом важном издательстве, чтобы не только составить впечатление о политических, историософских и гуманистических взглядах главного редактора, но и понять, каковы его основные интересы. Заметим, что и сам Рёсслер также публикует здесь свои работы под псевдонимом «R.A. Hermes», в частности вышедшую в 1941 г. книгу «Die Kriegsschauplätze und die Bedingungen der Kriegsführung», которая поразит своим пониманием специфики военной стратегии такого опытного специалиста — картографа, агента ГРУ Шандора Радо. Совершенно очевидно, что личный военный опыт, знание связующих нитей мировой политики, тесные контакты со многими ведущими *dramatis personae* происходящих в Германии и в Европе событий, журналистский, театральный и издательский талант Рёсслера были причиной, по которой стали возможны его новые валентности как одного из самых результативных и загадочных деятелей невидимого антинацистского фронта, сотрудничавшего под псевдонимом «Лусу» со швейцарской, английской, американской и советской разведкой. Подчеркнем вновь, что речь идет об осуществлении поражающего своими масштабами плана идеологического сопротивления нацизму, задуманного Рёсслером. Издательство Vita Nova было его составной и неотъемлемой частью.

³ См.: *Halfmann H.* Bibliographien und Verlage der deutschsprachigen Exilliteratur, 1933 bis 1945. Leipzig, 1969; *Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 / Leitung und Bearbeitung W. Röder und H.A. Strauss.* München–N.Y.–Lnd.–Paris, 1980. Bd. I: Politik, Wirtschaft, Öffentliches Leben. S. 609; *Deutsche Biographie* // URL: <http://www.deutsche-biographie.de/sfz106377.html>

Опубликованные Vita Nova книги явственно выделяют несколько аспектов, которые волновали Рёсслера: религиозная философия, судьба Германии и немецкой нации, нацистская идеология и расовые преследования, Россия как урок миру. Приведем здесь лишь некоторые имена авторов и названия книг, свидетельствующих о пристальном интересе Рёсслера к русской религиозной философии и ситуации в России. Так, он выпускает по настоянию Е.Д. Шора перевод «Повести об Антихристе» В. Соловьева (Solowjow W. Die Erzählung vom Antichrist (1935, последующие переиздания — 1937 и 1946 гг.)⁴. Vita Nova проявила особый интерес к творчеству Н.А. Бердяева: здесь в авторизованном переводе Е.Д. Шора вышли книги «Wahrheit und Lüge des Kommunismus. Mit einem Anhang: Der Mensch und die Technik» (1934), «Das Schicksal des Menschen in unserer Zeit» (1935), «Christentum und Klassenkampf» (1936), «Von der Würde des Christentums und der Unwürde der Christen» (1936, переиздание — 1947), «Sinn und Schicksal des russischen Kommunismus. Ein Beitrag zur Psychologie und Soziologie des russischen Kommunismus» (1937).

Интерес Рёсслера к русской историко-философской и социальной проблематике не исчерпывался Соловьевым и Бердяевым. Он издал ставшие впоследствии очень известными работы немецкого юриста, философа и историка, специалиста по России и славянскому миру Вальтера Шубарта (Walter Schubart; 1897–1942). Шубарт, крайне заинтересованный происходящим в России, выучил русский язык (он был женат на эмигрантке из России, Вере Энглерт, урожд. Роза Ребекка Берман) и выдвинул целый ряд оригинальных идей, основанных на русской религиозной философии. Книги Шубарта интересны еще и потому, что они были написаны ярким противником нацистского режима, вынужденным эмигрировать в 1933 г. из Германии в Латвию. Его работа «Europa und die Seele des Ostens» (1938, переиздана в 1947), вызвавшая большой резонанс в Европе и США сразу после ее публикации вследствие неортодоксального для Запада взгляда на противопоставление западников и славянофилов и их современных проекций, позднее оказалась востребованной Народно-трудовым союзом российских солидаристов и повлияла на формирование его идеологии. Книга была переведена на русский язык В. Поремским в 1943 г. и трижды переиздавалась в сокращенном виде под названием «Европа и душа Востока» (первоначально в лагере Вустрау, затем в издательстве «Посев», лагерь Мёнхенгоф, в 1945 и 1947 гг.). В 1939 г. Рёсслер публикует другую работу Шубарта «Dostoewski und Nietzsche», а в 1940 г. — «Geistige Wandlung. Von der Mechanik zur Metaphysik», которая будет переиздана в 1946 г., уже после смерти Шубарта в ГУЛАГе, в Казахстане.

⁴ Переводчик — Karl Noetzel.

Внимание Рёсслера было приковано к проблемам мирового развития в связи с произошедшими в России глобальными изменениями. Так, он публикует книгу Вальдемара Гуриана, рассматривающую большевизм как часть общемирового движения современности (Gurian W. Bolschewismus als Weltgefahr, 1935). Рёсслер издает сочинение Елены Извольской — дочери бывшего министра иностранных дел и посла Российской империи во Франции, перешедшей в католицизм восточного обряда и рассматривающей с новообретенной христианской точки зрения изменения, произошедшие в самой природе человека в большевистской России (Iswolksi H. Der Neue Mensch im Russland von Heute, 1936).

Из переписки Рёсслера с Шором очевидно, что возможностью противостоять этим страшным изменениям является сохранение традиционной классической культуры. В этой связи обращает на себя внимание публикация в Vita Nova одной из ранних книг В. Вейдле «Das Schicksaal der modernen Kunst» (1937) и особенно издание альбома-монографии о М. Нестерове («Michail Nesterow. Ein Maler der gläubigen Russlands», 1938). Следует заметить, что эти книги, как и многие другие, выпускались по настоянию и при непосредственном содействии Е.Д. Шора.

Безусловно, важнейшее место в издательских планах Vita Nova Verlag занимает немецкий вопрос в его традиционной постановке и в его актуальном преломлении по отношению к современности. Постановка немецкого вопроса в издательской деятельности Vita Nova во многом изоморфна обозначенной выше русской проблематике: ориентация на сохранение традиционной классической культуры, гуманистические и религиозные принципы, протест против наглости и насилия, международная толерантность и открытость, интернационализм в истинном понимании этого слова. В этой связи прежде всего следует упомянуть книгу «Deutsche Menschen. Eine Folge von Briefen» (1936) — сборник писем таких знаменитых деятелей немецкой культуры, как Гёте, Кант, Гёльдерлин, братья Гримм, Ф. Шлегель, А. фон Дросте-Хюльсхофф, Г. Бюхнер и др. Сборник был составлен, отрецензирован и издан под псевдонимом Detlef Holz, под которым скрывался Вальтер Беньямин, эмигрировавший из Германии в 1933 г. Публикация его книги была открытым вызовом нацистской Германии с ее культом насилия и новой немецкой расы, поскольку здесь перед читателем представало истинное, вневременное, гуманистическое лицо немецкого народа и классической немецкой культуры. Очевидно, что Рёсслер и его коллеги намеревались показать в целом те страшные изменения, которые произошли с людьми в результате тоталитарных переворотов в разных странах (см. упомянутые выше работы Бердяева, Извольской и др. по поводу большевизма и его влияния на человеческую природу).

Столь же значительной в этом отношении была изданная Рёсслером книга известного немецкого философа, педагога, общественного деятеля, крупной фигуры движения за федерализм и выдающегося пацифиста Фридриха Вильгельма Фёрстера (Friedrich Wilhelm Foerster; 1869–1966) «Europa und die deutsche Frage: eine Deutung und ein Ausblick». Фёрстер, непримиримый борец против немецкого национализма и «пруссачества» еще со времен Первой мировой войны, вынужден был эмигрировать в Швейцарию в 1922 г. после убийства Матиаса Эрцбергера и Вальтера Ратенау. В 1933 г. Фёрстер написал брошюру о нацизме как смертельной болезни немецкого народа («Die tödliche Krankheit des deutschen Volkes»). Первым же постановлением нового нацистского правительства он был лишен немецкого гражданства, а его книги были подвержены публичному сожжению 10 мая 1933 г. с произнесением анафемы их автору — «уклонисту и политическому предателю Фридриху Вильгельму Фёрстеру». После войны Фёрстер предупреждал об опасности «опруссачивания» всего мира, которое может произойти, если немцы, даже при условии осознания своей ужасной вины перед человечеством, не искупят ее новым освящением высших гуманистических ценностей. Единственным средством достижения этой цели Фёрстер, католик и кантианец, считал воспитание как способ пробуждения совести. В опубликованной в 1937 г. издательством Vita Nova книге «Europa und die deutsche Frage» Фёрстер предупреждал всех европейских соседей Германии об ее агрессивных намерениях. Книга имела большой резонанс: в том же 1937 г. она была переведена на французский язык, а в 1940–1941 гг. вышла в Нью-Йорке и в Лондоне в переводе на английский язык⁵.

Особое внимание издательство Vita Nova уделяло борьбе с антисемитизмом, расистскими теориями и практиками нацистов, распространившимися в Европе. Еще в 1935 г. Рёсслер вместе с Е.Д. Шором задумывают и осуществляют издание сборника статей «Die Gefährdung des Christentums durch Rassenwahn und Judenverfolgung», в котором были напечатаны статьи ведущих католических деятелей, в том числе статья норвежской писательницы и поэтессы, лауреата Нобелевской премии Сигрит Унсет. Сборник открывался вступлением под названием «Judentum und Christentum» — отрывком из классической работы Владимира Соловьева «Еврейство и христианский вопрос». Напечатана была здесь и статья Н. Бердяева «Многобожие и национализм» («Nationalismus und Vielgötterei»). Переводы этих работ были выполнены Шором.

Очевидно, что благодаря деятельности таких русских религиозных философов, как Ф.А. Степун и Вяч.И. Иванов и их младший коллега Е.Д. Шор,

⁵ См.: Foerster F.W. L'Europe et la question allemande / Trad. par H. Bloch et P. Roques; preface de A. Chaumeix. Paris, 1937; *idem*. Europe and the German Question / Transl. by E.I. Watkin. N.Y., 1940; *idem*. Europe and the German Question / Transl. by E.I. Watkin. Lnd., 1941.

идеи Владимира Соловьева приобрели достаточно широкую известность в немецких интеллектуальных кругах. Любопытно, что под несомненным влиянием Соловьева была написана и вышла в свет в издательстве Рёсслера книга «Die Judenfrage — Christenfrage» (1939), автором которой был известный немецкий драматург, литературный критик и публицист, в том числе сотрудник газеты Т. Манна «Maß und Welt», Ойген Гюрстер (Eugen Gürster; 1895–1980), изгнанный из нацистской Германии и опубликовавший указанную книгу под псевдонимом Hermann Steinhausen. В 1946 г. уже под своим именем он опубликует в издательстве Vita Nova книгу о судьбе немецкого народа — «Volk im Dunkel. Die geistige Tragödie des Deutschen Volkes».

Издательство Vita Nova выпускало также и другие книги по философским вопросам современности, актуальным проблемам международной политики и военного дела, включая работы Ф.Д. Рузвельта и Чан Кайши. Большое внимание уделялось и специфически швейцарским вопросам, например еще в 1934 г. Vita Nova опубликовала в немецком переводе книгу известного швейцарского философа и публициста Гонзаго де Рейнольда об истории Швейцарии (Reynold G., de. «Die Schweiz im Kampf um ihre Existenz»). Де Рейнольд, католик и один из руководителей федералистского движения, утверждал, наблюдая закат либеральной Европы, что Швейцария стоит перед судьбоносным выбором между путем коммунизма и старым швейцарским демократическим либеральным путем свободы. Он призывал в этой книге к «революции против революции», к союзу под лозунгом «Вперед к старой Швейцарии!»⁶. Гибель или обновление, возвращение к свободе, — так и он, и Рёсслер со своими соратниками видели современную ситуацию. Подчеркнем, что речь идет о видении через призму религиозного мировоззрения и религиозного мистицизма. Об этом свидетельствует, в частности, издание книги, посвященной доктринам Майстера Экхарта, предисловие к которой написал Отто Каррер⁷.

Об истинном масштабе личности Рудольфа Рёсслера, человека, которому Советский Союз обязан своей победой в битве на Курской дуге, борца с фашизмом и тоталитаризмом, предупреждавшего СССР и его союзников о всех агрессивных планах нацистской Германии и каждом ее новом оружии, порой еще за несколько дней до того, как эти планы ложились на стол Гитлера, ярко свидетельствует одно письмо из его переписки с Е.Д. Шором, которое публикуется ниже. Здесь описывается как личная ситуация Рёсслера и его семьи (смерть отца), так и программа издательства Vita Nova.

⁶ См.: Reynold G., de. Die Schweiz im Kampf um ihre Existenz. Luzern, 1934. S. 72.

⁷ См.: Piesch H. Meister Eckharts Ethik. Luzern, 1935.

Luzern, 19 April 1934

Lieber Herr Professor,

für Ihre und Ihrer lieben Frau Anteilnahme an meiner Trauer und ganz besonders für die lieben und freundschaftlichen Worte der Verbundenheit, die Sie an mich persönlich bei diesem Anlaß richteten, danke ich Ihnen von ganzem Herzen. Der Tod meines Vaters traf uns Alle ganz unerwartet; noch an Ostern waren wir Kinder alle mit ihm in guten Stimmung zusammen, und drei Tage nach unserer Ankunft in Luzern erhielten wir die Nachricht, daß er mitten auf einem Spaziergang einen Gehirnschlag erlitten, das Bewußtsein sogleich verloren und 2 Stunden später bereits gestorben war. Der Verlust, den wir erlitten haben, bedeutet uns Allen sehr viel; denn mit meinem Vater ist ein Mann dahingegangen, der in Charakter und Lebensauffassung, Einfachheit und Klarheit seines Wesens, Selbstlosigkeit und Gerechtigkeitssinn gerade in dieser unserer heutigen Zeit die Verkörperung aller guten deutschen Traditionen und ein Verpflichten des Vorbild gewesen ist. Nicht weniger als mich hat ihn im letzten Jahr die Entstellung des deutschen Gesichts betroffen, die eine Folge des moralischen Zusammenbruchs ist, den wir heute – vielleicht weniger in einfachen Volk als bei den sog<enannten> gebildeten Schichten – in einer oft so schauerlichen Wendung erleben. – Wenn Sie selbst, lieber Herr Professor, trotz allem, was sich in der letzten Zeit in Deutschland abgespielt hat, den Glauben an das wahre und einmal wieder aufsteigende Deutschland nicht verloren haben, so ist mein Verdienst daran nur sehr bescheiden; denn oft wußten Sie mehr als ich um das heimliche und unsichtbare, das wahre geistige Deutschland, und mehr als einmal habe ich Ihre unbeirrbar und unerschütterliche Liebe zum Deutschtum und seiner Idee bewundernd und aufs dankbarste empfunden. Von allen Erlebnissen des Jahres 1933 ist mir das Ihrer Bekanntschaft und freundschaftlichen Verbundenheit das wertvollste und unersetzlichste geworden, und hoffentlich bringt es die Entwicklung mit sich, daß wir wieder in größere Nähe zueinander gelangen. Dies ist mein und meiner Frau aufrichtigster Wunsch, und wir wissen, daß es auch von Ihnen und Ihrer lieben Frau geteilt wird.

Trotz allem Erschwerenden haben wir uns übrigens in Luzern bereits gut eingewöhnt, so schwierig auch oft der Verkehr mit den eingesessenen Schweizern ist. Wir wohnen sehr nett in einer kleinen Wohnung mitten im Grünen oberhalb der Stadt und erfreuen uns der herrlichen Stimmung in der berg- und seeverschönten Landschaft.

Das Verlagsprogramm habe ich bereits in allem Wesentlichen entworfen; erhalte ich den vor einigen Tagen teilweise abgegebenen Durchschlag meiner Aufzeichnungen wieder zurück, sende ich Ihnen das Programm zu Ihrer Orientierung zu. Ich denke an zwei Gruppen von Schrifttum innerhalb der Verlags Produktion, die durch eine gemeinsame Grundidee zusammengehalten sein sollen: 1., an der Begründung eines nationalen Schrifttums der Schweiz, das die aktuellen und entscheidenden Lebensfragen der Schweiz aufgreift, in den nationalen Zusammenhang stellt und von der Idee einer einheitlichen schweizerischen Daseinsform her in möglichst volkstümlichen Weise beantwortet, und 2., an ein allgemein verbindliches Kulturprogramm, das ich in meinem Programm so charakterisiert habe: «Es soll die geistige Erschütterung und “Revolution”, die Infragestellung des zeitlichen Menschen und seiner Daseinsform in ihren geschichtlichen und seelischen Zusammenhängen bewußt und sichtbar machen und in der Form der geistigen einheitlichen Aufgabenstellung beantworten. Es soll die Krise der modernen Kultur und Weltanschauung als die Form der Widerspruchs zwischen natürlicher und geistiger Welt des Menschen kenntlich machen und es soll Sinn und Wesen- der geistigen Aufgabe der Zeit aus den Bedingungen und Voraussetzungen schöpfen, unter denen der Widerspruch überwunden, die revolutionäre Infragestellung der menschlichen Daseinsform beendet und die menschliche Lebensform als eine geistige Einheit wieder hergestellt werden kann». Die Themen in der Gruppe 1 sind für die ersten Bücher: «Was ist die schweizerische Idee?» (Im Untertitel: «Und was verlangt von uns ihr Inhalt?») — eine Broschüre — , ferner ein größeres Werk «Die wehrhafte Schweiz», abgefaßt als Volksbuch über Sinn, Ursprung, Geschichte und Aufgabe der Schweiz. Miliz — ein Buch der Volksbildung im politisch-wehrhaften Geist der eidgenössischen Idee — , endlich ein Buch «Um die christliche Idee in der Schweiz» (ev. als Untertitel «Politik aus dem Glauben»), eine Darstellung der geistigen Einheit von christlicher und nationaler Existenz- und Lebensform der Schweiz unter besonderer Erfassung des Geschichtlichen (humanes Weltbild, französische Demokratie usw.) und unter Hervorkehrung der Voraussetzungen nationalen Denkens und Handelns im Jenseitsglauben. (Die Krise der nationalen Idee also dargestellt in die Säkularisation der Werte durch den Diesseitskult). In der 2. Gruppe des Programms habe ich u. a. vorgesehen eine Schrift mit den Thema «Revolution und Jugend» (ausgehend von die Tragweite der humanen Idee als der Idee der Emanzipation der menschlichen Welt und von die Entwertung des menschlichen Person in der Lehre von der natürlichen Gesetzmäßigkeit und Bestimmung des Lebens, zugespitzt zur Frage der Aufhebung oder Wiederherstellung der geistigen und schöpferischen Wirklichkeit des Menschen und aktuell gemacht durch die Gegenüberstellung der Verheißungen der Lebensreligion und der christlichen Idee der Überwindung der Natur durch den Geist). In dieser Gruppe hebe ich auch vor, ein kleineres Buch von Professor Fischel «Die bildnerische Aufgabe und die Kunst» zu bringen — als Einleitung oder als Begleiter eines Schrifttums, das die Kunst wieder als die höchste und sinnfälligste Möglichkeit des Menschen, seine natürliche Welt in den Raum seiner geistigen zu ziehen, erscheinen läßt. Gerade weil die moderne Kunst und Kunstanschauung

außer ästhetischen oder kunstfernen Zwecken und Inhalten nicht mehr zu sagen weiß über ihr Woher und Warum zwischen körperlicher und geistiger Existenz des Menschen, erscheint mir eine Aufrollung der Grundfrage, die allem künstlichen und kulturellen Werk des Menschen gestellt ist, so notwendig. Im Rahmen dieser Serie, die ich der Idee der christlichen Kunst in ihrem eigentlichen Sinn und Umfang widmen will, würde ich auch gerne Ihr Büchlein über Maria Signorelli herausbringen. Sie können gewiß den Text so formulieren, daß es sich auch thematisch dem Aufbau des Ganzen organisch einfügt. Ich denke mir an diese Reihe, die der Kunst gelten soll, grundsätzlich so, daß mit ihr die wirklich entscheidenden Erscheinungen und Probleme, Werke und Vorgänge des modernen Kunst hervortreten und sichtbar werden sollen, die die religiöse und christliche Idee der Kunst in sich und für unsere Zeit enthalten. Ein Pionierdienst also, der sich auf die großen und wesentlichen Erscheinungen innerhalb Europas beschränkt.

Bezüglich der Schrift über Maria Signorelli schreiben Sie mir gewiß bald. Ich würde bei einigen italienischer Beteiligung das Büchlein so bald als möglich verlegen.

Auch Ihren anderen Vorschlag — «Schöpferische Ethik» — möchte ich möglichst bald realisieren. Auch darüber habe ich bereits die zwei Mitglieder meines sog<enannten> Verwaltungsrats informiert, und beide haben alles mir überlassen, sodaß ich frei handeln kann. Herzlich dankbar wäre ich Ihnen nun, wenn Sie mir gelegentlich schreiben würden, wie Sie sich Titel und Aufbau dieses Buchs, das wir auch äußerlich besonders aktuell in Erscheinung treten lassen müßten, denken. Am liebsten wäre es mir natürlich, wenn der Zusammenhang mit dem ganzen Verlagsprogramm möglichst deutlich in Erscheinung gebracht werden könnte und der Umfang des Buchs (schon wegen des Preises u. Absatzes) 120–130 Seiten nicht überstiege.

Ich hoffe, das Ihnen, lieber Herr Professor, unser Verlagsprogramm — so bescheiden es dem Umfang nach zunächst auch ist — gefüllt und daß wir bald wieder praktisch zusammen arbeiten können. Besonders aber hoffe ich, daß Ihr und Ihrer lieben Frau Aufenthalt in Rom auch für die Zukunft gesichert ist.

Für heute grüße ich Sie, Ihre Frau und Ira aufs herzlichste.

Ihr Ihnen treu ergebener Roeßler

Liebe Frau u<nd> Herr Professor, wir haben uns in L<uzern> bereits gut eingewohnt and bedauern nur, daß Sie so weit weg sind. Hoffentlich schon wir uns bald wieder!

Ihnen Allen viele herzliche Grüße von Ihrer Olga Roeßler

MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. № 294. Автограф.

Перевод

Люцерн, 19 апреля 1934

Дорогой господин профессор,

Я от всего сердца благодарю Вас и Вашу любезную супругу за ваше участие в моем горе и особенно за те теплые и дружественные слова сочувствия, которые Вы адресовали мне лично в связи с этим обстоятельством. Смерть моего отца⁸ застала всех нас совершенно врасплох: еще на Пасху все мы, дети, были с ним вместе в радостном настроении, а через три дня после нашего прибытия в Люцерн нам сообщили, что во время прогулки его внезапно хватил удар, он сразу же лишился сознания и через 2 часа скончался. Потеря, которую мы претерпели, означает для всех нас очень многое: с уходом моего отца мы потеряли человека, который своим характером и восприятием жизни, простотой и ясностью своего нрава, своим бескорытием и чувством справедливости являлся, особенно в наше нынешнее время, воплощением всех лучших немецких традиций и залогом того, что идеал пребудет вечно. Не менее, чем я сам, страдал он в течение последнего года от отвратительного искажения лица немецкой нации, ставшего последствием той моральной катастрофы, — может быть, менее очевидной в простом народе, чем в так называемом образованном слое, — которую мы сегодня и часто в столь зловещей форме имеем несчастье наблюдать. Поскольку Вы сами, дорогой господин профессор, несмотря на все то, что произошло в Германии за последнее время, не утратили веры в настоящую и когда-нибудь вновь возроденную Германию, то уж моя заслуга в этом весьма скромна: ведь часто Вы знали гораздо более меня об этой тайной, невидимой, настоящей духовной Германии, и не раз я с удивлением и благодарностью ощущал Вашу преданную и непоколебимую любовь к немецкому народу и его идее. Среди всех событий 1933 года самым ценным и незаменимым для меня стало знакомство и дружеский союз с Вами, и будем надеяться, что в этом году мы снова сможем оказаться рядом друг с другом. Это мое самое искреннее желание, которое полностью разделяет и моя жена, и мы уверены, что того же желаете и Вы с Вашей любезной супругой.

Несмотря на все трудности, связанные с общением с коренными швейцарцами, которые мы испытываем в Люцерне, мы в целом уже вполне обжились здесь. Мы живем в маленькой приятной квартирке над городом, посреди зелени, и наслаждаемся прекрасным видом на горный и озерный ландшафт, неизменно приводящий нас в прекрасное настроение.

В основных чертах я уже набросал программу издательства; через несколько дней я получу машинописную копию части моих соображений и пошлю Вам ее, чтобы Вы могли составить о ней представление. Я думаю, что издательская продукция должна состоять из сочинений двух групп, объединенных одной общей базисной идеей: 1) я размышляю об основах та-

⁸ Отец Рёсслера, Георг, был чиновником лесного ведомства в Баварии.

кой национальной литературы Швейцарии, которая будет непосредственно отвечать ее актуальным, решающим, жизненно-важным вопросам, сможет поставить их в один ряд с другими национальными проблемами и будет наиболее ясно, по-народному, выражать собой единую национальную идею швейцарского существования; 2) я думаю о такой общекультурной и общеобязательной программе, которая выгядит в плане издательской деятельности следующим образом: «Необходимо осознать и отчетливо выразить духовное смятение, “революцию”, переживаемые современным человеком в формах его бытия, и те вопросы, которыми он задается по этому поводу, те исторические и психические взаимозависимости, которые в этой связи возникают, и сделать это в виде постановки единых духовных целей и задач, наиболее соответствующих моменту. Необходимо осознать кризис современной культуры и мировосприятия как форму явственного противоречия между духовным и природным миром человека, а для этого необходимо сформулировать смысл и существо духовной задачи нашего времени из имеющихся условий и предпосылок, которые позволят наконец преодолеть это противоречие, покончат с революционной постановкой под сомнение имеющихся форм человеческого существования и вновь восстановят духовное единство уклада человеческой жизни». Темы для первых книг 1-й группы: «Что такое швейцарская идея?» (с подзаголовком «Что требует от нас ее содержание?») — это брошюра; далее более крупная работа «Обороноспособная Швейцария», написанная как популярная книга о смысле, происхождении, истории Швейцарии и ее задаче. «Милиция» — книга для народного образования о федеративной идее в ее политически-оборонном смысле; и, наконец, книга «О христианской идее в Швейцарии» (возможно, с подзаголовком «Политика, основанная на вере») — представление духовного единства христианского и национального существования и жизненных форм Швейцарии на основе особого исторического подхода (гуманистическая картина мира, французская демократия и т.д.) и акцентирования важности национального мышления и практики для религиозной мысли. (Кризис национальной идеи выражается также в секуляризации ценностей земного мира.) Во 2-й группе сочинений я предполагаю книгу на тему «Революция и молодежь» (исходя из возможного понимания идеи гуманизма как идеи эмансипации человеческого мира и обесценивания человеческой личности в учении о естественном праве и жизненном предназначении; это понимание сводится к вопросу о преодолении или восстановлении статуса духовной и творческой действительности человека, который актуален с учетом противопоставления обетований «религии жизни» и христианской идеи преодоления природы духом). В этой же группе я намереваюсь также издать маленькую книгу профессора Фишеля⁹ «Изобразительная задача

⁹ Фишель Оскар (Oskar Fischel; 1870–1939) — известный немецкий историк и теоретик искусства, один из признанных специалистов по творчеству Рафаэля, а также специалист по истории и теории театра. Участвовал вместе с Рёсслером в издании сборника «Thespis».

и искусство» — как введение или сопроводительную статью к сочинению, которое вновь представит искусство в виде высшей и самой осмысленной из возможностей человека, позволяющее увидеть естественный мир человека как часть его духовного пространства. Именно потому, что современному искусству и его мировосприятию особенно нечего сказать об истинных назначениях и замысле, находящихся между духовным и телесным существом человека, и остается лишь свидетельствовать о внеэстетических моментах, далеких от художественных целей и содержания, мне кажется, что следует обратить внимание на главную проблему, которая лежит в основе всей художественной и культурной деятельности человека. В рамках этой серии, которую я хочу посвятить идее христианского искусства в его подлинном смысле и размахе, я также с удовольствием опубликую Вашу книжечку о Марии Синьорелли¹⁰. Вы умеете так построить текст, что он органически войдет в тематическое целое. Я представляю себе серию, посвященную искусству, как представляющую все важные события и проблемы, произведения и процессы современного художественного творчества, в котором содержатся все религиозные и христианские идеи, как таковые, и в их актуальной ценности для нашего времени. Это поистине пионерская задача, вытекающая из значительных и существенных европейских событий.

Что касается книги о Марии Синьорелли, напишите мне о ней как можно скорее. Я постараюсь как можно быстрее выяснить у итальянских издателей возможность их участия в этом предприятии.

Я бы хотел как можно быстрее реализовать и Ваше другое предложение — книгу «Творческая этика». Об этом я уже информировал двух членов моего так называемого совета управляющих, и они оба все предоставили на мое усмотрение, так что я могу действовать совершенно свободно. Я был бы Вам сердечно благодарен, если бы Вы мне при возможности написали, как Вы мыслите название этой книги и ее построение, чтобы мы также безотлагательно могли бы об этом подумать и приступить к работе. Лучше всего, конечно, если бы книга полностью увязывалась с программой издательства и ее объем не превышал бы 120–130 страниц, учитывая цены и проблему сбыта¹¹.

Я надеюсь, господин профессор, что наша программа, несмотря на ее терпешный скромный объем, Вам понравится и мы скоро сможем приступить к

¹⁰ Синьорелли Мария (Maria Signorelli; 1908–1992) — известная итальянская театральная художница, основательница кукольного театра «L'Opera dei Burattini», режиссер и балетмейстер. Дочь О.И. Ресневич-Синьорелли (1883–1973), писательницы и переводчицы, автора книги об Э. Дузе, близкого друга Вяч.И. Иванова и Е.Д. Шора. Шор принимал большое участие в художественном становлении Марии. Он организовывал ее персональные выставки в Германии и был автором вступительной статьи в каталоге ее выставки в Берлине, в Galerie Gurlitt (март 1932 г.). Предисловие представляло собой отрывок из готовящейся книги Е.Д. Шора «Трагическое искусство Марии Синьорелли» («Die tragische Kunst Maria Signorelli»), о которой идет речь в письме. Издание не состоялось.

¹¹ Издание этой книги не было осуществлено. В 1934 г. Рёсслер издал другую книгу Е.Д. Шора — «Deutschland auf dem Wege nach Damaskus».

практической работе. Особенно я надеюсь, что Вам и Вашей милой жене будет гарантировано и в будущем пребывание в Риме¹².

А сегодня я приветствую Вас, Вашу супругу и Иру самым сердечным образом.

Искренне преданный Вам Рёсслер.

Дорогая госпожа Шор и уважаемый господин профессор, мы уже хорошо освоились в Люцерне и грустим лишь, что вы столь далеко от нас. Мы надеемся, что скоро вновь будем вместе с вами.

Приветствую Вас и Вашу семью.

Ольга Рёсслер.

¹² Шор, его жена Надежда Рафаиловна (Надива) и ее сестра Ирина были вынуждены покинуть Германию в 1934 г. Они нашли временный приют в Италии, откуда 31 октября 1934 г. уехали на постоянное жительство в тогдашнюю Палестину.

Р.В. Полчанинов

Русское книгоиздательство в Германии в 1945–1951 гг.¹

Аннотация: Статья посвящена русскому книгоиздательству в Германии в первые послевоенные годы в зонах Американской и Британской зон оккупации.

Annotation: The article is devoted to Russian book publishing in Germany in the first years after World War II in American and British zones of occupation.

Ключевые слова: перемещенное лицо, книгоиздательство, периодика, НТС.

Key words: Displaced Person, book publishing, periodicals, NTS.

Фирма «Эрбауер» была за все годы войны единственной русской строительной фирмой, в которой и рабочие, и начальство были русские. Не было бы «Эрбауера» — не было бы и «Посева», единственного издательства, существующего и поныне из всех возникших в 1945–1951 гг. Эту фирму основали в январе 1942 г. в Бресте на Буге бывший полковник Владимир Ермолов (? — 1944), служивший в годы Гражданской войны в Северо-Западной армии, и член НТС инженер-гидротехник М.В. Монтвилов. О Ермоллове известно, что он вскоре после присоединения Бреста к БССР был арестован НКВД, как белый офицер, и затем освобожден немцами в 1941 г.

Это обстоятельство и случайная встреча с офицером германской армии, русским немцем, служившим ранее вместе с Ермоловым в Северо-Западной армии (фамилия мне, увы, неизвестна), помогли Ермолову основать фирму «Эрбауер» (в переводе на русский — «строитель»). Фирма начала с работы по восстановлению разрушений в Бресте, затем открыла свое отделение в Минске во главе с членом НТС Константином Васильевичем Болдыревым (1909–1995), а также в Белостоке и Смоленске. При наступлении Советской армии все эти отделения, в которых работало много членов НТС, перемещались на Запад и осенью 1944 г., по полученной из центра НТС инструкции, оказались в Берге около Вены, там же где и я незадолго до этого устроился, как хорватский подданный, в хорватскую фирму. Всему, о чем пойдет речь, я был участником или свидетелем. Наступление Советской армии на Вену вызвало переезд фирмы в засекреченный город

¹ Считаю своим приятным долгом поблагодарить Галину Михайловну Сазонову (урожд. Геккер), Ирину Васильевну Короленко (урожд. Брунст) и Михаила Викторовича Монтвилова за помощь в работе над статьей.

Нидерзахсверфен (около Нордхаузена, Тюрингия), где заключенные концлагерей делали ракеты Фау².

После смерти Ермолова директором фирмы стал Болдырев. Рабочие «Эрбауера» к выпуску ракет не имели отношения. Они строили бараки для оставшихся рабочих под Веной, и не успели полностью закончить их постройку, как Нидерзахсверфен был 11 апреля 1945 г. взят американцами. Американские танки вели обстрел через наши головы, и Болдырев, который говорил по-английски, вышел с поднятыми руками прямо на американский танк. Американцы прекратили стрельбу и, узнав, что в лагере русские, начали вести обстрел немцев с другого места³.

К вечеру город и примыкавшие к нему концлагеря и лагеря рабочих были в руках американцев. Вскоре Болдырев был приглашен на разговор с американскими военными, после чего ему была поручена организация лагерей для освобожденных иностранцев⁴. Для русских лагерей мы с Иваном Антоновичем Николаюком стали выпускать на шапирографе «Лагерную информацию». За апрель — май 1945 г. вышло 11 выпусков⁵, а 6 мая 1945 г. — первый выпуск разведческого журнала «У костра», отпечатанный на машинке под копирку в 5 экземплярах. Эти издания, появившиеся в последние дни войны, положили начало всем русским послевоенным изданиям ди-пи.

Так как Тюрингию американцы передавали под контроль Советов, то Болдырев и его лагерь 9 июня 1945 г. двинулись вслед за американцами на Запад и разместились в Менхегофе около Касселя в американской зоне оккупации⁶. С 13 июня 1945 г. в Менхегофе вместо «Лагерной информации» стала выходить под редакцией Александра Семеновича Светова (настоящая фамилия Парфенов) ежедневная радиосводка под названием «Новости дня» для жителей лагеря Менхегоф и его подлагерей. «Новости дня», за неимением другой бумаги, стали печататься на чистой стороне старых немецких бланков и выходили до отъезда редактора в Марокко (август 1947 г.).

² См.: *Болдырев К.В.* Менхегоф — лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // ВИ. 1998. № 7. С. 116–117.

³ См.: Там же. С. 118.

⁴ См.: Там же. С. 119.

⁵ В книге Э. Штейна «Русская печать лагерей “Ди-Пи”» (Orange, Conn., 1993. С. 122. № 73) упомянут единственный выпуск «Лагерной информации», изданный, по словам составителя, в «Нидерсахсене (Германия) 1945». В книге «Свободное слово “Посева”, 1945–1995» (М., 1995. С. 10) начало издательской деятельности связано с А.С. Световым (Парфеновым), под редакцией которого выпускался «Информационный бюллетень». Правильное название — «Новости дня», несколько выпусков этого издания я передал на хранение в Москву в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

⁶ См.: *Болдырев К.В.* Указ. соч. С. 120.

Хотя первое время никакой цензуры не было, но обстановка не благоприятствовала изданию органа связи НТС. Поэтому было решено, не без доли риска, выпускать бюллетень в виде письма, начинавшегося словами «Дорогой друг». Первое такое письмо было напечатано на машинке под копирку в Менхегофе 25 июня 1945 г. и послано всем руководителям групп. По мере расширения работы с пишущей машинки пришлось перейти на ротатор⁷.

После того как 23 августа 1945 г. лагерь перешел в ведение Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, сокращенно — UNRRA), началась проверка всего печатаемого в лагере. Издания проверяла дочь французского вице-адмирала Ш.-А. Дюмениля, женатого на русской, офицер UNRRA Александра Дюмениль, говорившая свободно по-русски. На каждом издании значилось разрешение: «Approved by U.N.R.R.A. Team 505». Редактор «Посева» Борис Витальевич Прянишников (псевдонимы: А. Лисовский, Серафимов; 1902–2002) писал в своих воспоминаниях: «В ее лице я нашел не только приятную собеседницу, но и благорасположенного цензора»⁸. Б.В. Прянишников, конечно, знал, что в «Посеве» никакой критики Советского Союза не может быть, но иногда «Посеву» удавалось при помощи эзопова языка кое-что осуждать и критиковать. Так, например, «бичевали авторитарного генералиссимуса Трухильо, с его порядками в далекой Доминиканской республике, явно целясь в генералиссимуса Сталина, с его порядками в близком СССР»⁹.

Первый выпуск еженедельного журнала «Посев», тоже на старых немецких бланках, вышел в Менхегофе 11 ноября 1945 г., и этот день считается днем основания существующих поныне и журнала, и издательства «Посев». После приобретения типографской машины и шрифтов, начиная с № 14 (10 февраля 1946 г.), «Посев» стал печататься типографским способом. Помню, что в лагере не нашлось никого, кто бы умел набирать, и из соседнего городка Имменхаузена (Immenhausen) были приглашены два немецких наборщика. Я с удивлением смотрел, как немцы, не зная кириллицы, быстро набирали тексты. А.И. Данилов и С.И. Мозговой учились у немцев этому ремеслу. Работа с оловом считалась вредной, и наборщикам предлагалась добавочная порция молока.

Подробнее о работе издательства «Посев» рассказано в книгах «Издательство “Посев”, 1945–1985» (Frankfurt am Main, 1985) и во 2-м дополненном издании, вышедшем под несколько измененным названием: «Свободное слово “Посева”, 1945–1995» (М., 1995).

⁷ См.: *Столыпин А.П.* На службе России: Очерки по истории НТС. Frankfurt am Main, 1986. С. 139.

⁸ *Прянишников Б.В.* Новопоколенцы. Силвер Спринг, 1986. С. 244.

⁹ Издательство «Посев», 1945–1985 / Сост. А.Н. и А.Н. Артемовы. Frankfurt am Main, 1985. С. 12.

НТС нужны были свои наборщики чтобы потом нелегально печатать листовки для распространения среди советских оккупационных войск. Но НТС печатал нелегально не только листовки для посылки «туда». Принимая во внимание воспитательное значение песен, НТС уже летом 1945 г. выпустил для молодежи ротаторный сборник из 40 песен «Новая рать». Ни год, ни место издания, конечно, указаны не были. Это был первый послевоенный сборник, включавший антисоветские песни. Первой песней была «Коль славен», исполнявшаяся в белых армиях как гимн, а второй — «Бьет светлый час», названная из осторожности не песней НТС, а «Песней-гимном Нового Поколения России». Третьей песней, давшей название сборнику, была «Новая рать», слова и музыка Павла Николаевича Зеленского (1904–1978). Авторы песен не указывались, хотя известно, что П.Н. Зеленскому принадлежит в этом же сборнике и «В былом источник вдохновенья». Известно также, что слова песни-гимна НТС сочинил Михаил Михайлович Гнилорыбов, более известный под псевдонимом «М. Шубин», сотрудник газеты «За Россию».

Особенно резко антисоветскими были четыре песни, взятые из сборника «Под трезубом», изданного в Харбине в 1940 г. Привожу только первые куплеты:

МАРШ НОВОПОКОЛЕНЦЕВ

У врага шум и вой; слышен гул боевой,
Всколыхнулся российский народ.
Знает злобный чекист, что истории лист
Повернут не назад, а вперед...

СОЮЗНАЯ

Много лет страна моя страдала
Под звездой кровавой, роковой;
И давно народ уж ожидает
Светлый час восстанья боевой...

ПОХОДНАЯ

Над Россией могучей
Вьются черные тучи,
Много лет уж под игом она,
Под чекистским наганом,
Под марксистским дурманом
Задыхается наша страна...

МЫ ГОТОВЫ

Вперед со знаменем,
А не в глухом тылу
Мы закалялись в пламени
В пороховом дыму...

Среди песен были и старые солдатские, и песни белых армий, и советские («Землянка», «Под звездами балканскими», «Веселый ветер», «Песня о тачанке»). В последней было сделано маленькое изменение: вместо «о буденновской тачанке...» было написано «о максимовской тачанке...». Имелся в виду пулемет «Максим». Мне кажется, что подобная переделка не делала честь составителям и было бы лучше вообще обойтись без «Песни о тачанке».

Следующим подпольным изданием был «Сборник произведений, посвященных памяти мученически погибших героев, за русское дело. Бавария 1946». В сборнике, кроме обращения «К читателям» и «Русская мелодия (Вместо предисловия)», 13 стихотворений, баллада «Орлы» и 5 рисунков лагеря пленных воинов Русской освободительной армии (далее — РОА) в Дахау. Рисунки и обложка пленного художника Адама Васильевича Русака (1921–1996), служившего в РОА, члена НТС. Текст был отпечатан на пишущей машинке, с этих страниц — сделаны цинковые клише, с которых уже печаталась книга.

«Календарь Памятка на 1948 г.». Местом издания была указана Женева, а издателем «Национально-Трудовой Союз (Российские солидаристы)». Набирался он в конце 1947 г., когда холодная война еще не началась и американцы старались не сердить понапрасну своего советского союзника. А в календаре среди лозунгов был и такой: «НТС ставит целью свержение антинародной большевистской власти». Кроме того, НТС в Германии существовал нелегально и уже в силу этого не мог ничего официально издавать.

В следующем году и снова с указанием «Женева» был выпущен на этот раз «Календарь-памятка борьбы. 1949 год». Лозунги остались прежние, содержание было другим, но не менее антисоветским. Календари печатались в Регенсбурге, где находилось энтээсовское издательство «Эхо», и редактировались Б.В. Прянишниковым.

К подпольным изданиям следует отнести и маленькую брошюру «Озаренный верой (Памяти Георгия Полошкина)» (Регенсбург, 1946. 15 с., 14 см.) с предисловием А. Николина (А. Неймирка). На брошюре нет ни названия издательства, ни разрешения к печати местной UNRRA. Что Полошкин, погибший в нацистском концлагере, был членом НТС, нигде не было сказано.

Видимо, было решено не ставить союз под удар, если будут неприятности с оккупационными властями. Поэтому в предисловии было сказано: «Сейчас неважно знать, в какую именно антинемецкую русскую подпольную организацию вступил Георгий Полошкин». На моем экземпляре есть наклейка: «Газета “Эхо” поздравляет с окончанием учебного года. 21/VI 1947 г. Регенсбург».

Нелегально в 1946 г. было напечатано на ротаторе и 2-е издание сборника стихов И. Савина «Ладонка», так как цензоры UNRRA никогда бы не разрешили печатание его антисоветских стихов.

Брошюра «Историческое развитие России» с выходными данными (Белград, 1938. Вып. 2), посвященная революционным движениям в России от декабристов до 1914 г., страницы 13–38. В этой брошюре, отпечатанной на ротаторе без разрешения UNRRA все, слово в слово, как в белградском издании, только на титульном листе оригинала значилось «НТСНП Курс национально-политической подготовки», а на нелегальном издании эти слова отсутствуют. Кроме того, оригинал был напечатан по старой орфографии, а нелегальное издание — по новой.

Мне кажется, что эта подпольная брошюра, попадись она в руки американской разведке в оккупированной Германии, не вызвала бы ни интереса, ни, тем паче, подозрения, так как, с одной стороны, в ней не было ничего антисоветского, а с другой стороны — на ней было точно указано место и время издания — «Белград, 1938».

К нелегальным изданиям следует отнести и переиздание извлечений из томов III–IV книги А.А. Керсновского «История русской армии». В издание вошли очерки об императоре Александре III (с. 493–495 оригинала), об императоре Николае II (с. 513–515 оригинала) и отдельные отрывки со страниц 593–594, 870–871, 875–876, 880–882, 999–1005.

Типографским способом и тоже нелегально были изданы «Основы дела Национально-Трудового Союза (б.м., б.г. 24 с.), и ротаторная «Программа Национально-Трудового Союза» (б.м., 1946. 45 с.).

Разведческое издательство продолжило выпускать от случая к случаю «У костра» в 5 экземплярах на пишущей машинке, но не как журнал, а как стенгазету, которая вывешивалась на досках для объявлений как в самом Менхегофе, так и в ближайших лагерях. Сохранился № 8 от 1 февраля 1947 г., в котором в статье «От редакции» было сказано, что «этот номер специально предназначен для посылки вне Менхегофа. Мы его посылаем в Мюнхен, Регенсбург, Бад-Наухайм, Пассау, Штутгарт и Фишбек». С № 10 (1 июня 1947 г.) «У костра» стал выходить как бюллетень и так выпускался до № 16 (15 февраля 1948 г.). После ликвидации 12 апреля 1949 г. менхегофского лагеря «У костра» стал выходить как орган связи одиночек. Очередной № 17 по-

явился в ноябре 1949 г. в Шлейстейме под редакцией Андрея Доннера, а затем в октябре 1950 г. № 17 был выпущен вторично, но уже под редакцией Юрия Воронова, проживавшего в США под фамилией Солдатов. Воронов редактировал помянутое издание до января 1953 г., когда вышел № 28.

Кроме того, на ротаторе была выпущена моя брошюра «Администрация» с пометкой «К.Д.Р.» (курс для руководителей), и руководство для ново-создаваемых звеньев, отрядов и дружин, впоследствии переработанное и выпущенное как «Положение об администрации».

В октябре 1945 г. в Фюрстенвальде (подлагерь Менхегофа) местная дружина Организации российских юных разведчиков под редакцией Юры Питалева выпустила журнал «На Разведку» (№ 1), который был напечатан на ротаторе в издательстве «Посева». Это был первый и последний номер.

Узнав о том, что второй номер не получается, я поднял в «Посеве» вопрос о регулярном издании разведческого журнала, и мы договорились, что «Посев» с моей помощью будет издавать журнал «Разведчик», редактором которого будет Михаил Алексеевич Тамарцев (настоящие имя и фамилия: Борис Платонович Юркевич; 1909–1970), писавший под псевдонимом Борис Башилов, а рисунки будет делать моя супруга. Первый номер «Разведчика» был выпущен уже в октябре 1945 г., а № 2 и 3 — в ноябре и декабре того же года соответственно¹⁰.

Третьим издателем в американской зоне Германии стал бывший советский подданный, «новый» эмигрант, как тогда говорилось, Вячеслав Клавдиевич Завалишин (псевдонимы: В. Озеров, Казанский; 1915–1995), который в конце 1945 г. издал в Мюнхене первую послевоенную книгу, напечатанную типографским способом. Это был «Конек-Горбунок» П.П. Ершова с обложкой работы Константина Константиновича Кузнецова (1895–1980), лучшего иллюстратора среди русских ди-пи. Известно, что они были знакомы еще в годы войны. Неизвестным остается, где Завалишин нашел в разрушенном Мюнхене типографию с русским шрифтом и бумагу, чтобы напечатать довольно толстую книгу (86 страниц, не считая иллюстраций художника П.И. Пузыревского на мелованной бумаге). В 1946 г. за этой книгой последовала «Русь» Евгения Замятина (без года и места издания) с рисунками художника Б.М. Кустодиева, и брошюра самого Завалишина «Андрей Рублев» (Мюнхен, 1946. 12 с. с иллюстрациями на мелованной бумаге). В Ландсгуте в начале 1946 г. Завалишин издал на ротаторе «Избранные стихотворения» С.А. Есенина (163 с., тир. 100 экз., обложка П.И. Пузыревского). Переехав в

¹⁰ В справочнике «Издательство “Посев”, 1945–1985» (С. 89) упомянуты только 7 выпусков журнала «Разведчик» (1946), без указания на первых три, выпущенных в 1945 г. О разведческом издательстве в Менхегофе подробнее см.: *Полчанинов Р.В.* Разведческое издательство — Менхегоф // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2007. № 116 (январь). С. 1–3.

Регенсбург, Завалишин издал в том же 1946 г. в двух томах сборник стихов С.А. Есенина, а в 1947 г. в четырех томах малого формата (14,3 см.) стихи Н.С. Гумилева. В Мюнхене в 1947 г. он под псевдонимом В. Озеров напечатал собственное сочинение «Да будет мир (Образы грядущей войны)» с иллюстрациями художника Бориса Михайловича Волкова (1911–1960).

От В.К. Завалишина мне известно, что он принимал участие в 1944 г. в Риге в издании однотомного сборника стихов С.А. Есенина и при помощи вывезенных из Риги гранок издал регенсбургский сборник.

Очень возможно, что свою издательскую деятельность В.К. Завалишин начал с издания трех многоцветных репродукций старинных русских икон. На оборотной стороне было сказано, что иконы «Published by the Laboratory for Studies of the Ancient Slav Art (to the Metropolitan Ecclesiastical Administration in Germany, the Roman Patriarchie)» и что редактор — Viacheslav Savalishin. Репродукции икон в свободную продажу не поступали, но Завалишин подарил мне по несколько экземпляров каждой из трех икон («Madonna of Vladimir», «Resuscitation of Lazarus», «Theodore Stratilate»).

Кроме этих трех издательств, в американской зоне Германии оказался аноним, выпустивший в 1945 г. книгу Ги де Мопассана «Дедушка Амабль и др. рассказы» с указанием места издания Мюнхен-Регенсбург.

В Гамбурге (британская зона Германии) приход блаж. Прокопия Любекского при подворье преп. Иова Почаевского в 1945 г. издал первую часть книги «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Кронштадтского, численного впоследствии к лику святых. Вторая часть, как мне кажется, не была издана.

Солидным издательством, возникшим в 1946 г., было издательство Николая Елпидифоровича Парамонова (1876–1951), донского казака-старообрядца. До революции он имел в Ростове-на-Дону свое книгоиздательство, но, проживая с 1920 г. в Германии, книгоиздательством не занимался и вернулся к этому делу только в 1946 г. Он не был членом НТС, но принимал какое-то участие в годы нацизма в подпольной работе союза в Германии. Решив заняться книгоиздательством, он обратился в НТС с просьбой помочь ему в распространении книг.

Парамоновы жили в Берлине, но при приближении Красной армии, бросив все, уехали в Баварию. Конец войны застал Парамоновых в Байройте. Там он, как немецкий беженец, получил квартиру и решил заняться книгоиздательством, чтобы жить от собственного заработка, а не на скудное немецкое беженское пособие. Свои книги, почти только классиков, Парамонов издавал типографским способом и по низким ценам в 6–8 марок. Чтобы перепродавцы не завышали цен, их стоимость указывалась на обложке. Это делали далеко не все издатели. Имя издателя на книгах не

значилось, но в те годы, кроме Парамонова, никто в Байройте не издавал русских книг. Разрешение от UNRRA на издание книг ему было не трудно получить, так как его сын занимал крупный пост в помянутой организации¹¹, но продавать в местном украинском лагере ему не разрешила украинская лагерная администрация, а русского лагеря в Байройте не было. К слову сказать, в русских ди-пи лагерях свободно продавались украинские книги и газеты.

Книгоиздателей можно разделить на три группы. Одни старались дать читателям произведения литературы, русской или иностранной, а другие издавали ходкий товар с целью заработка. В третью группу входили авторы, издававшие свои собственные произведения. С точки зрения истории русской зарубежной литературы они представляют определенный интерес.

В украинском лагере в Новом Ульме проживал Николай Мамонтов, русский, работавший переводчиком в Пятом отделе американского военного управления по гражданским делам, автор книги «Львиный лик» (б.м., 1946) и «Смех сквозь слезы» (Мюнхен: Медный всадник, 1948). Книги вышли под псевдонимами Ник. Майнд и Евлампий Октябрьев соответственно. Супруга Мамонтова была из Советского Союза, а сам автор, кажется, был, как тогда говорилось, «старым» эмигрантом, т.е. проживавшим до 1 сентября 1939 г. вне СССР. В своем письме ко мне от 13 декабря 1985 г. он писал: «Бандеровцы не раз нападали на кольпартеров [пол.: распространители литературы. — Р.П.], развозивших по ди-пи лагерям газеты и литературу, отбирали ее, жгли. Причем не только русские или польские, но и украинские, противоречащие идеям Степана Бандеры»¹².

Анатолий Андреевич Даров (настоящая фамилия Духонин; 1920–1977), не спрашивая ни у кого разрешения и не скрывая своего советского прошлого, напечатал в Мюнхене в начале 1946 г. «на правах рукописи» в 100 экземплярах первую часть своего романа о Ленинградской блокаде — «Блокада» (126 с., 29 см.). Можно только удивляться, как он не попал в лапы советских агентов. Во всяком случае, он был первым, осмелившимся опубликовать свои воспоминания о жизни в СССР. В 1953 г. издательство «Грани» выпустило полностью его роман, который потом переиздавался пять раз и был переведен на французский язык.

Новый эмигрант Константин Коспарук издал под псевдонимом Иво Има роман «Похитители разума» (190 стр., 153 мм.). Ни год, ни место не указаны, но есть разрешение «UNRRA Team 568», что значит — Мюнхен.

¹¹ Подробнее см.: Кошеверова С.В., Тарасова М.Н. Каталог издательства «Донская Речь» Н.Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. 2-е изд., испр. и доп. / Науч. ред. Н.В. Самарина. Ростов н/Д, 2006. С. 42–49, 252–263.

¹² Н. Мамонтов — Р. Полчанинову, 13 декабря 1985 г. // Архив автора.

Капитан 2-го ранга Максимилиан Оскарович фон Кубе (1885–1955) выпустил «Краткий очерк истории русского флота» в Менхегофе в 1947 г. в количестве 40 экземпляров для друзей (66 стр., 29 см.). Книга в продажу не поступала. В Праге в 1932 г. был издан сборник его рассказов «С полуночи случаи», а в Шанхае в 1936 г. второй сборник — «Дела давно минувших дней». Приехав в Германию на работы, он бережно хранил свои книги, и, оказавшись в Менхегофе, предложил «Посеву» издать свои рассказы. Так появилось два ротаторных сборника: «Преданья старины глубокой» (1946. 38 с., 29 см.) и «Рассказы моряка» (1946. 31 с., 29 см.). Обложки и иллюстрации были сделаны типографским способом с линогравюр работы «Н. Нико» (настоящие имя и фамилия Николай Федорович Мишаткин; 1911–1973).

В 1949 г. издательство «Посев» выпустило книгу члена НТС, словенца по происхождению, Александра Рудольфовича Трушновича (1883–1954) «Россия и славянство. Пути России: Из книги “Россия и СССР”» (47 с., 18,8 см.). На моем экземпляре не указано название издательства. Возможно, что это было второе издание.

Известный поэт и писатель есаул Александр Михайлович Перфильев (1895–1973), первый муж писательницы И.Е. Сабуровой, выпустил в Мюнхене в 1946 г. сборник своих рассказов «Когда горит снег». У этой книги интересная биография.

Будучи по делам «Посева» в Мюнхене, я случайно познакомился с А.М. Перфильевым. Новому знакомому я сказал, что знаю его книгу «Человек без воспоминаний».

— Откуда вы ее знаете? — заметно оживившись, спросил меня Перфильев.

Я рассказал ему довольно необыкновенную историю, как эта книга оказалась у меня. Во Пскове у меня была ученица Лида Тюнина. В Риге она вступила в подпольную организацию разведчиц и перед эвакуацией Риги получила от меня адрес для связи. Писем от нее не было, но мы неожиданно встретились в лагере Берг около Вены, где я работал в фирме «Эрбауер», а Тюнины, вместе с другими рабочими, остановились там только на ночлег. Я спросил Лиду, почему от нее не было писем, а она сказала мне, что коробка, в которой были ее вещи и мой адрес для связи, потерялась. Вскоре фирма «Эрбауер» отбыла в Нидерзахсверфен в Тюрингию, и вот там, уже в начале 1945 г., я вдруг получил сообщение, что моя потерявшаяся коробка прибыла в Нордхаузен на железнодорожную станцию. Никаких пропавших коробок у меня не было, но я поехал, чтобы выяснить, в чем дело. На станции мне вручили перевязанную веревкой разбитую коробку с сообщением, что она была найдена в таком виде и доставляется мне, так как в ней был найден

мой адрес. Из содержимого в коробке осталось только несколько книг, в том числе и книга Перфильева с посвящением: «Поэту Тюнину от автора на добрую память. Александр Перфильев 11 августа 1944 г.».

Книга «Человек без воспоминаний» вышла в издательстве «Культура» в 1944 г. незадолго до эвакуации Риги. Полученные Перфильевым авторские экземпляры пропали, и в моих руках оказался единственный сохранившийся экземпляр. Перфильев просил меня одолжить ему книгу, чтобы ее переиздать. Пришлось согласиться. Назад я получил книгу в ужасном виде. Книга была разорвана на листки, на которых были наклеены новые номера.

Вместо того чтобы выпустить второе издание, Перфильев решил издать те же рассказы, но в другом порядке и под новым названием — «Когда горит снег». На титульном листе было сказано «Издательство “Космос” Мюнхен 1946 г.». Никакого разрешения от UNRRA на издание не было, да и издательства не было. Не была указана и типография. Книга печаталась с цинковых клише, сделанных фотографическим путем в два раза меньше оригинала. Перфильев, вероятно, считал, что более престижно, когда книгу издает не сам автор, а какое-то издательство. Так думал не только он, но и другие авторы, выпускавшие свои книги от имени придуманных ими же издательств.

Как Перфильев, так и его первая супруга Ирина Евгеньевна (урожд. Кутитонская; 1907–1979) не были новичками в литературе. Ее первый сборник рассказов «Тень синего марта» вышел в Риге в 1938 г., второй и третий сборники в Мюнхене: «Дама трэф» (1946) и «Королевство алых башен» (1947). Для последнего сборника, как мне говорили, она сама нарисовала обложку. Сабурова была не только писательницей, но и поэтессой и художницей. Второй раз она вышла замуж за барона фон Розенберга и вместе с ним в 1940 г. покинула Латвию. Сколько мне известно, Сабурова — ее псевдоним. С Перфильевым у нее остались дружеские отношения, и она в 1976 г. выпустила в Мюнхене его посмертный сборник стихов.

Георгия Алексеевича Богатырева (1922 — после 2011) конец войны застал в Мюнхене, где он имел прописку, снимал комнату и получал немецкие продовольственные карточки. Не знаю, почему он не захотел переезжать в ди-пи лагерь, но, оказавшись без работы, решил заняться издательским делом. Он купил ротатор и русскую пишущую машинку и в 1946 г. начал издавать небольшие сборники стихов (обычно объемом 32 с. и размером 14,5 см.) в мягких обложках. Начал он с «Песен западных славян» А.С. Пушкина (в двух частях), затем издал Н.С. Гумилева (в двух частях), С.А. Есенина (в двух частях) и других классиков, а потом выпустил и два сборника своих стихов: «Усталое сердце» и «Бродяга» под псевдонимом «Мечтатель». На книгах не было ни названия издательства, ни места издания, ни года. Книги этого издательства можно определить только по обложкам. Сверху

или снизу горизонтальное название сборника, а по диагонали имя автора. Исключением был текст предреволюционной оперетты «Иванов Павел», авторы — В. Раппапорт и С. Надеждин. На обложке был глобус и еще что-то. Это было переизданием текста оперетты, отпечатанного мною в Менхегофе по просьбе Н.И. Ростовцева.

Н.И. Ростовцев, Н.Н. Ключарев и Е.Г. Романова, участвовавшие в постановке оперетты «Иванов Павел» в Белграде, восстановили текст по памяти и осуществили постановку в Менхегофе. Оперетта была хорошо известна старым эмигрантам и совершенно неизвестна новым. Друзья, в том числе и я, просили Н.И. Ростовцева дать им слова оперетты, и он попросил меня отпечатать текст, примерно в 30 экземплярах, для друзей, а я подарил один экземпляр Г.А. Богатыреву. Мне помнится, что Г.А. Богатырев издал также сборник стихов «Искра» одного власовца, по прозвищу Степа-Сибиряк. Надо сказать, что издавать в 1946 г. антисоветские стихи было делом рискованным.

Из писателей — старых эмигрантов надо упомянуть пражанина Сергея Савинова. Оказавшись в ди-пи лагере в Фюссене, он написал «У подножья. Исторические новеллы» про город Фюссен, от основавших его римлян и до русских ди-пи, устроившихся в казармах немецких альпийских стрелков. Вторая книга, «Распятие», была про русских пражан. Обе книги были изданы в Мюнхене в 1946 г.

Старые эмигранты из Югославии, супруги Ирина Николаевна и Игорь Александрович Автомоновы (1913–1995), выпустили в Аугсбурге в 1947 г. сборник «Стихи... Сатиры... Поэмы... Рассказы...». Кроме них, третьим автором значился Фома Кузьмич Прутков, вымышленный сын вымышленного Кузьмы Пруткова. В этой книге, изданной, как и все прочие, по новой орфографии, в некоторых местах авторы сохранили букву «ять», и слово «мір» — вселенная — писали через и десятеричное.

Священник Георгий Строев был, кажется, из Польши. Многие жители приграничных стран эмигрантами не были, а принадлежали к национальным меньшинствам. Таким, кажется, был и о. Георгий Строев, и я его поэтому не называю «старым эмигрантом», хотя он и не был советским подданным. Он на правах рукописи и без согласия UNRRA напечатал на ротаторе в 1946 г. малым тиражом книгу «О воспитании и самовоспитании человека и гражданина», а в 1947 г. он же, под именем священника Георгия Новгород-Северского, выпустил тоже на правах рукописи и ротаторным способом книгу «Чудовищные большевицкие злодеяния в Катынском лесу, под Смоленском и в городе Виннице».

О многих авторах, выпускавших свои произведения, из-за отсутствия сведений трудно сказать, какой они были эмиграции — старой или новой.

Казалось бы, автор сборника стихов «Моя муза» ВЯН (Мюнхен, б.г. 68 с., 20,5 см.) принадлежал к старой эмиграции. Его книга, единственная среди всех ди-пи изданий, была напечатана по старому правописанию. Каково же было мое удивление, когда имя ВЯН — Вячеслав Яковлевич Нечаев (1905–1960) и его пять стихотворений из сборника я увидел в антологии поэтов новой эмиграции «Берега» (Филадельфия, 1992), или «второй волны», как теперь стали говорить, составленной Валентиной Алексеевной Синкевич (1926 г.р.) и Владимиром Михайловичем Шаталовым. Выдавая себя за старого эмигранта, он, как бы в доказательство, выпустил свой сборник стихов по старому правописанию.

К неопознанным относится Никола Рус (в переводе с сербского — Николай Русский, вероятно, псевдоним), выпустивший в 1948 г. роман «В борьбе за жизнь».

Известный поэт из новой эмиграции Иван Елагин (настоящее имя и фамилия Зангвильд Венедиктович Матвеев; 1918–1987) выпустил в Мюнхене свой первый сборник стихов «По дороге оттуда», за ним в начале 1948 г. второй сборник «Ты, мое столетие!». Третьим произведением Елагина была комедия-шутка в трех картинах «Портрет мадмуазель Таржи» (1949).

Начинающий поэт, из новых эмигрантов, Иван Афанасьевич Буркин (1919 г.р.) свой первый сборник «Только ты» выпустил в 1947 г., а неизвестный поэт «А.А. К-К» издал сборник «К свету» (б.м., б.г.), но с указанием придуманного им издательства «Эстет».

С новым эмигрантом, вышеупомянутым редактором журнала «Разведчик», Юшкевичем я познакомился в 1944 г., когда его, как члена НТС, преследовало гестапо и он какое-то время скрывался в лагере фирмы «Эрбауер» в Берге около Вены. Он таинственно появился и так же таинственно исчез. После конца войны он так же загадочным образом появился в Менхегофе, и июле 1946 г. он уехал в Мюнхен, где, поселившись на частной квартире, основал «Техническое бюро», «Книгу почтой» и собственное книгоиздательство «Юность». Начал он с издания собственных произведений без одобрения UNRRA — «Юность Колумба российского» и «В моря и земли неведомые...» под псевдонимом Борис Башилов. Из книг издательства «Юность», сколько мне известно, с разрешения «UNRRA Team 568» были выпущены две книги рассказов Саши Черного — «Сумбур-Трава» и «Ослиный тормоз», а также «Снежная королева» Г. Андерсена. К этой категории относится и книга советского писателя Л. Успенского «Двенадцать подвигов Геракла» с иллюстрациями советского художника А. Гусятинского, отпечатанная также издательством «Юность». Текст и рисунки были первоначально опубликованы в каком-то пионерском журнале. Под псевдонимом Борис

Башилов в Регенсбурге в издательстве «Глобус» вышла антисоветская книга «Первый день в стране Чжан-Цзо-Лина».

О хорошем детском поэте Евтихии Евтихиевиче Коваленко известно крайне мало. Он родился на Ставрополье и скончался в Мюнхене до 1975 г. Одно время проживал в лагере Большой Шлейсгейм¹⁵. От М.Е. Юппа известно, что Коваленко в Пятигорске в 1933 г. выпустил под псевдонимом Ев. Тихий сборник стихов «Друзья» и что писал он и стихи для взрослых и поэмы. У меня есть его небольшая книжка стихов «Новоселье» (16 с., 14,5х9,8 см.) и «Царевна-Змея» (16 с., 20,5 см.), изданные автором, вероятно, в Мюнхене, в 1948 г.

Зато о другом детском поэте, тоже из новой эмиграции, об о. Евгении Лызлове (1901–1982) известно сравнительно много. Он был одним из пострадавших во время выдачи советских граждан в Кемптене в «Кровавое воскресенье» 12 августа 1945 г. Во время богослужения в лагерную церковь во время литургии ворвалась американская военная полиция, о. Евгений получил удар по голове крестом¹⁴. О. Евгений был тоже детским поэтом, неплохо рисовал, сам иллюстрировал свои книги и сам печатал их на ротаторе. Первый сборник, «Детские стихи», был издан в Фюссене в 1946 г. Им же была издана типографским способом и единственная детская книжка для раскрашивания (10 листов, 21,5х15 см.). Второй сборник его стихов ни у кого не сохранился. Он, кажется, назывался «Пасхальные стихи». У меня некоторое время был этот сборник, и мне запомнилось одно короткое стихотворение:

В магазин большой, богатый
Раз пришел баран рогатый.
К удивленью многих лиц
Просит крашенных яиц.
Нет яиц, так дайте краски
К празднику Святому Пасхи.

О. Евгению также принадлежит рассказ «Медведи», напечатанный в одной книге вместе с рассказом «Новая кукла» Марии Чечелевой.

¹⁵ Дипийский лагерь Большой Шлейсгейм находился в черте мюнхенского предместья Фельдмохинга, а не городка Шлейсгейм, который не считался предместьем Мюнхена. В Шлейсгейме находился лагерь Малый Шлейсгейм, где не было ни издательств, ни издателей.

¹⁴ Подробнее см.: *Корнилов А.А.* Риза Светлая: Жизнь и служение протоиерея о. Евгения Лызлова: Материалы к 50-летию основания храма во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радосте» в г. Филадельфия, США. Нижний Новгород, 1998. С. 24–26; *он же.* «Пропавшие без вести»: Жизнь и творчество прихожан храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте», г. Филадельфия, США. Нижний Новгород, 1999. С. 14–17.

К новым эмигрантам принадлежал Павел Романович Ваулин (1918 — после 1968), выпустивший под псевдонимом П.Р. Петухов в 1948 г. поэму «Кому живется весело, вольготно в СССР» в придуманном им же издательстве «Эзоп».

Евгений Васильевич Зеленский (1919–2001), власовец, поэт, писавший под псевдонимом Е. Аренский, издавший в 1946 г. альманах «Терем» (первый, он же и последний, номер), имел издательство «Терем», в котором было издано около 20 небольших книг, в том числе и его собственное произведение «Весенняя сказка».

К новым эмигрантам принадлежала и Зинаида Орсич (настоящая фамилия Керша, урожд. Дмитриева), выпустившая книгу детских стихов со своими рисунками (1946) и Мизар (псевдоним), опубликовавший в Мюнхене типографским способом в 1948 г. книгу «Посмеемся».

Николай Юлианович Пушкарский (1897–1992), проживавший в Кемптене на частной квартире, был тоже новым эмигрантом. Он выпустил «Очерки русской истории». Третья часть вышла в 1949 г., а четвертая, посвященная периоду 1894–1920 гг., была приготовлена к печати, но не издана.

Новый эмигрант Леонид Пылаев в Мюнхене в 1947 г. издал две небольшие книги — «Шахматы, дружба, любовь!.. (Новелла)» и «Мой друг. Киноповесть. Литературный сценарий».

Список авторов, выпускавших самостоятельно свои произведения, замыкает Сабик-Вогулов, автор книги «В побежденной Германии», издавший свою книгу в феврале 1947 г. Ни место издания, ни учреждение, давшее разрешение на печатание, не указаны. Предисловие начинается словами: «Я не журналист. Я только офицер Советской Армии, прошедший боевой путь от Сталинграда до Берлина» — и кончается: «Эти непрошенные “благодетели”, эти бесстыдные строители всемирного коммунистического общества поистине ужасны. Трудно сказать, когда уже они досыта напьются человеческой крови. Но какие страны и какие народы у них на очереди — нетрудно догадаться». Вторая книга, «От Сталинграда до Берлина», вышла в начале 1948 г.

Авторы, не имевшие пишущих машинок и ротаторов или не имевшие денег издать собственное произведение типографским способом, вынуждены были договариваться насчет своих книг с издателями, в которых недостатка не было.

Кроме «Посева», следует отметить еще четыре энтээсовских издательства: «Грани» (по названию журнала) в Лимбурге-на-Лане, «Эхо» (по названию газеты) в Регенсбурге, издательство Культурно-просветительного отдела лагеря Фишбек — «Единение» и издательство Художественной школы в Гамбурге — «Родник», два последних — в британской зоне Германии.

Кроме разведческого «У костра» и энтээсовских, к числу общественных издательств принадлежало также издательство общества «Русский Сокол» в Мюнхене-Фельдмохинге, выпустившее в 1950 г. брошюру «Идеология русского сокольства». Издательство ВМС — Высшего монархического совета в Германии выпустило, кажется, только одну брошюру — «Император Николай II (Биографический очерк)», а издательство «Вестника Русской Монархической Мысли» в Регенсбурге выпустило в 1949 г. на ротаторе брошюру «Святая Плащаница Господня» (13 с., 26,5 см.). Отдел печати Российского Общенационального Народно-Державного Движения выпустил каталог марок РОНДД и богато иллюстрированную К. Кузнецовым брошюру «Ледяной поход» (Мюнхен, 1949. 22 с., 27 см.). Издательство дома «Милосердный самарянин», которое находилось не в ди-пи лагере, а в городе Мюнхене, кроме религиозной литературы и учебников, издавало как типографским, так и ротаторным способом книги для широкого круга читателей.

К общественным издательствам принадлежало и издательство калмыцких студентов «Мана зенге», выпускавшее под этим названием газету на русском языке и издавшее книгу Вс.С. Соловьева «Монах поневоле», книгу Дж. Лондона «Рассказы» и другие книги, не относящиеся к калмыцкой теме.

Судя по названию, к общественным издателям следовало бы отнести издательство «Содружество писателей “Свет”» в Шонбахе (Гессен), но мне кажется, что все содружество состояло из одного-единственного автора, имя которого было написано по-немецки: Gr. Al. de — Iwanowsky. Издательство выпустило в 1947 г. книгу «Бессмертие», обещав выпустить и вторую книгу автора — «Благодетели по сю сторону», которая, кажется, так и не вышла. Я думаю, что и «Русское культурное объединение в Висбадене», выпустившее книгу К.И. Чуковского «Мойдодыр», тоже состояло из одного человека. Книгу «иллюстрировал и оформил художник Николай Олин» (он же Ирколин, он же Николай Меньчуков). На второй странице обложки было воззвание: «Русские люди, деятели культуры, искусства и музыки! Правление Р.К.О. приглашает Вас обращаться с запросами и практическими предложениями по адресу: Висбаден...» Там же, в Висбадене, при участии Н. Меньчукова, в издательстве «Дом русской книги» вышла книга «Русские сказки № 1». «Дом русской книги», конечно, был, и в нем, конечно, проживал кто-то из друзей Н. Олина.

Олин-Меньчуков не был художником, но был хорошим карикатуристом. Он издал сборник карикатур. Запомнилась мне одна. Спрашивалось, как зажечь папиросу, не зажигая спички. На рисунке был изображен человек, который держит за шиворот «схидняка» и «захидняка» и, сближая их лбами, закуривает папиросу от искр, которые у них летят из лбов. Во время войны Олин-Меньчуков, кажется, под другой фамилией был автором карик-

катур и «стрипов» в газетах РОА. Помню «стрип», на котором повар-власовец Баланда с черпаком в руках взял в плен американского парашютиста.

В 1949 г. Олин-Меньчуков, оказавшись в ди-пи лагере Шлейсгейм-Фельдмохинг, стал издавать на ротаторе «ДП Сатирикон» с нападками на лагерную администрацию. Одновременно он рисовал плакаты для фильмов, которые в ди-пи лагерях показывал УМСА.

К издательствам, созданным старыми эмигрантами, относится издательство «Огни» Николая Николаевича Чухнова (1897–1978). В Мюнхен-Фреймане в бывших казармах СС в 1946 г. он выпускал также журнал «Огни». В издательстве «Огни» вышли книги авторов: профессора, доктора И. Андреева (настоящие имя и фамилия Иван Михайлович Андреевский или Андриевский; 1894–1976) «Преподобный Серафим Саровский», Наталии Максимовой «Аленький Цветочек: Сказка в стихах» и В.М.П. «Суворов». Книги печатались ротаторным, а обложки типографским способом.

Эмигрант из Югославии Сергей Владимирович Завалишин (? — 1972), родственник В.К. Завалишина, проживая в Шлейсгейме-Фельдмохинге в 1946–1948 гг., имел издательство «Златоуст». В этом издательстве вышла многоцветная на мелованной бумаге «Азбука» для дошкольников, произведения А.С. Пушкина, П.Н. Краснова, М.М. Зощенко и менее известных авторов: Евгения Гагарина, Г. Кремлева, Мих. Варенцова, М. Пожаровой и других, а также переводные книжки не очень высокого качества в серии «Новости иностранной литературы». Ни на одной книге нет разрешения UNRRA.

Другой эмигрант из Югославии, Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский, издававший журнал для молодежи «Явь и быль», одновременно выпускал и книги. По старой традиции, в качестве бесплатного приложения к журналу, была им выпущена в четырех частях книга М.Н. Загоскина «Юрий Милославский». Единственный случай в послевоенные годы. В издательстве «Явь и быль» было выпущено 2-е издание книги «Дроздовцы в огне» А.В. Туркула, книга В.Я. Шишкова «Таежный волк»¹⁵ и другие.

Все издательства религиозной литературы были связаны с Русской Православной Церковью за границей кроме одного, во главе которого стоял протоиерей Николай Веглайс (1907? — 1992), проживавший в 1946 г. в балтийском ди-пи лагере в Амберге, где выпустил «Акафист явлению иконы Пресвятыя Богородицы Тихвинския» с заметкой о прибытии Тихвин-

¹⁵ Книга «Таежный волк» интересна тем, что она вышла в 1948 г., но вместо полагающегося разрешения оккупационных властей имела надпись «Published under Authority of IRO Team 7 — Munich». Думаю, что издатель выпустил книгу, как это делали многие, ни у кого не спрашивая разрешения, и допустил ошибку. UNRRA делилась на команды (Team), в каждом лагере была своя, а на области (Area) делилась другая организация — International Rescue Organization (IRO). Область обычно охватывала десятки беженских лагерей.

ской иконы Божией Матери в Ригу. Переехав в том же, 1946 г. в Герсбрук (Hersbruck) на частную квартиру, он продолжил издательскую деятельность, выпуская в том числе серию «Нотная библиотека». Веглайс не был единственным священником Латвийской юрисдикции, но единственным, издававшим литературу «По благословиению Преосвященного Иоанна, Епископа Рижского». Эти книги, как и большинство религиозной литературы, издавались по старому правописанию.

Из прочих издательств, как пример несоответствия названию, можно упомянуть мюнхенское издательство «Родина», выпускавшее книги, не имевшие ничего общего с родиной. Мне известны книги этого издательства, напечатанные типографским способом: «Песенки Вертинского» (б.г., но с одобрения UNRRA Team 108), в котором только первые одиннадцать принадлежали А.Н. Вертинскому, а девять других были почему-то названы «Из репертуара Лещенко». Это же издательство выпустило в 1947 г. книгу «Маленькая мисс Маркер» американского автора Д. Реньяна (Damen Runyon), Нэль Дофф «Женщина с улицы» и «Властелин мира» А.Р. Беляева. Об издательстве «Новости», выпускавшем книги без указания места издательства, известно, что оно было в Мюнхене и принадлежало Н.Н. Фагину.

Одни издательства выпускали две-три книги, другие больше, но не много. Большинство же книг издавалось совсем анонимно, иногда с указанием места издания, иногда только года издания, а иногда без каких-либо указаний. Как правило, названия типографий не указывалось. Немецкие типографии, печатавшие русские книги до денежной реформы, как правило, печатали их не на той бумаге, которая им отпускалась по твердым ценам, а на приобретенной на черном рынке. Это было выгодно и типографам, и издателям. Денежная реформа положила конец книжному буму. После реформы за печатание книг надо было платить новыми марками, а их у ди-пи оказалось очень мало. Некоторые книги печатались без указания года потому, что выпускались во время так называемого издательского моратория с ноября 1946 г. до мая 1947 г. и нужно было скрыть время издания.

М.Н. Тарасова

Из истории издательского дела Николая Парамонова в эмиграции: книги и открытки для лагерей ди-пи

Аннотация: Статья посвящена издательской деятельности Н.Е. Парамонова для лагерей ди-пи, который в числе многих других издательств поддерживал соотечественников, волею судеб оказавшихся вне привычного языкового и культурного пространства.
Annotation: The article is devoted to the publishing activity of N.E. Paramonov for DP camps, who was among many other publishing houses supported compatriots, by the will of fate found themselves outside the usual linguistic and cultural space.

Ключевые слова: Н.Е. Парамонов, издательство, перемещенное лицо, эмиграция, типография, Лоренц Элвангер.
Key words: N.E. Paramonov, publishing house, Displaced Person, emigration, printing house, Lorenz Ellwanger.

Личность Николая Елпидифоровича Парамонова — крупного русского (донского) издателя, предпринимателя, общественного и политического деятеля — весьма интересна, хотя в целом довольно типично отражает жизненный путь многих представителей южно-российской демократической интеллигенции. Н.Е. Парамонов принадлежал к новому поколению российских предпринимателей, которые стремились определить не только свою судьбу, но и судьбу страны.

Многочисленная казачья семья Парамоновых была выходцами из станицы Нижне-Чирской II Донского округа Области войска Донского, расположенной на правом берегу р. Дон, при устье реки Чир¹. Еще в 1672 г. недалеко от «городка Нижнего Чира» была основана Чирская пустынь — первое поселение старообрядцев на Дону. Старообрядческие корни крупнейшего предпринимательского клана старого Ростова объясняют многие специфические черты накопления, развития и функционирования их личного капитала, в равной степени вложенного как в развитие производств, так и на благотворительные цели и меценатство.

¹ Ныне пос. Нижний Чир Суrowsикинского района Волгоградской области. Первое известное упоминание о городке Чир относится к 1593 г. К концу XIX в. в Нижне-Чирской станице и ее 33 хуторах было 3216 дворов. В этих дворах проживали 10 226 лиц мужского и 10 366 лиц женского пола. Нижне-Чирская станица имела статус окружной. В ней находились все окружные органы военного и гражданского управления, судебные и правоохранные органы, казначейство, нотариат, почтово-телеграфная контора, окружные учреждения здравоохранения, образования, различные общественные организации. В станице имелось выборное правление, которое возглавлял станичный атаман.

Вообще Парамоновы были удивительно талантливыми коммерсантами. Ларион и Трофим Ивановичи Парамоновы (представители одной из ветвей этой фамилии) — торговые казаки, члены Общества донских торговых казаков с 1817 г. (Ларион) и 1829 г. (Трофим). Елпидифор Трофимович Парамонов начинал с перепродажи зерна, а перебравшись в 1881 г. в Ростов-на-Дону, построил громадную «империю», заключающую в себе множество направлений коммерческой деятельности. Председательствовал в Комитете донских гирл, возглавлял Биржевой комитет, был председателем ростовского Комитета торговли и мануфактур. В 1908 г. был награжден золотой медалью «За усердие».

Сыновья продолжили дело отца, основав в 1911 г. Товарищество на паях «Елпидифора Трофимовича Парамонова сыновья», в котором старший сын, Петр, выпускник коммерческого училища, возглавил правление.

Младший сын, Николай, оставив в прошлом своё увлечение книгоиздательским делом² и политикой³, посвятил себя новому делу. Упорством и трудолюбием за 4 года ему удалось построить и оснастить по последнему слову техники рудник «Елпидифор» — самый глубокий в Донецком угольном бассейне. На руднике действовала своя электростанция, мощнейший подъемник на электротяге для спуска и подъема в шахту рабочих, электронасосы для откачки воды. В 1912 г. в забой были спущены английские врубовые машины. Рядом с рудником был построен подковный завод, который обеспечивал подковами и ухналями все Грушевские рудники, где еще использовали лошадей в качестве тягловой силы. Завод имел также подряд от войска Донского на поставку своей продукции.

Построенные им, в дополнение к подковному, кирпичный завод, брикетная фабрика и химзавод работали на нужды армии в Первую мировую

² Издательство «Донская Речь» было основано Н.Е. Парамоновым в Ростове-на-Дону в январе 1903 г. Особая активность издательства «Донская Речь» пришлась на годы Первой русской революции (1905–1907). В своей деятельности книгоиздатель Парамонов сочетал просветительские и пропагандистские цели. Первый в России историко-революционный журнал «Былое» также издавался Парамоновым, хотя гриф издательства «Донская Речь» на нем не значился. Гриф издательства «Донская Речь» стоял на выпусках «Русской исторической библиотеки» — первой в России легальной серии публикаций и материалов по истории революционного движения. Серия издавалась и финансировалась Парамоновым одновременно с журналом «Былое». Довольно быстро парамоновское предприятие вышло на первое место среди провинциальных издательств, а имя Н.Е. Парамонова стояло в одном ряду с И.Д. Сытиным, Ф.Ф. Павленковым, А.Ф. Смирдиным, П.П. Сойкиным и братьями М.В. и С.В. Сабашниковыми. Подробнее см.: *Кошеверова С.В., Тарасова М.Н.* Каталог издательства «Донская Речь» Н.Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. 2-е изд., испр. и доп. / Науч. ред. Н.В. Самарина. Ростов н/Д, 2006. 332 с.; 42 с. ил.

³ В Государственном архиве Ростовской области сохранились документы (секретная переписка Донского областного жандармского управления и Донского охранного отделения) о связях Н.Е. Парамонова с революционными кругами. Подробнее см.: *Краковский К.П.* Кадеты и имперский суд (на примере процесса «Донское охранное отделение в. Парамонов») // Уч. зап. юр. ф-та Южного федерального ун-та. Ростов-н/Д, 2007. Вып. 6. С. 236–245.

войну. Накануне войны в пос. Несветай (ныне — г. Новошахтинск) он заложил пять крупных шахт, что впоследствии сделало этот район центром добычи антрацита.

Как и отец, Николай заботился о рабочих: на руднике была высокая зарплата, обеспечен надежный уровень безопасности работ, в поселке при шахте работала школа, магазин и бесплатная столовая на 400 мест, открыт синематограф, действовало общество трезвости, существовала касса взаимопомощи. После расширения производства появился водопровод, баня и библиотека. Дома, построенные для работников шахт при Н. Парамонове, существуют и до настоящего времени. Критерий разумности и пользы был основным в его действиях.

Во время Первой мировой войны Парамоновы пожертвовали на дело обороны около 1 миллиона рублей, а Николай Елпидифорович возглавил Донской областной военно-промышленный комитет⁴.

К 1917 г. братья Парамоновы владели пароходством (три морских парохода, 23 — речных и 105 буксирных барж); мельницей, которая вырабатывала около 600 тонн суточного помола; рудниками, выпускавшими десятки тысяч вагонов антрацита. Основной капитал доходил до 20 миллионов рублей.

После октября 1917 г. на Дону образовался очаг сопротивления большевикам. Под штаб Добровольческой армии генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина Николай Парамонов предоставил свой новый дом, особняк на улице Пушкинской⁵, построенный для семьи в 1914 г. архитектором Л.Ф. Эбергом. В феврале 1918 г. со ступеней парамоновского особняка начался легендарный «Ледяной поход» генерала Л.Г. Корнилова.

При большевиках, занявших Ростов-на-Дону в феврале 1918 г., Николаю Парамонову пришлось скрываться. На некоторое время он уезжает в Москву, а по возвращении из столицы живет у родственников в Новочеркасске. В 1919 г. кандидатура Н.Е. Парамонова рассматривалась на пост управляющего отделом пропаганды Вооруженных сил Юга России. Известные трения между командующим А.И. Деникиным и атаманом Всеволодого Войска Донского П.Н. Красновым сказались и на отношении последнего к Н.Е. Парамонову. В своих воспоминаниях Краснов крайне нелестно отзывался о заслугах и деятельности книгоиздателя и просветителя. Из письма Краснова генералу Деникину: «На севере нас побеждает не сила оружия противника, но сила его злостной пропаганды, причем в этой последней принимали участие и агенты генерала Семилетова (разложение Вешенской, Казан-

⁴ См.: Будницкий О.В. Николай Елпидифорович Парамонов: «Рано или поздно правда и добро восторжествуют...» // Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 826.

⁵ В настоящее время в б. особняке Н.Е. Парамонова находится главный корпус Зональной научной библиотеки Южного федерального университета.

ской и Мигулинской станиц). Вот почему меня очень удивило, что один из деятельных работников по организации пропаганды против меня, Н.Е. Парамонов, назначается вами управляющим отделом российской пропаганды. Свои соображения по этому поводу я высказал в письме А.М. Драгомирову, в копии при сем прилагаемом». Относительно устройства отдела пропаганды и назначения его начальником Парамонова атаман Краснов писал генералу Драгомирову: «Всем известно, что деятельности и капиталам Н.Е. Парамонова обязано русское общество и русская армия своим разложением в 1905 и 1917 году. Это его книгоиздательство “Донская Речь” выпустило те миллионы социальных брошюр, которые влились в русский народ и привили ему яд бунта и большевизма. Социал-демократ по убеждениям, капиталист, а последнее время и крупный спекулянт, Н.Е. Парамонов все восемь месяцев моего управления войском Донским шел против меня. Это на его деньги велась сильная агитация на Большом Войсковом Кругу против меня. Это на его деньги содержится и формируется генералом Семилетовым отряд политического, а не боевого назначения, это на его деньги ведется и сейчас пропаганда против меня в войсках донского фронта. Не характерно ли то, что на этих днях взбунтовались четыре полка, все имеющие своими депутатами на кругу или самого Н.Е. Парамонова, или его ставленников? Если командование Добровольческой армии желает непременно устранить меня с моего тяжелого поста, не проще ли и честнее ли прямо мне сказать, чтобы я ушел, нежели валить меня путем пропаганды, потому что этим путем вы и меня свалите, но и Дон не устоит»⁶.

Несмотря на сопротивление П.Н. Краснова, Н.Е. Парамонов стал управляющим отделом пропаганды. Вечером 19 января 1919 г. состоялась встреча В.А. Амфитеатрова (Кадашева), получившего должность управляющего кинематографическим отделением отдела пропаганды, с Н.Е. Парамоновым: «Он оставил у меня самое приятное впечатление — энергичен, деловит, не любит даром тратить слов. План его строить отдел как коммерческое предприятие, а не как бюрократическое учреждение, вполне правилен»⁷. Генерал Деникин принял свое решение после совета с председателем войскового круга В.А. Харламовым и некоторыми членами войскового круга, хорошо знавшими Н. Парамонова.

Исторический ход событий подтвердил пророческие слова атамана П.Н. Краснова о том, что Дон не устоит под натиском большевизма, и одной из причин неудач Белой армии можно считать несогласованность действий разрозненных антибольшевистских сил на юге России. Надвигавшаяся ка-

⁶ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело: Дон и добровольческая армия: Избр. произв.: в 16 кн. / Сост., коммент. С.В. Карпенко. М., 1992. Кн. 3. С. 176–178.

⁷ Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 566.

тастрофа была неотвратимой. Единственным путем спасения в той ситуации была эмиграция.

Парамоновы покинули Ростов-на-Дону 19 декабря 1919 г. С отечеством семья Парамоновых простилась в феврале 1920 г., отправившись в Константинополь. Имея в своем распоряжении один из собственных морских пароходов «Принцип», пришедший в Константинополь из Новороссийска, Парамонов некоторое время занимался перевозкой грузов между портами Черного моря, ходил в Батум и Потти за товарами.

В 1921 г. Н.Е. Парамонов с сыновьями переехал в Берлин, надеясь получить обратно задаток, оставленный за рудничное оборудование для шахт, заказанное ещё до войны, но по известным причинам недоставленное⁸. Жена с дочерью временно оставались в Константинополе. Семья воссоединилась лишь через год.

Известно, что с октября 1922 г. Н.Е. Парамонов сотрудничал с русским книгоиздательством «Слово», существовавшим в Берлине с 1920 по 1925 г. Немецкий ученый Г. Кратц, исследуя русские издательства в Берлине, отмечает существенные перемены в структуре «Слова» и связанным с ним книготорговым акционерным обществом «Логос» с приходом в него Н.Е. Парамонова: «Последовал краткий период взлета деятельности “Слова”, усиливаются попытки экспорта книг... Ответственным редактором некоторых изданий был сам Н. Парамонов»⁹. Он был соредактором «Архива русской революции» — журнала в традициях «Былого», редактором исторических монографий генерала Ю.Н. Данилова «Россия в мировой войне» (1924) и судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова «Убийство царской семьи» (1925). Сохранившиеся отзывы Н.Е. Парамонова на рукописи, поступавшие в издательство «Слово», говорят о том, что «он был опытным редактором, знающим, как говорить со своими авторами»¹⁰. В 1925 г. Парамонов уходит из «Логоса» и книгоиздательства «Слово».

Имея многочисленные связи, Н.Е. Парамонов вел разноплановые коммерческие дела: приобрел квартирные дома, сделав их «доходными», памятуя о том, что в своё время в Ростове-на-Дону строительство арендного жилья было очень популярно и приносило стабильную прибыль); основал предприятие по строительству гаражей и авторемонтную мастерскую. Дело вел самостоятельно, без компаньонов.

⁸ Е.Н. Парамонов — отдел редких изданий, 15 мая 1993 г. // ЗНБ ЮФУ. ОРИ. Документально-фотографический фонд. Папка «Переписка: Е.Н. Парамонов, Н.А. Федоровская, Д.В. Константинов».

⁹ Кратц Г. Н.Е. Парамонов и книгоиздательство «Слово» в Берлине // Библиотечное дело—2003: гуманитарные и технологические аспекты развития: Материалы Восьмой междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 апр. 2003 г.). М., 2003. С. 197.

¹⁰ Там же.

Как пишет историк О.В. Будницкий, «приход к власти нацистов в 1933 году поначалу никак не отразился на жизни Парамоновых. Николая Елпидифоровича вызвали в гестапо на “беседу”, интересовались настроениями, отношением к большевизму и почему-то к украинскому вопросу. Претензий не оказалось. Сложнее было с ... сыном, Елпидифором. Он заканчивал университет и обнаружил недюжинные способности в инженерном деле. Ему предложили остаться при кафедре, писать диссертацию, чтобы стать впоследствии профессором. Однако в этом случае надо было принимать гражданство, что, соответственно, могло привести к службе в вермахте. И он отказался от перспективной карьеры. Научный склад ума, тяга к исследовательской работе позволили ему впоследствии, уже в США, запатентовать десятки изобретений»¹¹.

В 1943 г. Н.Е. Парамонов переехал в Карлсбад (ныне — Карловы Вары) по рекомендации врачей. Незадолго до окончания Второй мировой войны в Карлсбад перебрались сыновья Н.Е. Парамонова — Елпидифор и Николай — и дочь Анна. Елпидифор, младший сын Н.Е. Парамонова, к тому времени был уже женат и имел двух дочерей, он переехал к отцу со всем своим семейством. После войны союзники разделили огромную территорию Германии на оккупационные зоны. Семья Парамоновых оказалась в советской зоне оккупации и вынуждена была скрываться. Нет сомнения в том, что, попадись семья Парамонова в руки советского командования, ее ждала бы та же участь, что и атамана П.Н. Краснова. Ведь еще в 1928 г. Н.Е. Парамонов был объявлен советской юстицией вдохновителем «инженеров-вредителей», осужденных по «Шахтинскому делу»¹². Со временем семье Н.Е. Парамонова удалось перебраться в американскую оккупационную зону и поселиться в Байройте (Бавария).

В 1946 г. Николай Парамонов вновь вернулся к издательской деятельности. Он начал издавать «книжки для народа». Это были издания, предназначенные для десятков тысяч соотечественников, оказавшихся в лагерях для перемещенных лиц (ди-пи). Период ди-пи — это время с мая 1945 по декабрь 1951 г., когда в лагерях стран — победительниц нацистской Германии: Великобритании, США и Франции — находились люди из России / СССР разных национальностей, по тем или иным причинам оказавшиеся на территории Третьего рейха: Австрии и Германии, а также в странах гитлеровской коалиции.

В истории русской эмиграции период ди-пи занимает особое место. Это был период «расцвета церковной, школьной, общественной жизни, литературно-художественной и издательской деятельности»¹³. Выходцы из России

¹¹ Будницкий О.В. «Досье» на Парамонова. От Ростова до Лос-Анджелеса // Иностранец. 2002. № 8. 5 марта.

¹² О процесс см. подробнее: Шахтинский процесс 1928 г.: Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / Отв. ред. С.А. Красильников. М., 2011. Кн. 1. 976 с.; 2012. Кн. 2. 1088 с.

¹³ Полчанинов Р.В. Открытки русских Ди-Пи. 1945–1951 гг. // Зарубежная летопись изобразительного искусства. 2001. № 7. Май; он же. Н.Е. Парамонов и его открытки // Жук. 2004. № 2. Июнь. С. 13.

за короткий период жизни в лагерях союзников вписали яркую страницу в культуру России вне России. Голод на русскую книгу был велик, несмотря на множество ограничений, наложенных оккупационными властями. Книжное дело для многих было одним из способов заработка. В большинстве случаев книги печатались на ротаторе, на очень плохой бумаге (хорошей просто не было). Цены на них были самые разные, а конкуренция между издательствами, которых было больше двадцати, возрастала. Сегодня книги «дипийских» издательств — большая редкость. Литературная значимость этих изданий невелика, поскольку переиздавались книги, хорошо известные нашим соотечественникам. Все эти книги несут в себе библиографическую (библиофильскую) ценность. Важным становится когда, где, кем и в каком количестве они были выпущены. Тиражи «дипийских» изданий были очень маленькими: изданные на mimeографе — от 100 до 500 экз.; в типографии — не более 1000 экз.¹⁴

Н.Е. Парамонов наладил кустарное книгоиздательство, приносящее небольшую прибыль, несмотря на то что издания были недорогими. Издательская деятельность помогла поправить семейные дела. После частичной потери имущества многочисленная семья Парамоновых испытывала нужду. Много было утрачено при пожаре, часть имущества осталась в Восточной Германии. Средства для существования приходилось зарабатывать кропотливым издательским трудом.

Книги, изданные Н. Парамоновым в Байройте, внешне удивительно напоминали его издания 1903–1907 гг. В основном это была русская классика — А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Крылов, Н.В. Гоголь, А.И. Куприн и т.д.

В письме от 17 июля 2003 г. сын Н.Е. Парамонова Елпидифор Николаевич сообщает ценные сведения об издательской деятельности своего отца в эмиграции. Приводим это письмо с небольшими сокращениями: «Мы были в лагере в Байройте с лета 1945 до 1949 г.: я, жена и обе дочери. Байройт находился в американской зоне оккупации... Мои отец и мать не входили в категорию “ДП” и жили на частной квартире. Руководство лагерей... участия в издательской деятельности Н. Парамонова не принимало. В отношении выбора книг отец часто совещался со своими знакомыми, жившими в лагерях. Я помогал отцу как переводчик. Он не владел немецким достаточно для переговоров. На меня легло приобретение русского шрифта, поскольку Элвангер такового не имел. Надо уточнить, что потребовалась моя поездка во Франкфурт-на-Майне и что шрифт был вполне законно куплен через фирму Элвангера. Везти шрифт из Франкфурта-на-Майне в Байройт с собой на поезде было рискованно, и он пошел почтой...

Отец лично знал самого Элвангера, владельца и руководителя издательства и типографии. Я был переводчиком при всех переговорах. Книги

¹⁴ См.: *Полчанинов Р.В.* Заметки коллекционера. London (Ontario), 1988. С. 233.

продавались в лагерных магазинах и лавочках. В немецкие магазины не шли. На адрес Элвангера понемногу стали приходиться заказы из далеких лагерей других зон оккупации. Тиражей я не помню. Знаю, что он понемногу повышался.

До войны отец принимал участие: в начале 20-х годов в Берлине: издательство “Логос” Гессена, выпускавшее “Архив русской революции”. Позже, конец 20-х — начало 30-х годов, тоже в Берлине: издательство “Медный всадник”¹⁵, печатавшее романы генерала П. Краснова»¹⁶.

Предприятие Н.Е. Парамонова называлось «Книжный магазин русской и иностранной литературы» и располагалось по адресу: Байройт, Гумбольд-штрассе, д. 3.

Книги выпускались на русском языке, выходные данные — на русском, английском и немецком. На титульном листе приводятся следующие данные: автор, заглавие и место издания на русском языке; типография, в которой печатались книги Н.Е. Парамонова, на немецком языке (Druck: Lorenz Ellwanger, Bayreuth) (нем.: типография Лоренца Элвангера в Байройте).

Большая часть книг Н.Е. Парамонова, выпускавшихся в дореволюционное время издательством «Донская Речь», имела цензурное разрешение. Мало что изменилось в его новом издательском предприятии. На всех байройтских изданиях стоит следующая запись: Approved by U.N.R.R.A., где U.N.R.R.A. — сокращение от United Nations Relief and Rehabilitation Administration (Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций).

Почти все издания имели номер UNRRA. За лагерем ди-пи в Байройте был закреплен № 186. Однако на книге А.П. Чехова «Брожение умов» стоит — Team 168, а на издании «Басен» И.А. Крылова — Team 189. Нам думается, что это типографские опечатки, так как и 168, и 189 легко трансформируется в 186. На некоторых книгах отсутствует одобрение администрации, как, например, на изданиях «Казачьи» Л.Н. Толстого и «Дневник графа Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии». Объяснение этому мы находим

¹⁵ Издательством «Медный всадник» руководил поэт-символист Сергей Алексеевич Соколов (литературный псевдоним: Сергей Кречетов; 1878–1936). В годы Первой мировой войны Соколов пошел на фронт добровольцем. В конце 1918 г. оказался в Ростове-на-Дону. С весны 1919 г. по март 1920 г. Соколов служил в отделе пропаганды ВСЮР, где заведовал литературно-политическим пресс-бюро. Скорее всего, в этот период и произошло знакомство Н.Е. Парамонова с Соколовым, отношения они поддерживали и в эмиграции. Генерал П.Н. Врангель в «Медном всаднике» издал свои «Записки» в 1925 г. При участии П.Н. Врангеля, герцога Г.Н. Лейхтенбергского и кн. А.П. Ливена в издательстве публиковались сборники воспоминаний в серии «Белое дело». Издательскую деятельность на первых порах финансировали герцог Лейхтенбергский и Н.Е. Парамонов. Подробнее см.: *Будничкии О.В.* Братство Русской Правды — последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // НЛО. 2003. № 64. С. 114–143.

¹⁶ Е.Н. Парамонов — отдел редких изданий, 17 июля 2003 г. // ЗНБ ЮФУ. ОРИ. Документально-фотографический фонд. Папка «Переписка: Е.Н. Парамонов, Н.А. Федоровская, Д.В. Константинов».

у Р.В. Полчанинова: «Некоторые издатели печатали свои книги, не спрашивая разрешения властей, и поэтому не указывали ни адреса, ни года издания»¹⁷.

Цена на книги, выпускаемые Н. Парамоновым, была стабильной, от 6 до 8 немецких марок¹⁸. Русскому читателю предлагались доброкачественные книги по низким ценам. «Чтобы спекулянты не продавали книги выше назначенной цены, Н. Парамонов... указывал продажную цену на своих книгах»¹⁹. Некоторые свои издания Николай Елпидифорович рекомендовал как «пособие к изучению образцов русской литературы», о чем сообщается на самих книгах (А.П. Чехов «Брожение умов», А.И. Куприн «Олеся» и др.). Это объясняется тем, что в лагерях ди-пи находилось большое количество детей разных возрастов, которых необходимо было приобщать к русской культуре.

Известно, что Николаем Парамоновым в течение 1946–1947 гг. было выпущено 16 книг и четыре комплекта открыток (16 видов: портреты, видовые открытки, иллюстрации к сказке А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», а также набор, выпущенный к Пасхе в 1947 г.)²⁰.

Приступив к издательской деятельности, Н.Е. Парамонов, по свидетельству участника тех событий Р.В. Полчанинова, обратился в НТС с просьбой помочь распространению своих изданий: «Работая в то время в “Посеве”, я видел это письмо и знаю, что представители “Посева” в разных “ди-пи” лагерях распространяли одновременно и книги Н. Парамонова»²¹. Выход изданий Н.Е. Парамонова вызывал неоднозначный общественный резонанс и в среде русских эмигрантов, и в администрации лагерей ди-пи. Издательство начало свою деятельность с выпуска открытки с изображением иконы Николая Угодника. Однако весь тираж вскоре был конфискован американской администрацией, посчитавшей недопустимой религиозную пропаганду. За издание «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя Парамонов удостоился похвалы. После выхода «Запечатленного ангела» Н.С. Лескова с анонимным предисловием разгорелась целая литературная дискуссия на страницах газеты «Эхо» (Регенсбург). С новой силой она возобновилась, когда стало известно, что автором вступительной статьи был священник Д.В. Константинов²²,

¹⁷ Полчанинов Р.В. Заметки коллекционера. С. 237.

¹⁸ Для сравнения приведем лишь один пример из вышеуказанной книги Р.В. Полчанинова: «на “черном рынке”... пачка американских сигарет в Баварии стоила 100 марок, а севернее... еще больше — 150» (Там же. С. 236).

¹⁹ Полчанинов Р.В. Н.Е. Парамонов и его открытки. С. 15.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Там же.

²² Константинов Дмитрий Васильевич (1908–2006) — протоиерей. Выпускник Ленинградского института книговедения, аспирант профессора А.Г. Фомина, автор (совместно с Г.Г. Гилью) капитального труда «Оформление советской книги» (М.; Л., 1939). С 1946 г. главный священник православной церкви в Байройте. В середине 1940-х гг. непродолжительное время помогал Н.Е. Парамонову в издании книг для лагерей ди-пи. Был женат на дочери Парамонова, Анне.

считавший, что многие читатели «недооценили и не знали Лескова во всей духовной красоте его многочисленных произведений»²³.

Неизвестно, сколь долго бы издавал Н.Е. Парамонов книги в Байройте, если бы не пошатнувшееся здоровье. Прогрессирующая болезнь сердца вынудила 74-летнего Николая Парамонова отказаться от издательской деятельности. Летом 1951 г. его состояние значительно ухудшилось. Он умер в больнице 21 июня 1951 г.

Сотрудники отдела редких изданий Зональной научной библиотеки Южного федерального университета (ЗНБ ЮФУ) долгое время работали над составлением каталога изданий «Донской Речи», который повлек за собой поиски сведений о жизни Н.Е. Парамонова и его потомков в эмиграции. Мы преследовали лишь одну цель — восстановить связь времен и поколений, утраченную в революционных потрясениях XX в.

Одним из первых, кто сообщил нам новые интересные сведения о жизни Парамоновых в эмиграции, был директор университетской библиотеки г. Байройта Райнер Мария Киль. По странному стечению обстоятельств, его теща лично знала Н.Е. Парамонова, а в городском архиве Байройта сохранились некоторые сведения о семье Парамоновых. Кроме того, Р.-М. Киль установил, где покоится прах Николая Елпидифоровича, и выслал нам фотографии его могилы и других членов семьи.

Новый этап в нашей исследовательской работе начался с переписки с немецким ученым Готтфридом Кратцем. В своем первом письме он написал: «Предисловие ваше мне было тем интереснее, что я в свое время занимался исследованием русских издательств 20–30-х гг. в Берлине. Сейчас я собираю материалы для статьи, посвященной Берлинскому издательству “Слово”, в работе которого Николай Елпидифорович принимал деятельное участие». Так завязалась переписка. Вскоре Г. Кратц опубликовал рецензию на первое издание «Каталога...»²⁴ (1999 г.) в журнале «Библиография»²⁵. В ней были помещены две ранее не публиковавшиеся фотографии и упоминались два ценных документа: некролог на кончину Н.Е. Парамонова, напечатанный в газете «Новое слово» В.А. Харламовым²⁶, и письмо Д.В. Константинова Р.В. Полчанинову от 7 июня 1988 г.²⁷, где приводился список из 16 книг, напечатанных Н.Е. Парамоновым в Байройте. Именно Г. Кратц со-

²³ Константинов Д.В. Через туннель XX-го столетия / Под ред. А.В. Попова, В.С. Карпова. М., 1997. С. 372 (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 3).

²⁴ См.: Кошеверова С.В., Тарасова М.Н., Бондарева Т.В. Каталог издательства «Донская Речь» Н.Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. Ростов н/Д, 1999. 218 с.; 7 с. ил.

²⁵ См.: Кратц Г. Издательское дело Н.Е. Парамонова // Библиография. 2003. № 3. С. 115–120.

²⁶ См.: Харламов В.А. Памяти большого человека // Новое слово (Buenos Aires). 1951. 12 июля. С. 3–4 (вырезка хранится в: ГАРФ. Ф. 10037. Оп. 1. Д. 225. Л. 3).

²⁷ См.: Д.В. Константинов — Р.В. Полчанинову, 7 июня 1988 г. // ГАРФ. Ф. 10037. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.

общил нам о том, что Д.В. Константинов имеет прямое отношение к семье Парамоновых.

В уже упоминавшемся письме 7 июня 1988 г. Д.В. Константинов писал Р.В. Полчанинову, что «в Байройте после войны, в сороковых годах было открыто небольшое издательство Николая Елпидифоровича Парамонова. Оно выпускало открытки и книжки. Открыток у меня нет, и я их не помню, а книжки в большинстве сохранились. Ниже печатаю список... Очевидно, после нашей смерти эти книги попадут на свалку. Поэтому, если кто-либо интересуется ими и хочет их сохранить в тех или иных научных целях, то мы охотно их отдадим... Я женат на дочери Н.Е. Парамонова, и у меня остались самые лучшие воспоминания о моем покойном тесте».

Сотрудникам отдела редких изданий ЗНБ ЮФУ удалось связаться с о. Д.В. Константиновым в середине 2003 г., к тому времени ему было уже 95 лет. Из переписки с ним выяснилось, что «издательство не имело возможности широко развить свою деятельность и поэтому находилось непосредственно у него на квартире»²⁸. Д.В. Константинов поделился с нами почтовым адресом Р.В. Полчанинова, с которым с января 2004 г. и по настоящее время мы находимся в постоянной переписке.

Понимая ценность личной коллекции Р.В. Полчанинова, мы обратились к нему с просьбой выслать в библиотеку копии обложек и титульных листов всех парамоновских изданий, совершенно не претендуя на оригиналы. В апреле 2004 г. произошло не предполагаемое событие: Полчанинов щедро поделился с нами частью своего уникального собрания изданий для лагерей ди-пи, выслав на адрес библиотеки книги и открытки, изданные Н.Е. Парамоновым в Байройте. Случилось чудо, о котором мы могли только мечтать. Лучше, чем написал об этом событии сам Р.В. Полчанинов, не скажешь: «Рад, что книги Парамонова будут храниться в его доме и что он не забыт. Я Бога благодарю, что дожил до дня, когда можно вернуть все собранное на Родину»²⁹.

Наступило время, когда представители русской эмиграции получают признание и адекватное освещение своей деятельности на Родине. Так случилось и с Н.Е. Парамоновым. Его жизненный путь сам по себе достоин того, чтобы у исследователей любого масштаба возникло желание с ним познакомиться. Николай Елпидифорович Парамонов может быть интересен как политический и общественный деятель, как создатель одного из крупнейших провинциальных издательств, как предприниматель, как достойный представитель русской эмиграции.

²⁸ Д.В. Константинов — М.Н. Тарасовой, 9 ноября 2003 г. // ЗНБ ЮФУ. ОРИ. Документально-фотографический фонд. Папка «Переписка: Е.Н. Парамонов, Н.А. Федоровская, Д.В. Константинов».

²⁹ Р.В. Полчанинов — М.Н. Тарасовой, 30 июня 2004 г. // Там же.

Н.Е. Парамонов по праву занимает достойное место в истории России, Донского края, а также в истории русской эмиграции.

* * *

Ниже мы приводим полный список книг и открыток, которые в настоящее время хранятся в отделе редких изданий Зональной научной библиотеки Южного федерального университета³⁰.

Книги, изданные Н.Е.Парамоновым в Байройте

1. Андерсен Г.-Х. Сказки: [С рис. художника В.Костюшко]. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, [1948]. 72 с.
Из содерж.: Мать; Кое-что; Девочка с серыми спичками; Старый дом; Она никуда не годилась; Маргаритка; Дюймовочка; Гадкий утенок.
2. Гаршин В.М. Четыре дня. Воспоминание рядового Иванова. Сигнал. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 88 с.
3. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близь Диканьки. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, 1946. Кн. I: Сорочинская ярмарка. Майская ночь. 50 с.
4. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 104 с. Цена 8 марок. Обл. худ. Л. Костюшко.
Из содерж.: Иллюстрация картины И.Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»; «Письмо Турецкого Султана» и ответ запорожских казаков.
5. Крылов И.А. Басни. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, 1946. 52 с.
6. Крылов И.А. Басни. 2-е изд. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 52 с.: ил.
7. Куприн А.И. Гранатовый браслет. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 62 с. (Пособие при изучении образцов новой русской литературы).
На кн. штемпель: «У.М.С.А.».
8. Куприн А.И. Олеся. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 68 с. (Пособие при изучении образцов русской литературы). Цена 6 марок.
9. Лермонтов М.Ю. Избранные стихотворения. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 32 с., портр. М.Ю. Лермонтова.
10. Лермонтов М.Ю. Песня о царе Иване Васильевиче, молодом опричнике и удалом купце Калашникове. Герой нашего времени. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, 1946. 56 с.
11. Лесков Н.С. Запечатленный ангел / Предисл. [Д.В. Константинова]. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 60 с. (Пособие при изучении образцов русской литературы). Цена 6 марок.
На кн. штемпельный отт.: «Russian Gymnasium of Greek-Orthodox Community in Passau — Russisches Gymnasium der Griechisch-orthodoxen Gemeinde in Passau».

³⁰ По столичным книгохранилищам список «дипийских» изданий опубликован (см.: Издательская деятельность «дипийцев» / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова, П.Н. Базанов; предисл. П.Н. Базанова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2006. № 1. С. 162–175).

12. Пушкин А.С. Руслан и Людмила: С 8-мью иллюстрациями Е.Н. Орловой. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 96 с.
На кн. владельческий знак в виде штемпеля: «Ex Collectio R.V. Polchaninov».
13. Пушкин А.С. Сказки / Вступ. ст. Б.Н. Плаксина. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, 1946. 72 с.
Из содерж.: Сказка о рыбаке и рыбке; Сказка о золотом петушке; Сказка о мертвой царевне и семи богатырях; Сказка о царе Салтане, о сыне его славном могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди.
14. Сахаров Б. Две сказки: Дед Кудлат и трое чертенят. Мал Никита и корыто: С рис. автора. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 36 с.
15. Толстой Л.Н. Казаки: Рассказ из кавказской жизни. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, 1947. 128 с.
16. Тургенев И.С. Записки охотника = Aufzeichnungen eines Jagers. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. Кн. I (=Buch I). 80 с. Обл. худ. Абрамова.
Из содерж.: Хорь и Калиныч; Бежин луг; Малиновая вода; Певцы; Живые мощи; Стучит; Лес и степь.
17. Чехов А.П. Брожение умов: (из летописи одного города). Пьесы: Медведь. Предложение. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 84 с. (Пособие к изучению образцов русской литературы).
18. Чиано. Дневник графа Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии / С предисл. к сокр. америк. изд. Байройт: тип. Lorenz Ellwanger, б.г. 64 с.
На кн. штамп: «YMCA-YWCA Passau».

Открытки, изданные Н.Е. Парамоновым в Байройте³¹

1. Новочеркасск — Пам[ятник] Я.П.Бакланову. 14,7x10,5 см.
2. С[ан]кт-Петербург — Пам[ятник] Николаю I. 15,5x10 см.
3. Петергоф — Фонтаны. 10x15,5 см³².
4. [Бем Е.М.]. Целуй в уста, теперь нет поста!³³ 15,3x10,5 см.
5. [Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке].
Пришел невод с одной рыбкой,
Не с простою рыбкой, золотой.
Рисунок [Ивана Яковлевича] Билибина. 14,7x10,8 см.
6. А землянки нет уж и следа:
Перед ним изба со светелкой...
Рисунок [Ивана Яковлевича] Билибина. 14,7x10,8 см³⁴.

³¹ В 1946–1947 гг. Н.Е. Парамонов выпустил в издательстве «Ellwanger» 16 открыток. Подробнее см.: *Полчанинов Р.В.* Н.Е. Парамонов и его открытки. С. 15–16.

³² Открытки № 1–3 из второго комплекта, выпущенного Н.Е. Парамоновым в 1946 г. и состоявшего из черно-белых видовых открыток с надписями на лицевой стороне.

³³ Открытка из третьего многоцветного комплекта, изданного Н.Е. Парамоновым в 1947 г. к Пасхе. Всего было выпущено 3 открытки.

³⁴ Открытки № 5–6 из четвертого комплекта под названием «Сказка о рыбаке и рыбке... А.С. Пушкина, рисунок Билибина», выпущенного в конце 1947 г. (всего 3 открытки).

В. Хазан

Из материалов к истории издательства «Рифма»

Аннотация: Статья посвящена изучению чрезвычайно интересного явления в послевоенной европейской эмигрантской жизни — издательству «Рифма», которое было создано в 1949 г. и в той или иной форме просуществовало до самого начала 1980-х гг. «Рифма» специализировалась на издании поэтических книг и выпустила в общей сложности 48 книг. В статье рассматриваются трудности, с которыми столкнулась «Рифма», преимущественно финансового характера. В некоторых случаях авторы сами выступали в качестве собственных издателей, использовавших только торговую марку «Рифмы». Автор делает вывод о том, что история издательств в изгнании как в целом, так «Рифмы» в частности только начинает изучаться.

Annotation: The article is devoted to the study of extremely interesting phenomenon in the postwar European émigré life the — publishing house «Rifma» (= «Rhyme»), which was established in 1949 and in such or another form existed till the beginning of the 1980s. «Rifma» specialized in publishing of poetry books and issued 48 books. The article focuses on the difficulties of «Rifma»'s publications that basically had financial matter. In some cases authors were their own publishers, just using trade mark of «Rifma». The author concludes that the history of the publishing houses in exile as general and «Rifma» in particular only begins to be researched.

Ключевые слова: издательство «Рифма», издательская марка, финансовые источники, поэтические сборники.

Key words: publishing house «Rifma» (= «Rhyme»), trade mark, financial sources, poetry collections.

Полная и правдивая история издательского дела в эмиграции не написана и, скорее всего, будет написана не скоро. Поэтому пока ничто не мешает спекулировать на этой малоразработанной теме. Сказанное в значительной мере относится к издательству «Рифма»¹, широкая известность которого отнюдь не спасает тех, кто берется о нем писать (точнее было бы сказать, упоминает о его когдатошнем существовании), от неточностей и ошибок. Даже в справочной литературе можно встретить утверждения, основанные скорее на шатких субъективных представлениях, нежели на объективных и строго задокументированных фактах, будто бы перекочевавший в 1948 г. из Нью-Йорка в Париж журнал «Новоселье» послужил базовой инициативой для основания «Рифмы», а София Юльевна Прегель (1897–1972), его из-

¹ См. о нем: *Терапиано Ю.* Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. 14 марта. № 23890. С. 5 (включено в кн.: *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк. 1987. С. 187–191; 2-е изд., СПб., 2014. С. 402–412).

дательница и редактор, — была вдохновительницей этого издательства². Еще более смелое утверждение встречаем в книге Ю.В. Зобнина³, который, не опираясь ровным счетом ни на какие другие документальные свидетельства и факты, кроме аккуратно перевранных, полагает, будто бы С.Ю. Прегель финансировала вышедшие в «Рифме» сборники стихов А.С. Штейгера, В.В. Набокова, Г.В. Иванова⁴, А.П. Ладинского, Г.А. Раевского⁵ и др.

В зависимости от того, какие цели ставит перед собой тот или иной исследователь, как правило, акцент с описания действительной исторической картины деятельности «Рифмы» переносится на связанную с ней, однако же частную проблематику или персональную фигуру. Так, в монографии Т.В. Лебедевой, посвященной С.К. Маковскому, на последнего наведен столь резкий луч, что история этого издательства становится своего рода биографической историей героя данной книги⁶. При этом личность Рахили Самуи-

² См. статью М.А. Айвазяна о С.Ю. Прегель в: Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1997. Т. 1: Писатели русского зарубежья. С. 324–325. По всей видимости, это утверждение родилось из следующей фразы Ю. Терапиано: «Косвенно “Новоселье”, объединившее вокруг себя поэтов всех поколений, дало толчок к появлению в 50-х годах поэтического издательства “Рифма”» (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). С. 198). Важное в этой фразе — с точки зрения историографической аккуратности — слово «косвенно» оставлено без внимания, и инерция заблуждения, опираясь на справочно-энциклопедический источник, энергично набирает обороты (ср.: Батиев В. Писатели русской эмиграции: Германия 1921–2008: (Материалы к библиографическому словарю). Франкфурт-на-Майне, 2008. С. 205; или, скажем, в справке о «Новоселье», как видно, обязанной этой захватывающей инерции: «ежемесячный литературно-художественный журнал, выходил в Нью-Йорке, с 1948 г. — в Париже, где на его основе было создано издательство “Рифма”» (Газданов Г. Собр. соч.: в 5 т. М., 2009. Т. 5. С. 78, 155).

³ См.: Зобнин Ю.В. Поэзия белой эмиграции: «Незамеченное поколение». СПб., 2010. С. 140. Трудно отказать себе в удовольствии и не привести фразу, следующую далее в тексте этого автора, многозначительная туманность которой не позволяет до конца проникнуть в ее сокровенно-глубинный смысл: «О ее [Прегель. — В.Х.] собственной поэзии ... обычно говорят как о культурном феномене собственно издательской деятельности, хотя в этом обширном поэтическом наследии встречаются русские и европейские зарисовки, интересные как абсолютная антитеза спиритуализму и лаконичности “Парижской ноты”» (Там же).

⁴ Об отношении Прегель к выходу сборника стихов Г. Иванова «Портрет без сходства» (1950) см.: «Вы делаете прекрасное дело»: (Письма С. Прегель к Р. Чеквер) / Публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. Кн. 10. С. 48–49, 86.

⁵ Судя по всему, основанием для этой дезинформации служит утверждение, в котором смешаны разные времена, книги и их авторы: «Сама она [Прегель. — В.Х.] ставила себе в заслугу поддержку, которую оказывала парижскому издательству “Рифма”, публиковавшему, начиная с февраля 1950, сборники А. Штейгера, В. Булич, В. Набокова, Г. Иванова, И. Одоевцевой, Ю. Трубецкого, А. Ладинского, В. Корвин-Пиотровского, Г. Раевского, А. Гингера и др.» (Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. СПб., 1999. С. 194).

⁶ См.: Лебедева Т.В. Сергей Маковский: Страницы жизни и творчества. Воронеж, 2004. С. 376–398. Как это зачастую бывает при излишне увлеченном и пристрастном анализе, в книге немало, мягко говоря, спорных мест, а порой и откровенных «перекосов». Так, к примеру, автор пишет: «Главной задачей “Рифмы” Маковский считал открытие новых поэтических имен. Одним из них было имя живущего в Мюнхене молодого поэта Игоря Чиннова, которого Маковский по-отечески опе-

ловна (Самойловны) Чеквер (псевд.: Ирина Яссен; 1893–1957), основательницы «Рифмы», чьей верховной финансовой воле была подчинена вся ее жизнедеятельность, как и принято в такого рода «селективных» исследованиях, уходит в тень.

Р.С. Чеквер содержала «Рифму» на деньги своего мужа, предпринимателя и общественного деятеля Льва Иосифовича Чеквера (1898–1977). Родившийся на Волыни, он в 1920 г. эмигрировал в США. В 1956 г. входил в состав редколлегии сборника, посвященного памяти видного эсера, государственного и общественного деятеля В.И. Лебедева⁷, хотя как автор участия в нем не принимал. В 1960 г., оставаясь экономическим советником по инвестициям и налогам в США, поселился со своей второй женой, актрисой Таней Чеквер, в Израиле⁸, где основал фонд для детей, не получивших достаточно образования. До этого несколько раз посещал Израиль с деловыми визитами⁹. Умер в Нью-Йорке, но его прах перезахоронен в Израиле (Нетания).

Опыт исторических исследований такого в высшей степени многоаспектного предприятия, как «Рифма», в которых смещены акценты и в полной мере не учтены разнообразные нюансы, грозит обернуться однобокой схемой. Нельзя, разумеется, не согласиться с тем, что, не будь С.К. Маковского, «Рифмы» могло бы не быть вовсе или это был бы уже какой-то иной издательский проект¹⁰, однако рассматривать эпоху, ею созданную в послевоенной русской эмигрантской литературе, исключительно сквозь призму

кал: отбирал стихи в сборники, анализировал написанное, давал советы. В момент, когда Маковский работал в «Рифме» над изданием его первой книжки, Чиннов был катастрофически беден: «Частые поездки на метро мне не по карману. Сейчас я совсем без денег», — писал он своему редактору. Естественно, что за свой счет издать книжку Игорь Владимирович не смог бы. А появилась она — и изменилось отношение к человеку, отныне окружение не сомневалось, что он — поэт. Нашлась и престижная работа — на радио «Свобода» (Там же. С. 385–386). «Молодой поэт» И. Чиннов, который в момент выхода из печати в «Рифме» сборника стихов «Монолог» (1950) разменял пятый десяток, как стихотворец был открыт еще в довоенные времена (в начале 1930-х гг. печатался в «Числах»); в Мюнхен он переехал через несколько лет после выхода «Молодого», и совсем уж по-детски прочерчена прямая зависимость между публикацией книги его стихов и получением места на радиостанции «Свобода» (в те годы «Освобождение»).

⁷ См.: Памяти В.И. Лебедева / Под ред. Г.Я. Аронсона, М.Е. Вейнбаума, Н.С. Калашникова и др. Нью-Йорк, 1958.

⁸ Впоследствии она была убита душевнобольным в Нетании, см. ее некролог: РМ. 1969. 27 нояб. № 2766. С. 11.

⁹ См.: Чеквер Л.И. Снова в Израиле: (Заметки и впечатления) // НРС. 1956. 2 янв. № 15528. С. 2.

¹⁰ Ср.: «...в тяжелых условиях эмиграции Маковскому удалось нечто едва ли мыслимое. Он нашел меценатку, влюбленную в молодую поэзию, и с ее помощью основал небольшое издательство, выпустившее в послевоенные годы — шутка сказать! — несколько десятков сборничков зарубежных поэтов. Конечно, их удельный вес был не всегда однозначен, но не будь энергии Маковского, вероятно, большинство стихов целого ряда талантливых поэтов до окончания века пролежало бы в их письменных столах, если таковые у них только были» (Бахрах А. Отец «Аполлона» // РМ. 1979. 15 февр. № 3243. С. 11).

его индивидуального вклада исторически неверно и научно бесперспективно.

Несмотря на свое влияние в «Рифме», Маковский единолично не определял «репертуарную» политику издательства. И, разумеется, не был волен воплотить всякий инициированный им издательский проект. Примером тому может служить составленный им сборник «Избранные стихотворения» М.А. Форштетера (он также явился автором предисловия), увидевший свет в 1960 г., после смерти автора, вовсе не в «Рифме». Правда, объем «Избранных стихотворений» превышал стандарт в 46 страниц (см. об этом ниже), в нем было 69 страниц, включая оглавление, но, во-первых, те или иные исключения и компромиссы всегда были возможны (и делались!), а, во-вторых, и главных, вопрос об издании Форштетера в «Рифме» Маковский, как кажется, вовсе никогда не поднимал.

Хорошо известно, что печатавшая исключительно поэтические сборники «Рифма» возникла в Париже летом 1949 г. по инициативе и при финансовой поддержке Р.С. Чеквер, которой, по довольно циничному, но меткому определению Д. Кленовского, «это предприятие принесло ценных литературных друзей, доброжелательную критику и даже нечто вроде литературного признания»¹¹.

Каждая новая книга обходилась Р. Чеквер-Яссен в солидную по тем временам сумму — 200 долларов¹². Эту «шапку Мономаха» она не снимала до самой смерти в ноябре 1957 г., хотя временами та оказывалась для нее слишком тяжела. «У Чеквер замечаю некоторую горечь, — свидетельствовала С. Прегель в одном из писем к А. Бахраху (11 февраля 1952), — поняла, что такое быть “меценатом”. Это слово и понятие она уже ненавидит»¹³.

Известно также, что была создана редколлегия в составе Г.В. Адамовича, С.К. Маковского, Г.А. Раевского, П.С. Ставрова, А.М. Элькан (она же секретарь издательства) и самой Р.С. Чеквер. Организационно-техническую сторону взял на себя Маковский, он же был избран председателем редколлегии (издательского комитета) и стал доминирующей фигурой в новом издательстве. Первой книгой стихов, изданной «Рифмой», оказался сборник Анатолия Штейгера «Дважды два четыре», увидевший свет 28 февраля 1950 г.

Одно из первых организационных заседаний редколлегии, проходившее как раз-таки в его отсутствие, описала в письме к нему А.М. Элькан.

¹¹ Письмо Д. Кленовского В. Маркову от 23 сентября 1954 г. («Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 122).

¹² См.: Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М., 2003. С. 373.

¹³ ВА. А. Vacherac papers. Box 8.

На заседании обсуждался вопрос о стандартной форме поэтических сборников «Рифмы», каковая в конце концов стала доминирующей: формат книжки — в половину печатной страницы (18–19 см¹⁴); ограничение объема двумя печатными листами, т.е. 46 страницами (с возможными колебаниями в 1–3 страницы в ту или другую сторону)¹⁵; строгая двухцветная обложка; одинаковые для всех шрифты, тираж 200 экземпляров и пр. Некоторые из первых сборников, увидевших свет в издательстве в 1950 г., под эти ограничения еще не подпали: в приводимом далее письме А. Элькан говорится о 3-листной книжке А. Штейгера и 6-листовых В. Андреева и В. Корвин-Пиотровского¹⁶, хотя объем вышедших в том же, 1950 г. «Портрета без сходства» Г. Иванова или упомянутого чинновского «Монолог» выдержан в строгом соответствии с требованием двухлиствого издания. Следует думать, что поначалу допускалась возможность авторской финансовой дотации сверх оговоренного объема. Однако в дальнейшем ограничительный регламент стал действовать почти неукоснительно. Даже Р. Чеквер, издавшая в 1956 г. в «Рифме» свой сборник «Память сердца», не стала делать для себя исключения и уложилась в требуемые рамки 47 страниц (ее первый сборник, изданный в «Рифме» в 1950 г., «Лазурное око», насчитывал 55 страниц). Поэты, для которых данное условие было неприемлемым, в «Рифме» не печатались. Такая судьба, например, постигла одного из лучших стихотворцев русского зарубежья — Д.И. Кленовского, не напечатавшего в «Рифме» ни одного из своих сборников. 29 ноября 1955 г. он писал архиепископу о. Иоанну Шахов-

¹⁴ Любопытно, что, когда под издательской маркой мюнхенского «Товарищества зарубежных писателей» готовился выход в свет «Реквиема» А.А. Ахматовой (1963), Г.А. Хомякова, предлагая Г.П. Струве оптимальный размер книжки, ориентировался на «рифменный» стандарт и приводил в пример вышедший в 1961 г. сборник стихов И.В. Одоевцевой «Десять лет»: «Издадим, по-моему, так: размер — 18–19 см на 13–14 см (окончательно будет зависеть от бумаги), — это размер сборника, например, стихов Одоевцевой “Десять лет”, у Вас, наверное, есть он. И больше, и меньше — хуже, при таком малом объеме» (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

¹⁵ См., например, информацию об этом, которую в письме от февраля 1954 г. А. Гингер сообщал В. Булич, намеревавшейся вступить в переговоры с «Рифмой» об издании своего сборника стихов «Ветви» («Это книги по 48 страниц. Маковский хотел бы, чтобы было приблизительно по 4 четверостишия на страницу, не больше; значит, с титульным листом и прочим» должно выйти на эти 3 печатных листа около 600 строк) (Гингер А.С. Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: в 2 т. / Сост., подгот. текста, вст. ст. и коммент. В. Хазана. М., 2013. Т. 2. С. 95), а та, в свою очередь, в письме главному редактору издательства от 14 марта 1954 г. интересовалась: «Посылаю Вам рукопись моей четвертой книги стихов “Ветви”. Может быть, Вы найдете возможным напечатать ее в Вашем издательстве “Рифма”. А.С. Гингер сообщил мне, что книжки <“Рифмы”> содержат 48 стр<аниц>, из которых 42 стр<аницы> приходятся на долю самих стихов. У меня, как я ни вертела (2 стихотворения выкинула, в одном выпустила одну строфу, чем выиграла страницу), а все-таки получается 47 стр<аниц> стихов. Может быть, все-таки можно так оставить?» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 159. Л. 1).

¹⁶ «Дважды два четыре» А. Штейгера имеет 62 страницы, «Второе дыхание» В. Андреева — 111 страниц, «Воздушный змей» В. Корвин-Пиотровского — 95 страниц.

скому (Страннику): «Книга [имеется в виду «Неуловимый спутник». — В.Х.] издана не в “Рифме”, а с помощью двух добрых друзей, одолживших мне на это деньги (я с ними рассчитаюсь постепенно из выручки). С “Рифмой” пришлось разойтись, ибо она ограничила меня тиражом (200 экз<емпляров>, а нужно 750) и объемом (уместилась бы лишь половина стихов), миниатюрным форматом и т.д.»¹⁷.

По-видимому, идеальной «кристаллической структуры» — четкого издательского плана, строго установленных сроков для выпуска тех или иных книг и пр. — у «Рифмы» никогда не было — ни в бытность Р. Чеквер хозяйкой издательства, ни тем более потом, когда ее не стало, а вместе с ней и относительно стабильного финансирования. После ее смерти, когда сами авторы, заинтересованные в «марке» этого издательства, начали искать источники материальной поддержки, «уравнительное» правило и вовсе было отменено и листаж сборников стал зависеть от размеров «донорства».

Публикуемое здесь впервые письмо А. Элькан С. Маковскому, помимо прочего, интересно тем, что фиксирует первые сложности и противоречия, с которыми столкнулось только что возникшее издательство. Итак, А. Элькан диктовала, а М. Абельман писала С. Маковскому:

«Среда, 9 ч<асов> вечера

Дорогой Сергей Константинович,

Неточка [т.е. Элькан. — В.Х.] сегодня очень устала и огорчена вечно не удающимися делами — лежит как пласт и просит меня писать Вам под ее диктовку.

В понедельник было у нас собрание издательского комитета. Присутствовали: Терапиано, Адамович, Ставров и привязавшийся довольно неудачно к Терапиано — Чиннов (последний сказал, что только на 3 минуты для какого-то заявления пришел, но оставался до конца — без Вас никто не решался его выставить). Сразу возник спор, одни были за “уравниловку” — большинство (Терапиано, Адамович и я), только доводы в пользу равенства еще увеличились; а именно: разрешая прибавление листов, издательство тем самым подает данного на ином блюде, а кроме того, пускается в авантюру, т.к. многие из малых сих, поддавшись соблазну, будут искать возможности прибавить себе листы. Всем этим дело усложнится, и нас будут вводить в заблуждение. Уже с Штейгером пример налицо: Алла Головина, твердо обещавшая третий лист, заявила сегодня Ставрову, что только в начале декабря будет наверное знать, получит ли деньги... Ставров стоял, как и Вы, на точке зрения полной свободы автора. На заседании выяснилось, что <Вадим> Андреев так же, как Корвин, желает печататься на 6-ти листах

¹⁷ Странник. Переписка с Кленовским. Париж, 1981. С. 53 (о том же в письме к нему от 9 января 1956 г. (Там же. С. 54)).

и уже высылает деньги на недостающие четыре листа. Лишить серию двух поэтов: Андреева и Корвина — было бы обидно. Не придя ни к какому решению, постановили запросить совета Вашего и Андреева (т.к. по докладам), он помогает Чеквер.

Со Штейгером тоже не очень клеится. Адамович просмотрел книгу, сократил всего на 15 стихов, почти не совпадая с Вами, теперь Алла <Головина> заявляет, что Элита В<ильчковский> и она душеприказчики Штейгера и они будут решать, что из стихов пойдет в книгу. Ставров просит снова собрать комитет у меня и чтобы присутствовали Алла и Элита. Вот Вам и полномочия комитета!!!

А воз и ныне там, пока что Плетнев перепечатывает стихи Штейгера за 250 fr<анс> и чай с куличом.

Шлю Вам изнуренный привет и ложусь. Ваша Анна Морисовна»¹⁸.

Разумеется, хозяйка «Рифмы» охотно поощряла любые благотворительные инициативы, когда денежный источник для издания своего сборника стихов автор находил «на стороне». В письме к Р. Чеквер (7 ноября 1953 г.) Ю.К. Терапиано писал о том, что «у С<ергея> К<онстантиновича> Маковского уже давно должны быть 10 000 на издание книги Червинской, которые ему прислал Буров; Буров обещал ему оплатить всю книгу Червинской, но она так и не принесла и тогда своей рукописи!»¹⁹.

Сборник стихов Л. Червинской «Двенадцать месяцев» увидел свет в «Рифме» в 1956 г., т.е. спустя несколько лет после данного письма, и доподлинно неизвестно, воспользовалось ли издательство суммой, внесенной за него А. Буровым, и была ли передана она вообще. Однако, учитывая тот факт, что «Двенадцать месяцев» имеют объем, в несколько раз превышающий обычный (3,5 п.л. = 84 страницы), с большой долей вероятности можно предположить, что книга была издана на буровские деньги.

Издательство многократно умирало и возрождалось. Так, в частности, в одном из своих писем к Тэффи Ю. Трубецкой 3 марта 1952 г. сообщал: «Получил письмо от Ир<ины> Яссен о том, что “Рифма”, вероятно, в бозе почил»²⁰.

После кончины Р. Чеквер в 1957 г. в дело вошла С. Прегель, возглавлявшая «Рифму», которая дополнила свое название «мемориальной» добавкой «имени Ирины Яссен», до 1972 г., т.е. до своей смерти. Сама она в автобиографической справке, написанной от третьего лица, об участии в «Рифме» отозвалась весьма скромно: «Принимает участие в издательстве “Рифма”»²¹.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 131. Л. 12–12 об.

¹⁹ ВА. R. Chekver papers. Box 2.

²⁰ ВА. N. Teffi papers. Box 1.

²¹ Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья / Сост. Т. Фесенко. Вашингтон, 1966. С. 540.

Скромность С. Прегель проявилось и в том, что ее собственные сборники стихов под маркой «Рифмы», вопреки ошибочному мемуарному свидетельству, не появлялись²².

Бытует мнение, будто бы С. Прегель (вместе с Ю. Терапиано) стала заниматься делами издательства не сразу после смерти Р. Чеквер, а значительно позднее, когда в 1962 г. не стало С. Маковского²³. Судя по всему, это не так. Хотя нет достаточно надежной информации о том, в какой мере и насколько регулярно Л.И. Чеквер после смерти жены продолжал финансировать «Рифму», однако то, что это фактически происходило, совершенно очевидно. Так, скажем, Ю. Трубецкой в письме от 10 апреля 1960 г. благодарил И. Чиннова за его намерение обратиться к овдовевшему Л. Чекверу как решающей инстанции по поводу издания его, Трубецкого, книги²⁴. По-видимому, сегодня уже трудно установить окончательную ясность в вопросе иерархии «последнего слова» и принятия «окончательного решения» в «Рифме»: кого, когда и за кем следовало издавать, но по обычно установленному правилу — музыку заказывает тот, кто за нее платит, — не Маковский, конечно, всецело определял финансовую стратегию издательства и тем самым коренной вопрос о его существовании. Вместе с тем после смерти Р. Чеквер судьба «Рифмы» была довольно туманной. 18 сентября 1958 г. С. Прегель в письме к Л. Зурову делилась с ним наболевшим: «Судьба “Рифмы” окончательно еще не решена. Мак<овский> ставит палки в колеса»²⁵.

Некоторое время спустя после того, как Прегель начала руководить издательством, Д.И. Кленовский писал В.Ф. Маркову (письмо от 10 июля 1959): «Прегель, как я слышал, со средствами и, по-видимому, заступила место Ясен в “Рифме”. Недаром появились огромные восторженные о ней отзывы Терапиано и Трубецкого в <“>Р<усской> м<ысли>», <“>Н<овом> р<усском> с<лове>”> и <“>Опытах<”> ... Но она по крайней мере талантлива»²⁶.

С. Прегель отличалась, однако, не только талантом, в том числе организационным, не только определенными материальными возможностями (кстати сказать, о ее роли как финансовом доноре «Рифмы» имеются лишь

²² См.: Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 152.

²³ См.: Нечаев В.П. В поисках минувшего: Из жизни Русского зарубежья: Очерки, беседы, документы. М., 2011. С. 309.

²⁴ См.: Письма запрещенных людей. С. 468.

²⁵ «Душевно Ваша С. Прегель»: Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / Публ., подгот. текста, вст. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В.И. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015 [/ Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2015. С. 579.

²⁶ «Если чудо вообще возможно за границей...». С. 177. Рецензия Ю. Терапиано на сборник стихов С. Прегель «Встреча» (1958) была напечатана в «Опытах» (1958. № 9. С. 95), а Ю. Трубецкого — в «Новом журнале» (1958. № 55. С. 301–303).

косвенные свидетельства), но и безбоязненной готовностью к изнурительному редакторскому труду. Ей приходилось не просто знакомиться с рукописями, но переписывать их набело, вычитывать и править корректуры, вникать в секреты типографского дела. Так, в письме В.Л. Корвин-Пиотровскому и его жене от 15 августа 1959 г. она пишет из опустевшего на лето Парижа: «Устала до тошноты, до слез — . Духота, как в Нью-Йорке — . Делаю корректуру большой книги, и мне снятся всякие “двоеточия”»²⁷.

За две недели до этого, 2 августа, в письме к ним же София Юльевна сообщала, что, готовя сборник стихов и поэм В. Корвин-Пиотровского «Поражение» к печати, «с наслаждением переписывала» поэму «Золотой песок»²⁸. Складывается впечатление достаточно нетипичной ситуации: не автор переписывает свою поэму для своего же сборника, а это делает за него директор издательства, пусть и состоящий с ним в дружеских отношениях.

И даже когда в том же августе 1959 г. Прегель отправлялась в частную цюрихскую клинику Bircher-Benner, готовясь пройти там курс лечения («Мне нужно довольно серьезно полечиться: имеется немало пробелов в моем здоровье», — пишет она оттуда 25 августа В.Н. Буниной²⁹), редакционные дела не оставляют времени на безмятежный покой и отдых. «2 дня провела в постели и за это время проглядела 4 книги», — сообщает она в том же письме к В.Н. Буниной³⁰, — и можно быть уверенным, что книги эти относились не к свободному, а к обязательному чтению, были связаны, так сказать, с производственной необходимостью.

Есть все основания думать, что регулярное финансирование «Рифмы» прекратилось со смертью ее основательницы — в постчекверские времена инвестиционные источники становятся частичными, спорадическими и зачастую организуемыми под какое-то целевое книжное издание, как это, скажем, было с «Избранными стихотворениями» Р. Блох и М. Горлина, замученных гитлеровцами в годы Второй мировой войны. С этой целью 21 июня 1958 г. «Рифма» провела вечер Маковского, на котором он прочитал доклад «Последние годы Владимира Соловьева (По личным воспоминаниям)»³¹ — сборы с него пошли на оплату типографских расходов³².

Вместе с тем за «Рифмой» закрепился авторитет известной и престижной издательской фирмы, и авторы, способные сами или с чьей-

²⁷ Beinecke. V. Korvin-Piotrovskii papers. Box 1, folder 41.

²⁸ Там же.

²⁹ LRA. MS. 1067/5980.

³⁰ Там же.

³¹ См. объявление о нем: РМ. 1958. 17 июня. № 1226. С. 7.

³² См. письма С. Прегель С. Маковскому от 11 июня и 8 июля 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 117).

либо помощью обеспечить материальную поддержку выходу своих поэтических книг, были крайне заинтересованы в получении именно ее печатной марки. Хорошо осведомленный в делах издательства Ю. Терапиано в письме от 10 ноября 1962 г. сообщал И. Чиннову, что «Аглая Сергеевна <Шиманская> выпускает книжку под маркой “Рифмы” — под маркой, т.к., увы! “Рифма” теперь существует только в виде марок, — тут, отчасти, — Софья Юльевна, отчасти, — меценат один, — понравились стихи А<глаи> С<ергеевны>»³³.

В другом своем письме, В.Ф. Маркову, тот же Ю.К. Терапиано, вероятно отвечая на вопрос корреспондента о возможности издания сборника стихов художника и поэта Л. Зака под маркой «Рифмы», писал ему 30 июня 1966 г.: «О Леоне Заке слышал давно как о художнике, но не знал, что он пишет стихи. Независимо от моего отношения к футуризму, я бы охотно посодействовал изданию его стихов, но дело в том, что уже много лет как “издательство имени Ирины Яссен” — “Рифма” превратилось в фикцию.

Средств у него больше нет, а марку свою оно иногда, в редких случаях, дает тем, кто, издавая стихи на свои средства, нуждается в имени издательства.

Если же Л. Зак хочет сам издать свои стихи и нуждается в издательстве, он может обратиться к Софии Прегель, которая заведывает уже давно делами “Рифмы”»³⁴.

В связи с И. Чинновым следует заметить, что его письма к С. Прегель от 29 февраля, 7 и 26 марта 1960 г.³⁵ свидетельствуют о том, что свой сборник «Линии», изданный, как считается, «Рифмой», он, живший в то время в Мюнхене, готовил совершенно самостоятельно (с возможной дальнейшей частичной финансовой компенсацией расходов)³⁶. Получив от автора этот сборник, на котором стояла книжная марка «Рифмы», Прегель писала ему (10 апреля 1961): «Понемногу привыкаю к названию и радуюсь, что Вы издали эту книгу! От души Вас поздравляю. ... P.S. Оформление выше всяких похвал»³⁷.

Ситуация, согласимся, довольно-таки неординарная: директор издательства, в котором якобы вышла книга, впервые видит ее полученной от автора, радуется появлению на свет нового печатного детища и высоко оценивает оформление, к которому не имел никакого отношения!³⁸

³³ Письма запрещенных людей. С. 334.

³⁴ «Если чудо вообще возможно за границей...». С. 350–351.

³⁵ См.: Прегель С.Ю. Разговор с памятью / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М., 2017. Т. II, кн. 2: Письма. С. 1312–1313.

³⁶ «Линии» содержат указание на то, что «эта книга напечатана основанным Ириною Яссен-Чеквер издательством РИФМА (Париж) шестого декабря 1960 г. в Мюнхене в типографии Г. Бутова, Кольштрассе 3 б.».

³⁷ Письма запрещенных людей. С. 382.

³⁸ Все это, кстати сказать, во всяком случае, частично дезавуирует «занятный рассказик» Д.И. Кленовского, который в письме к В.Ф. Маркову от 11 апреля 1960 г. сообщал: «мне писа-

Что же касается Л. Зака, то он не стал связывать судьбу своего сборника стихов «Утро внутри» с «фиктивной» «Рифмой», который в 1970 г. вышел в серии «*Slavische propyläen: Texte in neu- und nachdrucken*» (под редакцией и с вступительной статьей В.Ф. Маркова) в мюнхенском «*Wilhelm Fink Verlag*».

Финансовое положение «Рифмы» после смерти основательницы, вновь заметим, было более чем неустойчивым, и мысль о ее закрытии С. Прегель озвучивала неоднократно. В одном из писем к Б. Филиппову (от 5 апреля 1962), посылая ему несколько экземпляров сборника Ю. Трубецкого «Терновник», она писала: «Это последняя, в лучшем случае «предпоследняя» книга издательства «Рифма»!»³⁹

Деятельность издательства продолжалась и после смерти Прегель, когда руководство им перешло к Ю. Терапиано, который позднее, 16 апреля 1974 г., в письме И. Чиннову рассказывал: «Перед тем как лечь в госпиталь перед своей смертью, Софья Юльевна, во время последнего свидания с нею, просила меня, в присутствии Ирины Владимировны <Одоевцевой>, в случае, если явится возможность, продолжать «Рифму», заняться ею и быть ее заместителем»⁴⁰.

Как это явствует из нижеследующего списка книг, вышедших в «Рифме», после смерти Прегель под маркой этого издательства появилось еще шесть сборников стихов: «Златая цепь» (1975) и «Портрет в рифмованной раме» (1976) И. Одоевцевой, «Пасторали» (1976) И. Чиннова, «Антенны» (1976) А. Шиманской, «На память о себе» (1979) В. Вейдле, «Цветок и камень» (1981) Т. Величковской. Поэтому едва ли справедливо, по крайней мере формально, считать последним в «рифменной» серии сборник И. Одоевцевой «Златая цепь»⁴¹. В пояснение об именно таком образом сложившем-

ли из Парижа, будто бы Чиннов обратился к издательству не с просьбой, а с требованием издать новый сборник его стихов, предъявив особые требования в отношении объема, тиража и проч. Редколлегия (Прегель, Терапиано и... Померанцев...) ответила ему, что «Рифма» печатает только поэтов неимущих, а Чиннов > к ним не принадлежит (действительно, он зарабатывает в Мюнхене у американцев огромные деньги). На это Чиннов в свою очередь ответил в том смысле, что он, мол, признанный лучший поэт эмиграции и его богатство никого не касается. Померанцев читал это письмо на собрании русских писателей в Париже, и оно вызвало всеобщее возмущение. Источник этого застылого рассказика самый достоверный» («Если чудо вообще возможно за границей...». С. 181).

³⁹ Beinecke. V. Filippov papers. Box 5, folder 1720.

⁴⁰ Письма запрещенных людей. С. 351.

⁴¹ См.: Издательское и библиографическое дело русского зарубежья 1918–1998: Уч. пособие. СПб., 1999. С. 74; *Базанов П.Н., И.А. Шомракова*. Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века: Уч. пособие. СПб., 2001. С. 79 (То же: 2-е изд., испр. С. 77); *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М., 2010. С. 503.

ся представлении о закатной эпохе «Рифмы» авторы учебного пособия по истории книгоиздания в русском зарубежье XX в. пишут: «Еще несколько книг в конце 1970-х гг. издал от имени “Рифмы” известный французский коллекционер и меценат Р. Герра: сборники поэзии А. Величковского⁴², А. Шишманской <sic!>, В. Вейдле, Т. Величковской»⁴³.

В качестве заключения представим перечень всех сборников, которые вышли под издательской маркой «Рифмы» (по годам):

1950

- Андреев Вадим.* Второе дыхание. Стихи 1940–1950. 111 с.
Иванов Георгий. Портрет без сходства. Стихи. 43 с.
Корвин-Пиотровский Владимир. Воздушный змей. Стихи. 95 с.
Ладинский Антонин. Роза и чума. Пятая книга стихов. 46 с.
Мандельштам Юрий. Годы. Стихи 1937–1941. 41 с.
Чиннов Игорь. Монолог. 48 с.
Шиманская Аглаида. Капля в море. 47 с.
Штейгер Анатолий. $2 \times 2 = 4$. Стихи 1926–1939. 62 с.
Яссен Ирина. Лазурное око. Стихи. 55 с.

1951

- Злобин Владимир.* После ее смерти. Стихи. 46 с.
Маковский Сергей. Круг и тень. Пятая книга стихов. 47 с.
Одоевцева Ирина. Контрапункт. Стихи. 48 с.
Терапиано Юрий. Странствие земное. 48 с.
Щербаков Евгений. Свет и камень. Стихи. 45 с.

1952

- Величковская Тамара.* Белый посох. Стихи. 47 с.
Величковский Анатолий. Лицом к лицу. Стихи. 47 с.
Набоков Владимир. Стихотворения 1929–1951. 45 с.

⁴² Это не так. Анатолий Е. Величковский издал в общей сложности четыре сборников стихов: два — «Лицом к лицу» (1952) и «О постороннем» (1970) — в издательстве «Рифма», еще один, «Сбору по сосенке» (1974), на собственные средства; последний, который, очевидно, имеют в виду цитируемые авторы, «Нерукотворный Свет», вышел в парижском издательстве Р. Герра «Альбатрос» в 1981 г.

⁴³ См.: *Базанов П.Н., И.А. Шомракова.* Книга русского зарубежья. С. 79 (То же: 2-е изд., испр. С. 79). Следует, кстати сказать, заметить, что авторы этой книги, вообще грешащей большим количеством неточностей и ошибок, три сборника стихов, принадлежащих И. Яссен, — «Дальний путь», «Лазурное око» и «Память сердца», — почему-то приписали С. Маковскому (Там же). Причем если два из них действительно увидели свет в «Рифме», то первый из названных никакого отношения к ней не имел: он был издан в Нью-Йорке в 1946 г., еще до возникновения этого издательства.

1953

Иваск Юрий. Царская осень. Вторая книга стихов. 46 с.
Маковский Сергей. На пути земном. Шестая книга стихов. 47 с.
Раевский Георгий. Третья книга. Стихи. 47 с.

1954

Булич Вера. Ветви. Четвертая книга стихов. 46 с.
Трубецкой Юрий. Двойник. Стихи. 43 с.

1955

Шиманская Аглаида. Новолуние. Вторая книга стихов. 47 с.

1956

Червинская Лидия. Двенадцать месяцев. 87 с.
Ассен Ирина. Память сердца. Четвертая книга стихов. 47 с.

1957

Гингер Александр. Весть. Четвертая книга стихов. 35 с.
Мамченко Виктор. Певчий час. 46 с.

1959

Блох Раиса, Горлин Михаил. Избранные стихотворения. 95 с.
Ассен Ирина. Последние стихи. Пятая книга стихов. 109 с.

1960

Корвин-Пиотровский Владимир. Поражение. Поэмы и стихи о России. 77 с.
Марков Владимир. Гурилевские романсы. 46 с.
Присманова Анна. Вера. Лирическая повесть. 50 с.
Чиннов Игорь. Линии. Вторая книга стихов. 64 с.

1961

Одоевцева Ирина. Десять лет. 61 с.
Троцкая Зинаида. Вполголоса. Стихи. 48 с.

1962

Трубецкой Юрий. Терновник. Стихи. 48 с.

1963

Маковский Сергей. Requiem. Девятая книга стихов. 76 с.
Шиманская Аглаида. Я вам прочту. Стихи. 47 с.

Дела издательские

1965

Раич Евгений. Современник. 101 с.

1968

Бродская Нина. Напролет. 93 с.

1970

Величковский Анатолий. О постороннем. Стихи. 60 с.

1972

Чиннов Игорь. Композиция. Пятая книга стихов. 124 с.

1975

Одоевцева Ирина. Златая цепь. Стихи. 86 с.

1976

Одоевцева Ирина. Портрет в рифмованной раме. Стихи. 72 с.

Чиннов Игорь. Пасторали. Шестая книга стихов. 112 с.

Шиманская Аглаида. Антенны. 56 с.

1979

Вейдле Владимир. На память о себе. Стихотворения 1918–1925 и 1965–1979. 77 с.

1981

Величковская Тамара. Цветок и камень. Стихи. 112 с.

О.А. Коростелев

«Издательство имени Чехова» в отзывах эмигрантов первой волны

Аннотация: Издательство имени Чехова было крупнейшим послевоенным предприятием за пределами СССР, выпускающим книги на русском языке. Однако его цели и задачи в ситуации холодной войны не полностью совпали с желаниями и стремлениями русских эмигрантов первой волны. В статье анализируется рецепция издательской политики и печатной продукции «Издательства имени Чехова». Приводится большое количество архивных документов, преимущественно неопубликованной переписки эмигрантов из российских, европейских и американских государственных и университетских архивов, а также частных собраний.

Annotation: Chekhov Publishing House was the largest post-war enterprise outside the USSR publishing books in Russian. However its purposes and tasks in a situation of Cold war are not completely coincided with desires and aspirations of the Russian emigrants of the first wave. The article analyzes reception of publishing policy and printed materials of Chekhov Publishing House. Archival documents, mainly unpublished correspondence of emigrants from the Russian, European and American state and university archives, and also private collections are given.

Ключевые слова: история печатного дела, русское зарубежье, русская литература, Издательство имени Чехова

Key words: history of printing, Russia abroad, Russian literature, Chekhov Publishing House

Конец 1940-х — начало 1950-х гг. для русской эмиграции — своеобразный период безвременья. Для пишущих людей эти несколько послевоенных лет оказались наиболее трудными, прежняя инфраструктура печатного дела была практически полностью разрушена, а новой только еще предстояло возникнуть. Русские книги в это время почти не издавались, многие авторы пробовали печататься на других языках, даже те, кто и до, и после писал преимущественно по-русски (Г. Адамович, Г. Газданов, Д. Кнут, Н. Оцуп и др.).

Нужда в издательстве была очень велика, поэтому слухи о том, что в Америке задумано издательство, которое будет выпускать книги на русском языке, разлетелись в эмиграции молниеносно.

22 мая 1951 г. в Нью-Йорке состоялось заседание незадолго до того учрежденного фонда «Свободная Россия», на котором рассматривались возможности содействия новым эмигрантам, в том числе и создание издательства¹.

¹ См.: Трибунский П.А. Фонд Форда, Фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013 / Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2014. С. 584.

А уже через неделю, 28 мая 1951 г., Алданов писал Бунину: «Издательство будет во всяком случае, но точно пока никто ничего не знает. На днях было первое собрание американцев из этой Фордовской организации с приглашенными Бахметевым и Карповичем. Совершенно доверительно скажу Вам, что как будто Бахметев и Карпович немного разочарованы. Предполагалось, что американцы только дадут деньги, а все руководство предоставят русским (с американскими паспортами, как они двое). Между тем, тоже *как будто*, американцы хотят и фактическое руководство работой и издательством оставить за собой. Может быть, впрочем, я в этом и ошибаюсь. По-моему, меняет это не очень много, но все-таки с русскими, конечно, иметь дело было бы проще. Как бы то ни было, в десятых числа июня состоится второе их заседание, на котором будет, по-видимому, выработана общая программа издательства. У Николаевского впечатление, что американцы прежде всего хотят издавать книги писателей Ди-пи. Так, они уже отпустили 50 000 долларов здешнему слависту американскому профессору Мосли для того, чтобы он заказал (и позднее издал) десять диссертаций молодых ученых Ди-пи. Мосли заявил, что эти ученые у него есть. Но где же они возьмут в большом числе *писателей* Ди-пи! По-моему, они наперечет — по крайней мере имеющие хоть небольшое дарование»².

Неделей позже, 6 июня 1951 г., Алданов писал Бунину: «Издательство БУДЕТ. Хотят выпускать: 1) классиков, 2) писателей-эмигрантов, не исключительно Ди-Пи, хотя преимущественно Ди-Пи»³.

Пишущая эмиграция — Алданов с Буниным, Набоков с Алдановым, Адамович с Бахрахом, Гуль с Карповичем, все со всеми — в мельчайших деталях, слухах и подробностях обсуждали все новости вокруг издательства начиная с лета 1951 г., как только прошла весть о его грядущем создании.

Живо и горячо обсуждалось все, начиная с названия, которое впервые прозвучало 26 июня 1951 г. на заседании совета попечителей. Месяц спустя, 31 августа 1951 г., Алданов сообщил Бунину о «Фордовском издательстве (оно, по-видимому, будет называться “Издательством имени Чехова”», на что Бунин, не желавший даже после войны печататься по новой орфографии, мрачно откликнулся 9 сентября 1951 г.: «Бедный Чехов! При чем он тут?»⁴.

А.Ф. Даманская высказывала предположение в письме М.Ю. Берхину от 5 апреля 1952 г.: «“Именем Чехова” названо, вероятно, потому, что Джордж Кеннан — благодаря которому оно существует, большой поклонник Чехова»⁵.

² EUL. SCD. Gen 565.

³ LRA. MS.1067/972.

⁴ Fedoulova R. Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov 1948–1953 // CMRS. 1982. Vol. 23, № 3/4. P. 487.

⁵ Хазан В. Особенный еврейско-русский воздух: К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке. М.; Иерусалим, 2001. С. 303.

А позже В.А. Смоленский в сердцах печатно заявил: «Следовало бы написать отдельную статью об этом странном издательстве, издающем хорошие книги чрезвычайно редко и, по всей видимости, случайно, наводнившим зарубежный книжный рынок книгами второсортными, авторами трехклассными. Следовало бы написать об издательстве, предпочитающем журналистику поэзии и при больших, видимо, финансовых средствах обладающем чрезвычайно малым художественным чутьем и весьма ограниченными литературными знаниями и вкусом. Непонятно, почему издательство это присвоило себе имя Чехова — писателя лирического. Имя Писарева или Чернышевского было бы ему гораздо больше к лицу»⁶.

Издательство было создано быстро и сразу же приступило к делу с американским размахом. Редактор «Опытов» Р.Н. Гринберг писал Г.В. Адамовичу 9 марта 1953 г.: «Наконец отнес типографщикам № 1 <“Опытов”>, у этих форменный завал работ: здесь печатаются книги Чеховским издат<ельством> в таких количествах, что можно б удивить всю Россию: в десятках тысяч экземпляров, даже непонятно, кого растрачивают»⁷.

Цели и задачи нового издательства совпали с чаяниями эмигрантов первой волны лишь в малой части. Соответственно, мнения и отзывы были очень разными и зачастую возмущенными. Впрочем, отношение пишущей братии к имеющимся в наличии средствам печати всегда оказывается очень непростым, я не припоминаю вообще ни одного издательства или редакции, о которых авторы высказывались бы только одобрительно. Какие-то особенности их деятельности непременно вызывают раздражение, а чаще всего не нравится все и сразу, и это недовольство очень бурно выплескивается в разговорах, дневниках, переписке, реже в критических статьях и заметках. Много говорится в сердцах, не всегда справедливо, что, однако, ничуть не умаляет ценности этих свидетельств современников, даже если отзывы больше говорят о самих современниках, чем о предмете.

Личные амбиции авторов окрашивают любое высказывание в определенные тона, и это необходимо учитывать, вводя необходимый коэффициент. В данном случае ситуация обострялась радикальным несовпадением умонастроений эмигрантов первой и второй волны, которое так и не было снято, пока не появилась третья волна, в неприятии которой объединились обе первые.

Эмигранты первой волны считали, и в общем-то не без оснований, что во второй волне выдающихся литературных талантов оказалось меньше. А поскольку литературоцентричная точка зрения преобладала, оценку и от-

⁶ Смоленский В. Мысли о Владиславе Ходасевиче // Возрождение. 1955. № 41. С. 99–102.

⁷ «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 366.

бор книг по политическим, а не литературным критериям они воспринимали как недостаток вкуса и образования.

Больше всего нареканий вызывал, разумеется, отбор книг для издания. Как водится, каждый был недоволен тем, что издательство не рассматривает его как своего единственного автора. Но, кроме личных амбиций, были еще и групповые интересы.

Старые эмигранты хотели иметь свое издательство, но «Издательство имени Чехова» было создано не для них, имело другие цели, и это сразу стало очевидным.

Н.Н. Берберова писала Зайцевым 10 апреля 1952 г.: «Напрасно Эрнст сочиняет, что и меня взяли. Не взяли и вряд ли возьмут, ибо Александрова считает, что нужны только Ди-Пи, — и больше никто. Ремизов же, Зайцев, Бунин — это только благотворительность, и они никому не нужны. Так что у меня надежд нет никаких. Сирина “заставили” взять; если возьмут Газданова, то только потому, что у него дружеские отношения с Вреденом, директором. Яновского не взяли, Варшавского тоже. Зато дипитвоюмать берут даже таких, которые не имеют таланта на волос. Говорю это без горечи, ибо вижу, что “будущая Россия” воистину совершенно не нуждается в нас. И правые, и левые совершенно спокойно приписывают романы Бори — мне или Шмелеву; мои романы — Ремизову или даже Георгию Иванову. Но письмо Александровой, обращенное ко мне в ответ на мое предложение издать Влади́н “Некрополь”, я сохраню для потомства. Приблизительное его содержание следующее (сокращаю, но ничего от себя не выдумываю): “Многоуважаемая ЛИДИЯ Николаевна, мы согласны издать Некрополь господина Ходасевича если Вы придумаете к книге ‘ударное’ название”. Я сначала хотела написать, что я придумала ударное название: “НЕКРОПОЛЬ”, но потом решила ничего не отвечать. Вот вам стиль человека, который приглашен заведовать русским издательством»⁸.

Недовольство политикой издательства по отношению к старым эмигрантам присутствует во многих письмах, меняются только имена.

Ю.К. Терапиано писал В.Ф. Маркову 7 ноября 1955 г.: «Жаль, что “Издательство им. Чехова” не захотело издать предложенное ему собрание сочинений М. Цветаевой»⁹.

Э.М. Райс в письме В.Ф. Маркову от 19 октября 1955 г. был еще более категоричен: «Сколько я ни боролся за опубликование в Чеховском издательстве писем Гиппиус, кот<орые> легко собрать, — они остаются

⁸ ВА. В. Zaitsev papers. Box 1, folder «Nina Berberova».

⁹ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову (1953–1966) / Публ. О.А. Коростелева и Ж. Шерона // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1998. Вып. 24. С. 240–378.

неумолимыми и предпочитают им Чирикова и историч<еские> романы Данилевского. Если так — скоро докатимся до Чарской!»¹⁰.

Услышав про приоритет ди-пи, Бунин с мрачным юмором писал Алданову 10 июня 1951 г.: «Чехов, хохоча, рассказывал мне, что в первые свои годы в Москве он хотел написать и издать “Руководство к искусственному разведению ежей” — мне кажется, что это поощрение графоманов Ди-Пи к писанию нечто подобное»¹¹.

Своеобразный лимит на эмигрантов первой волны действительно был задан изначально. В протоколе совещания от 14 сентября 1951 г. (второго по счету, т.е. фактически установочного) сохранились планы выпуска книг на 1952 г. В первый год деятельности издательства предполагалось издать 30–35 книг, из которых 5 отводилось на классику, 5 на советских авторов, 6 на переводы, 10 на нонфикшн, 3 на беллетристику ди-пи и 6 книг (т.е. 17–20 процентов от общего числа) на художественные произведения старых эмигрантов¹². Такая пропорция соблюдалась и в следующие годы, и эмигранты первой волны были недовольны тем, что им отводилась лишь одна из пяти-шести издаваемых книг.

Отбор вообще велся очень строгий, до печатного станка доходила лишь одна из пяти предлагаемых издательству книг (из 724 присланных за все годы рукописей было издано 157)¹³.

Справедливости ради надо заметить, что в соображениях издателей по поводу нерентабельности высокохудожественных книг старых эмигрантов был свой резон. Однодневки политического или остросоциального толка всегда расходятся быстрее и лучше, чем элитарная аристократическая литература, которой еще только предстоит стать классикой. Акты о списании и уничтожении нераспроданных тиражей книг издательства конца 1950-х гг. подтверждают этот нехитрый тезис¹⁴. Другое дело, что учредители «Издательства имени Чехова» изначально не рассматривали его как коммерческое предприятие и не рассчитывали на прибыль, так что можно было заниматься «благотворительностью» и издавать «вечное, доброе» в гораздо большем объеме, чаще жертвуя необходимостями момента.

Но исполнители старательно делали то, что им предписали, поэтому вышло то, что вышло (во всех смыслах этого слова).

¹⁰ «Если чудо вообще возможно за границей...». С. 575.

¹¹ Fedoulova R. Op. cit. P. 482.

¹² См.: *Трибунский П.А.* Фонд Форда, Фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова». С. 594.

¹³ См.: *Трибунский П.А.* Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015 [/ Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2015. С. 666.

¹⁴ См.: Там же. С. 661, 670.

Энтээсовец Евгений Романов считал, что НТС тут повлиял на американцев: «Весь “книжный проект”, который они запустили — они запустили по нашей инициативе. Я имею в виду субсидирование разных эмигрантских изданий. <...> Сначала “Чеховское”, затем ОРИ — любое издание вообще литературы для Советского Союза»¹⁵.

Впрочем, по ту сторону железного занавеса старания не всеми были оценены по достоинству. Н. Роскина в воспоминаниях пишет о В.С. Гроссмани: «Попались мне и каталоги издательства имени Чехова, которое казалось нам тогда верхом культуры и свободомыслия. Но Гроссмана эти каталоги привели в ярость: то какие-то исторические романы, то полуфилософские рассуждения о сатане, то сборники стихов со старомодно-декадентскими названиями. Он клокотал, говоря об этом. “Уж дали вам слово, так напишите исследование под названьем: ‘Колхозный трудовой день!’»¹⁶.

В том, что эмигранты первой волны имели мало влияния на политику издательства, есть в какой-то степени и их вина: ни один из видных писателей не согласился стать во главе издательства, этот пост предлагали и Алданову, и Газданову, но оба предпочли вернуться в Европу. Возможно, при их главном редакторстве удалось бы сделать больше.

Руководство издательства имело свои собственные представления не только о том, что надо издавать, но и в каком виде. И объем книг, и содержание, и названия долго и тщательно согласовывались, и результат не всегда получался удачным.

По поводу названия Г.В. Адамович писал М.А. Алданову 10 апреля 1955 г.: «О Чех<овском> изд<ательст>ве: моя книга будет называться “Одиночество и свобода”. Это одно из трех заглавий, которые я предложил Александровой. Я рад, что она выбрала его, а не “Испытание свободой”, которое мне было противно. По-моему, “Од<иночество> и св<обода>” — лучше, хотя и тяжеловато»¹⁷.

А вот подзаголовок для составленной В.Ф. Марковым антологии «Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом» был дан издательством¹⁸ и не понравился ни составителю, ни его знакомым. Ю.К. Терапиано обмолвился в письме В.Ф. Маркову от 13 июня 1953 г.: «Читал антологию, Вами составленную для “Чеховского издательства” (рад, что название не Ваше)»¹⁹.

¹⁵ Романов Е. В борьбе за Россию: Воспоминания. М., 1999. С. 119.

¹⁶ Роскина Н. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 107.

¹⁷ «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 [/ Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2011. С. 431.

¹⁸ См. письмо В.А. Александровой В.Ф. Маркову от 4 августа 1952 г. // РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 8. Д. 91. Л. 11.

¹⁹ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...». С. 241.

Со стихами у издательства особенно не сложилось. Д.И. Кленовский писал Ю.К. Терапиано 7 августа 1954 г.: «Чеховское издательство не жалуется поэтов... Нерентабельно, вероятно... В результате получается такая нелепость, что поэты (Цветаева, Ходасевич, Г. Иванов) представлены в издательстве не стихами, а прозой! От всех поэтов, прежних и нынешних, издательство отмахнулось антологиями, хотя должно было бы издать хотя бы 5–6 сборников на сотню выпущенных им названий: Мандельштама, Гумилева, Пастернака, Цветаеву, Волошина, Ходасевича. Тут, помимо материальных, играют роль, по-видимому, и другие соображения. Клюева, вероятно, “протащил” Гуль. В редколлегии издательства никто не любит стихов и ничего в них не смыслит, иначе не было бы такой неудачи с Ахматовой и боголеповской антологией, несогласованности содержания всех трех антологий (некоторые поэты представлены дважды, другие не представлены вовсе) и т.п. Мне кажется, что в дальнейшем ожидать выпуска издательством сборников стихов отдельных поэтов не приходится, если только сие не будет продиктовано политическими соображениями (сборники стихов Хохлова и Петровой, например!)»²⁰.

Упомянутые антологии критикам не понравились, особенно составленная А.А. Боголеповым. Б.А. Филиппов писал Г.П. Струве 13 ноября 1952 г.: «Антология Боголепова — верх безграмотности и безвкусыя. Не хочется о ней и говорить много: в ней налицо такие корифеи, как Туманский, Губер, Добролюбов (критик), Жадовская, Суриков, К.Р., Щепкина-Куперник, Ратгауз, Чюмина, Фруг, П.Я., Скиталец, Мунштейн-Лоло, Столица... А вот для Кюхельбекера, Каролины Павловой, Мандельштама, Ходасевича, Есенина, Маяковского, Пастернака, Тихонова, Шкапской — места не оказалось...»²¹.

Немало нареканий вызывали и другие сборники. В.В. Вейдле писал, откликаясь на выпущенное издательством «Избранное» В.В. Розанова: «Наше безвременно скончавшееся издательство, хотя и звалось оно “имени Чехова”, а не “имени Боудлера”, пробоудлезировало его тщательнейшим образом, выкинув из последних, самых замечательных его писаний все антисемитские и другие малопрстойные страницы <...> Приходится довольствоваться этим и оставаться пайньками: бдительная “эмигрантская общественность”, в лице чеховского издательства, позаботилась о том, чтобы он нас дурному не научил»²².

11 мая 1952 г. Р.Б. Гуль писал М.М. Карповичу: «Знаете ли Вы некий скандал, кот<орый> разыгрался между Толстой и Александровой. В<ера>

²⁰ «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. II. С. 585–693.

²¹ ИА. G. Struve papers. Box 84, folder 2.

²² Вейдле В.В. О спорном и бесспорном // Опыты. 1956. № 7. С. 37–38.

А<лександровна> говорила по телефону с Ал<ександрой> Льв<овной> и спрашивала, не может ли она дать книгу Чехов<скому> изд<ательст>ву. Та не возражала, но В. А. сказала, но только мы просили бы Вас сократить книгу до 400 стр. (из 750). А. Л. отказалась. И В. А. сказала, что в этом случае они взять не могут. Это широко разошлось, и предложение В.А. комментировалось всеми по достоинству: русское изд<ательство>во дочери Толстой предлагает сократить книгу о Толстом вдвое»²³.

По поводу авторской и редакторской воли Г.В. Адамович писал В.С. Варшавскому 26 января 1958 г.: «Я был бы рад собрать некоторые свои статьи и “Комментарии” за много лет, но кто их издаст? “Чех<овское> изд<ательст>во” непременно требовало новой книги, а жаль! Если бы они предоставили мне составить книгу как хочу и из чего хочу, она была бы значительно лучше»²⁴.

Волнения эмигрантов по поводу недолговечности издательства начались, едва оно открылось. Уже 9 октября 1953 г. М.А. Алданов писал Г.В. Адамовичу: «Кто ведь знает, долго ли будет существовать Чеховское издательство. Не подумайте, что у меня есть сведенья, будто издательство будет существовать недолго, — избави Бог! Никаких таких сведений или даже слухов нет ни у меня, ни, насколько я знаю, у других. Но Карпович мне в Ницце говорил, что они обеспечены лишь на три года. А ведь почти полтора года уже прошли. Для всех нас будет катастрофой, если издательство почему-либо закроется»²⁵.

И.А. Бунин писал Ю.Л. Сазоновой 12 июня 1953 г.: «Неладное творится что-то в этом удивительном “Издательст<ве> имени Чехова”, ждал: что-то ответит мне В. Александрова относительно издания очередного тома моих произведений? *И нынче* этот ответ пришел; пишет, что *ничего* не может сказать мне до осени: “только осенью надеемся получить новую ассигновку Форда на продолжение дела” — таков смысл письма В. Александровой. И мы с В<ерой> Н<иколаевной> нынче в большой печали. Боимся, что Форд откажет...»²⁶.

Аналогичные опасения высказывала Н.Н. Берберова в письме Зайцевым от 21 сентября 1953 г.: «В Чеховском издательстве — кабак, и никто

²³ Письма о «Новом журнале» / Публ. В. Крейд // НЖ. 2002. № 226. С. 103.

²⁴ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010 [/ Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2010. С. 315.

²⁵ «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым. С. 366.

²⁶ «Драгоценная скупость слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. Вып. II. С. 343.

ничего не знает, что будет. Решение “быть или не быть” им откладывается с января. Должно было решиться 16 сент<ября>, теперь опять отложили. Если до декабря не будет кредитов, то им придется начать сворачиваться. Грустно, что так просрали дело — печатали по 5 тыс<яч> экз<емпляров> книг, которые никто не покупал»²⁷.

В тот раз обошлось, фонды издательству были в конце концов выделены, и оно продолжило работу, однако уже через год М.А. Алданов писал В.Н. Буниной 27 сентября 1954 г.: «В Нью-Йорке все почему-то уверены, что Фордовская организация больше денег не даст. А мы-то, “старые писатели”, надеялись, что каждый год будем иметь по 1500 долларов, а “младшие” если не каждый год, то часто...»²⁸.

А еще годом позже, 20 октября 1955 г., М.А. Алданов написал Г.В. Адамовичу, опровергая оптимистические слухи: «О Чеховском издательстве все оказалось выдумкой. Кускова прислала мне письмо к ней Карповича, написанное неделю тому назад. Это ведь тут — “первоисточник” (она в курсе всего). Он сообщает, что у Чеховского издательства осталось денег на четыре месяца, а у “Нового журнала” на три, а шансов на получение денег от Фордовского комитета чрезвычайно мало»²⁹.

И на этот раз сведения оказались верными. Издательство закрылось, предложив напоследок авторам по 20 бесплатных экземпляров их книг. М.А. Алданов писал Г.В. Адамовичу 2 июня 1956 г.: «Вы, конечно, тоже получили циркулярное письмо от Чеховского издательства о ликвидации наших книг. Кускова почему-то страшно возмущена. Я принял предложение издательства и только в частном порядке просил Мрс. Плант прислать мне бесплатно не 20 экземпляров каждой моей книги, как она предлагает, а только 10, вместо же вторых 10 — 10 экземпляров каких-либо других их изданий, хотя бы по их выбору. Вероятно, они и этого не сделают по их рутинности»³⁰.

А.Н. Бенуа, сообщая о прекращении издательства в письме Н.В. Синецкую от 14 марта 1957 г., употребил слово «обанкротилось»³¹. На самом деле издательство сворачивало свою деятельность в плановом порядке, но на момент ликвидации нераспроданными оставались две трети от общего количества отпечатанных экземпляров.

Лишь у немногих авторов было распродано больше половины тиража, из беллетристов это Тэффи, Зоценко, Ильф и Петров. Тиражи книг таких

²⁷ ВА. В. Zaitsev papers. Box 1, folder «Nina Berberova».

²⁸ LRA. MS.1067/972.

²⁹ «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым. С. 439.

³⁰ Там же. С. 462.

³¹ Пожелтевшие письма из Парижа / Публ. А.А. Синецкой-Суворовой // АГРОХХІ. 2013. 10 января // URL: <http://www.agroxxi.ru/agroart/pozheltevshie-pisma-iz-parizha.html>

авторов, как Набоков, Замятин, Булгаков, Клюев, Гоголь, Вейдле, Терапиано, Г.П. Струве, не были проданы и на четверть³².

Дальновидный М.А. Алданов еще 3 ноября 1955 г. прозорливо писал Г.В. Адамовичу, довольно точно оценивая ситуацию: «Странные люди в Чеховском издательстве: они, как американские издатели, дают авторам бесплатно по 6 экземпляров, между тем у американцев книги действительно продаются, тогда как у них, верно, в большинстве лежат на складе, а когда издательство кончится, будут, верно, распродаваться за гроши кучами, наспех»³³.

С нераспроданными экземплярами все получилось даже хуже, изрядная часть их пошла на макулатуру, и скандала удалось избежать с большим трудом.

10 февраля 1958 г. Б.А. Филиппов написал Г.П. Струве: «...знаете ли Вы о совершенно позорном конце чеховского издательского предприятия?! Дня три-четыре тому назад, не предложив книги ни одному из книгопродавцев, хозяева склада чеховских изданий продали тайком все оставшиеся книги неграм-старьевщикам на вес, как макулатурную бумагу!!! И там теперь, для переработки на картон, и Клюев, и Манделыштам, и Ваша История эмигрантской литературы, и неизданный Гумилев, и К. Леонтьев, и много еще ценного... Разве это не блестящая находка для советской пропаганды о варварстве Америки и диком состоянии русской эмиграции??!! Нет слов, чтобы это назвать так, как это заслуживает...»³⁴.

Г.П. Струве в тот же день писал В.Ф. Маркову: «Действительно, нет слов, если это верно. Но мне как-то с трудом верится. И как-то неясна фактическая сторона сообщаемого. Какие “хозяева склада”? Ведь все чеховские издания перешли в ведение и собственность УМСА-Press, которая их и продавала. Не ИМКА же продала их на макулатуру?! А если нет, то как они это допустили?»³⁵.

14 февраля 1958 г. В.Ф. Марков отвечал Г.П. Струве: «Если о чеховцах правда, это Бог знает что — и надо сделать все, чтоб привлечь к ответственности виновных»³⁶.

Струве разослал циркуляр с запросами, получил много возмущенных писем, но правопреемники издательства сумели замять скандал, сославшись на то, что часть тиражей отправлена в Европу.

³² Подсчитано по: *Трибунский П.А.* Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей». С. 679–697.

³³ «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым. С. 444.

³⁴ НИА. G. Struve papers. Box 84, folder 2.

³⁵ Собрание Жоржа Шерона (Лос-Анджелес).

³⁶ НИА. G. Struve papers. Box 105, folder 8.

О прекратившем работу издательстве в качестве печатного вердикта все же были сказаны добрые слова. Марк Вейнбаум в феврале 1956 г. откликнулся на выход итогового каталога статей в «Новом русском слове»: «За короткое время своего существования Чеховское Издательство наделало немало промахов и ошибок, вызывавших справедливые нарекания. <...> Пришло время отметить и положительные стороны этого издательства — они значительны и разнообразны. В этом убеждает даже беглый только просмотр каталога выпущенных им книг, содержащего сто пятьдесят изданий. <...> Оно же подарило нам новейшие произведения Алданова, Ремизова, Вл. Набокова и многих других; дало нам замечательную серию воспоминаний о прошлом; ряд интересных переводных книг; обрадовало такими шедеврами, как “Ульмская ночь” Алданова и “Встречи с Лениным” Юрьевского; взволновало “Путешествием в страну Зе-ка” Юлия Марголина; всколыхнуло книгой Варшавского о незамеченном поколении, о которой будут еще говорить и писать»³⁷.

Издательство имени Чехова было нечаянным метеором на очередном витке холодной войны. Американцы дали на него деньги, по сути, случайно, и быстро поняли, что можно было этого не делать, недаром продлить жизнь издательству не удалось, несмотря на все старания. И тем не менее крупнейшее в то время русскоязычное издательство за рубежом оставило заметный след в истории печатного дела и всей истории эмиграции.

«Издательство имени Чехова» создавалось, чтобы помочь эмигрантам второй волны вписаться в новые условия. Но, выполняя свою прикладную задачу, оно наряду с пропагандистскими изданиями опубликовало немало хороших книг.

После войны на короткий срок у русской эмиграции первой волны появилась возможность хотя бы отчасти использовать в собственных интересах американские деньги, предназначенные, в сущности, не совсем для нее. И русские эмигранты этой возможностью в меру сил воспользовались, чему убедительное свидетельство — каталог выпущенных издательством книг³⁸.

Бунин, Набоков, Ремизов, Алданов, Георгий Иванов, Адамович, Струве, Терапиано, Варшавский и многие другие авторы первой волны выпустили в издательстве книги, которые до сих пор читаются, переиздаются, цитируются. Некоторые из этих книг были составлены и написаны специально для издательства, т.е. в другой ситуации вышли бы другими или не появились вовсе. Если даже такие книги в общей сложности не составляют и трети всей продукции издательства, это уже очень много.

³⁷ Вейнбаум М.Е. Издательство имени Чехова // НРС. 1956. 29 февр. № 15586. С. 3.

³⁸ Издательство имени Чехова. Каталог 1952–1956. [Нью-Йорк, 1956]. 79 с.

Большие деньги и большая политика — очень существенные факторы, которые трудно игнорировать, но, к сожалению, они не всегда работают в том направлении, в котором хочется, однако и при этом их можно использовать во благо общего дела.

История «Издательства имени Чехова» исключительно интересна и показательна в этом плане, как интересно все, что делалось и говорилось в редакции и вокруг, и хотелось бы, чтобы архив издательства, неплохо сохранившийся, был наконец опубликован в достаточной степени.

Е.В. Кодин

Издательская деятельность Мюнхенского института по изучению СССР, 1950–1972 гг.

Аннотация: В данной статье на примере трех основных групп (материалы научных конференций, научные труды сотрудников института, справочные издания) показана издательская деятельность Мюнхенского института по изучению СССР за период с 1950 по 1972 г.

Annotation: The article demonstrates publishing activity of the Munich Institute for the Study of the USSR during the period of 1950–1972 within three main groups (conferences materials, Institute employees publications, reference publications).

Ключевые слова: Мюнхенский институт по изучению СССР, издательская деятельность.

Key words: Munich Institute for the Study of the USSR, publishing activity.

Мюнхенский институт по изучению СССР был создан группой советских послевоенных эмигрантов («невозвращенцев») 8 июля 1950 г. В этот день в суде первой инстанции города Мюнхена был зарегистрирован устав института. Институт прекратил свою деятельность 30 июня 1972 г. То есть институт действовал полных 22 года. Из них активная издательская работа велась институтом начиная с 1951 г. и до середины 1960-х гг. Хронологически этот период можно «вместить» в 15 лет.

В целом за эти годы Мюнхенским институтом была проведена большая работа по изучению Советского Союза. В последнем каталоге публикаций института, выпущенном в 1969 г., все изданное на тот момент разбито на семь групп: периодические издания, материалы научных конференций, типографские издания, ротапринтные издания, каталоги библиотеки института, юбилейные издания, книги, опубликованные другими изданиями, но «от имени института».

Всего в разные годы Мюнхенским институтом издавалось 20 журналов на русском, английском, немецком, французском, арабском, испанском, турецком, украинском языках. Было издано 70 наименований книг обычным типографским способом, 94 — ротапринтным способом, 15 книг вышли в крупных европейских и американских издательствах, но «под грифом» института. В издательском багаже института — материалы 16 научных конференций.

Не имея возможности в краткой статье дать характеристику всей печатной продукции Мюнхенского института, мы остановимся лишь на трех

основных группах. При этом, сознательно нарушая логику изложения, начнем с выводов. Общее заключение по издательской деятельности Мюнхенского института видится следующим:

1. За годы своего существования институт создал и опубликовал значительное количество солидных, качественных научных работ по Советскому Союзу в области истории, археологии, экономики, философии, государственно-церковных отношений и др.

2. Холодная война и уставная цель института — борьба с коммунизмом — наложили свой пропагандистский отпечаток на издательскую деятельность института, что существенно снижало общую ценность его публикаций.

Наша задача — показать переплетение этих двух позиций как в научной, так, естественно, и в издательской деятельности института. С этой целью рассмотрим три большие группы издательской продукции Мюнхенского института.

Первая — это материалы научных конференций. Сборники с материалами конференций издавались довольно качественно и очень оперативно, почти сразу по окончании конференций.

Из наиболее «солидных» следует назвать материалы третьей конференции, состоявшейся в Мюнхене в августе 1953 г. Ее название — «СССР сегодня и завтра». «Понять СССР в его “сегодня и завтра”, — читаем в предисловии к сборнику трудов по итогам конференции, — значит уяснить себе новейшие тенденции развития советского *тоталитарно-террористического агрессивного государства* [курсив наш. — Е.К.]»¹. И далее по тексту. То есть методологические установки и оценки уже заранее расставлены. При этом в полном терминологическом повторении ярлыков эпохи Большого террора. Только теперь, наоборот, это звучит из уст не власти, как в 1930-е, а ее обвинителей из числа бывших советских граждан.

В июле 1955 г. в Мюнхене прошла VI научная конференция на тему «Задачи и методы изучения СССР»². Отличительной чертой данной конференции стало то, что докладчики впервые сами поставили на обсуждение трудные методологические и источниковедческие проблемы, с которыми столкнулась эмиграция при изучении СССР. Об этом хорошо говорят сами названия докладов, например: «Советоведение, советознание или советология», «Задачи изучения СССР в области социальной и политической», «Задачи изучения СССР в области идеологии и культуры», «Общие проблемы

¹ СССР сегодня и завтра: Труды Конференции Института по изучению истории и культуры СССР, состоявшейся 15–17 августа 1953 г. в Мюнхене. Мюнхен, 1953. С. 7.

² VI конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 28–30 июля 1955 г.) «Задачи и методы изучения СССР». Мюнхен, 1955.

методики изучения СССР», «Исторические источники изучения советской действительности». Как видим, очень важные и во все времена актуальные проблемы методологии исследования.

Но в приветственном выступлении советника Американского комитета при Мюнхенском институте профессора О.И. Фредериксена звучит несколько другая установка. Констатируя уже как факт широкое признание института в научном мире, он подчеркивал вытекавшую из этого необходимость «планировать свою работу с сугубой осторожностью», призывая сотрудников института «строго определить темы своих исследований, *базируясь на запросах свободного мира* [курсив наш. — Е.К.]. «Свободный» же мир эпохи «железного занавеса» требовал изучения Советского Союза как врага. Что в принципе совпадало с изначальными целями института борьбы с коммунистическим Советским Союзом.

Девятая конференция, проведенная в июле 1957 г., была посвящена 40-летию советской власти³. В ее работе, кроме научных сотрудников института, приняли участие 264 представителя из 14 стран мира. Общая установка сразу была задана в приветственном слове председателя ученого совета института Мирза Бала, который еще до докладов резюмировал: «В Советском Союзе никаких перемен нет, — он остается таким, каким был 40 лет назад, т.е. страной порабощения, страной страдания, штабом мировых коллизий»⁴. Доклады в целом «шли» в русле выступления Ричарда Враги: «Эмпирическая доктрина марксизма-ленинизма, основанная на волюнтаризме, не подлежит никакой эволюции, никакому ревизионизму»⁵.

Таких примеров бесконечное множество. Они свидетельствуют о том, что сотрудники Мюнхенского института «не выпадали» из общих антикоммунистических и антисоветских методологических установок того времени, а их советское прошлое и горький личный опыт лишь эмоционально усиливали эти подходы и оценки.

Вторая группа: научные труды сотрудников института. Здесь мы представим лишь несколько *по-настоящему научных исследований* отдельных ученых-сотрудников Мюнхенского института. Это работы археолога М.А. Миллера, историка А.А. Авторханова, экономистов П.Л. Кованьковского, В.П. Марченко и Н.М. Ясного, богослова А.А. Боголепова. Их труды, конечно, не могли быть полностью свободными от имевшей место идеологической войны, но в целом это высокого уровня научные исследования без какой-либо пропагандистской составляющей.

³ IX конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 26–27 июля 1957 г.): 40 лет советской власти. Мюнхен, 1957.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 24–25.

Так, например, никакой «задачи на борьбу» совершенно не просматривается в изданной в 1954 г. большой работе профессионального российского и советского археолога Михаила Александровича Миллера «Археология в СССР»⁶. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, он посвятил себя археологии. До войны работал доцентом, профессором в Ростове-на-Дону, с 1939 г. — заведующим кафедрой древней истории и археологии в Ростовском университете. Одновременно вел активные полевые исследования: в зоне затопления при строительстве ДнепроГЭСа, в Моздоке, на Нижнем Дону. Во время оккупации Ростова служил директором краеведческого музея, в 1943 г. вместе с немецкими войсками выехал в Германию.

М.А. Миллер добросовестно показывает российскую археологию дореволюционного периода, ее развитие в эпоху НЭПа, «разгром археологов» в 1930-е гг., довоенный и послевоенный периоды. Он высоко оценивает подготовку археологических кадров в 1920-е гг., в результате чего новая генерация русских археологов 1930-х гг. оказалась по своей подготовке и квалификации несравненно выше старых археологов, приходивших в археологию без всякой подготовки⁷. Но она была разгромлена в 1930-е гг.

Мюнхенским институтом были опубликованы и четыре объемных тома результатов непосредственно полевых археологических исследований М.А. Миллера, его работы с археологическими материалами Днепропетровского, Никопольского и Херсонского музеев⁸. Автор ставил перед собой задачу сохранить для последующих поколений историков те сведения, которые собирались им в течение всей жизни. И это было сделано Мюнхенским институтом.

В 1959 г. в Нью-Йорке «от имени Мюнхенского института» на английском языке была издана известная работа Абдурахмана Геназовича Авторханова «Сталин и Коммунистическая партия Советского Союза. Технология власти»⁹. В ней он оспаривал тезис Троцкого о том, что это не Сталин создал машину, а машина создала Сталина, и доказывал «как раз обратное... это был как раз Сталин, который создал машину, которая, в ответ, сделала из него того, кем он стал»¹⁰. А.Г. Авторханов брал значительный исторический период в жизни партии — с 1928 г. по 1958 г., т.е. полных 30 лет. Автора

⁶ См.: Миллер М.А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954.

⁷ См.: Там же. С. 41.

⁸ См.: Миллер М.А. Дон и Приазовье в древности. Мюнхен, 1958. Ч. 1: Первобытный период; 1959. Ч. 2: Древняя история; 1961. Ч. 3: Раннее средневековье; он же. Первобытный период в истории Нижнего Днепра (до появления железа). Мюнхен, 1965.

⁹ См.: Avtorkhanov A. Stalin and the Soviet Communist Party. A Study in the Technology of Power. Munich, 1959.

¹⁰ Ibid. P. 5.

больше интересовал вопрос прихода Сталина к власти и единоличного утверждения в ней как властителя. Этот ранний период, «период подъема Сталина во власть», автор определял как «период идеологической деградации и физического уничтожения основных членов старой партии большевиков». И, одновременно, то был период, когда «была создана новая партия — партия Сталина», хотя она и продолжала вплоть до 1952 г. носить прежнее имя «большевиков»¹¹.

«Реальной» же сталинской партией, в оценке Авторханова, стал корпус более чем из 221 тысячи членов партийных комитетов, олицетворявших собой верхушку партийной элиты. Эта партия Сталина даже имела свое название — партийный актив. В ней не было ни рабочих, ни крестьян. У ее членов были особые права и привилегии, что делало их обособленными от рядовых коммунистов и первичных партийных организаций. И вот «именно через этот инструмент из номенклатурных начальников, — заключает автор, — Сталин на пике своей власти и управлял как абсолютный диктатор»¹².

Вопросами финансов Советского Союза в Мюнхенском институте более других занимался Петр Леонидович Кованьковский. В 1899 г. он окончил юридический факультет Университета св. Владимира (Киев), позже работал в нем профессором по финансовому праву, в эмиграции был консультантом по вопросам советских финансов в Бреславском университете (1942–1945 гг.). Его небольшая брошюра «Финансы СССР во вторую мировую войну»¹³ была издана институтом самой первой — в 1951 г. Понятно, что как специалисту и автору многих работ по финансам царской и советской России сделать это ему было нетрудно.

Через три года было издано хронологическое продолжение первой работы — «Финансы СССР после второй мировой войны»¹⁴. В ней освещались только послевоенные бюджеты Советского Союза. И делалось это в сравнении с соответствующими бюджетами США. Основной источник информации для автора — доклады министра финансов СССР А.Г. Зверева на сессиях Верховного Совета СССР. И уже через два года (в 1956 г.) П.Л. Кованьковский издал свою третью книгу по бюджету Советского Союза, теперь в форме «историко-критического обзора»¹⁵.

Общая же характеристика экономики Советского Союза с середины 1920-х и до конца 1950-х гг. будет представлена в двух работах професси-

¹¹ *Avtorkhanov A. Stalin and the Soviet Communist Party. P. 238.*

¹² *Ibid. P. 247–248.*

¹³ *См.: Кованьковский П.Л. Финансы СССР во вторую мировую войну. Мюнхен, 1951.*

¹⁴ *См.: Кованьковский П.Л. Финансы СССР после второй мировой войны: (в сравнительном освещении). Мюнхен, 1954.*

¹⁵ *Кованьковский П.Л. Бюджет СССР: (историко-критический обзор). Мюнхен, 1956.*

ональных ученых-экономистов — Василия Павловича Марченко¹⁶ и Наума Михайловича Ясного¹⁷.

До войны В.П. Марченко работал в Академии наук УССР, затем выехал в Германию, а в 1952 г. — в Канаду. В своей работе он рассматривал послесталинскую эпоху «как особый хозяйственный период», в котором «советское хозяйство ... закончило, в техническом аспекте, период индустриализации, вступив в период борьбы за превосходство во всем мире»¹⁸. В своем дальнейшем изложении автор рассматривал экономику Советского Союза именно под таким агрессивным углом зрения. «В самом деле, — читаем в работе, — главные цели индустриализации в общехозяйственном смысле — подъем техники, соответствующие абсолютные размеры производства в масштабе страны, более или менее заметное приближение к производству на душу населения по товарам широкого потребления в западно-европейских странах — теперь достигнуты, но СССР совершенно не отказывается от дальнейшей индустриализации в специфическом советско-хозяйственном смысле»¹⁹. Речь здесь шла о «военно-индустриальном характере советского хозяйства», как необходимом условии «своего превосходства над народами некоммунистического мира»²⁰. И он не устоял от создания «страшилок» для Запада.

Иной методологический характер носила книга уже признанного к тому времени в мировом научном сообществе крупного специалиста по советской экономике Н.М. Ясного. В 1908 г. он окончил два юридических факультета: в Санкт-Петербургском и Харьковском университетах, в 1921 г. эмигрировал на Запад: первоначально жил в Вене, затем в Берлине, с 1933 г. — в США. Безусловно, публикация его «Очерков по советской экономике» от имени Мюнхенского института, да еще на английском языке, способствовала росту авторитета института.

Книга Н.М. Ясного начинается с безжалостной критики советской статистики. С нескрываемым сарказмом он писал, что фальшивая статистика СССР «рассыпается при первом к ней прикосновении», что она не предназначена для «думающих людей» и создавалась, похоже, «между рюмками водки»²¹. И именно отсюда, считал он, следуют серьезные трудности поиска объективных источников информации для экономического анализа, для чего ученому приходится проводить перекрестное сравнение промыш-

¹⁶ См.: *Марченко В.П.* Основные черты хозяйства послесталинской эпохи. Мюнхен, 1959.

¹⁷ См.: *Jasny N.* Essays on the Soviet Economy. Munich, 1962.

¹⁸ *Марченко В.П.* Указ. соч. С. 5, 7.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ *Jasny N.* Op. cit. P. 18.

ленного производства и транспортных перевозок, показателей строительной отрасли и производства строительных материалов, личных доходов населения и розничной торговли и др.

Профессор Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке, бывший профессор Петроградского университета и Русского научного института в Берлине Александр Александрович Боголепов в своей работе «Церковь под властью коммунизма» проводил полную аналогию линии Московского патриархата после 1945 г. с позицией, ранее проводимой Живой церковью, отношение к которой у автора было, естественно, крайне негативное за ее сотрудничество с советской властью.

Работа А.А. Боголепова весьма объемна (более 200 страниц), она показывала положение церкви не только в Советском Союзе (первая половина книги), но и в европейских «народных демократиях»: Болгарии, Румынии, Венгрии, Польше, Чехословакии. В самом начале автор описывал советское антицерковное законодательство (с 1917 г.), потом давал характеристику «новой религиозной политике» эпохи Н.С. Хрущева. Автор считал, что «в процессе “борьбы за мир” окончательно сложилась и оформилась новая официальная точка зрения Московской Патриархии на отношения Православной Церкви к коммунистическому государству». Она заключалась в том, что «принятая Патриархией отправная точка зрения практически дает возможность полностью приспособить тактику Церкви к потребностям коммунистического государства», что находило свое выражение в проповеди «о безграничном терпении и полном повиновении коммунистической власти, как бы ни тягостны были ее предписания»²².

В сравнении с общим массивом изданного институтом, такого рода солидные работы немногочисленны. Большая же часть остального — это или брошюры «на потребу дня», или частные случаи и примеры, демонстрирующие, как обязательное, тоталитарный характер советского государства.

Третья группа: справочные издания. Начиная с конца 1950-х гг. Мюнхенский институт подготовил несколько очень востребованных на тот момент биографических справочников об известных государственных, политических, хозяйственных деятелях СССР, работниках культуры, искусства, науки, спорта и т.д.

В 1958 г. институтом на английском языке был издан объемный том (почти 800 страниц) под редакцией В.С. Мерцалова кратких биографий более чем двух тысяч «живущих на тот момент представителей всех сфер советской жизни — политической, образовательной, религиозной, научной,

²² Боголепов А.А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. С. 77.

экономической и культурной» — «Biographic Directory of the USSR». Книга была напечатана в Нью-Йорке²³. В подготовке справочника участвовали 75 авторов. В оценке редакции, сборник предназначался как справочное пособие в первую очередь «журналистам, комментаторам радио и телевидения, а также изучающим Советский Союз студентам». В основе очерков — данные большого количества советских энциклопедий, центральных и местных газет, журналов, докладов на конференциях, других источников за весь период существования СССР.

Структуру персональных данных приведем на примере самой первой фамилии в указателе:

«АБАБКОВ, Тихон Иванович. Партийный и государственный деятель; первый секретарь, Магаданский областной партийный комитет; член Центральной ревизионной комиссии КПСС; член компартии с 1929 г.

До 1953 г. — секретарь Карагандинского обкома партии; с 1953 г. — первый секретарь Магаданского областного партийного комитета; в 1954 г. избран депутатом Верховного Совета СССР; на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. избран членом Центральной ревизионной комиссии»²⁴.

Это издание было полезно тем, что можно было из одной книги получить сразу, хотя и очень краткую, справочную информацию о человеке, а затем уже искать больше, если требуется. В этом смысле своим задачам сборник отвечал в полной мере.

В 1962 г. так же на английском языке выходит первое издание справочника «Основные руководящие работники советского правительства и союзных республик» («Key Officials of the Government of the USSR and Union Republics») ²⁵, которое будет продолжено двумя томами в 1966 г. ²⁶ В редакторском предисловии так объяснялась цель создания сборника: «В своей ежедневной работе западным исследователям часто требуется уточнить, кто какие посты занимал в руководстве СССР. В помощь им биографический отдел института подготовил сводный перечень основных руководящих работников советского правительства». Список был доведен до современности — вплоть до 1966 г. В списке были представлены руководители государства с В.И. Ленина (8 ноября 1917 г.) и до А.Н. Косыгина, главы наркоматов и министерств, с указанием, кто и в какое время какое учреждение возглавлял. Справочник был удобен в пользовании, с алфавитным постраничным индексом в конце и с короткими справками о самих органах управления, где это требовалось.

²³ См.: Biographic Directory of the USSR / Institute for the Study of the USSR, Munich, Germany. N.Y., 1958.

²⁴ Ibid. P. 1.

²⁵ См.: Key Officials of the Government of the USSR and Union Republics. Munich, 1962.

²⁶ См.: Key Officials of the Government of the USSR, 1917–1966. Munich, 1966. Pt. I, II.

Одним из первых появился и сборник на английском языке «Кто есть кто в СССР» («Who's Who in the USSR», 1962)²⁷. Свое продолжение этот сборник получил в биографическом указателе «Известные люди Советского Союза» («Prominent Personalities in the USSR»)²⁸, в котором представлены биографии более 6 тысяч известных советских граждан.

Отдельной книгой в 1964 г. вышел сборник по персоналиям «Деятели сельского хозяйства СССР»²⁹. В нем ставилась «благородная задача» — «помочь справочным материалом западным исследователям, занимающимся изучением советского сельского хозяйства». В сборнике в алфавитном порядке были приведены краткие справки о людях, так или иначе связанных с сельским хозяйством. Это и разного уровня руководители, и селекционеры, и биологи, и агрономы, генетики, зоотехники, ботаники, физиологи, энтомологи, биохимики, микробиологи, почвоведы, лесоводы, животноводы, ветеринары, зоологи, фитоценологи, семеноводы, директора НИИ.

Биографии более 300 человек и список более 100 вузов по подготовке кадров для сельского хозяйства в разных республиках СССР, а также информация о примерно 200 профильных НИИ очень хорошо и наглядно иллюстрируют действительно развитую систему сельского хозяйства и сельскохозяйственной науки страны. Сборник показывал, что в стране есть все базовые условия для развития сельского хозяйства в плане научной составляющей (есть «мозги») и что в руководстве, включая высшее партийное на уровне республик, тоже находятся люди далеко не случайные, а с соответствующей подготовкой и опытом практической работы в сельском хозяйстве.

В 1969 г., уже почти накануне закрытия института, вышел в свет еще один справочник, изданный Мюнхенским институтом в США на английском языке, — «Партийные и государственные руководящие работники Советского Союза, 1917–1967» («Party and Government Officials of the Soviet Union, 1917–1967»)³⁰. Это издание вышло особым. В нем нет биографий людей и истории учреждений, здесь только фамилии, даты и названия органов власти. Составители ставили перед собой задачу помочь «тем, кто пишет о Советском Союзе... в поисках специальных данных об исполнительных органах власти советского правительства». В первой части работы приводился перечень членов Центрального комитета партии, начиная с первого

²⁷ См.: Who's Who in the USSR / Ed. by H. Schulz and S.S. Taylor. Montreal, 1962.

²⁸ См.: Prominent Personalities in the USSR / Ed. by E.L. Crowley, A.I. Lebed and H. Schulz. Metuchen, N.J., 1968.

²⁹ См.: Деятели сельского хозяйства СССР. Мюнхен, 1964 (Исследования и материалы; сер. II, № 87).

³⁰ См.: Party and Government Officials of the Soviet Union, 1917–1967 / Ed. by E.L. Crowley, A.I. Lebed, H.E. Schulz. Metuchen, N.J., 1969.

съезда РСДРП (А.И. Кремер, С.И. Радченко, Б.Л. Эйдельман) и заканчивая XXIII съездом КПСС. Во второй части — председатели правительства, председатели Президиума Верховного Совета СССР, руководители министерств и другие справочные материалы.

В целом было бы неверным говорить о том, что вся научная продукция Мюнхенского института была ненаучной или «малонаучной». Все зависит от выбранных критериев и «угла зрения». С позиций западной, и в первую очередь американской, методологии научных исследований большая часть мюнхенских изданий не могла быть отнесена к категории «серьезной науки». Если же сравнивать публикации с российскими аналогами того времени, то и структурно, и методологически содержательно работы Мюнхенского института не будут существенно отличаться в худшую сторону. Тем более с учетом того, что аналогичного доступа к источникам информации, что имелся у советских ученых, у сотрудников института, конечно, не было.

Однако сами масштабы и многогранность издательской деятельности Мюнхенского института впечатляют. Приходится лишь удивляться, как небольшой группе советских послевоенных эмигрантов в чужой стране удалось на протяжении более 20 лет осуществлять свой научно-издательский и пропагандистско-публицистический проект борьбы с коммунизмом в Советском Союзе.

ДЕЛА КНИЖНЫЕ

М.Е. Сорока

Католическая русскоязычная литература и ее издатели¹

Аннотация: Католическая русскоязычная литература XIX века невелика по объему, но отличается хорошим научным уровнем и литературным стилем. По цензурным соображениям она целиком издавалась за границей. Русскоязычная католическая литература, изданная за границей, не получила массового распространения, но стала заметным явлением в православной богословской среде. Она ввела в научный оборот исторические источники, неизвестные в России, привлекла внимание православных теологов к новым вопросам.

Annotation: Russian Catholic literature of the 19th century is comprised of a small number of works, but it shows a good scholarly quality and literary style. Because of the Russian imperial censorship it was always published abroad. Despite its small volume it became prominent in the Orthodox theologians' circles. It introduced into academic debate historiographical sources unknown in Russia and made Russian Orthodox theologians turn their attention to hitherto unexplored issues.

Ключевые слова: Русский католицизм, миссионерство, Ватикан, пресс-полиглот, католическая теология, политическая подоплека, И. Гагарин, Е. Волконская, Э. Каспрович, Г. Гердер.

Key words: Russian Catholicism, proselytism, Vatican, polyglot presses, Catholic theology, political implications of, I. Gagarin, E. Volkonskaia, E. Kasprovicz, H. Herder.

Традиционно зарубежные русскоязычные издания ассоциируются с политикой и политической цензурой в самодержавной России, а потом — в Советском Союзе. Герценовский «Колокол», женевские издания марксистов и, наконец, книгоиздательство эмиграции XX века. Пристальное внимание историков привлекают те из отпечатанных за рубежом русских книг, содержание которых было враждебно правительству или опасно для него, а влияние на российское общество — существенным.

Если посмотреть на список литературы, издававшейся одним из таких издателей, Эразмом Люцианом Каспровичем (Германия), то в нем есть много примеров упомянутых типов книг. Например, книга декабриста В.И. Штейнгеля «Сибирь и русское правительство» (1879), анонимные книги «Материалы для биографии Петра Первого», «История Петра Первого “Великого”» (обе — 1861), «Финансовое положение России. Взгляд на государственное хозяйство империи по 1864» (1881), а также книга Б.Н. Чичерина

¹ Я благодарна д-ру Г. Кратцу и к.и.н. П.А. Трибунскому за внимание и помощь в написании этой статьи.

«Об аристократии, в особенности русской: Письмо из России» (1874). Издавались в Германии и мемуары, содержавшие нелестные для Романовых сведения: «Записки княгини Трубецкой» (1874), «Воспоминания княгини Е. Дашковой» (1876) и знаменитое сочинение князя М. Щербатова «О повреждении нравов в России», которое, будучи написанным в XVIII в., сто лет спустя все еще считалось взрывоопасным и было издано в Лейпциге в 1876 году. Вся эта литература в глазах цензоров относилась к одной и той же категории — политической.

Иногда из-за этого забывается, что русские заказчики печатали за границей не только политическую литературу, но и научные труды, которые потом легально распространялись в империи. Примером является издание материалов по подготовке крестьянской реформы 1861 г., заказанное и оплаченное великой княгиней Еленой Павловной, которая хотела увековечить великое событие. Так что иногда издание книги за рубежом объяснялось доступностью и качеством услуг немецкой печатной промышленности.

За границей издавались и совершенно иного рода книги, которые цензура заведомо бы не допустила к распространению в России. Например, книга «Тайна игры в рулетку и в трант и карант» (Лейпциг, 1871) напоминает, что царская цензура следила не только за политической благонадежностью литературы, но и за нравственностью. Игорные дома в России были запрещены и руководства к азартным играм соответственно тоже возбранялись. Также запрещалась порнографическая литература и, наконец, теологические и религиозные сочинения, которые пропагандировали учения неправославных церквей или содержали критику православной доктрины. Эта последняя группа изданий находится на границе между двумя категориями литературы — вредная для души и опасная для государства.

Расходы по печатанию книг за рубежом несли либо авторы (как Б.Н. Чичерин), либо их потомки, как в случае с записками княгини Трубецкой. Если Каспрович был одним из немногих немецких издателей русскоязычной литературы с собственным издательским профилем, то другие издательства предлагали русским за плату чисто технические печатные услуги, а содержание книги их не интересовало. Только в определенных случаях для печатания русскоязычной литературы за границей все равно требовалось разрешение свыше. Это относится к печатанию католической религиозной и теологической литературы.

Католическая русскоязычная литература XIX в. невелика по объему, но отличается хорошим научным уровнем и литературным стилем. По цензурным соображениям она целиком издавалась за границей. Хотя в Российской империи и мусульмане, и иудеи, и старообрядцы притеснялись

вплоть до лишения части гражданских прав², положение католической церкви было несоизмеримо труднее, чем у остальных неправославных конфессий по ряду причин. Во-первых, с момента размежевания католицизма и православия началось их доктринальное противостояние, которого не было между православием и другими конфессиями. Во-вторых, официальный статус православия как государственной религии привел в XIX в. к окончательному слиянию понятий «русский» и «православный», что и выразил граф С.С. Уваров в знаменитой формуле «Православие, самодержавие и народность», закрепившей неделимое (в глазах государства) единство этих трех понятий. Этнически русский верноподданный империи мог быть только православным и монархистом. В результате политическое противостояние Российской империи с католической Францией и Австрией имело и идеологический оттенок. В-третьих, начиная с царствования Николая I, после первого польского восстания 1831 г., католицизм в официальных кругах стал прямо ассоциироваться с мятежной Польшей. Один из самых известных русских католических авторов, князь И.С. Гагарин, порицал порочное логическое построение, из которого следовало, что если Польша — воплощение революции, а все поляки — католики, то и все католики — революционеры³. Русские, которые исповедовали католичество, становились изменниками в глазах властей и общества. За обращение в католичество, оглашение перехода в католицизм и отказ вернуться в Россию, чтобы принять церковное покаяние, мужчинам полагалось лишение всех прав российского подданства и состояния⁴; за пропаганду католицизма — ссылка для русских подданных и высылка за границу для иностранцев⁵. В связи с этим русские дворяне, обратившись в католичество, покидали Россию. «Католическая пропаганда» стала синонимом «антиправительственной»⁶.

В то же время русские, которые по большей части приходили к католичеству после долгого и добросовестного изучения богословских источников, жаждали поделиться тем, что узнали, с соотечественниками. По мнению Е.Н. Цимбаевой, начиная с первой трети XIX в., русские католики видели в воссоединении православной и римской католической церковью путь к решению самых трудных вопросов, стоявших перед Россией: соединение церквей должно было, по их замыслу, привести к торжеству всехри-

² См.: Цимбаева Е.Н. Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века. (Дисс. ... д-ра ист. наук Е.Н. Цимбаевой) М., 2014. С. 84.

³ См.: Там же. С. 241.

⁴ См.: Там же. С. 118.

⁵ См.: Almedingen E.M., von. The Catholic Church in Russia Today. Lnd., 1923. P.2.

⁶ Ibid. P. 9.

стианского единства и укрепить культурные и политические связи России и европейских держав. Начиная с середины XIX в. такие русские католики, как И.С. Гагарин, считали, что идея вселенской церкви могла бы использоваться и для решения внутригосударственных задач России. В период великих реформ Александра II, когда в российском дворянстве многие боялись революционного взрыва, Гагарин прямо утверждал, что только католицизм может спасти Россию от революции⁷.

Когда люди так захвачены идеей, они не могут молчать — поэтому естественно, что русские католики искали возможность «спасти» соотечественников и Россию. Как писала Э.М. фон Альмединген, «русские католики в большинстве случаев ничего не могли сделать для своей родины, потому что были в изгнании... Лучшие из русских католиков... понимали, что инстинктивная враждебность по отношению ко всему, исходящему от всего “римско-латинского”... могла бы исчезнуть, если бы русским показали, что стоит за понятием “Рим” и “католичество”»⁸. Это и стало главным стимулом к появлению русскоязычной католической литературы.

Католическая церковь, как организация изначально вселенская, не могла не заниматься миссионерством. С начала XVII в. важным элементом миссионерской деятельности Ватикана стала борьба против Реформации. Миссионеров посылали только в те страны, где до Реформации была католическая церковь — например, в Польшу. В XVI–XVII в. она отпала от католической церкви, население обратилось в протестантство, и только благодаря усилиям иезуитов вновь стала католической страной. Кроме того, миссионеров посылали и в «языческие страны», например в Испанскую Америку, в Японию, Китай и Индию.

Контрреформация, явление мощное и успешное, использовала и проповеди, и искусство, и школьное образование, и, разумеется, печатное слово. В помощь миссионерской работе с отступниками и язычниками была проведена григорианская реформа календаря; организован монашеский орден Иисуса, известный среди противников как Орден иезуитов; были созданы и национальные коллегии в Риме, где готовили священников для работы в разных странах Европы, отпавших от католической веры. Всего было создано 20 коллегий по одной на каждую страну — английская, шотландская, ирландская и т.д. И, наконец, была создана организация, называемая Священная Конгрегация Распространения Истины, по латыни кратко «Пропаганда Фиде» (Propaganda Fide). Она была учреждена в Риме в 1622 г., а уже через 4 года у нее был печатный пресс-полиглот, позволявший печатать на разных языках. Эта печатня-полиглот существовала

⁷ См.: Цимбаева, Е.Н. Указ. соч. С. 85.

⁸ Там же. С. 20.

до 1812 г. Книги — богослужебная литература и катехизис — печатались большей частью для раздачи миссионерам, и только небольшая часть поступала в продажу.

Частично книги, распространяемые «Пропагандой Фиде», печатались в Париже. В 1631 г. Рим запретил этим типографиям печатать книги на французском языке, если к ним не прилагался перевод на латынь или итальянский язык. Так Ватикан осуществлял контроль за содержанием книг, издававшихся за его пределами, но от его имени.

Позднее это правило отменили, но книги, издаваемые «Пропагандой Фиде», по-прежнему должны были иметь *imprimatur* — знак того, что печатание данной книги одобрено Ватиканом. Это конечный этап в процессе превентивной цензуры книг о вопросах веры или морали, написанных мирянами. Книги без *imprimatur* — то есть без одобрения Ватикана — не рекомендовались для чтения католикам. На листе с выходными данными в каждой книге, написанной католиками по вопросам религиозным, ставились два штампа: «*Nihil obstat*» («Не препятствую») от прочитавшего книгу цензора и «*Imprimatur*» («Печатать») от католического епископа.

В Российской империи могли считаться «бывшими католическими» только граничащие с Польшей области Белоруссии, Волыни и Галиции. Правда, и тут русскоязычные издания были неуместны. Пользовались польскими или латинскими текстами. Что до собственно русских, то русские католики в начале XIX в. не нуждались в русской литературе. Католицизм распространился в среде столичного дворянства в период Французской революции и наполеоновских войн, когда много глубоко религиозных французских роялистов, мальтийские рыцари и иезуиты селились в России и пользовались покровительством императорского правительства.

Деятельность талантливых католических миссионеров, вроде Жозефа де Местра, аббата Николая, который открыл коллеж в Петербурге, и некоторых его последовательниц, вроде принцессы Тарентской, привели к тому, что члены нескольких русских аристократических семей перешли в католичество. Среди них представители семей Шуваловых, Нарышкиных, Бутурлиных, Ермоловых, Голицыных, а также сестры — княгиня Екатерина Петровна Гагарина и Софья Петровна Свечина; женщины из семьи знаменитого московского генерал-губернатора времен 1812 г. графа Ф.В. Ростопчина. Несколько Волконских последовали примеру Зинаиды Александровны Волконской. К концу жизни перешел в католичество и Александр Бенкендорф, шеф жандармов и друг Николая I. До сих пор остается неясным вопрос о католичестве П.Я. Чаадаева. Из этой же среды вышли и русские иезуиты: брат русского посла в Вене Е.П. Балабин, мать которого была французской католичкой; Ю.К. Астромов, С.С. Джунковский, И.М. Мартынов и И.С. Гагарин.

Их привлекала философская глубина католического учения и импонирует аристократизм его миссионеров, сильно выигрывавший в сравнении со скромным социальным положением православных батюшек.

Эти русские католики знакомились с католической доктриной и обрядами на французском языке, которым они зачастую владели лучше, чем русским, и ассоциировали католицизм с культурой Франции. Проповедь католицизма среди высшего класса велась на французском и французами. Зачем же тогда с середины XIX в. появились издания католической литературы на русском языке? Прежде всего для миссионерства: нужны были катехизисы и молитвенники, чтобы раздавать новообращенным. Так, молитвенник «Господу помолимся», печатавшийся в Австро-Венгрии, доставляли в Россию через Польшу или Галицию. Но и миссионерство было крайне затруднено из-за преследований, и такая литература не отвечала сложности задачи.

Вопрос о русскоязычной католической литературе встал перед католическими прелатами с началом Крымской войны. Во-первых, появились русские военнопленные, среди которых можно было вести миссионерскую работу. Во-вторых, в 1854 г. в католической Франции возникли мысли о том, что после смерти Николая I новые веяния в России могут сделать осуществимым воссоединение православной и католической церквей. Чтобы привлечь на свою сторону значительное число населения, и в особенности православное духовенство, нужно было их убедить. Имело смысл печатать богословские труды на русском, потому что грамотность в России росла, и во второй половине XIX в. появилось сравнительно большое число людей, которые получили образование, но не знали иностранных языков. Именно поэтому понадобились богословские труды на русском языке.

Особенный энтузиазм вызвала эта мысль среди русских иезуитов. Среди них — граф Григорий Шувалов, который перешел в католичество в 1843 г. и стал монахом ордена Св. Варнавы под именем отца Августина. Он основал ассоциацию молений в честь Девы Марии за возвращение греко-русской церкви в лоно католической церкви⁹. В том же, 1843 г. князь Иван Сергеевич Гагарин, дипломат и друг (будущего) славянофила Ю.Ф. Самарина, тоже перешел в католичество и стал монахом ордена Иисуса под именем отца Жана-Ксавье (Иоанна-Ксаверия). Оба они были близки к парижским католическим салонам Софьи Свечиной и другой русской католички, графини Анастасии де Сиркур.

После пятилетнего университетского курса, обязательного для иезуитов, Гагарин был рукоположен в 1848 г. Он возложил на себя миссию вер-

⁹ См.: Тамборра А. Католическая церковь и русское православие: два века противостояния и диалога / Пер. П. Иосад, О. Карпова. М., 2007. С. 180–185.

нуть Россию в число европейских народов путем перехода в католичество¹⁰. По приглашению генерала ордена отца Бекса в 1854 г. Гагарин приехал в Рим и там объяснил ему свое намерение. Отец Бекс написал в Париж главе французских иезуитов о том, что желательно разработать программу культурно-просветительной работы, направленной на Россию. Гагарину поручили заниматься этим делом, в помощь ему предоставили монахов И.М. Мартынова и Е.П. Балабина.

Их задачей было собрать документы и материалы о православной церкви, а также о истории России, чтобы ознакомить с ними западных теологов. Мартынов и Балабин хотели создать программу, которая бы готовила миссионеров не для России или Польши, или Чехии, а для «славян». Для этого нужно было изучать историю, изучать обращение славян в христианство, анализировать славянский вариант Библии и использование славянских языков в литургии¹¹. Русские иезуиты мечтали о славянском единстве, основанном на единой письменности и единой религии — католической. Гагарин считал, что в России история раскола и католической церкви освещаются тенденциозно, и хотел собрать материалы для написания новой истории России и православия для русских.

В 1855 г. была подписана орденом Иисуса хартия об основании общества Св. Кирилла и Мефодия и Славянской библиотеки в Париже. Ее задачами было ежегодно публиковать, переводить некоторое количество богословских трудов, а также печатать репринтные издания по главной теме библиотеки и издавать диссертации по теологии греческого или славянского обряда. Так были заложены основы французской славистики — в журнале «*Études de théologie, de philosophie et d'histoire*», который выпускал Гагарин и его сотрудники, и в библиотеке, которую они основали.

Русские военнопленные Крымской войны стали первыми адресатами парижской католической прессы. В 1855 г. в Париже было издано «Сокровище христианства или краткое изложение истин и обязанностей христианина». Автором этого католического катехизиса на русском языке был иезуит отец Юлиан Константинович Астромов. Он первым начал проповедь католицизма на русском языке. Книги печатались французскими издателями Жюльеном Ланье и К^о (Julien Lanier & Cie) в Ле-Мане, где находился коллеж иезуитов, Институт Св. Креста. Там же в 1858 г. были изданы на русском языке брошюры Гагарина «Исповедание веры Григория XIII, предписанное

¹⁰ См.: *Marichal R.* Ivan Sergeevič Gagarine, fondateur de la Bibliothèque Slave. P. 30 // URL: <http://rus-sie-europe.ens-lyon.fr/IMG/pdf/marechal.pdf>.

¹¹ См.: *Beshoner J.B.* Ivan Sergeevich Gagarin. The Search for Orthodox and Catholic Union. Notre Dame, IN, 2002.

грекам» и «Любопытные свидетельства о непорочном зачатии пресвятой Богородицы».

Вторым адресатом его трудов, по замыслу Гагарина, должен был стать император Александр II. В 1854 г. Гагарин написал книгу на французском языке, которую издал иезуитский орден во Франции — «Будет ли Россия католической?». Приятельница и родственница Гагарина, Свечина, писала ему: «Не удивительно, что ваш труд еще не вызвал много интереса. Во Франции вопрос мало кого интересует. В Германии — тоже, исключая русских, которые живут на берегах Рейна. Но я уверена, что 5–6 экземпляров, которые попали в Россию, будут не просто прочитаны, обсуждены и подвергнуты критике в сто раз большим числом людей, но уверена, что в грамотном обществе еще долго, когда станут обсуждать религиозный вопрос, то сразу так или иначе вспомнят вашу книгу. Возможно, она не произведет никакого немедленного положительного воздействия. Но мысль, которая едва проникла в несколько голов, постепенно овладеет всеми, и тогда прорастет семя»¹².

Орден Иисуса не разрешил Гагарину исполнить его замысел и лично передать свою книгу духовнику Александра II, чтобы тот обсудил ее с императором. Помощник главы ордена написал Гагарину, что, по сути, автор говорит императору, что тот еретик и должен отречься от ереси и обратиться в католичество. Это не может вызвать доброго чувства, и личное появление Гагарина с книгой в Санкт-Петербурге может печально кончиться. Поэтому лучше было бы, если бы кто-то отправил книгу в Петербург от собственного имени. Например, кто-то из служащих русского посольства в Париже¹³.

В 1858 г. книгу Гагарина перевел на русский язык его коллега Мартынов. Русское название книги звучало менее воинственно: «О примирении русской церкви с римской». Книга, как и предсказывала Свечина, нашла отклик в России — в богословских работах А.Н. Муравьева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Барановского и Сушкова. Профессор теологии Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерей И.К. Яхонтов, сначала отозвался на книгу двумя письмами в «Русской беседе», а потом издал целый том, содержащий десять уничтожающих статей, которыми Гагарин был очень задет.

Журнал «*Études de théologie, de philosophie et d'histoire*» был задуман Гагариным как франко-русский, хотя и на французском языке. Редакторами были отец Даниэль и Гагарин. Поскольку Гагарин считал, что «при-

¹² С.П. Свечина — отцу Гагарину, 7 октября 1854 г. // *Lettres de Madame Swetchine / Publ. par le Comte de Falloux. Paris, 1873. Т. 3. P. 403.*

¹³ См.: *Marichal R. Op. cit. P. 32.*

мирение невозможно осуществить ни вопреки русскому духовенству, ни без него»¹⁴, то ему казалось, что важнее издавать материалы журнала на русском, чем на французском, но его мнения не разделяли другие иезуиты.

Между 1856 и 1860 г. вышло пять номеров журнала. Им заинтересовался Священный Синод и русские читатели. С 1859 г. как ответный ход Синод начал издавать на французском языке в Париже журнал «L'Union chrétienne» под редакцией посольского священника отца Васильева, с помощью бывшего католического монаха, перешедшего в православие, француза отца Владимира Гетте.

Поскольку журнал «Études de théologie, de philosophie et d'histoire» распространялся вне России, то иезуиты постепенно перевели его на темы, более близкие интересам западных католиков. Гагарин, цель которого оставалась прежней, задумал русскоязычный журнал. В частых поездках на Ближний Восток он узнал, что в Бейруте уже есть печатня-полиглот, и он хотел воспользоваться ей для издания русскоязычной литературы. Там его издания могли бы привлечь внимание русских паломников. Планы у него были грандиозные, но исполнителей не было. Вернувшись во Францию по состоянию здоровья в 1863 г., Гагарин издал русский альманах «Кирилло-Мефодиевский сборник»¹⁵, дополненный Мартыновым еще двумя томами. Но в 1867 г. дело заглохло.

Зато в библиотеке работа пошла энергичнее, потому что туда пришел молодой иезуит отец Пауль Пирлинг, прибалтийский немец, который знал русский язык и к тому же был настоящим историком. На его плечи легла основная работа по собиранию и обработке славянских документов и их изданию. За то долгое время, что Пирлинг занимал пост директора библиотеки, он установил связи с русскими историками и пользовался большим авторитетом среди них. Его собственный пятитомный труд «Россия и папский престол» вышел на французском языке в Париже в 1896–1912 гг., а русский перевод первой книги был уже совершенно легально напечатан в Москве в 1912 г.¹⁶

Одновременно, в 1862 г., в ватиканской курии в составе конгрегации «Пропаганды Фиде» появился департамент, занимавшийся делами восточных католических церквей в Италии. Тогда же молодой монах-варнавит Че-

¹⁴ Fr. Gagarine J.-X. De l'Enseignement de la théologie dans l'église russe // Etudes de théologie, de philosophie et d'histoire. 1857. Т.1. Р. 3.

¹⁵ См.: Кирилло-Мефодиевский сборник. Лейпциг; Париж: изд. А. Франк, тип. Бера и Германна, 1863. Вып. 1 (см.: Андерсон В.М. Вольная русская печать в Российской Публичной Библиотеке. Пб., 1920. № 763).

¹⁶ См.: Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912. Кн. 1: Русские и Флорентийский собор.

заре Тондини ди Куаренги (1839–1907) ознакомился с деятельностью отца Августина Шувалова и решил, что это дело не отдельного монашеского ордена, а всей католической церкви, и посвятил всю жизнь воссоединению римской и восточной церквей, работая миссионером среди балканских славян. Так появился еще один католический автор, чьи труды были написаны для восточных славян и переводились на русский.

Немецкий католический автор, барон А. фон Гакстгаузен, тоже желавший воссоединения церквей, с помощью Гагарина создал в Германии Братство Св. Петра и хотел, чтобы русские иезуиты издавали брошюры и в Германии¹⁷, но генерал ордена не разрешил этого, сказав, что иезуитам полагается заниматься теологией, а не писать политические памфлеты. В Риме после смерти Гагарина вообще высказывались мнения против подобных изданий, а после изгнания иезуитов из Франции в 1880 г. бельгийский орден иезуитов отказался помогать французским собратьям издавать их книги, чтобы не навлечь гнев французского правительства на Бельгию¹⁸. Русская католическая печать во Франции прекратилась с изгнанием иезуитов.

Самым жизненным из предприятий Гагарина и его сотрудников оказалась Славянская библиотека, их труд был высоко оценен иезуитами: «Когда Россия откажется от слепого предубеждения... то раскол, который отделяет ее от католической церкви, исчезнет, как снег под первыми лучами солнца. Тогда вспомнят о маленькой группе людей, преданных своей родине и вере, которые трудились, чтобы приблизить этот счастливый миг»¹⁹.

Уже с 1859 г. католические книги на русском языке стали печататься сначала в Лейпциге, главным образом в типографии Бера²⁰, а потом и в других городах Германии. Так, в 1858 г. книга «О возможности соединения Российской церкви с западной без изменения обрядов православного богослужения» была анонимно издана на средства автора сразу в трех столицах: в Берлине издательством А. Ашер и К^о, в Париже — А. Франком и Лондоне — Трабнер и К^о и переиздана в 1867 г. Автор книги, отставной офицер князь Николай Борисович Голицын, в отличие от других русских

¹⁷ См.: *Кратц Г.* Вестфальский путешественник по России Август фон Гакстгаузен и фонд Гакстгаузена в Мюнстерской университетской библиотеке // Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 2000. С. 196, 206, примеч. 88. Я обязана этой ссылкой д-ру Г. Кратцу.

¹⁸ См.: *Burnichon J.* La Compagnie de Jesus en France: l'histoire d'un siècle, 1814–1914. Paris, 1922. Т. 4: 1860–1880. P. 144.

¹⁹ *Ibid.* P. 455.

²⁰ О типографии Бера см.: *Feyl O.* Zu den deutsch-russischen Beziehungen von 1861–1917 im Lichte der Buchgeschichte // *Jahrbuch für die Geschichte der sozialistischen Länder Europas.* Berlin, 1982. Bd. 25, h. 2. S. 97ff., 105. Я благодарна за эту ссылку д-ру Г. Кратцу.

католиков, жил в России и рисковал больше. Это был человек с разнообразными интересами: он написал биографию своего начальника генерала Эмануэля, сочинял музыку и к тому же занимался богословием. Во время поездки в Лондон он издал свою книгу, в которой, на основании разнообразных исторических и богословских источников, утверждал, что восточная (греческая) церковь несомненно является раскольничьей, но что русская православная церковь формально не отделялась от римской и потому воссоединение возможно. Когда вышла его книга, то авторство было установлено довольно скоро, однако Голицын отделался только домашним арестом, потому что убедил власти, что книга была напечатана за границей без его ведома²¹.

Развитие целлюлозно-бумажной промышленности и успехи печатного дела в Германии, как и наличие некоторого числа русскоязычных наборщиков — обычно это были польские или галицийские эмигранты — сделали Германию крупным центром издания русскоязычной литературы с середины XIX в. Первые книги на русском языке печатались в Германии в Галле еще в XVIII в., причем историк книги В.М. Андерсон утверждал, что именно публикация перевода Симоном Тодорским пиетистского трактата «Чтири книги о истинном христианстве» вызвала указ императрицы Елизаветы о том, чтобы «книг таковых из иностранных государств на российском диалекте во всероссийскую империю ни под каким видом не пропускать»²².

Коммерческие издатели в Германии предлагали свои услуги русским авторам с 1859 г., и, по словам Г. Кратца, к началу XX в. в стране было 26 издательств и 35 коммерческих типографий, издававших русскоязычную литературу²³. В 1864 г. основал первую Славянскую книготорговлю (Slavische Buchhandlung) в Германии ранее служивший в издательстве Брокгауза, польский эмигрант Э.Л. Каспрович. Он печатал книги, от которых отказывался Брокгауз не имея желанья рисковать огромными доходами от продажи своих книг в России ради публикации «неподцензурной» литературы. Ни Каспрович, ни Брокгауз не годились авторам, которые, как Гакстгаузен указывал в предисловии к немецкому изданию книги Гагарина, начали «мирный крестовый поход» против православия и писали книги о католическом и православном обряде, призванные убедить русского читателя в

²¹ См.: Люсий А. Догматы и ноты. Николай Голицын — предтеча экуменизма // URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=691>.

²² Андерсон В.М. Указ. соч. С. VII–VIII.

²³ См.: Кратц Г. Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине. Выступление на конференции «История российского книгоиздательства в Германии» в Доме российского зарубежья им. Александра Солженицына, 2013 // URL: http://www.bfrz.ru/data/library/Kratz_Russkoe_knigoizdanie_v_Berline%20%28CA%F0%E0%F2%F6%20%C3.%29.pdf.

том, что истинное христианство — это римский католицизм. Католические авторы — такие, как Гагарин, Мартынов и Астромов, — нуждались в издателях, имевших безупречную репутацию в католическом кругу и одобренных Ватиканом.

В Германии публикацией русскоязычных и переведенных на русский язык трудов католических авторов занялся большой и уважаемый издатель Гердер. Дело было основано в начале XIX в., и существует по сей день в том же университетском городе Фрайбург. Издательство при первом владельце, Вениамине Гердере, насчитывало десяток рабочих, при его преемнике Германе Гердере — 180 рабочих, а в 1901 г. — уже около полутысячи. Помимо Германии, филиалы издательства были в Барселоне, Бреслау, Риме, Токио и в США.

Издательство специализировалось на церковной литературе, описаниях путешествий, педагогической литературе. Гердер прославился энциклопедией «Большой Гердер». Также издательство занималось литературой по религиозным и политическим проблемам современности, церковной политике, выпуская серию «Theologische Bibliothek». С самого основания издательство было строго католическим, тесно сотрудничало с немецкими иезуитами, и потому в 1864 г., например, ему была оказана честь издать энциклику о непогрешимости папы. Юбилейная брошюра издательства утверждает, что материальный фактор был для них второстепенным по сравнению с желанием семьи Гердер участвовать в современной религиозной жизни. Гердеры были моралистами, и труды, посвященные христианской догме и этике, они печатали по принципиальным соображениям²⁴. Русские католические авторы, которые печатались у Гердера, могли узнать имя издательства по богословской литературе (нерусскоязычной), которую они читали, или по рекомендации католического духовенства.

Гердер издал сразу несколько книг русских и итальянских католических богословов: русских он издавал анонимно или под псевдонимами. В 1887 г. была переведена и издана книга кардинала Мацелло «Ответ на некоторые вопросы, касающиеся возвращения греков-раскольников в недра католической церкви». Михаил Дмитриевич Жеребцов, автор «Исхождения святого духа», когда-то готовился стать монахом-иезуитом одновременно с Балабиным, Астромовым и Гагариным, но не выдержал и остался в миру²⁵. Он вернулся в Россию и жил на Дворцовой набережной в Санкт-Петербурге, но печатался у Гердера под псевдонимами Сергей Асташков или Василий Ливанский. В 1888 г. под псевдонимом Ливанский он опубликовал у Гердера

²⁴ См.: Der Katholizismus in Deutschland und der Verlag Herder, 1801–1951. Freiburg, 1951.

²⁵ См.: Цимбаева Е.Н. Указ. соч. С. 85.

памфлет «Протопресвитер Янышев и новый доктринальный кризис в русской церкви». В 1899 г. Гердер издал на русском языке две книги Тондини ди Куаренги: «Римский папа и папа православной восточной церкви» и «Главенство апостола Петра на основе богослужебных книг греко-российской церкви».

Разумеется, имя издательства Гердера быстро узнали в российских синодских кругах. Преподобный Илларион, сравнивая обилие католической литературы для русского читателя с малочисленными трудами русских православных авторов, обращенными к западному читателю, писал в газете «Христианин»: «Кто из наших православных богословов непосредственно обращался к самому Западу?»²⁶. И сам отвечал, что никто, кроме А.С. Хомякова, который писал по-французски полемические трактаты. А в Германии, продолжал Илларион, Гердер напечатал в 1886 г. книгу «Исхождение святого духа и вселенское преосвященство»²⁷.

Илларион считал книги Жеребцова «дерзкой и обидной критикой» православного учения и провокацией, на которую нужно дать ответ. В то же время он писал: «Понятно, что русская книга, напечатанная в чужих краях, за отсутствием издателя и вне всякого научного и даже материального контроля, должна по необходимости изобиловать погрешностями, ошибками и опечатками»²⁸. Илларион верно отметил трудности, с которыми встречалась русская католическая литература при издании за рубежом. Найти и заручиться вниманием русскоговорящих католических рецензентов или критиков за рубежом было нелегко. Держать корректуру богословской литературы на русском языке было трудно немецким издателям, не знавшим русского языка. Поэтому русскоязычная богословская литература за границей издавалась довольно некачественно, что вызывало насмешки оппонентов и сомнение у читателя.

Свидетельство о том, как издавалась одна из вышеупомянутых книг, содержится в мемуарах князя С.М. Волконского. Его мать, Е.Г. Волконская, внучка А.Х. Бенкендорфа и тоже католичка, написала две богословские книги, опубликованные в Германии. Она передала первую рукопись в издательство Б. Бера в Берлине во время пребывания в Германии. В 1888 г. была издана ее книга «О церкви. Исторический очерк»²⁹. Книга вышла анонимно, хотя Волконская не скрывала своего авторства от знакомых. Католическая пропаганда каралась лишением собственности и заключением в монастырь, но высокое положение Волконской оградило ее от неприятно-

²⁶ Христианин. 1912. 7 сент. № 3.

²⁷ См. фото обложки: URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4146257>.

²⁸ Христианин. 1912. 7 сент. № 3.

²⁹ См.: О церкви: Исторический очерк. Берлин: изд. Б. Бера (Е. Бок), тип. П. Станкевича, 1888 (Андерсон В.М. Указ. соч. № 2682).

стей. Синод назначил настоятелю петербургского Казанского собора, протоиерею Лебедеву написать опровержение на книгу Волконской. Прочитав ее, Лебедев сказал: «Эту книгу писали пятнадцать иезуитов, а княгиня Волконская дала только свое имя»³⁰.

Опровержения Лебедева и профессора Казанской духовной академии Беляева вызвали у Волконской желание ответить на критику, и она начала вторую книгу, которую закончила незадолго до смерти³¹.

После ее кончины дети княгини сказали отцу о существовании рукописи, и он согласился, что морально обязан издать ее. Один из сыновей — автор мемуаров — редактировал рукопись, потом прочел ее М.Д. Жеребцову, которого знал как одного из видных русских католиков, а затем отвез рукопись во Фрайбург к Гердеру. Издатель принял книгу охотно, но попросил сначала получить *imprimatur*. Гердер принимал к печати только сочинения, одобренные с церковной точки зрения. «Разрешение, — сказал мне [С.М. Волконскому. — М.С.] Гердер, — вы легко получите; только нужно найти священника, знающего по-русски; он, прочитав книгу, даст свой отзыв, на основании его отзыва наш фрейбургский епископ даст разрешение»³².

Тем временем Герман Гердер начал работать с рукописью. Когда князь Волконский получил корректуру, то оказалось, что наборщики плохо знали русский язык и в корректуре много опечаток. Ситуация, по его словам, была та же, что и с первой книгой, в которой было столько опечаток, что официальные оппоненты обвинили автора в сознательных искажениях и подлогах. Но в данном случае помогло то, что князь Волконский сам держал корректуру.

Поиск католического священника, знающего по-русски, затянулся. В Риме Волконский отправился в польское католическое убежище Св. Станислава, где встретил давнишнего сотрудника Гагарина отца Астромова, который отказался поддержать сочинение княгини Волконской, потому что в ее труде она даже не упомянула его имени, а между тем он работал по той же теме уже тридцать лет. Публикации Астромова, относящиеся к 1880-м гг., были на французском³³ или латинском языке³⁴ и предназначались для западного читателя. Замечание Астромова свидетельствует о том, что знакомство княгини Волконской с современной литературой по теме, ко-

³⁰ Волконский С.М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 120.

³¹ См.: Волконский С.М. Мои воспоминания. С. 119–20.

³² Там же. С. 130.

³³ См.: *Astromoff J.* De l'infailibilité. Rome, 1882; *idem.* Du Pouvoir temporel. Rome, 1885.

³⁴ См.: *Astromoff J.* Introductio ad intelligendam doctrinam angelici doctoris auctore Juliano Astromoff. Romae, 1884.

тору она изучала, было не таким полным, как думал сын. Вероятно, не-профессионалу — а княгиня была дилетантом в богословии — и к тому же живущему в России нелегко было следить за новинками запрещенной католической литературы. Наконец, Волконский нашел епископа литовского происхождения Скирмунта, который знал русский язык. Волконский ходил к нему несколько раз в неделю, чтобы прочитать ему книгу своей матери. За два месяца книга была прочитана, Скирмунт дал положительный отзыв, и в январе 1898 г. книга Е.Г. Волконской «Церковное предание и русская богословская литература» вышла во Фрайбурге³⁵. Илларион совершенно верно указал, что книга была ответом на «несколько русских трудов против католицизма»³⁶.

Богословская литература на русском языке издавалась Гердером на средства автора или, в случае католических монахов, за счет Ватикана. Тиражи были невелики, и большинство экземпляров привозили в Россию заказчики и их знакомые, которым книги дарились тут же, за границей. Те, кто принадлежал к привилегированному классу, имели возможность посылать книги в Россию дипломатической почтой через знакомых дипломатов. Иногда при посылке почтой нелегальная книга вставлялась в переплет с чужим названием и автором. Так как о выходе книги можно было узнать из каталогов, прилагаемых к книгам Гердера, то всегда была вероятность, что православные богословы или религиозные философы, оказавшись в Германии, захотят приобрести новинку хотя бы для того, чтобы написать на нее ответ. В 1877 г. в Германии вышел закон, запрещающий торговать книгами на русском языке, враждебными России, но он не очень стеснял активность издателей³⁷, и русские туристы, которых было особенно много во время курортного сезона, могли без труда найти интересующие их русские книги, изданные в Германии, в немецких книжных лавках.

* * *

Русскоязычная католическая литература, изданная за границей, не получила массового распространения, но стала заметным явлением в православной богословской среде. Она ввела в научный оборот исторические источники, неизвестные в России, привлекла внимание православных теологов к новым вопросам. Появление книг Гагарина, Волконской и Жеребцова положило начало дискуссии между католическими и православными богословами; впервые со времен раскола обе стороны вступили в диалог о христианской доктрине. Залихватский памфлет С.П. Голицына «Иезуи-

³⁵ См.: Волконский С.М. Указ. соч. Т. 2. С. 132.

³⁶ Христианин. 1912. 7 сент. № 3.

³⁷ Андерсон В.М. Указ. соч. С. XII.

ты красного петуха нам пустили, или Развратится ли Россия в латинский католицизм?»³⁸ был не лучшим примером. Помимо публикаций православных богословов, Гагарину и его коллегам ответили русские философы. Славянофил А.С. Хомяков в 1860 г. ответил иезуитам статьей на французском языке в парижском синодском журнале «L'Union chrétienne»³⁹, а полемика Ю.Ф. Самарина с его другом молодости Гагариным составила книгу «Иезуиты и их отношение к России», опубликованную в 1866 г. Эта книга оказалась одним из самых значительных трудов Самарина⁴⁰. В результате монографии, написанные в России в ответ на изданные за границей труды католиков, сделали значительный вклад в развитие православной теологии, русскую философию и историю церкви.

³⁸ См.: [Голицын С.П.]. Иезуиты красного петуха нам пустили, или Развратится ли Россия в латинский католицизм? Посвящается иезуитам Гагарину и Мартынову Петром Артамовым, Вяземским мужичком. Париж: изд. А.Франк, тип. Г. Бера, 1859 (Андерсон В.М. Указ. соч. № 346).

³⁹ См.: Цимбаева Е.Н. Указ. соч. С. 264.

⁴⁰ См.: там же. С. 74.

В.В. Левченко

Публикации одесских ученых за рубежом как составляющая русскоязычной экстериорики (XIX — первая половина XX в.): история, тематика, проблемы

Аннотация: В статье изучается роль и место публикаций одесских ученых за рубежом в XIX — первой половине XX в. в контексте истории русскоязычной экстериорики. В работе представлены выявленные научные публикации данного историографического нарратива, ставшего продуктом и источником популяризации научной деятельности одесских историков за границей. Автор касается вопросов продолжения выявления, учета и изучения трудов одесских ученых как составной части русскоязычной экстериорики.

Annotation: The article is explored the role and place of publications abroad of scholars from Odessa in the XIX — first half of the XXth century in the context of the history of Russian-language exteriorica. The paper presents scientific publications of this kind of historiographical narrative, which became the source of the result and the promotion of scientific activities of Odessa historians abroad. Author touches upon the problem of identification, inventory and study of such works of Odessa scholars as a part of Russian-language exteriorica.

Ключевые слова: русскоязычная экстериорика, Одесса, ученые, историки, исследования, научное наследие, нарратив, историография.

Key words: Russian-language exteriorica, Odessa, scholars, historians, research, scientific heritage, narrative, historiography.

Надобно найти смысл и в бессмыслице: в этом неприятная обязанность историка, в умном деле найти смысл сумеет всякий философ.

*В.О. Ключевский*¹

В исследовании историографического процесса в Одессе, как одном из ведущих научно-образовательных центров Восточной Европы в XIX — первой половине XX в., велика роль русскоязычной экстериорики как ценного пласта наследия российской культуры. Взгляд на историю экстериорики как на явление, развитие и существование которого долгое время продолжалось в социокультурном вакууме, на современном этапе развития науки детерминировано общественно-политической ситуацией конца XX в. Сложившаяся ситуация не могла не привести к рассмотрению современными историографами таких актуальных вопросов, как генезис русскоязычной экстериорики как явления культурно-научного порядка, изучение ее мас-

¹ Цит. по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов. 7-е изд., испр. М., 2003. С. 327.

штабов от регионального уровня до самодостаточного историко-культурного феномена, от антикварного интереса отдельных ученых и краеведов до комплексного научного изучения. Такие «технографические» подходы к исследованию истории «одесской» экстерииорики как составной части деятельности ученых, как расширение географии публикаций по разным научным проблемам были и остаются присущими большинству исследователей. К началу XXI в. подобные подходы были нетипичными для некоторых историков, которые затрагивали вопрос публикаций ученых за рубежом не как становление определенного сегмента исторической науки и научно-культурного ареала вообще, а прежде всего как наличие в реестре трудов ученого определенного количества публикаций за границей. Понимание некорректности подобного подхода стало проявляться в 1980-е гг. в трудах специалистов, прежде всего книговедов и библиографов, которые с разных позиций включались в разработку проблем истории и теории экстерииорики. Их значение в этой области знаний было определено и оценено в последующих исследованиях².

Основой формирования системы русскоязычного библиографического репертуара за рубежом считаются 1950-е гг., когда был начат учет книг и сериальных изданий на русском языке, выпущенных за границей. В настоящее время ведется работа по завершению уже реализуемых в течение многих лет проектов по созданию ретроспективных библиографических ресурсов о русскоязычных газетах, сериальных изданиях и книгах с целью формирования системы всемирного репертуара изданий на русском языке, где свое достойное место занимает и русскоязычная экстерииорика.

Термин «экстерииорика» в международной практике начал применяться в 1970-х гг. и означает совокупность публикаций, так или иначе связанных с определенной страной и выпущенных за ее пределами. Экстерииорика насчитывает несколько основополагающих принципов учета библиографии (территориальный, языковой, комплексный и др.). В данной статье мы основываемся на самом распространенном принципе — комплексном, который более полно отражает суть экстерииорики: 1) публикации, посвященные стране и изданные за ее пределами (независимо от языка издания и авторства); 2) опубликованные за пределами страны публикации, авторы кото-

² Библиографию по русскоязычной экстерииорике см.: *Левин Г.Л.* Ретроспективная национальная библиография России: основы теории и организации: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 423 с.; *Кудрявцев В.Б.* Периодические и неперидодические коллективные издания русского зарубежья, 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. 936 с.; Труды международного библиографического конгресса (Санкт-Петербург, 21–23 сент. 2010 г.) / Науч. ред. Н.К. Леликова, А.В. Соколов. СПб., 2012. 496 с. и др.

рых связаны с определенной страной, в том числе публикации эмигрантов); 3) публикации, написанные на языке страны и изданные за рубежом (независимо от авторства и тематики). Следовательно, современная государственная библиографическая практика каждой страны, решив весьма сложный вопрос выбора принципа учета экстерииорики в пользу комплексного принципа, не отказывается от исторического наследия национальной культуры, представленного иногда деятелями различных этносов и которое накоплено библиографиями разных стран мира.

Экстерииорика при использовании в отношении каждой отдельной страны имеет свое название, как правило, исходящего от латинского названия народности (богемика — Чехия, болгарика — Болгария, гелльветика — Швейцария, георгина — Грузия, германика — Германия, литуаника — Литва, полоника — Польша, романика — Румыния, россика — Россия, словацка — Словакия, украиника — Украина, хунгарика — Венгрия и др.). Эти названия часто применяются специалистами для обозначения всего национального библиографического репертуара, включая государственную библиографию и экстерииорику³. Поэтому для обозначения национальной экстерииорики принято употреблять дополнительные уточнения (например, зарубежная россика или русскоязычная экстерииорика). Субъектом русскоязычной экстерииорики мы определяем подданных/граждан Российской империи/СССР, которые являются носителями предметно-практической деятельности как источника появления научной продукции за рубежом.

Библиографическая регистрация литературы, опубликованной за пределами территории страны, отражает естественные общественные и научные интересы. При нарастании интегративных тенденций и даже глобализации жизни без этой информации невозможно полноценное отражение культуры страны. Поэтому программы экстерииорики существуют во многих странах, их не удалось запретить даже в годы противостояния разных политических систем, и сегодня они являются одними из приоритетных направлений в формировании национальных библиографий и возрождения национальных культур, в частности и историографического нарратива.

Вопросом номер один в решении проблемы сбора русскоязычной экстерииорики является преодоление существенных различий в уровне развития государственной библиографии в странах мира, где вследствие разных причин (обучение, научная командировка, публикация за рубежом, эмиграция и т. п.) оказались опубликованы их труды и начали генерироваться потоки научной литературы. Для подтверждения этого положения следует

³ См.: Левин Г.Л. Экстерииорика // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 1184–1185 и др.

представить исторический обзор развития русскоязычной библиографии в некоторых странах, объединенных по историко-географическому признаку в три группы: страны Западной Европы, страны Центральной и Восточной Европы и США. Такое объединение обусловлено рядом причин, и в первую очередь ходом развития исторических событий. Во-первых, в силу исторических условий русскоязычная экстериорика одесских ученых в странах Западной Европы возникла и начала развиваться с XIX в. Во-вторых, в США труды ученых начали откладываться вследствие их эмиграции на северный континент Нового Света в период с конца 1910-х до 1930-х гг. В-третьих, после Второй мировой войны геополитическая ситуация свела страны Центральной и Восточной Европы в так называемое пространство «социалистического содружества», что наложило свой отпечаток на развитие русскоязычной экстериорики в этих государствах. В большинстве из них именно в указанные периоды происходит появление и развитие русскоязычной экстериорики, основным показателем которой является ее высокий научный уровень. Основными источниками библиографической информации о русскоязычной экстериорике, в частности и одесских ученых, являются традиционные и электронные базы данных литературы, создаваемые ведущими библиотеками стран мира.

Цель статьи — дать представление о наличии и познакомить с некоторыми публикациями одесских ученых за рубежом. Интерес к русскоязычной экстериорике вызывает немало публикаций, ставших в свое время явлением в культурной жизни и до сих пор не потерявших своего значения и актуальности, в связи с чем они и заслуживают введения в научный оборот и дальнейшего комплексного исследования.

В научной литературе автором не обнаружено работ, посвященных указанной проблематике. В истории появления и формирования одесскими учеными русскоязычной экстериорики мы выделяем три условных хронологических периода: 1) с начала XIX в. и до 1918 г.; 2) между двумя мировыми войнами; 3) Вторая мировая война и послевоенные годы.

Хронологические рамки исследования мы ограничиваем 1822–1941 гг. (т. е. двумя первыми периодами), где нижняя хронологическая граница обусловлена выявлением автором первой публикации одесского историка за рубежом. Определение верхней хронологической границы является довольно условным — начало войны. Поскольку Советская власть в Одессе в период 1920–1941 гг. привела к многократному сокращению международных контактов ученых вплоть до второй половины 1950-х гг., когда смягчение политического режима и ослабление международной напряженности позволили одесским интеллектуалам возобновить контакты с зарубежными коллегами. Подобная ситуация негативно повлияла на возможность

осуществления одесскими историками научных публикаций за рубежом и соответственно пополнения русскоязычной экстериорики⁴.

История русскоязычной экстериорики одесских историков берет свое начало в XIX в. Первый период связан с деятельностью археологов-любителей вокруг поисков и сохранения остатков материальной культуры на территории Северного Причерноморья и Крыма⁵. Свое продолжение эта тенденция получила с открытием в Одессе Ришельевского лицея и пополнением его преподавательского состава учеными-историками, когда начался активный процесс институционализации исторической науки как профессиональной дисциплины, что способствовало интенсификации контактов с иностранными научными изданиями. Появление «одесской» русскоязычной экстериорики стало возможным вследствие их участия в различных научных форумах, проведения учеными самостоятельной научно-исследовательской деятельности, стажировки профессорских стипендиатов в зарубежных архивах, музеях, библиотеках, получения высшего образования в европейских вузах и т. п.

На сегодня нами установлено, что одним из пионеров в формировании русскоязычной экстериорики среди одесских историков был археолог-любитель, но при этом член многих академических научных учреждений, в том числе и иностранных, И.П. Бларамберг (1772–1831). В 1822 г. в Париже он издал два исследования: «*Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia, faisant partie du cabinet du conseiller-d'état De Blaramberg a Odessa...*» и «*Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Pauticarée*». Также в иностранной периодике опубликовано значительное количество его заметок и статей⁶.

Среди первых историков-профессионалов участие в формировании русскоязычной экстериорики принял П.В. Беккер (1808–1881). С 1838 по 1857 г. он был профессором Ришельевского лицея, а в 1857–1862 гг. — его директором. Среди более полутора десятков его научных публикаций, преимущественно посвященных вопросам археологии, четыре были изданы в Германии (*Beiträge zur genauen Kenntniss Tomi's und Nachbarstädte. Leipzig, 1853; Die Herakleatische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Leipzig, 1856; Über zweite Sammlung unedirten Henkelinschriften aus dem südlich. Russland. Leipzig, 1869; Über dritte Sammlung... Leipzig, 1878*) и одна во Франции (*Neue*

⁴ См.: Левченко В.В. Международные научные связи учёных-историков Одессы во второй половине XIX — первой половине XX в. // Русское научное наследие за рубежами России / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2013. С. 82–94; Урсу Д.П. Одесса в европейском и культурном пространстве (XIX–XX вв.): Документальные очерки. Одесса, 2014. 272 с. и др.

⁵ См.: Історія Одеси / Голов. ред. В.Н. Станко, Одеса, 2002. С. 124.

⁶ См.: Тункіна І.В. Бларамберг Іван Павлович // Одеські історики. Одеса, 2009. Т. I: Початок XIX — середина XX ст. С. 54–55.

Anschlüsse über zwei olbiosche Inschriften // *Mélanges greco-romains*. 1854. Vol. I)⁷.

Значительно большее количество публикаций за границей одесских историков появилось с началом деятельности имп. Новороссийского университета (1865–1920), где на историко-филологическом факультете трудились ведущие гуманитарии Российской империи, в научной деятельности которых еще не завершился процесс автономизации филологии и истории, поэтому в русле сохраняющихся с XVIII в. традиций в организации научных исследований по истории преобладал персоналогический принцип⁸. Такая ситуация вела к тому, что изыскания в области исторических наук проводили как филологи, так и историки факультета. Среди последних следует выделить историка-новиста А.Г. Брикнера (1834–1896). В Новороссийском университете в качестве профессора он проработал немногим более трех лет — с весны 1867 г. по осень 1871 г. Тут он продолжил научные изыскания в области политической и культурной истории Российской империи XVII–XVIII вв. Результаты его работы были оформлены уже во время его преподавательской деятельности в Дерптском университете и опубликованы в Германии (*Der Zarewitsch Alexei (1690–1718)*. Heidelberg, 1880; *Die Europäisierung Russlands: Land und Volk*. Gotha, 1888; *Geschichte Russlands bis zum Ende des XVIII Jahrhunderts*. Gotha, 1896)⁹.

Характерным примером евроинтеграционного процесса российских ученых является историк античности и археолог Э.Р. Штерн (1859–1924). Его первые годы научной деятельности преимущественно были связаны со странами Западной Европы — обучение в Лейпцигском университете (1877–1880), научная командировка за границу «для усовершенствования в науках» (1883–1884). Результатом такой активной и плодотворной научной деятельности за границей в 25-летнем возрасте Э.Р. Штерна стали две защищенные диссертации, причем обе были написаны и защищены на немецком языке¹⁰ — на то время интернациональном языке Европы. С 1884 по 1911 г. его жизнь была связана с Одессой, где он работал профессором Новороссийского университета. Кроме двух диссертационных работ, его научное наследие содержит и другие труды на иностранных языках. Например, на французском (*Sur la falsification des antiquites en Russe* // *Journal d'Antropologie*. 1899. № 10. P. 122) и немецком (*Die griechische Kolonisation*

⁷ См.: *Савченко В.А.* Беккер Павло Васильович // *Одеські історики*. Т. I. С. 40–42.

⁸ См.: *Попова Т.Н.* Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // *Российские университеты в XVIII–XX веках* / Отв. ред. В.И. Чесноков. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 32.

⁹ См.: *Савченко В.А.* Брикнер Олександр Густавович // *Одеські історики*. Т. I. С. 72–74.

¹⁰ См.: *Избаш-Гоцкан Т.О.* Штерн Ернст Романович // Там же. С. 452.

am Nordestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung // Klio. 1909. Bd. 60, № 2. P. 139–152) языках¹¹.

Ярким примером в рассматриваемой нами проблематике является также Й.Л. Клаузнер (1874–1958) — востоковед-гебраист. В Одессу он приехал в 1885 г., когда ему было одиннадцать лет, и провел в этом городе в целом 24 года. Высшее образование он получил в Гейдельбергском университете, который окончил с отличием в 1902 г. Докторскую диссертацию защитил и опубликовал в Германии (*Die messiaanischen Vorstellungen des Jüdischen Volkes in Zeitalterdes Tannaiten*. Berlin, 1904)¹². Но, в отличие от своих старших коллег, он не вернулся в Одессу, что было связано с ограничением евреев во многих правах в Российской империи до революционных событий 1917 г.¹³ В том числе для них существовали различные препятствия при поступлении в вузы и проведении научно-педагогической деятельности¹⁴. Например, в «имперский» период евреи не допускались к работе в вузах и научно-исследовательских учреждениях¹⁵. Поэтому в 1903–1907 гг. Й.Л. Клаузнер жил в Польше, где редактировал научно-литературный журнал на иврите «Хашилоах», в котором опубликовал исследования по древней истории стран Ближнего Востока, переводы древних текстов с арабского и эфиопского языков, расшифровку клинописной надписи царя Ассирии Санхереба с историко-лингвистическим комментарием¹⁶.

Еще одним представителем интеллектуального сообщества Одессы, судьба которого была схожа с историей Й.Л. Клаузнера, стал С.Л. Рубин-

¹¹ См.: *Ізбаш Т.О., Новікова Л.В.* Штерн Ернст Романович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Одеса, 2005. Т. 4. С. 445.

¹² См.: *Урсу Д.П.* Клаузнер Йосип Львович (Йосиф Гедалія) // Одеські історики. Т. I. С. 162–164.

¹³ См.: *Раскин Д.И.* «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX — начала XX в. // Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». СПб., 1993. Вып. 1: История евреев в России: Проблемы источниковедения и историографии. С. 60–77; *Бэкон Г.* Положение евреев в России после разделов Польши // Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Тель-Авив, 1995. С. 248–253; *Гончаров В. В.* Правовое положение еврейского меньшинства в Украине к. XIX — н. XX вв. // Етнічна історія народів Європи: Національні меншини. Етноархеологія. Київ, 1999. С. 19–23 и др.

¹⁴ См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 228.

¹⁵ См.: Об ограничении евреев Одессы в правах в сфере образования и науки см.: *Левченко В.В.* Становление иудаики в контексте трансформации исторической науки в Украине (1917–1930-е гг.) // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2009. Ч. 2. С. 475–482; *он же.* Еврейские учёные-историки в научной жизни Одессы в первой трети XX в. // История еврейской диаспоры в Восточной Европе / Отв. ред. М.О. Мельцин, А.Н. Пилипенко. СПб., 2012. С. 192–195; *он же.* Еврейское высшее образование в Одессе (1917–1930-е гг.): история, опыт, традиции // Иудаика в Одессе. Одесса, 2013. Вып. 2. С. 6–27; *он же.* Деятельность ученых-историков евреев в научно-исследовательских учреждениях Одессы 20-х гг. XX в. // Південний захід. Одесика. Одеса, 2014. Вип. 17. С. 280–289 и др.

¹⁶ См.: *Урсу Д.П.* Указ. соч. С. 162.

штейн (1889–1960)¹⁷. Высшее образование получил во Фрайбургском и Марбургском университетах в 1909–1913 гг. 11 июня 1913 г. сдал государственный экзамен и представил к обсуждению диссертацию «Исследование о проблеме метода», написанную на немецком языке под руководством Г. Когена (1842–1918), немецко-еврейского философа-идеалиста, главы Марбургской школы неокантианства. Диплом доктора философии был выдан С.Л. Рубинштейну 20 июля 1914 г. Время между сдачей экзамена и получением диплома он провел в Берлине, где под руководством Г. Когена, вышедшего в 1912 г. на пенсию и уехавшего из Марбурга в Берлин, продолжал научные занятия и готовил к публикации диссертацию¹⁸. С началом Первой мировой войны был вынужден вернуться в Одессу, где прожил до 1930 г.

Приведенные примеры пяти первых субъектов русскоязычной экстериорики из числа одесских ученых демонстрируют преимущественное наличие среди них представителей немецкой и еврейской национальностей, прошедших процесс интеграции в российскую культуру. Дабы не сложилось впечатление об отсутствии среди представителей российской науки на рубеже XIX–XX вв. ученых русского происхождения, упомянем об археологе, историке искусства Н.А. Соколове (1886–1953). Он окончил Новороссийский университет (1911) и аспирантуру Санкт-Петербургского университета (1911–1913). В 1912–1913 гг. был в заграничной научной командировке, где посещал университеты, библиотеки, музеи и участвовал в археологических экспедициях. В это же время опубликовал ряд статей (*Les épisodes de l'activité de la censure russe*. Paris, 1912; *Quelques épisodes de la vie des étudiants russe en 1905 année*. Paris, 1912; *Воскрешая Помпею / Resurrecting Pompeo*. Rome, 1912; *На развалинах Кноссы и Феста / Sulle rovine di Cnosso e Festo*. Athens, 1913)¹⁹, которые до начала XXI в. оставались позабытыми.

¹⁷ Об одесском периоде С.Л. Рубинштейна см.: *Цуканов Б.И.* Одесский период жизни С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 3. С. 32–34; *Роменец В.А.* О научной, педагогической и общественной деятельности С.Л. Рубинштейна на Украине // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Б.Ф. Ломов. М., 1989. С. 103–113; *Левченко В.В.* Сергей Леонидович Рубинштейн: грани интеллектуальной биографии одесского периода (1910–1920-е гг.) // Вісник Одеського національного університету. Сер.: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Одеса, 2013. Т. 17, вип. 2 (8) за 2012. С. 109–124; *Дмитриева Н.А., Левченко В.В.* Из Марбурга в Одессу: материалы к научной биографии С.Л. Рубинштейна // Кантовский сборник. Калининград, 2015. № 1 (51). С. 55–71 и др.

¹⁸ К настоящему моменту диссертация в изданном виде не обнаружена. Машинопись на немецком языке с корректурой от руки хранится в НИОР РГБ (Ф. 642. К. 2. Д. 4. 99 л.). См.: *Дмитриева Н.А., Левченко В.В.* Указ. соч. С. 57.

¹⁹ См.: *Левченко В.В.* Из истории исторической науки: профессор Николай Афанасьевич Соколов (1886–1953) // Юго-Запад. Одессика. Одесса, 2008. Вып. 6. С. 227–247; *он же.* Соколов Микола Опанасович // Одеські історики. Т. I. С. 377–380; *он же.* Доля вченого на зламі епох: історик мистецтва Миколай Опанасович Соколов (1886–1953) // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Одеса, 2012. № 9 (161). С. 151–159; *он же.* Из истории исторической науки в Одессе первой половины XX века: забытый историк искусства Николай Афанасьевич Соколов (1886–1953) //

Во время первого периода, вследствие широкого использования зарубежных командировок при подготовке будущих профессиональных историков, началась интенсификация контактов с иностранными учеными²⁰, что стало весомым фактором в интегрировании высшего исторического образования и развития исторической науки Российской империи в мировое научное пространство. Многочисленные командировки ученых-историков в страны Европы и Востока способствовали расширению поля исторических исследований. Разнообразные контакты историков с иностранными коллегами происходили как на специализированных форумах, так и путем личных взаимоотношений. Все перечисленные факторы привели к формированию русскоязычной экстериорики и накоплению первого значительного пласта русского научного наследия за рубежом.

Политические события 1914–1920 гг. привели к трансформации государственного устройства Российской империи и социально-экономическому кризису, что вызвало резкое сворачивание международного сотрудничества ученых всех областей знания, в том числе и историков. Следствием такой ситуации стало наличие в начале 1920-х гг. в высшей школе Одессы, по сравнению с предыдущими годами, меньшего количества преподавателей с опытом международных научных коммуникаций, а большинство из них были вынуждены эмигрировать. С конца 1910-х гг. начался следующий этап русскоязычной экстериорики ученых-историков Одессы, который имеет два направления: внутреннее (публикации советских ученых в зарубежных изданиях) и внешнее (публикации в иностранных изданиях историков-эмигрантов).

Первое направление не является на сегодня комплексно исследованным. Среди его представителей можем назвать только археолога, историка архитектуры, пушкиноведа В.И. Селинова (1876–1946) — выпускника Университета Св. Владимира (Киев), профессора Одесского института народного образования²¹. Нами выявлена одна из его статей, опубликованных за рубежом в период усиления тоталитарного давления на ученых (Что дают для биографии

Историки, научные школы и исторические сообщества Юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства: материалы междунар. науч. конф.: сб. науч. ст. / Редкол.: К.М. Сивков (отв. ред.) и др. Краснодар, 2012. С. 122–129.

²⁰ Частичный исторический обзор интернациональных коммуникаций одесских ученых-историков в этот период был дан в работе А. Ю. Баженовой (см.: *Баженова Г. Ю. Міжнародні зв'язки істориків Росії (друга половина XIX — початок XX ст.): Автореферат дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008. 20 с.*)

²¹ См.: *Левченко В.В. Життя та науково-громадська діяльність Валентина Івановича Селінова (до 130-річчя з дня народження) // Юго-Запад. Одессика. Одесса, 2006. Вып. 2. С. 256–266; Родная Одесса (По материалам дел № 13964-П и № 28242-П Селинова Валентина Ивановича) // Смирнов В.А. Реквием XX века. Одесса, 2007. Ч. IV. С. 89–131; Левченко В.В. Селінов Валентин Іванович // Одеські історики. Т. I. С. 342–345; он же. Замовчуване життя // Реабілітовані історією. Одеська область. Одеса, 2010. С. 583–589; он же. Історико-краєзнавчі студії професора В.І. Селінова (1876–1946) // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2011. № 10. С. 199–202; он же. Валентин Іванович Селінов (1876–1946): теоретик, практик та організатор краєзнавства // Краєзнавство. 2014. № 3/4. С. 35–45 и др.*

Пушкина Бессарабского периода материалы Одесского краевого исторического архива? // *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník XI. Sešit 1. Praze, 1932. С. 100–107).

В 20–30-е гг. XX в. российская эмиграция в Европе активно развивала национальную интеллектуальную жизнь. Несмотря на материальные трудности, российские научные общества за рубежом уделяли большое внимание изданию трудов своих членов, наряду с индивидуальными изданиями. Внешнее направление «одесской» русскоязычной экстериирики является на сегодня практически изученным благодаря российским и украинским исследователям и ученым тех стран, где проживали эмигрировавшие интеллектуалы. Среди одесских эмигрантов-историков представлена обширная библиография П.М. Бицилли²², А.Н. Грабаря²³, А.П. Доброклонского²⁴, Н.П. Кондакова²⁵, Н.Л. Окунева²⁶, М.Г. Попруженко²⁷, С.В. Троицкого²⁸, А.В. Флоровского²⁹, Г.В. Флоровского³⁰ и др.

²² См.: *Галчева Т.Н.* П.М. Бицилли — опыт возвращения // *Бицилли П.М.* Избранное: историко-культурологические работы. София, 1993. Т. 1. С. 7–40; *Васильева М.* Бицилли Петр Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / Общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 90–92; *Попова Т.Н.* Образ университетского профессора: П.М. Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 5–30; *она же.* К анализу научного наследия П.М. Бицилли // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2004. Вип. 6. С. 213–224; *она же.* П.М. Бицилли в исследовательском пространстве России, Украины и Болгарии (К 130-летию со дня рождения ученого) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы / Отв. ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянов. Брянск, 2009. С. 122–126; *она же.* Біцилли Петро Михайлович // Одеські історики. Т. I. С. 49–52 и др.

²³ См.: *Бутырский О.С.* Грабар Андрей Николаевич // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XII. С. 243–245 и др.

²⁴ См.: *Боярченко В., Толстов В.* Историк церкви А.П. Доброклонский // Рязанские ведомости. 1998. 25 дек. № 252–253. С. 4; *Мирошниченко В.О.* Доброклонський Олександр Павлович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Одеса, 2005. Т. 1. С. 60–65; *Музичко О.Є.* Доброклонський Олександр Павлович // Одеські історики. Т. I. С. 125–127 и др.

²⁵ См.: *Кызласова И.* Кондаков Никодим Павлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 303–305; *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна / Від. ред. Ю.А. Мицик; упор. Д.С. Гордієнко, В.В. Корнієнко.* Київ, 2014. Вип. IV: Збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). 760 с. и др.

²⁶ См.: *Янчаркова Ю.* Коллекция профессора Окунева // Родина. 2006. № 4. С. 93–95; *Левченко В.В.* Окунев Микола Львович // Одеські історики. Т. I. С. 275–276 и др.

²⁷ См.: *Горяинов А.* Попруженко Михаил Георгиевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 507–509 и др.

²⁸ См.: *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: Биографический справочник. М., 2007. С. 493–494 и др.

²⁹ См.: *Попова Т.М.* Флоровський Антоній Васильович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Т. 4. С. 332–337; *она же.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В. Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2009. Вип. 11. С. 147–164 и др.

³⁰ См.: *Бычков С., Колеров М.* Флоровский Георгий Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 653–655 и др.

Изучение второго этапа свидетельствует об ограничении возможностей советских ученых по участию в международной научной коммуникации, что привело к потере одесскими историками опыта международного сотрудничества. В конце 1920-х гг. переход партийного руководства страны к тоталитарным методам управления вызвал окончательное свертывание международного сотрудничества одесских историков, деятельность которых контролировалась многоступенчатой централизованной системой проверки, а получение возможности опубликовать статью за рубежом зависело не от уровня и значимости его научной деятельности, а его политической благонадежности.

В целом анализ участия одесских историков в русскоязычной экстерииорике показывает, что обобщающего труда, раскрывающего основные направления их интернационального сотрудничества в XIX — первой половине XX в. не было создано. Основные темы их исследований касались различных аспектов истории, искусства, археологии, культурологии и др. Видовым форматом публикаций были книги, брошюры, диссертации, статьи в сериальных изданиях. География изданий — Германия, Греция, Италия, Польша, США, Франция, Чехия и др. Языки публикаций — английский, болгарский, иврит, немецкий, русский, сербский, французский и др.

Активное участие одесских представителей Клии в русскоязычной экстерииорике способствовало формированию пласта научных работ, которые составили богатое научное наследие в мировой культуре и являются малоисследованным сегментом отечественной исторической науки. На сегодня большинство трудов историков остаются неизвестными и не введенными в научный оборот, а между тем это монографии, диссертации и статьи, изданные на русском и иностранных языках, а также выступления, архивные материалы и эго-документы. Решение данной проблемы будет способствовать изучению эволюции отношений отечественных историков с зарубежными коллегами, ознакомлению с проблематикой и теоретико-методологическими основами мировой исторической науки и, соответственно, популяризации их научной продукции в различных странах мира.

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

Варшавская Синодальная типография и издание произведений Хрисанфа Саковича: 1920–1930-е гг.*

Аннотация: В статье дается анализ православной русскоязычной литературы II Речи Посполитой (1918–1939). В приложении дан краткий обзор изданий Варшавской Синодальной типографии 1920–1930-х гг., а также произведений Хрисанфа Саковича.

Annotation: The article deals with the analysis of Russian Orthodox literature in II Rzeczpospolita. A brief overview of the publications of the Warsaw Synodal printing house in the 1920–1930s, as well as works of Chrysanthus Sakovich is placed in the appendix.

Ключевые слова: Православие, православная литература, русское зарубежье, II Речь Посполитая.

Key words: Orthodoxy, Orthodox literature, Russian abroad, II Rzeczpospolita.

II Речь Посполитая 1918–1939 гг., часто именуемая просто межвоенной Польшей, была многонациональным государством. На долю национальных меньшинств приходилось более одной трети населения, общая численность которого составляла около 30 миллионов человек. По данным государственной переписи 1931 г., православными были около 12 % всех жителей Польши¹.

К 1939 г., согласно официальной церковной статистике, Православная Церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 миллионами верующих, 2500 церквей и часовен, около 3000 духовных лиц, 17 монастырей и скитов, в том числе Почаевскую Свято-Успенскую лавру, Православный Богословский лицей в Варшаве, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный богословский отдел при Варшавском университете им. Иосифа Пилсудского, Митрополитальный семинарий иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив².

Основу православного населения межвоенной Польши составляло крестьянство, исконно населявшее земли восточных воеводств Польши — около 93 % всех православных. По национальному составу православные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00238).

¹ См.: *Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia: 1918–1939.* Warszawa, 1989. S. 194–197.

² См.: Церковный календарь на 1939 год. Варшава, [1938].

делились на несколько далеко не равных по числу групп, среди них доминировало украинское и белорусское коренное население, преимущественно крестьянство; русские, а число их значительно менялось в различные периоды истории межвоенной Польши (от нескольких сот тысяч до ста тысяч человек), были представлены не столько старожильческим населением городов, городков и местечек, сколько эмигрантами, покинувшими Россию в результате революций и Гражданской войны. Впрочем, нередко русскими называли себя и представители местной православной интеллигенции, в том числе и священники³.

Несмотря на трудности внутреннего порядка, II Речь Посполитая стала одним из центров русской богословской мысли, главнейшим центром украинского и белорусского православного богословия, крупнейшим центром создания и издания восточнославянской православной теологической литературы, значительное число произведений которой имели ярко выраженную национальную ориентацию. Начав свою историю с русскоязычного «Православного календаря», выпущенного в 1919 г. в Холме «Rossyjskim Wydawnictwem»⁴, православная литература межвоенной Польши постепенно становилась многоязычной. Со временем появилась и польскоязычная православная литература, первоначально представлявшая собой простой перевод-кальку с уже имевшихся разноязычных сочинений, в том числе церковнославянских, затем преобразовавшаяся в литературу «православных поляков», созданную в значительной степени теми, для кого польский язык стал родным, по крайней мере, вторым родным языком⁵.

Вместе с тем традиция великорусская, в том числе литературная, продолжала играть в жизни польской Церкви главенствующую роль, свидетельством чего может служить издательская продукция, прежде всего многочисленные издания Варшавской Синодальной типографии. Идея организации этого крупнейшего православного литературно-издательского комплекса в межвоенной Польше принадлежала митрополиту Георгию (Ярошевскому). В 1922 г. он обратился в правительство с просьбой помочь в столь важном деле и, получив отказ⁶, всего лишь за год смог самостоятельно организовать типографию и начать выпуск необходимых книг и журнала. Издававшаяся здесь литература в количественном отношении в ту пору не имела себе равных. Она служила почти пяти миллионам православных, в подавляющем

³ См.: *Лабынцев Ю.А.* Православие и православные во II Речи Посполитой // *Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Всему православному миру: Православная литература межвоенной Польши. М., 1995. С. 5–8.

⁴ См.: *Archiwum Akt Nowych w Warszawie.* MWP i OP. № 1260. S. 3–8.

⁵ См.: *Лабынцев Ю.А.* Литературное наследие «православных поляков» // *Славяноведение.* 2000. № 3. С. 81–89.

⁶ См.: *Archiwum Akt Nowych w Warszawie.* MWP i OP. № 1261. S. 2–4.

большинстве жившим на своих исконных землях. Совокупный тираж ее изданий составил несколько миллионов экземпляров книг и брошюр. Причем тиражи отдельных книжных изданий колебались в среднем от одной тысячи до нескольких десятков тысяч экземпляров. Были выпущены многие сотни номеров журналов и газет, также расхोдившихся в тысячах экземпляров⁷. Литература эта, будучи конфессиональной, одновременно являлась в условиях католической Польши и литературой национальной, причем в основном самодостаточной. Вместе с тем по своему значению, глубине и уровню влияния, масштабам она стала уникальной для Европы XX столетия⁸.

Весьма характерным примером и образцом этой литературы, так сказать, объединительного свойства практически всех основных читательских ее групп, могут служить весьма популярные в восточнославянском мире по сей день произведения священника Хрисанфа Саковича, в монашестве Христофора (1833–1897)⁹. Ему, выходцу из потомственной священнической семьи с Волыни, удалось создать целую серию стихотворных произведений паралитургической направленности, которые оказались в числе самых любимых в кругу православных межвоенной Польши. Конечно же, самое известное среди них его стихотворный цикл «Крестная песнь», ставший, по существу, общенародной книгой, столь широко бытовавшей и бытующей до сих пор в виде множества различного рода изданий, в том числе анонимных, и не поддающихся количественному учету рукописных списков, включая сделанные с анонимных изданий конца 1930-х гг., осуществленных в межвоенной Польше.

В известной мере одно из этих давних анонимных изданий «Крестной песни», выпущенных во II Речи Посполитой, можно считать загадочным. Оно не содержит ни имени автора, ни указания на место и время издания. На титуле значится только заглавие: «Крестная песнь. Сборник песен». Вместе

⁷ См.: *Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. М., 1999; *они же.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.) Минск, 2001.

⁸ В качестве приложения к настоящей статье мы помещаем краткий список в хронологическом порядке основных книжных изданий Варшавской Синодальной типографии межвоенного периода 1920–1930-х гг. на русском и церковнославянском языках, дающий наглядное представление об общем репертуаре православной литературы II Речи Посполитой.

⁹ См.: *Шавинская Л.Л.* Писания С.И. Миропольского и о. Хрисанфа Саковича в современной народной литературе Восточного Полесья // Традиції матерьяльної і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час / [Рэдкалегія: А.А. Станкевіч (галл. рэд.) і інш.]. Гомель, 2009. Вып. 2. С. 217–221; *она же.* Поэзия Хрисанфа Саковича в белорусской народной литературе // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2010. С. 609–615; *она же.* Иеромонах Христофор (Сакович) и его произведения как часть народной православной литературы // Традиции и современность (М.). 2011. № 11. С. 93–96.

с тем связь издателей этого сборника с русской православной эмигрантской средой межвоенной Польши вполне возможна, хотя сама книга, ее оформление внешне в чем-то напоминает местные протестантские издания той поры, а отчасти и греко-католические. Еще одно межвоенное анонимное издание «Крестной песни», появившееся в 1938 г., имеет уже самое прямое отношение не только к православным издателям II Речи Посполитой, но и непосредственно к Варшавской Синодальной типографии. Несмотря на усилившийся в тот момент натиск на православие и православных в межвоенной Польше, выразившийся, в частности, в погромах сотен церквей на Холмщине и повсеместном насильственном вытеснении русского языка из всех сфер религиозной жизни, Православная Церковь сумела выпустить значительным тиражом одну из самых мобилизующих народное духовное сознание христианских книг — «Крестную песнь» Хрисанфа Саковича. О выходе в свет этой книги с подробной росписью ее содержания специально сообщает весной 1938 г. такое известное периодическое издание, как варшавский еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал «Воскресное чтение»: «Вышел из печати и продается в Варшавском Синодальном складе сборник стихотворений Кресная Песнь... Цена сборника 50 гр[шей] без пересылки, с пересылкой 65 гр[ошей], налог[енным] платежом 80 гр[ошей]. Адрес: Warszawa 4, Zygmuntowska 13. Skład Synodalny»¹⁰.

Отдельные стихотворения Хрисанфа Саковича печатались в межвоенной Польше Варшавской Синодальной типографией и в составе различных общих сборников, например известного «Богогласника» 1935 г., в котором была помещена его «Песнь преподобному Антонию Печерскому»¹¹.

Нужно сказать, что через четверть века, в 1969 г., Варшавская Православная митрополия в силу большого спроса на эту книгу переиздала ее многотысячным тиражом, разошедшимся по всему православному русскоязычному миру, включая и дальние заокеанские страны¹². А в Беларуси, Украине, Польше, Литве и России указанное варшавское переиздание «Богогласника» 1935 г. послужило оригиналом для огромного числа рукописных переписок отдельных помещенных в нем текстов. Впрочем, многие из них воспроизводятся православными в разных странах и по сей день, все чаще в электронном виде.

¹⁰ Воскресное чтение (Варшава). 1938. 29 мая. № 22. С. 276.

¹¹ См.: Богогласник с нотами / Изд. Миссионерского Комитета при Священном Синоде. Варшава, 1935. С. 320–325.

¹² См.: Богогласник с нотами фотографированными с издания Варшавской Митрополии с 1935 года / Изд. Варшавской Православной Митрополии. Варшава, 1969.

Краткий список в хронологическом порядке основных книжных изданий Варшавской Синодальной типографии межвоенного периода 1920–1930-х гг. на русском и церковнославянском языках¹⁵

1923

Акафист Святому Пророку Божию Илии. 29 с.

1924

Начатки Христианского Православного Учения. 126 с.

1925

Брешко-Брешковский Н. Ряса и кровь. 195 с.

Деяния I-го Вселенского Собора. 173 с.

Краткое толкование Апокалипсиса. 229 с.

Последование освящения Храма. 26 с.

Сагайдаковский А. Молитвы и мелодии. 115 с.

Сельское хозяйство. 258 с.

Требник. 704 с.

* Учебник по Закону Божию для седьмого класса повсехных школ.

Часослов. 271 с.

1926

Акафист Пресвятой Богородице перед Святою Иконою Ее «Неувядаемый Цвет». 32 с.

Акафист Святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову. 30 с.

* Божественная Вратарница.

Божественная Литургия иже во Святых Отца нашего Иоанна Златоустого. 184 с.

Божественная Литургия иже во Святых Отца нашего Василия Великого. 208 с.

Божественная Литургия Преждеосвященных Даров Святого Григория Двоеслова. 96 с.

Вечерня и утренняя. 224 с.

Дионисий, митрополит. Пастырское изучение людей и жизни по святоотеческим творениям. 8 с.

Житие Св. Великомученицы Параскевы по руководству Четых-Миней. 16 с.

¹⁵ Знаком * отмечены издания, о существовании которых известно из источников, но которые не были изучены нами de visu.

- Краткий Молитвослов. 94 с.
 Кулаковский С. Белый клубок и шапка Мономаха. 14 с.
 Кулаковский С. Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича. 16 с.
 Кулаковский С. Сказания иностранцев о Московской Руси. 22 с.
 Кулаковский С. Чудо Богоматери о Феофиле. 8 с.
 Пападопуло Г. Апология библейской космогонии. 175 с.
 * Певницкий В. Основные пункты об учении о пастырском служении.
 Последование в Святую и Великую Неделю Пасхи и во всю Светлую Седмицу. 148 с.
 Последование молебного пения о обращении заблудших, певаемого в неделю Православия и во иных потребных случаях. 30 с.
 Православие в мировом христианском движении. 8 с.
 * Проскомидия Литургии Святой, или Чин приношения церковного, предложенного в жертву Богу.

1927

- Алексий, епископ. О каноничности «Положения о внутреннем устройстве Православной Церкви в Польше». 18 с.
 Арсеньев Н. Философский идеализм в древней Греции. 28 с.
 Бернская Всехристианская Конференция 1928 г. и участие в ней Высокопреосвященнейшего Митрополита Дионисия. 22 с.
 Дионисий, митрополит. Пасторология Св. Иоанна Лествичника. 12 с.
 Кляевский Л. Новогрудская Борисо-Глебская Церковь. 14 с.
 Кулаковский С. Коляда-Епифания. 12 с.
 * Лекции проф. Н.С. Арсеньева, читанные на Богословском факультете Варшавского университета в 1926–1927 гг.
 Международная Христианская Организация. Курс лекций в Женеве 1–4 сентября 1926 г. 32 с.
 * Меч духовный.
 Николаев К.Н. Суд присяжных в России 1864–1917 гг. Опыт характеристики. 77 с.
 * Николаев К.Н. Правовое положение святой Автокефальной Православной Церкви в Польше.
 * Пастырское служение или душепопечение по слову Божию и разумению свв. отцов Вселенской Церкви.
 Перетрухин И. Обновляются иконы. Повесть наших дней. 24 с.
 Православное учение о спасении. 87 с.
 Служба на каждый день Первой Седмицы Святой Четырехдесятницы. 660 с.
 Тарасий, иеромонах. Перелом в древнерусском богословии. 185 с.
 Троицкий С. Что такое живая Церковь? 82 с.

1928

- Акафист Божественным Страстям Христовым. 32 с.
- Акафист Всем Святым от века Богу благоугодившим, их же память совершается Православною Церковью в первую неделю по Святой Пятидесятнице. 32 с.
- Акафист Пресвятой Богородице. 32 с.
- Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице «Всех скорбящих Радости». 32 с.
- Акафист Пресвятой Владычице перед Ее чудотворною Иконою Почаевскою. 31 с.
- Акафист Пресвятой и Животворящей Троице. 32 с.
- Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Иову, Игумену и Чудотворцу Почаевскому. 31 с.
- Акафист Святителю Христову Николаю. 31 с.
- Акафист Святой Равноапостольной Марии Магдалине. 32 с.
- Акафист Святому Великомученику и Целителю Пантелеймону. 31 с.
- Акафист Святому Иоанну Предтече и Крестителю Господню. 32 с.
- Акафист Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу. 32 с.
- Алексий, епископ.* Посещение Его Блаженством Блаженнейшим Митрополитом Дионисием Святых Православных Автокефальных Восточных Церквей. 145 с.
- Антоний, митрополит.* Исповедь. 98 с.
- Антоний, митрополит.* Творения Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Божьего слова. 32 с.
- Арсеньев Н.* Об искуплении нашем. 28 с.
- Благодатная Икона Божией Матери «Взыскание Погибших», обновившаяся 12 апреля 1927 года на хуторе Белеве, Ровенского уезда, на Волыни. 8 с.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Вып. I. 135 с.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Вып. II. 148 с.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Вып. III. 149 с.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Вып. IV. 228 с.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Вып. 212 с.
- Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. 115 с.
- Дионисий, митрополит.* Новейшие раскопки и открытия в римских катакомбах Св. Каллиста на Аппиевой дороге. 16 с.
- Дионисий, митрополит.* Христианская археология, ее характер и ее научный метод. 12 с.
- Записки по Православно-Христианскому Вероучению. 175 с.
- Мальшевский И.* Правда об унии к православным христианам. 63 с.
- Служба Преподобному Отцу нашему Стефану, Епископу Владимировольнскому, игумену Печерскому. 47 с.

Страсти Христовы и плач Пресвятыя Богородицы при Кресте Спасителя. 16 с.

Феодосий, архиепископ. Можно ли христианину согласиться с учением теософов о перевоплощении людей? 68 с.

Филипп (Морозов), иеромонах. Религиозно-философское мировоззрение Вл.С. Соловьева. 96 с.

1929

III-й Конгресс Всемирного Союза насаждения дружбы между Народами посредством Церквей в Праге Чешской, 24–30 августа 1928 года. 16 с.

Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице «Взыскание погибших и всех скорбящих Радости». 20 с.

Акафист Покрову Пресвятой Богородицы. 22 с.

Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Серафиму, Саровскому Чудотворцу. 32 с.

Акафист Преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому. 32 с.

Акафист Святой Великомученице Варваре. 30 с.

Акафист Святому Архангелу Михаилу. 30 с.

Акафист Святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову. 30 с.

Акафист Святому Великомученику и Победоносцу Георгию. 32 с.

Акафист Святому Преподобному Афанасию, Игумену Брестскому. 32 с.

Акафист Трем Свяtitелям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому. 32 с.

Акафист Успению Пресвятой Богородицы. 32 с.

Акафист Честному и животворящему Кресту Господню. 32 с.

Антоний, митрополит. В чем продолжало отражаться влияние Православия на последних произведениях гр. Л.Н. Толстого. 32 с.

Арсеньев Н. Православная Церковь и Западное Христианство. Ч. 1: Православие и Католичество. 108 с.

Белайц С. Божья кара. 8 с.

Белайц С. На пароходе. 8 с.

Белайц С. Отшельник. 15 с.

Белайц С. Проклятие странника. 12 с.

Белайц С. Стрелочник. 7 с.

Витязевский С. Любовь и правда. 12 с.

Граббе Ю. Алексей Степанович Хомяков. 74 с.

Д.Ц. О единстве Церкви. 24 с.

Дополнительный требник. 260 с.

Иверий. «Страстная Пятница». 12 с.

Игнатий (Озеров), иеромонах. На Конференции Русского Христианского Студенческого Движения в Латвии в августе 1928 г. 16 с.

Ириней, епископ Новосадский. Безопасность народов, основанная на их дружбе, вместо безопасности, основанной на вооружениях. 14 с.

Катехизис. 51 с.

Коновалов В.А. Духовный суд и расторжение брака православных. 91 с.

Краткия Жития Святых на весь год. 309 с.

* На память о первом пятилетию Православного Митрополитального благотворительного общества в Варшаве.

* Непрошенные радетели, или Около автокефалии Православной Церкви в Польше.

* *Николаев К.Н.* Правовое положение Православной Церкви в Польше и ее имущественные права с точки зрения административной практики.

Памяти в Бозе почившего Патриарха Антиохийского Григория IV. 4 с.

Первоначальное Наставление в Законе Божиим. 61 с.

Полный Молитвослов Православного Христианина с переводом на русский язык всех молитв и песнопений и с приложением духовных песен и краткого Православного Катехизиса. 300 с.

Последование Парастаса сиречь Великия Панихиды и Всенощного Бдения, певаемого по усопшим. 64 с.

* *Поснов М.* Митрополит Антоний, как православный богослов-догматист. Религии против войны. 155 с.

Речь М.В. Зызыкина перед диспутом в Париже 26 февраля 1929 года на защите диссертации «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи». 28 с.

Роцицкий Ю. Всемирная Конференция Веры и Строя Церковного. 32 с.

Роцицкий Ю. Всемирная Конференция Практического Христианства. 20 с.

Роцицкий Ю. Всеобщая Религиозная Конференция Мира в Женеве 12–14 сентября 1928 года. 18 с.

Савостьянов А. Светлое Христово Воскресение и празднование Святой Пасхи в изображении русской поэзии. 14 с.

Светлой памяти Епископа Чарльза Брента. 18 с.

Скворцов М. Воскресение Христово, как чудо истории христианства. 8 с.

Служба Преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому, Пустыннику Египетскому. 39 с.

Служба Преподобномученику Афанасию, Игумену Брестскому. 23 с.

Службы на каждый день Страстных Седмицы. 558 с.

Червяковский Е.О. Катехизические беседы о святом Храме со всеми его необходимыми принадлежностями и о всех церковных службах круга суточного христианского богослужения. 109 с.

1930

Акафист Воскресению Христову. 23 с.

Акафист Пресвятой Владычице перед Ее чудотворною Иконою Холмскою. 48 с.

Алексий, архиепископ. К вопросу о составе нашего Церковного Собора и значении на нем епископов. 31 с.

- Белайц С.* Без креста, без молитвы. 22 с.
- Гарднер И.* Забытое богатство. 32 с.
- Гарднер И.* Таинственный смысл утрени Великой Субботы. 30 с.
- Годичное собрание Комитета Продолжения Лозанской Всемирной Конференции Веры и Церковного Строя в Моложа (Engaline) в Швейцарии, 27–30 августа 1929 года. 22 с.
- Годичное собрание Исполнительного Комитета и Комитета Продолжения Стокгольмской Всемирной Конференции Практического Христианства 5–9 сентября 1929 г. в городе Эйзенах (Германия). 55 с.
- Граббе Ю.* Англикане и Православная Церковь. 39 с.
- Граббе Ю.* Истинная соборность. 36 с.
- Заикин В.* Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской Митрополии в XVI и XVII веках. 162 с.
- Иоанн (Максимович), иеромонах.* Учение о Софии Премудрости Божией. 52 с.
- Перетрухин И.* Богоматерь. Полное описание ее земной жизни. 80 с.
- Поминание. 32 с.
- Помянник. 64 с.
- Последование молебных пений. 194 с.
- Притеснение религии в России. 28 с.
- Священная история Ветхого Завета. 79 с.
- Теодорович Т.* Почаевская Успенская Лавра и ее святыни. 56 с.
- Теодорович Т.* Руководственные пастырские советы молящимся относительно поведения за богослужением. 8 с.
- Холмская Чудотворная Икона Божией Матери. 15 с.
- Шамардин С.* Мировое значение Православия и задачи Масонства. 20 с.
- Шамардин С.* Раскрытие тайн так называемой теософии или антихристианософии. 31 с.

1931

- Арсеньев Н.* Несколько слов о Мистике, особенно Христианской. 8 с.
- Акафист Честному и Животворящему Кресту Господню. 32 с.
- * Воссоединение униатов с Православной Церковью в 1839 г. и конкордат Рима с Россией в 1847 г.
- Гарднер И.* Об инструментальной музыке и о хоровом полифоническом пении в Православном Богослужении. 32 с.
- Граббе Ю.П.* Культура, прогресс и Церковь. 112 с.
- Граббе Ю.П.* Свобода с христианской точки зрения. 80 с.
- Зноско К.* Житие и страдания Святого Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестского (1595–1648). 12 с.
- Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. I. 327 с.
- Зызыкин М.В.* Функция церковной власти. 32 с.

- Л.К.* К вопросу о соединении Церквей. 8 с.
Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора.
Ч. 1: Воскресное всенощное бдение. Дискант. 152 с.
Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора.
Ч. 1: Воскресное всенощное бдение. Альт. 152 с.
Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора.
Ч. 1: Воскресное всенощное бдение. Тенор. 152 с.
Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора.
Ч. 1: Воскресное всенощное бдение. Бас. 152 с.
* Правовое положение святой Автокефальной Православной Церкви в Польше.
Православное Богослужение. 80 с.
* Чин наречения и хиротонии во епископы.
Чин поклонения Святой Плащанице. 28 с.

1932

- А.А.* Памяти Высокопреосвященного Митрополита Михаила Ермакова. 16 с.
Алексий, архиепископ. Митрополит Георгий (Ярошевский). 60 с.
Алексий, архиепископ. Отношение Митрополита Петра Могилы к Унии с Римом. 87 с.
Арсеньев Н. Работы смешанной Богословской Комиссии по вопросу о сближении Англиканской и Православной Церквей. 24 с.
* Замечания на проект брачного права, выработанный кодификационной комиссией Польской Республики.
* *Зноско К.* Виленская Островоротная или Остробрамская Чудотворная Икона Божией Матери.
Зноско К. Житие и страдания Святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (1347). 12 с.
Зноско К. Житие Преподобного Иова, Игумена и Чудотворца Почаевского (1550–1651). 16 с.
Зноско К. Латинизация Православного Богослужения в Униатской Церкви. 45 с.
Зноско К. Римская неправда о главе Вселенской Церкви. 123 с.
История Православной Церкви. 99 с.
О Православных Церковных Братствах в Юго-Западной России. 87 с.
Огицкий П. Пренепорочность Богоматери. 44 с.
Серафим, игумен. Светлой памяти столпа Православия Блаженнейшего Дамиана Патриарха Иерусалимского. 16 с.
Теодорович Т. Страстная Неделя. Воспоминания великих дней Страстной Недели с кратким изложением содержания церковных служб ее. 88 с.
Филипп (Гарднер), иеромонах. Два забытых подобра. 35 с.
Филипп (Гарднер), иеромонах. К вопросу о переложениях церковных распе-
вов для хора. 22 с.

Филипп (Гарднер), иеромонах. Религиозные черты в творчестве Есенина, Клюева и в опере «Сказание о невидимом граде Китеже и о деве Февронии». 16 с.

1933

- Арсеньев Н.* Античный мир и раннее христианство. 76 с.
Жуковский С. Вера и неверие. 154 с.
Зноско К. Исторический очерк Церковной Унии, ее происхождение и характер. 207 с.
Зноско К. Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия. 23 с.
Зызыкин М. О каноническом положении правящего Епископа и областного первоиерарха представителя в Православной Церкви. 15 с.
Зызыкин М. Философия власти в свете христианской социологии. 56 с.
Зызыкин М. Церковный канон и право государства в замещении епископских кафедр. 10 с.
Иоанн (Шаховской), иеромонах. Легенда о Великом Инквизиторе. 32 с.
Кулаков В. Грех и страдания по учению Св. Василия Великого. 23 с.
Лелявский Б.Н. Религиозная полемика с коммунистами в XVI-м веке. 32 с.
Мельников Ф. Безбожие недоказуемо. 7 с.
Мельников Ф. Безбожники сами верующие, хотя и бессознательно. 16 с.
Мельников Ф. Основы безбожия. 8 с.
Пантелеймон, архиепископ. Крест Христов в православном понимании. 30 с.
Пантелеймон, архиепископ. Против безбожия. 45 с.
Прорвич С. Песня соловья. 12 с.
Русско-Славянский Букварь и первое наставление в Законе Божиим. 118 с.
Серафим, архиепископ. Церковь и Советская власть. 44 с.
Теодорович Т. Пасха. Светлая седмица. 48 с.

1934

- Акафист* Божией Матери «Светлой Обители странников бездомных». 16 с.
Арсеньев Н. Просветление мира и жизни в христианской мистике Востока и Запада. 75 с.
Зызыкин М. Международное общение и положение в нем человеческой личности. 78 с.
Зызыкин М. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. II. 384 с.
Малая Лествица Преподобного Отца нашего Иоанна, Игумена Синайской горы. 154 с.
Н.В. К вопросу о так называемой общей исповеди. 24 с.
Православно-Христианское Нравочение или Христианская Этика. 36 с.
Православно-Христианское Вероучение. 36 с.
Тучемский М. На защиту христианства. 34 с.

- Феофан, архимандрит.* Пастырское делание на приходе. 33 с.
Феофан, архимандрит. Святитель Феофан, затворник Вышенский, как образ православного архипастыря. 33 с.
Церковные торжества в гор. Гродне 13–15 октября 1934 года. 33 с.
Чин присоединения и помазания Св. Миром приходящих ко Православной Церкви от Римско-Латинского Вероисповедания. 32 с.
Чин проследования Божественным Страстям Христовым (Пассий). 15 с.

1935

- Арсеньев Н.* Религиозный опыт Апостола Павла. 23 с.
Баторевич С. Пойдем за Христом! 14 с.
Богогласник с нотами. 424 с.
Дионисий, митрополит. Христианство и искусство. 38 с.
Заикин В. К вопросу о положении Православной Церкви в Польском Государстве в XIV–XVII веках. 132 с.
* *Заикин В.* Униатский Архиепископ Марциан Белозор.
Иоанн, иеромонах. О духовной жизни. 23 с.
Катехизис. 41 с.
Новые материалы об Оптинском старце Амвросии. 8 с.
Сайкович Д. Что ожидает нас за гробом? 20 с.
Священная История Нового Завета. 110 с.
Теодорович Т. К сорокалетию пастырства. 1895 17 (30) / IX 1935. 695 с.
Филарет, митрополит. Православный Христианский Катехизис Митрополита Филарета в общедоступном изложении. 63 с.
Филипп (Гарднер), иеромонах. Догматическое содержание Канона Великой Субботы. 26 с.
Ярмолюк И. Стоит ли жить? 17 с.

1936

- Апокалипсис, или Откровение Апостола Иоанна Богослова с кратким толкованием. 82 с.
Гавриков К. Беседы по Закону Божию с детьми младшего возраста. 108 с.
Карташев А. Практика апелляционного права Константинопольских Патриархов. 19 с.
Касперский Л. Чудо Христова Воскресения. 20 с.
Лотоцкий Г. Христос, как историческая личность. 32 с.
Семенюк А. Записки по Православно-Христианскому Нравоучению. 85 с.

1937

- Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Чудотворною Иконою Жировицкою. 16 с.
* *Алексий (Громадский), архиепископ.* К истории Православной Церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ее Блаженнейшего Митрополита Дионисия (1923–1933).

- Арсеньев Н.* Работа единения Церквей и современный мир. 11 с.
 Двенадцать Евангелий Святых Страстей Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, читаемых во Святый и Великий Пяток на Утрени. 32 с.
Карташев А. Церковь и Государство. 24 с.
Кулаков В. Новая жизнь во Христе. 20 с.
Никитюков Н. Вышний Покров над миром. 80 с.
Сагайдаковский А. Святой Великий и Славный Пророк Божий Илия. 20 с.
Таубе М.А. Аграфа. 152 с.
Феофан, архимандрит. Путешествие в Румынию Его Блаженства, Блаженнейшего Дионисия, Митрополита Варшавского и всея Польши, в 1937 году. 132 с.
Храцевский Ф. Божественность Иисуса Христа. 24 с.
Чернавин И. О бытии Божиим. 20 с.
 Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь. 20 с.

1938

- Арсеньев Н.* Эдинбургская Конференция Христианских Церквей, 3–18 августа 1937 г. 16 с.
 * *Арсеньев Н.* Конгресс Православного Богословия в Афинах.
 * *Арсеньев Н.* О Хомякове.
 Богомысленные размышления, извлеченные из творений Святого Отца нашего Ефрема Сирианина. 90 с.
Гаврилков К. Церковная жизнь в С.С.С.Р. 24 с.
Дионисий, митрополит. Божественное Откровение, как источник истинного Богопознания. 20 с.
Зызыкин М. Церковь и международное право (К межцерковной конференции практического христианства 1937 г. в Оксфорде «Church, state and Society»). 195 с.
Зызыкин М. Оксфордская Конференция Практического Христианства «Church, State and Society» 1937 года и ее постановления. 21 с.
Зызыкин М. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. III. 375 с.
 * *Карташов А.* Церковь и государство.
 Краткий Молитвослов. 63 с.
 Начало христианства на Холмщине. 4 с.
Никитюков Н. Заживо погребенный. 26 с.
Помазанский М. Христос, Церковь и Государство. 26 с.
Сайкович Д. Богословствование в Бозе почившего Блаженнейшего Митрополита Антония Храповицкого. 41 с.
 Св. Великий Князь Владимир и Холмская Икона Божией Матери. 4 с.
 Служба и акафист Святому Равноапостольному Князю Владимиру. 44 с.
 * Типикон.

Издания, не имеющие указаний на год их напечатания

Алексий, архиепископ. Преподобный Серафим Саровский, Великий Угодник Божий и Чудотворец. 122 с.

* *Арсеньев Н.* Еще несколько слов к софиологическому спору.

* *Арсеньев Н.* Мудрование в богословии?

* Молитва разрешительная, от иерея над представившимся читаемая.

* Первое собрание представителей духовенства и мирян святой Польской автокефальной Православной Церкви. 10–15 января 1917 года в Варшаве.

Полный требник, состоящий из Требника и Дополнительного Требника. 964 с.

Рогальский Н. Краткий очерк религиозно-философских систем теософии и антропософии. 34 с.

А.А. Димьяненко

Основные центры издания детской книги русского зарубежья, 1920–1940-е гг.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности издания детской книги на русском языке в эмиграции в период 1920–1940-х гг. Основное внимание уделено определению центров издания детской книги, а также жанрово-тематическим особенностям произведений для детей.

Annotation: The article studies some aspects of publishing of children's books in Russian in exile in the 1920–1940s. Much attention is given to main publishing centers, genre and thematic varieties of children's books.

Ключевые слова: детская книга, издательства, русская эмиграция.

Key words: children's book, publishing house, Russian emigration.

Детская книга русского зарубежья — явление, малоизученное современными исследователями. На сегодняшний момент не существует комплексных монографических работ или тематических сборников по истории книгоиздания для детей в русском зарубежье. Специальный учет и классификация детских книг, выходявших на русском языке для детей эмигрантов, не происходил ввиду территориальной разрозненности книгоиздательских центров и недолгого существования самих издательств. При этом до конца не определены хронологические рамки начала бытования детской книги в эмиграции, т.е. издания, распространения и использования. Из-за систематической нехватки сведений остается неопределенным круг авторов, писавших для детей, жанровая классификация и многие другие аспекты обширного культурного пласта книгоиздания русской эмиграции. Таким образом, остаются неизвестными многие аспекты духовной жизни подрастающего поколения не только рассматриваемого периода, 1920–1940-х гг., но и последующих лет.

Проблемных областей книгоиздания детской книги за рубежом касаются работы по смежным темам: развитие педагогической мысли за рубежом¹, положение детей эмигрантов в период эмиграции², адаптация детей к но-

¹ См.: Егорова К.Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика // Мир детства в русском зарубежье: сб. докл. / Сост. И.Ю. Белякова. М., 2011. С. 28–34; Зырянова И.Д. Межпоколенная трансляция культуры в условиях эмиграции М., 2012; Савченко Т.К. «День русской культуры» в среде русской эмиграции первой волны // Polilog studia neofilologiczne. 2012. № 2. С. 143–154; Руднев В.В. Зарубежная русская школа, 1920–1924. Париж, 1924.

² См.: Бочарова З.С. Положение русских детей в эмиграции: по материалам Бюллетеней Земгора) // Мир детства в русском зарубежье. С. 15–28; Дети эмиграции: Воспоминания: сб. ст. / Под ред. В.В. Зеньковского. М., 2001.

вым условиям жизни в эмиграции⁵ и т.д. Как правило, исследователи говорят о детской книге в связи с анализом общих вопросов культурного строительства либо более частных, таких, например, как развитие просвещения, периодики или книжного дела в целом⁴ и т.д.

Анализ материалов из российских и зарубежных библиотек (РНБ; РГБ; ДРЗ; ГПИБ; Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева; Национальная библиотека Чешской Республики; Библиотека русского купеческого общества; Берлинская государственная библиотека; Библиотека Университета Северной Каролины, «Коллекция Андрея Савина»), библиографических указателей, изданных в рассматриваемый период (каталоги издательств YMCA-Press; «Слово»; «Посев»; библиография Комитета русской книги; «Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924», составленный М.П. Кадишом и В.А. Гольденбергом и изданный Союзом русских издателей и книгопродавцев в Германии), авторских каталогов (Е. Елачича, Л. Фостер, А.Д. Алексеева, Н.А. Сидоренко, П. Полански), прикнижных анонсов и рецензий профильной периодики (журналы «Русская книга» (1921), «Новая русская книга» (1922–1923), «Вестник русского книжного рынка» (1922), «Славянская книга» (1925)) позволяет сделать некоторые выводы о состоянии книгоиздания для детей за рубежом в 1920–1940-е гг.

Необходимо отметить, что из всего массива детской литературы для анализа были отобраны художественные книги на русском языке, имеющие маркировку об адресации в выходных сведениях и книгоиздательских каталогах («для детей», «для юношества», «для младшего возраста», «для среднего возраста» и «старшего возраста»), книги, изданные в сериях «Детская библиотека», «Книга для всех», «Школьный друг» и др.,

⁵ См.: *Кривова Е.В.* Особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры и проблема сохранения родного языка // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2010 [Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2010. С. 215–222; *Берсенева М.С.* Русская эмиграция начала XX века: пути сохранения языкового и культурного кода, проблемы аккультурации (на примере отдельных судеб и языковых центров) // Мир детства в русском зарубежье. С. 63–70; *Черкашина С.А.* Культура Китая и русская эмиграция: некоторые аспекты взаимодействия // Там же. С. 79–88.

⁴ См.: *Бабкина Е.С.* Эпоха русского рассеяния на страницах детского журнала. М., 2014; она же. Развитие традиций отечественной периодики для детей в дальневосточном зарубежье // Уч. заметки ТОГУ. 2010. Т. 1, № 2. С. 36–40; *Базанов Л.Н.* Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX в.: учеб. пособие. 2-е изд. СПб., 2003; Издательства и издательские организации русской эмиграции, 1917–2003 гг.: энцикл. справочник / Сост. П.Н. Базанов. СПб., 2005; *Кузнецова Т.В.* Русская книга в Китае (1917–1949). Хабаровск, 2003; *Хисамутдинов А.А.* Детская эмигрантская литература в Китае // Библиография. 1999. № 3. С. 145–150; *Толстой А.В.* Из истории книжной и журнальной иллюстрации русских художников-эмигрантов // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья: сб. ст. (URL: <http://www.artz.ru/download/1804836099/1804856792/22> (дата обращения: 12.02.2015)); *Долгова Н.М.* Детские журналы русской эмиграции, 1920–30-е годы // Вопросы культурологии. 2006. № 1. С. 95–100.

а также книги, очевидно выпущенные для детей, но не имеющие маркировки («Книжка-картинка» издательства «Новая книга»; «Макс и Мориц» издательства О. Дьяковой, Р. Киплинг «Слоненок» издательства Девриен и т.д.). За границами учета остались буквари, хрестоматии, учебные пособия, учебники, так как формат наполняемости учебных книг требует других методов селекции.

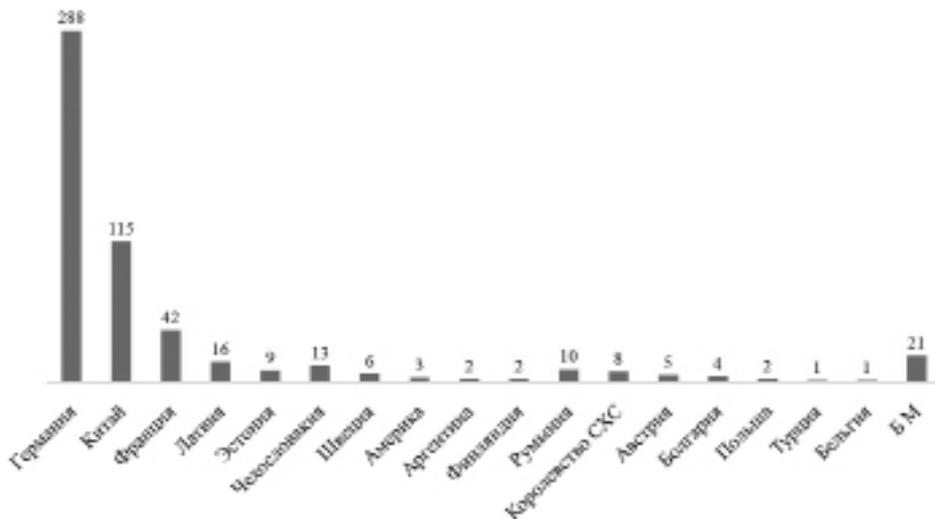
Несмотря на большие финансовые трудности и отсутствие постоянной издательской базы, практически все издательства русского зарубежья участвовали в выпуске детских книг. Некоторые издательства, выпускающие беллетристику, классику или научно-популярную литературу, дополняли свой репертуар детской книгой. Неоднократно предпринимались попытки издания серий книг для детей, например «Библиотека Зеленой Палочки» издательства «Север», «Сказки-картинки» — YMCA-Press, «Детская библиотека» издательства А.И. Серебренникова, детских книг, выходивших в приложениях к журналам («Ласточка» (Харбин); «Иллюстрированная Россия» (Париж)), а также подарочных изданий (издательства О. Дьяковой и З.И. Гржебина).

Выявленная литература позволяет установить, что самые высокие показатели выпуска новых названий детской книги за рубежом в 1920–1940-х гг. приходятся на 1922 г. на Берлин.

По странам количество новых наименований распределяется следующим образом:

График 1

Издательские центры

Остановимся подробнее на немецких издательствах и издающих организациях. В 1920–1923 гг. Берлин стал главным и наиболее активным центром издательской деятельности русской эмиграции. Этому подъему способствовали многие факторы, начиная от традиционной высокой технической постановки печатного дела в Германии и заканчивая близостью контактов с Россией и возможностью сбыта продукции.

Большая часть русских издательств в Берлине возникла в 1921–1922 гг. и работала до 1923–1924 гг. Среди универсальных издательств, дополняющих свой репертуар детской книгой, выявлены:

- Издательство О. Дьяковой (36)
- Издательство А.Ф. Девриен (30)
- Издательство З.И. Гржебина (25)
- Издательство И.П. Ладыжникова (25)
- «Волга» (23)
- «Новая книга» (22)
- Издательство Я. Оренштайна (18)
- Издательство С. Ефрона (11)

И другие берлинские издательства, выпустившие меньше десятка оригинальных названий детских книг.

Важно отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода, именно в 1920-е гг. в Германии были предприняты попытки создания издательств, специализирующихся на выпуске исключительно детских книг. С профильным направлением книгоиздания для детей выделяется одно, чье название оправдывалось выбранной сферой, — «Издательство детских книг Ёлочка», первоначально располагавшееся в Берлине, а позднее — в военном городе Вюнсдорфе. Книги, подготовленные в этом издательстве, печатались типографской артелью «Печатное искусство». Несмотря на свою детскую направленность, свидетельств о выпуске издательством детских книг совсем немного. Нам известны два сборника рассказов и стихов для детей: «Ёлочка» и «Рождественская ёлочка» под редакцией А.П. Белокопытова с рисунками С.В. Животовского — и три сборника сказок ученого-зоолога М.Н. Богданова.

Частотность выпуска детской книги берлинским издательством «Волга» (1922–1928), а также отсутствие в издательском репертуаре книг, адресованных взрослому читателю, позволяют выделить его среди других универсальных издательств. В издательский репертуар входили переводные авторы по преимуществу, изданные по правилам новой орфографии: М. Твен «Принц и нищий», Д. Дефо «Робинзон Крузо», Ф. Остини «Маленький король» с рисунками Г. Пеллара; книжки-игрушки в серии «А.Б.В.» для маленького возраста; произведения авторов, чье творчество совпа-

ло с периодом эмиграции: Р. Демель «Волшебный соловей», В.В. Набоков, Г. Росимов.

Издательство «Новая книга» (1923–1924), перенесшее свою деятельность из Кишинева в Берлин, издает преимущественно переводных иностранных авторов для детей: Л. Гильдебрант «Приключения Боба: Книжка-картинка» в переводе Саши Черного (1923); А. Барама «Гномы» (1924), «Мартышки» (1924); книжки-картинки Э.С. Кальманович (Кальмы) «Веселый год» (1923), «Вокруг света не выходя из комнаты» (1923), «В цирке» (1924), «Железная дорога» (1923) и др.

Издание детской книги было сопряжено с общими тенденциями в книгоиздании русского зарубежья 1920–1940-х гг. Однако перенос издательской деятельности из Германии во Францию не сопровождался ростом в детском секторе, а, напротив, продолжил идти на убыль после середины 1920-х гг.

Из всего массива выявленных книг, адресованных детям или вошедших в детские серии, заметно преобладание изданий для детей младшего возраста⁵. Это проявляется в выборе форматов книг, их оформлении и тематике: книжки-картинки, книжки-игрушки, книги-кубики, книги-ленты. В таком оформлении изданы серии: «А.Б.В. Серия детских книг с занимательными картинками в красках, со стихотворным текстом» (между 1920 и 1928) издательства О. Дьяковой, книжки-картинки «А», «Б», «В» (между 1920 и 1928) издательства «Волга». Типы изданий для детей младшего возраста имеют свои особенности: малый формат и преобладание картинки над текстом.

Внешний вид детских книг в эмиграции представлен контрастно. В тот же период времени и на той же территории впервые были изданы: «Дневник фокса Микки» и «Детский остров» Саши Черного с иллюстрациями Ф. Рожанковского и Б. Григорьева, первое издание Вл. Набокова «Аня в стране чудес» с рисунками С. Залшупина, ставшие классикой не только русской, но и мировой книжной иллюстрации. При этом в оформлении малоформатных изданий и сборников для детей младшего возраста зачастую отсутствовало имя автора или составителя на обложке. Так, например, ни одна книга Ш. Перро «Красная шапочка» (издательства «Новая книга» (1924), издательства Я. Оренштайна (между 1919 и 1932), издательства В.М. Зайцева (между 1923 и 1945)), «Кот в сапогах» (издательства «Новая книга» (1924), издательства Я. Оренштайна (между 1919 и 1932), издательства В.М. Зайцева (между 1923 и 1945)), «Золушка» (издательства Я. Оренштайна (между 1919 и 1932)) не содержит имени автора на своей обложке.

⁵ «Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924» М.П. Кадиша и В.А. Гольденберга, поделенный по возрастной градации, учитывает 318 названий детских книг, из которых для младшего возраста — 199, среднего — 63 и старшего — 56.

Детская художественная литература русского зарубежья по жанровому диапазону была довольно разнообразна. В издательском репертуаре прочно присутствуют сказки, повести, натуралистические, исторические и приключенческие рассказы. Однако стоит заметить, что некоторые жанры получили в русском зарубежье большее развитие.

График 2

Жанрово-тематический издательский репертуар

Преобладание «сказочного» направления (156) в репертуаре зарубежных издательств, в первую очередь, было обусловлено прагматическими целями. Малоформатные и малолистажные издания сказок для малышей позволяли использовать минимум финансовых затрат на бумагу и типографские услуги. При этом сказки отвечали постоянной потребности изгнанников в желании уйти от реальности в волшебный мир «фей и гномов», о которой часто напоминают рецензии на детские книги. Так, главный редактор «Русской книги» А.С. Яценко отмечал фантазийность детского мира, как одну из главных ценностей современной книги: «Когда все вокруг уютно, когда впереди неприглядно темно, тогда особенно хочется забыться в фантастическом мире фей, добрых духов, прекрасных царевен и мужественных Иванов Царевичей, среди волшебных садов с журчащими фонтанами, на роскошных пирах, где вино и мед не только текут по усам. Перенестись хотя бы на час в золотые годы детства! Кто из беженцев с удовольствием не раскрывал купленную для сына книжку сказок, и не зачитывался ею, и не забывал свою горькую, бездомную, сиротливую жизнь беженца».

Вторым издательским жанрово-тематическим направлением детских книг стала приключенческая повесть (38), в которой наиболее полно нашли

⁶ Яценко А. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга (Берлин). 1921. № 1. С. 6.

себя книги издательства С. Ефрона (10) в серии «Библиотека путешествий и приключений» (7). Произведения, представленные в этой серии, переводы зарубежных авторов, писателей-путешественников: С.А. Гедин (1865–1952), путешественник, географ, журналист, писатель; А.Э. Норденшельд (1832–1901), геолог и географ, исследователь Арктики; Г.М. Стенли (1841–1904) журналист, путешественник, исследователь Африки; Г. Вегенер (1863–1939), журналист, путешественник, исследователь Индии и Восточной Азии. В оригинале плохо укладываемые в рамки детской литературы, эти авторы в адаптированном переводе издательства С. Ефрона становятся «увлекательной» и «познавательной»⁷ приключенческой прозой для детей-эмигрантов.

Третьей по частотности публикации в детских сериях или с «детской» адресацией становится натуралистическая проза, или анималистика. В этом жанре для детей было создано около 33 произведений, 15 из которых выпущены в дальневосточных издательствах — М.В. Зайцев, Харбин (6), «Мирок», Харбин (5), «Наше Знание», Тяньцзинь (2), «Наука», Харбин (2). Такая тематическая направленность объясняется начавшимся процессом ассимиляции двух отличающихся друг от друга культур Востока и Запада.

Для юного читателя 1930-х гг. Россия — сказка, миф, созданный литературой эмиграции, по выражению А.В. Амфитеатрова: «Дайте же русским детям хоть какую-нибудь реализацию утешительного мифа. Дайте им почувствовать, что Россия, пусть и далекая, и незримая, и неведомая им, все-таки всегда с ними»⁸.

Исчерпывающей информации о количестве названий и тиражах, выпущенных в данный период книг для детей, не дает ни один каталог или справочник. Для детальной работы по конкретному аспекту потребуются сплошной просмотр *de visu* необходимых печатных источников рассматриваемого периода.

Учитывая многоаспектность темы, настоящая работа является лишь подступом к исследованию истории издания детской книги русского зарубежья в 1920–1940-е гг.

⁷ Так характеризует книги этой серии Е.А. Елачич на страницах журнала «Русская школа за рубежом»: Елачич Е.А. Рец. на кн.: Гедина С. По пустыням Азии. Берлин, б.г. (Библиотека путешествий и приключений) // Русская школа за рубежом (Прага). 1923. Кн. 5-6. С. 211.

⁸ Амфитеатров А.В. К русскому юношеству // Колос: Русские писатели русскому юношеству. Шавиль, 1928. С. 15.

А.Н. Кравцов

«Дальний край» на Дальнем Востоке: к 90-летию выхода в Японии первого романа Б.К. Зайцева

Аннотация: Статья посвящена истории переводов произведений Б.К. Зайцева на японский язык, причинам читательского интереса к его творчеству в Японии. В приложении приведены все выявленные на настоящий момент переводы сочинений Б.К. Зайцева на японский язык.

Annotation: The article examines a history of translations of B.K. Zaitsev's works into Japanese, as well as reasons of readers' interest to his works in Japan. All the translated works by B.K. Zaitsev into Japanese are mentioned in the supplement.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, Япония, японский язык, «Дальний край», русское зарубежье, библиография.

Key words: B.K. Zaitsev, Japan, Japanese language, «Far Country», Russia Abroad, bibliography.

В 1950 г. в автобиографии, написанной для немецкого издания «Жизни Тургенева», писатель Борис Константинович Зайцев (1881–1972) сообщал: «Многие мои книги и произведения переведены на иностранные языки: французский, английский, немецкий, итальянский, чешский, венгерский, хорватский, болгарский, японский»¹. Этот аспект издательской и читательской активности по отношению к творческому наследию Зайцева в иноязычной среде недостаточно освещен и почти не изучен. А между тем, только на японском языке его работы издавались свыше 50 раз.

В 2015 г. (18 октября) — юбилейная дата: 90 лет выхода первого романа Зайцева в Японии. Спустя десять лет после его появления в России (1915). Первого и, увы, почти единственного его произведения крупной формы, изданного по-японски. Более 40 публикаций произведений Зайцева появились в Японии до 1922 г., когда писатель, выехав на лечение в Европу, фактически эмигрировал. В литературоведении сложилось мнение, что, в связи с переходом Зайцева в разряд эмигрантов, интерес в Японии к нему пропал. Подтверждением тому служит факт, что из написанного им в изгнании только «Жизнь Тургенева» смогла вновь заинтересовать японских издателей, да и то, по всей вероятности, в связи с постоянным повышенным вниманием японского читателя к личности героя книги — И.С. Тургенева. Поэтичность тургеневской прозы всегда притягивала к нему японского чи-

¹ Дудина Е.Ф. Творчество Б.К. Зайцева 1901–1921 годов: своеобразие художественного метода: дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. С. 4–5.

тателя, и сходное отношение было априори перенесено на прозу Зайцева. Выходит, он очень активно переводился и публиковался в Японии до своей эмиграции из России. Хотя, по мнению самого писателя, самое значительное, самое зрелое свое он написал уже в эмиграции².

Итак, в 1925 г. в Японии вышел роман «Дальний край» (Токио: Сюнъёдо, 1925, 453 с.) в переводе Сиро Тономура (1890–1951), который впервые заинтересовался творчеством Зайцева еще в 1914 г. Тогда в его переводе вышли два рассказа русского писателя — «Жемчуг» и «Любовь». Сиро Тономура³ (псевдоним) родился в японской провинции Фукусима. Настоящее имя — Тэцую Баба. Изучал русский язык и литературу в Токийском университете Васэда. Первые переводы русской литературы издал под своим реальным именем. Кроме художественной литературы (произведения А.М. Ремизова, М.П. Арцыбашева, М. Горького), переводил также советские брошюры социалистической направленности (работы Н.И. Бухарина, В.И. Ленина, А.В. Луначарского, И.В. Сталина) и труды по искусству. В 1941 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел и был направлен в оккупированную Маньчжурию. После прихода Красной армии оказался в советском плену и был интернирован в лагерь для военнопленных, где скончался в 1951 г. Его сын Таку Эгава (псевдоним) также стал переводчиком с русского языка. Кроме «Дальнего края» и двух упомянутых рассказов, С. Тономура перевел также рассказы «Мгла» и «Хлеб, люди и земля». Кроме него переводом произведений Зайцева на японский язык занимались и другие переводчики, а, как известно, в Японии зачастую одно и то же произведение могут заново переводить для очередного издания, совершенно не ориентируясь на сделанные ранее переводы.

Первый перевод произведения Б.К. Зайцева на японский язык — рассказ «Тихие зори» — был опубликован в 1909 г. В течение XX — начале XXI вв. на японском языке были осуществлены 51 публикация 25 произведений Зайцева. Репертуар и масштабы переводческой активности помогает представить составленный нами перечень работ Зайцева, изданных на японском языке (для удобства — перед скобками указан год первого выхода работы на русском языке, в скобках — годы издания на японском): «Волки», 1902 (1911, 1913, 1915, 1920); «Мгла», 1904 (1918, 1924); «Деревня», 1904 (1922); «Тихие зори», 1904 (1909, 1910, 1911, 1915, 1920, 1925, 1929, 1939, 1957, 1963, 1964, 1971 дважды, 1991); «Хлеб, люди и земля», 1905 (1921); «Завтра!», 1906 (1916); «Миф», 1906 (1921); «Молодые», 1906 (1922); «Черные ветры», 1906 (1922); «Май», 1907 (1913, 1946, 1971); «Сестра», 1907

² См.: Прокопов Т.Ф. От составителя // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 3.

³ См.: Сиро Тономура // Японская энциклопедия XX века (URL: <https://kotobank.jp/word/外村+史郎-1647935>).

(1910, 1913, 1915, 1920); «Гость», 1908 (1910, 1913, 1915, 1920); «Аграфена», 1908 (1924); «Любовь», 1909 (1914, 1922); «Мой вечер», 1909 (1916); «Лина», 1910 (1911, 1915, 1917, 1920 дважды); «Смерть», 1910 (1911, 1912 дважды, 1915, 1917, 1920, 1936, 1939, 1946, 2000); «Жемчуг», 1910 (1914, 1922, 1946); «Усадьба Ланиных», 1911 (1923); «Студент Бенедиктов», 1913 (1918); «Грех», 1913 (1924); «Елисейские поля», 1914 (1924); «Дальний край», 1915 (1925); «Жизнь Тургенева», 1930 (1961); «Чехов», 1954 (2014). Отметим, что в опубликованной в 1982 г. наиболее полной научной библиографии Зайцева, выполненной славистом Ренэ Герра, указано 18 японских переводов⁴. Наши изыскания на момент издания библиографии фиксируют 49 публикаций.

В качестве приложения к данной статье нами составлен полный библиографический указатель работ Зайцева, изданных на японском языке в XX — начале XXI в. Часть из них хранится у энтузиастов этого дела, в частных руках. Ими же создан информационный веб-сайт, посвященный Зайцеву и переводам его произведений на японский язык⁵. Некоторые материалы сохранились в японской Национальной парламентской библиотеке. Кое-что, вероятно, утрачено. Много публикаций имело место в сборниках русской литературы или иных периодических или непериодических изданиях.

Перечень работ Б.К. Зайцева позволяет выделить произведение, наиболее часто переводившееся в Японии — рассказ «Тихие зори» (14 раз). Он же явился дебютом мастера нового реализма Зайцева на японской земле. На примере этого рассказа хорошо видно, в чем состоял основной интерес японской литературной среды именно к произведениям Зайцева. Как отмечал Ю.И. Айхенвальд, «увлекает в ранних рассказах Зайцева своеобразное отношение к природе, глубокое умение расщеплять жизнь на тонкие волокна, почти неуловимые и, однако, несомненные. Точно автор, пристально взглядевшись в космическое целое, заметил в нем такие детали, услышал в нем такие тоны, которые для глаза менее зоркого, для слуха менее чуткого смыкались раньше в одно целое»⁶. Такое орнаментальное и вместе с тем пантеистическое понимание и чувство, присущее ранним произведениям Зайцева, заметно и в его отношении к смерти как обыденности. У него смерть — не страшное и трагичное, а простое и привычное явление. Пусть печальное, но обычное. Уже в критических работах начала XX века обращалось внимание на эту сторону творчества тогда начинающего автора. Так, по мнению А.Г. Горнфельда, у Зайцева «смерть — это только новый

⁴ См.: Борис Константинович Зайцев: Библиография / Сост. Р. Герра. Париж, 1982. 167 с.

⁵ См.: Список работ Б.К. Зайцева на японском языке (URL: <http://book.geocities.jp/ando0f/zaitsev.htm>).

⁶ Айхенвальд Ю. Борис Зайцев // Зайцев Б.К. Собр. соч. 1999. Т. 2. С. 498.

“аватар” индивидуальной психики»⁷. Позднее на мотивы смерти у Зайцева, как естественности бытия, лишенной трагедийности, указывали и российские исследователи 1980–1990-х гг. Да и в новейшей критике В.Т. Захарова вновь возвращается к этому вопросу, отмечая, что в таком отношении Зайцева к смерти «отчетливо ощутимо своеобразное философское обобщение писателя»⁸.

Как известно, именно в японской трансформации буддизма (синто-буддийском синкретизме) обнаруживаются отголоски такого зайцевского отношения: «...выносливое, спокойное и мягкое отношение к невзгодам, и с приближением смерти её принимают спокойно, как возвращение к земле, из которой мы появились, отсюда происходит восприятие смерти как воссоединения с природой»⁹, — пишет Тэцуо Ямаори в статье «Три ключа к разгадке японских представлений о жизни и смерти». Не с сущностью, не с истоком, но с окружающим миром, лесом, озером, горами. В этом — успокоение («ведет откуда-то река свой ход, плетет свои струи, исполняет сердце великим миром»¹⁰, — пишет Зайцев в «Тихих зорях»). На это же указывал М.В. Морозов в статье «Старосветский мистик», что религиозное чувство в изображении Зайцева «не вызывает на борьбу ни с миром, ни с дьяволом, а погружает в сладость бездействия и умиленной покорности»¹¹.

Хотелось отметить вышедшую в Уфе в 2007 г. интересную монографию А.В. Курочкиной «Лирическая проза Б. Зайцева», где автор отмечает, что Зайцева «иногда называют христианским писателем, но в первых его произведениях собственно религиозного еще мало. В “Тихих зорях” — это частое упоминание церкви, образ которой еще статичен, хотя заключает в себе определенный смысл ... художник пока не задумывается об истинности и необходимости веры в жизни человека, он еще далек от философских выводов о роли Бога в судьбах народа»¹². Также многие критики характеризовали Зайцева периода 1900-х гг. как «поэта космической жизни»¹³, что подразумевало восприятие человека в рассказах писателя исключительно как части природного бытия, слившегося с Вселенной. Несомненно, все это и определило интерес к раннему творчеству Зайцева в Японии.

⁷ Горнфельд А. Лирика космоса // Зайцев Б.К. Собр. соч. 2001. Т. 10 (доп.). С. 200.

⁸ Захарова В.Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Нижний Новгород, 2012. С. 138.

⁹ Ямаори Тэцуо. Три ключа к разгадке японских представлений о жизни и смерти // URL: <http://www.nippon.com/ru/in-depth/a02903/>.

¹⁰ Зайцев Б. Тихие зори // Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 1. С. 44.

¹¹ Морозов М. Старосветский мистик (Творчество Бориса Зайцева) // Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 10 (доп.). С. 231.

¹² Курочкина А.В. Лирическая проза Б. Зайцева: Монография. Уфа, 2007. С. 73.

¹³ Горнфельд А. Указ. соч. С. 197.

Сам Зайцев позднее полагал, что именно эмиграция дала ему возможность созерцать издали ту прежнюю Россию, Россию его детства и юности, «а еще далее в глубь времен — Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда»¹⁴. И не только созерцать, но и переносить на бумагу. Он написал в 1943 г., что «вместо раннего пантеизма начинают проступать мотивы религиозные — довольно еще невнятно (“Миф”, “Изгнание”) — все же в христианском духе»¹⁵. Очевидно, что такое изменение в воззрениях Зайцева, нашедшее отражение в его творчестве, открытая смена вектора внутреннего движения в сторону православия и привело к охлаждению интереса к дальнейшему творчеству писателя в Японии.

¹⁴ Зайцев Б. Собр. соч. 2000. Т. 9 (доп.). С. 17.

¹⁵ Там же. 1999. Т. 4. С. 589.

Произведения Б.К. Зайцева, изданные на японском языке

Библиография ставила себе целью максимально полно учесть публикации (переводы) Б.К. Зайцева на японском языке. Основным источником информации послужила веб-страница энтузиастов русской книги в Японии, находящаяся по адресу <http://book.geocities.jp/andof/zaitsev.htm>

Указанные в ней выходные данные были сверены с электронным каталогом Национальной парламентской библиотеки Японии. Веб-страница библиотеки находится по адресу <http://www.ndl.go.jp/en/>

Лишь с одним из приведенных в библиографии изданий автор работал *de visu* (п. 10 библиографии).

Работы размещены в хронологии, в том числе внутри одного года. В квадратных скобках указаны даты выхода печатного издания, с точностью до месяца и дня, поскольку в Японии положено указывать полную дату не только для журналов, но и сборников и книг. Эта традиция сохранилась и по сей день.

1. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Сюми. Токио: Экифуся, 1909. [1 марта]. Т. 4, № 3.
2. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Росиа гэндай дайхётэки сакка. Рокунинсю = Выдающиеся писатели современной России: Сборник шестерых. Токио: Экифуся, 1910. [25 мая].
3. Зайцев Б. Сестра. Волки [/ Пер. Сёму Нобори] // Бунсё сэкай. Токио: Хакубункан, 1910. [30 июля]. Т. 6, № 1.
4. Зайцев Б. Гость [/ Пер. Сёму Нобори] // Васэда бунгаку. Токио: Сётэн Васэда, 1910. [октябрь]. № 59.
5. Зайцев Б. Лина [/ Пер. Накамура Хакиё] // Росиа бунгаку. Б.м.: б.и., 1911. [1 марта].
6. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Рокунинсю = Сборник шестерых. Токио: Момияма, 1911. [20 сентября].
7. Зайцев Б. Смерть [/ Пер. Масао Ёнэкава] // Сюсай бундан = Собрание выдающихся произведений. Б.м.: б.и., 1911. [декабрь].
8. Зайцев Б. Смерть [/ Пер. Сёму Нобори] // Синсёсэцу = Новая беллетристика. Токио: Сяньёдо, 1912. [1 февраля]. Т. 2.

¹⁶ Автор признателен В.Э. Молодякову (Токио) и Т. Сакамото (Мельбурн) за помощь в составлении библиографии Б.К. Зайцева.

9. Зайцев Б. Смерть [/ Пер. Масао Ёнэкава] // Рококу синсаккасю. Доку-но нива = Сборник [произведений] новых русских писателей. Отравленный сад. Токио: Синтёся, 1912. [25 июня].
10. Зайцев Б. Сестра. Гость. Волки [/ Пер. Сёму Нобори] // Кокоро-но тобира = Врата души. Токио: Кайгай бунгей-ся, 1913. [5 июня]. Ч. 2.
11. Зайцев Б. Май [/ Пер. Масао Ёнэкава] // Синтё. Токио: Синтёся, 1913. [1 октября]. Т. 4.
12. Зайцев Б. Жемчуг [/ Пер. Тэцзя Баба] // Санго. Б.м.: б.и., 1914. [1 февраля].
13. Зайцев Б. Любовь [/ Пер. Тэцзя Баба] // Синтё. Токио: Синтёся, 1914. [1 августа]. Т. 21, № 2.
14. Зайцев Б. Тихие зори. Гость. Смерть. Сестра. Лина. Волки [/ Пер. Сёму Нобори] // Сидзукана акэбоно гайгохэн = Тихие зори и пять других рассказов. Токио: Киму Сакура-до, 1915. [15 января].
15. Зайцев Б. Мой вечер [/ Пер. Син Мацунага] // Кансай гэйдзюцу. Б.м.: б.и., 1916. [1 января].
16. Зайцев Б. Завтра! [/ Пер. Айки Осэ] // Васэда бунгаку. Токио: Сётэн Васэда, 1916. [1 июня]. № 127.
17. Зайцев Б. Лина [/ Пер. Сёму Нобори] // Рэйракуся-но гун. Токио: Сюньёдо, 1917. [15 февраля]. № 127.
18. Зайцев Б. Смерть [/ Пер. Сютаро Намбу] // Мита бунгаку. Токио: Момияма, 1917. [1 декабря]. Т. 8, № 12.
19. Зайцев Б. Мгла [/ Пер. Тэцзя Баба] // Росиа хёрон. Токио: Сусуму бункан, 1918. [1 марта]. Т. 1, № 1.
20. Зайцев Б. Студент Бенедиктов [/ Пер. Син Мацунага] // Росиа хёрон. Токио: Сусуму бункан, 1918. [1 августа]. Т. 1, № 6.
21. Зайцев Б. Лина [/ Пер. Накамура Хакуё] // Тэхофу идзэ = После Чехова. Токио: Кусамура бункан, 1920. [30 сентября].
22. Зайцев Б. Тихие зори. Гость. Сестра. Смерть. Лина. Волки [/ Пер. Сёму Нобори] // Дзайцэфу Сорогубу Кэссакусю = Собрание шедевров Зайцева и Сологуба. Токио: Окура, 1920. [15 декабря]. Ч. 3.
23. Зайцев Б. Хлеб, люди и земля [/ Пер. Тэцзя Баба] // Тюо бунгаку. Токио: Сюньёдо, 1921. [1 января]. Т. 5, № 1.
24. Зайцев Б. Миф [/ Пер. Тадакадзу Накадзава] // Росиа бунгаку. Токио: Росиа бунгаку кэнкюкай, 1921. [5 сентября]. № 1.
25. Зайцев Б. Деревня [/ Пер. Цукаса Сано] // Росиа бунгаку. Токио: Росиа бунгаку кэнкюкай, 1922. [1 февраля]. № 4.
26. Зайцев Б. Молодые [/ Пер. Цукаса Сано] // Росиа бунгаку. Токио: Росиа бунгаку кэнкюкай, 1922. [1 апреля]. № 5.
27. Зайцев Б. Черные ветры [/ Пер. Цукаса Сано] // Росиа бунгаку. Токио: Росиа бунгаку кэнкюкай, 1922. [1 июня]. № 7.
28. Зайцев Б. Кладбище в деревне [/ Пер. Сигэру Аоки] // Росиа гэйдзюцу. Токио: Сэйгэйся, 1922. [20 августа]. № 7.

29. Зайцев Б. Любовь [/ Пер. Кубосан Канэи] // Росиа гэйдзюцу. Токио: Сэйгэйся, 1922. [10 сентября]. № 8.
30. Зайцев Б. Черные ветры [/ Пер. Цукаса Сано] // Росиа синсакка сэнсю = Избранные произведения новых русских писателей. Токио: Росиа бунгаку кэнкюкай, 1922. [1 октября].
31. Зайцев Б. Жемчуг [/ Пер. Цукаса Сано] // Росиа гэйдзюцу. Токио: Сэйгэйся, 1922. [1 ноября]. № 10.
32. Зайцев Б. Усадьба Ланиных [/ Пер. Масао Ёнэкава] // Киндайгэки тайкэй = Большое собрание современной драматургии. Токио: Тайкэй Канкокай, 1923. Т. 15.
33. Зайцев Б. Елисейские поля [/ Пер. Хара Кюйхиро] // Гэндай Росиа сёсэцусю = Собрание современной русской беллетристики. Токио: Сюнъёдо, 1924. [18 апреля].
34. Зайцев Б. Мгла [/ Пер. Цукаса Сано] // Росиа бунгаку. Токио: Росиа бунгаку кэнкюкай, 1924. [1 июля]. № 20.
35. Зайцев Б. Аграфена. Грех [/ Пер. Синь Тэн Мацунага] // Кайгай бунгаку синтэн. Токио: Синтёся, 1924. [13 августа]. № 12.
36. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Росиа киндай оёби роно сакка кэссакусю = Собрание шедевров современных и рабоче-крестьянских русских писателей. Токио: Киндайся, 1925. [30 июня].
37. Зайцев Б. Дальний край [/ Пер. Тэцуя Баба]. Токио: Сюньёдо, 1925. [18 октября]. 453 с.
38. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Киндай тампэн сёсэцусю = Собрание современных рассказов и романов. Токио: Синтёся, 1929. [25 июля]. Т. 36.
39. Зайцев Б. Смерть [/ Пер. Масао Ёнэкава] // Росиа тампэнсю = Собрание русских рассказов. Токио: Кавадэ сёбо, 1936. [28 апреля]. Т. 4.
40. Зайцев Б. Тихие зори. Смерть [/ Пер. Сёму Нобори] // Рокунинсю то Доку-но нива. = Сборник шестерых и Отравленный сад. Токио: Сэйкё дзихося, 1939. [10 сентября].
41. Зайцев Б. Май. Жемчуг. Смерть [/ Пер. Масао Ёнэкава] // Рира-но хана = Цветы лилии. Токио: Касива, 1946. [20 июля].
42. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Росиа бунгаку дзэнсю = Полное собрание [произведений] русской литературы. Токио: Сюдося, 1957. [31 октября]. Т. 11.
43. Зайцев Б. Жизнь Тургенева [/ Пер. Сюн Хасэгава] // Бунгакугай. Токио: Бунгакугай, 1961. Т. 5, № 8, 9 и 10.
44. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Киётиро Хара] // Сэкай тампэн бунгаку дзэнсю = Полное собрание мировой новеллистики. Токио: Сюэйся, 1963. [20 июля]. Т. 12.
45. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Росиа Собизто бунгаку дзэнсю = Полное собрание [произведений] русской советской литера-

- туры. Токио: Сюэйся, 1964. [5 ноября]. Т. 24: Санин, Акай хана та = Саннин, Красный цветок и другие [произведения].
46. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Сёму Нобори] // Росиа бунгаку дзэнсю = Полное собрание [произведений] русской литературы. Токио: Нихон букку курабу, 1971. [1 августа]. Т. 29.
47. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Киётиро Хара] // Росиа тампэн = Русские рассказы. Токио: Сюэйся, 1971. [10 октября]. Т. 22.
48. Зайцев Б. Май [/ Пер. Масао Ёнкава] // Росиа тампэнсю = Собрание русских рассказов. Токио: Кавадэ сёбо синся, 1971. [30 октября].
49. Зайцев Б. Тихие зори [/ Пер. Киётиро Хара] // Росиа тампэн = Русские рассказы. Токио: Сюэйся, 1991. [30 марта]. Т. 24.
50. Зайцев Б. Смерть [/ Пер. Сёму Нобори] // Хэннэнтай Тайсё бунгаку дзэнсю = Полное собрание литературы [эпохи] Тайсё в хронологическом порядке. Токио: Юмани сёбо, 2000. [май]. Т. 1.
51. Зайцев Б. Чехов [/ Пер. Масао Кондо]. Токио: Мити тани, 2014. 301 с.

М.В. Мишуровская

«Белая гвардия» в Париже и Риге. К истории печатания романа М.А. Булгакова в 1927–1929 гг.

Аннотация: Статья посвящена истории публикации романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» в издательстве З.Л. Каганского «Concorde» в Париже и в издательстве К. Расиньша «Литература» в Риге.

Annotation: This paper is dedicated to the history of publication of «White guard» by Mikhail Bulgakov in 1927–1929 in Riga and Paris by Kārlis Rasiņš («Literatura») and Z. Kagansky («Concorde»).

Ключевые слова: М.А. Булгаков, З.Л. Каганский, издательство «Concorde», издательство «Литература».

Key words: Mikhail Bulgakov, Z.L. Kagansky, publishing house «Concorde», publishing house «Literatura».

Фрагменты текста романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» попадают на страницы эмигрантских газет летом 1927 года: начиная с 5 июня — в трех номерах подряд — отрывки «Белой гвардии» опубликовала берлинская газета «Руль»¹, почти одновременно с этой публикацией, с 9 по 17 июня, фрагменты романа появились в газете «Русь» (София)². Осенью того же года текст романа вышел в рижской газете «Слово», а также в парижских «Днях» и «Иллюстрированной России». Одновременно с публикацией фрагментов «Белой гвардии» эмигрантская пресса познакомила своих читателей и с фрагментами пьесы «Дни Турбиных» (ее второй редакции).

Газета «Дни» подчеркивала, что отрывок романа «Белая гвардия» напечатан «с любезного разрешения издательства “Конкорд”»³. В октябре 1927 года упомянутое издательство выпустило в Париже одиннадцать глав «Белой гвардии» с примыкающим к ним началом главы двенадцатой⁴. Почти одновременно тот же текст — одиннадцать глав и начало главы двенадцатой — с «пришитой» к ним концовкой, написанной по канве четвертого

¹ См.: Булгаков М.А. Дни Турбиных: (отрывок из романа «Белая гвардия») // Руль (Берлин). 1927. 5 июня. № 1980. С. 2–4, 7; 8 июня. № 1981. С. 5–6; 9 июня. № 1982. С. 2–3.

² См.: Булгаков М.А. «Дни Турбиных»: отрывок из романа «Белая гвардия» // Русь (София). 1927. 9 июня. № 1247. С. 2–3; 10 июня. № 1248. С. 3; 11 июня. № 1249. С. 2–3; 12 июня. № 1250. С. 3; 15 июня. № 1251. С. 3; 17 июня. № 1253. С. 2–3.

³ Булгаков М.А. Взятие Киева Петлюрой: [фрагмент романа «Белая гвардия»] // Дни (Париж). 1927. 10 окт. № 1202. С. 4.

⁴ См.: Булгаков М.А. Дни Турбиных: (Белая гвардия): роман. Paris: Concorde, 1927. [Т. 1]. 189 с.

акта второй редакции пьесы «Дни Турбиных» неизвестным автором, вышел в Риге — в издательстве К. Расиньша «Литература»⁵.

Издательство «Concorde» было зарегистрировано на имя гражданина Литвы Зуселя (Захария) Каганского 22 августа 1927 года. Об этом говорит запись в парижском Торговом реестре (№ 37217)⁶. Выпустив всего одну книгу — «первый том» «Белой гвардии», издательство было закрыто в январе 1928 года.

В конце 1927 года текст второй редакции пьесы о Турбиных, запрещенный Главреперткомом к постановке в СССР (разрешение, незадолго до премьеры 5 октября 1926 года, получила третья редакция пьесы, возникшая в результате переделки — с учетом требований цензуры — редакции второй), был переведен на немецкий язык К. Розенберг и издан в Берлине, в филиале «Concorde» — издательстве З.Л. Каганского (Verlag S. Kagansky)⁷. Исследователи творческой истории произведений Булгакова (Я.С. Лурье, А.А. Нинов⁸ и др.) подчеркивали: пьеса «Дни Турбиных», написанная Булгаковым на основе романа «Белая гвардия», при жизни ее автора в СССР не печаталась. Добавим, при том, что авторские права на это произведение в Советской России были защищены. Согласно статье 10 закона «Об основах авторского права» (редакция 1925 года), постановка пьесы на советской сцене приравнивалась к ее изданию⁹ (в Европе, напротив, для закрепления прав автора на написанный им драматургический текст, было необходимо его издать). Однако правом на роман — по договору — все же владел Каганский.

Сомневаться в сложившейся точке зрения на печатную судьбу драматургических текстов Булгакова в Советской России 1926–1927 годов заставляет довольно странное и, похоже, единственное в периодике российского зарубежья газетное сообщение: 1 октября 1927 года в рижской газете «Сегодня» вышла заметка, в которой говорилось о том, что драма о Турбиных, «уже изданная одной из театральных библиотек в Петербурге, была изъята из продажи и постановка “Турбиных” где бы то ни было, кроме Художественного театра в Москве, была абсолютно запрещена»¹⁰. Данная заметка

⁵ См.: Булгаков М. А. Белая гвардия: (Дни Турбиных): Роман / Вступ. ст. П.М. Пильского; худож. А.П. Апсит. Рига: Литература, 1927. 222 с.: портр. (Наша библиотека; 18).

⁶ См.: Register du commerce: Registre analytique. № 37217 // Departement de Paris.

⁷ См.: *Bulgakow M. Die Tage per Geschwister Turbin: Die Weisse Garde / autorisierte Übersetzung von Käthe Rosenberg. Berlin; Charlottenburg: Verlag S. Kagansky, 1927.*

⁸ См.: М.А. Булгаков: пьесы 1920-х годов / Под ред. А.А. Нинова; коммент. В.В. Гудковой, Я.С. Лурье, А.А. Нинова. 2-е изд., стереотип. Л., 1990. 591 с.: ил.

⁹ Об основах авторского права: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 января 1925 г. // Консультант плюс: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3012&req=doc>.

¹⁰ Во вторник Рига увидит «Белую гвардию» // Сегодня (Рига). 1927. 1 окт. № 221. С. 8.

до недавних пор не упоминалась в известных нам печатных источниках, восстанавливающих традицию пьесы «Дни Турбиных».

Была ли пьеса напечатана в СССР при жизни Булгакова — еще предстоит установить. При поиске ответа на этот вопрос, возможно, следует принять во внимание факт издания в Москве, в 1926 году, другой пьесы Булгакова — «Зойкина квартира», которая, как и «Дни Турбиных», до сих пор не входила в список изданий, появившихся на территории СССР при жизни писателя. Однако она все же была издана.

В электронном каталоге Российской национальной библиотеки (РНБ) представлена копия каталожной карточки, датируемой сотрудниками библиотеки началом 1940-х годов. На ней — библиографическое описание литографированного издания «Зойкиной квартиры»¹¹, пьесы в 4 актах, вышедшей в 1926 году на сцену Театра им. Евг. Вахтангова (а также попавшей в репертуар и других советских театров). Как сообщил нам заведующий сектором сводных каталогов РНБ Е.К. Соколинский, экземпляр, отраженный в каталоге библиотеки, принадлежал драматургу и переводчику, суфлеру Александринского театра Константину Павловичу Ларину¹². Ныне он хранится в личном фонде драматурга и переводчика в Отделе рукописей (ОР РНБ)¹³. На титульном листе данного экземпляра «Зойкиной квартиры», просмотренного нами в ОР РНБ, присутствует экслибрис — «Северная театральная библиотека К. П. Ларина», а на обложке — два штампа, на которых указана цена издания: сначала пьеса стоила 50 копеек, затем ее цена возросла до одного рубля¹⁴. «Северная театральная библиотека К. П. Ларина» была открыта 1 сентября 1912 года на Литейном проспекте, в доме 49, где жил ее владелец. При библиотеке существовало небольшое издательство, а также склад печатных изданий¹⁵. Возможно, рукопись булгаковской пьесы, послужившая основой для литографированного издания, попала к Ларину из ленинградского Большого драматического театра (БДТ) — в 1926 году не только «Зойкина квартира», но и «Дни Турбиных» (тогда имевшая название «Белая гвардия») вошли в его репертуарный план: договор на постановку обеих пьес заключен с их автором 10 апреля. Директор ленинградского БДТ

¹¹ См.: Булгаков М.А. «Зойкина квартира». Пьеса в 4-х актах. Соч. М. Булгакова. [М., 1926]. 149 с. [Напеч. на пиш. маш., литогр.].

¹² См., в частности: Ковалева С.А. Константин Павлович Ларин и его коллекция в собрании Санкт-Петербургской театральной библиотеки // Записки Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. СПб., 2012. Вып. 10/11. С. 87–102.

¹³ ОР РНБ. Ф. 421. Д. 1363.

¹⁴ В фонде К. П. Ларина в ОР РНБ хранятся два литографированных издания пьесы М. А. Булгакова «Зойкина квартира». На обложке второго экземпляра проставлен штамп с ценой книги — 50 копеек (см.: ОР РНБ. Ф. 421. Д. 1220).

¹⁵ См.: Ковалева С.А. Указ. соч. С. 88.

Р.А. Шапиро в первой половине сентября 1926 года, рассказывая журналу «Жизнь искусства» о производственно-репертуарном плане театра, среди новых спектаклей называет «Белую гвардию» и «Зойкину квартиру»¹⁶. Постановка булгаковских пьес на сцене БДТ не была осуществлена¹⁷.

Текст романа (13 глав¹⁸), распространившийся за границей в 1927 году, в 1925 году был напечатан в СССР — в частном журнале И.Г. Лежнева «Россия», закрытом в мае 1926 года. Тогда же редактор «сменовеховского» журнала на три года был выслан за пределы СССР. Ссылку он провел, работая в должности экономиста в Торговом представительстве Советского Союза в Берлине. Интерес Лежнева к издательскому делу не ослабел и в ссылке. В мае 1928 года он написал «Доклад о переводной литературе», в котором поделился схемой устройства текстов советских авторов за рубежом — в условиях отсутствия «литературной конвенции между СССР и западными странами»¹⁹. В «Докладе...», в частности, подчеркивалось: «Ведь надо помнить, что буржуазный правопорядок западных стран достаточно ревностно защищает принципы собственности. В этих условиях для защиты интересов советских авторов вполне достаточно, если наши писательские объединения поручат живущим в Берлине, Париже, Риме трем товарищам, которые будут пристраивать переводы русских книг, имеющих шансы на успех, за границей до выхода этих книг в СССР и также закреплять права наших авторов за границей, а в дальнейшем следить за выходящими в свет переводами с русского языка и взыскивать с издательства гонорар»²⁰.

Издателем журнала «Россия», как было сказано выше, в 1925 году был З.Л. Каганский, открывший в 1927 году в Париже издательство «Concorde». Договор Булгакова с Каганским, заключенный в январе 1925 года, касался не только печатания «Белой гвардии» в журнале «Россия», но и отдельного издания текста романа.

Как известно, отдельное издание булгаковского текста в СССР не состоялось. При этом договор с Каганским был составлен таким образом, что самостоятельно распоряжаться романом Булгаков не мог. Так, в примечании

¹⁶ См.: Шапиро Р.А. [Производственно-репертуарный план Ленинградского государственного Большого драматического театра] // Жизнь искусства (Л.). 1926. № 38. 21 сент. С. 5.

¹⁷ Подробнее см.: Мишуrowsкая М.В. «Дни Турбиных» в репертуаре советских театров и в публикациях советских периодических изданий: К истории постановки пьесы М.А. Булгакова в 20–30-х годах XX века // М.А. Булгаков: Pro et contra. СПб., 2016 (в печати).

¹⁸ Текст тринадцатой главы, в частности, опубликован в «Новом русском слове» (см.: Булгаков М.А. Алексей Турбин: отрывок из романа «Дни Турбиных (Белая гвардия)» // НРС. 1927. 22 дек. № 5443. С. 2; 23 декабря. № 5444. С. 2–3.

¹⁹ Лежнев И.Г. Доклад о переводной литературе: 21 мая 1928 г., Берлин // РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 234. Л. 19–20.

²⁰ Там же.

к четвертому пункту договора сказано: «За издательством журнала “Россия” сохраняются преимущественные права при заключении М.А. Булгаковым договора на второе издание»²¹.

Если верить неоконченной повести Булгакова «Тайному другу», отразившей — в художественной форме — ситуацию с печатанием «Белой гвардии» в «России», после закрытия журнала Каганский, прототип издателя Рвацкого — героя неоконченной повести, уехал за границу, прихватив с собой булгаковский роман, «увесистый, как надгробная плита». Но так ли это?

Главным лицом, ответственным за распространение текстов романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных» за пределами СССР, Булгаков считал З.Л. Каганского. И оснований для этого — более чем достаточно. Именно Каганский впервые выпустил часть «Белой гвардии» в Париже, именно он, организовав перевод на немецкий язык и издание второй редакции пьесы «Дни Турбиных», значительно упростил условия для заключения Булгаковым договора (10 апреля 1928 года) с издательством Самуэля Фишера²² об устройстве пьесы на зарубежной сцене. Но что же в действительности увез Каганский: весь текст романа (20 глав) или только две книжки — № 4 и 5 — журнала «Россия», в которых были опубликованы только 13 глав. Точного ответа нет, однако известно, что в периодике российского зарубежья печатались только те главы «Белой гвардии», которые были опубликованы в «России» (на тот момент Булгаковым уже были написаны главы 14–20, они так и не вышли в журнале Лежнева, при этом журнальный вариант текста «Белой гвардии» был почти завершен). А отдельными изданиями — в Париже и Риге — увидел свет текст, который был кем-то одинаково сокращен: почти вся 12-я глава и глава 13, напечатанные в «России», в изданиях, подготовленные «Concorde» и издательством «Литература», не вошли.

Текст 11 глав и фрагмента главы 12, выпущенный издательством К. Расиньша, специализировавшемся, в частности, «на пиратских перепечатках советских писателей и переводчиков»²³ (в 1927 году Латвия еще не присоединилась к Бернской конвенции по защите авторских прав), был отредактирован неизвестным редактором с «белых» позиций. (В парижском издании романа текст также подвергся правке, но без идеологических вы-

²¹ Договор М.А. Булгакова с З.Л. Каганским об издании романа «Белая гвардия» в издательстве журнала «Россия» от 6 января 1925 г. // НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Д. 37. Л. 5.

²² См.: Договор М.А. Булгакова с издательством С. Фишера от 13 апреля 1928 г.: [на нем. яз.] // РО ИРЛИ. Ф. 369. Д. 66. Л. 5, 5 об. Цит. по: Богословская К.Е. Пьесы М. А. Булгакова во Франции и Германии (1927–1928 гг.): (по неопубликованным материалам) // Творчество Михаила Булгакова: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 358.

²³ Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге, 1918–1944: Историко-библиографический очерк. М., 2005. С. 152.

марок.) «Белая гвардия» с дописанным кем-то «безграмотным концом»²⁴ вышла в русской серии издательства «Наша библиотека». Ответственным за русский репертуар издательства был Василий Владимирович Гадалин, но пока не найдено никаких доказательств, прямо указывающих на то, что именно он занимался редактурой булгаковского текста.

До сих пор не удалось установить, кто готовил текст романа к печати, но выкройка, которой руководствовался неизвестный «закройщик», сокращая и дописывая текст, представляется вполне ясной. Имея перед собой цель: соединить содержание романа «Белая гвардия» с четвертым актом второй редакции пьесы «Дни Турбиных» так, чтобы Алексей Турбин, погибающий в пьесе полковник, оказался в четвертом акте живым героем романа «Белая гвардия», доктором Турбиным, — и при этом, желая максимально сохранить реплики героев пьесы, неизвестный «закройщик» одновременно осуществляет идеологическую редактуру одиннадцати глав. Так, в слове «бог», встречающемся в романе довольно часто, редактор делает первую букву этого слова прописной. Есть и более существенная правка. На странице 66 окончание четвертой главы романа по воле неизвестного редактора лишилось злости горожан на украинских мужиков. Из текста изъята фраза: «Вот будут они помнить революцию. Выучат их немцы, — своих не хотели, попробуют чужих!» Начало главы пятой с размышлениями о петлюровской силе, появившейся «на громадной шахматной доске», о том, что «погибает слабый и скверный игрок», тоже изъято.

Полностью исчез в рижском издании сон доктора Алексея Турбина, в котором, гудя «виолончельным басом», вахмистр Жилин рассказывает Турбину о своей жизни в раю, куда он «вперся» с бабами на повозках, где он увидел красные облака, заранее приготовленные богом для большевиков, так как «все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет»²⁵.

Имел ли З.Л. Каганский какое-то отношение к рижскому изданию «Белой гвардии»? Скорее всего, он знал о том, что роман готовится к выходу в Риге. Как установил Б.А. Равдин, Каганский купил у К. Расиньша 400 эк-

²⁴ В архиве Булгакова в НИОР РГБ хранится рижское издание «Белой гвардии». На с.194, в правом верхнем углу, надпись карандашом (предположительно, рукой М. Булгакова): «Отсюда начиная — бред, написанный неизвестно кем» (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 70. Д. 5). В письме к И.В. Сталину в июле 1929 г. Булгаков, объясняя свое желание получить разрешение на выезд за границу, писал: «Мои произведения “Дни Турбиных” и “Зойкина квартира” были украдены и увезены за границу. В г. Риге одно из издательств дописало мой роман “Белая гвардия”, выпустив в свет под моей фамилией книгу с безграмотным концом» (цит. по: Булгаков М.А. Письмо И.В. Сталину, июль 1929 г. [машинописная копия] // Булгаков М.А. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 148.

²⁵ Подробнее об этом см.: Мишуровская М.В. Прodelки «графа Амори» // Мишуровская М.В. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015. С. 83–92.

земляров пиратской «Белой гвардии» (общий тираж издания составил три тысячи экземпляров, цена одной книги — 1 лат). Об этом свидетельствует расписка об уплате Каганским Расиньшу 400 латов, хранящаяся ныне в Латвийском государственном историческом архиве²⁶.

Текст романа, дописанный неизвестным последователем «графа Амори» (псевдоним знаменитого авантюриста от словесности И.П. Рапгофа), подогрел интерес русской эмиграции к подлинному тексту «Белой гвардии» и к вышедшей из него и прославленной МХАТ пьесе о Турбиных. (Примером этого интереса может служить скандальная постановка 4 декабря 1927 года инсценировки булгаковского романа труппой Русского драматического театра в Париже²⁷.) Он же одновременно подталкивал Булгакова к выпуску авторского окончания романа.

Второй том «Белой гвардии» (главы 14–20) был подготовлен Булгаковым и издан тиражом три тысячи экземпляров в парижской типографии Е.А. Бреннера «Москва» — при посредничестве В.Л. Бинштока, переводчика и члена двух обществ — русского Общества драматических писателей и оперных композиторов, после революции преобразованного в Общество драматических писателей и композиторов с филиалами в Москве (МОД-Пик) и Ленинграде, и французского Общества драматических писателей и композиторов (Société des Auteurs et Compositeurs Dramatiques, SACD).

Сотрудничество Булгакова с Бинштоком началось в 1927 году — в контексте «борьбы» Булгакова с Каганским. Двух переводчиков, Арнольда Вассербауэра, изъявившего желание перевести пьесу о Турбиных на немецкий язык²⁸, и Бинштока, агента МОДПик во Франции, Булгаков попросил о распространении открытого письма, в котором он заявлял, что Каганский, присвоив тексты «Белой гвардии» и «Дней Турбиных», распоряжается ими незаконно. Письмо — в переводе Бинштока — опубликовала на своих страницах парижская газета «Comedia»²⁹. Пересказ текста письма зимой 1928 года появился в газете «Дни», открыв на страницах этой газеты пу-

²⁶ Квитанция об уплате З.Л. Каганским К. Расиньшу 400 лат за книги «Белая гвардия» от 28 декабря 1927 г. // LVVA. Ф. 3283. Оп. 1. Д. 32. Подробнее об этом см.: *Равдин Б.А.* Рижский след в истории изданий и постановок М. Булгакова (1927) // Звезда (СПб.). 2013. № 5. С. 196–206.

²⁷ Об этом см.: *Янгиров Р.М.* «Сегодня — “Белая гвардия”...»: Из истории постановок пьесы М.А. Булгакова на русской зарубежной сцене // РМ. 1997. 27 марта — 2 апр. № 4167. С. 10–11; *Мишуровская М.В.* Допрос Михаила Булгакова: Об одном «неправдоподобном» случае, рассказанном газетой «Слово» в 1927 году // М.А. Булгаков : Pro et contra (в печати).

²⁸ См.: *Вассербауэр А.* Письмо М.А. Булгакову [1927 (?)] // РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 9.

²⁹ Краткий пересказ содержания письма Булгакова, опубликованного в парижской газете «Комедия» («через посредство г. Бинштока»): опровержение Булгакова полномочий З.Л. Каганского по охране интересов писателя за границей см.: *Театр и музыка // Дни.* 1928. 13 янв. № 1297. С. 4. См. также: *Булгаков М.А.* Заявление М. Булгакова / Предисл. А. Вассербауэра // Там же. 24 февр. № 1339. С. 3; *он же.* Письмо М.А. Булгакова // Там же. 25 марта. № 1369. С. 2.

бличный спор Булгакова с Каганским, который, несмотря на согласие бывшего издателя «сменовеховского» журнала «Россия», обратиться к «суду коронному или третейскому»³⁰, так ничем и не закончился.

В архиве писателя в НИОР РГБ хранится черновик «Письма в редакцию» от 28 ноября 1927 года, в котором Булгаков подчеркивает, что «ни Каганскому, ни другим лицам, утверждающим это устно, я экземпляров моих пьес “Дни Турбиных” и “Зойкина квартира” не передавал. Если у них таковые экземпляры имеются, то это — списанные или приобретенные без ведома автора и без ведома же автора отправленные за границу экземпляры. Возможна наличность черновиков или гранок незаконченного в СССР печатанием романа “Белая гвардия”, присвоенных незаконным путем»³¹. Но не черновики и гранки «Белой гвардии» публиковались в эмигрантской печати и выходили отдельными изданиями в Париже и Риге. Как уже было отмечено выше, зарубежный читатель в 1927 году познакомился с текстом, который уже был опубликован в советском частном журнале Лежнева и Каганского «Россия».

В 1928 году писатель, при посредничестве Бинштока, готовил второй том «Белой гвардии» для печатания в фирме Е.А. Бреннера «Москва», при этом издателем второго тома — по договору с Бреннером³², был сам Булгаков. Если титульный лист «первого тома» «Белой гвардии», выпущенного в 1927 году «Concorde», не назван таковым в выходных данных издания, но при этом сообщает имя издательства, то второй том, наоборот, не называет имени предприятия, его выпустившего³³.

Как явствует из письма к Булгакову того же Бинштока, издатель настаивал на своем инкогнито. Посредник между издателем и автором передает требование Бреннера так: «Здесьнее издательство “Москва” (во главе стоит некий Бреннер) предложило мне издать окончание “Дней Турбиных” на следующих условиях: 1. Издателем являетесь Вы сами. 2. Они принимают на себя все типографские расходы (печать, бумагу, корректуру, брошюровку, объявления и т. д.)»³⁴. Однако в предисловии, которым открывался второй том «Белой гвардии», эта книга названа продолжением издательского проекта Бреннера, начатого выпуском первого тома романа в издательстве Каганского «Concorde». Уполномоченным этого издательства был Александр Альперович. Его фамилия также значится среди владельцев издательской

³⁰ «Я не отказываюсь от суда коронного или третейского, куда доставлю все документы по этому делу», — писал в открытом письме З.Л. Каганский (см.: Каганский З.Л. Дело М. Булгакова: (письмо в редакцию) // Дни. 1928. 27 февр. № 1342. С. 2).

³¹ НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Д. 37. Л. 15.

³² РО ИРЛИ. Ф. 369. Д. 7. 2 л.

³³ См.: Булгаков М.А. Дни Турбиных: (Белая гвардия): роман. Paris: [«Москва»], 1929. Т. 2. 159 с.

³⁴ Биншток В.Л. Письмо М.А. Булгакову от 4 октября 1928 г. // РО ИРЛИ. Ф. 369. Д. 354. Л. 13.

фирмы «Imprimerie Pascal». Взяв на себя предпечатную подготовку второго тома и организационные хлопоты, издательство Бреннера в 1929 году пользовалось типографскими услугами «Imprimerie Pascal», одним из владельцев этой фирмы был Л. Березняк, издававший в начале 1920-х годов журнал «Смена вех» (среди постоянных авторов журнала был И.Г. Лежнев).

Примкнув к «первому тому», изданному Каганским, второй том, вышедший в 1929 году, завершил издание текста романа, который до сих пор переиздается в «парижском варианте». Родиной «пиратской перепечатки» второго тома снова стала Рига. Под названием «Конец белой гвардии» ее подготовило издательство Моисея Соломоновича Львовича и Берки Лившица «Книга для всех»³⁵. 17 августа 1929 года Биншток сообщил из Парижа Булгакову: «К сожалению, рижская гнусная перепечатка Вашего второго тома испортила все дело, так как они продавали свое издание за 10 франков вместо 15-ти, то повсюду покупали это издание, а не Ваше»³⁶. Заканчивая свое письмо, Биншток предлагает Булгакову перевести его роман на французский язык для издательства «Librairie Arthème Fayard» и «делить гонорар пополам». Из переписки писателя с братом, Н.А. Булгаковым, ясно: Булгаков принял предложение Бинштока и последний начал работать над переводом. Но «Белая гвардия» в «Librairie Arthème Fayard» так и не вышла.

Фрагмент романа, переведенный на французский язык, был включен в антологию «Русская литература»³⁷, подготовленную поэтом, переводчиком и журналистом Владимиром Соломоновичем Познером и увидевшую свет в издательстве «Simon Kra» (1929). Об этом издании, в частности, в рубрике «Rossica» сообщил советский журнал «Печать и революция»³⁸.

Перевод «Белой гвардии» на итальянский язык осуществил Этторе Ло Гатто. Основой для перевода послужил текст, изданный в 1927 году рижской «Литературой». Книга вышла в Риме в издательстве «Неизвестный роман» в 1930 году. Экземпляр итальянской «Белой гвардии» сохранился в архиве Булгакова в НИОР РГБ с автографом переводчика: «Михаилу Афанасьевичу на память о нашей московской встрече с выражением самого глубокого сожаления, что только первые две части книги подтверждают наше мнение и нашу взаимную симпатию. 18 декабря 1931 г.». На книге, выпущенной в Риме, Булгаков написал посвящение своей будущей жене, Елене Сергеевне Булгаковой: «Дарю тебе эту книжку, не забудь про то, что в ней parteterza —

³⁵ См.: Булгаков М.А. Конец белой гвардии: (Дни Турбиных): роман. Рига: Книга для всех, 1929. 164 с.

³⁶ Биншток В.Л. Письмо к М.А. Булгакову от 4 февраля 1930 г. // РО ИРЛИ. Ф. 369. Д. 354. Л. 38–39 об.

³⁷ См.: *Bulgakov M. La garde blanche*: [краткая биография Булгакова; фрагмент романа «Белая гвардия»; на фр. яз.] // *Litterature russe / Par V. Pozner; Preface de P. Hazard. Paris: Editions Kra, 1929. P. 24–45.*

³⁸ *Rossica // Печать и революция (М.). 1929. Кн. 8 (август). С. 123, 124.*

поддельный не мной сочиненный конец. Но мы с тобой, если также как теперь будем любить друг друга, переживем все дрянные концы, и победим, и взлетим. М.».

Исследователей творчества писателя долгое время занимал вопрос: почему Булгаков, публично обвиняя Каганского в узурпации прав на роман и пьесу, не довел дело до суда? Более того, иногда он прислушивался к некоторым советам Каганского. Например, к совету выправить в Драмсоюзе справку о том, что роман и пьеса в СССР не издавались³⁹.

Писатель также не мог не понимать, что Каганский, выполняя роль устроителя зарубежной судьбы текста «Белой гвардии» и вышедшей из него пьесы, учитывал не только свои, до сих пор до конца неясные, интересы и интересы Булгакова — увидевшего, благодаря Каганскому, отдельное издание своего романа, и заключившего — благодаря изданию Каганским пьесы «Дни Турбиных» в Берлине — 13 апреля 1928 года договор с немецким издательством Самуэля Фишера об устройстве этой пьесы в зарубежных театрах. Каганский действовал, согласуясь с реальностью тех лет (издательской, правовой, идеологической): произведения советских писателей в глазах зарубежных издателей не имели коммерческой привлекательности. Основной круг читателей «Белой гвардии» был сформирован в среде русской эмиграции. А выход «Дней Турбиных» отдельной книгой в одной из европейских стран был необходим для того, чтобы издательство, взявшееся защищать авторские права советского драматурга за рубежом, могло располагать текстом, защищенным Бернской конвенцией (такovým считался текст, впервые изданный на территории страны — участницы конвенции; СССР, как известно, в число таких стран не входил). Кроме того, в Европе постановка пьесы, о чем уже упоминалось выше, не приравнивалась к выходу в печати и потому прав автора не закрепляла.

История с зарубежной публикацией «Белой гвардии» и вышедшей из него пьесы является, по сути, историей о закреплении текстов советского автора в правовом поле Европы: через специально открытые для этой цели издательства («Concorde» и его филиал в Германии — Verlag S. Kagansky) или через издательские предприятия, бравшие на себя типографские хлопоты («Москва»). Отнюдь не единственной, хотя, по-своему, уникальной. В том же 1929 году тем же Бинштоком был переведен и выпущен в Париже роман И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» («Douze Chaises»)⁴⁰: «фран-

³⁹ Текст справки, выданный Драмсоюзом М.А. Булгакову, таков: «Мы констатируем, что произведения Булгакова “Дни семьи Турбиных” в СССР не издано пока. Что касается романа “Белая гвардия”, то появились только две части» (Черновик телеграммы, адресованной З.Л. Каганскому и издательству С. Фишера, б.д., предположительно — 1928 г. // РО ИРЛИ. Ф. 369. Д. 66. Л. 14).

⁴⁰ См.: Douze Chaises / Traduit par J.-W. Bienstock. Paris, 1929. 382 p.

цузское издание <...> должно было стать доказательством свободы слова и печати в “стране социализма” <...> хотя на родине авторов отношение к роману не раз менялось»⁴¹. Те, кто был занят печатанием и распространением «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» за пределами СССР, понимали, что «белогвардейская нота» в текстах Булгакова было таким же доказательством «свободы слова», как и похождения «фармазона» Остапа Бендера, выбравшего себе в спутники Воробьянинова — представителя того же, что и Турбины, свергнутого революцией, мира. С той лишь разницей, что главным читателем, способным сопереживать семье Турбиных, все же была русскоязычная российская эмиграция. Тема, затронутая Булгаковым, задевала именно этот — эмигрантский — круг, провоцируя в сознании читателя не только возвращение к недавнему прошлому, к событиям Гражданской войны, но и горечь, и возмущение от показанного в романе и пьесе «жуткого бессилия белой гвардии»⁴².

При этом интерес ОГПУ к писателю, чьи произведения так взволновали эмигрантские круги (в периодике российского зарубежья сохранилось много свидетельств эмоционального и неоднозначного отношения к роману и пьесе Булгакова), вполне объясним. В 1927–1928 годах именно этому ведомству писатель, скорее всего, после очередного проявления внимания к его судьбе⁴³, хотел доказать всеми способами, включая публичные, что он не имеет никого отношения к распространению своих текстов в Европе и, главное, что он не получает за это распространение — на сцене и в печати — никаких гонораров. Что было правдой до тех пор, пока Булгаков не заключил договор с театральным отделом издательства Самуэля Фишера, доверив ему сценическую судьбу пьесы «Дни Турбиных».

⁴¹ *Одесский М.П., Фельдман Д.М. Мирь И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М., 2015. С. 211.*

⁴² *Кускова Е.Д. «Белая гвардия»: (письмо из Праги) // ПН. 1931. 17 марта. № 3646. С. 3.*

⁴³ О вызове Булгакова в ОГПУ в начале 1927 года говорится в агентурной записке от 13 января этого года. В ней неизвестный осведомитель передает разговор Булгакова с В.В. Вересаевым. Автор «Дней Турбиных» признавался своему собеседнику, что его «вызвали в ОГПУ на Лубянку» и спросили: почему он не пишет о рабочих? Если верить агентурной записке, Булгаков сообщил Вересаеву, что во все время разговора с сотрудниками этого ведомства ему казалось, «что сзади его спины кто-то вертится, и у него было такое чувство, что его хотят застрелить» (см.: Агентурная записка от 13 января 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 27. Л. 21). В декабре 1927 года рижская газета «Слово» опубликовало заметку «Допрос Булгакова» (5 дек. № 704. С. 4). Текст заметки, с некоторыми изменениями и под заглавием «Булгаков в ГПУ?», был перепечатан парижской газетой «Дни» (1927. 8 дек. № 1261. С. 1). В заметке «Слова» утверждалось: «2 декабря ГПУ вызвало писателя и драматурга М. Булгакова для допроса, в связи с появившимся за границей его романом “Дни Турбиных” и пьесами “Белая гвардия” и “Зойкина квартира”».

Б.А. Равдин

Предварительный список русских календарей, изданных на оккупированной территории СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1942–1944 гг.

Аннотация: Вторая мировая война характеризуется активным пропагандистским противостоянием со стороны всех участников военных действий. На примере издания русских календарей на оккупированной территории СССР, в Германии и некоторых других европейских странах в статье дана попытка анализа жанрового многообразия пропагандистско-агитационных изданий этого типа. Приложен список выпущенных календарей.

Annotation: World War II is characterized by the active propaganda of all parties to the hostilities. Using the example of Russian-language editions of calendars in the occupied territory of the USSR, in Germany and some other European countries, the article attempts to analyze the variety of genres and propaganda publications of this type. A list of issued calendars is attached.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, оккупационная издательская деятельность, агитация и пропаганда, календари на русском языке.

Key words: World War II, USSR, occupation publishing, agitation and propaganda, calendars in Russian.

В годы Второй мировой войны, за время военных действий Германии против Советского Союза, на оккупированной территории Советского Союза, в Германии и некоторых сопредельных странах было издано около 800 единиц книжно-брошюрной продукции на русском языке, в том числе не менее 60 с лишним календарей разного типа, как-то: отрывных, настенных, карманных; как и положено календарям — иллюстрированных.

За пределами оккупированных территорий СССР, обнаружены русские календари в немногих европейских странах: Германия, Польша, Словакия, Чехия, Франция. Можно было бы по меньшей мере ожидать встреч с соответствующими календарями болгарского или сербского производства, но таковые пока не обнаружались.

Календари на оккупированной территории СССР издавались на разных языках, например, на белорусском — число их было крайне незначительно, не в пример календарям на украинском языке. В Латвии, Эстонии в годы войны выходили календари самой разнообразной направленности, включая спортивные. В Эстонии было издано более 60 единиц¹, в Латвии, судя по

¹ См.: Eesti raamat 1941–1944. 1941. a. september — 1944. a. september. *Estonica* 1941–1944. Tallinn, 1997. 45 lk.

электронному каталогу Национальной библиотеки Латвии, около 40, сведения по Литве нуждаются в уточнении.

Календари — один из видов массовой печатной продукции нового и новейшего времени. Эту же репутацию поддерживали и календари, о которых речь ниже. Разве что из всего многообразия календарной продукции преимущественно сохранилось производство календарей двух видов: церковных и народных — как один из путей умиротворения оккупированных территорий. Но особенности времени, давление традиции отразились на издании и некоторых других видов календарей типа «военных» или «всеобщих».

Народные календари оккупационной эпохи наполнялись обычными для такого рода изданий материалами (месяцеслов, краткий молитвенник, советы разного рода, в основном сельскохозяйственного, картинка, как правило, пейзажного характера, небольшой песенник, образцы литературных сочинений, что-то из народной мудрости, в том числе — кочующие «политические» анекдоты, частушки, как правило, сочиненные в редакции или неподалеку... Этот тип календарей в большей степени был рассчитан на сельское население, в какой-то степени учитывались женские и детские интересы. Имелись существенные отличия в объеме (и соответственно — наполнении) народных календарей — от нескольких десятков страниц до двухсот с лишним. Из структурных новшеств — то в одном, то в другом календаре встречается нечто словарное, например: «Краткий самоучитель немецкого языка», где находим попытку совместить времена и пространства. Так, раздел «Должность и профессия» в этом календаре составлен был по «былям нашего времени» и соответственно начинался со слов: «вождь», «генерал», «офицер», «солдат», «городской голова», «староста», а раздел «Ресторан» явно построен был по образцам прошлых времен, например: «Я предлагаю поехать в маленькое предместье, чтобы пообедать на свежем воздухе. Жена просила меня сегодня обедать вне дома. <...>. Обер, дайте, пожалуйста, меню. Мы хотим теплого супа, порцию рыбы или мяса, немного фруктов и кофе с молоком. <...>. Но Вы ведь еще зайдете сегодня вечером к нам слушать радио»².

Политический акцент, за некоторым исключением, в той или иной степени был свойственен большинству календарей. Случались издания почти стерильные, почти лишенные политической окраски, например печерский «Календарь 1942»³. Отметим еще, что Прибалтика (без Литвы) — очевидный флагман в издании русских календарей на оккупированных Германией территориях СССР.

² Народный календарь на 1943 год. Спутник сельского хозяина. Псков, [1942]. С. 165, 172–173. Подробнее о календарях «Новая Европа» см.: Пономарева Г.М., Шор Т.К. Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945). Таллинн, 2009. С. 165–183.

³ См. там же. С. 171–172.

Первые календари на «освобожденной земле» явно перебарщивали с агитацией и пропагандой. Так, например, в вышедшем в Смоленске календаре-ежемесячнике на 1942 г. на каждой оборотной странице по числу месяцев «были напечатаны двенадцать статей на разные политические темы: «Жизнь Адольфа Гитлера», «Что такое национал-социализм», «О Новой Европе», «Труд и социализм», «Евреи — враги человечества», «Крестьянин — кормилец нации» и другие. На стенке календаря помещена фотография Фюрера, беседующего с молодежью и высказывания Фюрера о большевизме»⁴.

По пропагандистской насыщенности смоленскому календарю не уступал так называемый псковский «Народный календарь на 1942 год», где над каждым месяцем восходит цитата из А. Гитлера, а раздел «Памятные годовщины» в части Германии в основном представлен недавними событиями; на сентябрь, например: «Противоатака Германской армии в Польше», «Англия и Франция объявляют войну Германии», «Флаг со свастикой — государственный флаг Германии», «Сдача Варшавы», «Подписание пакта 3-х держав: Германии, Италии и Японии», «Закон о наследовании крестьянских хозяйств в Германии»⁵.

Позднее так называемые «народные календари» в значительной степени были освобождены от части идеологической нагрузки, вероятно, не без рекомендаций из центра. Аналогичный сюжет с иллюстрированными и литературными журналами (напр., берлинскими «Новая жизнь» (1941 г.) и «На досуге» (1943–1944 гг.) или рижским «Для всех» (1944 г.)), где художественному, познавательному, развлекательному направлению явно отдано предпочтение перед направлением пропагандистским⁶.

«Народный календарь на 1943 год» хоть и открывается цитатой из А. Гитлера, но теперь всего лишь одной, правда, размещенной на титульном листе, но другого почетного места для цитаты из этого неиссякаемого источника быть не могло⁷.

Прочая пропагандистская линия в календаре на 1943 г. довольно скудна. На сто семьдесят с лишним страниц агитматериала отведены: две страницы вступления в календарь («С Богом, за работу!»), заметка на страницу с хвостиком, посвященная указу рейхсминистра освобожденных областей от 15 февраля 1942 г. о так называемых «свободных хлебопашцах»; при заметке пара тематических фотографий, в том числе снимок сеятеля в сапо-

⁴ Б.а. Выпущен ежемесячник // Новый путь (Смоленск). 1942. 4 марта. № 17.

⁵ Народный календарь на 1942 год. Спутник сельского хозяина. Псков, [1942]. С. 32.

⁶ О последних двух журналах см.: Равдин Б. Газетно-журнально-книжное доволствие остарбайтеров 1942–1945 гг. (Издания на русском языке) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabonowitz. Stanford, 2014. Part II. P. 110–173; он же. Роспись журнала «Для всех». Рига. 1944 // Радость ждет сокровенного слова: сб. науч. ст. в честь проф. Латв. ун-та Л.В. Спроге / Сост. и гл. ред. Н. Шром. Рига, 2013. С. 224–250.

⁷ См.: Народный календарь на 1943 год. С. 24.

гах и кепке. В пандан к этим трем страницам из будущей жизни русского крестьянина предлагались две странички (одна из них отдана под фотографии), повествующие о счастливой жизни крестьянина в национал-социалистической Германии. Завершает пропагандистский блок фотография «Адольф Гитлер среди школьников» (в нашем экземпляре характерный дефект — центральный персонаж снимка декапитулирован посредством не то ножниц, не то «бритовки», но при сохранении подтекстовки). Вот, пожалуй, и вся генеральная пропагандистская линия в календаре. Впрочем, отчасти в этой же директории и упоминавшийся выше Самоучитель немецкого языка, и новейшая карта Европы⁸.

На каждый месяц в этом календаре на 1943 г. приходится от 14 до 30 с лишним памятных дат (всего ок. 250 ед.), связанных исключительно с Россией и Германией/Австрией. За вычетом обильного сентября (как-никак — годовщина начала Второй мировой), остальные месяцы относительно скромно участвуют в презентации Германии. На январь 1943 г. всего-навсего приходится:

Адольф Гитлер становится государственным канцлером; род. Г. Геринг, А. Розенберг, В. Моцарт; вошел в силу Версальский договор; покушение на Хорста Весселя.

Ср. памятные даты по России на тот же месяц по тому же календарю:

Род.: И.Ф. Богданович, А.С. Грибоедов, А.П. Чехов; ум.: И.С. Аксаков, И.Ф. Богданович, Д.В. Григорович, А.С. Даргомыжский, А.А. Дельвиг, А.Е. Измайлов, Д.И. Менделеев, Н.А. Некрасов; указ Петра Великого о праздновании Нового года, покорение Пскова Василием III, покорение Новгорода Иоанном III, отмена подушной подати, издание первой русской газеты в Москве, открытие публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, основание Московского университета, основание школы математических и навигационных наук, разрешение частным лицам заводить типографии⁹.

На «Русский сельско-хозяйственный календарь на 1944 год», за вычетом мелочей, приходится пропагандистский блочок страниц на пятнадцать: «От рабства к свободе», «Национал-социализм и крестьянство», «Крестьянин и его труд» (с актуальными призывами: «Больше картофеля», «Больше льна», «Больше молодого скота и жеребят» и т.д.¹⁰ В другом календаре 1944 г. на 112 страниц находим приблизительно такое же число страниц с пропагандистским уклоном, причем, значительная часть таких страниц завернута в беллетристические кружева¹¹.

⁸ См.: Народный календарь на 1943 год. С. 5–6, 71–73, 119–120, 152.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ См.: Русский сельско-хозяйственный календарь на 1944 г. Рига, [1944]. С. 33–41, 44–49.

¹¹ См.: Всеобщий русский календарь на 1944 г. Рига, 1944. С. 36–38, 46–59, 60–62, 71–75.

На наш взгляд, пропагандистско-воспитательно-охранительный характер оккупационных календарей уступает близким по типу советским календарями, например «Календарю колхозника» или «Карманному календарю». Не исключено, впрочем, что среди календарей, о существовании которых нам известно только заочно — из газетных сообщений или библиотечных электронных каталогов, могут быть издания, вполне сопоставимые с календарями советской эпохи. Календари вообще сохраняются плохо, а в условиях войны и оккупации — тем более. Из указателя календарей, приведенного ниже, мы держали в руках менее половины списочного состава.

Цензурное внимание к календарям, насколько можно понять, было районированным, во многом зависело от времени издания, составителя, издателя, цензора и т.д. Показателен в этом отношении «Всеобщий русский календарь на 1944 г.», подготовленный известным рижским межвоенным журналистом В.В. Васильевым (Гадалиным). В календаре, в разделе памятные даты, помещено около 700 (679) соответствующих дат. Из них России отведено около 500 (488) единиц. Но, кроме указа Петра I о праздновании Нового года и сведений об открытии Русского музея Александра III, в этом календаре нет никаких других дат, посвященных Российскому императорскому дому: никаких дней рождения, тезоименитств, возведений на престол и т.п. — с этим у нас строго, чтоб не возбуждать в народе монархических мечтаний.... Но зато допущен (скорее, пропущен) списочек из писателей советской эпохи: Б. Житков, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Катаев, Б. Лавренев, Л. Леонов, Н. Ляшко, Н. Неверов, Н. Островский, Е. Петров, Н. Тихонов, К. Тренев, А. Чапыгин, К. Чуковский, М. Шолохов. Допущены даже сомнительные в расовом отношении персонажи: С. Венгеров, В. Каверин, М. Светлов, Ю. Тынянов. Писатели-эмигранты исключены. Зато присутствует почти полный список революционеров и демократов, от Радищева до Плеханова¹². Повидимому, в основу «Всеобщего русского календаря на 1944 г.» был положен какой-то советский численник в сочетании с выборкой из многочисленных аналогичных изданий, издававшихся в эмиграции между войнами. Отметим еще, что во «Всеобщем русском календаре на 1944 г.», в отличие, скажем, от упоминавшегося выше «Народного календаря на 1943 год», читателю предлагали не только российские и германские памятные даты, но и культурные (исключительно культурные!) события из истории других стран, как-то: Индия, Дания и Швеция (по одной памятной дате), Бельгия и Финляндия (по 2), Норвегия и Чехословакия (по 3), Нидерланды и США (по 4), Испания (7), Италия (8), Великобритания (15), Франция (37).

¹² См.: Всеобщий русский календарь на 1944 г. Нечетные стр. с 5-й по 27-ю.

Церковные календари придерживались, старались придерживаться давних обычаев (даже в формате календаря), пусть и не всегда последовательно. Вот рижский «Старообрядческий Церковный календарь» на 1943 и 1944 год — здесь путем удаления всего лишь одного-двух листочков это издание абсолютно лишается оккупационного оттенка. Старообрядческие церковные календари этой эпохи чаще других встречаются в библиотеках, у коллекционеров, в продаже, попадались они и нам, но уже лишенные «кромольных» страничек (например, титульной страницы, на обороте которой размещался список: «Немецкие государственные праздники (по новому стилю)»). А в «Церковном календаре на 1943 год» (Псков) вообще нет никаких оккупационных примет, даже издательского паспорта, обычно исполнявшегося на немецком языке, как, например, в псковском же «Православном церковном календаре на 1944 год».

Крупнейшим издателем календарей во время войны являлось находившееся в юрисдикции РПЦЗ (Русской православной церкви за границей) Монашеское типографское братство Преподобного Иова Почаевского в словацком селе Ладомирова (Владиминова). У Типографского братства давняя история, скажем лишь, что после революции 1917 г. типография возобновила свою деятельность уже в эмиграции, продолжая печатать в основном богослужебную и религиозно-нравственную литературу. Братством издавна выпускались календари двух типов: Православный церковный календарь и Православный русский календарь. (Календари эти в рекламе (и не только) имели несколько вариантов заглавий по обложке и титулу, например: Православный календарь, Православный народный календарь, Русский народный календарь, Русский православный календарь, Русский церковный календарь.) Календари Братства продолжали выходить и в годы войны, рекламировались в берлинской русской печати. Пользовались ли они вниманием остарбайтеров, той ее части, которая продолжала считать себя паствой Московского патриархата, а календари Братства, напомним, — продукция РПЦЗ... Или в переплетенных обстоятельствах войны это противоречие снималось?..

Незначительная часть календарей Братства достигала оккупированных территорий СССР (см. об этом ниже).

В Церковном календаре на 1943 г. помещен торговый Каталог книг Братства (судя по помете «настоящим аннулируются все прошлые каталоги», речь идет о каталоге именно торговом). Такой же каталог приложен и к Календарю Братства на 1944 г.)¹⁵. В этом перечне из 49 книг и брошюр календари отсутствуют. Почему? То ли потому, что прошлогодние календари

¹⁵ В связи со сложной системой пагинации в календарях Братства, здесь и ниже при ссылках на эти календари страницы не указываются.

товаром уже не являлись, то ли потому, что накануне 1943 г. календари на 1942 г. были раскуплены, то ли по какой-то другой причине.

Насколько известно, первым церковным календарем, вышедшим на территории СССР, оккупированной Германией, был псковско-рижский календарь на 1943 г. — на наш взгляд, чуть поздновато для налаживания взаимоотношений с завоеванными территориями при помощи издания, долженствовавшего свидетельствовать о «внимании Германии к нуждам православного населения России». Но, может быть, в попытках объяснить задержку следует учесть, что события 1940 г. привели к созданию на аннексированной территории единого церковно-территориального образования в Прибалтике, во главе которого стоял направленный сюда из Москвы митрополит Сергей (Воскресенский). Это же церковно-территориальное поле сохранилось и в рамках Остланда, территориально-административной единицы, созданной на основе Латвии, Литвы, Эстонии и части Белоруссии. Митрополиту Сергию в его деятельности в Остланде приходилось учитывать, что на этой территории сталкивались интересы трех церквей: Московской патриархии (в связи с которой формально продолжал оставаться митрополит Сергей), Константинопольской патриархии (в ведении которой находилась часть православной церкви Эстонии) и Русской православной церкви за границей, не говоря уже об интересах Берлина и местной оккупационной администрации. В итоге первая попытка издания в Латвии церковного календаря на 1942 г. разрешения не получила, хотя заявка на календарь 1942 г. и была подана¹⁴.

За годы военного противостояния на оккупированной территории СССР, в Германии и некоторых сопредельных стран было издано около 25 церковных календарей, все эти календари изданы церковными инстанциями с разрешения оккупационных инстанций, хотя в системе национал-социализма поддержка христианства не планировалась. Но чего не сделаешь в целях налаживания отношений с жителями завоеванных городов и в особенности деревень!

Календари издавались или планировались к изданию до последних или предпоследних дней оккупации. Случалось, что календарь выходил в свет накануне «исправления линии фронта». Такая судьба постигла «Книгу для крестьянина. С календарем на 1944» (Смоленск. 1943). Смоленск был освобожден в конце сентября 1943 г., и идеологическая часть календаря в 1944 г. на территории Смоленской области была уже анахронизмом. По этой или по другой причине, но календарь этот стали распространять по соседству, в Литве¹⁵ и, полагаем, в Белоруссии.

¹⁴ См.: LVVA. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 304. Л. 266–268, 318–318 об.

¹⁵ См. об этом объявление: «Поступила для распространения КНИГА ДЛЯ КРЕСТЬЯН с календарем на 1944 г.» (Вестник Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области. 1943. 20 дек.)

Своя роль, не столько информационная, сколько рекламно-организационная, отводилась календарям военным и так называемым «предпарламентским» (последний, правда, известен только в единственном числе). Как известно, на рубеже 1942–1943 гг. в военных структурах Германии, использовавших разного рода услуги «добровольцев» из местного населения и советских военнопленных, возник бродящий по России призрак будущей Русской освободительной армии, сражающейся на стороне Германии. Параллельно возник муляж будущего правительственного органа на территории Европейской России: так называемый Русский комитет, якобы дислоцировавшийся в Смоленске. В этих иллюзиях удалось издать «Календарь добровольца 1943», «Календарь добровольца 1944» и что-то типа «Календаря “Русского комитета”» (считай, прообраз предпарламента). При демонстративном внимании Германии к казачеству и при наличии «Календаря добровольца» нельзя было не заняться и «Казачьим календарем».

Некоторая сложность возникает с определением места издания ряда календарей. Так, например, «Народные календари» на 1942 и 1943 гг., выходявшие, как мы понимаем, на площадке Эстонии, снабжены вымышленным местом издания: Псков. Эти календари распространялись не только в Прибалтике, но и там, где слово «Псков» пользовалось большим доверием, нежели Таллин, отсюда и топографическое прикрытие, маркетинговый ход. Аналогичная ситуация с газетой «За родину», которая с момента ее издания и почти до конца ее существования издавалась в Риге, но по 10 декабря 1943 г. издательство и редакция газеты числились исключительно за Псковом, пока военная ситуация не заставила «перенести» издание газеты в Ригу. (Показательно, что последние номера этой газеты издавались в Таллине, но помечались Ригой.)

Какие-то календари, например «Старообрядческий Церковный календарь на 1944 год», как и многие книжные издания, вообще лишены сведений о месте выхода, отсутствуют даже какие-либо «паспортные сведения». Как правило, этот прием предполагает достаточно широкое распространение данного «товара», в данном случае среди старообрядцев не только Латвии, но и Литвы, Эстонии, Польши...

Аналогичная проблема — редактор календаря. Почти определенно можно утверждать, что календарь, в котором отсутствуют сведения о редакторе, готовился под наблюдением лица с фамилией, «чужой» в той среде, для которой этот календарь предназначался.

Календари пользовались у населения популярностью и, в отличие от сугубо пропагандистских листов, брошюр, не раздавались, а продавались¹⁶.

¹⁶ См., напр. анонимную заметку «Гатчина. Торговля газетами» (За родину (Псков). 1942. 22 сент. № 11), где сообщалось о недавнем открытии в Красном Селе, Тосно, Вырице магазинов, в которых можно было купить газеты, журналы, календари.

Если верить газете «Новое слово», календари этой берлинской марки пользовались массовым спросом, удовлетворить который было затруднительно¹⁷. Газета угрожала перекупщикам: «Лица, продающие наш календарь дороже указанной цены, будут нами привлечены к ответственности за спекуляцию»¹⁸. О популярности календарей «Нового слова» свидетельствует и объявление, в котором сообщалось, что «Русский отрывной календарь на 1944 год распродан. Оставшиеся экземпляры можно получить у наших представителей на местах»¹⁹.

О тиражах большинства календарей можно только догадываться. Максимальный тираж календарей (одно из первых, рекламных, изданий) — не менее 250 000 экз.

Абсолютно большая часть известных нам как светских, так и церковных календарей печаталась по новой орфографии. Это касалось как календарей, выходивших в пределах оккупированных территорий СССР, так и издававшихся русской эмиграцией (под надзором германских пропагандистских инстанций). Переход на упрощенную или новую орфографию объяснялся в эмиграции разными причинами, например экономией бумаги или отсутствием нужного шрифта²⁰.

Но важнейшая причина — предназначение части церковных изданий для распространения на оккупированных территориях СССР или среди военнопленных и остарбайтеров. Предполагалось, что для этих территорий и категорий пользователей печать старой орфографией может вызвать трудности как технического, так и психологического порядка. Отметим еще, что изданий в старой орфографии, предназначенных для распространения в СССР, могли опасаться в Берлине: а не воспримут ли в России старый шрифт как намек на ближайшее возвращение России к монархии, к царю-батюшке?

Показательно, что выходившие в Риге «Старообрядческий Церковный календарь», рассчитанный на относительно узкий, но устойчивый круг читателей, еще не разучившихся читать «по-старому», печатался по дореволюционной орфографии, а «Православный Церковный календарь», чья

¹⁷ См., напр., жалобы на отсутствие отрывных календарей (при наличии табель-календарей): *Б.а.* В поисках календаря. Тыловой р-он // Северное слово. 1944. 16 янв. № 6.

¹⁸ Почтовый ящик // Новое слово. 1944. 2 янв. № 1. См. о том же: «Читателям из города Бельска. Благодарим за сообщение о спекуляции газетой “Новое слово” и календарями нашего издания. По этому вопросу нами немедленно приняты соответствующие меры» (Почтовый ящик // Новое слово. 1944. 13 февр. № 13).

¹⁹ Там же. 1944. 2 янв. № 1.

²⁰ В связи переходом на новую орфографию в предвоенные и военные годы приходилось объясняться с читателем и «Новому слову» (Берлин), и «Парижскому вестнику», и «Ведомостям Охранной группы» (Белград), и некоторым другим эмигрантским изданиям.

аудитория была куда шире и намечалась к дальнейшему расширению, набирался по новой.

Обстоятельства времени коснулись и Типографского братства Иова Почаевского, которое обычно сохраняло во многих своих изданиях даже фиту и ижицу. Не позднее 1943 г. календари Братства перешли на новую орфографию. Такая реформа требовала объяснений, поскольку новая орфография частью эмиграции рассматривалась как одно из демонстративных проявлений большевистского насилия над русским языком и культурой. В связи со сменой орфографического курса в предисловии к «Православному Церковному календарю на 1943 г.» Типографского братства находим попытку объясниться: «19-ый год выходит наш календарь. До сего времени он обслуживал Русское церковное Зарубежье. В этом году мы надеемся, что будет возможность им пользоваться церковным людям очищенных от безбожников областей. Посему мы, с благословения Высшей Церковной Власти, выпускаем календарь по новой орфографии²¹, которая, по-видимому, прочно укоренилась на нашей Родине. Просим за сие не посетовать наших старых зарубежных читателей, привыкших по старинке к старой орфографии».

Спустя год в «Православном календаре на 1944 год» того же издательства читаем: «20-ый год выпускаем мы наш церковно-народный календарь. Увы, и в этом году не судил нам Господь возвратиться на Родину и этот юбилейный Календарь выпустить на родной Русской земле. Все же более полутысячи наших прошлогодних календарей проникло на Русскую землю, и там они сослужили свою службу. Какое-то количество и в этом году, Бог даст, попадет туда же <...> Календарь наш опять скромнен и по содержанию и по объему, вдобавок по техническим причинам в нем смешались и старая и новая орфография. Не осудите нас, дорогие читатели: времена теперь очень трудные; мы боялись, что вообще не удастся издать нам календарь в этом году».

Кажется, история издания русских календарей в годы Второй мировой война на оккупированных территориях и в эмиграции в очередной раз демонстрирует, что тотальной культурной оккупации быть не может, что теоретические установки как политического, так и орфографического, так и прочего жесткого порядка вынуждены уступать дню текущему, его злобе, понимай — повседневности.

²¹ Ср.: «Характерно, что вся русская эмиграция, церковно и национально настроенная, до 1945 года бережно хранила старую орфографию и этим отличались все ее издания за границей, в отличие от изданий пробольшевицких, выходивших за рубежом с большевицкими пропагандными целями» (*Аверкий (Таушев), архиепископ*. К вопросу о старой и новой орфографии // (<http://omolenko.com/biblio/averkiy1.htm>)).

Ниже предлагаем список календарей, очевидно неполный. Мы будем благодарны за любые дополнения, уточнения, исправления к этому списку.

В тех случаях, когда сведения о календарях заимствованы нами из газетно-журнальных или устных источников, название календаря, как правило, заключено в квадратные скобки и нуждается в дополнительной проверке. Не исключено, что какие-то издания, маркированные нами таким способом, вообще не были изданы, сведения о выходе, случалось, опережали вывоз продукции из типографских ворот.

Мы не преследовали цели указать места хранения календарей. Важнее было найти доказательство реального существования того или иного издания. В сомнительных случаях для нас таким доказательством служило наличие издания на библиотечном хранении. Но в наших розысках попутно мы все же время от времени отмечали и места хранения того или иного календаря.

Часть календарей настоящего списка ранее была зарегистрирована нами в указателе «Предварительный список русской религиозной литературы, изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 годах»²². В настоящий перечень внесены некоторые уточнения по № 124–128, 132–134, 144 указанного выше «Предварительного списка русской религиозной литературы...».

Благодарим за помощь в работе над статьей архивариуса Православной церкви в Америке г-на А. Либеровского и куратора Фонда русской истории Свято-Троицкой семинарии (Джорданвилль) г-на М. Перекрестова.

* * *

1. Всеобщий русский календарь на 1944 год / Под ред. В. Гадалина. Рига: Изд-во «Культура», [1944, янв.]. 112 с. 40 000 экз. — НБ Латвии, ЧС (Рига).

2. Казачий календарь на 1944 год. [Берлин:] Изд. журнала «На казачьем посту», [1944]. 32 с. (Казачья библиотека; 4). В журнале «На казачьем посту» от 15 дек. 1943 г. (№ 16. С. 13) сообщалось о ближайшем выходе календаря; в № от 1 февр. 1944 (С. 5) — о выходе (в извещении: Карманный казачий календарь). При всем внимании разного рода германских структур к казакам, известен только один соответствующий выпуск. Планировался «Казачий календарь» и на

²² Равдин Б.А. Предварительный список русской религиозной литературы, изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 годах // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge / Hrsg. S.M. Newerkla & F.B. Poljakov. Wiesbaden, 2014. Bd. 2. С. 176–221.

1945 г. (См. об этом: Готовится к печати // На казачьем посту. 1944. 1 дек. № 39. С. 11; здесь же можно увидеть иллюстрацию с обложки предполагаемого Календаря на 1945 г. О том же см.: На казачьем посту. 1944. № 40. 15 дек. С. 15), но сведения о выходе «Календаря на 1945 г.» отсутствуют; скорее всего, издан он не был. — НБ Чехии; *Karlsruher virtueller Katalog*.

3. [Календарь-альманах на 1943 год с параллельным русским и румынским текстом. Одесса: Отдел пропаганды при Губернаторстве Транснистрия, 1942?]. О подготовке к печати см.: Календарь-альманах // Одесская газета. 1942. 14 нояб. № 241.

4. [Календарь германских государственных железных дорог. 1943/44. Leipzig: *Konkordia-Verl.*, 1943. Ок. 59 с.] — *Karlsruher virtueller Katalog*.

5. Календарь добровольца. 1943. Б.м.: Изд-во Русского комитета, б.г. [Конец 1942 — первая половина 1943 г.]. 31 с. — РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 153.

6. Календарь добровольца. 1944. Б.м.: б.и. [Отдел пропаганды «Юг?»], б.г. 94, [2] с. Маркировка (номер разрешения?): 166. — РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 86. На с. 59 «Календаря» находим текст некоей присяги, знакомство с которой может быть полезно для установления района дислокации (и тем самым места издания?) воинской части, где была принята следующая форма присяги: «Приношу перед Богом святую присягу в том, что в борьбе против врагов моей родины — большевиков буду неуклонно выполнять приказы Верховного Главнокомандующего немецкими Вооруженными силами Адольфа Гитлера».

7. [Календарь-ежемесячник на 1944 г. / Изд. газеты «Освобождение». Евпатория, 1944]. См. о выходе: «<...> редакция местной газеты выпустила из печати ежемесячник и табель-календарь на 1944 г.» (Хроника Евпатории // Голос Крыма. 1943. 10 дек. № 149.).

8. [Календарь-ежемесячник на 1942 г. Киев, 1943.] См. о выходе объявление: Последние новости. Киев. 1942. 19 янв. № 5. Издание на русском языке?

9. [Календарь-ежемесячник на 1942 год с русско-румынским текстом. Одесса: Одесская газета? 1943?] См. о продаже: Объявление // Одесская газета. 1942. 29 янв. № 33; 11 мар. № 50.

10. [Календарь-ежемесячник на 1943 год. Одесса: Одесская газета? 1943?] См. о продаже: Объявление // Одесская газета. 1943. 13 мая. № 109.

11. [Календарь-ежемесячник на 1944 год. Одесса: Одесская газета? 1943.] См. о продаже: В несколько строк // Одесская газета 1943. 31 дек. № 301.

12. [Календарь-ежемесячник на 1942 г.] Смоленск: Изд-во «Новый путь», 1942. Цена — 10 руб. См. о выходе: «В издательстве [газеты] “Новый путь” закончено печатание отрывного календаря-ежемесячника на 1942 год» (Б.а. Выпущен календарь-ежемесячник // Новый путь (Смоленск). 1942. 4 марта. № 17).

13. [Календарь-ежемесячник на 1942 г. Симферополь?: Изд-во «Культура», 1942?]. О выходе календаря-ежемесячника на 1942 г. см. ниже в примечании к изданию № 14.

14. [Календарь-ежемесячник на 1943 г. Симферополь?: Изд-во «Культура», 1943? 25 000 экз.]. О выходе календаря-ежемесячника на 1943 г. по образцу прошлогоднего, тиражом в 25 000 см.: Б.а. Календарь на 1943 г. // Голос Крыма. 1942. 16 дек. № 128.

15. [Календарь (ежемесячник?) на 1944 г. Симферополь?:] б.и. [Изд-во «Культура»?], 1943. О календаре на 1944 г. см. объявление: «В писчебумажный магазин т-ва “Культура” поступили в продажу календари на 1944 год» // Голос Крыма. 1944. 15 дек. № 150.
16. Календарь Нового Времени на 1942 г. / Изд. «Нового времени». Прешов, 1941. 144 с.: ил. (Обл.: Календарь на 1942 год) — НБ Чехии.
17. Календарь Нового Времени на 1943 год / Изд. «Нового времени». Прешов, 1942. 160 с.: ил. — НБ Чехии.
18. [Календарь «Русского комитета» на 1943 год?]. Не менее 14 л.: ил. — РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 153 (дефектный).
19. Календарь 1942 / Изд. газеты «Новое время». Петсеры [Печеры], 1942. 32 с. (Обл.: Календарь на 1942 год) — НБ Эстонии.
20. [Календарь на 1943 г. Ялта?: Изд-во Г.Д. Костылева, 1943?]. Об издании см. объявление: «Жители города Симферополя! Ваши календари кончаются 30 июня, ввиду ограниченного тиража, спешите приобрести КАЛЕНДАРЬ на 1943 г. издания Г.Д. Костылева» (Голос Крыма (Симферополь). 1943. 9 мая. № 55). Прочие объявления о выходе полугодовых (?) календарей в изд-ве Г.Д. Костылева см.: Там же: 1943. 18 янв. № 8; 21 апр. № 48; 10 дек. № 149; 15 дек. № 150.
21. [Карманный календарь евпаторийца на 1944 г. / Изд. газеты «Освобождение». Евпатория]. См. по поводу издания: «Готовится к печати карманный календарь евпаторийца». (Хроника Евпатории. 1943. 10 дек. № 149). Издано?
22. Карманный календарь крестьянина 1942. Первый год свободы. [Смоленск?: тип. «Rigaer Druckerei», 1942]. (Обл.: Крестьянский календарь 1942). [По устным сведениям, около 100 стр.]. 250 000 экз. Цена 3 руб. = 30 пфен. См. о календаре: *Малявин Дм.* План «Ост» и карманные календари // Петербургский коллекционер. 2005. № 3 (<http://pk.awards-su.com/2005/kalendar/kalendar.htm>). Вероятно, об этом же календаре: «На днях через смоленское издательство “Новый путь” поступит в продажу “Карманный календарь крестьянина на 1942 год”» (К.А. Крестьянский календарь // Новый путь. 1942. № 39. 21 мая). «Большим успехом пользуется поступивший в продажу “Карманный календарь крестьянина” на 1942 г., изданный в Смоленске в издательстве “Новый путь”» (Вязьма // Клич (Берлин.) 1942. 19 июля. № 28).
23. Книга для крестьян. Смоленск: Изд-во «Новый путь», 1943. 112, [20] с. (Обл.: Книга для крестьян. С календарем на 1944 год). Наряду с разного рода с/х рекомендациями, издание, в частности, содержит анекдоты, пословицы, поговорки, частушки пропагандистского характера, например: «Сок весенний от сосны // Не имеет сладости, // Мы в колхозе от весны // Не видали радости. // Сок струится из берез // Ручейками сладкими! // Заменяли мы колхоз // Новыми порядками». — БВУ; НБ Литвы; Karlsruhe virtueller Katalog.
24. Крестьянский календарь 1943 [Каунас: тип. «Spindulio»], б.г. 59 л. Цена 10 руб. Судя по маркировке на л. 59 (PAW-67) и др. деталям, издатель календаря: Отдел пропаганды группы армий «Центр» (Смоленск). Тот же календарь, там же и тогда же издан по-немецки (обложка — частично по-русски). Сведения о типографии взяты из библиографического указателя «Bibliografijos Žinios»

(Kaunas, 1943). Почти весь календарь посвящен сельскохозяйственному производству, отведено место святым, пропагандистское направление представлено всего несколькими фотографиями. — БВУ; РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 56, 107, 152 (дефектный).

25. [Народный календарь Новая Европа 1942 год. Эстония? 1942?] 175, (1) с. Описано по обложке. В «Остланде» вышло два издания «Народного календаря Новая Европа на 1942 г.», несколько отличающихся по содержанию. — ЧС (Рига, дефектный экземпляр); ЦГАИПД. Ф. 116. Оп. 9. Д. 653 (бракованный экземпляр?).

26. Народный календарь на 1942 год. Спутник сельского хозяина. II вып. / Под ред. Н. ф. М. Псков [фактически: Эстония]: Изд-во «Новое время» [фактически: Отдел пропаганды группы армий «Норд»?], [1942] 175, [1] с. (Обл.: Народный календарь Новая Европа 1942). Вероятный редактор: Медем (Medem) Николай Николаевич (ок. 1900 — 1943), барон (сын дореволюционного псковского губернатора Н.Н. Медема?), зондерфюрер; вероятно, он же в 1942–1943 гг. под именем Н. Николаев — редактор таллинской газеты «Северное слово» (ранее он же — один из редакторов газеты «За родину» (Дно). По газетным сведениям, скоропостижно скончался 7 мая 1943 г., «похороны на военном кладбище в Мариенберге [Маарьямяэ]». Некролог (сведения о служебном положении Н. Медема отсутствуют) см.: Северное слово. (Ревель [Таллин]). 1943. 9 мая. № 53. О времени выхода календаря см. объявление о поступлении в продажу второго издания Календаря на 1942 г.: Северное слово. 1942. 16 июня. № 11. — БНАЭ; РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 150; ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 9. Д. 653; Karlsruhe virtueller Katalog.

27. Народный календарь на 1943 год. Спутник сельского хозяина. Псков [фактически: Эстония: тип.: «K. Mattiesen» (Tartu)]: Изд-во «Новая жизнь» [фактически: Отдел пропаганды группы армий «Норд»?], [1943]. 173, [3] с. (Обл.: Народный календарь Новая Европа 1943). См. по вопросу места издания и пересылки календаря: Почтовый ящик // Северное слово. 1943. 21 февр. № 21. См. о выходе календаря: Б.а. Русский народный календарь // Северное слово. 1943. 14 февр. № 18. — НБ Финляндии; НБ Эстонии; РГБ; СБГАЛ; РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 108.

28. Народный календарь на 1944 год. Спутник сельского хозяина. Псков [фактически: Рига]: Изд-во «Новая жизнь» [фактически: Отдел пропаганды группы армий «Норд?], [1944]. 112 с. (Обл.: Новая Европа 1944. Народный календарь). О поступлении в продажу см.: Народный календарь // За родину. (Рига.) 1944. 3 февр. № 24. Рижский журналист В.В. Васильев-Гадалин на следствии в Риге в 1944 г. показал, что редактором календаря «Новая Европа» был И.Д. Фридрих, известный латвийский учитель и фольклорист²³. Собственно И.Д. Фридрих на допросах показал, что на календаре «Новая Европа», издававшемся отделом пропаганды группы армий «Норд», он выполнял всего лишь обязанности корректора, а «руководил и принимал непосредственное участие в издании антисоветского календаря “Новая Европа” доктор Ланкиш — помощник начальника отдела печати «Норд»²⁴. — НБ Эстонии; РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 109.

²³ См. об этом: LVVA. Ф. 1986. Оп. 1. Д. 41028. Л. 18.

²⁴ См.: Там же. Д. 44190. Т. 1. Л. 195. По некоторым сведениям, П. Ланкиш (Paul Lankisch) — б. рижанин, б. студент Латвийского ун-та.

29. [Настенный календарь/плакат.] «Этот календарь показывает картины из жизни крестьян в Германии, стране ваших освободителей от сталинского ярма. 1942 год». Формат: ок. А1 — ЦГАИПД. Ф.116. Оп. 9. Д. 667. Л. 38 а.

30. [Настольный Православный календарь на 1943 год. Витебск, 1943.] См. о календаре: «В 1942 г. церковный отдел [отдела культуры Витебской городской управы] подготовил к изданию “Настольный Православный календарь на 1943 год”, вышедший в свет в конце января 1943 г.» (*Горидовец В., священник*. Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 годах // Седмица.RU (<http://www.sedmitza.ru/text/414047.html>)).

31. Настольный Православный календарь на 1943 г. [Сост. прот<оиерей> Н. Шиловский. Смоленск, 1944]. [48 с.]: ил. (Обл.: Календарь на 1943 год). На обороте титульного листа: «По благословию Его Преосвященства Преосвященнейшего Стефана, Епископа Смоленского и Брянского». См. о календаре: «В ближайшее время поступит в продажу печатающийся в Смоленске для православного населения освобожденных областей “Настольный православный календарь на 1943 г.” В этом календаре указывается как гражданский, так и церковный стиль <...>, а также помещены церковно-богослужебные заметки, статьи и стихотворения на религиозно-нравственные темы <...> Календарь иллюстрирован и имеет художественное оформление. Размер большой» (*Б.а.* Новый календарь // Новый путь. 1943. 7 февр. № 11.). См. еще: *Мариинский А.Н., проф.* Организация Смоленского епархиального комитета // Новый путь (Смоленск). 1943. 1 апр. № 26 — РГБ.

32. Православные святцы на 1943 годъ. [Гродно: Изд. Гродненского Епархиального Управления по благословию Высокопреосвященнейшего Венедикта, Архиепископа Белостокского и Гродненского, 1943.]. Односторонний лист 70х80 см. — НБ Беларуси.

33. Православные святцы с краткими заметками из Церковного Устава и др. дополнениями на 1944 год. Гродно: Изд. Гродненского Епархиального Управления по благословию Высокопреосвященнейшего Венедикта, Архиепископа Белостокского и Гродненского, 1944. [32] с. — НБ Беларуси.

34. Православный Календарь на 1944-й год. Почаевская Типография во Ладомировой. Словенская Республика. Разная паг.: ил. (Обл.: Православный Церковный календарь на 1944 г. Ладомирова. Словакия). См. о выходе: «Вышли в свет наш Православный церковный календарь на 1944 год и Православный русский календарь на 1944 год» (Православная Русь (Ладомирова). 1943. 20 авг. (2 сент.). № 7/8. С. 10; *Harbul'ova L.* Ladomirovske reminiscencie. Z dejin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej, 1923–1944. Prešov. 2000. S. 94) — НБ Словакии.

35. Православный календарь на 1945 год / Изд. обители пр<еподобного> Иова Почаевского. Б.м., б.г. (На с. [1]: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, в Ладомировой). [28 с.] – Библиотека Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль, США).

36. [Православный миссионерский календарь на 1943 год / Ред. протоиерей Православной Румынской Миссии Транснистрии Федор Рудев (Рудину?). Одесса: Православная Румынская миссия в Транснистрии]. О ближайшем поступле-

нии календаря в продажу см.: Церковная хроника // Молва (Одесса). 1942. 23 дек. № 20; Православный календарь // Там же. 1943. 10 янв. № 31.

37. [Православный народный календарь на 1943 год. Ладомирова/Владими-рова, 1943] — Karlsruhe virtueller Katalog.

38. Православный русский календарь на 1942 г. Владимиров (Словакия), [1942?]. Разная паг.: ил. См. об издании: «Типографское Иноческое Братство Преп. Иова Почаевского во Владимировой на Карпатах <...> извещает своих друзей и покупателей, что оно продолжает <...> деятельность. <...> Вышли в свет наши КАЛЕНДАРИ: ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ <...> [и] НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ <...> // Новое слово (Берлин). 1942. 11 янв. № 3. — НБ Чехии.

39. [Православный русский календарь на 1944 год? Православный календарь на 1944 г.? Ладомирова/Владимиров, 1943]. См. об издании: Православная Русь (Ладомирова). 1943. 20 авг. (2 сент.). № 7/8. С. 10.

40. [Православный стенной отрывной календарь на 1942 год] / Изд. Союза инвалидов. [Берлин?: Russischer National-Verlag?, 1941]. См. о календаре в объявлении от имени Russischer National-Verlag (Генеральное представительство // Новое слово. 1941. 30 нояб. № 49.). В газетных объявлениях в названии календаря на 1942 и др. годы встречаются разночтения («православный отрывной календарь, «православный стенной календарь», «отрывной календарь» и др.). Не исключено, что в реальности обложка календаря из трех рекламных определений содержит одно, максимум — два.

41. [Православный стенной отрывной календарь на 1943 год / Изд. Союза инвалидов. Берлин?: Russischer National-Verlag?, 1942]. В нашем распоряжении сведения об издании соответствующего Календаря отсутствуют, что не исключает его выхода по образцу 1942 и 1944 гг.

42. [Православный стенной отрывной календарь на 1944 год] / Изд. Союза инвалидов. [Берлин?: Russischer National-Verlag?], 1943. О выходе и продаже календаря см. в объявлении от имени «Russischer National-Verlag und Versandbuchhandling»: «Поступили в продажу православные стенные календари издания Союза инвалидов» (Новое слово. 1943. 19 дек. № 101; [Объявление] // Парижский вестник. 1944. 8 янв. № 81).

43. Православный Церковно-народный календарь [на] 1942 [год] / Ред. С.М. Кельнич. Варшава: Изд-во «Добро», 1942. 64 с.: ил. В объявлениях иногда встречается: Настольный православный церковно-народный календарь. Издательство, выпускавшее в Варшаве русские календари, одно из старейших в русской диаспоре. Помимо Польши, календарь можно было приобрести в Берлине, по крайней мере, судя по объявлениям, там продавались календари на 1943 и 1944 гг. Календари на сумму не более 20 марок можно было беспрепятственно заказать из-за границы в книжном магазине «Добро». Если же покупная сумма превышала 20 марок, необходимо было через германскую финансовую инстанцию обзавестись разрешением на пересылку денег. Внутри Польши календарь можно было получить наложенным платежом. Показательно, что в берлинских газетных объявлениях указана и орфография календаря — старая. Обложка

календарей — цветная. Рисунок на 1942 г. — восседающий на коне русский богатырь; на 1943 г. — крестьянка с серпом и снопом, на 1944 г. — сеятель с засученными рукавами, идущий по полю в сопровождении ангела; фоном для всех фигур служат церковные храмы, купола. — НБ Польши; РГБ (1942 г.).

44. Православный Церковно-народный календарь [на] 1943 [год]. Варшава: Изд-во «Добро», 1942. 63 с.: ил. По старой орфографии. О цене — 2 марки без пересылки см. объявление: Новое слово. 1943. 10 янв. № 3. — НБ Польши.

45. Православный Церковно-народный календарь [на] 1944 [год]. Варшава: Изд-во «Добро» 1944. 64 с.: ил. По старой орфографии. В 1944 г. календарь можно было приобрести в берлинском книжном магазине Karl Ed. Krasting. См. об этом: [Объявление] // Новое слово. 1944. № 75. 17 сент. — НБ Польши.

46. Православный Церковный календарь на 1942-й год. Во Владимировой на Карпатах, [1941?]. См. об издании: «Типографское Иноческое Братство Преп. Иова Почаевского во Владимировой на Карпатах <...> извещает своих друзей и покупателей, что оно продолжает <...> деятельность. <...> Вышли в свет наши КАЛЕНДАРИ: ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ <...> [и] НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ <...> (Новое слово. 1942. 11 янв. № 3; Архив Православной церкви в Америке).

47. Православный Церковный календарь на 1943-й год. Владимирова: Почаевская Типография во Владимировой, [1942]. 165 с.: ил. (Место изд. на обл.: Владимирова. Словакия) — НБ Словакии; UEFL.

48. [Православный Церковный календарь на 1944 г. Ладомирова. Словакия.] См. выше: Православный Календарь на 1944 год. Почаевская Типография во Ладомировой.

49. [Православный Церковный календарь на 1945 год. Прессбург (т.е. Братислава. — Б.Р.) 1944? 1945? 1000 экз.]. См.: Шкаровский М. Обитель преподобного Иова Почаевского (<http://tocor.de/assets/alt/Vestnik/20003/html/artikel11.htm>). Не исключено, что этот календарь был инициирован уже известным нам Типографским братством.

50. Православный Церковный календарь на 1944 год. Второй год издания. С благословения Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Литовского и Виленского, экзарха Латвии и Эстонии / Изд. Православной миссии. Псков [фактически: Рига]: Кремль, 1943 [1944, январь]. 64 с. 30 000 экз. Планировался соответствующий календарь и на 1945 г., во всяком случае в сентябре 1944 г., несмотря на очевидно приближающееся поражение Германии, от Латвийской епархии оккупационным властям была подана заявка на бумагу для календаря на 1945 г.²⁵ — ЧС (Рига).

51. Русский календарь на 1942 год. Париж. См. о календаре: Volkoff A.M. L'Émigration russe en Europe, 1940–1979. Paris, 1981. № 422.

52. [Русский стенной отрывной календарь на 1942 год. Берлин: Изд-во «Новое слово»?]. Сведения об издании календаря нам не встречались. Не исключено, однако, что календарю на 1943 г. (см. ниже) предшествовал аналогичный календарь на 1942 г.

²⁵ См.: LVVA. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 349. Л. 6 (Журнал исходящих по Латвийскому епархиальному управлению).

53. [Русский стенной отрывной календарь на 1943 год. Берлин: Изд-во «Новое слово»? 1943]. Сообщение о ближайшем (январском) выходе календаря см.: [Объявление] // Новое слово. 1942. 30 дек. № 104. Цена — 1,5 марки (см. о цене в объявлении «Нового слова» (1943. 10 янв. № 3). Об издателях календаря ср.: «<...> изд-во “Новое Слово” и кн. маг. “Арзамас” выпустили русские календари на 1943 г.» (Нивин П. Русские за границей // Северное слово. 1943. 5 февр. № 14). В газетных объявлениях в названии календаря на 1943 и др. годы встречаются разночтения («русский отрывной календарь, «русский стенной календарь»); рекламное название календаря могло существенно отличаться от фактического. О распространении календаря см. ответ газеты читателю (1943. 21 февр. № 15) в рубрике «Почтовый ящик», где отмечено, что календари «будут продаваться в Гродно, равно как и во всех других городах освобожденных областей».

54. [Русский стенной отрывной календарь на 1944 год. Берлин: Изд-во «Новое слово»? 1943]. Цена 1 марка. — РГВА. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 154 (дефектный экз., сохранены стр. за 13 авг. — 31 дек. 1944 г., всего — 141 л.). Сообщение о ближайшем выходе календаря см.: [Объявление] // Новое слово. 1943. 1 дек. № 96. В объявлении «Нового слова» от 2 янв. 1944 г. (№ 1) желающим предлагалось приобрести календарь у представителей «Нового слова» в Гродно и Белостоке, Латвии, Литве, Эстонии, генерал-губернаторстве, протекторате, «русские рабочие могут приобрести календарь при помощи администрации лагеря через Fremdsprachen Verlag G.m.b.H». См. еще: Б.а. Календари отрывные на 1944 продаются во Пскове // За родину (Рига). 1944. 11 янв. № 6). Вероятно, во Пскове торговали календарями «Нового слова»; во всяком случае, в Таллине, приблизительно в этот же время, через Ostland-Pressevertrieb, Reval предлагалось заказывать именно эти календари (см.: Почтовый ящик // Северное слово. 1944. 20 февр. № 21).

55. [Русский отрывной календарь на 1945 год]: Изд-во: Berlin. Fremdsprachrn-Verlag, б.г. 365 с. Цена 1 марка 10 пфен. См. о выходе объявление: Русский отрывной календарь. 1945 г. Склад. Wirtschafts-Werbeverlag, Berlin // Воля народа. (Берлин.) 1945. 15 марта. № 18; Русский отрывной календарь 1945 года // За родину (Берлин.) 1945. 15 марта. № 17 — Karlsruhe virtueller Katalog (?).

56. Русский Православный календарь на 1945 год / Изд. Русского Православного Св. Николаевского Прихода в Праге. Прага, 1945. — НБ Чехии.

57. Русский сельско-хозяйственный календарь <sic!> на 1944 г. Рига: Изд-во «Культура», [1944, январь]. 112 с. 30 000 экз.— НБ Латвии, ЧС (Рига).

58. [Русско-немецкий календарь на 1942 год]. Бобруйск: [Новый путь?], 1942. См.: «За последние дни поступил в продажу выпущенный издательством бобруйской газеты [Новый путь?] отрывной русско-немецкий календарь» (Новые книги и газеты в Бобруйске // Новый путь. (Смоленск.) 1942. 28 мая. №. 41).

59. [Русско-немецкий настенный отрывной календарь на 1942 г. Мелитополь: тип. «Новое время». 14 с.?). См. о выходе: Итоги недели Запорожья (<http://zabor.zp.ua/Novosti/20090325.htm>).

60. Старообрядческий Церковный календарь на 1943 год. Год издания пятый / Под ред. наст. Л.С. Мурникова и И.У. Ваконыя; изд. усердием Совета

Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. Рига, 1943. 71, [1] с. — БРГСО, ЧС (Рига).

61. Старообрядческий Церковный календарь на 1944 год. Год издания шестой / Под ред. наст. Л.С. Мурникова, наст. Д.Д. Михайлова и И.У. Ваконья; изд. усердием Совета Рижской [Гребенщиковской] старообрядческой общины. Б.м. [Рига.], 1944. 72 с. — БРГСО, ЧС (Рига).

62. Табель-календари печатались повсеместно, продавались отдельно или вкладывались в первые номера газет нового года. О табель-календарях на 1943 г., отпечатанных в Красносельской типографии см.: *Б.а.* Красное Село. Пять тысяч стенных календарей // *За родину* (Псков). 1943. 15 янв. № 11). См. также: «Имеется в продаже табель-календарь на 1943 Книгоиздательства и книготорговли Г.Д. Костылева и К^о» ([Объявление] // *Голос Крыма*. 1943. 21 апр. № 48. С. 8).

63. [Церковный календарь на 1942 год. Одесса: Православная Румынская Миссия в Транснистрии. 10 000 экз.] См. о выходе: *Культурная деятельность Православной Румынской Миссии Транснистрии* // *Одесская газета*. 1942. 12 мая. № 79.

64. Церковный календарь на 1943 год. С благословения Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Литовского и Виленского, экзарха Латвии и Эстонии / Изд. Православной Миссией в освобожденных областях России. Псков: Кремль [фактически: Рига. Прибалтийский экзархат], [1944]. О выходе календаря см.: Псков. Церковный календарь // *За родину* (Псков). 1943. 23 янв. № 18. Напомним, что Православная миссия с центром в Пскове была образована в августе 1941 г. Редактор календаря Н.Н. Трубецкой, арестованный в октябре 1944 г., на следствии показал, что готовились календари в Риге, т.е. к их изданию Православная миссия отношения не имела²⁶ — НБ Латвии, ЧС (Рига).

65. [Церковный календарь Транснистрии на 1943 год. Одесса: Православная Румынская Миссия в Транснистрии. 1943? 3000 экз.?] См. о предстоящем выходе: Церковный календарь // Одесса. 1942. 23 дек. № 208. Ср.: *Petcu A.N.* 1942–1943: *Activitatea Bisericii Ortodoxe Române în Transnistria*. București, 2002. 306 p. (Studii și materiale de istorie contemporană. Serie nouă; № 1), где упоминается как изданный в пределах конца 1942 — начала 1943 гг. некий «Calendar».

66. [Церковный календарь на 1944 год / Православная Румынская миссия в Транснистрии. Одесса, 1943]. См. по теме: *Борецкий Вл.* «Жизнь Одессы» (Новое слово. 1944. 12 янв. № 4). Издано?

²⁶ Отчасти об этом же: «Первый православной русский церковный календарь для освобожденных областей составлен и уже печатается. <...> Календарь выходит под редакцией священника Николая Трубецкого в Риге. Календарь составлен по образцу западноевропейских календарей» (Первый православный <...> // *За родину* (Псков). 1942. 11 дек. № 80).

Г. Кратц

Русские книги Геррозé — на службе берлинского Министерства пропаганды в 1943–1944 гг.

Аннотация: Статья посвящена выпуску русских книг для оstarбайтеров издательством Р. Геррозé по заказу Министерства пропаганды Геббельса в 1943–1944 гг.

Annotation: The article is devoted to Russian language books for ostarbeiters in Germany published by R. Herrosé Publishing house by request of Goebbels' Ministry of propaganda in 1943–1944.

Ключевые слова: Министерство пропаганды, Антикоминтерн, Винета, издательство Р. Геррозé, оstarбайтеры, Йозеф Геббельс, Эбергардт Тауберт, Артур Лютер, Эрих Мюллер, Сергей Горный.

Key words: Ministry of Propaganda, Anti-Comintern, Vineta, Herrosé Publishing house, Ostarbeiter, Joseph Goebbels, Eberhardt Taubert, Arthur Luther, Erich Müller, Sergej Gornyj.

Тема нашей статьи — русские книги, изданные в 1943–1944 гг. фирмой «Издательство Рудольфа Геррозé» «для оstarбайтеров». В основу положены доступные нам книги издательства¹ (из рабочего списка книг издательства, составленного Борисом Равдиным в 2014 г.)², а также материалы из государственных³ и частных архивов Германии⁴.

¹ Большинство просмотренных нами книг издательства Геррозé хранится в фондах Университетской библиотеки в Трире и Университетской и Земельной библиотеки в Галле, куда они поступили из личных библиотек автора Геррозé Эриха Мюллера (г. Трир) и слависта Дмитрия Чижевского (г. Галле), бывшего с ним в контактах в 1940-е гг. Благодарю сотрудников названных библиотек за предоставление копий.

² Благодарю Бориса Равдина за любезно переданный нам осенью 2014 г. рабочий список книг издательства Геррозé, впоследствии перепроверенный и расширенный нами. Вышедший с тех пор печатный вариант более полной библиографии Б. Равдина к моменту написания этих строк не был нам доступен (см.: Равдин Б. Предварительный список русских изданий, выходявших на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 годах // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge / Hrsg. S.M. Newerkla & F.B. Poljakov. Wiesbaden, 2015. Bd. 3. С. 292–347).

³ Федеральный архив (Bundesarchiv), архив Университета им. Гумбольдта (Archiv HU Berlin) в Берлине, Центральный архив земли Саксония-Ангальт / Мерзебург (Landeshauptarchiv Sachsen-Anhalt / Abteilung Merseburg), Лейпцигский филиал Саксонского Госархива (Sächsisches Staatsarchiv / Staatsarchiv Leipzig), Центральный торговый реестр земли Саксония-Ангальт / Стендаль (Zentrales Registergericht des Landes Sachsen-Anhalt, Stendal).

⁴ Материалы, любезно предоставленные Маттиасом Хееке (Dr. Matthias Heeke), автором энциклопедической статьи об Эрихе Мюллере (см.: Немцы России: Энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 578–579).

Помянутые источники позволяют утверждать, что за маркой этой частной фирмы, скрыв настоящие фамилии авторов и сотрудников, стоял истинный заказчик книг — Министерство народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса. Ответственным за этот проект, равно как и за антикоммунистическую работу Министерства в целом, был руководитель отдела «Ост» (Восток) д-р Эбергардт Тауберт⁵, являвшийся по совместительству фактическим руководителем Антикоминтерна и конспиративной антибольшевистской организации «Винета».

Тауберт начал свою антибольшевистскую работу в министерстве в 1933 г. После подписания «Германо-советского договора о дружбе и границе» 28 сентября 1939 г. он переключился на другой проект — «Антисемитская (Антиеврейская) акция». Свидетельством тому является его фамилия в первых титрах фильма «Вечный жид» (Тауберт назван «автором идеи» фильма). Перед нападением Германии на Советский Союз он возобновил работу Антикоминтерна, ставя себе целью «бомбить» («vollknallen»)⁶ оккупированные территории СССР «антибольшевистской» и «прогерманской» пропагандой.

В первые годы войны структуры Министерства пропаганды работали параллельно со структурами Вермахта и Министерства оккупированных территорий А. Розенберга. Но после разгрома IV немецкой армии под Сталинградом (в начале 1943 г.) и позднее на фоне набирающего силы Власовского движения⁷, отдел «Ост» стремился сосредоточить в своих руках всю пропагандистскую работу, направленную на Восток (включая и ту, которая распространялась на полтора⁸ —

⁵ О работе Тауберта см. русский перевод известного обзора «Querschnitt durch die Tätigkeit des Arbeitsgebietes Dr. Taubert (Antibolschewismus) des RMVP bis zum 31.12.1944» под заглавием «Обзор деятельности отдела работ д-ра Тауберта (Антибольшевизм) рейхсминистериума Пропаганды до 31.12.1944» в кн.: Двинов Б. [Гуревич Б.Л.] Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 113–121. В книге Двинова этот «Обзор» 1944 г. представлен как обзор пера Геббельса. Однако в более поздних публикациях автором «Обзора» показан сам Тауберт, говорящий о себе в третьем лице (см.: Körner K. Eberhardt Taubert und der Nibelungen-Verlag // Aus dem Antiquariat. 1997. № 8. S. A 416 (Прил. к: Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. 1997. 26. August. № 68). Переработанный «незадолго до смерти» Таубертом вариант обзора 1944 г. опубликован с датировкой 1977 г. на немецком языке в: Taubert E. Der antisowjetische Apparat des deutschen Propagandaministeriums (1977) // Krämer W. Vom Stab Hess zu Dr. Goebbels. Vlotho/ Weser, 1979. S. 401–420.

⁶ Taubert E. Op. cit. S. 410, 414. Следы такого словоупотребления, близкого (в немецком) к вульгарно-военному языку, встречаются в отчете самого Тауберта (1977 г.) и в внутриведомственной машинописной переписке подчиненных ему отделов, корреспонденты которой дают друг другу «пинки» (см.: Brief Wiebe «an die Antikomintern», 25.08.1943 // Bundesarchiv. R 55/21514).

⁷ См.: Обзор деятельности отдела... С. 121.

⁸ См.: Предварительный бюджет отдела «Ост» на 1 апреля 1943 — 31 марта 1944 г. от 13 сентября 1943 г. (Haushaltsvoranschlag der Abteilung Ost 1943/1944, 13. September 1943 // Bundesarchiv. R 55/1290, Bl. 91).

два⁹ миллиона остарбайтеров, находящихся на территории Германии). За министерством Розенберга оставили право идеологического контроля за выпускаемой литературой, а все вопросы выбора, перевода, печатания и распространения литературы, т.е. чисто издательские вопросы, должны были теперь решаться в министерстве Геббельса¹⁰. Для технического осуществления своей работы Тауберт пользовался частными типографиями и издательствами, обязывая их выполнять оплаченные министерством «заказы» в рамках военной мобилизации («kriegsverpflichtet»)¹¹.

Именно такие «заказы», начиная с конца 1943 г., выполняло «Издательство Р[удольфа] Геррозé» («R. Herrosé Verlag») в городе Грeфенгайнхене (Gräfenhainichen) — тогдашней провинции Саксонии. Директором издательства в это время был Франц Штейнер-мл. (Franz Steiner, jun., 1892–1967)¹², являвшийся по совместительству и собственником типографии (типография А. Гайне, Buchdruckerei A. Heine, GmbH)¹³, специализировавшейся на печатании книг разными шрифтами¹⁴. В дальнейшем в этой типографии будет печататься или набираться большинство русских книг Геррозé, тиражом, предположительно, до тридцати тысяч каждая¹⁵.

Причин для выбора именно фирмы Геррозé у Тауберта было несколько. С одной стороны, типографская мощь издательства и уже имеющийся

⁹ Такое число встречается в докладе отдела «Ост» от 28 ноября 1943 г. Геббельсу (Brief Leiter Ost... an «Herrn Reichsminister» (Betr.: Kulturelle Propaganda), 28. November 1943 // Bundesarchiv. R 55/1291, Bl. 123).

¹⁰ См.: Письмо Министерства пропаганды (без подписи) от 14 июля 1943 г. в Министерство оккупированных территорий (Brief Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda (RMVP) an Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete (RMBO), Abt. Aufklärung und Propaganda, 14. Juli 1943 // Bundesarchiv. R 55/ 21514).

¹¹ См.: *Taubert E.* Op. cit. S. 413.

¹² «Издательство Р. Геррозé» («R. Herrosé's Verlag») было основано в 1857 г. в Берлине и через несколько лет переведено ближе к тогдашней типографской столице Германии Лейпцигу (в г. Виттенберг), а впоследствии — в расположенный недалеко от него Грeфенгайнхен (Грeфенгайнхен). Издательство специализировалось на литературе прежде всего учебного характера, для профтехучилищ. После смерти основателя Рудольфа Геррозé, издательство, сохраняя фирменное название, переходило из рук в руки, пока его директором не стал Франц Штейнер-мл. (см. материалы в упомянутых выше архивах Биржевого союза книгопродавцев Германии и Торгового реестра и материалы, доступные через сайт Немецкой национальной библиотеки (Deutsches Buch- und Schriftmuseum). См. также: *Lexikon der deutschen Verlage. Leipzig*, [1929], S. 290).

¹³ См.: *Кратц Г.* Артур Лютер и его русские псевдонимы // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под. ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М., 2016. С. 202.

¹⁴ См.: *Sticker B.* Wissenschaftlicher Verlag und Forschungsplanung. Franz Steiner zum 75. Geburtstag // *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel* (Frankfurt). 1967. 28. Juli. № 60. S. 1600.

¹⁵ Такая сумма получается, если соотнести сведения об издательстве Геррозé с данными доклада отдела «Ост» Министерства пропаганды Геббельсу от 28 ноября 1943 г., в котором говорится, что в скором времени выйдут «17 книг отчасти политического, отчасти развлекательного характера, тиражом около полмиллиона» (Brief Leiter Ost... an «Herrn Reichsminister» (Betr.: Kulturelle Propaganda), 28. November 1943 // Bundesarchiv. R 55/1291, Bl. 122).

опыт издания литературы на русском языке для министерства Розенберга¹⁶. С другой — фирма уже с 1942 г. обладала негласно выделенной ей привилегией распространения на территории Германии поднемецкой украинской и польской печати, выходящей на оккупированных территориях¹⁷. Это давало министерству возможность реализовывать через издательство не только заказанные у него книги, но и книги без марки фирмы Геррозé¹⁸, напечатанные (до августа 1943 г.) по заказу других ведомств¹⁹ или перепечатанные этим издательством²⁰.

Начало издательской деятельности Геррозé, связанной с министерством, в августе 1943 г. подтверждается и другим событием: 22 августа ветеран германской пропаганды, направленной еще против пленных царской армии времен Первой мировой войны, Артур Лютер пишет своему бывшему товарищу по этой работе, переводчику Эриху Беме²¹, что у него появился «некий господин из Грэфенгайнхена», чтобы узнать его, Лютера, мнение о некоторых книгах, прошедших этап верстки и подготовленных «по заказу Министерства пропаганды»²². Все они, как мы знаем теперь, впоследствии были изданы под маркой Геррозé, причем под следующими один за другим номерами соответствующего «заказа» министерства (№ 333–336). Правда,

¹⁶ Так, например, была издана анонимная брошюра «Привет из Германии», см.: Brief Franz Steiner an RMVP Abt. Ost, 15.06.1943 // Bundesarchiv. R 55/21514.

¹⁷ Привилегия (не подлежащая разглашению, по рукописной резолюции на приведенном документе) была предоставлена издательству Геррозé со стороны подчиненной Министерству пропаганды Имперской палаты литературы (Brief Präsident der Reichsschrifttumskammer an Franz Steiner, 10. November 1942 // Sächs. Staatsarchiv, Staatsarchiv Leipzig, 21765 Börsenverein des deutschen Buchhandels zu Leipzig (I), Nr. F 10720, Bl. 13).

¹⁸ Книги Шенцингера («Металл») и Шульца («Это — английская социальная политика») упомянуты в датированном у Б.Н. Ковалева 1942 г. списке книг, переданных в одну из библиотек на оккупированных территориях (см.: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn02/kovalev_bn02.html).

¹⁹ См. планы Министерства пропаганды взять «под контроль» (unter Aufsicht) издававшуюся министерством Розенберга серию «Kleine Ostarbeiterbibliothek» (Besprechungsvermerk vom 5.1.1944, Betr. Kulturelle Betreuung der Ostarbeiter durch Theatergruppen der Vineta // Bundesarchiv. R 55/1290, Bl. 153).

²⁰ См. корреспонденцию между отделом «Ост» и Антикоминтерном (Briefe Wiebe «An die Antikomintern» und an «Herrn Scharrenbroich», 25. August 1943 // Bundesarchiv. R 55/21514).

²¹ См.: Brief Luther an Boehme, 22.08.1943 // Archiv HU Berlin, Nachlass Dr. E. Boehme. Первичный анализ этого письма с упомяннутыми в нем Мюллером, Горным и др. дается в названной выше статье о псевдонимах Лютера (см.: *Кратц Г.* Артур Лютер и его русские псевдонимы).

²² Судя по письму Лютера от 22 августа, министерство планировало распространять эти издания «на оккупированных территориях и среди пленных». Это противоречит официальному сообщению 1944 г. о том, что эти издания предназначены «исключительно для остарбайтеров». Против распространения этих изданий, по крайней мере в «прифронтовой зоне оккупации», возможно, говорит и шифр «В» на внешней стороне задней обложки некоторых изданий (см.: *Огороков А.В.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 46–48).

без показанных Лютеру предисловий Эриха Мюллера (в переводе поэта Сергея Горного) к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и к «двум антибольшевистским рассказам новых русских авторов» (Родиона Березова и Сергея Широкова).

Открыто о начале деятельности Геррозé по выпуску русских книг («по заказу Министерства пропаганды» и «исключительно для остарбайтеров») и о возможности приобретения этой литературы («для библиотек остарбайтеров») было сообщено начальникам лагерей остарбайтеров только в апреле 1944 г.²³ Фамилии лиц, причастных к процессу издания книг, как в процитированной выше газете «Lagerführer-Sonderdienst», так и в официальной документации не упоминаются. Просмотренные нами документы так и не дали ответа на вопрос, в каких конкретно структурах работали упомянутые в письме Лютера Эрих Мюллер и Сергей Горный.

Эрих Мюллер (Erich Müller, после войны: Erich Müller-Kamp, 1897–1980) — не только автор нереализованных предисловий, но и автор вышедшего в издательстве Геррозé автобиографического рассказа «Русское путешествие», подписанного псевдонимом Пфертнер. В этой книге Мюллер-Пфертнер рассказывает, как он, идейный коммунист, поехал в 1930 г. в «новый мир», в Россию. Как он, живший в центре Москвы, работал доцентом в «Институте новых языков», печатался в немецкоязычном журнале «Im Sturmschritt» («Ударным шагом»), издаваемом в Харькове «Всеукраинским оргкомитетом Союза украинских советских писателей»²⁴, до тех пор, пока в 1935 г. не был арестован, осужден за «контрреволюционную деятельность» и отправлен — сроком на три года — на Крайний Север. Освободившись через год, после вмешательства германского посольства, он вернулся в Германию. В 1943–1944 гг. Мюллер работал «научным сотрудником» «в одном научном институте» «по Востоку» («Forschungsinstitut für den Osten»)²⁵, как он, уже после вой-

²³ См. информационную заметку в газете для лагеряперев (Lektüre für Ostarbeiter-Büchereien // Lagerführer-Sonderdienst. 1944 5. Jg. <abgeschlossen: 30. Mai 1944>. Heft 5. S. 14).

²⁴ До этого журнал являлся «Органом Немецкой секции Всеукраинского союза пролетарско-колхозных писателей “Плуг”».

²⁵ Так в письме Мюллера писателю Оскару М. Графу от 24 июля 1946 г., имеющемся в Марбахском литературном архиве (DLA Marbach) (сообщено М. Хееке). Сам институт, точного названия которого Мюллер не называет, находился в Берлине, а в 1944 г. в эвакуации недалеко от города Пфорта (Pforta, из имени города вышел псевдоним Мюллера — Pfoertner) в Саксонии-Ангальт. Идентичен ли он упомянутому в корреспонденциях Тауберта (без указания подчинения) «Институту народов Востока» (Institut für Ostvölker) нам установить не удалось (см.: Brief Taubert an Gielen, 18.12.42 // Bundesarchiv. R55/21514).

ны, туманно выразился, добавив, что имел возможность «издать Гоголя <...> для военнопленных»²⁶.

Удивляет упоминание Лютером поэта Сергея Горного как переводчика предисловий: поэт Сергей Горный (Александр Авдеевич Оцуп, 1882–1948) в сводках гестапо того времени упоминается как сын «полного еврея» Авдея Оцупа и как временно лишенный права на проживание в пределах Рейха²⁷.

«Путешествие» Мюллера-Пфертнера перевел (об этом нам говорит оборот титульного листа) Георгий Александрович Кочубей — бывший член монархического «Союза верных» (1920 г.)²⁸, командир добровольческого отряда русских, воевавшего на стороне генералиссимуса Ф. Франко в испанскую гражданскую войну²⁹, и редактор еженедельника «Русское дело» (София, Белград), где в 1922–1923 гг. печатался Сергей Горный, упомянутый Лютером как переводчик.

Больше имен, связанных с изданием и распространением русских книг фирмой Геррозé, нам выявить не удалось. Тем интереснее просмотр самих книг.

Всего в рабочем списке книг издательства, подготовленном Б. Равдиным и любезно предоставленном нам осенью 2014 г., выявлено 17 книг. К ним можно добавить еще одну книгу (К.А. Шенцингер, «Металл»), названную в издательском объявлении Геррозé. Всего, таким образом, нам известно 18 книг, из которых 14 книг были просмотрены нами *de visu*.

Только десять из просмотренных нами книг вышли под маркой Геррозé; четыре книги не содержат сведений об издательстве (например, Н.С. Лесков, И.С. Тургенев), однако они перечислены в издательском объявлении 1944 г., в котором сказано: книги «вышли и продаются» в «Издательстве Р. Геррозé» и там же, в издательстве, «их можно получить». Среди этих 18 книг — восемь оригинальных и десять переводных.

²⁶ Письмо Мюллера О.М. Графу от 24 июля 1946 г. Дословно Мюллер говорит, что подготовил издания Гоголя и Пушкина. В сообщенных нам Б. Равдиным библиографических данных об изданиях Пушкина периода Второй мировой войны, вышедших на оккупированных территориях и в Германии, фамилия Мюллера (Пфертнера) не встречается (Б. Равдин — Г. Кратцу, 23 августа 2015 г., эл. письмо).

²⁷ См. личное дело кинопродюсера Сергея Авдеевича Оцупа, родного брата Сергея Горного, в фонде Имперской палаты кинематографии (Otzoup, Serge, RFK // Bundesarchiv. R 9361-V_111876).

²⁸ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы / Редкол.: В.А. Золотарев, Я.Ф. Погоний, А.П. Белозеров и др.; сост. И.И. Басик (отв. сост.), В.А. Авдеев, А.Т. Жадобин, А.А. Зданович, В.Н. Карпов, В.Г. Краснов, В.В. Марковчин, В.И. Муранов. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход. С. 176.

²⁹ См.: Семенов К.К. Лицом к солнцу: Участие белоэмигрантов в гражданской войне в Испании (1936–1939) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010 [/ Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2010. С. 62.

Идеологически их тоже можно разделить, если следовать критериям внутриведомственной переписки (между министерствами Розенберга и Геббельса, Анτικοминтерном («Винетой») и «Новым словом»)³⁰, на книги «нейтрального» и «политического» характера. И тех, и других в списке — поровну.

К первой группе книг «нейтрального» характера можно отнести восемь оригинальных книг представителей русской литературы³¹. От Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»), Н.С. Лескова («Рассказы») и И.С. Тургенева («Дым») до С.А. Есенина («Избранные стихотворения») и А.Т. Аверченко («Чудаки на подмостках»). Последнее сочинение было опубликовано еще в период Первой мировой войны в печати, издававшейся германским Верховным командованием оккупированных территорий на Востоке (Обер-Ост)³². Остальные две книги — сочинения эмигрантов второй волны Родиона Березова («Сердце тоскует») и Сергея Широкова («В сумерках»).

Однако в этой группе изданий можно проследить определенные, иногда противоречивые, тенденции, позволяющие ввести некую классификацию внутри группы книг «нейтрального» характера. Эти тенденции проявляются в первую очередь в подборе сочинений представителей классической русской литературы XIX в. (Гоголь, Лесков), чьи сюжеты были близки читателям в лагерях, больше половины которых — «из украинцев»³³, для них под маркой Геррозэ выпускались книги и на украинском языке³⁴. К тому же в русской серии были выбраны такие сочинения, которые должны подчеркнуть «досужный» или «развлекательный»³⁵ характер не только журнальной (как берлинский журнал «На досуге»), но и книжной литературы: «Вечера на хуторе...» Гоголя или «Святочные рассказы» Лескова.

³⁰ См. «Список книг, изданных Министерством Розенберга» (26 июля 1943 г.), составленный сотрудником Центрального управления народов Востока (Zentralstelle für Angehörige der Völker des Ostens, ZAVO) министерства Розенберга (здесь в сокращении: RMfdbO, вместо — RMBO), [Георгом ?] Урбатом (Aufstellung der Titel der «Kleinen Ostarbeiter-Bücherei» // Bundesarchiv. R 55/21514). См. также: Доклад отдела «Ост» Министерства пропаганды (RMVP) от 28 ноября 1943 г. Геббельсу (Brief Leiter Ost... an «Herrn Reichsminister» (Betr.: Kulturelle Propaganda), 28. November 1943 // Ibid. R 55/1291, Bl. 122).

³¹ См., например, характеристику сценок Аверченко сотрудником министерства Розенберга [писателем Георгом ?] Урбатом в упомянутом списке книг от 26 июля 1943 г.

³² См. *Awertschenko A. Schutzmann Sapogow* // *Wilnaer Zeitung*. 1917. 24. September. № 262. S. 2–3.

³³ Сам Тауберт в одном из внутриведомственных документов говорит о 60% остарбайтеров «из украинцев» на 22 сентября 1944 г. (*Двинов Б.* Указ. соч. С. 110).

³⁴ На украинском языке под маркой Геррозэ была выпущена 21 книга (данные рабочего списка Б. Равдина, 2014).

³⁵ Доклад отдела «Ост» Министерства пропаганды от 28 ноября 1943 г. Геббельсу, (Brief Leiter Ost... an «Herrn Reichsminister» (Betr.: Kulturelle Propaganda), 28. November 1943 // Bundesarchiv. R 55/1291, Bl. 122).

Особое внимание издатели уделяли писателям, близким к «крестьянской жизни» («dem bäuerlichen Leben») ³⁶. Будь то «народный», «национальный поэт России» Есенин «из бедняцкой крестьянской семьи», который стал жертвой в «борьбе партийно-еврейской диктатуры против русского крестьянства» ³⁷. Или бывшие представители «крестьянского крыла» советской литературы: вышедший из староверов и в годы войны сотрудник отдела «Ост» и «Винеты», бывший школьный товарищ расстрелянного в 1937 г. сына Есенина, Сергей Широков (другой псевдоним — Максимов; настоящая фамилия: Сергей Сергеевич Пасхин) ³⁸, или родившийся «в бедной крестьянской семье» ³⁹ и сотрудник отдела пропаганды Русской освободительной армии ⁴⁰ Родион Березов (настоящая фамилия: Родион Михайлович Акульшин).

Особняком в этой группе стоит «Дым» Тургенева (без указания издательства) ⁴¹ со своим «европейским» пафосом, намекающим на литературу вне программы Геррозе ⁴².

Из переписки между подсобными отделами министерств Розенберга и Геббельса ясно: решение, что принять и что отклонить из предложенной литературы, зависело от того, насколько в ней «национальное» («народное») противопоставлено «еврейско-большевистскому». На фоне этой схемы в издание рассказов Лескова (без указания издательства) включается рассказ

³⁶ См. ссылку на соответствующую рекомендацию «Центрального» лектората «Центрального» управления народов Востока министерства Розенберга (Zentrallektorat ZAVO RMBO) в письме Урбата в отдел «Ост» министерства Геббельса (Brief Urbat an Abteilung Ost RMVP, 19. August 1943 // Bundesarchiv. R 55/21514).

³⁷ Есенин С.А. Избранные стихотворения. Грэфенгейнихен, 1944. С. 5, 11, 20. См. также: *Кратц Г.* Сергей Есенин и русские издательства в Берлине // Рязанская старина. 2017 (в печати).

³⁸ См.: <http://soyuz-pisatelei.ru/forum/6-925-1>.

³⁹ См. автобиографию Акульшина в кн: *Никитина Е.Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926. С. 253–254.

⁴⁰ См.: <https://gregorkon.wordpress.com/2012/07/17/17-7-12/>

⁴¹ Без ответа остался вопрос: было ли издание «Дыма» 1943 г. (номер заказа 350) изданием Геррозе или это просто книга, которую можно было получить через Геррозе. Ведь заказы были даны Геррозе только осенью 1943 г., а издание «Дыма», по данным С.К. Бернева, имелось в продаже в книжном магазине в оккупированном городе Луге, который был закрыт уже осенью 1943 г. (см.: *Бернев С.К.* Печать на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944) // Книга. Культура. Общество: сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений / Науч. ред. И.А. Шомраков. СПб., 2002. С. 198–199 (Тр. СПб. гос. ун-та культуры и искусства; т. 154)).

⁴² См. анонимную брошюру «Почему побеждает Европа» (Б. м., [1943], заказ № В 50/ [нрзб], в которой «европейские народы» (С. 11) под руководством «величайшего вождя всех времен Адольфа Гитлера» (С. 5) и «германского солдата... с своей несокрушимой волей» (С. 7) ведут борьбу «за идеалы Европы» (С. 14). Далее о выработке «идеала» «арийской Европы» в структурах Розенберга см. данные в эл. публикации: *Kratz G.* Von Katharinenfeld im Kaukasus nach Schwarzenfeld in Bayern. Staatsbibliothekar Dr. Emil Walker — Germanist, Slavist und «Kontinentaleuropäer» (2007) (<http://gateway-bayern.de/BV023050213>).

«Жидовская кувырколлегия», в котором по известной характеристике «Еврейской энциклопедии» Ф. Брокгауза — И. Ефрона «евреи изображены <...> как <...> в шаблонной антисемитской литературе»⁴³. К тому же публикация этого рассказа дала возможность отделу «Ост» ответить на публикацию в журнале «Звезда» блокадного Ленинграда 1942 г. другого рассказа Лескова — «Железной воли», где «твердая воля» «господ немцев» противопоставлена «русским ребятам, способным кинуться, когда надобно, и в огонь и в воду».

Однако иной раз печать брошюры отклонялась министерствами несмотря на то, что она рассказывала «о еврействе как таковом»⁴⁴ и содержала «интересный материал» о «еврейской безнравственности»⁴⁵. Такой подход чиновников усиливал подозрения Тауберта, что Власовское движение, и не только оно, «не борется с еврейством и вообще не признает еврейского вопроса»⁴⁶.

Так, например, подбор «Шуток и проказ» Вильгельма Буша (1944) в группе переводных книг обходится без рассказа «Плиш и Плум» с его карикатурным образом еврея в пятой главе⁴⁷, хотя рассказ существовал в дореволюционных переводах К.Н. Льдова (настоящая фамилия: Витольд-Константин Николаевич Розенблюм), которыми пользовались составители сборника «Шуток...», подготовленного Геррозе́.

«Пьесы и скэ[!]тчи» Аверченко Геррозе́ также не полностью повторяют лежащее в основе этой книги издание болгарской «Златолиры» (1924). В издании «Златолиры» имеются две сценки, которым сам Аверченко предположил замечание о том, что в их основе лежат еврейские анекдоты. А издание Геррозе́ пропускает и это замечание, и одну из сцен. Пропуск не кажется таким уж удивительным, если знать, что фамилия героя опущенного еврейского анекдота — «Розенберг».

Менее противоречива картина переводных изданий «политического» характера, выпущенных Геррозе́. В ней представлены книги профессионалов-пропагандистов: коллеги Тауберта по министерству и руководителя Отдела радиопропаганды Ганса Фриче (Hans Fritzsche)⁴⁸, а также давнего ав-

⁴³ <http://brockhaus-efron-jewish-encyclopedia.ru/beje/12-3/141.htm>

⁴⁴ Brief Urbat (RMBO ZAVO) an RMVP Abtl. Ost, 28.8.1943 // Bundesarchiv. R 55/21514.

⁴⁵ Brief [Unterschrift unleserl.] (Anti-Komintern, Abt. Sowjetunion) an [RMVP], Abt. Ost, Ref. Wiebe, 08.09.1943 // Ibid.

⁴⁶ Обзор деятельности отдела... С. 121.

⁴⁷ Пятая глава до наших дней опускается в массовых изданиях рассказа «Плиш и Плум» (см., напр.: Буш В. Плиш и Плюх / Пер. Д. Хармса. М., 1993; или вышедшее в ГДР издание: Das dicke Busch-Buch / Hrsg. W. Teichmann. Berlin, 1983).

⁴⁸ http://encyclopediya_3go_reicha.academic.ru/910/%D0%A4%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%2C_%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D1%81

тора одного из первых томов серии, изданной таубертовским «Институтом по изучению еврейского вопроса»⁴⁹, предшественника его «Антисемитской акции», Фрица Шульца (Fritz Otto Hermann Schulz), автора антианглийской книги, вышедшей в свое время на немецком языке в «Центральном издательстве НСДАП» («Это — английская социальная политика»)⁵⁰. И книга пресс-секретаря Союза национал-социалистических врачей Унгер («Германин»). Все они были пропагандистами со стажем. Фриче со своими еженедельными радиокомментариями («Говорит Ганс Фриче»), Унгер — автор массово тиражированных книг, которые служили основой для киносценариев к фильмам, оправдывающим нацистскую «эвтаназию», Шенцингер — автор романа, послужившего основой для фильма «Квекс из гитлерюгенд», главный герой которого своего рода нацистский «Павлик Морозов».

Книги этой группы («Свидетели против Англии» Фриче, «Это — английская социальная политика» Шульца) сначала были опубликованы на немецком — в годы пакта. Не являясь в то время составляющей антибольшевистской пропаганды, они служили сильной антианглийской пропагандой, как будто противодействуя «сильным англофильским симпатиям», которые видел Тауберт во Власовском движении⁵¹. Кроме того, в отделе переведенных на русский язык «политического» характера, имеется группа изданий, восхваляющих «deutsche Grosstaten» (германские подвиги) прошлого в области техники (Шенцингер, «Металл»), медицины (Унгер, «Германин») или в области инженерии (А. Негрелли, «Суэц»). А «подвигам» Германии «эпохи Гитлера» (С. 7) посвящена книга «Сноп сил», написанная после «бесед» автора с Геббельсом и Розенбергом и «встречи» с самим Гитлером (С. 8–9), «французским поэтом» Альфонсом де Шатобрианом, членом Центрального комитета Легиона французских добровольцев против большевизма.

Особый интерес в отделе переводных книг представляет замысловатый рассказ «Борьба в лесу» писателя Ганса Августа Фовинкеля⁵². В Гер-

⁴⁹ Интернет-источники просят не путать «Институт по изучению еврейского вопроса (Institut zum Studium der Judenfrage)» Тауберта при министерстве Геббельса, основанный в 1934 г., с почти одноименным «Институтом по исследованию еврейского вопроса (Institut zur Erforschung der Judenfrage)» ведомства Розенберга, основанным в 1939 г. в Франкфурте-на-Майне.

⁵⁰ Здесь и далее исходим из того, что автором анонимной брошюры «Это — английская социальная политика» является Fritz Otto Hermann Schulz. Он же автор немецкой брошюры «Englisches Mitleid — Englische Sozialpolitik» (Berlin: Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf, 1942). Сравнение названных книг показывают совпадение текста немецкой брошюры Шульца (с. 7 и др.) с русским анонимным изданием (с. 3 и др.).

⁵¹ См.: Обзор деятельности отдела... С. 121.

⁵² См.: Фовинкель Г.А. Борьба в лесу. Рассказ. [Б.м., б.г.]. Просмотренные нами копии экземпляров книги из Университетской библиотеки Галле и из Славянской библиотеки в Праге не дают данных для определения места, года и издательства. Благодаря Лукаша Бабку, руководителя Славянской библиотеки в Праге, любезно предоставившего нам копию пражского экземпляра.

мании Гитлера был широко растиражирован немецкий оригинал книги⁵³. Автор рассказа, написанного плотным стилем, вышел из академической среды, был слушателем М. Хайдеггера, «строжайшей дисциплине» языковой школы которого он еще студентом «подвергся»⁵⁴. Действие рассказа происходит в Германии после Наполеоновских войн⁵⁵. Герой его, участвовавший в них среди немцев, вынужденных воевать в рядах Великой армии Наполеона, вернувшись в Германию, принимает приглашение некоего графа, владельца родных герою лесов, стать его егерем или «лесничим»: для того, чтобы покончить с безобразием браконьерства и принести этим местам «порядок» (Kampf. S. 3; Борьба. С. 3). Герой, в ночь перед решающим поединком с последним из браконьеров, заснув в своей засаде, в которой он поджидал нарушителя лесного «порядка», вспоминает во сне переход через Березину (Kampf. S. 7, 62; Борьба. С. 6, 38). Вспоминает, как рука тонущего, разумеется — француза, хотела и его тянуть с «моста» за собой — вниз под грохочущие по воде льдины (Kampf. S. 62; Борьба. С. 38) и как он решительным ударом приклада ружья оттолкнул тонущего француза и убил его. Он вспоминает, как издалека подъехали какие-то сани, и нашли его «лежащего в широком поле» (Kampf. S. 63; Борьба. С. 39) и как ему, попавшему в русский плен, дали возможность продемонстрировать самому русскому царю свое искусство «стрелка» (Kampf. S. 26; Борьба. С. 17). Выстрелив в намеченную цель и доказав таким образом свое умение, герой удостоился монаршей милости: русский царь лично отпустил его на родину, чтобы такие, как он, «порядок» восстановили. И в момент выстрела, прозвучавшего во сне, герой проснулся от звука выстрела браконьера, которого он ждал в своей засаде и которого он, мгновенно проснувшись, убил на месте. Вернувшись домой, на краткий вопрос жены, убил ли он браконьера и «мертв» ли он, герой только качал головой, на что она — также кратко — ответила: «Хорошо!» Первые публикации этого рассказа — в немецком оригинале — увидели свет в год войны с Францией (1940). В момент выхода «Борьбы в лесу» на русском автора рассказа, военного корреспондента и бортстрелка бомбардировщика Фовинкеля, уже не было в живых: его самолет был сбит в небе над Смоленском в июне 1941 г., спустя всего пару дней после того,

⁵³ См.: *Vowinkel H.A. Der Kampf im Forst. Erzählung.* Stuttgart, [c. 1940].

⁵⁴ См.: *August Vowinkel. Der Dichter und Soldat. Ein Ehrenbuch / Hrsg. R. Vowinkel.* Stuttgart, 1942. S. 9.

⁵⁵ Содержание рассказа передается здесь с оглядкой на немецкий оригинал, язык которого анонимным переводчиком русского издания передан неадекватно: в переводе на русский подтекст и внутренний смысл рассказа теряются. О почти полном непонимании смысла рассказа свидетельствует рецензия на рижское издание, предшествовавшее грефенгайнхенскому. О существовании данной рецензии нам любезно сообщил Б. Равдин (см.: *Сергеева Елена*. Новые книги // За Родину [Псков [на самом деле: Рига]]. 1943. 2 мая. № 101. С. 3).

как он в письмах домой (опубликованных впоследствии) — в восторженных тонах — воспел вид Березины и восхищался «огненным зрелищем» пылающего от брошенных им бомб Смоленска, воспринятым им как факел победы «порядка»⁵⁶.

Оставшиеся в живых участники проекта Геррозé после войны шли своими дорогами, чаще всего — под чужими именами.

Упомянем только о том, что говорят нам общедоступные электронные ресурсы. Французский поэт Шатобриан, воспевший Гитлера, заочно был приговорен французским судом к смертной казни. Скрывшись под чужой фамилией в австрийском католическом монастыре, он вскоре умер. Радиокомментатор Фриче предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге: там ему еще удалось избежать судимости, но в последующем процессе перед Германским денацификационным судом он был обвинен в разжигании антисемитизма и подаче немцам заведомо ложной информации (связанной с подстрекательством к продолжению борьбы уже после проигранной войны)⁵⁷. Получив 9 лет трудового лагеря, он вскоре умер, перед смертью взяв фамилию жены. Самого Мюллера, превратившегося в Мюллер-Кампа, не трогали. Он жил до 1980 г., работая переводчиком русской литературы XIX в.

Упомянутый как переводчик Мюллера поэт Сергей Горный, после войны работал переводчиком по делам бывших остарбайтеров, теперь дипийцев, на Английскую военную администрацию⁵⁸, для которой он был «персоной гратиссимой»⁵⁹, пока не переселился в Швейцарию⁶⁰. Перешедший теперь в своем творчестве на немецкий, он выпускал написанные им стихи в тургеневском Баден-Бадене с послесловиями Лютера⁶¹.

Авторы оригинальных книг (Березов, Широков) уехали в Америку. Их книги были выпущены «Издательством им. Чехова». В этом же издательстве вышла книга «Тюрьмы и ссылки» Р.В. Иванова-Разумника, один из машинописных вариантов которой в конце войны был еще в руках Эриха Мюллера⁶². А Тауберт, «автор идеи» Антикоминтерна, по свиде-

⁵⁶ См. собранные вдовой Фовинкеля Ренатой материалы в книге памяти, изданной «в честь <...> поэта и солдата» (August Vowinkel. S. 114–115).

⁵⁷ http://encyclopediya_3go_reicha.academic.ru/910/%D0%A4%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%2C_%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D1%81

⁵⁸ См.: *Gorny S. Mit leisen Schritten*. Kassel, 1947. S. 265.

⁵⁹ Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 г. / Публ. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С. 299–301.

⁶⁰ См.: *Gorny S. Süsse Gewohnheit des Daseins*. Flensburg, 1948. S. 7.

⁶¹ См.: *Gorny S. Der Schattentraum. Gedichte. Mit e. Nachw. von Arthur Luther*. Baden/Baden, 1947. S. 265.

⁶² См.: Встреча с эмиграцией. С. 303. Прим. 3.

тельству современников, работал под чужой фамилией на американскую контрразведку CIC (Counter Intelligence Corps), потом в антикоммунистических организациях Западной Германии — до тех пор, пока не умер в конце 1970 г.⁶³

Типографии, в которых печатались упомянутые здесь издания, продолжали печатать книги на русском языке и после 1945 г., теперь выполняя «заказы» советских ведомств. Типография Шпамера, например, в которой еще совсем недавно печатались книги Березова и Широкова, фигурирует в выходных данных поступавших в продажу в СССР книгах советских издательств под засекречивающим типографию шифром «М 115»⁶⁴.

Издательство Геррозé было ликвидировано Советской военной администрацией в Германии в конце 1949 г. Еще до этого владелец издательства Франц Штейнер-мл. переехал в американскую зону, где в г. Висбадене продолжал издавать книги по заказам. Сначала еще под традиционным фирменным названием Геррозé, а потом — под своей, до этого никому не известной, фамилией⁶⁵. Чуть ли не первым заказом, полученным им в Висбадене, стал сборник церковных гимнов и хоралов Евангелической церкви земли Гессен-Нассау⁶⁶, президентом которой был тогда пастор Мартин Нимеллер, «личный пленник Гитлера», отсидевший несколько лет в концентрационном лагере. О Грефенгайнхене как будто уже ничего и не напоминало, однако большинство гимнов вышли из-под пера самого славного сына Грефенгайнхена — величайшего поэта XVII в. Пауля Герхардта. И открывается сборник именно его «Одой, сочиненной к провозглашению мира» после Тридцатилетней войны («Gottlob! nun ist erschollen, das edle Fried...en[s]wort»), первая строфа которой гласит — в переводе Льва Гинзбурга:

Итак, [...]

Окончена война!

Несет господня милость

Иные времена.

Труба, замри!

Пусть лира

⁶³ См.: *Körner K.* Op. cit. S. A 417.

⁶⁴ См.: *Matke F.* Gediogene Ausstattung trotz wirtschaftlicher Probleme. Altes und Neues vom SWA Verlag. T. 2 // Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. Leipzig, 1989. S. 796.

⁶⁵ Издательская фирма Франц Штейнер-мл. существует по сей день в Штутгарте и специализируется на выпуске книг по ориенталистике.

⁶⁶ См.: *Notgesangbuch der Evangelischen Kirche Hessen-Nassau.* Wiesbaden: R. Herrosé's Verlag, 1949. S. 153–154.

Ликует над толпой,
И песнь во славу мира,
Германия, запой!⁶⁷

А продолжается «Ода...» (во второй строфе) немецкими словами:

Wir haben nichts verdient
Als schwere Straf und großen Zorn,
...
Wir sind fürwahr geschlagen
...
Und dennoch muß man fragen:
Wer ist, der Buße tut?⁶⁸

Что дословно можно перевести как: «Другого мы не заслужили / Как гнев и кару от тебя / ... / Воистину побиты мы / ... / Но надо все-таки спросить: / Кто кается в наши дни?».

Эта строфа П. Герхардта в послевоенном сборнике Геррозé отсутствует.

⁶⁷ <http://wysotsky.com/0009/126.htm>

⁶⁸ <http://www.zeno.org/Literatur/M/Gerhardt,+Paul/Gedichte/Gedichte/Gott+Lob!+Nun+ist+erschollen>

П.А. Трибунский

«Избранные стихотворения» А.А. Ахматовой (1952): история издания

Аннотация: Статья посвящена истории издания «Избранных стихотворений» А.А. Ахматовой (1952).

Annotation: The article is dedicated to a history of publication of «Selected poems» by А.А. Akhmatova (1952).

Ключевые слова: А.А. Ахматова, И. Берлин, «Издательство имени Чехова», культурная холодная война.

Key words: А.А. Akhmatova, I. Berlin, «Chekhov Publishing House», Cultural Cold War.

Среди многих поэтических сборников А.А. Ахматовой, вышедших без ее непосредственного участия и даже одобрения, «Избранные стихотворения» (Нью-Йорк, 1952) занимают особое место. Впервые ее произведения были использованы как оружие пропаганды в культурной холодной войне, начавшейся со второй половины 1940-х гг. между двумя супердержавами, СССР и США. Наряду с этим вопрос о публикации книги Ахматовой чуть не привел к кризису выпускавшему ее «Издательству имени Чехова». Но обо всем по порядку.

Возникший весной 1951 г. в Нью-Йорке негосударственный фонд «Свободная Россия» (с осени 1951 г. — Восточно-европейский фонд), структура, аффилированная с Фондом Форда, поставил себе целью способствовать превращению беженцев от Советской власти в полезных членов свободного мира, для чего собирался поддержать их морально и материально. Среди средств достижения поставленной цели фонд предусматривал создание издательства для удовлетворения книжного голода послевоенных эмигрантов. Вопрос о создании издательства был обсужден в общих чертах на заседании совета попечителей фонда 22 мая 1951 г. Специально созданный подкомитет подготовил доклад о предполагаемом издательстве, который был озвучен на очередном заседании совета попечителей 26 июня. В докладе был очерчен круг авторов, которых предполагалось издавать. В их числе были названы советские писатели, произведения которых находились под запретом в СССР. Подобный состав авторов одобрил Исполнительный комитет «Издательства имени Чехова» на заседании 13 июля¹. О публикации

¹ Подробнее см.: Трибунский П.А. Фонд Форда, Фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Алек-

сочинений преследуемых советских авторов было официально объявлено в пресс-релизе фонда о начале работ «Издательства имени Чехова» (12 декабря 1951 г.)².

Хотя официально о создании издательства было объявлено лишь в декабре 1951 г., реально оно начало свою деятельность 4 сентября. За отбор литературных произведений для печати отвечала В.А. Александрова, главный редактор издательства. Как свидетельствует неформальный отчет о деятельности издательства, к 17 сентября 1951 г. для первого по времени выпуска книг было отобрано 5 произведений (в т.ч. сборник советского писателя М.А. Булгакова). Всего за 1952 г. издательство предполагало выпустить 35 книг, из которых 5 должны были составить сочинения советских авторов³. Предлагавшиеся к публикации рассказы Булгакова были поданы в издательство Александровой в виде фотостатов с уже вышедших книг. В составленной Александровой записке, обосновывающей необходимость издания сочинений Булгакова, упор делался на таланте писателя и неодобрительном отношении к его творчеству со стороны Советской власти⁴.

Вторым советским автором, которого решило опубликовать «Издательство имени Чехова», стала А.А. Ахматова. На заседании сотрудников издательства 21 сентября Александровой были представлены фотостаты из книг и ряд перепечатанных стихов Ахматовой. Помимо собственно текстов произведений, Александрова подготовила объяснительную записку, в которой сообщались краткие биографические данные Ахматовой, давалась оценка ее творчеству, отдельно упоминались события 1946 г., после которых поэтесса попала в разряд запрещенных авторов. На этом же заседании публикация избранных стихов Ахматовой была одобрена. Передача указанного сборника в производство была намечена на начало 1952 г. Пятого ноября 1951 г. полностью подготовленный к отправке в типографию сбор-

сандра Солженицына, 2013 [Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2014. С. 577–590. Ввиду неприсоединения СССР и США к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, Исполнительный комитет собирался следовать практике советского Госиздата и обещал платить роялти авторам, жившим в СССР, но лишь лично, без посредничества литературных агентов. Ожидая протесты со стороны СССР, комитет был готов идти на ведение судебных процессов (Там же. С. 589).

² East European Fund, Inc. For Release. December 12, 1951. [The establishment of the Chekhov Publishing House...] // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193.

³ N. Wreden — G. Fischer and P.E. Mosely, September 17, 1951 // RAC. FFR. East European Fund Records (FA 747). Box 2, folder «Chekhov Publishing House — Advisory Committee, 9/17/1951 — 3/9/1954». См. также: Notes from Staff Meeting II — Friday, 10:00 a.m. September 14, 1951 // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 2, folder «Staff Meeting Minutes, Sept 14, 1951 — Apr 11, 1952».

⁴ [Editorial Book] // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 1; [Alexandrova V. Mikhail Bulgakov] // Ibid. Box 4, folder «Bulgakov, M. Selected Stories».

ник Ахматовой был представлен Александровой. На заседании сотрудников издательства 30 ноября обсуждению подверглись расчеты типографии по печати сборника Ахматовой. Директор издательства Н.Р. Вреден счел объем книги излишним и попросил менеджера по производству и распространению Д.И. Атряскина-Неймана обсудить с типографией более компактное размещение стихотворений. Новая смета печати сборника Ахматовой от типографии «Уолдон Пресс» была рассмотрена на заседании сотрудников издательства 7 декабря 1951 г. Вреден одобрил тираж в 3500 экземпляров. 10 декабря сборник отправился в производство⁵.

На упомянутом заседании 7 декабря 1951 г. был утвержден перечень пяти книг, запланированных к выпуску 28 февраля 1952 г. Из пяти авторов — двое (М.А. Булгаков и А.А. Ахматова) принадлежали к категории советских писателей. На том же заседании были установлены нормы ценообразования для книг издательства. Стоимость производства сборника Ахматовой составляла 94 цента, что вело к установлению продажной цены в 2,25 доллара.

Напряженная работа редакционного отдела издательства позволила увеличить число книг, предполагавшихся к первому выпуску 28 февраля. На заседании сотрудников 11 января 1952 г. количество таких книг было установлено в десять штук. На том же заседании был обсужден текст первого каталога издательства, который было решено выпустить в количестве 5000 экземпляров на русском языке. На английском языке предполагалось подготовить небольшие листовки с перечнем книг и отпечатать таковые в числе 1000 штук⁶.

Типография «Уолдон Пресс» напечатала офсетным способом каталог, в окончательном варианте получивший название «Бюллетень № 1 (февраль 1952)». Что же мог узнать заинтересованный читатель из каталога? «Издательство имени Чехова» информировало о поступлении в продажу с 1 марта 1952 г. десяти выпущенных им книг. Сообщалось библиографическое описание каждой книги (автор, название, количество страниц), продажная цена, а также небольшое описание издания. «Избранным стихотворениям»

⁵ [Author's Card]; [Alexandrova V. Anna Akhmatova (Gorenko)] // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 4, folder «Akhmatova, A. Selected Poems»; [Editorial Book] // Ibid. Box 1; Notes on Staff Meeting III, 10:00 a.m. Friday, September 21, 1951; Staff Meeting № 8, Friday, November 30, 1951 10:00 a.m.; Staff Meeting № 9, December 7, 1951, 10:30 a.m. // Ibid. Box 2, folder «Staff Meeting Minutes, Sept 14, 1951 — Apr 11, 1952»; East European Fund, Inc. Publishing House Project. November 1, 1951; Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc. Progress Report № 2. November 12, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193.

⁶ Staff Meeting № 9, December 7, 1951, 10:30 a.m.; Minutes of Staff Meeting № 14 January 11, 1952, 1:00 p.m. // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 2, folder «Staff Meeting Minutes, Sept 14, 1951 — Apr 11, 1952».

А.А. Ахматовой был посвящен следующий текст: «В одной книге собраны стихи из всех ранее вышедших сборников Ахматовой, а также стихи последних лет (1940–1946 гг.). Вскоре после 2-ой мировой войны творчество Ахматовой в Советском Союзе было объявлено “чуждым” по своим настроениям “советскому народу”. Это не мешает Ахматовой по-прежнему пользоваться признанием и симпатией в широких кругах читателей». Каталог завершался указанием на готовящиеся к печати книги (в т.ч. юмористические рассказы М.М. Зощенко)⁷. Попутно заметим, что фотостаты рассказов М.М. Зощенко поступили в издательство от В.А. Александровой 9 января 1952 г. В пояснительной записке, обосновывающей необходимость издания произведений Зощенко, Александрова стандартно делала упор на таланте писателя и преследовании его Советской властью⁸.

Широкие круги эмигрантской общественности впервые узнали о предполагавшихся к изданию книгах из каталога издательства. Как представляется, именно внешняя по отношению к издательству среда поставила вопрос об ответственности при издании книг советских авторов. На заседании сотрудников 18 января 1952 г. обсуждению подверглась моральная ответственность издательства при публикации А.А. Ахматовой либо любого другого советского автора, чьи работы внесены в «черный список». Собравшиеся решили, что они имеют право публиковать таких авторов, но при этом проявлять большую осторожность, дабы во введении к таким произведениям не содержалось ничего, что могло бы быть инкриминировано автору советскими властями. Однозначно высказавшись за издание трудов советских писателей, руководство издательства вместе с тем пожелало еще раз обсудить этот вопрос с Консультативным советом издательства. Собравшийся 25 января совет также высказался за то, что издательство не несет моральной ответственности, публикуя советских авторов⁹.

⁷ Бюллетень № 1 (февраль 1952) / Изд-во им. Чехова. [N.Y., 1952]. [С. 2, 4]. «Бюллетень № 1» цитируется по экземпляру из фонда Ф.Э. Мозли (UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov Publishing House Correspondence, 1951–1954»). Параллельно был подготовлен англоязычный вариант каталога (см.: Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc. Catalogue No. 1 — available March 1, 1952 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193). Однако у нас нет никаких данных, что указанный каталог рассылался лицам и учреждениям. Вполне возможно, что англоязычный каталог был подготовлен исключительно для осведомления попечителей Восточно-европейского фонда о книжных новинках.

⁸ [Author’s Card]; [Alexandrova V. Mikhail Zoshchenko] // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 4, folder «Zoshchenko, Mikhail. Selected Stories»; [Editorial Book] // Ibid. Box 1.

⁹ Minutes of Staff Meeting № 15 January 18, 1952, 10:00 a.m. // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 2, folder «Staff Meeting Minutes, Sept 14, 1951 — Apr 11, 1952»; Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc. Informal memorandum on first meeting of the Advisory Board on the Chekhov Publishing House, January 25, 1952 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193.

Однако данное мнение разделялось далеко не всеми. Возмутителем спокойствия стал преподаватель колледжа Всех Душ Оксфордского университета Исайя Берлин. В 1945–1946 гг. он служил вторым секретарем британского посольства в СССР и, находясь в Ленинграде, встречался с А.А. Ахматовой¹⁰. У нас нет точных данных, как и от кого Берлин узнал о предполагаемом издании книги Ахматовой. Косвенные данные позволяют утверждать, что в данном деле не обошлось без попечителя Восточно-европейского фонда, вице-президента «Дж.П. Морган и К^о, Инк.» Р. Гордона Уоссона. Он присутствовал на заседании Консультативного совета издательства 25 января 1952 г., на котором обсуждался вопрос об издании книг советских авторов. Не исключено, что он сообщил тем или иным способом о скором выходе книги Ахматовой и прислал «Бюллетень № 1». Заметим, что среди сохранившейся переписки Берлина за начало 1952 г. писем Уоссона нет¹¹. Реакция Берлина была мгновенной: он написал Уоссону письмо (текст и дата неизвестны, доступен лишь пересказ), в котором поднял вопрос о публикации произведений советских авторов, которые все еще живут в СССР. По мнению Берлина, напечатать книги Ахматовой и Зощенко, издательство поставило бы жизнь авторов под угрозу. Осознав серьезность ситуации, Уоссон обратился к президенту фонда Ф.Э. Мозли, и последний через секретаря фонда Э. Мередит потребовал от заместителя директора издательства Л.Д. Планте остановить печатание книги Зощенко и прекратить любые рассылки уже выпущенного сборника Ахматовой¹².

Эти экстраординарные события произошли в начале 10-х чисел февраля 1952 г. 13 февраля о них узнал директор издательства Н. Вреден. Его возмущению не было предела, и в тот же день он написал президенту фонда Мозли резкое письмо. В последнем Вреден припомнил Мозли все проблемы с издательством, которые между июнем и ноябрем 1951 г. возникали из-за нерешенных советом попечителей вопросов. Указав, что публикация книг советских авторов была неоднократно обсуждена на разных уровнях

¹⁰ Подробнее см.: Копылов Л., Позднякова Т., Попова Н. «И это было так»: Анна Ахматова и Исайя Берлин. 2-е изд. СПб., 2013 (Deus conservat omnia). Воспоминания И. Берлина о встречах с А.А. Ахматовой и другими советскими писателями впервые были опубликованы в 1980 г. (см.: *Berlin I. Meetings with Russian writers in 1945 and 1956 // Berlin I. Personal Impressions. Lnd., 1980. P. 156–211.* Русский перевод см.: *Берлин И. Встречи с русскими писателями: 1945 и 1956 / Пер. с англ. Д. Сегала, Е. Толстой-Сегал, О. Ронена // Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University / Ed. by L. Fleishman, O. Ronen and D. Segal. Jerusalem, 1981. Vol. V-VI. С. 593–641).*

¹¹ См.: University of Oxford. Papers of Sir Isaiah Berlin (MS. Berlin). № 129: Dec. 1951 — Apr. 1952.

¹² East European Fund, Inc. Minutes of Meeting of Board of Trustees held on February 19, 1952 at 5 P.M. / Free Russia Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20; N. Wreden — P. Mosely, February 13, 1952 // RAC. FFR. East European Fund Records (FA 747). Box 2, folder «Chekhov Publishing House — Advisory Committee, 9/17/1951 — 3/9/1954».

и решение было принято в положительном смысле, Вреден, полномочия и обязанности которого как директора издательства подобными вмешательствами фактически делались ничтожными, настоящим письмом подавал в отставку¹³.

Вопрос об издании сборника Ахматовой оказался для президента фонда Мозли весьма непростым. С одной стороны, мнение известного специалиста в «русском вопросе» И. Берлина было аргументированным и весомым, а перспективы для Ахматовой и Зощенко в случае его правоты — незавидными. С другой — только начавшее нормально функционировать издательство рисковало остаться без директора, глубоко уязвленного некомпетентным и грубым вмешательством в его действия. По-видимому, между 13 и 18 февраля между Мозли и Вреденом произошло объяснение, выяснившее позиции обоих по проблеме. Учитывая, что 19 февраля должно было состояться заседание совета попечителей фонда и Уоссон, без сомнения, собирался предать огласке письмо Берлина, Мозли и Вреден попытались найти устраивающее всех решение. 18 февраля В.А. Александрова была отправлена в Нью-Йоркскую публичную библиотеку с целью подготовить перечень изданий Ахматовой и Зощенко, вышедших вне СССР. Проведя несколько часов в библиотеке, Александрова подготовила впечатляющий перечень сборников и отдельных произведений указанных авторов, опубликованных за пределами Советского Союза на русском, английском и итальянском языках в 1920–1940-х гг. Как только справка об изданиях Ахматовой и Зощенко была готова, ее тотчас отправили Мозли¹⁴.

Как и следовало ожидать, на заседании совета попечителей фонда 19 февраля вопрос о публикации произведений живых советских авторов «Издательством имени Чехова» был поднят Уссоном со ссылкой на письмо Берлина. Мозли был готов к такому заявлению и сообщил присутствующим попечителям, что и Ахматова, и Зощенко не раз публиковались за рубежом и, таким образом, их сочинения ныне являются общественным достоянием. В случае если бы издательство отказалось печатать указанных авторов, то это было бы сродни добровольному наложению на себя цензуры, подобной советской цензуре. Мозли уверил заседавших, что вопрос публикации Ахматовой и Зощенко был обсужден Консультативным советом издательства и публикация этих работ была целиком одобрена. Президент передал мнение Вредена, что подобное решение было принято после тщательного

¹³ Ibid.

¹⁴ L.D. Plante — P.E. Mosely, February 18, 1952; [Alexandrova V.]. Akhmatova. Zoshchenko // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 4, folder «Zoshchenko, Mikhail. Selected Stories». Сохранились даже рукописные заметки Александровой о просмотренных ею изданиях (см.: [Alexandrova V. Notes on Akhmatova and Zoshchenko's works. Handwritten] // Ibid).

рассмотрения всех «за» и «против». Мозли довел до сведения попечителей о желании Вредена покинуть издательство, т.к. его решения как директора аннулировались на регулярной основе. После обсуждения попечители высказались за то, чтобы отложить распространение уже напечатанного тома стихов Ахматовой и производство книги Зощенко до тех пор, пока вопрос не будет прояснен. Попечитель Дж.Ф. Кеннан взялся обсудить ситуацию с И. Берлином и сообщить Мозли его мнение по возникшей проблеме. Попечители обратились к Мозли с просьбой передать Вредену полную поддержку его направления деятельности издательства¹⁵. Напомним, что официально выход сборника Ахматовой был анонсирован на 28 февраля, а книга Зощенко должна была увидеть свет 1 июля 1952 г.

К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких сведений, состоялся ли телефонный разговор Кеннана и Берлина и к каким выводам пришли собеседники. То, что это мог быть только разговор по телефону, сомневаться не приходится: Кеннан во второй половине февраля находился в США. Можно с большой долей уверенности предположить, что за оставшиеся до объявленного выхода книги Ахматовой девять дней все сложности были улажены.

Согласно официальным данным самого фонда, сборник Ахматовой, как и предполагалось, вышел вместе с другими девятью книгами 28 февраля 1952 г.¹⁶ Тираж книги Ахматовой составил 3528 экземпляров, на 28 штук больше утвержденного Вреденом. Косвенные данные позволяют утверждать, что между издательством и типографиями существовала договоренность о возможном превышении последними тиража на 5 %, которые издательство выкупало¹⁷.

Вышедшая книга состояла из стихотворений Ахматовой из сборников «Anno Domini», «Подорожник», «Белая стая», «Четки», «Вечер», а также из

¹⁵ East European Fund, Inc. Minutes of Meeting of Board of Trustees held on February 19, 1952 at 5 P.M. / Free Russia Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20.

¹⁶ Chekhov Publishing House. Schedule of Inventory of Finished Books. June 30, 1956. Schedule IV. P. 1 / East European Fund, Inc. Financial Statements for the Three Months Ended June 30, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 13, folder «East European Fund. Financial Statements, 1952, 1955–56». 28 февраля 1952 г. вышли в свет следующие книги, для наглядности представленные по категориям авторов: а) эмигранты первой волны: Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952; Тэффи Н.А. Земная радуга. Нью-Йорк, 1952; б) эмигранты второй волны: Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952; Елагин Ю.В. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952; Коряков М.М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952; Малахов С. Летчики. Нью-Йорк, 1952; Максимов С.С. Тайга: сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952; Юрасов С. Враг народа: Роман. Нью-Йорк, 1952; в) советские писатели: Ахматова А.А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952; Булгаков М.А. Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952.

¹⁷ См.: Д. Атряскин-Нейман — Rausen Bros., 24 сентября 1956 г. // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

ряда советских журналов и газет 1940-х гг. В предисловии к сборнику содержались некоторые детали биографии Ахматовой, отдельно рассматривались гонения Советской власти на поэтессу. Основное внимание в предисловии было уделено развитию творчества Ахматовой в XX веке¹⁸. Заметим, что и книга М.М. Зощенко вышла без каких-либо осложнений в намеченный срок — 1 июля 1952 г.¹⁹

Сборник А.А. Ахматовой быстро стал весьма популярен среди читающей публики. Он оказался среди немногих книг, более половины тиража которых разошлась к моменту окончания деятельности «Издательства имени Чехова» (1956 г.)²⁰. Правда, мнение рецензентов о сборнике Ахматовой и прежде всего о деятельности издательства по его подготовке, оказалось весьма неблагоприятным²¹. Но это совсем другая история.

¹⁸ См.: *Издательство им. Чехова*. Анна Ахматова // *Ахматова А.А. Избранные стихотворения*. Нью-Йорк, 1952. С. V–VIII. Предисловие было написано В.А. Александровой (см.: Предисловия и послесловия, составленные В. Александровой, как подписанные, так и неподписанные ею, а напечатанные от имени издательства, [1956] // НИА. В.И. Nicolaevsky collection. Box 261, folder 2).

¹⁹ См.: *Зощенко М.М. Повести и рассказы*. Нью-Йорк, 1952.

²⁰ Подсчитано по: *Трибунский П.А.* Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей» // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015* [/ Отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М., 2015. С. 679–691.

²¹ См.: *Филиппов Б.А.* [Рец. на:] Ахматова А.А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952 // *НЖ*. 1953. № 32. С. 300–305.

Т.И. Ульянкина

Об истории издания «Золотой книги российской эмиграции»

Аннотация: Послереволюционная русская эмиграция представляла собой беспрецедентное явление. Неудивительно, что подведение итогов своего 40-летнего (позже — 50-летнего) пребывания в изгнании русские эмигранты рассматривали как свой «отчет» и «завещание» будущим поколениям. В основу статьи легла коллекция документов Архива Русской академической группы в США (Киннелон, Нью-Джерси, США). Переписка центральных персонажей проекта «Золотая книга» свидетельствует об организационных трудностях выполнения крупномасштабных издательских задач, усугубленных т.н. «человеческим фактором».

Annotation: Post-revolutionary Russian emigration was an unprecedented phenomenon. Russian émigrés tried to commemorate the 40th (and then the 50th) stay in exile, as a «report» or a «will» to future generations. This essay is based on archives of the Russian Academic Group in the United States (Kinnelone, New Jersey, USA). The correspondence of key figures of Russian emigration demonstrates problems of organization of compilation of the encyclopedia («Golden Book of the Russian Emigration»), as well as personal relations of the émigrés.

Ключевые слова: Общество охранения русских культурных ценностей, Золотая книга русской эмиграции, Русский эмигрантский издательский фонд.

Key words: Society of Protection of Russian Cultural Values, Golden Book of Russian Emigration, Russian Emigrant's Publishing Foundation.

Довоенные годы

Задолго до Второй мировой войны российские ученые-эмигранты уже предпринимали разные попытки подведения итогов своей жизни в изгнании. Было издано несколько крупных обзоров и библиографических трудов, отражающих результаты творческой деятельности ученых. Это и «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом, 1920–1930» в двух выпусках (1931 и 1941), изданные Русским научным институтом в Белграде¹ и крупные обзоры ученых, в частности М.М. Новикова², Г.Н. Пио-Ульского³ и др. О вкладе русской эмиграции в мировую культуру и науку писали

¹ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом, 1920–1930. Белград, 1931. Вып. 1; 1941. Вып. 2, ч. 1: 1930–1940.

² См.: Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935.

³ См.: Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград. 1939.

и зарубежные авторы: немец Ганс фон Римша (1927)⁴; француз Ж. Делаж (1930)⁵; американец В.Ч. Хантингтон (1933)⁶.

Тем не менее в контексте истории проекта «Золотая книга» довоенный период следует рассматривать как его предысторию. Это объясняется разной мотивацией довоенного и послевоенного периодов. Если до войны естественно проявлявшееся стремление эмигрантов к рефлексии и самоорганизации выдвинуло на первый план идею возвращения на родину, то в послевоенные годы мотивация работы стала иной — о возвращении или признании эмигрантов родиной речь уже не шла.

С началом холодной войны в СССР кампания дискредитации эмигрантов резко усилилась. К политике нетерпимого отношения к ним добавлялся ущерб, постоянно наносимый агентурой МГБ-КГБ, приложившей немало усилий в попытках дезорганизовать и скомпрометировать эмигрантов, изнутри разложить структуру их общественных организаций.

Начиная с 1958 г. решение о подведении итога своему 40-летнему (а затем и 50-летнему) пребыванию в изгнании стало для русской эмиграции и делом чести, и сильным моральным стимулом в ответ на «козни» из СССР. Эмигранты первой волны воспринимали будущую «Золотую книгу» не только как свой «ответ», «отчет» или даже как «оправдание» перед потомками, но и как «завещание» будущим поколениям. До появления третьей, «диссидентской» волны эмиграции было ощущение некоего финала существования феномена «Русского зарубежья», что также обязывало к срочному изданию итоговой книги.

История издания «Золотой книги» относится к числу малоизученных. Данный очерк создан на основе коллекции документов Архива Русской академической группы в США, который в период изучения находился у покойного Е.Л. Магеровского (Киннелон, Нью-Джерси)⁷ и не претендует на полное освещение темы. Обнаруженная переписка центральных персонажей проекта «Золотая книга», находившихся в Париже и Нью-Йорке, выявила сложный характер межличностных отношений, повлиявший на судьбу всего издания.

⁴ См.: *Rimscha H., von.* Russland jenseits der Grenzen, 1921–1926. Jena, 1927.

⁵ См.: *Delage J.* La Russie en exil. Paris, 1930.

⁶ См.: *Huntington W.C.* The Homesick Million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.

⁷ См.: *Ульянкина Т.И., Магеровский Е.Л.* Русские ученые-эмигранты в США в XX веке: новый архив // Зарубежная Россия, 1917–1939 / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2003. Кн. 2. С. 213–214. Ныне документы Архива РАГ в США находятся в Гуверовском институте войны, революции и мира (Пало-Альто, Калифорния).

Общество охранения русских культурных ценностей за рубежом

Интерес к созданию большого итогового труда о русской эмиграции связан с появлением в 1945 г. в Париже «Общества охранения русских культурных ценностей» (Association pour la Conservation des Valeurs Culturelles Russes) (ООРКЦ) во главе с профессором Дмитрием Павловичем Рябушинским (1882–1962), крупнейшим ученым в области аэро- и гидродинамики, основателем первого в мире Аэродинамического института в России, членом Французской академии наук. Еще в начале Второй мировой войны Д.П. Рябушинский, заручившись моральной поддержкой многолетнего председателя Русской академической группы во Франции профессора А.Н. Анцыферова, выступил с идеей открытия специального Центра для защиты и освобождения арестованных немецкими оккупантами русских эмигрантов, а также — защиты русских культурных ценностей и коллекций. В 1943 г. А.Н. Анцыферов скончался, а возникший Центр вскоре разросся в Общество охранения русских культурных ценностей. 9 ноября 1945 г. французские власти утвердили устав ООРКЦ, в состав правления которого вошли: председатель Д.П. Рябушинский, вице-председатель В.Ф. Козлянинов⁸, вице-председатель В.Б. Ельяшевич, член правления Н.М. Тихменев, секретарь Н.И. Воробьев, казначей И.В. Шнейдер, генеральный секретарь П.Е. Ковалевский.

В 1945 г. общество объединяло около тридцати членов, среди которых: А.В. Карташев, П.Е. Ковалевский, В.П. Рябушинский, А.Н. Бенуа, И.А. Бунин, граф Д.С. Татищев, барон М.А. Таубе, Н.О. Лосский, княгиня В.К. Мещерская, о. В.В. Зеньковский, И.С. Шмелев, барон Б.Э. Нольде и др. Наличие крупных авторитетов служило нравственной гарантией, под которую русские эмигранты отдавали обществу свои фамильные коллекции. ООРКЦ спасло от гибели, распыления, распродажи и разграбления архивы многих крупных организаций русского зарубежья, частные архивы, сотни произведений живописи и искусства, коллекции фарфора, серебра, знаков отличия, принадлежавшие изгнанникам.

Проект «Золотая книга русской эмиграции»

Проект, получивший претенциозное название «Золотая книга русской эмиграции», был впервые обсужден в 1957 г. на встрече В.А. Маклакова с М.А. Джаншиевым и князем В.В. Троекуровым-Лыщинским. Название не

⁸ См.: *Рябушинский Д.П.* Памяти Владимира Федоровича Козлянинова // РМ. 1960. 25 февр. № 1491.

раз менялось: «История Русского зарубежья» (1961), «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» (1962), «Книга о вкладе русской эмиграции в мировую культуру и о деятельности Русского зарубежья» (1962), «Золотая книга о русской эмиграции» (1964), «Российская эмиграция и ее вклад в мировую культуру» (1967), «Зарубежная Россия» (1967), «Зарубежная Россия. Памятная книга и ее значение для русской и мировой культуры» (1967) и др.

ООРКЦ включило проект в свою деятельность и принялось за составление и подготовку издания «Золотой книги» в 1961 г. В июне этого года на квартире Д.П. Рябушинского состоялось частное совещание, на котором правление ООРКЦ вынесло решение об образовании Особого комитета по изданию книги под руководством Д.П. Рябушинского. В него вошли: Л.Н. Немиров (вице-председатель), секретари Г.В. Чижов и Н.Г. Старко, члены М.М. Кржижановский, С.М. Лифарь, С.С. Войков, П.А. Родзянко, о. В.В. Зеньковский, граф В.П. Зубов, Н.В. Пятницкий, Б.К. Андреев, Е.А. Вечорин, К.Д. Померанцев⁹. Тогда же было составлено «Обращение к Русским национальным учреждениям и организациям», разосланное в более чем 70 организаций русского зарубежья и помещенное в газетах «Русская мысль» (Париж) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк)¹⁰.

В сентябре 1961 г. М.А. Джаншиев посетил Нью-Йорк, где провел переговоры с наиболее авторитетными общественными деятелями русской колонии в США: князем С.С. Белосельским-Белозерским, Б.В. Сергиевским, И.И. Сикорским, В.С. Макаровым, Т.А. Шауфус, графом И.С. Толстым и графиней А.Л. Толстой. Они и стали учредителями Нью-Йоркской (Американской) инициативной группы по изданию «Золотой книги»¹¹.

26 февраля 1962 г. в особняке графа П.П. Коцебу в Париже состоялось утверждение устава Комитета по изданию «Золотой книги». Председателем Европейского (Парижского) комитета был избран князь Никита Сергеевич Трубецкой (1877–1963), почетным председателем — Д.П. Рябушинский. В состав комитета вошли: князь К.Е. Андронников, Ю. Бриннер, В.В. Вейдле, Е.А. Вечорин, С.А. Водов, граф М.И. Воронцов-Дашков, М.А. Джаншиев, Б.К. Зайцев, о. В.В. Зеньковский, граф В.П. Зубов, П.Е. Ковалевский, М.Г. Корнфельд, граф П.П. Коцебу, С.М. Лифарь, С.А. Лосский, Б.Н. Лосский, Е.Л. Любич, князь Макинский, С.К. Маковский, Л.Н. Немиров, князь

⁹ См.: Справка о Комитете по составлению и изданию истории Русского зарубежья, б/д, автограф // Архив Русской академической группы в США (далее — АРАГ в США).

¹⁰ См.: Обращение к Русским национальным учреждениям и организациям, б/д. Машинопись // Там же.

¹¹ См.: Кириллов А. Вклад русской эмиграции в мировую культуру // НРС. 1962. 13 марта. № 17900; То же // Россия (Нью-Йорк). 1962. 8 марта. С. 2.

Н.С. Трубецкой, князь В.В. Троекуров-Лыщинский, граф С.М. Толстой, Е.С. Фишер, Н.И. Исцеленов, С.Р. Эрнст, Л.А. Зандер¹².

По данным Л.Н. Немирова, к апрелю 1962 г. Исполнительное бюро Европейского комитета во главе с Н.С. Трубецким завершило разработку проекта «Золотая книга». Была составлена и предварительная смета расходов на ее издание (около 5000 долларов), принят текст обращения к американской стороне и объявлено о начале сбора материалов¹³.

По поводу финансирования будущей «Золотой книги» Г.П. Струве писал: «Для дела издания труда о русской эмиграции и ее вкладе в мировую культуру нужны не столько комитеты, сколько деньги, а также квалифицированные, работоспособные и не слишком старые люди, которые по каждому разделу могли бы произвести солидную и надежную работу... Деньги могла бы дать только какая-нибудь из американских организаций, но подбить их на это дело не так легко: здесь интересуются гораздо больше Советским Союзом, чем эмиграцией»¹⁴.

Судя по переписке, вопрос финансирования издания книги волновал всех участников, но его решение еще в 1961 г. предложило взять на себя Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), находившееся в Мюнхене. ЦОПЭ пообещало Д.П. Рябушинскому бесплатно издать книгу в своем издательстве, где ранее уже была опубликована одна из первых брошюр П.Е. Ковалевского «Наши достижения, роль русской эмиграции в мировой науке»¹⁵. К сожалению, выгодным предложением ЦОПЭ комитет по изданию книги не успел воспользоваться из-за небольшого объема собранного к тому времени материала, а спустя два года, в 1963 г., ЦОПЭ, получавшее денежные средства от ЦРУ на свои предприятия, было ликвидировано.

Параллельно М.А. Джаншиев и В.В. Вырубов предприняли действия по рекламе проекта «Золотая книга». Так, в 1961 г. в издательстве В.В. Вырубова была выпущена брошюра с программным очерком Г.В. Адамовича «Вклад русской эмиграции в мировую культуру». Автор призвал всех русских эмигрантов, не теряя времени, приступить к созданию книги, которая подведет итог сорокалетнему русскому рассеянию. В ее содержание он предложил ввести, наряду с общими обзорами по родам деятельности: литература, музыка, наука, техника и т.д., — биографический словарь, нечто вроде «ху из ху эмиграции». Г.В. Адамович писал, что если не реализовать

¹² См.: *Немиров Л.Н.* Справка, 3 марта 1962 г. Машинопись // АРАГ в США.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Г.П. Струве — Е.А. Вечорину, 30 марта 1962 г., автограф // АРАГ в США.

¹⁵ См.: *Ковалевский П.Е.* Наши достижения, роль русской эмиграции в мировой науке. Мюнхен, 1960; 2-е изд. Мюнхен, 1961.

издание такой книги, это «будет для эмиграции несчастьем, значение которого по настоящему окажется учтено и понято лишь в будущем. Создавать “Золотую книгу” надо немедленно, иначе многое погибнет безвозвратно»¹⁶.

Одним из важных источников денег на издание «Золотой книги» комитетом рассматривался Гуманитарный фонд Б.А. Бахметьева (США). Именно к этому фонду обращались участники проекта за кредитом в 5000 долларов¹⁷.

Ощутимым источником средств для издания «Золотой книги» неожиданно стали личные деньги участников проекта. Так, некоторые расходы по изданию книги взял на себя М.А. Джаншиев, который внес в кассу полмиллиона франков. Он не только предоставил необходимые средства для начала дела, но и на собственные деньги летал в Нью-Йорк для налаживания связи с Америкой¹⁸. Традиционно небольшими суммами комитету помогали авиаконструкторы И.И. Сикорский, Б.В. Сергиевский и др.

Смена руководства ООРКЦ

Известно, что сам Д.П. Рябушинский за рекордно короткое время вместе с секретарем Л.Н. Немировым собрал и подготовил 14 исторических обзоров о деятельности русских беженских организаций в Париже. Однако эту деятельность вскоре прервала его смерть (22 августа 1962 г.). Спустя год — 28 июля 1963 г. — умер В.В. Вырубов, а через месяц, 31 августа 1963 г., скончался и князь Н.С. Трубецкой. Таким образом, за очень короткий срок ООРКЦ потеряло трех самых крупных инициаторов проекта по изданию «Золотой книги». Не удивительно, что работа над ее проектом была временно приостановлена, а документы Европейского (Парижского) особого исполнительного комитета по изданию «Золотой книги» были возвращены в ООРКЦ¹⁹.

Сергей Михайлович Лифарь

В 1962 г. председателем ООРКЦ был избран Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986) — в прошлом солист труппы С.П. Дягилева (1923–1929), танцовщик (1929–1956), главный балетмейстер, хореограф и педагог Grand Opera

¹⁶ Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961; Рябушинский Д.П. Неотложное дело // РМ. 1961. 14 нояб. № 1760.

¹⁷ См.: Е.А. Вечорин — С.М. Угету, 9 ноября 1961 г., автограф // АРАГ в США.

¹⁸ См.: Е.А. Вечорин — П.Е. Ковалевскому, 20 января 1968 г., автограф // Там же.

¹⁹ См.: Выступление Е.А. Вечорина в Обществе охранения русских культурных ценностей, 3 ноября 1963 г., автограф // Там же.

в Париже (1947–1958, 1962–1963, 1977), крупный общественный деятель²⁰. Приход С.М. Лифаря обозначил новый период жизни общества: уже через год начались первые скандалы, приведшие к изменениям в составе комитета, а затем — к потере его авторитета и, в конечном счете, к развалу всего дела. Главная причина — не в личности председателя С.М. Лифаря, а в его огромной занятости и отсутствии у него навыков общественного деятеля. В сравнении с Д.П. Рябушинским или Н.С. Трубецким это был человек другого поколения: более молодой (в 1962 году ему было 57 лет) и воспитанный в мире искусства. Конечно, можно было бы приписать ему все недостатки работы ООРКЦ, если бы почти одновременно с ним в состав Комитета по изданию Книги не пришел сотрудник с мало кому известной фамилией и репутацией — Евгений Александрович Вечорин²¹. В узких кругах он был известен своей общественной работой на посту председателя Объединения выпускников Санкт-Петербургского политехнического института, за что и был приглашен Д.П. Рябушинским в ООРКЦ. В 1962 г. Вечорин стал одним из товарищей председателя общества и членом Исполнительного бюро по изданию «Золотой книги».

Именно Е.А. Вечорин оказался инициатором публичных скандалов с другими членами Общества: С.М. Лифарем, а затем П.Е. Ковалевским (генеральным секретарем ООРКЦ), С.М. Толстым (президентом Парижского комитета) и Н.М. Костюком (вице-президентом комитета). Обстоятельства скандалов нашли свое отражение в объемной переписке Вечорина за 1961–1969 гг., находящейся в Архиве РАГ в США.

Заняв ключевые позиции в ООРКЦ и Исполнительном бюро по изданию «Золотой книги», Е.А. Вечорин начал с Американского комитета: в мае 1962 г., обращаясь к 78-летней А.Л. Толстой, он поставил ей в вину плохую работу всего Американского комитета по изданию «Золотой книги», хотя со времени учредительного собрания прошло всего чуть больше года. Назидательный тон письма Вечорина был неподобающим и отнюдь не способствовал улучшению взаимопонимания²².

Через полгода Е.А. Вечорин инспирировал ссору с С.М. Лифарем, призвав его 5 ноября 1963 г. письмо с просьбой о своей отставке, которую он аргументировал неэффективной работой всего руководства ООРКЦ. Тем не менее Вечорина уговорили остаться. И не только уговорили, но и, вопреки

²⁰ См.: Соколов-Каминский А. Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986) // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: энциклопедический биографический словарь. Первая треть XX века / Общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 366–368.

²¹ См.: Вечорин Евгений Александрович (1884–1969) // ВА. Е.А. Vechorin papers. Box 9, folder «Biographical Sketches, N-Z».

²² См.: Е.А. Вечорин — А.Л. Толстой, 17 мая 1962 г., автограф // АРАГ в США.

здравому смыслу, заседание правления ООРКЦ 26 сентября 1964 г. передало ему фактически все полномочия по составлению и изданию «Золотой книги», как-то: выбор и приглашение сотрудников, сбор средств на книгу и расходование их по своему усмотрению, наем помещения и собирание архивов и пр.²³

Трудно сказать, почему и на каком основании последовало такое ответственное и лестное предложение. Возможно, что Е.А. Вечорин произвел на руководство ООРКЦ «нужное» впечатление своей активной деятельностью по сбору материалов: он утверждал, что разослал с помощью бывших политехников 4056 анкет (!). Хотя этот факт никто не проверял, а Е.А. Вечорин был склонен завышать свои успехи. Можно предположить, что критический взгляд Е.А. Вечорина «на все и вся» был принят как продуктивный даже самим С.М. Лифарем. Последний, по-видимому, надеялся, что концентрация всей ответственности и полномочий в руках одного человека сделает сам процесс работы над «Золотой книгой» менее бюрократичным. Не исключено, что, расширяя полномочия Е.А. Вечорина, С.М. Лифарь рассчитывал как-то обезопасить себя от непрерывной критики. Обвинять одного Лифаря Вечорин уже не мог и за свою работу должен был единолично отчитываться перед правлением ООРКЦ.

За 10 лет работы Е.А. Вечорин монополизировал сбор материалов для «Золотой книги» и стал, в конце концов, их единоличным хозяином. При этом тех, кто стоял на его пути, он старался всячески дискредитировать.

После продолжительного спада активности в работе над проектом в 1964–1966 гг., в 1967 г. начался новый этап активности Особого исполнительного комитета по изданию «Золотой книги». Восстановление работы комитета произошло по инициативе М.А. Джаншиева. На этот раз Парижский комитет возглавил граф Сергей Михайлович Толстой (1911–1996). 10 января 1967 г. был зарегистрирован устав комитета и оглашен его состав: граф С.М. Толстой (президент), вице-президенты М.А. Джаншиев, Л.Н. Немиров, С.М. Лифарь, Н.В. Вырубов (казначей), Ф. Татищев (секретарь), члены комитета В.В. Вейдле, князь Н.Н. Оболенский, А.К. Требинский, Л.А. Аронсон, Е.А. Вечорин, Ю.П. Анненков, Б.П. Лосский. В редакционный совет вошли В.В. Вейдле, Е.А. Вечорин, П.Е. Ковалевский²⁴.

В начале апреля 1967 г. С.М. Толстой и М.А. Джаншиев вылетели в Нью-Йорк с целью реанимировать работу Американского комитета по изданию «Золотой книги». Однако осенью 1967 г. в ООРКЦ разразился скандал, связанный с согласием С.М. Лифаря посетить Москву в ноябре 1967 г. На особом

²³ Выписка из Протокола заседания Правления Общества охранения русских культурных ценностей, 26 сентября 1964 г., машинопись // Там же.

²⁴ Список членов Особого исполнительного комитета, [1967], машинопись // Там же.

заседании правления ООРКЦ 30 сентября 1967 г. С.М. Лифарь подтвердил существование официального приглашения и пояснил, что его поездка в Москву после коронационных торжеств в Тегеране назначена на 28 ноября 1967 г. Мнение Е.А. Вечорина о «вреде» для председателя поездки в Москву, в канун празднования 50-летия Октябрьской революции, С.М. Лифарь проигнорировал, считая поездку своим личным делом. Е.А. Вечорин, настаивая на том, что поездка председателя негативно скажется на сборе материалов для книги «Зарубежная Россия», требовал, чтобы тот показал правлению свое «советское официальное приглашение». На что С.М. Лифарь ответил категорическим отказом, как и на предложение дать опровержение в «Русской мысли».

Критика С.М. Лифаря не смогла отменить его визит в Москву (он был поддержан французским президентом Ш. де Голлем), а лишь передвинула поездку с ноября 1967 г. на 4 января 1968 г. В прессе визит освещался очень доброжелательно, за редким исключением. Утверждалось, что он будет способствовать взаимному обогащению культур, взаимопониманию и доверию между народами. Французская «Figaro» писала, что С.М. Лифарь приглашен министром культуры СССР Е.А. Фурцевой быть членом жюри международного балетного фестиваля в Москве и, кроме того, ему поручена постановка в Большом театре балетов «Икар», «Миражи» и «Дафнис и Хлоя». В интервью С.М. Лифарь, как председатель ООРКЦ, упоминал и о проекте «Золотая книга»: «В кругах русской зарубежной интеллигенции родилась идея (я один из тех, кто первый ее приветствовал) создать большой фундаментальный сборник материалов, который показал бы вклад живших и живущих в зарубежье деятелей русской культуры в сокровищницу мировой культуры»²⁵. Слова С.М. Лифаря вызвали негодование Е.А. Вечорина. М.А. Джаншиев и П.Е. Ковалевский также осудили поведение председателя²⁶. И Сергею Михайловичу пришлось потратить немало нервов и сил, чтобы убедить своих соратников в отсутствии у него каких-либо политических симпатий к СССР.

Визиту С.М. Лифаря предшествовала поездка в Советский Союз графа С.М. Толстого, также осложнившая работу над проектом, пусть и косвенно. Е.А. Вечорин со страниц «Русской мысли» (2 ноября 1967 г.) обратился к А.Л. Толстой с пространным «Открытым письмом», в котором осуждался визит графа. Нет сомнения, что А.Л. Толстую покорило «Открытое письмо», и 28 ноября 1967 г. она как председатель Нью-Йоркской инициативной группы попросила освободить ее от руководства, «ввиду... огромной ответственности за программу... Толстовского Фонда», которую она несет, «и, главным образом, ввиду необходимости считаться с требованиями...

²⁵ С.М. Лифарь в Москве // Русские новости. 1968. 2 февраля.

²⁶ См.: П.Е. Ковалевский — Е.А. Вечорину, 29 января 1968 г., автограф // АРАГ в США.

возраста и пошатнувшегося за последнее время здоровья»²⁷. Поблагодарив всех тех, кто помог Инициативной группе на первых порах — В.А. Сахарову, князя Т.К. Багратион-Мухранского, К.Г. Белоусова и Н.С. Арсеньева, — А.Л. Толстая рекомендовала передать все дела по подготовке и изданию книги «Зарубежная Русь и ее достижения в мировой культуре» Русской академической группе в США — «этому постоянному и компетентному органу русской эмиграции, возглавляемому проф<ессором> Белоусовым», и заверила в том, что «Толстовский Фонд будет рад сотрудничать с Академической Группой, предоставив ей все реальные материалы, кот<орые> до сего времени удалось собрать и в дальнейшем выполнять те или иные поручения для облегчения этой работы»²⁸.

Выход А.Л. Толстой из Нью-Йоркского комитета не на шутку напугал Е.А. Вечорина, который в своем ответном письме (от 8 декабря 1967 г.) постарался «смягчить наказание» племяннику и «разъяснил» А.Л. Толстой «огромную разницу в оценке посещения России» С.М. Толстым по сравнению с запланированным визитом С.М. Лифаря: «Граф С.М. Толстой побывал на Родине исключительно в качестве туриста, и нельзя поставить ему в вину паломничество на могилу своего знаменитого деда»²⁹.

Когда читаешь бесконечный список критических нападок, то складывается впечатление, что для Е.А. Вечорина был приемлем любой повод, лишь бы отвести от себя подозрение в безрезультативной деятельности. Кроме того, Е.А. Вечорину, видимо, стал мал масштаб отведенной ему роли в ООРКЦ. На горизонте забрезжил пост председателя общества и появилась возможность оттеснить С.М. Лифаря, пусть даже путем компромата, несмотря на то, что весь этот шум бросал тень на репутацию самого общества и его проект. Е.А. Вечорин решил идти до конца. Иначе зачем он драматично пытался убедить членов ООРКЦ, что поездкой С.М. Лифаря в СССР «наносится смертельный удар начинанию с “Зарубежной Россией”»? Он пугал предполагаемым усилением газетной кампании против «Золотой книги», если только С.М. Лифарь не откажется от поста председателя ООРКЦ. И когда парижская «Русская мысль» продемонстрировала свою нейтральность в отношении С.М. Лифаря, то Е.А. Вечорин обвинил ее в предумышленном «замалчивании» и в «неодобрительной нейтральности»³⁰. В руках Е.А. Вечорина был выигрышный козырь — документы, собранные им и Издательским комитетом за предшествующие годы. Поэтому он ждал удобного мо-

²⁷ А.Л. Толстая — Е.А. Вечорину, 28 ноября 1967 г., авторизованная машинопись // Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Е.А. Вечорин — А.Л. Толстой, 8 декабря 1967 г., автограф // АРАГ в США.

³⁰ Е.А. Вечорин — Правлению Общества охранения русских культурных ценностей, 25 января 1968 г., автограф // Там же.

мента, когда можно «громко хлопнуть дверью» и выйти из Редакционной комиссии, забрав с собой максимальное количество собранного материала, с тем чтобы даже не издать его (на это у него не было средств), но хотя бы выгодно манипулировать им, набивая себе цену. И Вечорин максимально умело использовал ситуацию. Сделано ли это было по специальному заданию Москвы (был ли он агентом?) или причина крылась во вздорном и амбициозном характере Вечорина? На этот вопрос, видимо, ответят будущие исследования.

Но комбинация Е.А. Вечорина не удалась, и 3 марта 1968 г. он сам подал заявление в ООРКЦ о выходе из состава организации, ссылаясь на «недопустимый» тон статей о визите С.М. Лифаря в СССР в советской газете «Голос России» и в парижских «Русских новостях» (2 февраля 1968 г.)³¹. Какое-то время П.Е. Ковалевский пытался образумить Е.А. Вечорина, однако тот отказался принимать П.Е. Ковалевского у себя, «отложив свидание до лучших времен»³². Вслед за тем Е.А. Вечорин разорвал отношения с Н.М. Костюком и графом С.М. Толстым. Поскольку содержание своих претензий оппонентам Е.А. Вечорин тиражировал в письмах своим корреспондентам, неудивительно, что в курсе происходивших скандалов в ООРКЦ были многие деятели русского зарубежья и во Франции, и в США. Неизвестно, как долго продолжалась бы эта изматывающая переписка, если бы летом 1969 г. ее не прервала смерть Е.А. Вечорина.

К сожалению, все материалы, собранные для «Золотой книги» и принадлежащие ООРКЦ, как и материалы «Политехнического архива», хранились в парижской квартире Е.А. Вечорина и, следовательно, юридически переходили в распоряжение его супруги — С.И. Вечориной. Это существенно затормозило передачу материалов в официальные руки Комитета по изданию книги. 25 августа 1969 г. К. Неклютин, доверенное лицо Е.А. Вечорина, писал К.Г. Белоусову: «Перед смертью Е.А. высказал мысль о пересылке этих документов проф<ессору> Глебу Петровичу Струве, 1154 Spruce Str<eet> Berkeley, 7. Calif<ornia>. Его предсмертное желание было принять все меры, чтобы эти документы не попали в руки С.М. Лифаря или П.Е. Ковалевского»³³.

Напомню, что проект «Золотая книга» так и не был реализован. В США была сделана попытка издать «Золотую книгу», для чего в 1968 г. в Нью-Йорке был специально создан Русский эмигрантский издательский фонд (Russian Emigrant's Publishing Fund; адрес: 250 West 57th Street, Room 1004, New York, N.Y., 10019) во главе с князем С.С. Белосельским-Белозерским.

³¹ См.: Е.А. Вечорин — Правлению Общества охранения русских культурных ценностей, 28 февраля 1968 г., автограф // АРАГ в США.

³² Е.А. Вечорин — Е.П. Ковалевскому, 5 апреля 1968 г., автограф // Там же.

³³ Е.А. Вечорин — К.Г. Белоусову, 25 августа 1969 г., автограф // Там же.

Вскоре на этом посту его сменил профессор А.А. Боголепов; а вслед за тем, 28 января 1970 г., Б.В. Сергиевский. Его референт К.Г. Белоусов так описывал состояние дел с изданием «Золотой книги»: «Сообщаю Вам, что собран значительный материал и уже можно говорить и о его публикации, но его столько, что нельзя и думать поместить в одну книгу. Поэтому было решено начать издавать отдельные книги “Материалов” или при “Записках РАГ” или прямо в “Записках”, как это было сделано во втором томе, произведшем большое впечатление на многие европейские музеи и Оксфордский университет»⁵⁴. Во Франции один из главных участников проекта — П.Е. Ковалевский⁵⁵ — единолично опубликовал свою часть собранного материала под названием «Зарубежная Россия» (1971), вторая ее часть вышла в 1973 г.⁵⁶ К сожалению, объем обоих выпусков П.Е. Ковалевского был на порядок меньше того, что собрали участники проекта. Частично материал «Золотой книги» «разошелся» в виде журнальных и газетных обзоров и тематических брошюр отдельных авторов. Собранные материалы оказались в разных хранилищах: американская часть поступила в Архив РАГ в США (1969–1970 гг.), собрание Е.А. Вечорина («Политехнический архив») было в 1969–1971 гг. приобретено Колумбийским университетом в Нью-Йорке⁵⁷.

В 1971 г. году прекратилась деятельность Гуманитарного фонда Б.А. Бахметьева, финансировавшего и Русскую академическую группу в США, и Толстовский фонд — активных участников подготовки и издания «Золотой книги». Оставшиеся средства от финансирования проекта «Золотая книга» в размере 209 085 долларов были отданы на издание ежегодника «Записки Русской академической группы в США»⁵⁸. Остальные деньги фонда (1 400 000 долларов) — переданы Колумбийскому университету в Нью-Йорке.

⁵⁴ К.Г. Белоусов — Б.В. Сергиевскому, 1 февраля 1970 г., авторизованная машинопись // Архив РАГ в США. Речь в письме идет о публикации: *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Творчество русских художников для театральной сцены // *Записки Русской академической группы в США.* 1968. Т. II. С. 131–210.

⁵⁵ См.: *Бочарова З.С.* Ковалевский Петр Евграфович // *Русское зарубежье.* С. 296–299.

⁵⁶ См.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Paris, 1971; *он же.* Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Paris, 1973.

⁵⁷ См.: *BA. E.A. Vechorin papers.* Box 9.

⁵⁸ Т.К. Вагратион-Мухранский — К.Г. Белоусову, 23 мая 1973 г., авторизованная машинопись // АРАГ в США. Подробнее о Гуманитарном фонде см.: *Будницкий О.В.* Бахметев и Гуманитарный фонд // *История и историки: историографический вестник.* 2008. М., 2010. С. 363–390.

ДЕЛА ЖУРНАЛЬНЫЕ

Д.Д. Николаев

«Бич» — русский сатирический журнал в Париже

Аннотация: В статье анализируется история издания русского сатирического журнала «Бич» (Париж, 1920). Показывается, что журнал стал результатом сотрудничества А.Т. Аверченко и М.С. Линского. Демонстрируется связь «Бича» с русской журналистикой 1917–1920 гг. Исследуется роль, которую сыграл журнал в русской сатирической журналистике.

Annotation: The article analyzes the history of the publication of Russian satirical magazine «Bich» (=«Whip») (Paris, 1920). The magazine was the result of the collaboration of A.T. Averchenko and M.S. Linsky. The article demonstrates the connection between «Bich» and Russian journalism of 1917–1920, as well as the role played by the magazine in Russian satirical journalism.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, А.Т. Аверченко, М.С.Линский, М.А. Дризо (Мад), «Бич», сатира, карикатура, журналистика, «Барабан», комическое, эмигрантская периодика.

Key words: literature of Russian emigration, A.T. Averchenko, M.A. Linsky, M.A. Drizo (Mad), «Bich» (=«Whip»), satire, cartoon, journalism, «Baraban» (=«Drum»), comic, emigre periodicals.

В ряду сатирико-юмористических журналов русского зарубежья парижский «Бич» М.С. Линского по праву должен занимать первое место. Возможно, не по литературной и художественной значимости — хотя и в этом отношении конкурентов у «Бича» немного, — но, по крайней мере, по той роли, которую он играл. «Бич» можно назвать своего рода «переходным» изданием или, если взглянуть с другой точки зрения, изданием «объединяющим». В русском журнале, издававшемся в Париже и распространявшемся во многих других центрах русского рассеяния, публиковались произведения, созданные за рубежом, присланные из Крыма, вывезенные из Петрограда. Этот журнал воспринимался многими не просто как литературно-художественное, но как «боевое», пропагандистское издание, ведущее борьбу с большевиками. И вовсе не случайно «Бич» фактически прекратил свое существование с падением Крыма: в новых условиях идеологические разногласия сотрудников уже оказались слишком значимыми, а как коммерческий проект журнал реализовать не смог.

«Еженедельный журнал политической сатиры» «Бич» начал выходить в Париже в конце августа 1920 г. По-французски, правда, журнал представляли как «journal humoristique». Первый номер был датирован: «Август. 1920»,

второй, третий, четвертый, пятый и шестой — «Сентябрь. 1920», а начиная с № 7 редакция прекратила указывать месяц, ограничиваясь только годом.

Парижский «Бич» был не первым «Бичом» в истории русской сатирико-юмористической журналистики XX в. В 1906 г. в Петербурге Г.М. Любарский (выступавший и как редактор, и как издатель) выпустил один номер еженедельного сатирико-юмористического журнала «Бич». «Прошла пора, когда пред властью // Народ покорно спину гнул, // Когда навстречу жизни счастью // Он рук усталых не тянул. // Разбились прежние кумиры, // И новый всюду слышен клич: // Стихом язвительной сатиры // Карай порок, наш смелый «Бич»», — заявляла редакция (С. 2). Прозаических произведений в номере напечатано не было, а среди авторов стихов значились О.К. Умова (Демократка), И.М. Василевский (Не-буква), Я.А. Гибынский (Жак-меланхолик) и др.

Еще один «Бич» — сатирико-юмористический еженедельник — выходил в Петрограде в 1916 (№ 1–18) — 1917 (№ 1–20) гг. Основан он был бывшими конторщиками «Биржевых ведомостей» братьями Дабужскими. Издателем выступал И.И. Дабужский. Первый номер упомянутого «Бича» вышел 24 августа 1916 г. Редактором сначала был Н.Т. Ветлугин, а после него в 1917 г. журнал редактировали И. Ширяк, редакционный коллектив «Бича», А.В. Амфитеатров. В 1916 г. с № 10 заведующим литературным отделом значился А.С. Бухов, а заведующим художественным отделом с № 17 — В. Денисов (Дени). В 1917 г. конфликт между Буховым и Амфитеатровым привел к уходу первого из состава редакции. По своему оформлению, составу сотрудников, стилистике «Бич» 1916–1917 гг. был близок к «Новому Сатирикону» и «Будильнику» этого периода. Помимо уже упомянутых Дени, Бухова и Амфитеатрова, в нем печатались Н. Николаевский, А. Куприн, О. Д'Ор, В. Князев (Джо), Д. Цензор, А. д'Актиль, А. Тавиц, В. Сварог, И. Гуревич, Б. Мирский, М. Пустынин, Е. Венский, М. Криницкий, Б. Антоновский, В. Горянский, Ф. Сологуб, С. Михеев, Я. Годин, А. Грин, Ю. Зубовский, Н. Агнивцев и др.

Позаимствовав название у петроградского «Бича», в качестве образца создатели парижского издания взяли другой петроградский сатирико-юмористический журнал 1917 г. — «Барабан». Этот журнал, издававшийся товариществом «Новый Сатирикон», был меньше и по объему, и по формату, что лучше соответствовало эмигрантским условиям 1920 г. «Смеялся мой “Сатирикон”, смеялся мой “Барабан”, смеялся “Бич” Аркадия Бухова, и от каждой нашей улыбки, от каждой смешинки — на упитанном большевистском теле оставались розовые, долго не заживавшие царапины»¹, — вспоминал впоследствии А.Т. Аверченко.

¹ Аверченко Арк. Безглазое, безбровое лицо: Фельетон // Юг России (Севастополь). 1920. 21 июля (3 августа). № 94 (287). С. 2.

Еще один «сатирический журнал» «Бич» издавался в Петрограде в 1917–1918 гг. Редактором журнала являлся М.С. Линский. В нем сотрудничали многие писатели и карикатуристы, связанные с «Новым Сатириконом». Значительную часть материалов составляли произведения Аркадия Аверченко и самого Линского. Помимо них, в журнале печатались А. Амфитеатров, А. Бухов, А. Дроздов, Жак Нуар, А. Флит, Б. Флит, Н. Кимай, В. Голиков, Л. Лесная, А. Радаков, Бор. Мирский, Н. Бренев (В. Черный), Я. Давыдов, В. Кадашев, С. Михеев, В. Севский, А. Рославлев, Ю. Зубовский и др.

Появление парижского «Бича» стало результатом сотрудничества двух людей, в недавнем прошлом делавших «Барабан», — находившегося в Белом Крыму Аркадия Аверченко и уже перебравшегося за границу Михаила Семеновича (Соломоновича) Линского (настоящая фамилия — Шлезингер), в недавнем прошлом редактора «Барабана».

Аверченко с середины 1919 г. являлся главным автором и фактическим редактором «беспартийной общественно-политической и литературной газеты» «Юг», которая была создана в Севастополе вскоре после его освобождения от большевиков. Первый номер вышел 25 июля 1919 г. Издателем выступило «Паевое издательское товарищество “Юг”», редакцией — «редакционная коллегия», но «анонимность» разрушалась декларативным указанием на широкое участие в газете ряда бывших сотрудников «Русского слова». Аверченко регулярно печатал в газете большие рассказы и фельетоны, вел рубрику «Маленький фельетон», где использовал иногда и свои старые сатириконские псевдонимы «Аве» и «Медуза Горгона», принимал участие в создании рубрики «Без заглавия», которая подписывалась коллективным псевдонимом «Мы». Для многих читателей «Юг» был именно «газетой Аверченко», несмотря на то что там печатались И. Шмелев, И. Сургучев, Г. Гребенщиков, А. Койранский, И. Соколов-Микитов, Е. Чириков. Подобное утверждение было вполне справедливо, особенно если учесть, что с 25 октября 1919 г. ответственным редактором «Юга» стал Г.И. Фальченко — муж младшей сестры прозаика — Ольги Тимофеевны. В марте 1920 г. газета «Юг» была закрыта властями, и вскоре вместо нее стал выходить «Юг России». Редактором-издателем выступил К.В. Орлов, но сквозная нумерация в скобках подчеркивала, что по существу «Юг» и «Юг России» — это одна и та же газета. Формальное единство было окончательно восстановлено 8 июля, когда редакцию вновь возглавил Г.И. Фальченко. «Юг России» сохранил практически весь прежний состав сотрудников; и среди них главную роль играл Аверченко, чьи новые произведения печатались чуть ли не ежедневно вплоть до падения Крыма².

² О сотрудничестве А.Т. Аверченко в крымской прессе см. подробнее: Николаев Д.Д. Король в изгнании (Жизнь и творчество А.Т. Аверченко в Белом Крыму и в эмиграции) // Аверченко А.Т. Соч.: в 2 т. / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М., 1999. Т. 1: Кипящий котел. С. 5–58 (Литература русского зарубежья от А до Я).

Биографические сведения о М.С. Линском можно найти в работах О.М. Барковской, на которые мы здесь сошлемся³. Она цитирует, в частности, заметку из одесской газеты «Театр», в которой сообщается, что в декабре 1919 г. Линский «уехал в Константинополь, где будет руководить театральной частью одного из местных кабаре». Из Константинополя Линский в 1920 г. перебирается в Париж. В августе 1920 г. Аверченко делает Линского своим «представителем по охране авторских прав во Франции» — соответствующее «Письмо в редакцию Аркадия Аверченко» публикуется газетой «Последние новости»⁴. Отметим попутно, что задача Линского как представителя Аверченко не сводилась к публикации произведений, присланных из Крыма, в журнале «Бич». Линский принял активное участие в подготовке парижского издания книги Аверченко «Дюжина ножей в спину революции»⁵. Там был помещен портрет Аверченко работы Линского. Линскому же принадлежали иллюстрации в тексте и рисунок на обложке: Аверченко, который держит в каждой руке по ножу.

При посредничестве Линского Аверченко начал публиковаться и в газете «Последние новости». «С настоящего номера в “Последних новостях” начинаются печатанием фельетоны нашего постоянного сотрудника г. Аркадия Аверченко», — гласило редакционное примечание к первой публикации — рассказу «Осколки разбитого вдребезги»⁶. Этот рассказ впервые был опубликован в «Юге России» 21 июня 1920 г. (№ 69 (262). С. 2), а 5 сентября 1920 г. перепечатан «Последними новостями» (№ 113. С. 2). Немногим позже, кстати, «Последние новости» обрушили свой гнев на Аверченко после выхода сборника «Дюжина ножей в спину революции»⁷. Любопытно, что некоторые из вызвавших такое раздражение у редакции в целом и автора критической статьи И.М. Василевского в частности рассказов печатались в 1920 г. на страницах «Последних новостей», а также в «Биче», где сотрудничал и резко изменивший свое отношение к Аверченко Василевский.

Но вернемся к «Бичу». Объявление о том, что первый номер уже вышел, находим, в частности, в пражской газете «Русское дело» за 2 сентября 1920 г.⁸ А 6 сентября в очерке «Русское издательское дело за границей» о журнале пишет берлинская газета «Время»: «Из 25 русских зарубежных периодических изданий почти четвертая часть выходит в Париже, где издаются

³ См.: Вся Одесса в шаржах Линского: Материалы к выставке / Сост. кат. Л.В. Арюпина, О.М. Барковская; авт. вступ. ст. О.М. Барковская. Одесса, 1998.

⁴ См.: Аверченко А.Т. Письмо в редакцию // ПН. 1920. 4 сент. № 112. С. 4.

⁵ См. подробнее об этом издании: Николаев Д.Д. Комментарии // Аверченко А.Т. Соч. Т. 1. С. 330–331.

⁶ ПН. 1920. 5 сент. № 113. С. 2.

⁷ См. об этом: Николаев Д.Д. Король в изгнании (Жизнь и творчество А.Т. Аверченко в Белом Крыму и в эмиграции). С. 25–28.

⁸ См.: Русское дело (Прага). 1920. 2 сент. № 82 (177). С. 3.

ся 5 газет, посвященных России (“Последние новости”, “Общее дело”, “Pour la Russie”, “La Russie democratique”, “La republique Russe”) и еженедельник “Еврейская трибуна”. Кроме того, в парижской газете “L’Victoire” имеется обширный русский отдел, которым заведует В.Л. Бурцев. К сожалению, попытка издавать толстый журнал (“Грядущая Россия”) окончилась неудачей. За Парижем следует Берлин с двумя русскими газетами (“Время”, “Голос России”) и журналом “Жизнь”. Ежемесячный журнал “Русь” прекратил свое существование. Из трех газет, выходивших в последнее время в Праге, уцелела одна — “Русское дело”. “Славянская заря” и “Голос народа” были вынуждены закрыться. В Америке издаются русские газеты “Русский голос” и “Русское слово”. В Белграде выходит “Русская газета”. В Женеве — “Отклики”. В Лозанне — “Родина”. В Гельсингфорсе — “Новая русская жизнь” и “Политические известия”. В Варшаве — “Варшавское слово” и возникшая в последнее время “Свобода”. В Риге — “Воля” и “Сегодня”. В Софии — “Россия”. В Константинополе — “Вечерняя пресса”. В Галиции — “Прикарпатская Русь” и “Народное дело”. Кроме того, выходят газеты в Ревеле, Варне, на Принцевых островах.

Из перечисленных изданий некоторые прекратили свое существование, но, с другой стороны, предвидится издание новых газет и журналов. Несколько газет проектируется в Берлине; в Париже в конце августа начнет выходить в свет русский юмористический журнал “Бич”, говорят об основании русской газеты в Риме и т.д.

Кроме этого, в течение последних двух-трех месяцев возникло большое количество новых русских книгоиздательств⁹.

Та же газета сообщает 13 сентября, перепечатав на предыдущей странице из «Юга России» «Карикатуру без рисунков» Арк. Аверченко «Финансовые парадоксы в Крыму»¹⁰: «В Париже начал выходить в свет единственный за границей еженедельный русский сатирический журнал “Бич”. Первые 2 №№ “Бича” составлены остроумно и бойко. Талантливая карикатура, злободневный материал, общая занимательность содержания несомненно говорят за то, что журнал должен пользоваться определенным успехом у перекочевавших за границу друзей славного “Сатирикона”. В числе сотрудников “Бича” имена, хорошо знакомые читателю по России — неутомимый Арк.Аверченко, талантливая Н.А. Тэффи, отличный рисовальщик Мад и Мих. Линский, известный карикатурист и писатель, бывший редактор популярного петербургского юмористического еженедельника “Барабан”»¹¹.

⁹ И. Русское издательское дело за границей // Время (Берлин). 1920. 6 сент. № 114. С. 3.

¹⁰ См.: Аверченко Арк. Финансовые парадоксы в Крыму (Карикатура без рисунков) // Время. 1920. 13 сент. № 115. С. 3.

¹¹ Время. 1920. 13 сент. № 115. С. 4.

Издатели «Бича» заранее позаботились о максимально широком распространении журнала. Судя по информации, помещенной уже в первом номере «Бича», отделения конторы, агентства и представительства журнала были в 13 странах. При этом реально ареал распространения был еще больше, поскольку представительство в Копенгагене обслуживало Швецию и Норвегию. В Германии, в Берлине, было сразу три «точки», связанные договорными отношениями с журналом, в Финляндии также три — в Гельсингфорсе, Келломяке и Териоках, в Праге — две, а в Австрии — 7! Там можно было не только приобрести журнал или оформить подписку, но и сдать объявления.

Наличие столь широкой сети распространения за рубежом подтверждается и публикациями в других эмигрантских изданиях. «В Париже вышел первый номер еженедельного юмористического журнала “Бич”. В журнале помещены произведения Арк. Аверченко, Лери, Кло и др., карикатуры и шаржи Mad, M. Линского, загадки, шутки и т. д. В Риге “Бич” продается в конторе Эд. Нетцгольца (Сарайная, 16). Цена отдельного номера 10 руб.», — сообщала газета «Сегодня» 7 сентября 1920 г.¹²

В рекламном объявлении «Русского книжного магазина и библиотеки “Москва” в Берлине, Вильгельмштр., 20», помещенном в первом номере берлинского журнала «Русский эмигрант», отмечалось, что «Москва» является представителем в том числе и журнала «Бич». Первый номер «Русского эмигранта» вышел в сентябре 1920 г. Объявление, занимавшее целую страницу, рекламировало «Москву» в качестве представителя издательств «Возрождение» в Лондоне, «Наша речь» в Праге, «Русская культура» в Константинополе, «Русского книгоиздательства» в Париже, «Славянского книгоиздательства» в Праге, кооператива «Русская колония» в Берлине, журналов «Грядущая Россия», «Русь», «Русский эмигрант», «Жизнь», «Бич», «Зеленая палочка» и «всех русских газет»¹³.

Кстати говоря, схожего содержания объявления помещает в первом номере и журнал «Бич» (С. 15). Кроме того, у «Бича» установились партнерские отношения с рядом крупных русских эмигрантских периодических изданий, так что они рекламировали друг друга. В первом номере были помещены рекламные объявления, представляющие берлинские газеты «Голос России» и «Время», парижские «Последние новости» и гельсингфорскую «Новую русскую жизнь». В дальнейшем и количество представительств за рубежом, и количество рекламируемых периодических изданий увеличивалось. На страницах «Бича» появлялись рекламные объявления берлинского журнала «Жизнь», «Родины» (Лозанна), парижских «Последних новостей» и «Общего дела», рижской «Сегодня».

¹² «Бич» // Сегодня (Рига). 1920. 7 сент. № 192. С. 3.

¹³ Русский эмигрант (Берлин). 1920. № 1 (сентябрь). С. 23.

В «Биче» печатались объявления, представляющие периодические издания различной идейной ориентации (в рамках антибольшевизма, конечно), к примеру «Жизни» и «Общего дела». Интересно, что объявления «Общего дела» появились в «Биче» после того, как во втором номере редакция поместила юмористическое «Интервью» с Владимиром Бурцевым, в котором высмеивалось стремление того на каждом шагу рекламировать свою газету: «Мы кашлянули, вынули карандаш и припомним, в котором году родилась М. Спиридонова. Затем мы спросили Бурцева:

– Воскреснет ли Россия?

– Есть два рода большевизма, — охотно ответил Владимир Львович. — Один, который читает “Общее дело”, и другой, который не читает его. Хорошо бы созвать национальный конгресс. Нужно читать “Общее дело”. У ген. Врангеля в четверг болели зубы.

– Полагаете ли вы, что большевизм будет сокрушен военной силой?

– Есть два рода социалистов: те, которые читают “Общее дело”, и те, которые не читают его. Однажды ген. Врангель сказал “гм”! Междометию этому недальновидно придают монархический оттенок; все, кто любит Россию, русских эс-эров и “Общее дело” (выходит еженедельно, адрес редакции общеизвестен), обязаны придавать ему демократический оттенок. Читали ли вы последний номер “La Cause Commune”?» и т.д. (С. 7–8). «Интервью» это, повторим, появилось во 2-м номере, а уже в четвертом «Бич» призывал оформить подписку на «Общее дело». А в № 9 «Бич» опубликовал вполне дружеский шарж на Бурцева: Mad (М.А. Дризо) нарисовал его с перьевой ручкой, где на перо насажена голова Ленина.

Кстати, во второй части того же «Интервью» (подписанного «Александр Д.» — Александр Дроздов?) «Бич» позволил себе поиздеваться над известным дирижером Сергеем Кусевицким, только приехавшим в Париж из Петрограда. Кусевицкий воспринял этот выпад как оскорбление и потребовал напечатать на страницах журнала свой ответ:

«Письмо в редакцию.

Милостивый Государь,
г. Редактор.

Юмор имеет известные права на шарж и даже вымысел, но юмореска г. Александра Д., напечатанная во 2 № вашего журнала, в которой мне, без всякого основания, ложно приписываются мнения и слова, никогда мною не сказанные, выходят за пределы допустимого вымысла и граничат со злостной инсинуацией. Самым решительным образом протестую против легкомысленного обращения с моим именем и с моею честью. Примите и проч. Сергей Кусевицкий» (№ 8. С. 13).

Формат «Бича», как уже было отмечено, фактически повторял формат петроградского «Барабана». В номере было 16 страниц — нумерация включала и обложку. На первой странице помещалась большая карикатура, на 16-й — как правило, серия карикатур, своего рода мини-комикс. 2-я и 15-я страницы отводились под объявления — вторая полностью, а 15-я — в зависимости от количества этих объявлений. Сюда иногда смещалась рубрика «Иностранная сатира» — перепечатки карикатур из зарубежных изданий, — которая чаще всего занимала отдельную полосу. Впрочем, были и обратные примеры: в № 9 под объявления целиком отвели страницы 14–15, а раздела «Иностранная сатира» в номере не было. Надо сказать, что чисто текстовых страниц редакция старалась по возможности избегать. И большие прозаические материалы перебивались карикатурами.

Открывался собственно номер — с третьей страницы (обычно, хотя первые два номера открывались стихами) по пятую страницу — большим фельетоном или рассказом Аркадия Аверченко. В первом номере был опубликован рассказ Аверченко «Фокус великого кино» (С. 4–6), во втором — «Этапы самолюбия графа Звенигородцева» (С. 4–6), в третьем — «Русские классики, или Новое вино в старых мехах» (С. 3–5), в четвертом — «Молодая наука» (С. 3–5), в пятом — «Старый Цацкин и новый Цацкин» (С. 3–5), в шестом — «Разговор в гостиной» (С. 3–6), в седьмом — «Разговор за столом» (С. 3–7), в восьмом — «Трава, примятая сапогом» (С. 3–5), в девятом — «Истинно-русский Ренессанс» (С. 3–4), в десятом — «Учитель и ученик» (С. 3–4), в одиннадцатом — «Книгу украли» (С. 3–5).

Эти материалы были подписаны собственным именем писателя — Аркадий Аверченко. Плюс к этому «Бич» напечатал ряд материалов, подписанных хорошо известным публике еще со времен «Сатирикона» постоянным псевдонимом Аверченко «Аве». В третьем номере это — «Советская поваренная книга» (С. 12–13), в седьмом — «Заграничное близкое» (С. 12–13), в восьмом — «Кухарка потеряла место» (С. 10–12), в одиннадцатом — «Благодетельницы рода человеческого (Монолог одной дамы)» (С. 11–13). Кроме того, в шестом номере в разделе «Кривые улыбки» была еще перепечатка из Аверченко, снабженная следующим комментарием: «Аркадий Аверченко дает в “Юге России” несколько остроумных “финансовых парадоксов” в Крыму» (С. 10). Отметим попутно, что в иных случаях редакция «Бича» не стремилась указывать, что произведения Аверченко являются перепечатками — хотя для публикации отбирались не только «свежие», только напечатанные в Крыму рассказы и фельетоны писатели, но и рассказы годичной давности. К примеру, рассказ «Трава, примятая сапогом» впервые был опубликован в газете «Юг» 22 сентября 1919 г. (№ 47. С. 2–3).

Благодаря Аверченко Линский заполнял произведениями значительную, а иногда и большую часть номеров «Бича». Так, в седьмом номере произведениями Аверченко были заняты (частично, с учетом карикатур и фрагментов других произведений) 8 полос! А остальные прозаические и стихотворные произведения занимали около 3 полос, остальное — реклама и карикатуры.

Существенная часть материалов журнала принадлежит самому Линскому, причем, помимо карикатур, он публиковал и свои прозаические произведения (под псевдонимом «Лин» и др.). Вторым ведущим карикатуристом «Бича» был уже упомянутый Михаил Александрович Дризо (Mad), близкий знакомый Линского еще по работе в одесских изданиях начала XX в. В литературном отделе второй по значимости фигурой после Аверченко являлся В.В. Клопотовский, публиковавшийся как под своим наиболее известным псевдонимом — «Лери», так и под псевдонимом «Кло». Так, в первом номере были напечатаны его стихотворения «Открытые пути» (С. 3; подпись «Кло») и «Витязь на распутье» (С. 7; подпись «Лери»). Помимо них в журнале были единичные публикации еще нескольких более-менее известных писателей: один фельетон И.М. Василевского (Не-Буквы), одно стихотворение Н.Я. Агнивцева, два — Жака Нуара (Я.В. Окснер). Естественно, был в журнале целый ряд «проходных», практически не расшифровываемых псевдонимом, таких как «Прохожий». Были и материалы, об авторах которых мы на данный момент ничего сказать не можем. Так, например, в № 8 было напечатано небольшое стихотворение «Святой», подписанное «Евг. Захаров»:

По необычному галантный
И удивленный сделал лик,
М. Горький Ленину пикантный
«Святого» приклеил ярлык.
А я, изгнанник злой и тощий,
Теперь живу одной мечтой:
Чтоб этот так сказать «святой»
Скорее обратился... в мощи!

В «Биче» публиковались произведения нескольких авторов, печатавшихся прежде в «Барабане», причем в ряде случаев мы имеем дело не с новыми произведениями, а с прямыми заимствованиями из петроградского журнала. Так, сразу два текста из «Барабана» Линский помещает во втором номере «Бича». На третьей странице прямо под названием публикуется стихотворение «Беспартийность (Мыслишки лентяя)», подписанное Н. Кимай:

Всегда держась спокойной нормы,
Без политической платформы
Я как без рук в наш красный век.
Ах, почему, тюлень несчастный,
В момент, поистине ужасный,
Я не эс-эр и не эс-дек?
Да, в наше золотое время
И беспартийность — тоже бремя:
Кто без программ, тот без пути...
Обескуражен, обескрылен.
Ничтожен, как комар бессилён...
Что делать? Как себя вести?
Нет, чем лежать, быть лучше чистым
Тупоголовым монархистом, —
Взойдет и для меня заря:
В Париже и Берлине — всюду
Вопить как оглашенный буду:
— «Верните батюшку-царя!»
А, впрочем, это предоставлю
Любителям, а сам составлю
По вкусу партию себе:
Для лиц, погрязших в милой лени,
«Союз спасительных тюленей»
С девизом: «Смысла нет в борьбе» (С. 3).

Причем Линский не просто воспроизводит стихотворение, опубликованное в «Барабане» в июне 1917 г. (№ 8. С. 13), но и вносит в текст коррективы. Строка из «Барабана» — «В момент, поистине прекрасный» меняется на «В момент, поистине ужасный», а «На митингах, в собраниях, всюду // орать, пока не вздуют буду» на «В Париже и Берлине — всюду // Вопить как оглашенный буду». Таким образом, текст приравнивается к реалиям эмигрантской жизни 1920 г., и создается впечатление, будто автор писал специально для «Бича» на злобу дня.

Н. Кимай (Н.М. Богданов) успел опубликовать в «Барабане» несколько произведений, причем особой антибольшевистской направленностью они не отличались, а затем сотрудничал в советских сатирических журналах. На с. 6. того же номера напечатано стихотворение «Россия», автором которого значился «Эммануил Г.» — так иногда подписывался Эммануил Яковлевич Герман, известный в советское время как Эмиль Кроткий. Оно также было прежде опубликовано в журнале «Барабан».

В том же номере есть еще одно заимствование из «Барабана» — прямо под стихотворением «Россия» помещен диалог под названием «Детальная разработка вопроса»:

«– Товарищи! Никакой частной собственности не должно быть. Все — общее!»

Добросовестный голос из толпы:

– А как же быть с визитными карточками?»

Это дословное повторение первой из трех шуток, опубликованных в мае 1917 г. в «Барабане» (№ 6. С. 7) под общим названием «Анархисты».

В мае 1917 г. (№ 7. С. 11) в «Барабане» была помещена карикатура «Практический совет» с подписью:

«– Я застрелился бы, но меня страшит момент, когда холодное дуло револьвера коснется моего виска.

– Пустяки: дуло можно слегка подогреть».

В № 11 «Бича» помещен рисунок Линского (подпись «М.Л.») под названием «Утешение». Подпись под рисунком гласит:

«– Я пустил бы себе пулю в лоб, но меня страшит момент, когда холодное дуло револьвера коснется моего виска.

– О, пустяки: дуло можно слегка подогреть» (С. 12).

Есть в журналах и аналогии, связанные с изобразительным рядом. В № 3 «Барабана» была напечатана карикатура «Как превратить Германию в республику?» На ней были изображены четыре фазы трансформации прусской каски в фригийский колпак. Подпись гласила: «Очень просто: — нужно бить кулаком по прусской каске до тех пор, пока она не превратится в фригийский колпак» (С. 4). В № 11 «Бича» помещен рисунок за подписью «Ефимов» под названием «Как сделать большевиков республиканцами». Эпиграф гласит: «Большевики ввели новый головной убор, похожий на прусскую каску». На рисунке изображены те же четыре фазы трансформации, только теперь кулаком предлагается бить не по каске, а по буденовке. Соответственно изменена и подпись: «Для того чтобы превратить этот новый головной убор в фригийский колпак — нужно посильнее бить по нем...» (с. 8).

Сопоставительный анализ двух журналов — парижского «Бича» и петроградского «Барабана» — мы предполагаем провести в специальной статье, а здесь в заключение отметим, что появление заимствований было связано как с недостатком материала, так и с желанием подчеркнуть связь двух изданий. На последнее указывало уже название обзора печати, помещенного в первом номере «Бича», — «Пирожки с человечьим мясом». Именно так назывался соответствующий раздел в «Барабане». Правда, уже во втором номере «Бича» Линский отказывается от этого названия, заменяя его на «Кривые улыбки». Есть в «Биче» и своеобразная полемика с «Барабаном». Так, в «Галерее знаменитых современников» — серии шаржей, которые регулярно помещались в «Барабане», — было отведено место и генералу А.А. Брусилову. Под шаржем была подпись: «Единственный полководец, пе-

ред которым отступают даже юмористы с их ядовитыми перьями...» (1917. № 9. С. 9). Карикатура на Брусилова появилась и в «Биче» — прямо на обложке первого номера. На ней был изображен взгромоздившийся на Брусилова красноармеец. Текст под рисунком, названным «Облеченный властью», гласил: «Генерал Брусилов. — Оказывается, что в социалистической стране власть еще тяжелее, чем при царизме!..»

«Бич» быстро стал популярным за границей. Уже 12 сентября Нео-Сильвестр в обзоре «Советские писатели и поэты», опубликованном в газете «Сегодня», писал:

«П — П о э т ы.

Почтовый ящик “Правды” всецело посвящен пролетарским поэтам. Редакция поучает их, как следует писать истинным поэтам-рабочим. Не знаю, видимо, я закоренелый буржуй и ничего не смыслю в пролетарской поэзии, но этот отдел газеты я назвал бы юмористическим, и будь я редактором парижского “Бича”, я целиком перепечатывал бы его»¹⁴.

Журнал был известен не только в эмиграции, но и в Советской России. Н. Мещеряков в статье «Наши за границей: Белогвардейский юмор» анализировал книгу Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» и журнал «Бич»: «Чуть не вся старая литературная Россия после октябрьской революции ушла в белогвардейский лагерь. Немудрено, что за границей выходит теперь так много всяких белогвардейских книг, журналов и газет. В 1920 г. стал выходить в Париже журнал “Бич” — “еженедельный орган политической сатиры”. Вышли в Париже недавно книжки Аркадия Аверченко — “Дюжина ножей в спину революции”. Приглядимся к этим изданиям, чтобы узнать, что представляет сейчас русская белогвардейская политическая сатира», — писал Мещеряков в статье, впервые опубликованной в журнале «Красная новь» летом 1921 г.¹⁵, а затем перепечатанной в его книге «На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции» (М.: Госиздат, 1922. С. 16–19)¹⁶.

Впрочем, к тому времени, когда Мещеряков опубликовал свою статью, «Бич» уже прекратил свое существование. 10-й, предпоследний номер журнала, рекламировался как «специальный». «25 октября выйдет специальный траурный номер “Бича”, посвященный третьей годовщине комиссаро-державия», — гласило объявление, помещенное в № 8 (С. 13). Это важно

¹⁴ Нео-Сильвестр. Советские писатели и поэты // Сегодня. 1920. 12 сент. № 197. С. 2.

¹⁵ См.: Мещеряков Н. Наши за границей: Белогвардейский юмор // Красная новь. 1921. № 1 (июль). С. 275–285.

¹⁶ См.: Творчество А.Т. Аверченко в отзывах современников / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Д.Д. Николаева // Комическое в русской литературе XX века / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. М., 2014. С. 384–392.

для нас не только с точки зрения художественной — Линский, как видим, попытался возродить сатириконскую традицию выпуска «тематических» номеров, — но и с точки зрения датировки.

Карикатура, помещенная на обложке 11-го номера, изображала «массовое бегство комиссаров в Германию». Но уже 11 ноября началась массовая эвакуация Крыма. Журнал, содержание которого было тесно связано с продолжавшейся борьбой с большевизмом и с сотрудничеством с находившимся в Крыму Аверченко, прекратил свое существование. Правда, в 11-м номере Линский сделал намек на то, что журнал может несколько измениться: в нем появился раздел «Отдохнем от политики». Кстати говоря, и это уже было опробовано в петроградском «Барабане». Начиная с № 25, вышедшего в ноябре 1917 г., в журнале регулярно отводились страницы под произведения, которые редакция относила к «чистому юмору». «Читатель! Мы с тобой плаваем в целом море политики, мы задыхаемся в ней, захлебываемся. Иногда хочется отдохнуть от политики, хочется хоть изредка глотнуть свежего воздуха. Исходя из этого, “Барабан” решил с настоящего времени давать на своих страницах место и чистому юмору. Такому юмору, где слова “большевик”, “хлебная карточка” — будут таким же анахронизмом, как автомобиль во времена Юлия Цезаря», — гласило пояснение «От редакции “Барабана”», открывавшее этот раздел (С. 11). А с № 26 раздел получил и постоянное название — «Страницы невинного юмора» (С. 12). Помещался он в конце номера: основу раздела составляла юмореска какого-либо зарубежного писателя. Впрочем, в «Биче» в этом разделе напечатали рассказ все того же Аверченко — уже упоминавшийся «Благодетельницы рода человеческого (Монолог одной дамы)». Без имени Аверченко, без поставляемых им материалов «Бич» существовать не мог. Но это не значит, что мы можем называть «Бич» журналом Аверченко, а не журналом Линского. Несмотря на то что Линский во многом зависел от Аверченко, дававшего ключевые материалы практически каждого номера, идеологию журнала и его облик определял все же именно Линский.

Идеологические расхождения, наряду с коммерческими соображениями, сделали невозможным и возобновление журнала. Как известно, после эвакуации в Константинополь Аверченко начинает сотрудничать с журналом «Зарницы»¹⁷. Этот литературный и общественно-политический еженедельник был создан по инициативе Н.Н. Чебышева, возглавившего после падения Крыма русское Бюро печати в Константинополе, и являлся

¹⁷ О «Зарницах» см.: Николаев Д.Д. Зарницы // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 1998. Т. 2, ч. 3. Т–Я; Дополнения. С. 221–229; он же. Зарницы // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 147–151.

фактически «полуофициальным» органом Ставки Верховного Командования Русской Армии, а затем и Русского Совета, возглавляемого генералом П.Н. Врангелем. Тем самым Врангелем, о котором, публикуя во втором номере на него шарж, «Бич» писал: «От редакции: По техническим правилам, шаржи на ген. Врангеля и Троцкого следовало бы поставить рядом. Но редакция, опасаясь, чтобы они, очутившись, так сказать, с глазу на глаз, не схватились врукопашную в самом номере “Бича”, рассадила их по разным страницам. так спокойнее...» (С. 8). Эта двойственность положения Линского, зависящего от Аверченко, и Аверченко, находящегося в Белом Крыму, сказывалась в 1920 г. на «политическом лице» журнала. При его ярко выраженной антибольшевистской направленности отношение к противникам большевиков в «Биче» было тоже двойственное. Были те, в отношении которых редакция проявляла единодушие — например, явно презираемый всеми А.Ф. Керенский, но были и такие, как П.Н. Врангель, который виделся в будущем то возможным спасителем отечества, то столь же вероятным душителем свобод.

Е.Е. Седова

Педагогические издания русского межвоенного зарубежья

Аннотация: В работе анализируется система педагогических журналов, изданий русских учебных заведений, учебная литература, вышедшая в русском зарубежье в 1920–1940 гг. и способствовавшая созданию культурно-образовательного пространства, которое позволило предотвратить денационализацию русских детей в инокультурной среде.

Annotation: The article examines the system of pedagogical magazines, publications of Russian educational institutions, educational literature, published in Russian Abroad in 1920–1940 and facilitating the establishment of cultural-educational space, which prevented the denationalization of Russian children in foreign cultural environment.

Ключевые слова: русская эмиграция, национальное образование и воспитание, педагогические издания.

Key words: Russian emigration, national education, pedagogical publications.

Судьбы детской и юношеской эмиграции, нуждавшейся в социально-педагогической защите и образовании, освоении элементарных навыков существования в инокультурной и иноязычной среде, в осмыслении возможных жизненных перспектив, оказались в центре внимания русского зарубежья первой волны. Изначально рассматривая свое пребывание за границей как временное явление, русские люди в условиях эмиграции стремились сохранить подрастающее поколение как физически, так и духовно-нравственно. «В детях наше будущее, — отмечали педагоги, — и, если мы хотим видеть будущее поколение, идущее нам на смену, религиозным, преданным родине и умеющим работать, мы должны приложить все усилия, чтобы сделать их таковыми»¹.

Наиболее острой и актуальной для педагогов эмиграции была проблема национального воспитания, создания условий для приостановки процесса «денационализации» подрастающего поколения, потери ценностных ориентаций, снижения уровня культуры, забвения религиозных традиций и родного языка. В обсуждении этой проблемы принимали участие ведущие педагоги, ученые, психологи и философы русского зарубежья: А.Л. Бем, С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, С.И. Карцевский, А.Т. Павлов, А.П. Петров, В.В. Руднев, С.И. Четвериков и др. Так, В.В. Зеньковский на

¹ Шумкина А. Воскресная школа // Вестник РСХД (Париж). 1927. № 6. С. 22.

страницах журнала «Русская школа за рубежом» писал: «Для нашей молодежи, а тем более детей, отрыв от родины, отсутствие живой и глубокой связи с родной стихией ... лишает душу того питания, без которого трудно созреть и сформироваться личности. ... Как растения, пересаженные на чужую почву, юные души остаются без питательных соков, им необходимых. Они на поверхности вбирают в себя все то, что дает им заграничная обстановка, но глубины души, требующие того, что соответствует национальному типу, остаются без питания, раскрываются односторонне и неполно»². «Отрываясь от родины, от родной культуры и ее главного фактора — языка, ... дети по возвращении в Россию будут чувствовать себя чужими, — говорилось на Международном съезде преподавателей средней школы в Праге. — Для русских беженцев в настоящее время и для России в будущем чрезвычайно важно, чтобы подрастающее поколение возможно лучше и полней использовало свое вынужденное пребывание на чужбине как путем накопления точных знаний, так и путем непосредственного восприятия многообразных элементов великой западной культуры. Важно только, чтобы восприятие это строилось на глубоком и близком детской душе фундаменте — родном языке. Этот фундамент должен быть заложен в детской душе прочно, на всю жизнь. Ибо дети — основание и надежда всякой национальной культуры»³.

У русской школы за рубежом была своя специальная задача, которой не было ни у одной школы: «сохранить русскую культуру, привить детям и сохранить в них любовь ко всему родному — русскому, научить их понимать красоту родного языка, родного искусства, понять и оценить родную историю, только тогда можно будет сохранить наших детей от страшной денационализации, от того ассимилирования с иноземцами, которое, к сожалению, уже замечается в некоторых странах, — говорилось в 1924 г. в «Бюллетене Педагогического бюро». — Нужно создать особую, чисто русскую атмосферу в такой школе, надо стремиться к тому, чтобы эта школа представляла маленький уголок России, где “русский дух, где Русью пахнет”. ... Итак, сохранить национальную культуру, приучить детей любить все русское и воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер — вот основные задачи эмигрантской школы. Если нас, старшее поколение, захватило “трудное время неготовыми к трудной борьбе”, то наш священный долг предохранить от этой участи подрастающее поколение»⁴.

² Зеньковский В.В. Проблема школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рубежом (Прага). 1929. № 32. С. 173.

³ Доклад Международному Съезду преподавателей Средней школы в Праге 27–30 августа 1923 г. // Бюллетень Педагогического бюро (Прага). 1923. № 2. С. 11.

⁴ Там же. С. 107.

Решению проблемы, как «сохранить русских детей русскими», способствовали педагогические издания, выходившие в русском зарубежье в 1920–1930-е гг.

К педагогическим изданиям мы относим как собственно педагогические (специализированные периодические и непериодические издания, целиком посвященные социально-педагогическим, психологическим и методическим вопросам организации образования русских детей, содержательному наполнению образовательно-воспитательного процесса, а также проблемам русских учителей в эмиграции), да и издания общего характера, способствовавшие эффективному национальному воспитанию (детская литература и произведения русской классики, детские и молодежные журналы, на страницах которых печатались рассказы о России, стихи и т.д.).

В целом среди педагогических изданий русского зарубежья можно выделить несколько видов:

- педагогические журналы («Русская школа за рубежом», «Русская школа»);
- издания учительских организаций в разных странах;
- книги по педагогике;
- издания русских учебных заведений;
- учебники и учебно-методическая литература для средних и высших учебных заведений;
- религиозно-педагогические издания;
- журналы детских и юношеских организаций, студенческие журналы;
- детская литература (детские журналы, сказки).

Таким образом, педагогические издания русского зарубежья 20–40-х г. XX в. — это достаточно большой массив книг и журналов, отразивших актуальные вопросы воспитания и образования в условиях эмиграции первой волны. Российская эмиграция должна была адаптироваться к новым условиям, т.е. создавать русскую школу за рубежом, определять ее статус и финансирование, разрабатывать цели, задачи, содержание образования, которые бы отвечали национальным традициям воспитания детей и молодежи, подготовки учительства. Решения данных проблем освещала на своих страницах педагогическая пресса. Необходимость издания педагогической периодики обуславливалась также практической и теоретической потребностью русских ученых, учительства и студенчества в педагогической литературе, дающей возможность ознакомиться с новейшими течениями и достижениями современной педагогической мысли, передачи своих достижений и опыта⁵. Огромную роль в этом сыграла педагогическая печать,

⁵ См.: Очерки истории образования и педагогической мысли Российского Зарубежья (20–50-е гг. XX в.) / Под. ред. О.Е. Осовского. Саранск, 2000. С. 46.

активно формировавшая образовательное, социальное и культурное пространство русского зарубежья.

Система педагогической периодической печати в русском зарубежье включала в себя общеэмигрантские издания, для которых вопросы просвещения были лишь одним из аспектов деятельности («Путь эмигранта», «Родина», «Родная старина» и др.), чисто педагогические, занимавшиеся координацией педагогической деятельности во всей диаспоре в целом («Русская школа», «Вестник педагогического бюро» и др.), а также издания русского учительства, академических организаций и групп, студенческих союзов («Вестник Союза русских педагогов в Королевстве СХС», «Студенческие годы», «Вестник русского студенческого христианского движения» и др.).

Наибольший интерес для развития образования и педагогической мысли русского зарубежья представляют специализированные педагогические журналы и издания общественно-педагогических организаций, союзов, насчитывающие более 25 названий, из которых 17 издавались в Восточной Европе, в частности в Чехословакии, правительство которой не просто позволило представителям русской эмиграции обустроиться после долгих беженских скитаний, найти работу, получить образование, но и способствовало созданию условий и возможностей для сохранения национального самосознания и родной культуры.

Ведущим печатным органом русских педагогов в эмиграции был журнал «Русская школа за рубежом». Журнал был создан в 1923 г. и издавался до 1931 г., выходил один раз в квартал отдельными книгами объемом до 14 печатных листов в количестве 1000 экземпляров каждая, всего было издано 34 номера. Редакционная коллегия журнала была представлена выдающимися российскими учеными, мыслителями и педагогами. Так, книги 1–24 (1923–1926/1927) выходили под редакцией С.И. Гессена, С.И. Карцевского, В.А. Ригана (ответственный редактор К.И. Шульц); книга 25 (1927/1928) — под редакцией С.И. Гессена, С.И. Карцевского, Н.Ф. Новожилова Д.М. Соколькова; книга 26–27 (1927/1928) — под редакцией С.И. Гессена, С.И. Карцевского, Н.Ф. Новожилова, В.В. Руднева, Д.М. Соколькова; книги 28–34 (1928–1931) — те же и Ю.Д. Новоселов. Начиная с первых номеров, журнал ставил своей целью освещать жизнь русской школы как в эмиграции и лимитрофных государствах, так и в Советской России и вместе с тем следить за новейшими течениями педагогики в Западной Европе и Америке.

В журнале были представлены следующие постоянные рубрики: 1) общая педагогика; 2) народное просвещение в СССР; 3) русская зарубежная школа; 4) народное просвещение в Западной Европе и Америке; 5) вопро-

сы методики; 6) библиография (обзор педагогических журналов, русские и иностранные книги для чтения детей и юношества, методики и учебники); 7) хроника (советская, зарубежная, иностранная). Эта структура была выдержана во всех 34 номерах «Русской школы за рубежом». Журнал распространялся по подписке как среди учебных заведений, так и среди отдельных читателей — всех тех, кому были небезразличны судьбы детей в эмиграции. Несмотря на сложные отношения в стане русской эмиграции, издание сумело завоевать всеобщее признание. Почти все органы русской заграничной периодической печати разных направлений («Последние новости», «Дни», «Сегодня», «За свободу», «Современные записки», «Воля России» и др.) помещали на своих страницах благожелательные о нем отзывы, многие статьи перепечатывались затем на чешском, сербском, немецком, итальянском и других языках⁶.

Традиции «Русской школы за рубежом» были продолжены научно-педагогическим журналом «Русская школа» (1934–1940). Издание стремилось поддерживать высокий научный уровень своего предшественника, «быть средоточием напряженной педагогической работы». Своей основной целью журнал считал содействие педагогическому творчеству педагогов в эмиграции через создание возможностей для общей работы и взаимной духовной помощи. Для достижения этой цели редакцией была организована работа с читателями, был создан постоянный отдел «Из педагогической жизни». Журнал стал площадкой обсуждения наиболее важных вопросов педагогической жизни 1930–1940-х гг. На страницах издания помещались «статьи о педагогическом опыте учителей, их творческих положительных достижениях, о нуждах — материальных и духовных»⁷. В сравнении с «Русской школой за рубежом», новый журнал носил более научно-педагогический характер. Он начал издаваться как «толстый» журнал (64 стр.), но под натиском финансовых и организационных трудностей постепенно был вынужден сокращать объем, и к 1939 г. представлял собой 18-страничное издание, а затем и вовсе прекратил свое существование. Всего было издано 12 номеров.

Не менее значительную роль в формировании культурно-образовательного пространства русского зарубежья играли издания учительских организаций, и прежде всего «Бюллетень педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей» (1923–1931). История его создания начинается с мая 1923 г., когда, решая задачу ознакомления самых широких кругов с результатами работы I Съезда деятелей по делам средней

⁶ Седова Е.Е. Журнал «Русская школа за рубежом в социокультурном и образовательном пространстве Русского Зарубежья // Русская школа за рубежом» (Прага, 1923–1931. № 1–34): указатель содержания / Сост. Е.В. Короткова. СПб., 2009. С. 7–30.

⁷ От редакции // Русская школа (Прага). 1934. № 1. С. 2.

и низшей русской школы за границей, Педагогическое бюро приступило к публикации первого номера своего издания. Первоначально в бюллетене печатались перечень и тезисы заслушанных докладов, а также принятые резолюции. В дальнейшем из издания, предполагающего публикацию материалов съездов, «Бюллетень» перерос в педагогический журнал, освещающий широкий круг вопросов. В 1923–1927 гг. в Праге вышло 11 номеров данного издания. С 1927 г., в связи с переносом правления Бюро в Париж, название журнала изменилось на «Вестник Педагогического бюро», а затем на «Вестник Педагогического бюро и Объединения русских учительских организаций за границей», издававшийся до 1931 г. два раза в месяц — 1-го и 15-го числа, за исключением летних месяцев, по 15–20 номеров в год.

Отдельными изданиями Педагогическое бюро выпускало материалы педагогических съездов и наиболее важные доклады, звучащие на них.

Еще одним информационным изданием Бюро являлся еженедельный «Информационный бюллетень Педагогического бюро», который начал выходить в 1926 г. Основным его содержанием был анализ образовательной теории и практики в Советской России; он являлся своего рода дайджестом выпускаемых в СССР постановлений, книг, журналов, а также давал анализ происходящих изменений в системе образования и воспитания, положения учителей в Советской России.

Среди других изданий учительских организаций можно привести, например, регулярно издаваемый «Отчет о деятельности правления Союза русских учителей по делам низшей и средней школы в Чехии», официальный орган союза русских учителей в Словакии — газету «Русская школа», «Известия Комиссии по делам детского чтения» и др. Все они помогали координировать образовательно-воспитательную деятельность русских школ в Европе, обмениваться опытом и совместно искать решение непростых проблем.

Издания русских средних учебных заведений — это прежде всего отчеты и юбилейные издания, которые стали для нас бесценным источником материала по разным вопросам. Наиболее полными являются отчеты чешских учебных заведений — гимназий в Моравской Тршебове (1923–1935) и Праге (1923–1939), школ в Польше, Латвии, Франции. Содержание подобных отчетов — это полные списки учащихся и преподавателей, подробные программы обучения, списки используемых учебников, описание материальной базы учебных заведений, особенностей воспитательной работы и т.д. В юбилейных изданиях подробно излагалась история учебного заведения, печатались фотографии, приводились воспоминания выпускников.

Издательскую деятельность осуществляли русские высшие учебные заведения, научные институты и народные университеты. Они выпускали

ученые записки, вестники, бюллетени и т.п. периодические издания. Студенческое движение — союзы, ассоциации, группы — имели возможность выражать свои позиции в собственных периодических изданиях. Среди них «Информационный бюллетень Объединения русских эмигрантских студенческих организаций» (Прага, 1923–1924), журналы «Студент» (Прага, 1921–1922), «Студенческие годы» (Прага, 1922–1925), «Студенческий вестник» (Прага, 1923–1931), «Молодая Россия» (Берлин, 1922) и др. Так, например, журнал «Студент», орган культурно-просветительный и информационный, выпускался в Праге 1921–1922 гг. Союзом русских студентов в Чехословакии и издавался Объединением русских эмигрантских студенческих организаций. Ответственный редактор Е. Ланской выпустил в свет 3 номера. В 1922–1925 гг. журнал носил название «Студенческие годы», а в 1926 г. изменился на «Годы». С названием журнала менялся и подзаголовок. В разные годы в редколлегию журнала входили А.А. Валентинов-Ланге, С.А. Водов, К.К. Цегоев, М.С. Ильяшевич, В.И. Власьев, А.А. Воеводин, Б.Н. Неандр, Н.В. Быстров, В.А. Лазаревский, Г.Е. Флорианский, И.А. Черкесов⁸. В журнале уделялось внимание материалам по истории эмигрантского студенчества, защите культурных, национальных, научных, правовых и материальных интересов студенчества, а также помещалась информация о съездах русских ученых и студенчества.

Непериодические, книжные издания по педагогике представлены не так многочисленно, однако среди них есть те, что вошли в золотой фонд мировой педагогики. Прежде всего это работы С.И. Гессена, В.В. Руднева, В.В. Зеньковского и др.

Все русские учебные заведения за рубежом нуждались в новых пособиях, поэтому в первые годы эмиграции как временная мера по ряду предметов были введены учебники Советской России. Но постепенно, по ряду причин политического и экономического характера, их поступление из СССР прекратилось, и в русском зарубежье стали переиздавать отечественные учебники и пособия. Данную ситуацию наглядно обрисовал А.С. Яценко: «Дети подрастают, их надо учить. И надо, чтобы они не потеряли связи с Россией, от которой они были оторваны еще слишком юными и не сложившимися. В разных пунктах изгнания, в Токио, в Шанхае, в Белграде, в Софии, в Париже и т.д. возникли в этом году русские гимназии. Спрос на учебники большой. Они требуются и в окраинные государства. Повсюду, где есть русские дети, их надо учить, пусть даже дома. И прошлый, 1919 год был тягостен для родителей, бесплодно разыскивающих в книжных магазинах какой-нибудь завалившийся задачник Шапошникова, алгебру Киселева,

⁸ См.: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. М., 1999. С. 195.

геометрию Давыдова или физику Краевича. Теперь эта потребность до некоторой степени удовлетворена и наиболее необходимые учебники гимназического курса переизданы за границей»⁹.

Уже в 1920-е гг. в эмиграции были созданы свои издательские центры: «Слово», «Знание», «З. Гржебин», «Русская книга» (Берлин), «YMCA-Press», «Пламя», «Задруга» (Прага), «Спес» (Париж), «Вальтерс и Рапа» (Рига), «Северные огни» (Стокгольм) и др., благодаря которым было выпущено много учебной литературы как русских дореволюционных, так и эмигрантских и зарубежных авторов.

К середине 1920-х — началу 1930-х гг. в русском зарубежье были изданы учебники и методические материалы, предназначенные специально для обучения детей в эмиграции: по литературе — А. Селунского (Рига), А. Элиасберга (Мюнхен); по истории — Е. Акинфиевой (Берлин), П.М. Бицилли (София), Р.Ю. Виппера (Рига), Л.М. Сухотина (Белград), Е.Ф. Шмурло (Прага); по русскому языку — С.И. Карцевского (Прага), С.В. Кузнецова (Харбин), Н.К. Кульмана (Париж); по географии — К.М. Книповича (Берлин), С.И. Метальникова (Париж), Ю.Д. Новоселова (Рига); по математике и геометрии — Д.Л. Волковского (Рига), Н.П. Слетова (Рига); по астрономии — В.В. Стратонова (Прага); по физике — С.Ф. Балдина (Прага) и др. Так как в учебных планах русских гимназий отводились часы на изучение культуры и языка страны проживания, как того требовало местное правительство, то стали издаваться специальные пособия: история чешской литературы К. Новака и Я. Якубеца, учебник по китайскому языку С.Н. Усова, учебник географии европейских государств А.П. Калитинского и И.В. Богдановича.

Издательство «ИМКА-Пресс» («YMCA-Press»), основанное в Праге в 1921 г. и существующее до настоящего времени, особое внимание уделяло религиозному и культурному воспитанию подрастающего поколения и ставило главной задачей распространение русской культуры. За первые 35 лет своего существования (в 1921–1955 гг.) оно выпустило свыше 400 наименований книг (общим тиражом 126 342 экземпляра), а также брошюры, журналы и периодические сборники¹⁰. Широкая специализация издательства позволяла выпускать литературу для широкого круга читателей: учебная литература, историко-критические труды, мемуарная литература, богословские книги, труды Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, получившие мировое значение. В область интересов издательства входила и детская литература для начальной школы:

⁹ Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). С. 6.

¹⁰ См.: Miller M.L. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Plymouth, UK, 2013. P. 191.

буквари, сказки, учебная литература по языкам, математике, естествоведению и спорту, а также учебники для средних и высших технических школ по математике, геодезии, технологии, сельскому хозяйству. Особой заслугой издательства стало издание учебного пособия по Закону Божию в трех ступенях для младшего, среднего и старшего возрастов, являющееся результатом коллективного труда нескольких авторов, — «Первая книга по Закону Божьему» (Париж, 1932).

Православное воспитание рассматривалось в русском зарубежье как одно из самых действенных средств национального самосохранения, поэтому не случайно разработка методов религиозного воспитания становится приоритетной. Здесь ведущее место принадлежит В.В. Зеньковскому, Его наследие строилось как целостное понимание целей, форм, задач национального воспитания и образования на основе православия, идея которого является интегративной, глубоко пронизывающей все его творчество. Главную цель национального воспитания Зеньковский видел в посвящении всех сил служению Родине и в подготовке к этому служению. Универсальной ценностью русской школы мыслитель считал православие, потому что только оно обеспечивало подлинную свободу личности, делало возможной насыщенную духовную жизнь, непрекращающееся нравственное становление. В Париже активно работали Высшие Православные Богословские курсы, с 1925 г. — Свято-Сергиевский Православный Богословский институт, Богословский институт св. Владимира был создан в 1932 г. в Харбине на основе богословско-пастырских курсов. При парижском институте действовал Религиозно-педагогический кабинет, который с 1934 по 1939 г. также издавал «Бюллетень».

Студенческие и ученические журналы, журналы для детей, а также издания детской и классической литературы, не являясь в прямом смысле педагогическими изданиями, вместе с тем служили действенными средствами национального воспитания на чужбине.

Издательская деятельность в области образования в русском зарубежье первой волны занимала одно из центральных мест. А.С. Яценко, размышляя о русской книге в эмиграции, выделял несколько ведущих линий в развитии русского книгопечатания за границей: эмигрантская пресса, русская классическая литература, издание русских учебников, детская литература (детские журналы, сказки, книги русских классиков для детей и др.), поэтические сборники. Ученый отводил большую роль изданию учебных пособий, книг для детей, отмечая, что «мы оглядываемся назад, всего на одно поколение наших отцов, на все эти сокровища, созданные на том изумительном языке, что сплотил нас всех ... в единое органическое целое. И мы чувствуем, что мы — русские, русскими хотим остаться и русскими умереть,

что бы ни случилось и куда бы нас ни загнала судьба. И наши дети пусть будут русскими, хотя бы им пришлось жить вдали от России сто лет»¹¹. Эта проблема сохраняла свою актуальность и в 1930–1940-е гг., когда в среде русской эмиграции начало подрастать новое поколение, уже родившиеся на чужбине.

Таким образом, созданный в эмиграции огромный пласт педагогической литературы

стал средством объединения образовательного пространства в русском зарубежье и сыграл решающую роль в процессе предотвращения денационализации русских детей в эмиграции;

служит бесценным фактологическим источником для изучения эмиграции первой волны;

имеет очень глубокое научное содержательное наполнение, которое при внешней «бедности» педагогических изданий рассматриваемого периода позволяет, с одной стороны, сохранить преемственность традиций русской дореволюционной педагогики, а с другой — вписать педагогику эмиграции в общемировые процессы. Идеи эмигрантской педагогики совершенно не утратили актуальности и в наши дни. А с учетом современных реалий — становятся все актуальней.

¹¹ Яценко А.С. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга (Берлин). 1921. № 1. С. 5.

А. д'Амелия

Русские художники — сотрудники итальянских периодических изданий

Аннотация: В статье анализируется сотрудничество представителей русской культурной элиты (Павел Муратов, Георгий Лукомский, Николай Бенуа и Эдита Цур-Мюлен) с итальянскими художественными издательствами.

Annotation: The article analyzes the cooperation of representatives of Russian cultural elite (Pavel Muratov, Georgij Lukomski, Nicholas Benois and Edita von zur Mühlen) with Italian art publishers.

Ключевые слова: русские художники в Италии, диалог русской и итальянской культур, итальянские арт-журналы, Павел Муратов, Георгий Лукомский, Николай Бенуа, Эдита Цур-Мюлен.

Key words: Russian artists in Italy, dialogue of Russian and Italian cultures, Italian art journals, Pavel Muratov, Georgij Lukomsky, Nicholas Benois, Edita von zur Mühlen.

Недавние архивные изыскания вскрыли совершенно новые «пласты» русского зарубежья в Италии: обнаружилось как многие имена и биографии русских деятелей, так и многочисленные моменты плодотворного диалога русской и итальянской культур. Процесс вхождения русской интеллигенции в культурное пространство Италии — в политические, литературные, художественные и театральные круги — выдвинул на авансцену выдающихся политиков, ученых, писателей и художников. Соприкасаясь с итальянской интеллектуальной элитой, прибывшие русские интегрировались в новый контекст, нередко обогащая «чужую» культуру своей творческой энергией и плодотворным опытом.

Изучение культурных антреприз «русской Италии» выявило многочисленные моменты интенсивного диалога и неожиданного симбиоза двух культур. Особенно многочисленными в итальянской колонии оказались художники и театральные деятели (графики и иллюстраторы, хореографы и сценографы, актеры и режиссеры), которые избрали Италию как страну древних художественных традиций, как благоприятную среду для продолжения своей работы. Часть из них окончательно обосновались в Италии: театральные режиссеры Татьяна Павлова и Петр Шаров; сценограф Николай Бенуа; архитектор Андрей Белобородов; скульптор Павел Трубецкой; художник театра и кино Борис Билинский; художники Иван Карпов, Алексей Исупов, Григорий Шилтян, Петр Безродный, Борис и Инна Зуевы, Николай Лохов и многие другие. Для некоторых художников пре-

бывание в Италии совпало с насыщенным и ярким творческим периодом, например для таких, как художники и сценографы Евгений и Леонид Берманы; скульптор Екатерина Барянская; акварелист и график Борис Григорьев; гравер Федор Бренсон; художник, сценограф и мемуарист Юрий Анненков.

В Италии русская община не оказалась в изоляции подобно «озеру среди берегов» (так описывает первую волну русских эмигрантов в Берлине В.Б. Шкловский), а естественным образом влилась в русло итальянской культуры. Отсутствие в Италии русских школ, издательств и периодических изданий, предназначенных для русской диаспоры, способствовало ассимиляции русских беженцев, слиянию их с итальянскими интеллектуальными кругами, взаимопроникновению русской и итальянской культур, плодотворному развитию отношений представителей русской диаспоры с итальянскими художниками.

Следует иметь в виду, что начало XX века было, в целом, временем активного международного общения в сфере искусства¹. Огромную роль здесь играли как выставки, на которых экспонировались зарубежные мастера, так и периодические художественные издания. В годы после Первой мировой войны, отмеченные кризисом авангарда, в Италии во всех областях знаний велась напряженная дискуссия о новом художественном языке и новых стилистических формах. В этом контексте именно арт-журналы² пытались решить насущные проблемы искусства и определить роль художника в современном мире. Они стали важнейшим аккумулятором новых идей, стремились ознакомить читателей с европейскими поисками и установить диалектические взаимоотношения между возвращением к классической традиции и новаторством. Анализ итальянских художественных журналов³ выявляет продолжительное сотрудничество русских и итальянских художников, их общее стремление к переосмыслению классической традиции, к приятию предложенных ею формальных категорий гармонии и уравновешенности.

¹ См.: *Сарабянов Д. В.* Россия и Запад. Историко-художественные связи. XVIII — начало XX века. М., 2003. С. 257–261.

² Среди итальянских художественных журналов, которые интенсивно обращались к русскому искусству, стоит упомянуть двухнедельный журнал «Лачерба» («Lacerba»), основанный во Флоренции в 1913 г. Джованни Папини и Арденго Соффичи и популяризовавший все явления искусства; ежемесечник «Обзор старого и современного искусства» («Rassegna d'arte antica e moderna»), выходивший в Милане с 1914 по 1922 г. и публиковавший статьи о русском искусстве на международных выставках в Венеции; а также журнал «Мы» («Noi»), основанный в 1917 г. художником Энрико Прампolini, поставившим задачу объединить различные теоретические искания европейского искусства.

³ В них особенный интерес представляют обзоры иностранных выставок, международных арт-журналов, рецензии и сообщения о новых европейских публикациях в области искусства.

В этой работе мы сосредоточим внимание на тех представителях русской художественной культуры, которые активно сотрудничали в Италии с художественными издательствами. Среди них наиболее плодовитыми несомненно были Павел Муратов, Георгий Лукомский, Николай Бенуа и Эдита Цур-Мюлен.

Автор знаменитых «Образов Италии», постоянный сотрудник русских художественных журналов («Золотое руно», «Весы», «Аполлон» и «Старые годы») и сотрудник Игоря Грабаря в подготовке и издании многотомной «Истории русского искусства», П. П. Муратов был большим знатоком и русской, и итальянской культур. Идея их диалога легла в основу созданного им и его сподвижниками весной 1918 г. в Москве Института итальянской культуры — «Lo Studio Italiano»⁴. Его первоначальной целью было не только изучать итальянскую культуру и осуществлять научный обмен, но и посредством лекций, курсов, концертов и выставок знакомить русскую интеллигенцию с итальянской культурой и, в свою очередь, итальянскую гуманитарную интеллигенцию с русской культурой, для чего предполагалось создание филиалов института во Флоренции и Риме. Последняя часть программы не была осуществлена в рамках этого начинания, а сам институт в 1923 г. был ликвидирован. Однако характерная для этого времени интенция сближения и интеграции этих двух культур нашла свою реализацию.

В ноябре 1923 г. Муратов приехал из Берлина в Рим по приглашению Этторе Ло Гатто и жил в Риме до окончательного переезда во Францию в 1928 г. Поводом приезда был цикл лекций, организованный по инициативе Ло Гатто в Институте Восточной Европы, в котором Муратов выступил с докладом «Открытия древнего русского искусства». Вместе с докладами о русской культуре также приглашенных на эту конференцию Н. А. Бердяева, Б. К. Зайцева, Б. П. Вышеславцева и М. А. Осоргина его статья была напечатана в 1923 г. в журнале «Россия» (Russia)⁵, первом итальянском периодическом издании, целиком посвященном литературе, истории и философии России, издававшемся Ло Гатто с 1920 по 1926 г. Главной задачей журнала было именно содействие сближению итальянской и русской культур без политических предрассудков, через ознакомление с важнейшими событиями русской культуры. С Ло Гатто, подвижником и основателем русистики в Ита-

⁴ О деятельности и сотрудниках «Lo Studio Italiano» см.: *Petracchi G.* Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia, 1861–1941. Roma, 1993. P. 225–235; *Rizzi D.* Lettere di Boris Jakovenko a Odoardo Campa (1921–1941) // Русско-итальянский архив. Trento, 1997. P. 385–403; *Леонтьев Я.* У них была общая любовь — Италия // Россия и Италия / Редкол.: Н. П. Кололова и др. М., 2000. Вып. 4: Встреча культур. С. 215–226; *Accattoli A.* Lo studio italiano a Mosca (1918–1923) nei documenti dell'Archivio Storico-diplomatico del Ministero degli Affari Esteri italiano // Europa Orientalis. Salerno, 2013. № XXXII. P. 193–213.

⁵ *L'idea religiosa russa. Conferenze di russi sulla Russia a Roma* // Russia. 1923. № 3-4. P. 516–520.

лии, сотрудничали как русские интеллектуалы, так и первые представители итальянской русистики: Джованни Мавер, Андреа Каффи, Энрико Дамиани, Ольга Ресневич-Синьорелли, Аурелио Пальмиери и многие другие.

В журнале «Russia» впервые в Италии были опубликованы статьи русских ученых, критиков и писателей (часто в переводе самого Ло Гатто⁶). Например, художник неогуманист Филипп Гозиасон, живший в 1920-е гг. во Флоренции, опубликовал статью «О русской живописи» («Sulla pittura russa»), в которой акцентировал отличительные черты русского искусства, идущего от византийских канонов и традиций⁷, а историк Евгений Шмурло посвятил статью культуре Древней Руси, выявляя значение и влияние христианского искусства в русской архитектуре и живописи⁸.

Благодаря субсидии, полученной от итальянского Комитета поддержки русской интеллигенции (основан в 1922 г. Умберто Дзанотти-Бьянко), Муратов остался в Италии и смог завершить свои исследования в области Неаполитанской художественной школы XVII–XVIII веков. В журнале «Россия» он опубликовал также свои размышления о влиянии революционных событий на современное русское искусство («*L'arte russa contemporanea*») и статью о древнерусской живописи («*La scoperta dell'arte russa antica*»)⁹.

В 1920-е гг. имя Муратова на страницах итальянских периодических изданий — не редкость: его тесные отношения с представителями итальянской культуры находят отражение в публикации двух глав из «Образов Италии» в журнале «Двадцатый век. Тетради Италии и Европы» («900. Cahiers d'Italie et d'Europe»), основанном в 1926 г. в Риме писателем Массимо Бонтемпелли¹⁰. Кроме того, Муратов опубликовал два рассказа из книги «Эгерия» — «Вергилий в корзине» (в переводе Ло Гатто) в ежемесячном журнале «Дельта» («Delta»)¹¹ и «Валькирия» (в переводе Джакомо Прамполини) в еженедельнике «Литературная ярмарка» («*La fiera letteraria*»)¹². Впоследствии в конце 1920-х гг. были также изданы несколько

⁶ Личное знакомство Э. Ло Гатто с М. Горьким способствовало публикации в выпусках журнала 1924, 1925 и 1926 гг. рассказов начинающих русских писателей (Льва Лунца, Михаила Зощенко, Всеволода Иванова, Виктора Шкловского, Михаила Слонимского, Исаака Бабеля, Лидии Сейфуллиной, Леонида Леонова), о которых Ло Гатто писал, откликаясь и на их произведения, публиковавшиеся в России.

⁷ См.: *Hosiasson F.* Sulla pittura russa // *Russia*. 1920. № 3. P. 233–236.

⁸ См.: *Sc'murlo Eugenio.* Cultura e civiltà nella Russia antica // *Ibid.* 1923. № 1. P. 5–29.

⁹ См.: *Muratov P.* L'arte russa contemporanea // *Ibid.* 1924. № 2. P. 81–96 (в переводе А. Каффи); *idem.* La scoperta dell'arte russa antica // *Ibid.* 1923. № 2. P. 208–231 (в переводе Э. Ло Гатто).

¹⁰ См.: *Mouratoff P.* L'accento di Venezia // 900. Cahiers d'Italie et d'Europe. 1929. № 1. P. 14–18; *idem.* Images d'Italie: Eau Fortes de Canaletto // *Ibid.* 1926. № 1. P. 161–172.

¹¹ См.: *Muratov P.* Virgilio in una cesta // *Delta*. 1923. № 5. P. 168–170.

¹² См.: *Muratov P.* La valchiria // *La fiera letteraria*. 1926. 21 febbraio. P. 5.

его книг: в издательстве А. Сток-Пламя — книга «Старорусская живопись» («La pittura russa antica»), в миланском издании Галереи Пезаро — книга о гравере и иллюстраторе Федоре Бренсоне («Teodoro Brenson») и в издании журнала «Пластические ценности» книги о византийской живописи («La pittura bizantina») и об итальянском художнике эпохи Раннего Возрождения Беато Анджелико («Frate Angelico»)¹³. Муратов был несомненно одним из самых ярких и активных персонажей на русско-итальянской культурной арене.

Столь же плодотворным было присутствие в итальянских изданиях историка архитектуры и художника Георгия Лукомского, который сотрудничал в журналах «Комедия» («Comoedia»)¹⁴, «Дедало» («Dedalo»), «Эмпориум» («Emporium») и «Анализ» («L'esame»), предоставляя статьи и рецензии о русском искусстве, о театре, об архитектуре. Значение итальянского искусства в России было им проанализировано в статье «Итальянская живопись в киевском музее им. Ханенко», в которой критик перечисляет и анализирует произведения Джотто, Симоне Мартини, Мантеньи, Лоренцо Лотто, Тьеполо и многих других (1924)¹⁵. В статье 1933 г. «Итальянская архитектура в России» он реконструирует приезд в Россию первых генуэзских архитекторов в VIII–IX вв. и оценивает их значение для русской архитектуры¹⁶.

Тематика статей Георгия Лукомского, написанных в Италии, очень разнообразна: он пишет о разрушении архитектуры Андреа Палладдио в Виченце¹⁷, о религиозном менталитете русского народа, сожалея о современном преследовании религии и ревизии культовых зданий¹⁸, знакомит итальянского читателя с постановками московских театров, подчеркивая инновации русских режиссеров и сценографов¹⁹. Своеобразным было также его сотрудничество в 1930-е гг. в популярном журнале «Россия. Очер-

¹³ См.: *Muratov P.* La pittura russa antica. Praga-Roma, 1925. 166 p.: ill.; *idem.* Teodoro Brenson. Milano, 1927. 21 p.: ill. (Odierna arte del bianco e nero; 11); *idem.* La pittura Bizantina. Roma, [1928]. 182 p.: ill.; *idem.* Frate Angelico. Roma, 1929. 98 p.: ill.

¹⁴ Особенно внимательно в то время журнал «Comoedia» следил и за работой новаторских русских сценографов и хореографов. В журнале регулярно появлялись статьи о русском театре и искусстве, среди которых следует назвать работы режиссера и теоретика театра Антона Джулио Брагальи: *Bragaglia A. G.* Avanguardia italiana e teatro russo // *Comoedia*. 1924. 15 dicembre. № 23–24. P. 5–8; *idem.* Un grande scenografo scomparso: Léon Bakst // *Ibid.* 1925. 15 gennaio. № 2. P. 57–59; *idem.* Dialogo con Ida Rubinstein // *Ibid.* 1 aprile. № 7. P. 371–372.

¹⁵ См.: *Lukomski G. K.* La pittura italiana nel museo Khanenko di Kief (con 4 riproduzioni) // *L'esame*. 1924. № 1. P. 77–84.

¹⁶ См.: *Lukomski G.* Architettura italiana in Russia // *Emporium*. 1933. № 459. P. 141–154; *idem.* Caratteristiche dell'arte russa // *Ibid.* 1924. № 349. P. 3–18.

¹⁷ См.: *Lukomski G.* Palladio in rovina // *Dedalo*. 1924–1925. № 2. P. 465.

¹⁸ См.: *Lukomski G.* Russia religiosa // *Emporium*. 1932. № 455. P. 296–308.

¹⁹ См.: *Lukomski G.* Correnti moderne nella messinscena nei teatri di Mosca // *Comoedia*. 1925. 1 marzo. № 5. P. 219–220.

ки популяризации русской истории и культуры» («Russia. Collana di scritti per la volgarizzazione della storia arte e civiltà russa»), издававшимся русско-итальянским журналистом Лино Каппуччио²⁰. В этом журнале Лукомский опубликовал две богато иллюстрированные статьи об «Александровском дворце в день отправки в ссылку императора Николая II», где подчеркивал архитектурное значение этой постройки и отмечал работу, предпринятую в Советской России по сохранению памятников старины²¹.

Лукомский был также постоянным сотрудником ежемесячного журнала «Эмпориум», наиболее значительного итальянского журнала по искусству, выходившего в Бергамо с 1895 по 1964 г., с весьма богатым иконографическим аппаратом. Задуманный по образцу английского издания «The Studio. An illustrated magazine of fine and applied art», появившегося в Лондоне в 1893 г., «Эмпориум» знакомил итальянского читателя с важнейшими европейскими художественными течениями, благодаря деятельности двух редакторов: космополитического критика искусства Витторио Пика (Pica; 1862, Неаполь — 1930, Милан), автора статей о П.П. Трубецком, К.А. Сомове и И.Э. Грабаре²², и специалиста по охране ломбардских музеев Уго Неббиа (Nebbia; псевдоним: Вирджинио Уго, 1880, Перуджа — 1965, Сори), внимательно следившего за русским искусством на венецианских биеннале²³. На страницах журнала были представлены материалы по литературе, живописи, музыке и кинематографии, рекламировались и рецензировались выставки, популяризировались достижения науки, декоративного искусства, моды и архитектуры. О русском искусстве здесь регулярно писали знаменитые итальянские критики Франческо Сапори²⁴, Умбро Аполлоньо²⁵,

²⁰ О журналисте Лино Каппуччио (Тресковском) см.: *De Michelis Cesare G. Lino Cappuccio, un caso russo-italiano // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940) / A cura di S. Garzonio e B. Sulpasso. Salerno, 2015. P. 23–30.*

²¹ См.: *Lukomski G.K. Al Palazzo Alessandro. Il giorno della partenza dell'Imperatore Nicola II per l'esilio // Russia. Collana di scritti per la volgarizzazione della storia arte e civiltà russa. 1933. № 2. 20 marzo. P. 22–31; 1933. № 3. 15 aprile. P. 14–25.*

²² См.: *Pica V. Paolo Troubetzkoy // Emporium. 1900. № 67. P. 3–19; idem. Konstantin Somoff // Ibid. 1908. № 159. P. 165–182; idem. Igor Grabar // Ibid. № 163. P. 3–16; idem. Decoratori (gli odierni) del libro in Russia // Ibid. 1916. № 256. P. 243–258.*

²³ См.: *Nebbia U. La XIV biennale veneziana — V. Russia, Spagna, Ungheria, altre nazioni // Emporium. 1924. № 357. P. 563–584; idem. La XV biennale veneziana. III. Gli stranieri // Ibid. 1926. № 379. P. 3–20; idem. La XVII Biennale di Venezia. IV. Gli stranieri // Ibid. 1930. № 430. P. 219–240; idem. La XVIII Biennale. Gli altri padiglioni: Olanda, Belgio, America, Spagna, Ungheria, Inghilterra, Francia, U.R.S.S. // Ibid. 1932. № 450. P. 409–432; idem. I padiglioni stranieri // Ibid. 1934. № 474. P. 390–397.*

²⁴ См.: *Sapori F. La XIII esposizione internazionale d'arte a Venezia. Gli stranieri // Emporium. 1922. № 332. P. 81–99.*

²⁵ См.: *Apollonio U. Cronache triestine. Trieste. Alessio Issupof // Emporium. 1935. № 483. P. 179.*

Винченцо Костантини²⁶ и Раффаэле Кальчини²⁷, — авторы эрудированных и прекрасно документированных аналитических статей о зарубежных мастерах.

В журнале «Эмпориум» Лукомский занимался проблемами итальянской и русской архитектуры и вопросами сценографии театральных спектаклей. Он опубликовал здесь также объемные и значительные статьи на близкие ему темы: о соотношении русской греческой и византийской архитектур, с пристальным вниманием к «русификации» иностранных мастеров²⁸; о религиозной составляющей архитектуры в России, об уничтожении культовых мест в Советской России и размещении в них музеев и сиротских приютов²⁹; об итальянской архитектуре в России в XV в. и о вкладе итальянских мастеров XVIII в. (в особенности Бартоломео Растрелли и Джакомо Кваренги) в русскую архитектуру³⁰. Изданные в Италии статьи Лукомского являются как бы подготовительным материалом для книг, которые автор издал впоследствии во Франции³¹.

Ряд монографий, явившихся важным вкладом Лукомского в изучение итальянской архитектуры и культуры, в 1920-е гг. были напечатаны в Италии: «Старая Виченца и памятники Андреа Палладио» («Vicenza antica e i suoi monumenti di Andrea Palladio»), изданная в 1924 г., и фундаментальное сочинение «Мастера классической архитектуры: от Витрувио до Скамоцци» («I Maestri della architettura classica: da Vitruvio allo Scamozzi»). Кроме того, им была написана книга «Церкви и монастыри Киева с XI по XVIII век» («Chiese e conventi dal XI al XVIII secolo di Kiev»), опубликованная в 1924 г. с предисловием С.К. Маковского и Н. Могилянского³².

Личность и художественная деятельность Николая Бенуа, ставшего с 1937 г. главным заведующим постановочной частью театра Ла Скала (в

²⁶ См.: *Costantini V. Troubetzkoy e Bernasconi // Emporium 1937. № 507. P. 163–164; idem. Un pittore russo, Bucci ed altri // Ibid. 1931. № 439. P. 44–59; idem. Kandinsky ed altri // Ibid. 1938. № 521. P. 277.*

²⁷ См.: *Calzini R. La XVI biennale di Venezia. Gli stranieri // Emporium. 1928. № 403. P. 3–23.*

²⁸ См.: *Lukomski G. Caratteristiche dell'arte russa // Emporium. 1924. № 349. P. 3–18.*

²⁹ См.: *Lukomski G. Russia religiosa // Emporium. 1932. № 455. P. 296–308.*

³⁰ См.: *Lukomski G. Architettura italiana in Russia // Emporium. 1933. № 459. P. 141–154.*

³¹ См.: *Lukomskij G. La Vie et les moeurs en Russie de Pierre le Grand à Lénine. Paris, 1928; idem. L'Art décoratif russe. Paris, 1928; idem. Les Russes. Paris, 1929; idem. La Ville sainte de Russie, Kiev, la mère des villes russes. Paris, 1929; idem. L'architecture religieuse russe du XIe siècle au XVIIe siècle. Paris, 1929.*

³² См.: *Lukomski G. Vicenza antica e i suoi monumenti di Andrea Palladio: esposizione di disegni per Lukomski / Pref. di Luigi Ongaro. Vicenza, 1923; idem. Chiese e conventi dal XI al XVIII secolo di Kiev / Prefazione di S. Makovski e N. Moghilanski. Milano, 1924 (Russia ignota; 1); idem. I Maestri della architettura classica: da Vitruvio allo Scamozzi / Traduzione a cura di Lino Cappuccio. Milano, 1933. О последней книге содержательную рецензию написал искусствовед Джузеппе Фиокко: *Fiocco G. G. K. Lukomski. I Maestri dell'architettura classica, con 350 illustrazioni. Milano, 1933 // Pan. Rassegna di lettere, arte e musica. 1933. № 1. P. 151–153.**

его оформлении было поставлено свыше 130 спектаклей), отражается в опубликованных им в итальянской периодике статьях, где обсуждается искусство постановки и работа художника-постановщика³³. В них Бенуа настаивает на новой концепции сценографии, на новом подходе к созданию костюмов и декораций (в то время принято было брать костюмы напрокат, и они зачастую не соответствовали требованиям сцены), на единстве стиля всех составляющих спектакль элементов, заостряя внимание на культуре и стиле разных эпох. В 1939 г. он предложил создать пошивочную мастерскую при театре Ла Скала, чтобы костюмы шились специально к спектаклям и в соответствии с декорациями. Кроме того, Н. Бенуа считал, что сценограф, как создатель постановки, должен усердно заниматься и стать специалистом в различных областях, например в музыке, которая является важнейшей составляющей постановки. «Работа сценографа, — пишет он, — это фантазия, которая должна быть интимно связана с музыкой и выражать ее, но это и расчет, постоянное размышление над трансформацией музыки в образ в трехмерном пространстве»³⁴.

В годы своей деятельности в Ла Скала Николай Бенуа разделял с отцом профессиональные интересы и часто приглашал его сотрудничать с театром. Между 1947 и 1957 гг. Александр Бенуа работал здесь более чем над двадцатью оперными спектаклями. Некоторые статьи они написали вместе. Для итальянского театрального мира обе эти личности и их художественная деятельность были бесспорно значительными.

Остановлюсь еще на одной яркой, но менее известной русским исследователям фигуре итальянской художественной жизни. Это — приехавшая из Прибалтики в Рим в 1911 г. художник и график Эдита Цур-Мюлен, которая вместе с мужем, живописцем и коллекционером Марио Брoglio (Broglio; 1891–1948), основала в 1918 г. журнал «Пластические ценности» («*Valori plastici*»), который ставил своей задачей дать итальянской публике представление о современных направлениях и последних достижениях международного искусства. В 1919–1921 гг. «Пластические ценности» были

³³ См.: *Benois N., Marchioro G. Arte e tecnica nella messa in scena // Sapere. 1939. № 101. P. 175–179; Benois N. L'allestimento teatrale // Frette G. Scenografia teatrale. Milano, s.d. P. XIII–XV; Benois A. e N. Scenografia verdiana e allestimenti scaligeri del «Ballo in Maschera» / A cura di G. Cenozato // Verdi: Bollettino quadrimestrale dell'istituto di studi verdiani. Parma, 1960. Vol. 1, № 1 (Aprile). P. 90–108; Benois N. Nota sulla scenografia della Forza del destino // Ibid. 1966. T. II, № 6. P. 1749–1768; Benois N., Mantovani M. Messa in scena e macchinismi // La Scala. Milano, 1966. P. 337–346; Benois N. Riflessioni sulla regia dell'opera lirica, tratte da mezzo secolo di esperienza personale // Gavazzeni G. La forma dinamica dell'opera lirica. Regie del Teatro alla Scala 1947–1984. Milano, 1984. P. 22–29; Benois N. Il primato dello scenografo // I Benois del Teatro alla Scala. Mostra seconda. Milano, 1988. P. 213–215.*

³⁴ *Dorfles G. Aleksandr e Nicola Benois alla Scala // Ibid. P. 25.*

в Италии самым читаемым и популярным в кругах художественной публики журналом о современном искусстве.

Сосредоточив основное внимание на открытых старыми мастерами идеалах гармонии и кристальной чистоты, супруги Брольо старались акцентировать на новой философии искусства, в которой художник сам стал бы философом и критиком своей артистической деятельности. От других художественных журналов «Пластические ценности» отличало стремление к радикальному переосмыслению основ живописного творчества: на его страницах делалась попытка утвердить понимание искусства как возвращения к традициям, с опорой на культурное наследие Ренессанса и обновленный «классицизм». Душой журнала был Марио Брольо. «Брольо хорошо знал импрессионистов и маккьяйоли [группа итальянских художников, предшественников импрессионистов. — А. д'А.] и восхищался ими, — вспоминала Эдита в интервью 1973 г., — однако у этих художников исчезала форма, реальность казалось текучей. Брольо же стремился возродить ценность третьего измерения, чистоту формы, цвет-тело, из чего вытекало внимание к освещению и желание новыми глазами увидеть разные стороны реальности. Нужно было восстановить форму во всей ее полноте. Поэтому он начал интересоваться художниками... пытавшимися нащупать близкий ему подход к решению этих проблем... Де Кирико был художественной опорой группы, благодаря любви к форме, к объему, к пространству, увиденному во всей своей геометричности»³⁵. Хотя художникам, сплотившимся вокруг «Пластических ценностей», в целом была близка тяга к возрождению изобразительности, преобладавшей в те годы в Европе, журнал стал местом столкновения самых разных теорий, ареной яростной полемики между самими сотрудниками. Кроме того, для направления журнала был характерен и напряженный интерес к тому, что происходило в других странах (в частности, к французскому движению «Новый дух» и к голландскому направлению «Стиль»), желание завязать диалог между представителями различных художественных движений. Главным редактором журнала был сам Брольо; в числе сотрудников — Карло Карра, Джорджо Де Кирико и Альберто Савинио — три мастера, прошедшие через опыт метафизической живописи. В этой кузнице новых идей впервые в Италии были напечатаны статьи о русских зарубежных художниках, об Александре Архипенко³⁶, Алексее Явленском³⁷, Осипе Цадкине³⁸; здесь также появилась ста-

³⁵ См.: *Oriente S.* Il ritorno di «Valori Plastici» // *La Fiera Letteraria* (Roma). 1973. 14 gennaio. P. 5.

³⁶ См.: *Reynal M.* Sculture, pitture, sculture colorate e disegni di Alexander Archipenko // *Valori plastici*. 1919. № 11-12. P. 22-23; *George W.* Alexander Archipenko // *Ibid.* 1920. № 3-4. P. 43-45.

³⁷ См.: *Zahn L.* Alexei de Jawlensky // *Valori plastici*. 1920. № 7-8. P. 89-90.

³⁸ См.: *Reynal M.* Ossip Zadkine // *Valori plastici*. 1921. № 3. P. 68-70.

тья Василия Кандинского «Живопись как чистое творчество»³⁹, фрагменты из одноименной книги, вышедшей в Берлине в 1913 г.

Эдита Цур-Мюлен оригинально иллюстрировала многие выпуски журнала⁴⁰ и выступила в 1921 г. со статьей «Заметки о русском искусстве» («*Commenti sull'arte russa*»)⁴¹, в которой вовсе не сообщается (как можно было бы предположить) о последних художественных достижениях русской школы (супрематизме или конструктивизме), а представлены в сопоставлении творческие особенности только двух мастеров из России — Шагала и Архипенко. «В то время как Марк Шагал одновременно парит и падает в пропасть, в то время как он, с одной стороны, сатанински жаждет катастрофы, а с другой — призывает к воскрешению материи, очеловечивая ее, Александр Архипенко, наоборот, пытается определить новые парадигмы формального равновесия»⁴². Позднее издательство при журнале издаст монографию, посвященную Шагалу и Архипенко; и в этом начинании роль Эдиты Цур-Мюлен также была значительной: вместе с мужем в 1929–1931 гг. она основала (совместно с французским издательством «Флери») серию «Искусство и художники», в которой увидели свет шесть книг.

О последних римских годах жизни Эдиты Цур-Мюлен рассказал художник Серджио Чеккотти, познакомившийся с ней в 1973 г.: «Она жила в неприметном домике между Монте Верде и Казалетто, в квартире, где царил характерный славянский беспорядок: она сама открыла нам дверь — высокая, стройная женщина в брюках и свитере, с вполне уверенными движениями, светлые волосы с проседью подстрижены каре, с морщинистым лицом (единственным что выдавало ее возраст), на котором выделялись невероятные голубые глаза и в пропорциях которого еще можно было разглядеть следы былой нордической красоты. Она показала нам свои произведения... одно удивительнее другого: на фоне вечного итальянского пейзажа (как у художников кватроченто), в лишенной тени полуденной атмосфере, на первом плане были изображены огромные растения (то ли кактусы, то ли цветная капуста) или томные женщины, прядущие шерсть или занятые повседневными заботами: написано все необычайно ровно, с объемами,

³⁹ См.: *Kandinsky W. Pittura come arte pura // Valori plastici. 1920. № 1-2. P. 21–23.*

⁴⁰ Репродукции произведений Эдиты Цур-Мюлен были напечатаны в номере «*Valori plastici*» за июнь–октябрь 1919 г. и за февраль 1921 г. Один из ее рисунков украсил обложку этого выпуска.

⁴¹ *Commenti sull'arte russa // Valori plastici. 1921. № 1. P. 21–23.* О ее деятельности см.: *д'Амелия А. Из архивных разысканий: русская художница Эдита Брольо в Италии // Параболы: Studies in Russian Modernist Literature and Culture: In Honor of John E. Malmstad / Ed. by N. Bogomolov, L. Fleishman, A. Lavrov and F. Poljakov. Frankfurt am Main, 2011. P. 355–366.*

⁴² *Broglio E. Commenti sull'arte russa. P. 22.*

отточенными до предела, на фоне далеких розовых далей»⁴⁵. В 1974 г., когда ей было почти девяносто лет, благодаря Ольге Ресневич-Синьорелли⁴⁴, Эдита познакомилась с молодым поэтом и художником Жоржем де Канино (Georges de Canino), по совету которого начала писать статьи и воспоминания. Так родилась большая автобиографическая статья «Подводя итоги» («*Riassumo*»), в которой описаны этапы ее художественных поисков и итоги ее творческого союза с мужем⁴⁵. Кроме того, ею написана неопубликованная статья о нем («*Марио Брوليو*»), а также эссе «На пути из Витебска к целому свету» («*Da Vitebsk verso il mondo*»), в котором она рассказывает о родине Шагала и связи его творчества с еврейской культурой⁴⁶. После ее смерти были опубликованы мемуарные заметки «Как родился журнал “Пластические ценности”» («*L'esordio della rivista “Valori Plastici”*»)⁴⁷, и небольшая статья об Альберто Савинио — «В поисках Савинио» («*Alla ricerca di Savinio*»)⁴⁸. Квинтэссенция ее идей нашла выражение в следующем рассуждении из предисловия к переизданию статьи мужа «Куда идет современное искусство?» (1950). Художник, пишет она, «словно ремесленник, трудится, чтобы любовно изобразить объективную реальность природных вещей, самих по себе исполненных поэзией. Он идет по почти исчезнувшим следам традиции и по прошествии столетий заново обнаруживает принципы и законы, действовавшие в великом искусстве прошлого. Идя этим трудным путем, он открывает забытые художественные истины, те истины, которые до сих пор не были осмыслены: это — глубокий смысл подражания природе; ... основополагающее значение композиции; ... связь искусства с поэзией и религией»⁴⁹.

Издательская деятельность русских художников и искусствоведов не ограничивалась сотрудничеством в итальянских журналах. Стоит вспомнить гравера и иллюстратора Федора Бренсона, который учился в Риге, Санкт-Петербурге и Москве и приехал в Италию в 1924 г.⁵⁰ Он обосновался в

⁴⁵ Свидетельство Эдиты Брوليو. Написано от руки Серджио Чеккотти // Архив журнала «Пластические ценности».

⁴⁴ Подробнее о жизни и деятельности Ольги Ресневич-Синьорелли см.: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=200>.

⁴⁵ См. также: Edita Walterowna Broglio // Edita Broglio. *Catalogo della mostra*. Firenze, 1971. P. 13–14. См. также: Edita Walterowna Broglio. *Catalogo della mostra / A cura di G. Appella, M. Quesada, A.-M. Sauzeau Boetti*. Roma, 1991.

⁴⁶ См.: Broglio E. *Da Vitebsk verso il mondo* // *Realtà sovietica*. 1976. № 11. P. 46–49.

⁴⁷ См.: Broglio E. *L'esordio della rivista «Valori Plastici»* // *Strenna dei romanisti* (Roma). 1977. Agosto. P. 68–70.

⁴⁸ Запись сделана в феврале 1976 г., частично опубликована в каталоге «Alberto Savinio: *Catalogo della mostra*» (Roma, 1978. P. 15–17).

⁴⁹ Broglio M. *Dove va l'arte moderna?* Spoleto, 1950. P. 5.

⁵⁰ Подробнее о нем см.: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=344>.

Риме, где вошел в Римскую группу художников и граверов (Gruppo Romano Incisori Artisti) и вскоре стал известным пейзажистом. В Италии он опубликовал по-французски свои записи о путешествии на юг Италии «Путешествие по Апулии: заметки художника» («Voyage à travers la Pouille: notes d'un peintre»), его выразительные пейзажи были собраны в альбом «Зрелища Калабрии» («Visioni di Calabria») и выпущены итальянским издательством Валлекки⁵¹.

Определенный след оставил в итальянском искусстве художник армянского происхождения Григорий Шилтян, приехавший в Италию в 1923 г. Он входил в различные художественные группировки, выставлялся в Европе и на римской и нескольких венецианских биеннале. Его живопись проделала сложный путь от кубизма к магическому реализму: он был и иллюстратором, в частности иллюстрировавшим итальянское издание «Анны Карениной», и сценографом, оформлявшим оперу «Война и мир» С.С. Прокофьева во Флорентийском оперном театре и т.д. Будучи также автором нескольких книг⁵², он оставил увлекательные воспоминания «Мои приключения» («Mia avventura»), где описал свой долгий путь к успеху, свои злоключения во время русских военных событий и в итальянском мире искусства⁵³.

Свой вклад в историю итальянской прессы внес художник Евгений Густавович Берман, который в 1957 г. окончательно поселился в Риме, в палаццо Дория-Памфили, и стал коллекционером произведений этрусского искусства. Готовя в 1959 г. две свои персональные выставки (в галерее Обелиско и в галерее Сан-Марко), он написал «Записки для автопортрета» («Appunti per un autoritratto»), опубликованные в каталоге «Eugene Berman» (Roma, 1959). В авторском предисловии к каталогу второй персональной выставки приведены его слова: «Я чувствую себя итальянцем в том смысле, в каком Стендаль называл себя миланцем (предпочитаю, однако, воображать себя римлянином, венецианцем, виченцем или даже неаполитанцем). Как в некоторые моменты чувствовали себя итальянцами Моцарт, Байрон, Шелли и многие другие».

⁵¹ См.: *Brenson Th. Voyage à travers la Pouille: notes d'un peintre. Milano-Roma, 1928; idem. Visioni di Calabria. Cinquantadue disegni di Teodoro Brenson con una introduzione storico-artistica di Luigi Pargagliola. Firenze, 1929.*

⁵² Перу Г. Шилтяна принадлежат также теоретические книги, изданные в Италии в 1950–1980-е гг.: «Живопись действительности: эстетика и техника» (*Pittura della realtà: estetica e tecnica. Milano, 1956*), которая во многом перекликается с идеями Де Кирико в его книге «Трактат о живописном технике» (1928), а также монографии «Действительность Шилтяна» (*La realtà di Sciltian. Milano, 1969*); «Трактат о живописи: эстетика, техника» (*Trattato sulla pittura: Estetica, tecnica. Milano, 1981*).

⁵³ См.: *Sciltian G. Mia avventura. Milano, 1963.*

Назовем имя еще одного русского художника, который жил в Венеции с 1883 г. до самой смерти. Это Александр Николаевич Волков-Муромцов (псевдоним *Alexandre Roussoff*, 1844–1928). Он получил относительную известность как акварелист, автор венецианских пейзажей и одного из лучших и самых известных портретов актрисы Элеоноры Дузе. Однако мало кому он известен как критик искусства, автор зрелого размышления «Приблизительное в критике и истинный смысл подражания в искусстве»⁵⁴. Его же перу принадлежит книга, вышедшая после его смерти — «Импрессионизм в живописи и польза от выставок»⁵⁵. Этот текст может считаться духовным завещанием художника, который встает на защиту искусства, основанного на подражании природе, и вступает в спор с веяниями моды.

В заключение этого пунктирного описания намеченной мной темы хочется подчеркнуть, что, будучи сотрудниками итальянских журналов и издательств, активно участвуя в итальянском интеллектуальном и художественном процессе, русские художники, разделяя взгляды, мысли и стремления итальянских коллег, впитали и ассимилировали итальянскую культуру. Русское художественное зарубежье внесло не только большой вклад в изучение итальянского искусства, но, в определенной мере, сыграло роль катализатора в итальянском и — шире — западном искусстве, в выработке нового направления и художественного языка. Эти деятели искусства перенесли впитанную ими русскую культуру (древнюю, традиционную и авангардную) на чужую (в том числе и итальянскую) почву, активно содействуя новым поискам европейского искусства в период между двумя мировыми войнами.

⁵⁴ *Volkov-Muromtsev A.N.* L'a peu pres dans la critique et le vrai sens de l'imitation dans l'Art, sculpture, peinture. Bergamo, 1913.

⁵⁵ *Wolkoff A.* L'impressionismo nella pittura e l'utilità delle mostre (opera incompiuta) / A cura dei figli; traduzione di G. Cuchetti. Venezia, 1929.

В.В. Черемухин

«Будет сделано то, что ты сделаешь сам»: периодические органы Российского Имперского Союза-Ордена в эмиграции в 1920–1970-е гг.

Аннотация: В статье подробно анализируются особенности и реализация издательской деятельности Российского Имперского Союза-Ордена в 1920–1970-е гг. Объектом исследования статьи выступают внешний вид изданий, их оформление, обстоятельства появления соответствующих органов печати в разных частях света.

Annotation: The article analyzes in detail the features and implementation of the publishing activities of the Russian Imperial Union-Order in the 1920–1970s. The object of an article is the appearance of publications, their design, the circumstances of the issued press in different parts of the world.

Ключевые слова: Российский Имперский Союз-Орден, монархисты, легитимизм, эмиграция, периодическая печать.

Key words: Russian Imperial Union-Order, monarchists, legitimism, emigration, periodicals.

«Тогда не было атомных бомб и часто ставку на переворот в России делали на внешний толчок, могущий свалить ненавистную власть» — так в 1959 г. соратник-руководитель Н.К. Глобачев характеризовал условия создания Российского Имперского Союза-Ордена (далее — РИС-О). Это событие состоялось 8 октября 1929 г. в Париже в день Преподобного Сергия Радонежского всея России Чудотворца¹; примечательно, что именно в 86-ю годовщину основания организации данный доклад был прочитан на конференции.

Монархическая эмиграция остается малоисследованным элементом российской истории XX в., но уже в наше время приятно наблюдать за появлением первых трудов о деятельности российских монархистов в разных странах русского зарубежья. История РИС-О изучена в общих чертах, однако остается ряд малоисследованных аспектов. Один из них — издательская деятельность организации. Издания РИС-О в общем и целом описаны разными историками и публицистами. Мы же в этой статье хотим рассказать о изданиях, которые выходили из печати в 20–70-е гг. XX в., в период пика развития деятельности организации на поле русской эмигрантской жизни.

¹ См.: Глобачев Н.К. Путь к мечте // Юбилейный сборник Российского Имперского Союза-Ордена: 30 лет, 1929–1959 / Под ред. П.Н. Колтыпина. Париж, 1960. С. 4.

Первым и наиболее известным органом РИС-О стал «Временник Российского Имперского Союза», который издавался в Париже в 1930–1932 гг.² Редакцию данного издания осуществлял член организации, соратник-руководитель Н.В. Субботин. Адрес редакции «Временника» — 87, rue Olivier de Serres. Paris 15-е (вероятно, адрес проживания Н.В. Субботина). Петербургский историк П.Н. Базанов отмечает, что вышло два нумерованных выпуска данного органа и, по всей видимости, небольшим тиражом. Тем не менее один из номеров открывает перед нами не только идеологические и практические основы молодой организации, но и дополняет устав редакции 1930 г., т.е. на основе этого документа можно понять первую организационную структуру Союза-Ордена. Этот номер получил название «К Христианской Монархии. Временник Российского Имперского Союза», который был издан в октябре 1930 г. Будет уместно сказать, что данный журнал является библиографической редкостью. Автору удалось найти единственный экземпляр в Отделе литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (РГБ), переданный в дар от редакции издательства «Посев». Интересно, что наше обращение к действующему архиву РИС-О не оправдало ожиданий — в архиве организации оказались единичные экземпляры «Временника».

В субботу 25 июня 1932 г. в Париже состоялся выход нового органа организации и наиболее известного историкам — «Имперский клич». Первый номер открывался статьей главного редактора издания В.А. Мшанецкого, который обозначил основные контуры и цели нового органа организации. Редактор не строил иллюзий по поводу очередного эмигрантского издания, он был уверен, что «воспримет это событие радостно, с гордостью и энтузиазмом... дружная семья Имперцев»³. Данная газета появилась «среди непредрешенческого маразма с не столько белой, сколько серой эмигрантской прессы с засильем в ней угасших авторитетов и закостенелых политиков, не могущих осознать пробуждения нового мира», — заключает Мшанецкий в передовице. По-видимому, вполне очевидным объектом критики являлся П.Б. Струве и газета «Возрождение», которая выходила под его редакцией в 1925–1940 гг. (непосредственным редактором газеты П.Б. Струве был лишь в 1925–1927 гг.). Стоит напомнить, что политические взгляды П.Б. Струве прошли определенную эволюцию уже в русском зарубежье. Совершенно справедливо будет сказать, что он принадлежал к либеральным консерваторам еще со времен Российской империи, положительно относился к российской монархии, од-

² См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. С. 212.

³ Имперский клич (Париж). 1932. 25 июня.

нако близость к идеям октябристов ставила его идеи на реформистские позиции. Уже в Гражданскую войну и в эмиграции его позиции сместились в сторону непредрежденчества вместе с великим князем Николаем Николаевичем-младшим, как вспоминал о своем деде Н.А. Струве⁴, но общий вектор политического мировоззрения не изменился. Помимо П.Б. Струве и «Возрождения», объектами критики могли являться П.Н. Милюков и его «Последние новости» и др. общественные деятели и издаваемые ими органы. Отметим также, что в русском зарубежье идея непредреждения государственного строя, о которой говорит автор передовицы, была возможна лишь при активной деятельности ключевых лидеров борьбы с большевиками. В 1920-е гг. такие одиозные фигуры, как барон П.Н. Врангель, великий князь Николай Николаевич, скончались, остальные руководители (А.И. Деникин, Н.Н. Юденич и др.) Белого движения, за некоторым исключением, вовсе отошли от общественной деятельности. РИС-О со дня своего основания позиционировала себя как активистская, открыто монархическая организация, пореволюционная по характеру и сути. Таким образом, исключительно резкий выпад В.А. Мшанецкого против общего духа русской эмиграции был вполне обоснован с позиций организации и имел совершенно очевидных объектов критики. Отсюда и дальнейшие размышления Мшанецкого о том, что «мы хотим... *“пробуждения”, объединения молодых, смены...* [курсив автора. — В.Ч.] растворенной в аморфной, в незначительной мере опустившейся эмигрантской массе, смены, которой суждено совершить великое»⁵.

При этом не стоит упускать тот факт, что первые органы периодической печати РИС-О резко отрицательно относились к легитимистской идее. Этот важный аспект ознаменовал первое десятилетие деятельности организации, он трансформировался уже в 1939 г., когда РИС-О, наряду с большинством эмигрантских организаций, признал своим сюзереном Главу Российского Императорского Дома великого князя Владимира Кирилловича. До этого РИС-О выражал свои идеи следующей формулой: «Наша организация — Союз или Орден лиц, посвятивших свою активность служению Российскому государству и делу воссоздания монархии в России в тех формах, которые придает ей новейшая социальная политическая мысль»⁶. Не менее интересна и другая мысль, оставшаяся безымянной: «Монархом явится тот,

⁴ См.: Струве Н.А. Мой дед П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М.Г. Вандакковской, Н.А. Струве; подгот. текста, коммент., указатели А.Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 5.

⁵ Имперский клич (Париж) 1932. 25 июня.

⁶ Имперская мысль // К Христианской Монархии. Временник Российского Имперского Союза. 1930. С. 2.

кто в нужный момент сможет им быть, но заранее искусственно его не создавать. Наступит момент, своего Царя на плечах внесут монархисты»⁷.

Газета «Имперский клич» издавалась в 1932–1936 гг. Последовательно редакторами газеты являлись В.А. Мшанецкий (до 1935 г.)⁸ и Н.Н. Кикин (1935–1936). Оформлена газета была с использованием символики организации в виде герба и в сочетании с лозунгом. В 1936 г. «Имперский клич» перестал выходить, а уже с января 1937 г. его заменила «Имперская Россия» (1937–1939). Издано было не менее 10 номеров газеты: в 1937 г. № 1–4; в 1938 г. № 5–8 и в 1939 г. № 9–10. Редакцию данной газеты также осуществлял Н.Н. Кикин⁹. Интересно, что уже с первого номера издания меняется его подзаголовок: «Орган Российского социал-национального имперского движения», а со второго номера он становится следующим: «Орган Российской социальной и национальной имперской мысли». Историк П.Н. Базанов объясняет переименование усилением фашистской идеологии (и национал-социалистической)¹⁰, которая к середине 1930-х гг. набрала известную популярность не только в европейских политических институтах, но и существенным образом отразилась на русской эмиграции. Однако первые русские фашистские организации стали возникать ранее. В 1920-е гг. были созданы Российский отдел ополчения фашистов, Национальная организация русских фашистов под руководством Д.П. Рузского и генерала П.В. Черского, юношеский клуб «Русский отряд» и др. Особая активность русских фашистских организаций приходится на 1930-е гг., когда в русской эмиграции оформляются Партия российских освободителей (или Центральная организация русских националистов), Русская фашистская партия и Всероссийская фашистская организация. Эти организации будут действовать в основном на территориях Маньчжурии и Китая и соединятся во Всероссийскую фашистскую партию в 1934 г.¹¹. Тяга к идеям фашизма и национал-

⁷ Имперская мысль. С. 14.

⁸ Владимир Александрович Мшанецкий-Мстишевский (1904–1935), инженер, общественный деятель. Окончил имп. Училище правоведения. В Гражданскую войну — доброволец. В эмиграции в Канаде (Монреаль). Окончил высшую инженерную школу. Печатал статьи, посвященные конструкции аппаратов громкоговорителей, телевидению. Член Верховного Совета РИС-О. Умер в Париже 15 января 1935 г. (подробнее см.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. М., 2004. Т. 4: Л–М. С. 686.; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 2: Л–Р. С. 235.

⁹ См.: Кудрявцев В.Б. Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья: 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. С. 365.

¹⁰ См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции... С. 212.

¹¹ См.: Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.): монография. Астрахань, 2008. С. 163.

социализма в русской эмиграции исчезла со сходом с исторической арены самих эпицентров распространения этих идеологических установок. К середине 1940-х гг. доминантой общественно-политической мысли русского зарубежья стали идеи освобождения России от «ненавистой власти» и восстановления монархического строя.

Другими периодическими изданиями РИС-О стали журналы и газеты, которые издавались соратниками организации в США. На территории американского континента начиная с 1930-х гг. стали появляться представительства РИС-О. Одним из наиболее активных отделов являлся 3-й отдел в США, который стал осуществлять активную деятельность с 1934 г. после переезда сюда соратника-руководителя Н.К. Глобачева. Особая активность в деятельности монархических подразделений в США пришлось на послевоенные годы. В частности в 1950-е гг. Нью-Йорк был фактической столицей имперской работы в Северной Америке. Во многом это было связано с тем, что в Нью-Йорке проживал начальник РИС-О Н.К. Глобачев (1949–1959). При непосредственном участии Николая Константиновича были изданы следующие журналы: «Соратник» (1951), «Отчизна» (1952–1954), «Наш Путь» (1961–1964), «Зарубежная Русь» (1962–1992) — и газеты «Русская Правда», «Имперский Стяг», «Бюллетень Центрального Отдела»¹².

П.Н. Базанов указывает, что номеров издания «Русская правда: журнал имперцев» вышло всего 14, но в Отделе литературы русского зарубежья РГБ автору удалось найти 15 (!) выпусков этого журнала за октябрь–ноябрь 1944 г. Стоит сказать, что он имел традиционный для таких изданий стиль: страница была увенчана двуглавым орлом с лентой, на которой было написано: «Русская Правда: журнал имперцев». Издание было оформлено по дореволюционной орфографии, но по своей сути мало чем примечательно: оно фактически рассказывало о внутренней жизни РИС-О. Другое издание «Русская правда: орган связи имперских отделов», выполняло роль осведомительного органа о деятельности отдела организации в Нью-Йорке. Вероятно, «Русская правда» в Нью-Йорке было еще одним однотипным изданием РИС-О. Однако внешний вид совершенно не похож на другие продукты РИС-О: содержание издания было отпечатано на отдельных листах, вероятно, на печатной машинке или ротаторе (впрочем, возможно, и в типографии), листы скреплены между собой с помощью скоб. Мы не можем точно объяснить причину появления издания в таком виде. По всей вероятности, издание типографского варианта было более дорогим, чем издание такого формата. Существовала также «Русская правда: орган РИС» (1942–1949). Уже в ходе работы конференции П.Н. Базанов сообщил автору, что в

¹² См.: Маньков С.А. История Российского Имперского Союза-Ордена: 1929–2009 гг. // Имперцы: 80 лет РИС-О, 1929–2009. Б.м., 2009. С. 26.

Париже также осуществлялась публикация газеты «Русская правда: журнал имперцев»¹³. Еще одна «Русская правда» издавалась в Мадриде в 1950-х гг. Впрочем, оригинальностью в этом плане РИС-О не отличался. Газет и журналов со схожим названием в русской эмиграции было достаточное количество. Например, по данным В.Б. Кудрявцева, в 1920–1940-е гг. существовало пять газет со схожим названием. В Софии под редакцией Н.Г. Зубова в 1920 г. выходила политическая и литературная газета русских патриотов в Болгарии под названием «Русская правда». Отмечена подобная газета и на дальних рубежах русского рассеяния — в Харбине: в 1922 г. под редакцией Б.Я. Будакова на протяжении 9–24 апреля издавалась ежедневная (!) внепартийная газета «Русская правда». Схожим органом печати являлся и голос Свободной Русской мысли — «Русская правда» Братства Русской Правды, издававшаяся последовательно в Берлине и Белграде для распространения и пропагандистской работы в СССР. В 1938 — начале 1940-х гг. два издания с одинаковыми названиями выходили в Ужгороде под редакциями П.И. Илькевича и А.И. Бродия¹⁴.

В 1940–1941 гг. в Нью-Йорке издавался еще один периодический орган — ежемесячная газета «Вера в победу». Данная газета издавалась отделом РИС-О в Нью-Йорке совместно с 2-м отделом Союза мушкетеров в г. Сан-Франциско имени князя Никиты Александровича. Редактором данного органа был В.А. Мезенцев. По данным В.Б. Кудрявцева, вышло около 12 номеров и, по всей видимости, издание данной газеты закончилось в декабре 1941 г.

Помимо указанного выше журнала «Отчизна», который издавался около двух лет в течение 1952–1954 гг., в Отделе литературы русского зарубежья РГБ сохранился экземпляр газеты «Отчизна», который, вероятно, не имеет никакого отношения к одноименному журналу. Редактором данной газеты, видимо, был начальник РИС-О Н.К. Глобачев. Данный печатный периодический орган издавался для освещения деятельности 3-го Отдела Имперского Союза-Ордена, как указано в его подзаголовке. Сохранившийся в Отделе литературы русского зарубежья РГБ четвертый номер журнала дает представление о хронике жизни отдела, идеологических установках соратников организации. На страницах журнала печатались Н.Н. Воейков, Н.К. Глобачев и другие. В целом данное издание было почти типичным по содержанию: заинтересованный читатель мог почерпнуть данные об идеологической и теоретической базе, на которой строились принципы функционирования

¹³ ОР РНБ. Ф. 1350. Д. 849. 7 лл. Русская правда. 1937. № 26. С. 1–111 (данные П.Н. Базанова) // Личный архив автора.

¹⁴ См.: Кудрявцев В.Б. Указ. соч. С. 699–700; Базанов П.Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 69.

организации. В статье Н.Н. Воейкова «Монархическая государственность» автор рассказывал о построении монархического государства на основах православной веры, отказе от материалистических течений (в т.ч. коммунизма). Небезынтересна мысль автора и о том, какую роль должны были играть национальные меньшинства в государстве. Важно отметить, что соратник РИС-О стремился на исторических примерах взаимодействия русского народа и народностей Всероссийской империи показать единство идей и целей, а также и то, что феномен национальных меньшинств не был полностью принят во внимание. Автор резюмировал: «... задача Имперского Союза-Ордена — это приложить все усилия, чтобы вновь обеспечить им [инородцам. — В.Ч.] свободное развитие их культуры, религии и языка»¹⁵. Исследованный нами номер газеты издан в конце августа — начале сентября 1951 г. Об этом нам позволяет говорить помещенное объявление о проведении торжественного собрания членов отдела, назначенное на начало октября в одном из отелей Нью-Йорка, на какой приглашались читатели.

Не менее интересным изданием является газета «Имперский Стяг», о которой писал историк организации и правый публицист С.А. Маньков. Обратимся к первому номеру «Имперского Стяга». Во-первых, стоит обратить внимание на обложку. На обложке изображены двое молодых людей, юноша и девушка, которые на фоне рассвета держат над головой государственный флаг Российской империи образца 1914 г. Интересно, что к древку флага прикреплены две ленты со следующим содержанием: «862–988. Съ нами Богъ» и «1497–1721». Редакторы газеты, соратники О. Баратов и П.Н. Колтыпин, на последней странице первого номера поместили выдержку из издания «Дни Священного Коронования» (1896). Из содержания данной выдержки становится понятно, почему именно таким изображением, которое, по всей вероятности, должно было стать антагонизмом изображению статуи «Рабочий и колхозница» авторства В.И. Мухиной, была оформлена титульная страница имперского издания. Приводим выдержку полностью: «Государственное знамя изготовляется в начале каждого царствования новое, и за несколько дней до Священного Коронования освящается в Оружейной Палате в присутствии Их Императорских Величеств. Знамя устрояется из золотого глазета с изображением на обеих сторонах государственного герба. Оно обшито витою бахромой цветов Империи — золотого, серебряного и черного. Вверху укреплена бантом голубая лента ордена Св. Андрея Первозванного, а на концах ленты золотом вышиты с одной стороны слова: “С нами Бог”, год начала государства Российского — 862 и год принятия христианства — 988, а с другой — год принятия герба Вос-

¹⁵ Отчизна (Нью-Йорк). 1951. № 4.

точной Империи — 1497, год принятия титула Императора Российской Империи — 1721 год и те же слова: “С нами Бог”»¹⁶. Таким образом, соратники РИС-О при разработке оформления газеты использовали исторические прецеденты и на их основе пытались создать образы для достижения главной цели организации. Эта цель была обозначена в уставе РИС-О: «...восстановление на христианских основах Великой Священной Российской Империи, во главе с Помазанником Божиим, Императором Всероссийским»¹⁷. Далее была помещена телеграмма Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Великого Князя Владимира Кирилловича на имя Н.К. Глобачева. Телеграмма, в отличие от других материалов газеты, была написана с использованием дореформенной русской орфографии (возможно, являлась фотокопией)¹⁸. Приводим телеграмму Его Императорского Высочества полностью: «Почто-грамма Председателю Российского Имперского Союза-Ордена Глобачеву. Благодарю в Вашем лице всех Имперцев за поздравления и пожелания ко дню Св. Владимира [празднуется 15 июля по Юлианскому календарю. — В.Ч.]. С интересом узнал о предполагаемом выпуске собственными средствами Имперцев своего журнала. Желаю успеха этому благому делу! Владимир. 9 августа 1952 г. г. Мадрид»¹⁹. Сами же имперцы ждали, что «“Имперский Стяг” должен оправдать свое назначение и, по примеру... первых печатных органов, развиваться над нашей сплоченной семьей, как символ того горения, которым проникнуты соратники, того внутреннего огня, который воспалила в нас нелицемерная любовь к России и ее судьбам»²⁰. Простому обывателю данная выдержка покажется излишне пафосной, но в русской монархической эмиграции особое распространение получила идея о «неугасаемой свече» — своеобразном незримом символе Императорской России, олицетворявшем русское зарубежье, символе, который должен был вернуться на Родину после падения коммунистов.

Скажем еще несколько слов об «Имперском Стяге». Данный журнал претендовал не только на освещение событий в отдельно взятом отделе в Нью-Йорке, но и на освещение всей работы имперских подразделений. Не удивительно, что подзаголовок издания был следующим: «Орган Российского Имперского Союза-Ордена». Содержание рубрики «Хроника» подтверждает наш вывод. В рубрике в тезисной форме говорится о достижениях членов

¹⁶ Имперский Стяг (Нью-Йорк). 1952. № 1.

¹⁷ Устав Российского Имперского Союза // К Христианской Монархии. Временник Российского Имперского Союза. 1930. С. 16.

¹⁸ Императорский Дом в изгнании один из немногих, кто продолжал использовать дореформенную орфографию в официальных документах. Большая часть эмигрантских изданий и официальных документов после Второй мировой войны перешла на пореформенную орфографию.

¹⁹ Имперский Стяг (Нью-Йорк). 1952. № 1.

²⁰ Там же.

РИС-О в разных отделах. Сообщаются данные о работе 4-го отдела в Южной Америке, 5-го отдела РИС-О в Англии под руководством соратника-руководителя П. Изирского, 1-го отдела РИС-О во Франции, где «нужно отметить ряд докладов нашего соратника Семенова, уполномоченного представителя кубанского атамана во Франции»²¹. По сведениям П.Н. Базанова, вышло всего семь номеров газеты и её издание прекратилось в 1953 г.²²

Надо сказать, что издательская деятельность РИС-О отнюдь не закончилась в 1950-х гг. В 1950–1992 гг. основным органом организации стал журнал «Согласие», который последовательно редактировали А.И. Сорокин, Н.И. Сорокин, С.А. Лопухин, А.А. Малаш и К.Ф. Синькевич. Журнал первоначально выходил при участии Общероссийского Монархического Фронта, который самостоятельно выпускал свой периодический орган, но затем стал фактически официальным органом организации. Как отмечает И.Ю. Подвалов, журнал «Согласие», как и газеты «Вера и правда» и «Наше слово», которые издавались с 1930-х гг. в Сан-Франциско при поддержке Корпуса Императорской армии и флота, «служили рупором монархической деятельности в Калифорнии»²³. К таким же «периодическим долгожителям» стоит отнести и орган независимой национальной монархической мысли «Зарубежная Русь», выходивший в 1962–1992 гг. Но данные издания следует рассматривать отдельно, поэтому мы их лишь упоминаем.

Издания РИС-О выходили и в Южной Америке. Таким был «Наш Журнал: Двухмесячный журнал Российского Имперского Союза-Ордена». Журнал был основан в 1969 г., первый выпуск состоялся в мае–июне 1969 г. Журнал является не только интересным по содержанию (в них присутствуют воспоминания, документы идеологического характера, анализ событий), но и изобилует целым рядом уникальных особенностей, которые были более характерны для первого поколения эмигрантской прессы²⁴. Так, «Наш Журнал» в своем оформлении использовал дореформенную русскую орфографию. Пожалуй, «Наш Журнал» вместе с «Владимирским Вестником»

²¹ Имперский Стяг (Нью-Йорк). 1952. № 1.

²² См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции... С. 362; Маньков С.А. Указ. соч. С. 23.

²³ Подвалов И.Ю. Краткое обозрение деятельности русских монархических организаций в штате Калифорния, США. Уфа, 2013. С. 18.

²⁴ Разделение истории периодической печати русского зарубежья на «поколения», по нашему мнению, достаточно условно. Главным критерием такого разделения нам кажется целесообразным считать применение дореволюционной орфографии при оформлении изданий и информационном их наполнении. Мы выделяем два основных поколения прессы русского зарубежья: первое поколение — 1920-е — 1945 г., второе — с 1945 г. по настоящее время. 1945 год нами выделен не случайно. Если проанализировать использование орфографии перед ним, а также после, то будет совершенно отчетливо выделяться то, что именно после Второй мировой войны русская эмиграция перешла на пореформенную русскую орфографию.

и некоторыми другими изданиями были одними из последних периодических изданий русского зарубежья, которые использовали традиционную русскую орфографию. Чем можно объяснить такой подход? Вероятно, этим осуществлялась преемственность более ранних изданий, наряду с желанием сохранить дореформенную орфографию в эмиграции как символ дореволюционной России. Редактором «Нашего Журнала» стал будущий «имперец-раскольник» Н.И. Сахновский. Издание журнала осуществлялось издательством «Русское Слово» в Аргентине (это же издательство распространяло монархическую литературу по разным странам Америки и мира). Редакция журнала характеризовала свое издание следующим образом: «“Наш Журнал”... выходит раз в два месяца, нормально содержит около 100 стр. — В “Нашем Журнале” предложено печатать по возможности цельные труды, имеющие идеологическое, историческое или бытовое значение в связи с общей программой деятельности Ордена»²⁵.

Русская эмиграция оказалась рассеянной по всему свету. Возникает закономерный вопрос: как происходило распространение литературы, в частности периодических органов РИС-О? Один из ответов на этот вопрос нам дает содержание номеров «Нашего Журнала». На последней странице № 2 указаны фамилии соратников РИС-О, через которых эмигранты и другие соратники могли получать периодические и непериодические издания организации (данные на июль–август 1969 г.). Перечислим соратников, обратив внимание на места их проживания: Н.И. Сахновский, В. Лашкевич и М. Тамарзеф (Аргентина); С. Шелудовский (Чили); Л. Рубанов и П. Зырицкий (Бразилия); А. Албанд (Венесуэла); Н.И. Воейков (Канада); Г.А. Федоров, П.Н. Колтыпин, Ю.А. Вахтель, С. Лопухин, Л. Козлова, Г.А. Куманский, книжный магазин «Russ» (США); Т. Короленко (Великобритания); А. Сахновский (Бельгия); Р.П. Павлович (Франция); К. Козловский (Греция); L. Hassel (вероятно, Людмила Хассель), А. Гузаковский, Л.П. Заборская (в замужестве Путтнер) (Австралия)²⁶. Организация имела достаточно большое количество представителей в разных странах мира, и через них можно было получить имперскую литературу. Издание осуществлялось, вероятно, на пожертвования, а также членские взносы членов РИС-О.

Хронологически мы заканчиваем 1970-ми гг., когда в организации произошёл раскол. Как отмечает официальная история организации, в 1972 г. Начальник РИС-О Н.И. Сахновский самовольно принял решение об изменении Устава организации. Следует сказать, что право изменять уставной документ и его положения принадлежит лишь Верховному Совету. Само-

²⁵ Наш Журнал = Nuestra revista: Двухмесячный журнал Российского Имперского Союза-Ордена. 1969. № 2. Вкладка между страницами 48–49; № 3–4. С. 100.

²⁶ См.: Там же. 1969. № 2. С. 64.

личное решение Н.И. Сахновского привело к расколу в организации. Фактически Союз-Орден распался на две одноименные, однотипные и по структуре, и деятельности организации, главное отличие которых заключалось лишь в подходах к монархической работе и ее результату. РИС-О с 1939 г. стал организацией легитимистской, т.е. организацией, которая поддерживала нерушимость законов правопреемственности Российского Императорского Престола на основании дореволюционного законодательства. Раскол в организации привел к тому, что часть соратников перешли на антилегитимистские позиции, считая, что монархию в России должен восстановить Земский собор. Эту группу и возглавил Н.И. Сахновский, а позже К.К. Вейнмарн. Остававшимися на позициях легитимизма соратниками руководил П.Н. Колтыпин-Валловский, который стоял во главе Союза-Ордена в 1972–1994 гг. Уже позже, в 1980–1990-е гг., обе организации будут способствовать утверждению монархической идеи на советском и постсоветском пространстве.

После кризиса 1972 г. у каждой из организаций появились свои органы печати. У РИС-О, который возглавлялся Н.И. Сахновским и его преемником К.К. Вейнмарном, издание получило название «Имперский Вестник». Оно выходило до начала 2000-х гг. РИС-О под руководством П.Н. Колтыпина-Валловского создало журнал «Имперец», начавший выходить в 1990-х гг.

Подведем промежуточные итоги. Изучение издательской деятельности монархической пореволюционной эмиграции стоит считать перспективным вопросом для научных штудий. РИС-О, являясь уникальной, но в то же время была весьма специфической организацией. Исследование основных направлений ее работы тесно связано с изучением идеологии организации, ее внутренних кризисов и практической работы в разных регионах. Изучение издательской деятельности РИС-О на данном этапе не является исчерпывающим, предстоит дальнейшая углубленная работа специалистов в библиотеках, государственных, а также частных архивных собраниях.

Н.И. Герасимов

«Дело труда — Пробуждение» — анархистский эмигрантский журнал

Аннотация: В статье рассматривается история издания журнала «Дело труда — Пробуждение», одного из главных периодических изданий анархистской эмиграции. Автор считает, что «Дело труда — Пробуждение» — единственный крупный русскоязычный анархистский журнал, который существовал во время Второй мировой войны и холодной войны.

Annotation: The article examines the history of magazine «Dielo truda — Probuzhdenie» («Case of Labour — Awakening»), one of the main Russian emigration's anarchist periodicals. The author believes that «Dielo truda — Probuzhdenie» is the only major Russian-language anarchist magazine, which existed during World War II and the Cold War.

Ключевые слова: периодика, анархизм, фашизм, Вторая мировая война, холодная война, русское зарубежье.

Key words: periodicals, anarchism, fascism, World War II, the Cold War, Russian diaspora.

Современные исследователи истории русской эмиграции в своих публикациях рассматривают различные периодические издания российского зарубежья. Особенное внимание уделяется журналам и газетам социально-политического характера. Несмотря на то что история изучения феномена русской эмиграции насчитывает множество лет кропотливой научной работы, многие аспекты эмигрантской периодики все ещё не исследованы. На фоне либеральной и консервативной печати анархистские издания в истории российского зарубежья ещё не представлены должным образом — судьба многих журналов и газет до сих пор неясна, не исследованы корни формирования тех или иных издательских инициатив, как не исследованы и биографии авторов статей, представленных в этих периодических изданиях.

Стоит отметить, что и исследователи теории анархизма тоже не всегда ясно представляют историю анархического движения. Говоря о периодике русской анархистской эмиграции, историки, как правило, имеют в виду 1920–1930-е гг., когда мировое либертарное¹ сообщество обсуждало опыт «мах-

¹ Либертарный (от *англ.* liberty — свобода) — ориентированный на принципы свободы, солидарности, антиавторитаризма и антиэтатизма. Термин широко используется в области исследования теории анархизма (см.: *Рябов П.В.* Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007. С. 8, 9, 12, 21, 29).

новщины» и практику российских анархо-синдикалистских издательств². В тени остаются те периодические издания, которые появились уже во время Второй мировой войны, когда активная издательская инициатива русских анархистов-эмигрантов под давлением надвигающегося тоталитаризма и милитаризма исчезала, когда было поставлено под вопрос не только будущее анархистских журналов и газет, но и будущее самих анархистов.

Эмигрантская анархистская периодика существовала задолго до революционных событий 1917 г. Однако именно опыт послеоктябрьской издательской деятельности считался анархистами особенно ценным. Историк Пол Эврич отмечает, что мировое анархическое сообщество, глядя на большевистскую Россию, констатировало подтверждение слов М.А. Бакунина, что «социализм без свободы — это рабство и скотство»³. Русские анархисты-эмигранты как участники революционных событий были носителями уникального опыта, который при должном внимании со стороны западноевропейских товарищей мог бы стать особым источником ревизионизма в теории анархизма XX столетия. В 1923 г. редакция эмигрантского журнала «Анархический вестник» прямо заявляла: «Все существовавшие до сих пор за границей анархические органы не могли служить указанной задаче в должной мере — по многим причинам, главная из которых та, что органы эти, возникшая в условиях, отдалённых от русской действительности, не располагали необходимым материалом, соответственными переживаниями и выводами»⁴.

Среди всего множества русской анархистской эмигрантской периодики особо выделяется журнал «Дело труда — Пробуждение». В 1925 г. в Париже П. Аршинов и Н. Махно основывают журнал «Дело труда». Уже в мае 1930 г. состав редакции изменился, на смену Аршинову и Махно пришли анархисты Волков и Новиков, которые перенесли издание в Чикаго. В декабре 1931 г. ситуация вновь изменилась: в качестве главного редактора был назначен Г.П. Максимов, который начал позиционировать журнал как полноценное периодическое ежемесячное издание.

В конце 1939 г. редакция анархистского журнала «Пробуждение» предложила Г.П. Максиму организационную интеграцию. В 1940 г. в Нью-Йорке после слияния «Дела труда» и «Пробуждения» вышел первый номер «Дело труда — Пробуждение», который просуществовал не только до самой смерти Г.П. Максимова в 1950 г., но и после нее, до 1963 г. Издание проис-

² См.: Шубин А.В. Проблема социальной революции в идеологии российской анархистской эмиграции 20–30 гг. XX века (по материалам эмигрантской периодики). Автореферат ... дис. канд. ист. наук. М., 1993. С. 15; Дворковая М.В. Российские анархо-синдикалисты в эмиграции: эволюция идей и тенденции политического развития: 1918–1930-е гг. Автореферат ... дис. канд. ист. наук. М., 2008. С. 16.

³ Эврич П. Русские анархисты 1905–1917. М., 2006. С. 251.

⁴ Товарищам анархистам // Анархический вестник (Нью-Йорк). 1923. № 1. С. 83.

ходило на базе Органа объединенной федерации русских рабочих организаций США и Канады. Несмотря на проблемы с регулярностью выхода, было издано 68 номеров журнала⁵.

Историко-архивную судьбу «Дела труда — Пробуждения» нельзя назвать простой. Часть номеров находится в отделах периодики Института социальной истории в Амстердаме, Русской общественной библиотеке им. И.С. Тургенева в Париже, отдельные выпуски можно найти в ГАРФ (фонд 1129) и Архиве ДРЗ. Большинство номеров хранится в особом хранилище документов по истории анархизма «АнАрхив» в небольшом немецком городе Нойштадт-ан-дер-Вайнштрассе. В 1971 г. немецкий литератор и анархист Хорст Стовассер создал независимый архив документов «АнАрхив», куда попали и многие номера «Дела труда — Пробуждения». На сегодняшний день уникальный «АнАрхив» является главным хранилищем журнала⁶.

В отличие от «Американских известий», «Голоса труженика» и других издаваемых послеоктябрьских эмигрантских анархистских журналов, «Дело труда — Пробуждение» — единственное крупное русскоязычное издание, которое просуществовало более 20 лет, пережило Вторую мировую войну и продолжило существовать даже в эпоху холодной войны. Благодаря тому, что журнал выпускался за пределами глобальных боевых столкновений, вдали от войн на территории европейских стран и СССР, он являлся главным рупором трансляции идей русского анархизма, прошедшего репрессии царской России, хаос революции и Гражданской войны, а также террор большевиков. Не изменяя своим идейным принципам, «Дело труда — Пробуждение» всегда оставался рабочим изданием, ориентированным на широкие массы русскоговорящих трудящихся по всему миру.

Как и газета «Голос труда», издававшаяся в Буэнос-Айресе на базе Органа федерации российских рабочих Южной Америки, «Дело труда — Пробуждение» также существовал на условиях самокупаемости, за счет подписок и пожертвований со стороны физических лиц. В отличие от той же газеты «Голос труда», журнал предполагал ориентацию на трудовые массы, но терминологически не стремился адаптироваться к языку простого рабочего; кроме того, «Дело труда — Пробуждение» не имел частой нужды в корректуре⁷ и его редакторский коллектив в целом обладал высоким уровнем профессионализма.

⁵ См.: Ермаков В.Д., Талеров П.И. Анархизм в истории России: от истоков к современности: Библиографический словарь-справочник. СПб., 2007. С. 705.

⁶ См.: Interview mit Horst Stowasser: Projekt A, Plan B // Graswurzelrevolution (Freiburg). 2005. № 304. S. 10–11.

⁷ См.: Исполнительный комитет Федерации. Объявление // Голос Труда (Буэнос-Айрес). 1925. № 217. С. 3.

Г.П. Максимов как главный инициатор и редактор журнала сильнейшим образом влиял на редакционную политику издания. К 1940 г. он успел приобрести авторитет среди теоретиков анархизма, проявил себя в качестве видного деятеля анархистского движения в годы революции и Гражданской войны, а также стал одним из главных участников эмигрантских дискуссий 1920–1930-х гг. вокруг «платформизма» П. Аршинова и Н. Махно⁸. Последний факт немаловажен для оценки того, как формировалась концепция «Дело труда — Пробуждение». Максимов был активным противником идеи интеграции анархистского движения вокруг некоей общей организационной структуры. Кроме того, несмотря на свои ярко выраженные анархо-синдикалистские воззрения, он считал, что в основе теории анархизма должны лежать классические идеи М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Этот комплекс установок позволил Максиму как главному редактору создать условия, благодаря которым на страницах журнала исключался идейный антагонизм между анархистами. И эта политика толерантного отношения к разным направлениям внутри теории анархизма создавалась не средствами насильственной интеграции, которую уже предпринимали П. Аршинов и Н. Махно, а силой ревизии идей классического анархизма. На страницах журнала комментарии к основополагающим идеям М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина носили не столько пропагандистский характер, сколько характер концептуальной рецепции, которая возвращала читателя к самым основам теории анархизма.

Публиковались в «Деле труда — Пробуждении» и малоизвестные тексты таких теоретиков анархизма начала XX века, как А.М. Атабекян, А.А. Карелин и другие. Через эти тексты транслировались идеи, генерация которых происходила в бурные годы идейного эклектизма среди концептуальных построений активистов российского либертарного сообщества. Для журнала работали не только русскоязычные авторы. «Дело труда — Пробуждение» был журналом мирового значения, поэтому для него писал статьи такой автор, как один из основоположников анархо-синдикализма Рудольф Роккер⁹. На страницах журнала можно встретить как анархо-коммунизм и анархо-синдикализм, так и мистический анархизм и анархизм ассоциационный. «Дело труда — Пробуждение» не был журналом максималистского характера, хотя всегда придерживался идеи революции. Революционный характер журнала не подразумевал призывов к военно-повстанческой деятельности, публикуемые материалы были ориентированы на революцион-

⁸ См.: Дамье В.В. Забытый Интернационал: международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. М., 2006. Т. 1. С. 602.

⁹ См.: Роккер Р. Размышления о настоящем положении // Дело труда — Пробуждение. 1952. № 38. С. 10–13.

но настроенных членов рабочих профсоюзов, которые в своей социальной деятельности готовили человечество к интеграции широких масс в общее освободительное движение.

Основная часть публикуемого материала посвящена статьям по актуальным вопросам современности. Комментарии к происходящим мировым событиям помещены в первую и главную часть журнала. Сквозь эту оптику можно выделить два основных периода существования «Дела труда — Пробуждения»: первый знаменуется Второй мировой войной, второй — послевоенным «холодным» противостоянием США и СССР. Каждый период ставил перед редакцией свой комплекс вопросов, решая которые журнал так или иначе формировал свое отношение по целому спектру различных проблем.

Журнал начал свое существование, когда Вторая мировая война длилась уже год. Несмотря на то что анархисты всегда были противниками национализма, милитаризма и этатизма, вопрос о том, как относиться к ожидаемому военному столкновению между Германией и СССР, оставался открытым. В начале 1941 г. журнал еще придерживался реваншистских настроений; казалось, что военный конфликт приведет к политической нестабильности, которую анархисты смогут использовать в целях освободительной революции: «Поражение Гитлера — сигнал к мировой революции, и эту революцию будут совершать не кто иной, как рабочие и только рабочие, которые в стихийном движении против врага снова воздвигнут свои союзы и поставят их на место отжившего капитализма и убитого чудовища — государственного социализма»¹⁰. Журнал призывал к радикальному антимилитаризму, агитируя своих читателей не поддерживать ни одну из сторон сложившегося конфликта¹¹.

Уже в том же году на страницах журнала можно прочитать о «революционном оборончестве», «оборончестве», идейно демаркированном от того, что часто понималось под этим словом, то есть открытую солидарность с СССР. «Революционное оборончество» полагало понимать Красную армию как массы трудящихся, которые вынуждены воевать против праворадикальных сил со стороны Германии¹². Указанная позиция означала непринятие сталинской политики, непринятие большевизма, непринятие нравственной правоты советского правительства, ожидание революции и торжество освободительного движения. Анархистам стоило приветствовать победы Красной армии над гитлеровскими войсками, однако в своем чувстве радости за очередное поражение нацистской военной машины

¹⁰ Максимов Г.П. Пётр Алексеевич Кропоткин // Дело труда — Пробуждение. 1941. № 3. С. 3.

¹¹ См.: Липоткин Д. Государство и война // Там же. С. 10.

¹² См.: Максимов Г.П. Революционное оборончество // Там же. № 4. С. 1–5.

необходимо строго дистанцироваться от патриотизма. Приветствие побед русского народа над нацистскими войсками — это выражение солидарности с рабочим классом и крестьянством, которые вынуждены сражаться с реакционными силами¹³, будучи сами частью механизма реакционного государственного аппарата¹⁴.

После войны «Дело труда — Пробуждение» подверг резкой критике политику победивших держав, решивших делить сферу влияния на оккупированных территориях. В политике Великобритании, США и СССР в равной степени журналом усматривались признаки фашизма, в холодной войне — начало открытой войны. Резко осуждались «чистки» в СССР, как резко осуждались и методы эксплуатации трудящихся в США через налоговую политику правительства¹⁵. Политические репрессии послевоенного мира критиковались в том числе и через рассмотрение американской «охоты на ведьм», утверждалось, что «реакция в США в полном размахе»¹⁶. Особенно обсуждаемой темой на страницах журнала в 1950–1960-х гг. была возможная Третья мировая война. Авторы в целом выражали единое мнение — только интернационализация и солидарность смогут предотвратить ужас «атомного века»¹⁷.

«Дело труда — Пробуждение» — уникальное периодическое издание в истории русской эмиграции. Журнал является прямым наследником эмигрантской анархистской прессы 1920–1930-х гг., который продолжал свою деятельность вплоть до 1963 г. Он пережил Вторую мировую войну и холодную войну. На своих страницах «Дело труда — Пробуждение» продолжал интеллектуальную традицию русского анархизма, а также транслировал опыт революции и Гражданской войны в России. Оставаясь русскоязычным изданием, он не терял статус журнала мирового значения, о чем свидетельствуют публикации известных западных теоретиков анархизма.

¹³ См.: Максимов Г.П. Свобода требует победы // Дело труда — Пробуждение. 1942. № 6. С. 2–6.

¹⁴ См.: Максимов Г.П. Под каким углом нужно рассматривать русские победы и борьбу против нацизма // Там же. 1943. № 9. С. 5–7.

¹⁵ См.: Степной М. Один с сошкой, а семеро с ложкой // Там же. 1953. № 41. С. 9–14.

¹⁶ Вид. На тему дня // Там же. 1952. № 39. С. 4–5.

¹⁷ Живко К. Третья мировая война (на правах дискуссии) // Там же. 1953. № 42. С. 13–16; М.Ф. В поисках выхода // Там же. С. 16–17.

А.В. Громова

К истории «Нового журнала»: переписка Л.Ф. Зурова с Р.Б. Гулем

Аннотация: В статье дан обзор переписки Р.Б. Гуля, секретаря редакции, затем главного редактора «Нового журнала», с писателем Л.Ф. Зуровым. Рассмотрены следующие темы переписки: публикации Зурова в журнале, публикации материалов из архива Бунина в журнале, отзывы о мемуарных произведениях о Буinine, контакты эмиграции с СССР.

Annotation: The article deals with review of correspondence of R.B. Goul, an editorial secretary and then the editor-in-chief of «The New Review», and the writer L.F. Zurov. The main subjects of correspondence are publications of Zurov's works, publications of Bunin's archival materials in «The New Review», reviews of memoirs' on Bunin, contacts of emigration with the USSR.

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров, Р.Б. Гуль, «Новый журнал», Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, журналистика русского зарубежья, архив И.А. Бунина.

Key words: L.F. Zurov, R.B. Goul, «The New Review», House of Russian Diaspora Abroad named after A. Solzhenitsyn, Russian journalism abroad, I.A. Bunin's archive.

Л.Ф. Зуров (1902–1971) — писатель русского зарубежья первой волны, оказавшийся за рубежом в 1919 г. в составе отступивших частей Северо-Западной армии, первоначально проживавший в Риге. После выхода первых книг прозы в 1928 г. он был замечен И.А. Буниным и приглашен во Францию, куда переехал в ноябре 1929 г. Долгое время он жил с семьей Буниных: в 1930-е г. и во время Второй мировой войны — в Грассе, после кончины Бунина делил парижскую квартиру с его вдовой, Верой Николаевной, которая завещала Зурову архив их семьи.

В результате закрытия в 1940 г. почти всех русскоязычных изданий на территории Франции, литературная жизнь русской эмиграции потеряла прежнюю интенсивность. После Второй мировой войны Зуров обратился к редакторам нескольких русскоязычных изданий Европы и Америки: «Новоселье», «Грани», «Новый журнал», предлагая свои произведения для публикации. Так завязалась его переписка с Р.Б. Гулем, продолжавшаяся с 1955 по 1971 г. Значительная часть этой переписки в настоящее время хранится в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Ф. 3. Д. 42).

История «Нового журнала» (далее — НЖ) началась в годы Второй мировой войны, когда часть представителей первой эмиграции переехали в Америку, спасаясь от фашизма. Само название журнала свидетельствовало

о намерениях его издателей возродить традиции парижских «Современных записок». В первом номере НЖ его основатели и редакторы М.О. Цетлин и М.А. Алданов писали: «Наше издание, начинающееся в небывалое, катастрофическое время, — единственный русский “толстый” журнал во всем мире вне пределов советской России»¹. НЖ публиковал прозу Бунина, Алданова, М.А. Осоргина, Б.К. Зайцева, В.В. Набокова, с 1945 г. — писателей, эмигрировавших в США из Франции и эмигрантов второй волны, позже — неподцензурных советских писателей. В журнале также печатались публицистические, философские, литературно-критические материалы.

Роман Борисович Гуль (1896–1986) — прозаик, публицист, критик, бывший участник Белого движения, с 1951 по 1959 г. был секретарем редакции НЖ, активно помогая главному редактору — профессору М.М. Карповичу, а с 1956 по 1986 гг. — главным редактором (один или в составе редколлегии). Он также публиковал в НЖ литературно-критические статьи, рецензии и обзоры, впоследствии собранные в две книги: «Одвуконь» (Нью-Йорк, 1973) и «Одвуконь-два» (Нью-Йорк, 1982).

В переписке Зурова с Гулем можно выделить несколько основных тем, которые в той или иной степени проливают свет на историю журнала: это публикации Зурова в НЖ, публикации материалов из бунинского архива, обсуждение мемуарных произведений о Бунине, контакты эмиграции с Советским Союзом.

В 1955 г. Зуров прислал в редакцию журнала свой рассказ «Ксана». Положительно оценив рассказ, Гуль отметил отдельные стилистические недочеты текста. Например, о приемах создания заглавного образа он писал: «...я бы предложил Вам опустить слова “ни о чем еще серьезно не думающая”, на мой взгляд, это как-то разжижает конец и дает ему неясность. (Приписка: Это на мой взгляд — точка над *i* — это читатель уже сам должен почувствовать, что она, Ксана, — такая. Дает неясность в смысле образа, ибо слишком уж уясняет.) Но дело, конечно, Ваше авторское. Я просто — по-дружески — высказываю Вам свое мнение»². Одобрение редактора побудило Зурова прислать в редакцию еще несколько своих произведений. В письме от 22 ноября того же года Гуль дал высокую оценку другому рассказу Зурова: «Большое спасибо за рассказ “Гуси-Лебеди”. Рассказ совершенно очаровательный. Читая его, просто наглотался северного воздуха (если так можно). Рассказ тут же пошел в набор и будет опубликован в декабрьской книжке вместе с “Ксаной”»³. В этой же подборке были напечатаны рассказы «Марьянка» и «Три горшка» (1955. № 43).

¹ От редакционной группы // НЖ. 1942. № 1. С. 5.

² Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 28 августа 1955 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 1. При цитировании архивных материалов орфография приведена к современным нормам, авторские выделения оставлены без изменений (подчеркивание, написание заглавными буквами).

³ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 22 ноября 1955 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 2.

Гуль ценил литературное мастерство Зурова и неоднократно обращался к нему с просьбами прислать произведения для журнала. «Почему Вы не пришлете свою прозу?» — спрашивал он 14 сентября 1961 г.⁴ В эти годы Зуров работал над двумя крупными вещами: повестью «Иван-да-марья» и романом «Зимний дворец». Так, в письме от 26 сентября 1961 г. в ответ на вопрос редактора писатель сообщал, что работает над повестью⁵. В этот период в жизни Зурова произошли существенные изменения: весной 1961 г. скончалась В.Н. Бунина, завещавшая ему весь архив их семьи. Поэтому на просьбу прислать повесть для НЖ писатель был вынужден ответить отказом, объясняя его трудностью сложившейся жизненной ситуации: «С величайшим удовольствием прислал бы Вам свою повесть. Она написана, но первая часть еще не отделана. Занят я все время был так, что о регулярной работе мог только мечтать. Адвокат, нотариус, финансовый инспектор (налог на литературное наследство), переговоры с литературным агентом, устройство личных дел. Большая деловая переписка. Над повестью работал урывками»⁶. Гуль сокрушался, одновременно высказывая одобрение автору: «Жалею, что не можете еще прислать Вашу повесть. У нас с беллетристической беда — и такая вещь, как Ваша (не знаю ее, но — Вашего пера) была бы очень нужна журналу. Но понимаю, что заняты очень»⁷. И впоследствии, когда ведущей темой переписки стала публикация материалов из унаследованного Зуровым бунинского архива, Гуль тем не менее проявлял искреннюю заинтересованность в произведениях самого Зурова. Тема неоконченной повести звучала в переписке вплоть до мая 1964 г. В июле 1964 г. Гуль просил прислать «какую-нибудь запись Бунина» и с сожалением замечал: «Вашего не прошу — не присылаете»⁸. В письме от 6 января 1967 г. редактор спрашивал о романе «Зимний дворец»: «А как Ваш роман? Идет к концу? Хорошо бы было из него дать отрывок»⁹. Однако ни одно из этих произведений не было завершено автором и не увидело свет¹⁰.

В 1961 г. вместо повести Зуров прислал в редакцию рукопись статьи «"Тамань" Лермонтова и "L'Orco" Ж. Занд». Гуль благожелательно отозвался о присланном материале: «Спасибо за статью (очень интересно), пишу

⁴ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 14 сентября 1961 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 5.

⁵ См.: Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 26 сентября 1961 г. // Там же. Л. 6.

⁶ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 февраля 1962 г. // Там же. Л. 13.

⁷ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 5 февраля 1962 г. // Там же. Л. 14.

⁸ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 8 июля 1964 г. // Там же. Л. 31.

⁹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 6 января 1967 г. // Там же. Л. 42.

¹⁰ Повесть «Иван-да-марья» была реконструирована по рукописям проф. Таллинского университета И.З. Белобровцевой и опубликована в журнале «Звезда» (2005. № 8–9).

в дек<абрской> книге»¹¹ (была напечатана в НЖ. 1961. № 66), а после ее выхода сообщал: «Ваша статья о Лермонтове пользуется успехом у наших читателей здесь: несколько человек — самых разных — очень хвалили. Думаю, что на нее обратят внимание и в СССР, где журнал читают аккуратно»¹². Зуров ревниво следил за продвижением своих литературных материалов. В одном из писем он запрашивал о своей статье: «Пришли уже отклики от английских славистов. Прочли “Тамань”. Один из них спрашивает: почему “Тамань” помещена в отделе библиографическом. Другой же отметил, что моя статья почему-то выпала из Указателя содержания восьми книг “Н<ового> Журнала” (1960–1961 гг.)»¹³. Отвечая на вопрос, Гуль комментировал особенности структуры журнала: «”Тамань” я не пустил в статьи только потому, что она оч<ень> коротка. В “сообщения и заметки” — не хотел. А у нас давно уж установился такой “узус” — оч<ень> короткие литературные статьи давать в библиографию, открывать ими. Я думаю, это неплохо. Ваша “Тамань” имеет оч<ень> большой успех. Хвалят самые разнообразные люди»¹⁴. Впоследствии в НЖ был напечатан еще один материал Зурова о Лермонтове — статья «Герб Лермонтова». Она была обещана журналу к 150-летию юбилею поэта, но прислана с опозданием и опубликована только в 1965 г. (№ 79). Ради зуровской статьи Гуль отказал другому автору — А.А. Шику¹⁵.

В НЖ, помимо четырех небольших рассказов и двух статей, были опубликованы два мемуарных очерка Зурова: о Т.С. Конюс (1962. № 69) и писателе Дон-Аминадо (1968. № 90).

12 февраля 1962 г. Зуров писал Гулю: «Сегодня мне позвонила З.В. Воронина и сказала, что Абрам Рафаилович Гурвич просит меня написать для Нов<ого> Журн<ала> что-нибудь о покойной дочери Рахманинова (Татьяне Сергеевне Конюс). Я записал в прошлом году свою беседу с Т<атьяной> С<ергеев>ной. Тема: Бунин и Рахманинов. Отношение Сергея Васильевича к Бунину. Но я должен отыскать эту запись. У меня полки завалены разнообразными рукописями»¹⁶. 2 августа 1962 г. Зуров сообщил: «Посылаю для сентябрьского номера и свои воспоминания. Думаю, что они заинтересуют не только читателей, но и русских музыковедов и литературоведов»¹⁷. Через неделю Гуль подтвердил получение материала и дал ему высокую оценку: «Ваш очерк так хорошо написан (и язык, и образы, и вся композиция!), что я

¹¹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 8 октября 1961 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 8.

¹² Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 27 января 1962 г. // Там же. Л. 12.

¹³ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 февраля. 1962 г. // Там же. Л. 13.

¹⁴ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 5 февраля. 1962 г. // Там же. Л. 14.

¹⁵ См.: Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 28 декабря 1964 г. // Там же. Л. 34.

¹⁶ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 12 февраля 1962 г. // Там же. Л. 15.

¹⁷ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 августа 1962 г. // Там же. Л. 19.

его дам в первом отделе художественной прозы, а не в воспоминаниях, хоть он и называется Воспоминания»¹⁸.

Очерк Зурова «Дон-Аминадо» также был высоко оценен Гулем: «На днях выходит мартовская книга, там Ваш превосходный Аминадо, Вы в таком небольшом очерке захватили громадное полотно — как будто бы маслом — на большом полотне — дали жизнь всей парижской эмиграции, со всем ее “духом”. ОЧЕНЬ хорошо»¹⁹.

Вторая ведущая тема переписки между Зуровым и Гулем оформилась в августе 1961 г. и касалась публикации в НЖ бунинских материалов, унаследованных Зуровым после кончины В.Н. Буниной в апреле 1961 г.

В НЖ Бунин был культовым автором. С ним первые редакторы Цетлин и Алданов обсуждали проект издания, его публикации открывали первый номер НЖ и появлялись почти в каждой следующей книге. В НЖ были опубликованы написанные в 1940-е годы рассказы, впоследствии вошедшие в сборник «Темные аллеи» (1942. № 1, 2; 3; 1943. № 4; 1945. № 10; 11; 1946. № 12; 13), а также другие рассказы и стихотворения (1946. № 14; 1952. № 28; 1953. № 34)²⁰. После кончины Бунина, с 1953 по 1961 г., печатались неизвестные стихотворения, очерки и фрагменты из архива писателя, присланные его вдовой (1958. № 53; 1959. № 57, 58; 1960. № 59, 60, 62; 1961. № 64, 66).

После 1961 г. материалы из бунинского архива поступали в редакцию от Зурова. Было опубликовано «Литературное завещание» Бунина и приложение «К моему завещанию» (1961. № 66), рассказы «Модест» (1962. № 67), «Ривьера» (1962. № 68), «Аля» и «Паломница» (1962. № 69), короткие рассказы «Коренной» и «Лев» (1962. № 70), «Зимний сон» (1963. № 71), «Русь града взыскующая» (1963. № 72), «Изгнание» (1963. № 74), «Переписка с ребенком» (1964. № 76), «Лита» (1964. № 77), «Рассыпанный набор (письма)» (1967. № 86), стихотворения (1962. № 69; 1967. № 87, 89; 1968. № 91, 93; 1970. № 98).

Целый ряд публикаций представлял собой наброски и фрагменты, выходившие под заголовками «Записи», «Из записной книжки», «Безымянные записки». Первая из них была подготовлена В.Н. Буниной (1960. № 61), затем регулярно появлялись подготовленные Зуровым (1964. № 75, 76; 1965. № 79, 80; 1966. № 82, 84; 1967. № 88).

¹⁸ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 8 августа 1962 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 20.

¹⁹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 19 марта 1968 г. // Там же. Л. 48.

²⁰ Перерыв в публикациях (с 1946 по 1952 г.) был вызван ссорой И.А. Бунина с М.С. Цетлиной после выхода писателя из Союза русских писателей и журналистов в Париже. Возвращение Бунина в журнал произошло после того, как Цетлина была отстранена от дел журнала.

Историю этих публикаций частично можно проследить по переписке Зурова и Гуля. В конце лета 1961 г. Зуров предложил НЖ неопубликованный рассказ Бунина и «Приложение к литературному завещанию», найденные им в архиве (само «Литературное завещание», по его словам, сохранилось в незавершенном виде), а также воспоминания Веры Николаевны, над которыми она работала после кончины писателя.

Гуль проявлял заинтересованность в любых бунинских материалах. Он писал Зурову: «И рассказом Ивана Алексеевича и “Приложением к литературному завещанию” я конечно чрезвычайно заинтересован и очень хочу напечатать все это в декабрьском (следующем) номере. Пришлите, пожалуйста, поскорее. А почему бы не напечатать и “Литер<атурное> зав<ещание>” (пусть в незавершенном виде, это можно оговорить). <...> Что касается воспоминаний Веры Николаевны, боюсь, что многое из того, что уже было опубликовано в книге “Жизнь Бунина” и в воспоминаниях, печатавшихся у нас, вошло и в ее воспоминания, и это будет неким повторением. <...> А может быть еще есть у Вас к<акие>-н<ибудь> неопубликованные записи И<вана> А<лексеевича>?»²¹

Зуров ответил, что «5 октября я возвращаюсь в Париж. Там отыщу находящийся среди неразобранных архивных материалов рассказ Ивана Алексеевича, который Вера Николаевна собиралась послать в “Н<овый> Ж<урнал>”. Но для этого мне необходимо просмотреть несколько чемоданов <...> Кроме того, мне придется написать коротенькую вступительную статью, в которой я должен объяснить, почему “Приложение к литературному завещанию” местами противоречит “Литературному завещанию” (это касается писем Ивана Алексеевича, записей, заметок, дневников). Постараюсь выслать Вам все как можно скорее»²².

В ответном письме Гуль проявил готовность принять все присланные материалы: «Дорогой Леонид Федорович, Спасибо за письмо. Стало быть очень жду: рассказ И<вана> А<лексеевича>, его “Приложения” (и хорошо бы было и “Литературное завещание” полностью) <...> Ваша вступительная статья к “Литературному завещанию” и “Приложению” совершенно необходима. Напишите, пожалуйста. Все это я хотел бы дать в декабрьском №»²³.

2 февраля 1962 г. Зуров сообщил: «Скоро пришлю Вам для мартовской книги рассказы Ивана А<лексееви>ча “Паломница”, “Модест” и записи Веры Николаевны “9 ноября” (9-го ноября пришло в Грасс известие из Стокгольма о том, что Ив<ан> Алек<сеевич> получил Нобелевскую

²¹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 14 сентября 1961 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 5.

²² Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 26 сентября 1961 г. // Там же. Л. 6.

²³ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 3 октября 1961 г. // Там же. Л. 7.

премию). Записано все правильно и точно. (Для читателей это очень интересно. Приложу свое краткое вступление и небольшую концовку.) Для июньского номера пришлю рассказ Ив<ана> Ал<ексееви>ча “Тучи” (*сноска: хороший рассказ*)»²⁴. (С этим рассказом произошел казус: уже после его опубликования выяснилось, что он принадлежал не Бунину, а А. Величковскому.)

В мае Гуль вновь обратился к Зурову с просьбой: «Посмотрите в архиве, м<ожет> б<ыть>, еще ч<то>-н<ибудь> найдете? И м<ожет> б<ыть> есть ч<то>-н<ибудь> Веры Николаевны? Хорошо бы было открыть книгу, как всегда, чем-нибудь из архива И<вана> А<лексеевича>. Если сейчас не можете прислать, то — позже...»²⁵. В ответ Зуров выслал рассказы Бунина «Лев» и «Коренной», а позже — «Зимний сон» и отрывки из писем. В письме от 2 августа 1962 г. Зуров сообщал: «Дорогой Роман Борисович, Посылаю Вам рассказ Ивана Алексеевича “Аля”, 2 записи (“Письмо” и о внучке А.С. Пушкина) и стихотворение (Пушкин пишет стихи в альбом). Стихотворение напечатано с переносами. Над этим я задумался, но не смел нарушить их строй»²⁶. Гуль ответил: «“Аля” хороша, но, по-моему, я ее уже где-то читал. Тем не менее я ее сдал, конечно. Но я уверен, что я ее читал»²⁷. Об одном из присланных рассказов (вероятно, «Зимний сон») Гуль написал Зурову 26 января 1963 г.: «Дорогой Леонид Федорович, большое спасибо Вам за присыл р<асска>за — действительно очень хорош. Какой-то сюрреалистический. Необычно для Бунина. Очень здорово»²⁸. Позже он сообщил о замысле отметить публикациями бунинских материалов 10-летие со дня смерти писателя: «Теперь вот о чем. Декабрьский № у меня уже весь в типографии. Чудесный отрывок “Грасского дневника” прислала Галина Николаевна²⁹. Очень хорош. И написан превосходно. Т<ак> к<ак> в ноябре (кажется) 10-летие со дня смерти Ив<ана> Ал<ексеевича> — то мне бы и хотелось дать побольше о Бунине. И этим открыть книгу. Для этого очень жду от Вас к<акой>-н<ибудь> небольшой рассказ его, вообще ч<то>-н<ибудь> хорошо подходящее к 10-летию со дня смерти. А за этим дам “Грасский дневник”. Но очень прошу Вас, дорогой Леонид Федорович, пришлите пожалуйста *поскорее*, ибо верстку надо начинать с того, что Вы пришлете»³⁰.

Впоследствии Гуль обращался к Зурову с просьбой присылать более крупные рукописи Бунина. 29 марта 1964 г. он писал: «...не пришлете ли

²⁴ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 февраля 1962 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 13.

²⁵ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 18 мая 1962 г. // Там же. Л. 17.

²⁶ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 августа 1962 г. // Там же. Л. 19.

²⁷ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 8 августа 1962 г. // Там же. Л. 20.

²⁸ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 26 января 1963 г. // Там же. Л. 25.

²⁹ Кузнецова.

³⁰ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 17 октября 1963 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 27.

Вы что-нибудь из архива И<вана> А<лексеевича> — но, если бы можно было — побольше. А то читатели многие жалуются, это, говорят, смешно даже (как мне одна читательница написала) даете Бунина по чайной ложке. Но понимаю, что это удовольствие надо продлить, и все же м<ожет> б<ыть> на этот раз Вы найдете возможным дать побольше»³¹. В ответных письмах Зурова ощущается стремление акцентировать значимость всех заметок Бунина. Так, 9 мая 1964 г. он писал: «Посылаю Вам очень интересный материал. В этих записях — подлинный Иван Ал<ексееви>ч»; и далее, в этом же письме замечал: «Все хвалят запись И<вана>А<лексеевича>, что опубликована была в № 75м. Даже Б.К. Зайцев в полном восторге»³². Кроме того, Зуров стремился компенсировать краткость бунинских рукописей другими архивными материалами. Так, он рекомендовал к публикации в НЖ подготовленные доцентом Эдинбургского университета М.Э. Грин письма Алданова к Бунину, которые поступили в редакцию в апреле 1964 г.³³

Гуль по-прежнему просил присылать записи Бунина («Надо уже давать по традиции в каждой книге»³⁴), однако выражал неудовлетворенность краткостью и незначительностью последних предложенных фрагментов. В ноябре 1964 г. Гуль откровенно написал Зурову: «Уже мне эти заметки не интересны, ординарны. Так дать — 2 стр<аницы> — по-моему нельзя. Будет ни к чему. Если бы дать стр<аниц> 10, то м<ожет> б<ыть> там будут и интересные записи, тогда это было бы оправдано. <...> Не пришлете ли Вы большой кусок этих записей? Или м<ожет> б<ыть> что-нибудь другое — набросок рассказа или записи содержательные, биографически интересные, как Вы присылали. Они были короткие, но интересные. Подумайте, пожалуйста. Не хочется ударить в грязь лицом с этими 2-мя стр<аницами>»³⁵. 9 августа 1965 г. Гуль одобрил присланную Зуровым очередную порцию архивного материала («...получил “Записи” (интересно)»³⁶), но в январе 1966 г. уже довольно категорично высказал свою неудовлетворенность: «Я не напечатал “Записи” Бунина последнего присыла в кн. 81 потому, что пустил “Записи” Зензинова, которые на мой взгляд оч<ень> хороши (они давно лежали в моем архиве). Но и теперь я в сомнении насчет последних “Записей” Бунина — уж оч<ень> это кратко, малоинтересно и к тому же там есть повторения того, что уже было напечатано. <...> Я противник того, чтобы в журнале

³¹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 29 марта 1964 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. . Л. 28.

³² Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 9 мая 1964 г. // Там же. Л. 30.

³³ См.: Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 21 апреля 1964 г. // Там же. Л. 29.

³⁴ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 8 июля 1964 г. // Там же. Л. 31.

³⁵ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 28 ноября 1964 г. // Там же. Л. 33.

³⁶ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 9 августа 1965 г. // Там же. Л. 37.

давать решительно все, что когда-нибудь Иван Алексеевич написал. Надо давать все-таки — интересное читателю. <...> А что у Вас — Ваших личных записей о Бунине — нет? Наверное есть. М<ожет> б<ыть> ч<то>-н<ибудь> пришлете»³⁷.

Зуров болезненно относился к просьбам написать воспоминания о Бунине. Замечание Гуля, видимо, вызвало раздражение, также как недооценка (по его мнению) «записей» Бунина. На данном письме Гуля содержится приписка рукой Зурова: «Записи Бунина там³⁸ переписывают, они ходят по рукам. Когда у меня был А.Т. Твардовский, то он увез оттиски»³⁹. Тем не менее спустя несколько дней он нашел и выслал в редакцию другие архивные материалы, одобренные редактором⁴⁰.

Летом 1967 г. Зуров отправил в редакцию ряд неизвестных стихотворений Бунина, которые были хорошо приняты и опубликованы, однако в конце года Гуль возмущенно написал Зурову: «Дорогой Леонид Федорович, Вы причинили Новому Журналу большую неприятность. И мне это очень горько. В кн. 93, которая вышла, я напечатал присланные Вами, как “неизвестные” три стих<отворени>я Бунина. Но, увы, два из них оказались очень известными (см. 9-томник: т. 8 с. 30 — “Степь”, т. 1, с. 283 “В столетнем мраке черной ели”) <...> Я, конечно, в следующей же книге дам заметку от редакции, что редакция была введена в заблуждение и что эти стихи были уже напечатаны. <...> И пожалуйста мне таких вещей больше не присылайте. Я буду печатать только то, что НИГДЕ не было напечатано»⁴¹.

В ответном письме Зуров мотивировал свой выбор материала тем, что все стихи были исправлены Буниным в 1943 г. (ссылаясь при этом на советских литературоведов)⁴², на что Гуль отвечал: «Дорогой Леонид Федорович, Я получил Ваше письмо. Знаете, я человек не архивный и не литературоведческий, поэтому все эти расщепления волоса в литературе меня не интересуют да и журнал мой не “Лит<ературное> наследство”. Поэтому предлагаю Вам — давайте забудем о том, что было, но впредь условимся. Я хочу печатать в Новом Журнале ТОЛЬКО вещи нигде не напечатанные или такие варианты, которые ЧРЕЗВЫЧАЙНО отличны от напечатанного и поэтому представляют самостоятельный интерес»⁴³. В итоге Гуль высказал предпо-

³⁷ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 23 января 1966 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 38.

³⁸ В СССР.

³⁹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 23 января 1966 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 38.

⁴⁰ См.: Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 24 апреля 1966 г. // Там же. Л. 39.

⁴¹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 31 декабря 1968 г. // Там же. Л. 51.

⁴² См.: Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, б.д. // Там же. Л. 52–53.

⁴³ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 13 июня 1969 г. // Там же. Л. 54.

ложение, что архив Бунина уже исчерпан, хотя материалы из этого архива впоследствии еще появлялись в НЖ.

Редактора волновала репутация журнала, который вызывал интерес у буниноведов в Советском Союзе, где к тому времени вышло 9-томное собрание сочинений Бунина. Гуль писал: «Если в эмиграции мало кто обратит внимание на то, что мы печатаем, как “неизвестные” — очень известные стихи Бунина, то в СССР специалисты по Бунину, да и многие другие литераторы, конечно, это сразу увидят. И такие “открытия” Новому Журналу никак не прибавят славы и хорошей репутации»⁴⁴.

Тема культурных контактов с Советским Союзом, ставших возможными в период «оттепели», постоянно присутствовала в переписке Гуля с Зуровым: речь шла об обмене письмами, пересылке публикаций и книг, о приезде известных людей (поэтов и литературоведов) из СССР.

Зуров во второй половине 1950-х — 1960-х гг. переписывался со многими корреспондентами из Советского Союза: историками, археологами, литературоведами, в частности с А.К. Бабореко, В.И. Малышевым, В.А. Мануйловым. После публикации «Литературного завещания» Бунина в НЖ, Зуров получил письмо от Бабореко с просьбой прислать ему вырезку из журнала с этой публикацией. Зуров переадресовал эту просьбу Гулю, комментируя ее так: «Да, Вы правы! “Новый Ж<урн>ал” там читают аккуратно»⁴⁵. На это Гуль отвечает убежденно: «Что Новый Журнал там читают это теперь совершенно точно установленный факт. И это “поднимает мораль”, потому что в конце концов там больше настоящих читателей для такого журнала. И интереса там больше к такому журналу. И нужнее там такой журнал»⁴⁶. Гуль выслал Зурову отгиски публикаций, в целях укрепления контактов с СССР и популяризации НЖ, добавив: «Н<овый> Ж<урнал> в СССР читают очень внимательно (*сноска: в литературных кругах*). И это очень радует. Прорывается, стало быть. А это все, что нужно, чтоб — прорывался»⁴⁷.

Однако эти связи приносили и огорчения: в СССР отдельные материалы из НЖ (например, рассказы и письма Бунина) перепечатывались и цитировались без ссылок на эмигрантское издание. Об этом можно прочесть в письмах 1962 г.⁴⁸

В переписке нашли отражение и высказанные мимоходом отзывы о писателях: негативные — о советских (Л. Никулине, К. Федине, Е. Евтушенко,

⁴⁴ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 31 декабря 1968 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 51.

⁴⁵ Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 февраля 1962 г. // Там же. Л. 13.

⁴⁶ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 5 февраля 1962 г. // Там же. Л. 14.

⁴⁷ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 25 февраля 1962 г. // Там же. Л. 16.

⁴⁸ См.: Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 18 мая 1962 г. // Там же. Л. 17; Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 2 августа 1962 г. // Там же. Л. 19; Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 8 августа 1962 г. // Там же. Л. 20; Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 22 августа 1962 г. // Там же. Л. 21; Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 28 августа 1962 г. // Там же. Л. 22.

В. Ажаеве, К. Чуковском), сочувственные — об эмигрантах А. Солженицыне и А. Белинкове.

Гуль был убежден, что литература в СССР находится под контролем КГБ и контакты с границей официально разрешены только «партийцам». В этой связи он был противником передачи на родину эмигрантских архивов. Например, 4 октября 1966 г. он писал Зурову: «Читал в Лит<ературной> газете, как Зильберштейн восхвалял Кодрянских и Прегель за помощь по собиранию эмигрантских архивов. Я держусь здесь довольно крайнего мнения: это оч<ень> опасное дело. <...> Думаю, что послать туда, напр<имер>, архив Саши Черного — было бы преступлением перед ним, перед мертвым»⁴⁹. Позиция Гуля, возможно, близкая и Зурову, объясняет нежелание последнего передать бунинский архив в Россию.

Затронута в переписке и проблема публикации мемуарных и документальных произведений. В 1960-е г. как в эмиграции, так и в Советском Союзе появился ряд произведений, воссоздающих облик Бунина и его близких: «Грасский дневник» Кузнецовой, книга Бабореко «И.А. Бунин: материалы для биографии», мемуарная повесть В.П. Катаева «Трава забвенья», автобиография Н.Н. Берберовой «Курсив мой» и др. Отрывки из произведения Кузнецовой были положительно оценены Гулем и опубликованы в НЖ (1963. № 74; 1964. № 76). Также приветственно было встречено в эмиграции исследование Бабореко — в НЖ была напечатана рецензия С. Крыжицкого на эту книгу (1968. № 91). Относительно других произведений мнение Гуля было иным. Так, 14 декабря 1967 г. он обращался к Зурову с вопросом: «Не хотели ли бы Вы написать письмо в редакцию о вранье Катаева? Было бы оч<ень> это нужно. Если Вы не хотите делать сами, пришлите мне все факты — и я помещу от редакции»⁵⁰. Еще более резко высказался Гуль о книге Берберовой «Курсив мой», вышедшей на английском языке: «Это книга глупая, плохо написанная <...>, а главное совершенно низменная. О Бунине, Адамовиче, Степуне и других — она дает все, что только может в смысле “шпилек” — гадостей»⁵¹. Более всего поразила рецензента необъективная оценка личности В.Н. Буниной. Зуров отвечал на это: «Дорогой Роман Борисович, о книге Н.Н. Берберовой мне многие с возмущением писали. Перевели и мстительные места (о Ив<ане> Алек<сеевиче> и Вере Николаевне). Погано, лживо и очень глупо. Н.Н. Б<ерберова> сознательно пошла на скандал. О скандалистах в литературе писал Иван Алексеевич. Но те начинали скандалом (желая обратить внимание на себя), а Н.Н. Б<ерберова> кончает

⁴⁹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 4 октября 1966 г. // Архив ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Д. 42. Л. 40.

⁵⁰ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 14 декабря 1967 г. // Там же. Л. 46.

⁵¹ Р.Б. Гуль — Л.Ф. Зурову, 16 января 1970 г. // Там же. Л. 57.

скандалом»⁵². Обоих авторов в данном случае объединило уважение к памяти писателей и непримиримость к необъективным мемуаристам.

Переписка Р.Б. Гуля с Л.Ф. Зуровым содержит ценную информацию о журнально-издательской жизни русского зарубежья в 1950–1960-е гг., дополняет сведения об истории НЖ, одного из самых авторитетных изданий русской эмиграции послевоенного периода, проясняет отношение его редактора к отдельным фактам литературного процесса. Публикация данной переписки и других архивных материалов и их дальнейшее изучение помогло бы более полному воссозданию историко-литературного контекста, в котором развивалась литература, журналистика и издательское дело русского зарубежья.

⁵² Л.Ф. Зуров — Р.Б. Гулю, 26 января 1970 г. // Там же. Л. 59.

Е.Ю. Скарлыгина

Литературные и общественно-политические журналы третьей волны эмиграции: редакционные стратегии

Аннотация: В статье анализируются особенности периодических изданий третьей волны русской эмиграции, их связь с неподцензурной русской культурой 1960–1980-х годов. Рассматриваются редакционные стратегии и литературно-художественный контент журналов «Континент», «Синтаксис», «Время и мы», «Эхо».

Annotation: The article provides profound analysis of the main traits of the “third wave” of Russian emigration periodicals and their linkage to uncensored Russian culture of the 1960–1980s. It focuses on editorial strategies, literary and art contents of the following magazines: «Kontinent» (=«Continent»), «Sintaksis» (=«Syntax»), «Vremia i My» (=«Time and We»), «Ekho» (=«Echo»).

Ключевые слова: третья волна эмиграции, неподцензурная русская культура, литературный процесс, литературные журналы.

Key words: «third wave» of emigration, uncensored Russian culture, literary process, literary journals.

В начале 1970-х годов, когда на Западе появились представители третьей волны русской эмиграции, в Европе и США на протяжении нескольких десятилетий уже издавались журналы «Грани», «Посев», «Новый Журнал», «Вестник РХД», газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк) и «Русская мысль» (Париж). Однако третья волна, в составе которой было много представителей научной и творческой интеллигенции, сразу же приступила к созданию собственных периодических изданий. Это объяснялось не только жадой самореализации, желанием печатать в бесцензурных условиях тексты, обреченные в СССР на запрет, но и необходимостью самоопределения внутри русской диаспоры, сложившейся на протяжении XX века. Третьей русской эмиграции нужно было создавать и организовывать собственное медийное пространство, и эта задача была решена, на наш взгляд, весьма успешно.

В сентябре 1974 года в Париже вышел первый номер журнала «Континент» — литературного, политического и религиозного ежеквартальника, которому предстояло сыграть весьма значительную роль в истории русской литературы и журналистики. По типу это был классический русский «толстый» журнал, который в XIX веке называли энциклопедическим. Владимир Максимов был его бессменным редактором в течение восемнадцати лет, вплоть до переезда издания в Москву в 1992 году (редактором московского «Континента» с 1992 по 2012 год был Игорь Виноградов).

Архив журнала «Континент» хранится в Германии, в Историческом архиве Forschungsstelle Osteuropa при Бременском университете. В 2006 г. автору данной статьи довелось поработать в этом архиве, куда В. Максимов лично передал незадолго до смерти все материалы, связанные с важнейшим изданием третьей русской эмиграции.

Журнал «Континент», по официальным сведениям, издавался на средства известного и влиятельного немецкого медиамагната — Акселя Шпрингера, высоко оценившего личные качества В. Максимова, его решительность и твердость убеждений уже при первой встрече в мае 1974 года. «Континент» был гонорарным изданием, что существенно отличало его от других, безгонорарных журналов и газет третьей волны эмиграции. Тем не менее И.Н. Толстой убежден, что в издательском деле и в журналистике русского зарубежья «тысячи эмигрантских названий за послевоенных полвека оплачивались Центральным разведывательным управлением США. Но не напрямую: никто из эмигрантов не приходил к кассовому окошку в здании ЦРУ в Лэнгли со словами: мне, пожалуйста, пятнадцать тысяч на журнал “Континент”. ЦРУ действовало через разнообразные фонды и благотворительные организации — как уже существовавшие, так и специально организованные, а иногда и через западные издательства, которым предоставляли необходимые суммы для оплаты конкретной работы»¹. Что же, это высказывание не вызывает у нас какого-то внутреннего протеста или недоумения. Хотя концерн А. Шпрингера действительно субсидировал издание «Континента», в 1976 году возник специальный Фонд «Ассоциации друзей “Континента”», который был рассчитан не на частные вложения отдельных лиц, а прежде всего на участие в нем крупных культурных и общественных международных организаций.

Журнал довольно быстро приобрел международный авторитет, это был поистине интернациональный проект. В 1977 году «Континент» выходил уже на девяти языках, включая голландский и японский. Первые номера журнала имели тираж 7 тысяч экземпляров, затем на протяжении десятилетия эта цифра то уменьшалась, то вновь возрастала, и к началу политических перемен на родине, в 1986 году, составляла 4 тысячи экземпляров, что для эмигрантского издания совсем не плохо (и на порядок выше, чем у любого другого эмигрантского журнала).

«Континент» был журналом с ярко выраженным направлением — антикоммунистическим, антитоталитарным. Он поддерживал диссидентское, правозащитное движение в СССР и других социалистических странах; целенаправленно освещал в публицистических статьях самые болевые точки

¹ Толстой И.Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М., 2009. С. 228.

русской истории XX века, которые сознательно замалчивала официальная советская историография. Здесь из номера в номер печатались коллективные заявления и письма протеста, открывавшие миру глаза на преследования инакомыслящих в Советском Союзе и странах Восточной Европы. В. Максимов дружил с Эдуардом Кузнецовым и Владимиром Буковским, принимал участие в судьбе Петра Григоренко и его семьи, состоял в переписке с Кронидом Любарским и Александром Воронелем, помогал выехать в эмиграцию бывшим политзаключенным.

Редколлегия издания была международной, в неё в разные годы входили Милован Джилас и Милан Кундера, Сол Беллоу и Роберт Конквест, Александр Гинзбург и Эрнст Неизвестный, Эдуард Кузнецов и Владимир Буковский, Ежи Гедройц и Юзеф Чапский, Александр Шмеман и Ален Безансон, Андрей Сахаров и Эжен Ионеско. После эмиграции из СССР в 1974 году в редколлегию «Континента» вошли Н. Коржавин, В. Некрасов, А. Галич, бессменным членом редколлегии был и Иосиф Бродский. Андрей Синявский и Мария Розанова принимали самое активное участие в подготовке первых двух номеров журнала. Именно здесь были опубликованы статьи А. Терца (Синявского) «Литературный процесс в России», «Памяти павших: Аркадий Белинков» и «Люди и звери» (о «Верном Руслане» Г. Владимова).

Конфликт между В. Максимовым и супругами Синявскими, который привел к расколу вчерашних эмигрантов из СССР на два непримиримых лагеря, начинался с чисто редакционных разногласий. Принято считать, что это было противостояние либерально-демократической и национально-почвеннической традиции в развитии русской общественной мысли. Но, на наш взгляд, здесь было немало личных мотивов, задетого самолюбия и неутоленных обид. Истории этого ожесточенного противоборства посвящена наша специальная статья «“Континент” и “Синтаксис”: к истории конфликта»².

Одной из серьезнейших причин раскола среди представителей третьей волны русской эмиграции стало отношение к А. Солженицыну и его выступлениям в западной печати. В. Максимов всегда относился к Александру Исаевичу с большим пиететом, не мог простить оскорблений и язвительности в адрес автора книги «Архипелаг ГУЛАГ», открывшей Западу глаза на кровавую историю советского режима. А супруги Синявские, Лев Копелев, Ефим Эткинд не могли, в свою очередь, простить А. Солженицыну (и В. Максимова с его нашумевшей «Сагой о носорогах», 1979) многочисленные антизападнические, как они считали, выступления в мировой печати, пре-

² См.: *Скарлыгина Е.Ю.* Русская литература XX века: на родине и в эмиграции. М.; СПб., 2012. С. 241–265.

небрежение демократическими ценностями, резкую по тону статью А. Солженицына «Наши плюралисты».

Между различными волнами русской эмиграции существовало, как известно, взаимное недоверие, недопонимание. Это было вызвано не только временной и поколенческой дистанцией, но и серьезными различиями в ментальности, в жизненном опыте. Вчерашние выходцы из СССР казались представителям «белой» и послевоенной эмиграции подозрительными чужаками, «советскими». Тем важнее и плодотворнее усилия, которые предпринимал редактор «Континента» для налаживания контакта между эмиграциями, для улучшения взаимопонимания. Владимир Максимов состоял в переписке с дочерью Толстого — Александрой Львовной, поддерживал «Толстовский Фонд» материально и не раз призывал как русскую эмиграцию, так и западную общественность помогать этой старейшей благотворительной организации. В. Максимов переписывался также и с Романом Гулем, который в середине 1970-х годов всерьез задумывался над тем, кто бы мог сменить его на посту главного редактора «Нового Журнала», и даже обсуждал с Владимиром Максимовым возможную кандидатуру преемника. В их эпистолярном диалоге фигурировали имена Виктора Некрасова, Наума Коржавина и Иосифа Бродского. На страницах «Континента» печатались произведения Леонида Ржевского и Игоря Чиннова, мемуары Иосифа Гессена и исторические работы А. Авторханова.

И все-таки главное внимание уделялось в «Континенте» современности. Журнал целенаправленно предоставлял свои страницы для прозы и поэзии авторов, подвергавшихся гонениям на родине: Бориса Чичибабина и Геннадия Айги, Сергея Гандлевского и Александра Сопровского, Венедикта Ерофеева и Лидии Чуковской, Владимира Корнилова и Фридриха Горенштейна, Инны Лиснянской и Семена Липкина. «Континент» писал о сложной творческой судьбе Юрия Любимова и Андрея Тарковского, Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской, рассказывал о живописи художников-нонконформистов, помещая на специальных вклейках цветные репродукции их картин. Весьма значительным был, кроме того, поток самиздатских рукописей, поступавших в редакцию по тайным каналам.

То, что «Континент» и В.Максимов как его редактор постоянно следили за новинками советской литературы, подтверждается многочисленными публикациями под рубриками «Литература и время», «Критика и библиография», «Коротко о книгах». Здесь не раз появлялись статьи и рецензии, посвященные творчеству Валентина Распутина и Фазиля Искандера, Юрия Трифонова и Булата Окуджавы, а также братьев А. и Б. Стругацких. Лично редактором «Континента» были написаны хвалебные рецензии на книгу

И. Золотусского «Н.В. Гоголь» и на монографию И. Волгина «Последний год Достоевского».

Поскольку «Континент» был не только литературным, общественно-политическим, но и религиозным журналом, на его страницах регулярно появлялись материалы, связанные с историей и современной практикой христианства, а также с судьбой русской православной церкви в XX веке. Однако пальму первенства В. Максимов в данном вопросе осознанно отдавал журналу «Вестник РХД», тесно связанному с публикацией и осмыслением текстов русской религиозной философии.

Хотя ведущая роль среди изданий третьей волны принадлежала, безусловно, «Континенту», следующим по значимости вполне можно назвать «Синтаксис» — журнал небольшого формата с подзаголовком «публицистика, критика, полемика». Он выходил с 1978 по 1995 год в Париже, всего было издано 37 номеров, но журнал не имел строгой периодичности и представлял собой семейное предприятие супругов Синявских. Более того, он даже печатался в их собственной небольшой типографии, расположенной в частном доме в предместье Парижа. Марии Васильевне Розановой-Синявской удалось создать частное издательство, в котором выходили книги, отличавшиеся эстетической, формальной новизной. Журнал плюс издательство — это верная стратегия для выживания периодического издания в эмиграции. Например, известный коллекционер Александр Глезер также выпускал в Париже журнал «Стрелец» и был владельцем частного издательства «Третья волна».

«Синтаксис», как уже было сказано, часто полемизировал с «Континентом», взгляды их редакторов на современную общественную и литературную жизнь — как в СССР, так и в эмиграции — существенно расходились. Значительная часть литературно-критических, публицистических статей в «Синтаксисе» принадлежит перу А. Синявского (А. Терца) и М. Розановой. С журналом активно сотрудничали Е. Эткинд, А. Есенин-Вольпин, И. Голломшток, П. Литвинов, Т. Венцлова, Б. Хазанов, З. Зиник, Э. Лимонов. Преимущество отдавалось здесь не реалистической, а гротескной, иронической прозе, фантастическим и сюрреалистическим элементам в литературе, новаторским эстетическим поискам. В журнале печатались рассказы, новеллы, критические очерки, философская и эстетическая полемика. Вплоть до 1985 года в «Синтаксисе» сохранялась рубрика «Прислано из России», где публиковались материалы самиздата. Журнал не мог себе позволить большую по объему прозу или поэзию, однако литературная критика и эссеистика были действительно интересными: здесь печатались Александр Жолковский и Зиновий Зиник, молодые Петр Вайль и Александр Генис, Михаил Эпштейн, Борис Гройс. Именно в «Синтаксисе» увидели свет статьи Абрама

Терца (А. Синявского) «Диссидентство как личный опыт», «Солженицын как устроитель нового единомыслия», «Чтение в сердцах». Можно смело утверждать, что «Синтаксис» был связан прежде всего с поиском новых художественных форм, с освобождением от идеологических догм и с развитием постмодернистской эстетики.

Международный демократический журнал литературы и общественных проблем «Время и мы», который начал выходить почти одновременно с «Континентом» (с 1975 года ежемесячно, а с 1980-го — шесть раз в год), имел свою «нишу» среди журналов третьей эмиграции: повышенное внимание уделялось проблеме антисемитизма и судьбе еврейства в XX веке. Среди авторов было много израильтян — недавних эмигрантов из СССР. Основателем, бессменным редактором и издателем в течение 27 лет был Виктор Перельман (до эмиграции — сотрудник «Литературной газеты»). Как и «Континент», журнал «Время и мы» делался совсем небольшой группой людей, и прежде всего — самим редактором. С 1980 года на общественных началах в создании номеров участвовали Дора Штурман в Израиле и Ефим Эткинд во Франции. Выпуск первых номеров журнала был профинансирован еврейскими благотворительными организациями (в частности, Сохнут), но в дальнейшем Виктору Перельману приходилось самому добывать средства для выживания издания. Состав редколлегии постоянно менялся, в разное время в нее входили: публицисты Лев Наврозов, Илья Суслов и Дора Штурман, поэтесса Лия Владимировна, кинорежиссер Михаил Калик, прозаик Виктор Некрасов, литературовед Ефим Эткинд.

Журнал имел вполне традиционные для литературного и общественно-политического издания разделы и рубрики: Проза; Поэзия; Публицистика. Критика. История; Из прошлого и настоящего; Наши публикации. Но, в отличие от В. Максимова и возглавляемого им «Континента», В. Перельман не ставил перед собой задачу осветить положение дел в Восточной Европе, рассказать о диссидентском и правозащитном движении. Политическая составляющая была в его журнале не столь значительной.

Обратившись к литературному разделу журнала «Время и мы», обнаруживаешь множество значительных имен и произведений, принадлежащих третьей волне эмиграции. Это Вас. Аксенов, Юз Алешковский, В. Войнович, И. Ефимов, Вик. Некрасов, А. Галич. Были и те, кто стал подлинным открытием издания: это Зиновий Зиник и Борис Хазанов.

Зиновий Зиник эмигрировал из СССР в 1975 году и жил в Лондоне, где был сотрудником радиостанции Би-би-си. Сегодня он широко известен как блестящий эссеист и рассказчик, несколько лет назад в России был издан сборник его эссе с парадоксальным названием «У себя за границей» (М., 2007). В самом этом названии скрыт культурный код представителей

третьей волны эмиграции, для которых жизнь в Европе, США или Израиле сопровождалась мучительной рефлексией по поводу своего советского прошлого и глубинных связей с Россией. В середине 1970-х годов Зиновий Зиник еще только начинал свой путь в литературе. В журнале «Время и мы» увидели свет все главные произведения писателя, принесшие ему известность: повесть «Извещение» (1976), романы «Перемещенное лицо» (1977), «Русофобка и фунгофил» (1985). Устойчивой темой гротескной прозы Зиника стала именно судьба советского эмигранта на Западе, его ментальные особенности.

Широко известный ныне прозаик Борис Хазанов (литературный псевдоним Геннадия Файбусовича) родился в 1928 году в Москве. В 1949 году он был обвинен в антисоветской пропаганде и арестован, прошел тюрьму и лагерь, был освобожден в 1955 году. Когда в № 6 (1976) журнала «Время и мы» увидела свет его повесть «Час короля», Борис Хазанов жил в СССР и передавал свои тексты по преимуществу в самиздат. Это была его первая публикация на Западе, причем редакция очень высоко оценила талант автора и определила само появление такого произведения как «чудо русской литературы». В дальнейшем в журнале «Время и мы» были опубликованы рассказы и повести Бориса Хазанова — в частности, философская повесть «Я Воскресение и Жизнь» (1980), а также отрывок из прозы о послевоенной жизни в СССР: «Антивремя. Московский роман» (1984). В 1982 году Борис Хазанов эмигрировал в Германию, где был соиздателем и соредактором общественно-политического журнала третьей эмиграции «Страна и мир» (1984–1992). Ныне Борис Хазанов — один из самых известных и издаваемых писателей, автор нескольких книг прозы и эссеистики, лауреат международных литературных премий. Живет в Мюнхене.

Прозу Фридриха Горенштейна журнал «Время и мы» также начал печатать еще до эмиграции писателя из СССР. В частности, в № 42 (1979) была опубликована его повесть «Искупление», которая теперь широко известна и экранизирована. Кроме того, здесь увидели свет его пьесы «Бердичев» (1980) и «Волемир» (1982), а также юмористические рассказы «Три встречи с Лермонтовым», «Контрреволюционер» и «Археологические страсти» (1982).

Важно отметить, что в журнале «Время и мы» публиковались не только произведения литераторов третьей волны эмиграции, но и тексты, поступавшие в редколлегию из СССР по тайным каналам. Так, здесь увидели свет повести авторов ленинградского самиздата: Б. Вахтина «Ванька-каин» (№ 4, 1977), А. Арьева «Долгота дня» (№ 23, 1977) и Ф. Чирскова «Андромер» (№ 27, 1978). Московская школа неподцензурной литературы была представлена психологической прозой Ю. Карабчиевского «Жизнь Александра Зильбера» (№ 55–56, 1980) и «Вчера, сегодня, завтра» (№ 57, 1980). Эти по-

вести посвящены жизни и духовному становлению еврейского юноши в послевоенной Москве. В повести Б. Ямпольского «Большая эпоха» (№ 13, 1977) раскрывалась жизнь обитателей коммунальной квартиры в одном из арбатских домов. По каналам самиздата в журнал «Время и мы» поступила и документальная повесть Лидии Чуковской «Предсмертие» (№ 66, 1982), посвященная последним дням и самоубийству Марины Цветаевой. Сегодня не лишним, пожалуй, будет напомнить, что такого рода материал было абсолютно невозможно опубликовать в то время на родине. Кроме того, Лидия Чуковская была в 1974 году исключена из Союза писателей СССР, и публикации в изданиях русского зарубежья оставались для нее единственной возможностью встречи с читателем.

Как любой уважающий себя «толстый» журнал, «Время и мы» публиковал не только русскую, но и зарубежную литературу. Переводчиками были, как правило, сами эмигранты третьей волны, причем в журнале печаталась зарубежная проза высокого уровня. «Совсем не случайно в первом номере журнала мы опубликовали роман Артура Кестлера «Тьма в полдень», — подчеркивал В. Перельман в одном из интервью. — Для нас он был романом-программой так же, как для миллионов людей он уже многие годы является романом-предостережением: вдумайтесь в трагическую судьбу бывшего члена ЦК, бывшего командарма, бывшего партийного вождя Залмана Рубашова, и тогда вы лучше поймете, каким дьявольским оборотнем способна обернуться идеология, как беспощадно мстит она тем, кто служит ей верой и правдой»³.

Среди мемуарной прозы, которой в журнале была отведена специальная рубрика «Из прошлого и настоящего», можно обнаружить немало текстов, и сегодня не лишенных интереса для читателей. Это воспоминания Натальи Михоэлс-Вовси, дочери знаменитого еврейского актера, «Убийство Михоэлса» (№ 3, 1976). Очень интересны мемуарные очерки К. Вилковского, поступившие в редакцию по каналам самиздата: «Похороны Пастернака» (№ 9, 1976) и «Прощание с Олешей» (№ 19, 1977). Из тех же источников была получена и рукопись С. Липкина «Арест романа» (№ 83, 1985), посвященная Василию Гроссману и судьбе его эпопеи «Жизнь и судьба».

В поэтическом разделе журнала печатались по преимуществу поэты-эмигранты — как из Израиля, так и из США, но здесь не приходится говорить о каких-то ярких открытиях. За исключением, пожалуй, Владимира Гандельсмана — ленинградского поэта, стихи которого в СССР не пропускала цензура. Сегодня В. Гандельсман — один из ведущих поэтов русского Нью-Йорка.

³ Перельман В. Третья эмиграция и джунгли свободы // Время и мы (Нью-Йорк — Иерусалим — Париж). 1979. № 37. С. 113.

В журнале «Время и мы» не было постоянной рубрики, связанной с литературной критикой. И одного или нескольких ведущих критиков в издании тоже не было. Однако в 1976 году (еще до создания журнала «Синтаксис») здесь были опубликованы две статьи Андрея Синявского: «Я и они» (№ 13) и «Театр Галича» (№ 14). Когда русская эмиграция не приняла книгу А. Синявского «Прогулки с Пушкиным» и устроила, по выражению писателя, «второй суд над Абрамом Терцем», журнал «Время и мы» выразил свое решительное несогласие с идеологическими нападками на вольную эссеистскую прозу одного из самых ярких писателей третьей волны эмиграции. В частности, Наталья Рубинштейн в статье «Абрам Терц и Александр Пушкин» (№ 9, 1976) искренне, убежденно и эмоционально защищала Синявского-Терца. Она писала о том, что «Прогулки...» нельзя оценивать с позиций науки и унылого школярского литературоведения, что в книге А. Терца есть легкость и свобода, присущие самому Пушкину. Изучению пушкинских черновиков она предпочитала анализ метафор, придуманных А. Терцем. В частности, Н. Рубинштейн утверждала, что, говоря о «пустоте» Пушкина, автор «Прогулок...» имел в виду его «всемирную отзывчивость»: «Пустота художника, по Синявскому, есть знак его абсолютной свободы, его распахнутого навстречу всему миру сердца»⁴.

Молодые в то время критики П. Вайль и А. Генис, жившие в Нью-Йорке, печатались в самых разных изданиях третьей волны эмиграции. В журнале «Время и мы», в частности, можно отметить их эссе о творчестве А. Зиновьева «Вселенная без мозжечка» (№ 39, 1979); статью о книге Ф. Искандера «Сандро из Чегема» («Сталин на чегемском карнавале»; № 42, 1979) и эссе о романе В. Аксенова «Ожог» («Разгром»; № 61, 1981).

Известный литературовед, критик и переводчик Ефим Эткинд, вынужденный эмигрировать из СССР в 1974 году, жил во Франции и не только входил в редколлегию, но и заведовал французским отделением журнала «Время и мы». Здесь увидели свет его статьи «Советские писатели и смерть» (№ 26, 1978); «Леонид Брежнев как писатель» (№ 30, 1978); «Литературная нравственность Феликса Кузнецова» (№ 47, 1979); «Рождение мастера. О прозе Фридриха Горенштейна» (№ 42, 1979); «Двадцать лет спустя. О Василии Гроссмане» (№ 45, 1979). Напомним, что именно Ефиму Эткинду мы обязаны тем, что рукопись романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», вывезенная на Запад В. Войновичем, была опубликована в Лозанне в 1980 году.

В 1988 году, когда в СССР стремительно нарастали перемены, вышел в свет № 100 журнала «Время и мы». Среди авторов юбилейного номера вновь видим известнейшие имена: Ф. Горенштейн и Б. Хазанов, Е. Эт-

⁴ Рубинштейн Н. Абрам Терц и Александр Пушкин // Время и мы. 1976. № 9. С. 128.

кинд и Т. Кибиров (поэма «Сквозь прощальные слезы»). Редакция издания и лично Виктор Перельман получили, разумеется, множество горячих поздравлений по поводу юбилея. Прочитируем только одно из них, присланное главным редактором «Нового русского слова» Андреем Седых: «Журнал, благодаря Вашим неустанным трудам, сделался одним из заметных явлений культуры Русского Зарубежья, и без него уже трудно представить себе жизнь российской эмиграции, ее лучшей — читающей, мыслящей — части и в Америке, и в Европе, и в Израиле. В этот знаменательный день “Новое Русское Слово” желает Вам столь же успешного продолжения большого и важного дела — на многие годы вперед. Пусть Ваш журнал сохранит свое “лица необщее выраженье”, приумножит число читателей и подписчиков, пусть читают его на всех широтах и долготах, — в том числе и в России!»⁵.

В том же номере было опубликовано развернутое интервью с Виктором Перельманом — «Исповедь перед юбилеем». Это разговор с увлеченным человеком и профессионалом, который на протяжении многих лет преданно служил собственному изданию. «Я абсолютно уверен, что даже когда мое имя канет в Лету, журнал “Время и мы” будет жить и останется важным источником познания эпохи, — подчеркивал В. Перельман. — Это не хвастовство и никакая не гордость содеянным, а просто констатация факта, который не может не вызвать у меня как у редактора удовлетворения. Но это лишь одна сторона дела. По складу характера я человек прямой и совершенно не выношу лицемерия. Так вот, 100-й номер, коль скоро мы называем его этапом, принес мне как издателю не только удовлетворение, но и разочарование: “Время и мы”, при всей любви к нему читателей и его большой популярности, так и не стал массовым изданием. И — что еще печальнее — по-видимому, никогда им не станет. Так что, сколь ни приятно звучит для уха сравнение с “Современником”, приходится признать, что оно нуждается в поправках. Ссылки на условия эмиграции многое объясняют, но вряд ли могут прибавить оптимизма»⁶.

В эпоху перестройки и гласности в СССР журнал «Время и мы» постепенно перестал быть изданием третьей волны эмиграции. Само понятие «писатель-эмигрант» уходило в прошлое, привычным стало говорить о русских писателях, живущих за рубежом. «Время и мы» воспринимался как журнал либерально-демократического направления, близкий по своим идеологическим позициям «Новому миру» и «Знамени». Издание журнала продолжалось в Нью-Йорке еще десять лет; в 2003 году Виктор Перельман умер.

⁵ Первые поздравления // *Время и мы*. 1988. № 100. С. 4.

⁶ *Перельман В. Исповедь перед юбилеем* // Там же. С. 6.

Здесь мы переходим к весьма необычному изданию третьей волны эмиграции — журналу «Эхо». Это был именно *литературный* журнал, взявший на себя в конце 1970-х годов обязательство публиковать по преимуществу литературу самиздата, прежде всего ленинградского. Журнал стал парижским эхо тех процессов, которые происходили в неофициальной литературе и печати СССР. Издание было частной инициативой и выпускалось Алексеем Хвостенко и Владимиром Марамзиным на личные средства последнего. Название издания было предложено Иосифом Бродским. На титульном листе каждого номера помещалось стихотворение А.С. Пушкина «Эхо», написанное стилизованной вязью. Не имея никаких дополнительных дотаций и сторонней материальной поддержки, журнал просуществовал недолго, но оставил след в истории русской литературной журналистики. В 2002–2004 годах издательство Ивана Лимбаха в Санкт-Петербурге выпустило трехтомник «Коллекция: петербургская проза (ленинградский период)», охватывающий литературу ленинградского андеграунда 1960–1980-х годов. Многие тексты, вошедшие в это представительное и ценное издание, были первоначально опубликованы в журнале «Эхо». Всего было издано 14 номеров «Эха»: из них первые двенадцать — в 1978–1980 годах, когда журнал выходил ежеквартально, а два последних — в 1984 и 1986 годах. В статье, опубликованной в «Континенте», критик Эмиль Коган отнес «Эхо» к типу *тонких* журналов и назвал его прямым родственником таких изданий, как «Весы», «Аполлон», «Золотое руно», «Перевал». Появление подобного литературного журнала свидетельствовало, по мнению критика, «не только о возникновении у нас (в эмиграции. — Е.С.) культурной среды, но и о ее чрезвычайной жизнестойкости. Выпускать тонкий журнал — сужу по его зарубежным кузенам — всегда добровольная нагрузка, всегда субботник литератора»⁷, — писал Э.Коган, подчеркивая финансовую самостоятельность издания. «Эхо», в отличие от «Континента», «Граней», «Синтаксиса», «Вестника РХД» и т.п., было исключительно литературным изданием, ориентированным прежде всего на авангардную традицию русской литературы, на тексты Даниила Хармса, Михаила Зощенко и Андрея Платонова.

В разделе прозы журнал опубликовал отрывки из романов Юза Алешковского «Кенгуру» и «Карусель», комическую драму А. Волохонского и А. Хвостенко, повесть В. Высоцкого «Жизнь без сна», рассказы Рида Грачева, «Летний день» Олега Григорьева (с рисунками Доротеи Шемякиной), рассказы Владимира Марамзина и Юрия Милославского, «Вальс для К.» Дмитрия Савицкого, разнообразную прозу Елены Шварц, Генриха Шефа, Сергея Юрьенена, Александра Кондратова. Рукопись прозы Высоцкого поступила в

⁷ Коган Э. Тонкий журнал «Эхо» // Континент (Париж). 1979. № 20. С. 426.

редакцию в незавершенном виде и без названия (авторский вариант заглавия, «Дельфины и психи», был тогда неизвестен). Именно редакторы «Эха» дали повести название «Жизнь без сна», под которым она печатается теперь и в России, и за рубежом.

В поэтическом разделе «Эха» представлены Владимир Адмони, Дмитрий Бобышев, Иосиф Бродский, Анри Волохонский, Владимир Высоцкий, Глеб Горбовский, Михаил Еремин, Виктор Кривулин, Эдуард Лимонов, Лев Лосев, Олег Охапкин, Сергей Стратановский, Владимир Уфлянд, Алексей Хвостенко, Елена Шварц. В № 14 (1986) была опубликована представительная подборка стихотворений Генриха Сапгира и Игоря Холина.

В жанре эссе журнал познакомил читателя с работами Вадима Делоне, Иосифа Бродского («Меньше, чем единица»), Михаила Хейфеца. Среди архивных публикаций «Эха» — Александр Введенский («Некоторое количество разговоров, или Начисто переделанный темник», «Кругом возможно Бог») и Андрей Платонов — «Ювенильное море». Этот выбор также неслучаен, в нем отразился пристальный интерес издания к модернистской традиции в русской литературе.

Литературная критика «Эха» — это статьи П. Вайля и А. Гениса о Венедикте Ерофееве, М. Геллера — об Андрее Платонове, С. Довлатова о В. Уфлянде, Л. Лосева — об И. Бродском и М. Еремине, В. Марамзина — о Владимире Максимове и Эдуарде Лимонове. Одной из важнейших заслуг издания стала публикация максимально подробной библиографии Андрея Платонова, включающей газетные материалы 1920–1940-х годов (составители — А. Киселев, Т. Лангерак, В. Марамзин). Журнал неоднократно вступался за гонимых на родине литераторов: Георгия Владимова, Владимира Войновича, Виктора Кривулина, Михаила Мейлаха, Константина Азадовского. Как заявил В. Марамзин в первом номере издания, «“Эхо” не занимается специально политикой, тем не менее никогда не забывает зловещей цифры 1917»⁸; здесь же он подчеркнул решимость журнала «не обольщаться никаким социализмом или коммунизмом, с лицом и без того. Хорошего социализма не бывает, это грамматическая нелепость».

В журнале «Эхо» по преимуществу представлена так называемая «ленинградская проза», ориентированная на традиции Платонова, Зощенко и Обэриутов. Для этой прозы характерна авторефлексия, идея внутреннего саморазвития и самоанализа личности, ощущение приватности человеческого существования. Ленинградских авторов «молодой прозы» 1960-х годов отличали повышенное внимание к эстетической стороне текста и погруженность в книжную культуру. Кроме того, в этой прозе вновь воскресал

⁸ Марамзин В. [От редакции] // Эхо (Париж). 1978. № 1. С. 5.

«маленький человек» — традиционный герой петербургского периода русской литературы. Таким образом, у журнала «Эхо», генетически связанного с ленинградской неподцензурной культурой, сразу обнаруживался общий эстетический знаменатель, и это заметно отличало его от других периодических изданий третьей волны эмиграции. В статье «Выговор “Эха”», опубликованной в «Русской мысли», Кира Сапгир (критик и прозаик «третьей волны») писала: «“Эхо” издают ленинградцы. Отбор произведений для журнала носит отпечаток странновидения. В выговоре авторов есть нечто неуловимое, тот акцент, который всегда выдает жителей этого стройного, странного города. Города, где среди самого большого шума присутствует молчание. Мандельштам, с его точными, точечными касаниями самой сути, соединил дугой две точки: город — и страданье “детских припухлых желёз”. И вот этот-то выговор — сквозь непохожую гортань, дает ломкость — словно отражение улицы в треснувшем зеркале. Такова ленинградская “городская проза”, чудесно проросшая в 60-х годах, как бы на пустом месте, как бы начавшаяся от нуля»⁹.

Одним из самых существенных достижений журнала «Эхо» в области прозы стала публикация произведений Бориса Вахтина. Это рассказы «Сержант и фрау», «У пивного ларька», повести «Летчик Тютчев — испытатель» и «Одна абсолютно счастливая деревня», а также философская работа писателя «О чем пророчествовала русская культура?» (№ 14, 1986). В момент появления в журнале с этими текстами были знакомы, разумеется, только читатели самиздата. Созданная в традициях модернистской поэтики, проза Б. Вахтина сознательно нарушает обычную для реализма иллюзию жизнеподобия. Так, например, повесть «Одна абсолютно счастливая деревня», по замечанию Э. Когана, «лишена временного измерения. Былое и завтрашнее, жизнь и смерть не признают хронологического порядка. Молодые колхозники, “дремучий дед”, заставший еще нашествие французов, а также погибший в последнюю войну Михеев — все спрессовано в едином экзистенциальном комплексе»¹⁰. В 2000 году по повести Б. Вахтина «Одна абсолютно счастливая деревня» был поставлен спектакль в Московском театре «Мастерская П.Н. Фоменко» (год спустя удостоен премии «Золотая маска»), так что проза Б. Вахтина оказалась включена в современный культурный контекст.

Мы оставляем в стороне целый ряд весьма заметных и важных изданий третьей волны эмиграции: это философский и публицистический журнал «Страна и мир», который с 1984 по 1992 год издавали в Мюнхене К. Любарский и Б. Хазанов; это религиозно-философский журнал малого формата

⁹ Сапгир К. Выговор «Эха» // РМ. 1981. 9–15 окт. № 3381. С. 12.

¹⁰ Коган Э. Указ. соч. С. 427.

«Беседа», выходявший в Париже с 1983 по 1993 год (редактор Татьяна Горичева при участии Бориса Гройса), журнал А. Глезера «Стрелец» и его же альманах «Третья волна»; журнал «22» Р. Нудельмана, выходявший в Тель-Авиве. Стратегия этих изданий в главном была общей: вопреки жесткой идеологической цензуре в СССР возвращать в историю русской литературы и общественной мысли XX века те имена и произведения, без которых эта история не только не полна, но и попросту непредставима. Когда мы рассуждаем о литературном процессе в России второй половины XX века, нужно не забывать, что журналы третьей волны эмиграции имеют к этому процессу самое прямое отношение и являются его важной составляющей.

ДЕЛА ГАЗЕТНЫЕ

З.С. Бочарова

Место «Руля» в ряду эмигрантской прессы 1920-х гг.

Аннотация: В статье рассмотрены условия появления и деятельности газеты «Руль», показана география распространения и динамика тиража, обозначен состав авторов, взаимоотношения с другими изданиями, содержательное насыщение.

Annotation: The article describes the conditions of the appearance and activities of the newspaper «Rul'» (=«Rudder»), shows geographical distribution and the dynamics of the circulation, designates the authors, the relationship with other publications, and their meaningful saturations.

Ключевые слова: эмиграция, газета «Руль», И.В. Гессен, В.Д. Набоков, «Последние новости», П.Н. Милуков, «Возрождение», П.Б. Струве.

Key words: emigration, newspaper «Rul'» (=«Rudder»), I.V. Hessen, V.D. Nabokov, «Poslednie Novosti» (=«Latest News»), P.N. Miliukov, «Vozrozhdenie» (=«Renaissance»), P.B. Struve.

Периодическая печать для российского зарубежья играла особую роль. Она являлась одной из тех скреп, которые позволяют говорить о Зарубежье, рассеянном по десяткам стран мира, как феномене внутерриториальной государственности. Газеты — среда эмигрантской жизни, как заметил А.В. Лысенко¹. Создавая и объединяя информационное пространство, эмигрантские газеты позволяли беженству осознавать себя не распыленными песчинками, а относительно единым социумом, более того, Россией вне границ, унесенной за пределы ее территории, выполняющей миссионерскую функцию. Несмотря на всю условность подобных констатаций, мы не можем не признать, что пресса способствовала тому, чтобы Россия № 2 не превратилась в «безликую этническую массу», «беженскую пыль», имела свое лицо.

Известно, что 90% эмигрантских газетно-журнальных изданий выходили на русском языке. В столице Германии в начале 1922 г. выходило значительно больше русских изданий, чем в Париже. Берлин не случайно был избран местом выпуска «Руля». Здесь в 1919–1923 гг. проживала самая крупная колония выходцев из России и даже существовала тенденция переселения сюда русских из Франции. До 1924 г. в Берлине находился главный

¹ См.: Лысенко А.В. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. М., 2000. С. 9.

центр русской диаспоры. Когда эмигрантская колония города утратила уже в значительной степени свою многочисленность, здесь еще несколько лет действовало множество русских политических групп. Необходимо отметить относительное благосостояние беженцев, эмигрировавших в Германию: сюда съехались, в частности, те русские, которые имели в своем распоряжении некоторые капиталы. Большинство эмигрантов проживало в престижных районах столицы. По свидетельству газеты «Руль», из русских, к январю 1921 г. оказавшихся в этом городе, третью часть составляли лица, не нуждавшиеся «ни в сербских разменах, ни в русских комитетах, способные даже поощрять искусство».

Г. Ашкенази писал в «Голосе эмигранта»: «Нет, кажется, страны, где бы не существовало, по крайней мере, одно русское книгоиздательство; в иных центрах их насчитывается по нескольку. Конечно, впереди всех идет Германия с ее высокоразвитой книжной промышленностью. В одном только Берлине работают, по крайней мере, тринадцать русских издательств»². Традиционно развитая в Германии книжная промышленность с совершенной полиграфической базой, обилие литераторов и насыщенная культурная жизнь создавали особо благоприятные условия для расцвета эмигрантской периодики. По количеству газет и журналов в 1921–1924 гг. Берлин значительно опережал другие центры эмиграции. И.В. Гессен насчитал в Берлине 72 русских издательства, утверждая, что подобного изобилия не знал даже Петербург³. К 1924 г. во всей эмиграции, по данным Союза русских издателей в Германии, было 130 издательств, из которых 87 находились в Германии, выпуская 145 наименований газет, журналов, альманахов и т.д. По подсчетам немецких исследователей, за 1918–1928 гг. в Берлине в общей сложности было учреждено 188 русских издательств, часть из которых так и не начали функционировать⁴. Со временем приоритет перешел к Парижу, затем — Белграду. На первом месте по массовости стояли литературно-политические журналы, на втором — литературно-художественные, на третьем — специальные⁵. Публикации в периодической печати являлись не только возможностью высказать свои мысли, но и источником средств существования. Поэтому авторы некоторые свои статьи публиковали неоднократно, в различных изданиях.

² Ашкенази Г. Русская эмиграция и русская культура // Голос эмигранта. 1921. № 2. С. 8; Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокина. М., 2003. С. 133.

³ См.: Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 106.

⁴ См.: Жирков Г.В. Между двух войн: журналистика русского зарубежья (1920–1940 годы): Учебное пособие. СПб., 1998. С. 35.

⁵ См.: Аргунов А. Литературно-издательская деятельность эмиграции // Свободная Россия. 1924. № 3. С. 175.

Многочисленность, аутентичность, оперативность, непосредственное реагирование на происходившие события, публикация материалов по злободневным вопросам, наличие обратной связи с читателями, систематичность выхода, хорошая сохранность, полнота коллекций органов периодической печати делают их важнейшим источником по истории эмиграции даже с учетом того, что публиковалась не всегда правдивая и проверенная информация.

В Германии «Руль» был авторитетнейшей русской газетой⁶ и одной из четырех наиболее крупных эмигрантских газет, наряду с леволиберальными «Последними новостями» (Париж, 1920–1940), либерально-консервативным «Возрождением» (Париж, 1925–1940), «Сегодня» (Рига, 1919–1940). Выпуск газеты стал возможен благодаря заключению договора 5 ноября 1920 г. между немецкой фирмой «Газетное и книжное издательство “Ф. Ульштейн”» и обществом с ограниченной ответственностью «Руль». Типографские работы, управление издательским процессом выполнялись Ф. Ульштейном, редакция «Руля» получала право на информационную службу фирмы и помещение. 20 апреля 1923 г. был подписан новый, менее выгодный для газеты договор. Доля Ульштейна в общей прибыли от издания газеты возрастала.

Газета выходила в Берлине с 16 ноября 1920 по 14 октября 1931 г., всего 3309 номеров. Ее редактировали кадеты В.Д. Набоков, И.В. Гессен⁷ и А.И. Каминка (отвечал за экономическое положение газеты). Сторонниками редакции были П.Д. Долгоруков, А.В. Тыркова-Вильямс, А.А. Кизеветтер, А.С. Изгоев, И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев и др., т.е. группа кадетов, разошедшихся во взглядах с П.Н. Милюковым, «избавленных от старой партийной связанности и от Милюковского гипноза»⁸. «Руль» пытался сохранить преемственность с дореволюционной кадетской «Речью», и газета имела ту же «внешность», «тот же рисунок заголовка, подбор шрифтов, манеру верстки, да и сотрудников бывшей “Речи” в “Руле” было немало»⁹. Появление первого номера 16 ноября 1920 г. совпало с крушением П.Н. Врангеля.

⁶ См.: *Жирков Г.В.* Указ. соч. С. 84.

⁷ И.В. Гессен первоначально не только не проявил инициативы в издании «Руля», но и противодействовал его созданию, т.к., во-первых, главной задачей оставалось сокрушение большевизма, в чем эмиграцию убеждать было излишне, и, во-вторых, по поводу способов и форм борьбы разогласия оставались настолько глубокие, что «вынесение сора на глаза иностранцев представлялось крайне нежелательным в смысле урона сочувствия и уважения к эмигрантской избе» (*Гессен И.В.* Указ. соч. С. 114–115).

⁸ А.В. Тыркова — Г. Вильямсу, 8 июня 1921 г. // *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма* / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 355–356. В том же письме она писала о П.Н. Милюкове: «Он вообще брызгает ядом. Но вряд ли он очень счастлив. Все-таки около него только Гронский, Волков и Мандельштам».

⁹ Цит. по: *Жирков Г.В.* Указ. соч. С. 85.

И.В. Гессен вспоминал, что пришлось наскоро «перекраивать и переделывать» руководящую редакционную статью «применительно к грозным сообщениям об окончательном поражении и эвакуации Крыма»¹⁰. В 1924–1925 гг. при газете выходило иллюстрированное воскресное приложение — журнал «Наш мир» (1924. № 1–41; 1925. № 1–17) под редакцией Н.И. Радина.

Тираж издания достаточно быстро перевалил за 20 тыс. экземпляров (ср.: в начале 1930-х гг. тираж «Последних новостей» составлял более 30 тыс. экземпляров, а порой доходил до 35 тыс.¹¹). Абонементный отдел рассылал «Руль» почти в четыреста городов в 34 странах, в том числе и в Москву, где она попадала на письменный стол И.В. Сталина. И.В. Гессен отмечал, что «газету выписывали буквально во все части света, и проникала она в такие места, о которых не только не приходилось слышать, но названия которых, как, например, Малапера или Марапарибор, неизменно напоминали солдата из “Войны и мира”, передразнивавшего французскую речь... — совершенно загадочным казалось присутствие в таких местах соотечественника, испытывающего потребность в русской газете»¹². 31 января 1922 г. «Руль» писал, что «если книга для рядового, хотя и интеллигентного обывателя все же являлась некоторого рода роскошью, то газета была всегда необходимостью». Опираясь на архивные материалы, можно проследить географию распространения газеты (максимально — в 28 государствах Европы, а также на Американском континенте (не более 2 % на январь 1925 г.), в Африке (1,1 % на январь 1925 г.), Азии (не более 2 % на январь 1925 г.), Австралии (1 экз.)), а также динамику тиража в 1923–1926 гг.¹³

На 29.01.1923	На 09.05.1923	На 04.01.1924	На 01.06.1924	На 10.11.1925	На 04.07.1926
12 514	10 074	13 207	20 252	10 698	8 150

При этом за пределами Германии распространялось от 1/3 до 4/5 тиража. Так, в начале 1923 г. примерно 11,5 % тиража отправлялось в КСХС, 8,9% — в Латвию, 6,4 % в ЧСР, 5 % — в Эстонию, 4,5 % — в Болгарию, 3,4 % — во Францию; в июне 1925 г. 5,5 % — в ЧСР, 4,4 % - в Данциг, 3,9 % — в КСХС, 2,7 % — в Латвию, 1,7 % — в Швейцарию, 0,9 % — во Францию. Интересны цифры по Турции: в начале 1923 г. туда было отправлено 165 экземпляров; 25 июля 1925 г. — 106, 13 августа — 1экземпляр, а с сентября уже не распро-

¹⁰ Гессен И.В. Указ. соч. С. 121.

¹¹ См.: Жирков Г.В. Указ. соч. С. 70.

¹² Гессен И.В. Указ. соч. С. 139.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5882. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–53.

странялась. В Советскую Россию выписывалось в начале 1923 г. 135, в июне 1925 г. — 208 экземпляров¹⁴.

Успех газеты начала 1920-х гг. породил смелые планы по изданию еженедельного иллюстрированного приложения «Наш мир» и ежегодника «Руля» (как было в свое время в «Речи»). Редакция даже разослала анкету во все известные организации с просьбой ответить на вопросы, касавшиеся как деятельности организации, так и положения беженцев в той или иной стране. Ответы И.В. Гессен переслал в Прагу, молодому талантливому сотруднику Е.Л. Недзельскому, который взялся написать главную статью о беженстве, что и сделал. По объему получилась целая книга, насыщенная интереснейшими данными, которая, как вспоминал И.В. Гессен, «давала яркую картину быта и настроений, и притом не головки, а беженской массы»¹⁵. Однако ежегодник не вышел.

Среда, в которой работали редакции периодических изданий, была крайне политизированной. Несмотря на то, что многие издания заявляли о своей нейтральности, они все-таки выдерживали определенную политическую линию. То же было и с «Рулем», который представлял умеренно-либеральную линию, пропагандировал парламентскую демократию западного образца. Газета подвергалась нападкам слева и справа, в том числе и со стороны парижской группы кадетов во главе с П.Н. Милюковым. Когда «Последние новости» стали выходить под его редакцией, В.Д. Набоков поместил в «Руле» статью под заглавием «Другу-противнику», назвав разногласия между кадетами эфемерными. Монархисты называли «Руль» «паршивым еврейским притоном». По ходатайству немецких главных редакторов газет, у которых И.В. Гессен пользовался большим уважением, власти приставили к нему полицейскую охрану. Но его детище настолько последовательно реализовывало задачу борьбы против советской власти (подробное освещение Кронштадтского мятежа, на который возлагались надежды, поддержка интервенции, Белого движения и пр.), что это обстоятельство давало повод обвинять его в склонности к монархизму. Однако «Руль» однозначно отмежевался от сторонников восстановления монархии, указывая, что эта форма власти с отречением Николая II ушла навсегда, а монархические заговоры лишь осложняют освобождение России. Вместе с тем идея конституционной монархии оставалась на повестке дня, и по этому вопросу на страницах издания можно найти замаскированную полемику между В.Д. Набоковым и И.В. Гессеном.

В.Д. Набокову суждено было стать жертвой столкновения позиций монархистов и кадетов во время выступления П.Н. Милюкова в зале Берлин-

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5882. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–53.

¹⁵ Гессен И.В. Указ. соч. С. 143.

ской филармонии 28 марта 1922 г.¹⁶ Финский ученый Ю. Суомела заметил, что «ирония судьбы заключалась в том, что вместо Милюкова монархисты убили Набокова, хотя именно Набоков постоянно писал в благожелательном духе о монархистах, о продолжении вооруженной борьбы, о необходимости сохранить боеспособную Белую армию»¹⁷. Приезд в Берлин П.Н. Милюкова в марте 1922 г. должен был примирить разные крылья кадетской партии. Накануне «Руль» опубликовал статью, в которой выражалась надежда, что разногласия между руководителями партии ушли в прошлое. И.В. Гессен встретил П.Н. Милюкова с экземпляром «Руля». Но П.Н. Милюков остался непреклонен. Не случайно после того, как он стал редактором «Последних новостей», газета, по сути, стала рупором парижской группы кадетов. В то время как «Руль» до последнего пытался удержаться на позициях новостной газеты.

Еще более конфронтационные отношения складывались у И.В. Гессена и его коллеги Г.А. Ландау, пришедшего на место В.Д. Набокова, с газетой П.Б. Струве «Возрождение», которая имела ярко выраженную умеренно-консервативную монархическую политическую окраску. Авторский состав газет «Руль», «Последние новости», «Возрождение» формировался соответственно идейной ориентации и личным симпатиям. Так, А.П. Шполянский (Дон-Аминадо), публиковавшийся в газете у П.Н. Милюкова, считал невозможным сотрудничество в организуемом в 1925 г. «Возрождении». Н.А. Бердяев также отказался от участия в этой газете. В то же время Н.А. Тэффи, оставаясь постоянной сотрудницей «Последних новостей», включилась в работу «Возрождения», которое привлекло также И.А. Бунина, И.С. Шмелева¹⁸, А.И. Куприна, И.А. Ильина, В.В. Шульгина, В.Ф. Ходасевича и др. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус пришли в «Возрождение» лишь после ухода П.Б. Струве. А.В. Тыркова-Вильямс, сторонница «Руля», поддерживала связь и с «Возрождением», а ее сын, А.А. Борман, вошел в редколлегия газеты. В письме Ю.Ф. Семенову она, оценивая результаты кризиса 1927 г. в «Возрождении»¹⁹, писала, что от П.Б. Струве «исходит заразительное малокровие и газетное, и политическое. Стиль высокомерный, начиная от передовой и кончая заметкой о картине», отмечала, что «русская жизнь не отражается, если не считать кружковых ссор», что «газета не только не стала сборным местом для беженцев патриотов», но «внесла лишнее распыление

¹⁶ Подробнее см.: *Волошина В.Ю.* Убийство В.Д. Набокова // Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски: Сб. материалов конф. СПб., 2015. С. 100–112.

¹⁷ *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004. С. 156.

¹⁸ В 1929 г. после ссоры с С.К. Маковским И.С. Шмелев прекратил сотрудничество с «Возрождением», вернувшись в число авторов лишь в 1934 г.

¹⁹ В 1927 г. П.Б. Струве ушел из газеты «Возрождение», его место редактора занял Ю.Ф. Семенов. След за П.Б. Струве газету покинули ряд других сотрудников.

и смуту в умы». И добавляла: «Я не могу без горечи смотреть, как офицерство читает “Последние новости”, ругая Милюкова и все-таки незаметно воспринимая его идеи»²⁰.

«Руль» своей главной задачей ставил освещение событий, происходивших на родине, разоблачение большевизма и т.п. Газета старалась соблюсти объективность, особенно после установления дипломатических отношений Германии с Советской Россией. В январе 1921 г. без всяких комментариев поместили заметку об успехах электрификации, сопроводив ее списками городов и сел, где новые власти оборудовали электростанции. Такую информацию с гордостью напечатали бы и в советском издании. Если учесть при этом, что в компании по обличению большевиков в развале экономики и неспособности вести хозяйство берлинские кадеты принимали самое активное участие, то заметку «Электрификация Московской губернии» можно считать доказательством их добросовестности. О том же свидетельствует описание Баку после захвата его Красной армией. «Следует признать, — отмечали в «Руле», — что первоначально в Баку царил полный порядок, не было насилий, разбоев, грабежей... Даже... местная “чрезвычайка” оказалась очень мягкой; лицо, стоявшее во главе ее, ...коммунист Чураев, человек безукоризненной честности и высокой гуманности»²¹. Однако добывать точные сведения из России было чрезвычайно трудно. К тому же к «Рулю» подбирались ГПУ. Об этом писал И.В. Гессен в своих воспоминаниях, об этом читаем у З. Арбатова в «”Ноллендорфплатцкафе” (Литературная мозаика)», который упоминает И. Коноплина, предлагавшего служащей редакции газеты Н. Давыдовой, имевшей больную мать и нуждавшейся в деньгах, дважды в неделю давать ему письменные доклады о секретных делах редакции, о материалах, поступающих И.В. Гессену для издательства «Слово» и для «Архива русской революции»²².

Советское постпредство в Берлине отслеживало публикации на тему политики советского государства и регулярно направляло в адрес министерства иностранных дел Германии протесты. Хотя И.В. Гессену и приходилось объясняться перед чиновниками ведомства, русский отдел германского МИД в официальном ответе ссылался на свободу печати²³.

Другой особенностью газеты стало использование эзопова языка, который позволял, по словам И.В. Гессена, «отречься или существенно варьировать высказанные мысли», и в первую очередь для того, чтобы иметь возможность

²⁰ А.В. Тыркова — Ю.Ф. Семенову, 30 мая 1927 г. // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 380.

²¹ Цит. по: Сперкач А.И. «Руль» (Берлин, 1920–1931 гг.) // Антибольшевистская Россия: энциклопедический словарь. URL: http://www.antibr.ru/dictionary/ae_rul_k.html

²² См.: Русский Берлин. С. 168.

²³ См.: Гессен И.В. Указ. соч. С. 127.

маневра в случае, если тот или иной эмигрант подаст на газету в суд²⁴. Вместе с тем редакторы стремились дать полную картину расселения беженцев, эмигрантского быта, регулярно печатали материалы об урегулировании правового положения и о социальной адаптации российской эмиграции.

Тесное сотрудничество наладилось у «Руля» и с различными общественными организациями русского Берлина, в первую очередь с Союзом адвокатов. Периодически из союза сообщали, что в его интересах «было бы полезно, если бы в печати было отмечено» то или иное обстоятельство. И в «печати», как правило, уделяли нужному вопросу должное внимание. Редакция «Руля» выступала организатором всевозможных эмигрантских мероприятий, вплоть до сбора пожертвований «в неделю русского студента».

Правовые вопросы занимали особое место на страницах «Руля», т.к. в Берлине проживало много русских юристов, действовали союзы, их объединявшие: Союз русской присяжной адвокатуры, Союз русских судебных деятелей, а после съезда русских юристов за границей — его Берлинское бюро. Указанные организации главной своей задачей считали заботу о «публично-правовом положении» соотечественников.

Можно выделить три группы правовых проблем, поднимавшихся в публикациях: 1. Состояние беженского вопроса и его решение в Лиге Наций, на межправительственном уровне, а также деятельность Ф. Нансена как верховного комиссара по делам русских беженцев; 2. Положение российской эмиграции в странах проживания; 3. Деятельность русских, местных, международных общественных организаций по правовой, социальной помощи эмигрантам. Если в первой половине 1920-х гг., когда беженская масса была чрезвычайно подвижной, на первый план выходили вопросы численности, передвижения, социальной адаптации, правоприменения, то с середины 1920-х значительно большее место занимала информация о юридическом статусе русских беженцев, процедуре натурализации, получения соответствующих документов. «Руль» отстаивал интересы граждан, не желавших получать советские паспорта.

На регулирование правового положения беженцев повлияло признание Германией Советской России. Еще в марте 1922 г. О.А. Верт писал о находении в судах большого количества дел, «в которых сталкивается прежнее русское законодательство с большевистским правотворчеством». Иностранцы юристы сталкивались с дилеммой: какое из двух русских законодательств признавать как действующее? Поскольку Германия относилась к той группе стран, где к иностранцам применялось национальное право, после апреля 1922 г., т.е. после Рапальского соглашения, при необходимости применяли законы советского правительства даже для эмигрантов, лишенных советской властью российского гражданства. Правда, как отмечал «Руль», эти распоря-

²⁴ См.: Гессен И.В. Указ. соч. С. 129.

жения исходили не от центральной власти, а усердствовали низшие чиновники, заставляя предъявлять документы, выдаваемые советской делегацией²⁵. Лишь принятая 12 октября 1925 г. консульская конвенция между СССР и Германией предписывала подчинение эмигрантов немецким законам. Правда, существовал один нюанс: если с применением национального закона наносился ущерб интересам иностранца, то он уступал территориальному.

Газета запечатлевала общий ход и детали эмигрантского бытия. Особое место на ее страницах занимали события культурной жизни, чему И.В. Гессен придавал особое значение, считая, что газеты могут пробудить в европейцах истинное уважение к России, ко всему русскому и разглядеть в русских культурную нацию.

Литературно-критический отдел «Руля» отличался не столько глубиной и основательностью публикуемого материала, сколько широтой охвата литературных явлений. Имена практически всех русских и западноевропейских писателей от Данте и Шекспира до Т. Манна и Э.М. Ремарка, от А. Радищева и Н. Карамзина до Л. Леонова и Г. Гребенщикова в той или иной связи там упоминались. Критические статьи преимущественно писались представителями старшего поколения, имевшими имя до революции: А. Яблоновским, С. Яблоновским, В.Д. Набоковым, Д.С. Мережковским, И.В. Гессеном, П.Б. Струве, а среди «молодежи» выделялись В. Татаринев, Л. Львов, Ю. Офросимов, В.А. Амфитеатров-Кадашев, В. Сирич, которые и сами писали стихи и прозу. Если в редакции «Руля» литературно-критическую деятельность возглавлял Ю. Айхенвальд, то в «Возрождении» обстоятельному обзору эмигрантскую литературу подвергал В.Ф. Ходасевич, в «Последних новостях» — Г. Адамович. Довольно сильным был в «Руле» отдел театроведения, где главную роль играл Ю. Офросимов: ему принадлежат многочисленные рецензии на театральные постановки как в России, так и на Западе²⁶.

Несмотря на обилие рекламы, доходы газеты со временем стали падать. Сокращение ее субсидирования повлияло и на содержательную сторону газеты, что не способствовало росту интереса к ней читателя. Кроме того, после дефляции русский Берлин стал быстро пустеть. В своей тетради редактор записал: «Русский Берлин несомненно замирает. Уже нет даже никаких “дискуссий”, резко прекратилась партийная борьба, все юркнуло в свои норы»²⁷. На первый план для рядового эмигранта вышла борьба за суще-

²⁵ См.: Руль. 1922. 5 марта.

²⁶ См. подробнее: *Карпенко С.* «Руль»: зеркало кадетского Берлина // НЖ. 1998. № 212. С. 251–267; *Рябова И.В.* «Русский Берлин» в зеркале литературной критики эмигрантской газеты «Руль» (начала 20-х гг. XX столетия) // Русское Зарубежье — духовный и культурный феномен: материалы междунар. конф. / Редкол.: Н. Шедрина, В. Гопман, А. Тоне. М., 2003. Ч. 2. С. 111.

²⁷ *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 143.

ствование, интерес к событиям на родине упал, «читатель искал отдохновения от забот в разгадывании крестословиц, в детективных романах, превративших занимаемую ими последнюю страницу газеты в первую, в центр интересов»²⁸. Грязнувшая дороговизна, как писал И.В. Гессен, «при низкой цене парижских газет, уменьшение числа беженцев, умаление интереса к судьбам родины, денационализация молодежи — все грозно вооружилось против нас и парализовало самые энергичные усилия»²⁹.

Последней попыткой спасти газету стало сотрудничество с «Крестьянской Россией», возглавляемой бывшими эсерами А.А. Аргуновым и С.С. Масловым. С № 3146 в 1931 г. «Руль» выходил под редакцией кадетов И.В. Гессена, А.И. Каминки, А.А. Кизеветтера и деятелей Трудовой крестьянской партии — «Крестьянская Россия» А.А. Аргунова, А.Л. Бема и С.С. Маслова. Здесь, видимо, уместно вспомнить попытки сотрудничества с эсерами и П.Н. Милюкова, вылившиеся в издание «Свободной России». Однако сотрудничество было недолговечным. Переориентацию на интересы и нужды крестьянства И.В. Гессен не смог вынести. К тому же в редакционных спорах он оказывался в меньшинстве, ибо Г.А. Ландау выступил сторонником «Крестьянской России». А расхождения возникали по самым различным поводам, вплоть до того, подписывать редакционные статьи или нет. В конце концов, И.В. Гессен заявил, что он уходит из редакции, что было воспринято лидерами «Крестьянской России» с нескрываемым удовлетворением. Узнав об этом, А.И. Каминка, делавший, по словам И.В. Гессена, «чрезмерные усилия» для спасения «Руля», последовал его примеру. Это окончательно предопределило закрытие издания, которое чуть было не перешло в руки тех самых социалистов, которых так ненавидели его основатели³⁰.

14 октября 1931 г. вышел последний, 3309-й номер «Руля» с обращением редакции к читателям, «чтобы проститься с читателями и выразить уверенность, что дело “Руля” найдет продолжателей»³¹.

Как писал И.В. Гессен, «кончина “Руля” вызвала несколько десятков горячих откликов соболезнования у отдельных лиц и беженских организаций»³² — Ф. Эльснера, Е. Набоковой, М. Алданова, И. Слободчиков, В. Водовозова, П. Долгорукова, Е. Саблина, С. Мельгунова и др., варшавской газеты «За свободу». РЗИА, помимо сожаления, обращался с просьбой «не ликвидировать тех материалов, которые могут быть полезны будущему историку нашего времени» и «при содействии РЗИА принять меры к

²⁸ Гессен И.В. Указ. соч. С. 144.

²⁹ Там же. С. 149.

³⁰ См.: Сперкач А.И. Указ. соч.

³¹ Гессен И.В. Указ. соч. С. 154.

³² Там же.

их сохранению»³³. Из Норвегии В. Карринч-Вальста писал, что «“Руль” был наиболее беспартийным органом и обслуживал, как мне кажется, широкие круги эмигрантской интеллигенции. Людям моей категории он был как бы “родным человеком”, с которым можно не согласиться, иной раз даже сердиться на него, но присутствие которого было очень нужным»³⁴. В. Арденский писал о «Руле» как о самом беспристрастном органе. Н.И. Астров сожалел, что русские люди за рубежом «теряют неутомимого разоблачителя лжи и злодеяний большевиков, неумолчно призывающего к противодействию им», и от имени Союза русских писателей и журналистов в ЧСР принес «горячую благодарность за совершенное большое русское дело»³⁵. В.Ф. Ходасевич оценил прекращение «Руля» как общественно-литературную утрату и выразил сочувствие и понимание того, как тяжело прервать работу, которая велась в течение 11 лет за освобождение Родины³⁶.

В 1931–1932 гг. почти одновременно с «Рулем» прекратили свое существование парижские издания «Революционная Россия» и «Дни». И в Париже русские газеты сталкивались с большими трудностями. Из Англии эмигранты сообщали, что «большинство... соотечественников начинают все менее и менее читать русские газеты».

Таким образом, «Руль», как и многочисленная периодическая печать, стал главным средством информирования российского зарубежья, летописцем, «оружием борьбы, сосредоточием организованной эмиграции»³⁷. Однако если «Возрождение», «орган русской национальной мысли», объединило на платформе борьбы с Советами патриотическую, национальную часть эмиграции, то «Руль» оставался более открытым для либеральных авторов, но более умеренным по отношению к «Последним новостям». Хотя органы печати нельзя рассматривать вне их общественно-политической позиции, повседневная жизнь беженцев менее всего была подвержена внутриэмигрантской идеологической конъюнктуре. Выдержанный тон, ориентация на интеллигенцию, внимание к вопросам, интересовавшим эмиграцию, стремление к объективности и взвешенности, публикация межправительственных актов, касавшихся статуса беженцев, а также информации из разных государств, сотрудничество с юристами обусловили спрос на эмигрантскую газету, обеспечили достойное место «Руля» в ряду других периодических изданий. И сегодня «Руль» можно рассматривать как достаточно объективный источник по воссозданию целостной истории российской эмиграции.

³³ ГАРФ. Ф. Р-5882. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

³⁴ Там же. Л. 30.

³⁵ Там же. Л. 5.

³⁶ См.: Там же. Л. 4.

³⁷ А.В. Тыркова — Ю.Ф. Семенову, 30 мая 1927 г. // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 379.

Н.Б. Хайлова

«Мы не собираемся издавать газету политическую...»: издательский проект и его реализация (на примере газеты «Неделя», Прага, 1928–1930)

Аннотация: Статья посвящена газете «Неделя» (1928–1930), единственному неполитическому органу русской эмиграции в Чехословакии, ее целям и задачам, главная из которых — ликвидация политических перегородок в эмигрантской среде, ее консолидация на деловой, профессиональной основе.

Annotation: The article is devoted to newspaper «Nedelja» (=«Week», 1928–1930), which was the only non-political periodical publication of Russian emigration in Czechoslovakia, its aims and tasks. The main task of the newspaper was the consolidation of Russian emigration on a professional basis.

Ключевые слова: газета «Неделя», консолидация, русская эмиграция, профессиональная основа, Чехословакия.

Key words: newspaper «Nedelja» (=«Week»), consolidation, Russian emigration, professional basis, Czechoslovakia.

Газета «Неделя», «независимая русская газета» (Прага, 2 декабря 1928 — 24 декабря 1930, № 1–69) — нетипичное эмигрантское издание, которое современники называли «единственным неполитическим органом национально-мыслящей русской эмиграции в Чехословацкой республике»¹. До сих пор «Неделя» не привлекала специального внимания исследователей. Вместе с тем газета представляет интерес для изучения ряда аспектов истории русского зарубежья, пока еще недостаточно освещенных в историографии. Прежде всего, проблемы хозяйственной адаптации русских эмигрантов, причем не только в Чехословацкой республике (далее — ЧСР). Анализ публикаций газеты позволяет рассмотреть основные направления и способы организации хозяйственной деятельности русских эмигрантов в ЧСР, оценить характер и формы их взаимопомощи, особенности и масштаб участия в экономике ЧСР и других стран на рубеже 1920–1930-х гг. В газете содержится также обширная информация о культурно-образовательной составляющей жизни соотечественников в ЧСР. Кроме того, материалы «Недели» отражают попытку проложить своего рода «третий путь» в политике, сделать акцент на консолидацию соотечественников на деловой, профессиональной почве.

Редакционно-издательскую «команду» «Недели» составили представители эмигрантской среды, едва перешагнувшие 30-летний рубеж —

¹ Последние известия [Резолюция заседания Центрального объединения чехов и словаков из России, 26 сентября 1929 г.] // Неделя (Прага). 1929. 25 окт. № 41.

С.Я. Савинов², В.И. Ильинский³, В.Д. Колесников⁴. Вытолкнутые из России стихией Гражданской войны, они эвакуировались с Белой армией в ноябре 1920 г., поначалу оказались в Турции, затем перебрались в Чехословакию, которая предоставила им возможность самореализации. «Мы не собираемся открывать новые истины и решать извечные проблемы или создавать ведущий орган новой партии, но мы желаем создать газету *интересную*», — заявляли учредители «Недели». Характеризуя деловой и культурно-информационный характер своего «детища», они видели задачу в том, чтобы «ответить на настойчивую потребность тысяч русских в Чехословакии знать: что происходит в русских кругах, где и как можно приложить свои знания и свой труд, что и где можно купить или продать и, наконец, куда можно

² Савинов Сергей Яковлевич (8 января 1896, г. Чугуев Харьковской губ. — после 1948) — писатель, журналист, переводчик. Из семьи врача Чугуевского юнкерского училища Якова Андреевича Савинова. В 1914 г. с медалью окончил Чугуевскую гимназию. Тогда же поступил на юридический факультет Харьковского университета, однако проучился там всего два семестра и выбыл в 1915 г., будучи призванным на военную службу. С самого начала Гражданской войны Савинов — в Белой армии, в составе 1-й конной батареи эвакуировался из Крыма (г. Феодосия) 4 ноября 1920 г. Жил в Турции, откуда в 1922 г. прибыл в Чехословакию с целью завершения высшего образования. Выпускник Русского юридического факультета в Праге, где обучался с 1922 по 1926 г. В январе 1927 г. прошел регистрацию в Земгоре. На тот момент был холост, не имел постоянного заработка. В анкете указал, что знает французский, английский и немецкий языки, заявил о себе как о журналисте, нуждающемся в работе. Роль стартовой площадки в его творческой карьере сыграл эмигрантский литературный кружок «Далиборка», участникам которого — сторонникам расширения контактов с чехами — были чужды политические декларации. Савинов сотрудничал как в русской, так и чешской периодике, являлся членом редколлегии чешского журнала «Slovanská revue» («Славянское обозрение»), газеты «Venkov» («Деревня»). Редактор газеты «Неделя», опубликовал там рассказ «Зеркало» (1929. 22 марта. № 14), «По Чехословакии. Путевые впечатления» (1930. 3 мая. № 57; 10 мая. № 58) и др. Член Союза русских писателей и журналистов в ЧСР. Известно, что в период наступления советских войск в 1945 г. покинул Прагу и переселился в Берлин (ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5044. Л. 1; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 810).

³ Ильинский Василий Иванович (2 июля 1895, г. Азов — ?) — журналист, поэт. Из донских казаков. С 1918 г. — в Белой армии, эвакуировался из Керчи (1 ноября 1920 г.) в Турцию. Автор книги «Венок скорби. Стихи» (Константинополь, 1921). После переезда в Чехословакию обучался в Карловом университете (Прага) по специальности «филолог». Участник литературного кружка «Далиборка», сотрудничал в эмигрантских русских и чешских периодических изданиях. Редактор газеты «Неделя» (с № 10, 22 февраля 1929 г. — редактор-издатель) (ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 2252. Л. 1). В письме к писателю, философу К.А. Хейдце (2 апреля 1938 г.) сообщал о результатах своего литературного труда на тот момент: «всё до поры до времени откладываю в папки, которых у меня набралось штук 25. Всего же виришей около 3000. Прозы тоже довольно. Несколько драм и еще всякой всячины» (Там же. Ф. Р-5911. Оп. 1. Д. 36. Л. 3).

⁴ Колесников Владимир Дмитриевич (1896, ст. Анастасиевская Кубанской обл. — ?), из кубанских казаков. Окончил четыре класса Ставропольской духовной семинарии. С 1918 г. — в Белой армии, в 1920 г. эвакуировался из Крыма в Турцию, затем переехал в Чехословакию «с целью продолжать образование». В эмиграции — с семьей (жена Ольга Андреевна, дочь Наталия), зарабатывал на жизнь столярным и малярным делом, а также «живописью вывесок и производством печатей». Член Общеказацкого сельскохозяйственного союза в ЧСР (с августа 1925 г.). Издатель газеты «Неделя» (до 22 февраля 1929 г.) (ГАРФ. Ф. Р-5768. Оп. 1. Д. 34. Л. 226).

пойти и отдохнуть от ежедневных забот»⁵. Газета помогала читателям ориентироваться в периодических изданиях, содержащих полезную информацию для «русских беженцев». Особое внимание уделялось юридическим консультациям по вопросам трудоустройства. Создатели «Недели», безусловно, рассчитывали на то, что избранный ими формат газеты обеспечит ей успех, в том числе в силу уникально-благоприятной ситуации — отсутствия конкуренции («здесь, в центре славянства, где живут и работают десятки тысяч русской интеллигенции, вот уже несколько лет не издается даже небольшого бюллетеня»⁶). Отвечая на вопрос, за счет каких финансовых источников существовала «Неделя» в течение двух лет (срок по тем временам немалый для периодического издания), можно с уверенностью говорить о важной роли средств от подписки и рекламных объявлений, в изобилии размещавшихся на газетных полосах (сама редакция ссылалась именно на эти источники как основные, заявляя, что «Неделя» существует без каких-либо субсидий)⁷.

Материалы газеты свидетельствуют о значительных сложностях хозяйственного обустройства русских эмигрантов в Чехословакии. Проблемы с трудоустройством выходцев из России особенно обострились в 1925 г., когда, благодаря широкой помощи чехословацкого правительства (т.н. «русской акции»), вузы этой страны закончило значительное количество эмигрантской молодежи. К концу 1920-х гг. они в большинстве своем покинули страну, давшую им «путевку в жизнь» — бесплатное высшее образование. И уже осенью 1930 г. Прага перестала быть крупным центром русского студенчества⁸. Вместе с тем часть русских, связанная в силу разных причин с Чехословакией, осталась в стране. Из этой массы, весьма разнородной по социальному и возрастному составу, очень немногим везло с трудоустройством (тем более — с открытием своего «дела»). Прежде всего это было характерно для Праги, где отмечалась концентрация значительного числа высококвалифицированных представителей русской интеллигенции. В чешской столице были сосредоточены так называемые «русские магазины», приглашавшие убедиться, что у них «при низких ценах — наилучшее качество», а также русские рестораны. На русских «пражан» была рассчитана реклама как российских торгово-промышленных товариществ с дореволюционным прошлым, продолживших свою коммерческую деятельность за рубежом, так и иностранных фирм, продвижением чьих товаров в ЧСР не-

⁵ Наша задача // Неделя. 1928. 22 дек. № 1.

⁶ Там же.

⁷ См.: Объявление конторы «Недели» // Неделя. 1929. 1 нояб. № 42.

⁸ «Студентов, получающих стипендии от чехословацкого правительства, к 1 января 1931 года останется около 500 человек», — предполагала газета (Неделя. 1930. 12 нояб. № 67).

редко занимались русские эмигранты⁹. Широкий набор товаров и услуг предоставляли соотечественникам как предприятия, мастерские и т.д., устроенные при содействии разного рода эмигрантских общественных организаций, кооперативов¹⁰, так и отдельные выходцы из России¹¹. Примерами успешного предпринимательства русских эмигрантов в финансовой сфере стали Общества взаимного кредита, которые организовывались по принципу аналогичных заведений, бывших популярными еще в царской России. На страницах «Недели» широко освещалась деятельность Чешско-русского общества взаимного кредита¹², а также Русского банка (ссудо-сберегатель-

⁹ Так, продвижением на рынке ЧСР продукции французской парфюмерной фирмы занимался в Праге Дм.Н. Темирев (Неделя. 1929. 3 мая. № 20). Генеральным представителем в Праге американской компании («The Maytag Company»), производителя стиральных машин, являлся инженер Николай Песков (Неделя. 1930. 24 дек. № 69).

¹⁰ Газета размещала рекламу услуг мастерских при Союзе русских инвалидов в ЧСР, выполнявших «всевозможные работы по размножению рукописей, ленточек и объявлений» по «минимальным ценам» (Неделя. 1929. 11 янв. № 4 и др.). Нередки были сообщения студенческих кооперативных столовых с предложением дешевых «отличных обедов и ужинов» (Там же. 25 янв. № 6 и др.). «Русский кооператив», имевший сеть магазинов в Праге, предлагал также отправку продовольственных посылок в Россию (Там же. 19 апр. № 18; 28 июня. № 28 и др.).

¹¹ Продовольственные посылки в Россию «с гарантией доставки» отправляла и фирма «Wostorus», основанная в Праге русским инженером Л. Новаченко. Контора фирмы располагалась в доме, известном как «Корабль», где жил сам Новаченко, а также многие именитые эмигранты (эсер В.М. Чернов, писатель Е.Н. Чириков, историки А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, И.И. Лаппо, Н.Л. Окунев, П.Б. Струве и др.). Реклама фирмы Новаченко обещала следующее: «5-ти и 10-ти килограммовые посылки (сахар, чай, рис, мука, сало и т.п.) от 30 Кš. Пересылка, страховка и упаковка 42 Кš. Пошлина на 5 кг посылку в России от 3 руб. ... Перевод денег в Россию по курсу дня. ... Оптом и в розницу высылаем во все места Чехословакии специально русские продукты: водку, спотыкач, рябиновку, икру паюсную, кетовую, кильки, шпроты, бычки и др. консервы, а также русскую горчицу, гречневую крупу, капусту, огурцы и т.д.» (Неделя. 1930. 24 дек. № 69). Пражский ресторан «Аллаверды» приглашал «на блины», которые готовил повар И.Д. Канаев (Неделя. 1929. 22 февр. № 10). Неоднократно через газету предлагал свои услуги «парикмахер дамский и мужской Г.П. Васильев», обслуживавший клиентов в пражском Hotel Palác (Там же). Мария Пешкова, бывшая акушерка клиники проф. Отто в Петрограде, предлагала «услуги русским дамам при родах» (Неделя. 1930. 28 нояб. № 68). В.В. Дубиненко готов был предоставить желающим «иконы православные, готовые и на заказ, на дереве и полотне по ценам самым умеренным» (Неделя. 1929. 29 марта. № 15 и др.).

¹² Чешско-русское общество взаимного кредита (Česko-ruské společenstvo vzájemného úvěru) действовало в Праге с 5 ноября 1929 г. (председатель Правления — проф. В.В. Стратонов, имевший еще в России опыт управления отделением Государственного банка, члены — инж. Н.Н. Ипатьев, проф. Я.О. Сватош и коммерсант И.Я. Коджак). Членами общества могли быть граждане ЧСР, прежней России (в границах 1914 г.), других славянских стран и, как исключение, иные лица. Размер членского пая был установлен в 100 крон, что давало право владельцу на кредит до 2000 крон, причем при большем числе паев возникало право на пропорциональное увеличение кредита. Общество заявило о том, что будет принимать вклады под проценты (до 6% годовых) и совершать для своих членов все банковские операции. Практически сразу общество выхлопотало для своих членов льготы в ряде крупных магазинов и фирм Праги — скидки на покупку товаров (от 5 до 20 %). В октябре 1930 г. в газете была размещена информация о планах строительства обществом дома для своих членов, для чего был создан кооператив «Патриотика». Дом был построен в 1933 г. по адресу: Koulová, 6 (см.: Неделя. 1929. 24 мая. № 23; 1 нояб. № 42; 13 дек. № 47; 19 окт. № 66).

ной кассы) «Славянская взаимность», не раз оказывавшегося в центре скандалов и судебных разбирательств¹³.

В целом, информация, размещенная в «Неделе», свидетельствовала все же о довольно узком сегменте «предпринимательской» активности русских эмигрантов. Большинство рекламных объявлений исходило от коренных пражан, которые старались привлечь внимание русской публики, в том числе тем, что «в магазине говорят по-русски», а выходцам из России, в том числе читателям «Недели», предоставляется скидка или «кредит на 6–8–10 мес.» и т.п.¹⁴ Кстати, имена некоторых чешских предпринимателей были хорошо знакомы русским. Среди них — портной Вячеслав Вячеславович Кубовец, 1869 г.р., уроженец г. Липков (Чехия), владевший мастерской в Санкт-Петербурге–Петрограде, на Невском проспекте. В 1927 г. он был арестован и выслан в Чехословакию, где продолжил профессиональную деятельность, обслуживая русскую клиентуру уже у себя на родине¹⁵. Не единичными были и случаи совместного предпринимательства: в финансовой сфере (общества взаимного кредита), торговле, ресторанном бизнесе¹⁶.

Несмотря на определенные возможности трудоустройства русских эмигрантов (особенно в Праге и других крупных городах), все же в основном выходцы из России влачили жалкое существование, вынужденные зарабатывать на жизнь физическим трудом, который для многих был не по силам¹⁷. Да и найти даже физическую работу было нелегко. «Нам известны

¹³ Первый из громких скандалов был связан с деятельностью кооператива «Spolcny Domov», основанного в 1925 г. учредителями банка с целью постройки нескольких домов. В начале 1929 г. руководство учреждения во главе с известным деятелем Ф.С. Мансветовым было обвинено в «махинациях» в связи с обстоятельствами получения ими кредита для приобретения весной 1928 г. имения «Малая Прилепа» под Прагой с целью распределения его на участки для устройства дач и т.п. (см.: Неделя. 1929. 11 янв. № 4; 8 марта. № 12; 29 марта. № 15; 26 апр. № 56).

¹⁴ «Единственная выпечка в ЧСР русского хлеба», — гласила реклама «паровых пекарен» в Праге (Неделя. 1929. 8 марта. № 14). Среди наиболее часто упоминаемых в газете чешских фирм, ориентированных в т.ч. на русских покупателей: Банк чехословацких легионов «Легиобанк», предлагавший операции по переводу денег в Россию и из России, торговый дом «Cyril M. Šimek», фирма «Olga Falladová» («магазин и мастерские кожаных изделий — чемоданы, сумочки, портфели и т.д.»), антикварное заведение А. Кубеча (Antonin Kubec) и др. (Неделя. 1929. 29 марта. № 15; 24 мая. № 23). Чешская фирма «J. Strachota» предлагала услуги тем, «кто хочет дорого продать и дешево купить поношенное платье, обувь и прочее» (Там же. 19 апр. № 18).

¹⁵ См.: Реклама // Неделя. 1929. 18 окт. № 40 и др.

¹⁶ В газете рекламировалась «всевозможная посуда и кухонные принадлежности» чешско-русского магазина J. Michalec (Неделя. 1929. 3 мая. № 20). Обращалось внимание русской публики на многостороннюю деятельность чешско-русско-украинского книжного магазина F. Svoboda (Там же. 15 нояб. № 43), а также чешско-русского винного кафе-ресторана дамского кружка «Терем» в Праге (Неделя. 1930. 3 мая. № 57).

¹⁷ «Надорванные голодовками и иными лишениями организмы не выдерживают и легко падают под ударами болезней», свидетельствуя о распространенной ситуации в эмигрантских кругах,

факты, что у многих лиц дневное пропитание обычно составляют 2–3 кроны в день, есть множество таких, которые не имеют даже смены белья и вынуждены таиться от света, стыдясь ветхости одеяния, — свидетельствовало газета. — Таких лиц, когда они просят какой-либо работы, принимают за профессиональных нищих. Многие семьи могут позволить себе роскошь обедать только через день»¹⁸. В этой ситуации добрым словом следует вспомнить помощь русским со стороны Чехословацкого Красного Креста, расходы которого с этой целью составили к началу 1929 г. свыше 12 миллионов крон¹⁹.

По свидетельству «Недели», несмотря на «полосы усталости и отчаяния», большинство эмигрантов в Чехословакии не «опускало руки». «У каждого русского заветная мечта — Россия, но, чтобы узреть и обрести Ее, надо прежде всего сберечь себя», — выстраивая жизненную логику «среднестатистического» русского эмигранта, редакция закономерно приходила к выводу о необходимом условии хозяйственной «самореализации»: «чтобы найти труд, надо получить на него законное право». Отсюда — мысль о насущной потребности объединения эмиграции, «чисто делового, профессионального, без какой бы то ни было политической тенденции или окраски, кроме противобольшевистской», уверенность в том, что «с таким объединением будут считаться все иностранцы, такому объединению, при некотором благоразумии и сдвиге, протянет руку и Россия через головы своих политических вождей! Инженер с инженером, юрист с юристом сговорится скорее и проще, а образованные специалисты везде нужны»²⁰.

Свидетельством того, что призыв газеты пал на подготовленную почву, служило ускорение процесса самоорганизации русских эмигрантов по профессиональному признаку. В русле данной тенденции еще с 1921 г. развивался Союз русских инженеров и техников в Чехословакии. Что касается рубежа 1920–1930-х гг., то этот период ознаменовался всплеском объединительной активности представителей деловой эмиграции в лице Союза «Русский земледелец», Союза русских агрономов, лесоводов и ветеринаров

«Неделя» не раз публиковала сведения о «новых утратах». Одна из многочисленных жертв обстоятельств — скончавшийся в январе 1929 г. 35-летний выпускник философского факультета Карлова университета Алексей Яковлевич Олимпиев. «Он не мог найти работы по специальности и работал простым чернорабочим, таскал камни, зимой копал рвы, исколесил пешком всю Словакию и Подкарпатскую Русь, работал у крестьян за хлеб и кров, был слугой у разбитого параличом чешского художника. Почти перед самой смертью счастье ему улыбнулось, он нашел [место на стройке. — Н.Х.], но пришла зима, работы остановились и Алексей Яковлевич снова вернулся в прибежище Чехословацкого Красного Креста. Простудился, слег и надорванный, изголодавшийся организм не выдержал» (Новые утраты // Неделя. 1929. 1 февр. № 7).

¹⁸ О неотложном // Там же. 26 апр. № 19.

¹⁹ Чехословацкий Красный Крест // Там же. 25 янв. № 6.

²⁰ О неотложном // Там же. 26 апр. № 19.

в ЧСР, Объединения русских юристов в Подкарпатской Руси, Союза русских агрономов, техников, инструкторов сельского хозяйства, Корпорации русских инженеров, механиков и электриков, воспитанников Политехнического института, Объединения русских инженеров-агрономов, окончивших агрономический факультет Пражского политехникума и др. В мае 1929 г. «Неделя» сообщала об объединении «в ближайшем будущем» коммерческих инженеров в ЧСР (инициаторы: А.И. Федоров, Л.И. Новаченко, Д.Я. Врба и В. Абрамов)²¹, в январе 1930 г. — о планируемом создании Организации русских коммерсантов в ЧСР²².

Характерной приметой времени служил и традиционный ежегодный съезд русских земледельцев в ЧСР, проходивший в чешской столице в мае, в дни проведения сельскохозяйственной выставки. По словам газеты, «русская Прага — академическая, литературная, студенческая, занятая своей жизнью», была мало осведомлена об этих «земледельческих днях», устраиваемых русскими земледельческими организациями, и, вообще, о судьбе данной категории соотечественников — «представителей той значительной группы русских казаков и земледельцев, которые в количестве 3000 человек были вывезены из лагерей Константинополя и разбросаны по ЧСР»²³. Как сообщала «Неделя», устроились эти выходцы из России по-разному: «В большинстве служат сельскохозяйственными рабочими, но многие заняли более выгодные и ответственные должности заведующих отдельными отраслями сельского хозяйства, приказчиков, управляющих мелкими именьями и т.д. Некоторые же женились на чешках и словачках и обзавелись собственным хозяйством»²⁴. Именно среди эмигрантов-земледельцев наблюдался наиболее интенсивный процесс русско-чешской ассимиляции: крестьяне и казаки приспособились к жизненному укладу местного населения, изучили язык. «Представление о российских земельных просторах, которые нужно только справедливо поделить, чтобы зажить богато и счастливо, сменилось сознанием, что пределы удобной земли весьма ограничены и что она требует упорного труда, чтобы могла прокормить человека», — отмечалось в газете. Хорошей школой для выходцев из России послужил высокий агротехнический уровень чехословацкого земледелия. Многие к тому же смогли повысить в Чехословакии свой образовательный уровень — как

²¹ См.: Местная хроника // Там же. 24 мая. № 23.

²² См.: Объявление // Неделя. 1930. 10 янв. № 50.

²³ Местная хроника // Неделя. 1929. 24 мая. № 23.

²⁴ По законам ЧСР, возможность приобретения русскими земельных участков была тогда почти полностью исключена. Поэтому в Чехословакии отсутствовали те перспективы, которые, к примеру, открывались на юго-западе Франции, где сотни русских беженцев «превращались» во французских собственников (Местная хроника // Неделя. 1929. 24 мая. № 23).

общий, так и специально в сфере сельского хозяйства²⁵. В «Неделе» особо указывалось на еще одну «составляющую» успехов русских земледельцев в этой стране, а именно их «правильную организационную спайку»: «Через своих уполномоченных они создают центральный орган — Административную комиссию [председатель Г.И. Долгопятов. — *Н.Х.*], которая ведет сношения с правительственными учреждениями республики и которая поддерживает связь с чешской Аграрной партией, которой особенно близки интересы русских земледельцев»²⁶. Административная комиссия по делам русских земледельцев регулярно обращалась к выходцам из России, находившимся на сельскохозяйственных работах в чехословацкой провинции, с просьбой прийти на помощь соотечественникам — безработным земледельцам подысканием мест службы²⁷. Поддерживая данный призыв, редакция «Недели» замечала: «Если каждый русский, которому посчастливилось устроиться, будь это доктор, земледелец или ночной сторож, поможет своему собрату найти кусок хлеба, результат скажется скоро»²⁸.

«Красной нитью» в публикациях газеты проходила мысль не только об эффективности объединенных усилий эмигрантов внутри одной страны. Отмечалось также, что и «деловое объединение всей русской эмиграции не утопия и что многое в этом направлении уже сделано»²⁹. Раскрывая вклад русской эмиграции в Чехословакии в общеевропейское дело единения соотечественников за рубежом, «Неделя» обращала внимание на ряд инициатив Русской академической группы (председатель — проф. С.В. Завадский) и Русского эмигрантского совещания в Праге (председатель — А.С. Ломшаков)³⁰. Показателем стремительно набравших силу центростремительных тенденций в среде русской эмиграции служил съезд федерации Славянских инженеров, проходивший с 21 по 26 июня в Познани (Польша). Союзы русских инженеров-эмигрантов были представлены на этом форуме делегацией в составе председателя правления Общества рус-

²⁵ Показательным примером успешной «включенности» передовых русских хозяйств в экономику Чехословакии может служить информация, помещенная в «Неделе» под красноречивым заголовком: «Лучшее куроводство в ЧСР — русское». Дело в том, что по итогам конкурса на лучшую друбежарню (куроводство), объявленного Министерством земледелия Чехословакии по случаю 10-летия Республики, была признана лучшей (по количеству снесенных яиц и по качеству кур породы легхорн) русская друбежарня Л.В. Архангельской около Праги (Nová Sibirina, p. Běchovice). Победительнице была выдана, кроме почетного диплома, высшая премия в 1000 Kč. Отмечалось также, что это хозяйство и раньше неоднократно получало на выставках медали, почетные дипломы и денежные награды (см.: Местная хроника // Неделя. 1929. 31 мая. № 24).

²⁶ Местная хроника // Там же. 24 мая. № 23.

²⁷ См.: Местная хроника // Неделя. 1930. 12 нояб. № 67.

²⁸ О неотложном // Неделя. 1929. 26 апр. № 19.

²⁹ О деловом объединении русской эмиграции // Там же. 3 мая. № 20.

³⁰ См.: Там же.

ских инженеров в Чехословакии проф. А.С. Ломшакова и товарищем председателя того же правления П.П. Юренева, руководителей Союза русских инженеров в Германии (проф. В.И. Ясинский) и Польше (П.Э. Бутенко и проф. Д.М. Сокольников)³¹.

Газета всячески старалась поддерживать бодрое, деловое настроение в соотечественниках. В связи с наступлением Нового, 1929-го, редакция желала своим подписчикам и читателям «куль червонцев на мелкие расходы», «а всем политикам (не читающим “Недели”, как газеты неполитической), изнуренным во взаимных раздорах, бросить распри и заняться делом». Известный журналист К.П. Бельговский призывал «получше укрепляться “на местах”, забросив дальше свои эвакуационные чемоданы. Если в 1929 году исполнится сокровенная мечта всех нас о возвращении в освобожденную Россию, то — запаковать вещи всегда можно будет успеть!»³².

Оптимизм членов редакции был связан не в последнюю очередь с настроениями «новой молодежи» — «европейской, американской и, в особенности, русской». Кстати, газета была одним из немногих эмигрантских изданий, которые уделяли пристальное внимание поколению «детей»³³, отмечая его характерные черты, сложившиеся под влиянием «практического века сего» как следствие «сурового реализма жизни, войны и революции»: «Достигнуть в жизни личного, экономически сносного благополучия — основной стимул их деятельности... Молодежь создает вокруг себя деятельную атмосферу практицизма, американизма, индивидуализма. Складывается новый активный, духовный тип человека. Действие — вот что вдохновляет современную молодежь. У молодежи нет вкуса к идеологиям и “большим идеям” (“Нам нужен не Маркс, а Форд!”)³⁴. Исходя из указанной тенденции, газета ставила в повестку дня воспитание «нового русского человека-деятели» — «русского американца» по деловой закваске, в то же время помнящего о своих корнях.

³¹ См.: Местная хроника // Неделя. 1929. 28 июня. № 28.

³² С русским Новым годом! // Там же. 11 янв. № 4.

³³ Актуальность т.н. детского вопроса постоянно подчеркивалась в материалах «Недели» (высокая заболеваемость, необходимость дополнительного питания детей, устройства для них санаториев, летних оздоровительных лагерей и т.п.). Газета призывала соотечественников обратить особое внимание на постановку школьного дела («более 80% русских детей остается вне русской школы»): «Спасение только в нашей самодеятельности! ... Задача русских за рубежом — не покладая рук подготовить смену безнравственному комсомолу. Русскому ребенку нужно дать настоящую русскую школу. Надо привить любовь к своему родному, к России, к праву и правде. Надо воспитать для России честных граждан, а не бродячих хулиганов... Спасти юношество от разложения — наше общее дело». Поддержав идею проведения в ЧСР «Дня русского ребенка», газета убеждала в том, что он должен стать национальным праздником русской эмиграции, как и «День русской культуры» (см.: К русским людям // Неделя. 1929. 15 февр. № 9; Общее дело // Там же. 5 апр. № 16 и др.).

³⁴ В эмиграции // Неделя. 1929. 28 июня. № 28.

Приметой времени, отразившейся на страницах «Недели», стало значительное увеличение интереса русской эмигрантской молодежи к вопросам рационализации производства, научной организации труда. В начале 1929 г. в Праге было учреждено «Русское общество Тэйлора», по инициативе которого Обществом русских инженеров в ЧСР совместно с Масариковой Академией труда были открыты специальные общедоступные курсы. К чтению лекций там привлекались видные специалисты — как чехи, так и русские эмигранты (инженеры П.М. Ганицкий, К.П. Федоров и др.)³⁵. «Настроение эпохи» передавали на страницах «Недели» восторженные материалы о «пионерах» чехословацкой промышленности, в том числе «славянском Форде», «короле обуви» Т. Бате³⁶. В начале июня 1930 г., накануне традиционных торжеств по поводу «Дня русской культуры» за рубежом, редакция «Недели» высказывала пожелание: «Меньше перепевов на культурно-исторические темы и больше внимания живой действительности»³⁷.

Заявляя о необходимости «внести в платоническое славянофильство свежую струю славянского американизма»³⁸, редакция «Недели» обращалась к чехам и словакам с призывом не оставаться в стороне от «общеславянского дела» помощи русским эмигрантам. Газета напоминала старинную мудрость: «По поддержке в беде узнается истинный друг»³⁹. Следует подчеркнуть, что одним из проявлений «встречного движения» служила деятельность Объединения чехов и словаков из России — общественной организации, учрежденной гражданами ЧСР из числа «тех десятков тысяч человек, которые жили и работали в России задолго до Первой мировой войны» и для кого Россия стала «второй родиной». Восстановление «великой славянской России» являлось для них «залогом общего европейского мира и правильного экономического развития»⁴⁰. Значимую помощь русским эмигрантам (прежде всего в получении образования, трудоустройстве) оказывали такие флагманы чехословацкой промышленности, как завоевавшие своей продукцией международное признание заводы «Шкоды» (генеральный директор — Ф.Гануш), лучшая в Центральной Европе фабрика турбин, «Josef Prokora synové v Pardubících», принадлежавшая инженеру и изобретателю Иосифу Прокопу, «большому славянину, верному другу Рос-

³⁵ См.: Русское Общество Тейлора в Праге // Неделя. 1929. 29 марта. № 15; Прага // Там же. 5 апр. № 16; Прага // Там же. 12 апр. № 17; Местная хроника // Там же. 24 мая. № 23 и др.

³⁶ См.: Русские о Бате // Неделя. 1929. 28 июня. № 28; Расширение предприятий Бати // Там же. 15 нояб. № 43; Последние известия // Там же. 1930. 24 сент. № 64 и др.

³⁷ Русская культура // Неделя. 1930. 4 июня. № 61.

³⁸ О неотложном // Неделя. 1929. 26 апр. № 19.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Дружьям России // Неделя. 1929. 25 окт. № 41.

сии и русского народа»⁴¹, а также заводы акционерного общества «Wichterle a Kovářik» в Простееве на Мораве, специализировавшиеся на производстве сельскохозяйственной техники, легковых автомобилей, бензиновых, нефтяных, газовых двигателей, электромоторов, паровых локомотивов. Один из владельцев заводов, К. Вихтерле, характеризовался на страницах газеты как «добрый славянин, принимающий близко к сердцу тяжелые переживания России»⁴².

Что касается эмигрантских организаций, в трудную минуту подставивших свое плечо соотечественникам, то в литературе не раз уже отмечалась огромная работа пражского Земгора по обустройству жизнедеятельности русской колонии в ЧСР, в том числе хозяйственной адаптации эмигрантов⁴³. Только в 1928 г. Земгором было «возбуждено ходатайств на въезд в различные страны — 186, отправлено на работы — 226 чел., оказана материальная помощь выезжающим за границу 55 лицам, оказано содействие различного рода ремесленникам 164 лицам»⁴⁴. Кроме того, Земгор занимался урегулированием юридического положения русских беженцев, поддерживал связь по этому вопросу с Центральной юридической комиссией в Париже и Лигой Наций. В частности, стимулом данной деятельности стал Закон об охране национального рынка труда в ЧСР, принятый в марте 1928 г.⁴⁵. Осенью 1929 г. студенческие волнения в Праге и ряде других университетских городов Чехословакии вновь обострили вопрос о русских эмигрантах. С удовлетворением на страницах газеты отмечалось, что чехословацкое студенчество, выдвигая требования об ограничении прав «нежелательных» иностранцев, в число последних русских не включило. Тот же такт и благожелательность проявило тогда в отношении выходцев из России и подавляющее большинство чехословацкой прессы⁴⁶.

Немалый вклад в дело обустройства соотечественников вносило и Объединение русских эмигрантов, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗ). К середине 1929 г. эта общественная организация в ЧСР насчитывала в своих рядах 879 человек, в том числе «медиков — 53, юристов — 191, электромехаников — 66, агрономов — 114, межевиков — 69,

⁴¹ Гордость чехословацкой промышленности // Неделя. 1930. 24 сент. № 64.

⁴² Wichterle Kovářik, акц. spol. (акц. общ.) в Простееве на Мораве // Там же. 28 нояб. № 68.

⁴³ Земгор — объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике, учреждено 17 марта 1921 г. в Праге по частной инициативе ряда деятелей земско-городских самоуправлений России для оказания помощи бывшим российским гражданам, находившимся в Чехословакии. Финансовой основой деятельности Земгора были субсидии от МИД ЧСР (*Серратионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословакии (20–30-е годы). М., 1995. С. 57–114).

⁴⁴ Местная хроника // Неделя. 1929. 7 июня. № 25.

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ См.: Студенческие волнения и русский вопрос // Неделя. 1929. 29 нояб. № 45.

химиков — 38, кооператоров — 94»⁴⁷. На состоявшемся в Париже в сентябре 1930 г. съезде представителей ОРОВУЗов из разных стран был создан Союз объединений окончивших вузы за рубежом (председатель — И.Г. Савченко). Новая организация насчитывала в своих рядах 10 000 специалистов и ставила своей целью «предохранить от деклассификации и денационализации дипломированных за границей интеллигентных работников»⁴⁸, обеспечить «наиболее рациональное расселение молодой русской квалифицированной интеллигенции»⁴⁹.

Деятельность чехословацкого отделения ОРОВУЗа была чрезвычайно насыщенной и многосторонней. «Неделя» имела тесные контакты с ОРОВУЗом, регулярно размещала на своих страницах информацию его отделов (труда и помощи, переселенческого, юридического). Объединение обращалось через газету не только к своим членам, но и ко всем русским с просьбой присылать сведения об имеющихся рабочих местах на заводах и фабриках, строительных, дорожных, землемерных работах, вакансиях шоферов, медицинских работников, инженеров всех специальностей и т.д. Наряду с содействием устройству своих членов по специальности, ОРОВУЗ оказывал разнообразную помощь безработным — предложение им временной работы, предоставление бесплатных обедов, ссуд, пособий, размещение в общежитиях.

Совместно с другими общественными организациями, а также вузами ОРОВУЗ участвовал в устройстве разного рода курсов (землемерные, дорожно-строительные и др.) для обучения желающих востребованным специальностям⁵⁰. В газете упоминался случай, когда эту инициативу поддержали и сами слушатели курсов — своим решением отчислять «каждым из окончивших курсы, в случае получения им службы, 2 % из основного жалования в кассу ОРОВУЗа для организации в дальнейшем новых курсов»⁵¹.

⁴⁷ Местная хроника // Неделя. 1929. 19 июля. № 30.

⁴⁸ Молодая эмиграция // Там же. 1930. 24 сент. № 64.

⁴⁹ Съезд ОРОВУЗов // Там же. 4 июня. № 61.

⁵⁰ В частности, сообщалось, что в декабре 1929 г. состоялся второй выпуск техников-землемеров на Русских землемерных курсах в Праге (заведующий курсами — инж. В.Т. Васильев, отв. за учебный процесс — проф. И. Пантофличек). 18 выпускников получили особые дипломы на русском, чешском и французском языках за подписями представителей Министерства народного просвещения, Министерства иностранных дел, Министерства путей сообщения, Общеказачьего сельскохозяйственного союза и Русского народного университета в Праге («последние две организации содержат курсы»), а также учебного персонала курсов. Семь выпускников приняли приглашение на службу («на сравнительно выгодных условиях»), поступившее от французской компании в Сирии. Другие, как и большинство (из 14 чел.) первого выпуска, надеялись устроиться в Польшу, Югославию (см.: Последние известия // Неделя. 1930. 10 янв. № 50).

⁵¹ Неделя. 1929.: ОРОВУЗ // Неделя. 1929. 22 февр. № 10.

Одной из главных задач деятельности этого объединения являлось решение проблемы переселения русских с высшим образованием в другие страны. Газета отмечала, что особенно благоприятные условия для этого сложились в связи с приездом в ЧСР П.А. Гессе, представителя Верховного Комиссариата Лиги Наций⁵². ОРОВУЗ занимался обследованием рынков труда в других странах, брал на себя оформление виз для выезжающих, оказывал материальную помощь переселенцам⁵³ и др. Через Верховный Комиссариат Лиги Наций в Женеве ОРОВУЗ получал оперативную информацию по странам возможного переселения русских эмигрантов (емкость рынка труда, востребованные специальности и т.д.). Обратную связь представляли письма из-за границы от уже обосновавшихся на новых местах русских эмигрантах — выходцах из Чехословакии, полученные правлением ОРОВУЗа и опубликованные в «Неделе». Переселенцы делились личными наблюдениями и впечатлениями, давали советы тем, кто только «паковал чемоданы». Среди тех, кто «счастливым вырвался из Европы», — инженер-агроном П.И. Калачев⁵⁴. Подробно описывая свой маршрут из Праги через Антверпен в Нью-Йорк, он надеялся, что его сведениями смогут воспользоваться и другие лица из пражской эмиграции, окончившие высшие учебные заведения в ЧСР и желающие уехать в Новый Свет⁵⁵.

Информация «из первых рук» о ситуации, в которой предстояло очутиться переселенцу (перспективы удержаться на рабочем месте, условия труда и быта, климат и т.д.) размещалась также в специальном разделе газеты («Из жизни эмиграции»), где систематизировалась по странам. Анализ данных материалов позволяет выделить направления расселения русских эмигрантов, покидавших Чехословакию в поисках лучшей доли. Это — Ближний Восток (Сирия, Персия и Турция), африканский континент (Марокко, Экваториальная и Западная Африка), Европа (Франция, Югославия), страны Ла-

⁵² В частности, сообщалось, что Верховный комиссариат Лиги наций по делам беженцев заключил соглашение с целым рядом пароходных обществ, по которому русские эмигранты получили право льготного проезда в Южную Америку («вместо 22 английских фунтов проезд стоит 13 фунтов 10 шил.») (см.: Последние известия // Неделя. 1929. 18 окт. № 40).

⁵³ См.: ОРОВУЗ // Там же. 26 апр. № 19. В газете сообщалось, что в 1929 г. пражский ОРОВУЗ оказал помощь по переселению 118 своим членам, из которых 110 получили ссуды на переселение в размере 124 646 крон (см.: Работа молодой интеллигенции // Неделя. 1930. 10 мая. № 58).

⁵⁴ Калачев Павел Иванович (1899, ст. Атаманская, Область Войска Донского — 29 февраля 1956, Богота, Колумбия) — предприниматель. В 1920 г. эвакуировался из России в составе Белой армии. Окончил агрономическое отделение Пражского политехнического института, специализировался на производстве спирта. 31 декабря 1928 г. покинул Прагу и вскоре оказался в США, где стал успешным бизнесменом, в т.ч. занимал директорские посты на различных предприятиях спиртовой промышленности. Доктор наук. Член правления «Общезаказного Центра» в США. В 1955 г. был приглашен в Колумбию для руководства технологическими исследованиями, где вскоре скончался (URL: <http://enc-dic.com/cossack/Kalachev-pavel-2212.html>; <http://www.kazakdona.ru/>).

⁵⁵ См.: Калачев П. Как я приехал в Северную Америку // Неделя. 1929. 8 марта. № 12.

тинской Америки (Аргентина, Парагвай, Бразилия), Канада и США. Наиболее востребованными являлись владевшие иностранными языками русские инженеры⁵⁶ и врачи, получавшие нередко значительные гонорары, а также архитекторы, чертежники, межевники, «рабочие по строительному делу». Общим «правилом» являлась все же занятость подавляющего большинства переселенцев в сфере физического труда и вредных производств. Характерной тенденцией времени было сокращение контингента специалистов и рабочей силы из числа русских эмигрантов в разных странах после биржевого краха 29 октября 1929 г. и далее, по мере углубления Великой депрессии.

Среди множества эмигрантских общественных организаций оставили свой след в деле помощи соотечественникам и объединения русских женщин в ЧСР — Русская секция при Международной федерации женщин с высшим образованием в ЧСР, Женская секция ОРОВУЗа, дамские комитеты в провинции, и т.д. При Обществе взаимопомощи русских женщин в ЧСР была организована Кустарная мастерская, изделия которой предлагались публике на ежегодной выставке-базаре «Русский кустарь» в Праге⁵⁷, устраиваемой в пред рождественские дни, а также весной. По отзывам современников, это мероприятие было весьма «показательным для работ русских в Праге». Не только члены общества, но и все желающие могли участвовать в выставке, заблаговременно сообщив в «Русский Очаг» о своем желании, а также «какие работы и в каком количестве они могут представить». В декабре 1928 г. отмечалось, что материальные результаты выстав-

⁵⁶ Для большинства русских эмигрантов диплом инженера олицетворял собой «радужное сочетание блестящей карьеры и возможности хорошего заработка». Следствием престижа этого документа стал «бум» учреждений разного рода частных заочных «политехнических институтов» в странах Западной Европы, и главным образом в Париже. Эти учебные заведения привлекали легковерную клиентуру сравнительно коротким сроком обучения и относительно дешевой платой за «курс наук». Безответственное предпринимательство в сфере заочной подготовки практически по любой технической специальности стало возможным, поскольку, в отличие от «академической школы», для открытия которой в большинстве стран надо было получить разрешение государства, для создания школ заочного преподавания никаких патентов не требовалось. В этой связи в «Неделе» было опубликовано «извлечение из бюллетеня № 20 Центрального комитета Федерации Союзов русских инженеров за границей» с целью «оградить русских людей за границей от опасности, которой они могут подвергаться при стремлении заочным обучением достигнуть надлежащих знаний и получения званий и особенно звания инженера». В документе за подписью председателя Общества русских инженеров и техников в ЧСР А.С. Ломшакова и управляющего делами общества К. Федорова говорилось о том, что «дело народного просвещения путем заочного метода только тогда может считаться безупречным и вне всяких подозрений, когда будет осуществлен не фиктивный, рекламный, а действительный контроль, ставящий преграду коммерческой спекуляции в этой сфере» (см.: Объявление // Неделя. 1930. 11 июня. № 62).

⁵⁷ В конце апреля — начале мая 1930 г. выставка «Русский кустарь» впервые проходила вне Праги — в г. Пльзень (см.: Русская выставка в Пльзене // Неделя. 1929. 12 апр. № 17; Прага // Там же. 3 мая. № 20).

ки для ее организаторов были «не блестящи» («дорого стоила организация и 10 %, удержанные с проданного экспоната, еле покрывают расходы»)⁵⁸. Тем не менее в этом деле мотив финансовой выгоды не имел приоритетного значения для общества. Выставка-базар в большей мере позиционировалась как культурно-национальное мероприятие в рамках сближения славянских миров и одновременно — как возможность материальной поддержки русских эмигрантов, занимавшихся художественным творчеством и промыслами. Тогда же «Неделя» писала о том, что «хорошо продавались картины художников Долгова и Сулова, иконы кн. Яшвиль и Волоцкого, металлопластика г-жи Галлат и куклы»⁵⁹. «Изящество и русское своеобразие» экспонатов выставки-базара неизменно привлекали внимание «высшего пражского общества». «Ежегодно выставку посещает и приобретает ряд вещей дочь президента — д-р Алиса Масарик», — сообщалось в газете⁶⁰.

Заявляя о своей политической неангажированности, редакция «Недели» в то же время занимала непримиримую позицию по отношению к «безумной и циничной московской коммунистической власти»⁶¹. Дистанцируясь от политических организаций, руководители газеты вместе с тем высказывали определенное сочувствие младороссам (прежде всего их идее единения соотечественников, поиску новых методов борьбы с коммунизмом). В «Неделе» приводились слова одного из деятелей данного политического движения: «Нужна не общая программа, а общее сознание необходимости борьбы не друг с другом, а с общим врагом... Нужно начинать работу с объединениями молодых поколений. Им надлежит, не поднимая бессмысленного спора отцов и детей, показать пример политической солидарности и сотрудничества. Прежде всего нужно вернуть нашим молодым поколениям веру в русскую победу, ... расшевелить уже заснувшую во многих сердцах любовь к России. ... Предстоит упорная и тяжелая работа и нужны кадры людей, готовых заняться “раскачиванием колокола русского набата”. И когда будет достигнут общий фронт молодых поколений, когда за общей работой эсер в непредрешенце, крестьяноросс в младороссе будут видеть не кровного врага, а в данную минуту сотрудника — общий фронт эмиграции назреет сам собой»⁶².

Анализ публикаций газеты «Неделя» позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на немалые сложности, связанные с трудоустройством русских эмигрантов в Чехословакии на рубеже 1920 — 1930-х гг., эта страна, от-

⁵⁸ Выставка-базар «Русский кустарь» // Неделя. 1928. 22 дек. № 1.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Выставка «Русский кустарь» в Праге // Там же. 1930. 28 нояб. № 68.

⁶¹ К правительствам и общественному мнению культурных стран // Там же.

⁶² К вопросу об объединении эмиграции // Там же. 1930. 3 окт. № 65.

личавшаяся неизменно широкими симпатиями и благожелательным отношением к беженцам из России, предоставляла им определенные возможности для обустройства и хозяйственной деятельности. Усилиями многочисленных общественных организаций в ЧСР была налажена помощь русским беженцам в решении жизненных проблем. Тем не менее для эмигрантской молодежи, получившей благодаря «русской акции» чешского правительства бесплатное высшее образование, было характерно стремление к расширению своих «горизонтов» и достижению максимальных карьерных высот. Подобные настроения побуждали многих покидать ЧСР и расселяться практически по всему свету. Таким образом, Чехословакия 1920-х гг. сыграла роль своеобразного питомника квалифицированных специалистов, труд которых впоследствии был востребован и способствовал улучшению качества жизни населения многих стран.

А.Ю. Вовк

Основание и издание газеты «Русский Патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления

Аннотация: В статье рассматривается история газеты «Русский Патриот», созданной Союзом «Русский патриот» (СРП). СРП являлся коммунистической частью французского Сопротивления (Résistance) и издавал газету в 1943-1944 гг. в условиях подполья. Опираясь на выявленные в Архиве ДРЗ документы, предпринимается попытка проследить историю выпуска газеты, установить имена ее сотрудников, определить их круг обязанностей.

Annotation: The article studies a history of the newspaper «The Russian Patriot», which was created by the Union «Russian Patriot» (URP). URP was a communist part of the French Resistance (Résistance) and published the newspaper in 1943-1944 illegally. Basing on the documents of the Archives of DRZ, a history of the newspaper, its employees, their responsibilities are studied.

Ключевые слова: Сопротивление, русская эмиграция, Вторая мировая война, Союз «Русский патриот», «Союз русских патриотов», газета «Русский Патриот», пресса на оккупированной территории.

Key words: Resistance, Russian emigration, World War II, Union «Russian Patriot», Union of Russian Patriots, the newspaper «Russian Patriot», the press in the occupied territory.

В годы Второй мировой войны несколько тысяч русских эмигрантов были во французской армии; несколько сотен участвовали в движении Сопротивления (Résistance). Несмотря на то что историография Сопротивления значительна и русским подпольщикам также посвящен ряд исследований, фундаментальных работ об их деятельности до сих пор не существует. На наш взгляд, участие русских эмигрантов в движении Сопротивления, а также различные аспекты их деятельности нуждаются в детальном изучении.

Следует сказать, что группы Сопротивления, в которых состояли русские, как правило, были смешанного состава. В этом ряду особняком стоит Союз «Русский патриот» («Союз русских патриотов», СРП). Это была одна из немногих исключительно русских эмигрантских организаций, хотя и связанная с французами из М.О.И.¹ и компартии. Историография СРП отличается предельной скудостью, и в основном исследователи ограничиваются информацией справочного характера.

¹ М.О.И. (Main-d'oeuvre immigrée) — организация рабочих-коммунистов иностранного происхождения.

На первом собрании СРП в Париже в октябре 1943 г. были декларированы следующие задачи:

- 1) Собрать в Париже проживающих во Франции и Германии бывших членов Союза друзей советской Родины;
- 2) Организовать помощь бежавшим из плена советским военнопленным;
- 3) Привлекать русских эмигрантов к участию в Сопротивлении;
- 4) Наладить выпуск листовок².

Активисты союза с разной степенью успеха пытались решить поставленные задачи. На наш взгляд, наиболее удачно СРП справился с организацией печати, создав газету «Русский патриот». Последней посвящена небольшая статья «Родина зовет! Партизанские газеты на русском языке во Франции»³. Ее автор, Геннадий Алексеевич Нечаев, переписывавшийся с ветеранами СРП, рассказал о некоторых обстоятельствах издания и распространения русскоязычных газет Сопротивления — «Советского патриота», «Советского партизана», рукописного «Советского гражданина», а также упомянул о «Русском патриоте». Что касается последнего издания, то Нечаев сообщил о ротаторе, с помощью которого газета выходила, немного рассказав о сотрудниках редакции.

Кажется, что нерешенных вопросов в истории этой газеты быть не должно: в подполье она существовала недолго — 11 месяцев (до освобождения Парижа), Нечаев сообщил об условиях организации этого издания. Тем не менее, анализируя выявленные нами воспоминания членов СРП, мы делаем вывод об их большой противоречивости. Например, неясно, кто входил в редакцию, где она располагалась и как распределялись обязанности.

Так, по одним сведениям, осенью 1943 г. редакцию «Русского патриота» возглавил Михаил Михайлович Бренстедт⁴, его соредактором был А.С. Сизов⁵. По другим сведениям, в редакцию, располагавшуюся в XV округе, входили О.Т. Михневич, А.С. Сизов и М.В. Тимофеева⁶ (жена Бренстедта). По другим данным, первые номера «Русского патриота» готовились в квар-

² См.: П. Пелехин — Г.А. Нечаеву, б/д, по штемпелю 6 апреля 1967 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об., 2.

³ *Нечаев Г.А.* Родина зовет! Партизанские газеты на русском языке во Франции // Советская печать. 1965. № 5. С. 33-35.

⁴ Встречается также написание Бронштедт, Бренстадт, Бронстедт, Бретштедт. В справочнике «Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской» (М., 2008. Т. 1: А-К. С. 208) фамилия указана как Бренстедт и приведены следующие варианты: Брендстет, Брондстет.

⁵ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, б/д, по штемпелю 10 декабря 1965 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 11 об.

⁶ См.: *Борисов Н.В.* «Пароль — Франция! Девиз — Советский Союз!» // Отчизна. 1990. № 3. С. 27.

тире члена французской компартии Александры Петровны Тарасевской (псевдоним «Тамара»), а штат газеты был шире и включал Б.И. Журавлева, Г.Г. Клименюка, А.Н. Кочеткова, Н.Н. Роллера, редактором был Бренстедт⁷. В воспоминаниях Николая Борисова утверждается, что в середине марта 1944 г. в Булони были арестованы его предшественники по газете — Бренстедт с женой и машинистка В.Н. Спенглер⁸. По сведениям главы союза Николая Качвы, занимавшего эту должность с марта 1944 г., «арестованы были: Пелехин, Бренстад с женой <, > В. Тимофеева⁹ (связистки) <, > Е. Тимофеева, В.Н. Спенглер (машинистка), Л. Зиновчик, Б. Зипер, Ф. Сафонов»¹⁰. А в рапорте за март 1944 г. указано, что арестованы члены редакции Александр, М.М. < Бренстедт > и машинистки¹¹.

Анализируя эти свидетельства, с большой долей вероятности можно утверждать, что за подбор материала отвечал Михаил Бренстедт, обладавший значительным журналистским опытом. Он сотрудничал в шведской и датской печати, а также в эмигрантской газете «Последние новости». Как в редакции распределялись остальные роли — точно установить невозможно, за исключением некоторых лиц. В одном из писем Г.А. Нечаев приводит сказанные ему лично слова Николая Роллера, что он подготовил и отпечатал только один номер «Советского Патриота» за апрель 1944 г.¹² При этом возникает вопрос: не смешивают ли Роллер и Нечаев параллельно выходившие разные газеты — «Русский Патриот» и «Советский Патриот»?

Что касается расположения редакции и типографии, то Г.Г. Клименюк вспоминал, что изначально они базировались в Париже, а после ареста некоторых активистов были переведены в ближайший пригород¹³. По уточняющим сведениям, типография находилась в пригороде под названием Эрбле (Herblay, 20 км на северо-запад от Парижа)¹⁴, в доме сестры Н.Н. Роллера¹⁵.

Оговоримся, что мы специально перечисляем все упомянутые имена и топонимы, так как невозможно однозначно установить, кто и где готовил первые номера «Русского Патриота».

⁷ См.: Г.Г. Клименюк — Г.А. Нечаеву, б/д, по штемпелю февраль 1962 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60. Л. 1 об.

⁸ Встречается другое написание фамилии Снепглер, Шпенглер (*Борисов Н.В.* Указ. соч. С. 27).

⁹ Вера Тимофеева — дочь М.М. Бренстедта.

¹⁰ Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, б/д, по штемпелю 10 декабря 1965 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 11 об.

¹¹ См.: Рапорты СРП о деятельности в 1944 г. // Там же. Д. 101. Л. 1.

¹² См.: Г.А. Нечаев — Г.Г. Клименюку, 4 августа 1962 г. // Там же. Д. 60. Л. 8.

¹³ См.: Г.Г. Клименюк — Г.А. Нечаеву, б/д // Там же. Д. 59. Л. 1, 2.

¹⁴ См.: *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1979. С. 323.

¹⁵ См.: Г.А. Нечаев — Г.Г. Клименюку, 4 августа 1962 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.

После арестов ряда активистов в начале 1944 г., в том числе занимавшихся союзной прессой, на несколько месяцев газета перестала выходить. В М.О.И. пришли к выводу о необходимости изменений, главой союза был назначен Николай Качва. Ему было поручено заново наладить работу СРП, и в частности восстановить печать¹⁶. Это было сделано к 1 июня 1944 г. При посредничестве Марии Ружиной в СРП была сформирована «тройка» из новых людей: Ю. Деплани — Л. Савицкий — Т. Покровская. Им принадлежит заслуга в восстановлении печатного органа. Л. Савицкий достал пишущую машинку, Юрий Деплани купил требовавший ремонта ротатор, бумагу, восковку, краску и снял для редакции квартиру в пригороде Ванв (Vanves, юго-западная граница Парижа). В квартире также находилось радио, принимавшее сводки Совинформбюро, комната машинистки. Здесь же проживал глава союза Николай Качва. Роли в новой редакции были распределены следующим образом: Ю. Деплани — прослушивание московского радио и составление сводок; Т. Покровская — машинистка; Л. Савицкий — корректура и оформление восковки; Н. Качва — печать на ротаторе и подготовка к распространению; Ф. Цицилина — передача номеров по «тройкам»¹⁷.

Начинание было одобрено руководством — М.О.И., — и редакция была расширена. В нее вошла «тройка», издававшая номер, «тройка», отвечающая за распространение, и еще одна «тройка» из авторов статей. По словам Качвы, в целях безопасности «тройки» существовали независимо друг от друга¹⁸. В эту «тройку» входили поэт Михаил Струве и сотрудничавший в межвоенный период в «Последних новостях» Николай Борисов. «Эти люди и стали моей редакцией, а Борисов ее редактором, в дальнейшем через него стал регулярно поступать материал для нашей газеты “Р<усский> П<атриот>”, — вспоминал Н.С. Качва¹⁹.

Необходимо отметить, что Н.В. Борисов возглавлял редакцию дважды: до ареста в июне 1944 г. и после освобождения с середины августа 1944 до января 1945 г. Таким образом, фактически от прежнего «РП», как его часто обозначали, осталось только название и идеологическое направление — сотрудники редакции были людьми новыми. То есть допустимо обозначать редакции под № 1 и № 2. После освобождения Франции СРП был переформирован в «Союз Советских патриотов», а его печатный орган получил новое название — «Советский Патриот»²⁰.

¹⁶ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 07 июля 1963 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 1 об.

¹⁷ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 13 ноября 1966 г. // Там же. Л. 17–19.

¹⁸ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 22 апреля 1969 г. // Там же. Л. 27, 27 об.

¹⁹ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 13 ноября 1965 г. // Там же. Д. 42. Л. 18 об.

²⁰ См.: Обухова-Зелинская И.В. Газета «Советский Патриот» — сладкоголосая сирена возвращения или дудка гаммельнского крысолова // Нансеновские чтения, 2009: сб. ст. / Науч. ред. М.Н. Толстой. СПб., 2010. С. 278.

Для распространения газеты использовались курьеры. В редакции № 1 Александра Тарасевская отвозила восковки и бумагу для нового номера в ближайший район Парижа, где обменивала их у другого связного, Н. Роллера, на свежие номера «РП», «Юманите» («Humanité») и «Рабочую жизнь» («La vie ouvrière»). Полученные материалы Тарасевская прятала себе и малолетней дочери под одежду и продолжала свой путь в центр Парижа на встречу с другим курьером²¹. Этот процесс подробно описал Г. Клименюк в своих письмах Г. Нечаеву.

Ниже мы приводим схему²² организации и распространения подпольной газеты «Русский Патриот» в период работы редакции № 2. Схема не подписана, но можно с большой степенью уверенности предположить, что она составлена Качвой. На схеме показаны сотрудники редколлегии, экспедиции и технический персонал.

Некоторые части схемы можно уточнить. По словам Н. Качвы, напечатанные им ночью номера передавались через Т. Покровскую Ф. Цицилиной и далее по «тройкам» СРП²³. Читателям «Русский Патриот» передавали различными способами. Как вспоминал Качва, «личной передачей — друзьям, почтой — врагам, в почтовый ящик — сочувствующим»²⁴. Под «врагами»,

²¹ См.: Г.Г. Клименюк — Г.А. Нечаеву, б/д // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60. Л. 1 об.

²² См.: Организация и распространение подпольной газеты «Русский Патриот» // Там же. Д. 42. Л. 13.

²³ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 13 ноября 1966 г. // Там же. Д. 25. Л. 18.

²⁴ Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 15 июня 1965 г. // Там же. Л. 4, 4 об.

видимо, подразумевались коллаборационистские организации эмигрантов. Отмечая значительные трудности с распространением печати, отметим, что, по некоторым данным, «РП» поступал и в другие департаменты Франции. Например, в Лион, где до войны проживал Качва и где была ячейка СРП²⁵.

На кого была рассчитана газета? Ее целевая аудитория — русские эмигранты, русскоязычные военнослужащие вермахта, собирательно именовавшиеся «власовцами», советские военнопленные. Однако неясно, действительно ли последние получали «Русский Патриот», или в воспоминаниях присутствует абберация и им доставалось выходявшее параллельно издание — «Советский Патриот»? Вопрос остается открытым.

Вторая редакция «Русского Патриота» выпустила 13 четырехстраничных номеров²⁶ (по другим данным — 9²⁷), тираж колебался от 300 до 500 экземпляров, что зависело от наличия запасов бумаги. Например, в июне 1944 г. вышло 4 номера «РП» не только из-за высадки войск антигитлеровской коалиции в Нормандии, но и потому, что редакции удалось получить дополнительное количество бумаги²⁸. Газета переводилась для французского руководства, однако сведениями о согласовании тех или иных материалов мы не располагаем. Статьи не подписывались авторами, что было естественно в условиях подполья.

Несмотря на принятые меры конспирации, нацистские спецслужбы активно противостояли деятельности СРП. Уже через несколько месяцев после создания союза, в феврале 1944 г. была разгромлена первая редакция «Русского Патриота» и арестована часть сотрудников²⁹. Всего за первую половину 1944 г. СРП пережил 6 «провалов»³⁰, что, конечно, осложняло издание газеты.

Таким образом, на основании выявленных ранее неизвестных документов, мы приходим к выводу о существовании двух редакций газеты «Русский Патриот». Несмотря на значительные потери среди сотрудников редакции (аресты), газета продолжала выбранный ранее курс и внесла вклад в борьбу французского движения Сопротивления.

²⁵ См.: С. Качва — Г.А. Нечаеву, б/д, по штемпелю 10 декабря 1965 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

²⁶ См.: *Обухова-Зелинская И.В.* Указ. соч. С. 278.

²⁷ См.: Л.А. Савицкий — Г.А. Нечаеву, 29 марта 1969 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 76. Л. 2 об.

²⁸ См.: Н.С. Качва — Г.А. Нечаеву, 22 марта 1967 г. // Там же. Д. 25. Л. 23.

²⁹ См.: *Кочетков А.Н.* Иду к тебе, 1936–1945. Forest Hills, 2013. С. 19.

³⁰ См.: *Борисов Н.В.* Указ. соч. С. 28.

Л.А. Мнухин

Владимир Лазаревский — журналист, переводчик, издатель

Аннотация: Статья посвящена журналисту, переводчику и издателю В.А. Лазаревскому, видному общественному деятелю русского зарубежья. Лазаревский сотрудничал во многих политических, общественных и молодежных объединениях, публиковался во французской прессе. Первый русский лауреат за заслуги в области франкофонии. Был одним из основателей и главным редактором газеты «Русская мысль».

Annotation: The article focuses on a journalist, translator and publisher Vladimir Lazarevski, a prominent public figures of the Russian diaspora. He has worked in many political, social and youth associations, and published in the French press. He was the first Russian winner for achievements in the field of Francophonie, as well he was a co-founder and an editor-in-chief of the newspaper «Russkaya Misl'» (=«Russian Idea»).

Ключевые слова: журналист, политика, культура, переводчик, франкофония, объединения, редактор, издатель, «Русская мысль».

Key words: journalist, politics, culture, translator, Francophone associations, editor, publisher, «Russkaya Misl'» (=«Russian Idea»).

5 ноября 1928 года на страницах самой популярной и влиятельной газеты русской эмиграции «Последние новости», выходящей в Париже, можно было прочесть в разделе хроники краткое сообщение: «Бывший член правления Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), переводчик русских книг в издательстве “Rayot”, журналист и переводчик Вл.А. Лазаревский награжден орденом “Renaissance Française”». Такая награда, начиная с 1915 года, ежегодно присуждалась за достижения в области культуры и франкофонии. Событие это было и знаменательным, и примечательным в истории русской эмиграции. Эмигрант Лазаревский стал одним из первых, если вообще не первым российским лауреатом в области франкофонии.

Владимир Александрович Лазаревский родился в 1897 году в Киеве. Учился на факультете права Университета св. Владимира (Киев). С юношеских лет увлекся журналистикой, сотрудничал в газете «Киевлянин». Когда началась Гражданская война, вступил в ряды армии А.И. Деникина, входил в тайную организацию «Азбука», члены которой занимались нелегальной разведывательной деятельностью. В 1919 году Лазаревский вновь сотрудник газеты «Киевлянин», издание которой возобновил В.В. Шульгин, первый учитель Лазаревского на политическом поприще. В 1920 году, как и де-

сятки тысяч соотечественников, участников Гражданской войны и Белого движения, покинул Россию. «Сдали Киев... Уходим пешком. Долго бредем, усталые, измученные, и с нами веселый, краснощекий мальчик — Вовочка Лазаревский, заражающий всех своей жизнерадостностью и сопровождаемый отечески-нежным взглядом Василия Витальевича. Уходим навсегда», — вспоминал бывший член «Азбуки» Андрей Поплавский¹. Некоторое время Лазаревский оставался в Константинополе. За это время он один раз смог побывать на родной земле. Летом 1921 года Шульгин с целью разыскать своего сына Вениамина, пропавшего при обороне Крыма, тайно посетил полуостров. Со шхуны на берег высадились группа смельчаков, в которую входил и Владимир Лазаревский. Им Шульгин поручил поиски сына. Предприятие окончилось неудачей².

В эмиграции Лазаревский жил в Чехословакии. Окончил в Праге Русский юридический факультет. Свою редакторскую зарубежную деятельность Лазаревский начал в журнале «Студенческие годы», в 1925 году вошел в состав редколлегии. Написал книгу о чешско-русских отношениях в 1914–1918 гг. (*Rusko a československé znovuzrození. Nástin českoruských styků v letech 1914–1918*). В переводе Ярослава Хаука на чешский язык работа была позднее издана в Праге (1927). В апреле 1925 года в Праге вместе с видными деятелями русского зарубежья П.Б. Струве, В.В. Зеньковским, кн. Петром Д. Долгоруковым и др. участвовал в установлении Дней русской культуры, ставших на долгие годы действенным фактором ее сохранения и упрочения³.

Вскоре после окончания Русского юридического факультета Лазаревский перебрался в Париж и поселился с матерью в маленьком отеле на avenue des Gobelins. Он целиком ушел в общественную работу, с головой погрузился в культурную жизнь русского Парижа. Был принят на должность выпускающего редактора только что основанной газеты «Возрождение». Одержимый идеей национальной правды и морального служения ей, молодой юрист сотрудничал во многих политических, общественных и молодежных объединениях. Даже простой перечень этих организаций производил на его коллег сильное впечатление: Русский национальный комитет, Национальное объединение русской молодежи, Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), Общество русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры (ОРСИУСК) и т.д. В 1926 году Лазаревский был избран председателем правления Общества по изучению проблем Лиги Наций, вошел в состав административного сове-

¹ Поплавский А. Памяти В.А. Лазаревского: к годовщине кончины // РМ. 1954. 27 авг.

² См.: URL: ru.wikipedia.org/wiki/Шульгин,_Василий_Витальевич.

³ См.: День русской культуры // Руль (Берлин). 1925. 16 апр.; Хозяин (Прага). 1925. 17 апр.

та Общества русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗ), затем в 1931 году стал генеральным секретарем этой федерации. Этот список можно было бы продолжать⁴. Одновременно несколько лет он выполнял обязанности секретаря В.В. Шульгина⁵.

Владимир Александрович был превосходным докладчиком, выступал с докладами и сообщениями в Париже, Лионе, Брюсселе и других городах Франции и Бельгии. Его первое выступление состоялось в сентябре 1925 года, когда он только что приехал в Париж, последнее — в Лионе в феврале 1953 года, незадолго до кончины. Тематика его докладов была необычайно широка: политика, образование, культура и духовные ценности, социальные проблемы и т.д. Речи Лазаревского, по словам его многолетнего друга, журналиста и редактора, Евгения Ефимовского, отличались изяществом и простотой. Особым интересом пользовались его выступления, посвященные анализу международных событий⁶.

На одном из первых мест его феноменальной занятости в 1920–1930-е годы оставалась работа переводчика, которую он любил и высоко ценил. Блестяще владея французским языком, Лазаревский с первых дней в Париже начал сотрудничать во французской прессе. Здесь его деятельность шла в двух самостоятельных направлениях. Во-первых, некоторые из своих работ, главным образом на политические темы, он писал сразу на французском языке. Отдельными изданиями в Париже в начале 1930-х вышли его книги: «La Russie sous l'uniforme bolchévique» («Россия под большевизмом») и «Quand le village appartient à l'Etat» («Когда государство управляет крестьянством») (в соавторстве с историком и переводчиком Шарлем Ледре и Кириллом Зайцевым), были опубликованы работы «La Démocratie soviétique» («Демократия по-советски»), «L'Assassnat de Stolypine» («Убийство Столыпина»)⁷. Своими публицистическими работами Лазаревский был известен и ценим во французских антикоммунистических кругах.

Но, пожалуй, самыми важными, в первую очередь с точки зрения франко-русских культурных отношений, были его труды переводчика с русского языка на французский. В 1920-е годы парижское издательство «Payot» пригласило Лазаревского к участию в публикациях серии «Mémoires études et documents pour servir à l'histoire de la guerre mondiale» («Роль воспоминаний

⁴ См.: Русское зарубежье: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции во Франции, 1920–1940: в 4 т. Paris, M., 1995–1997 (по указ. имен).

⁵ См.: Орехов В. Памяти В.А. Лазаревского // Часовой (Париж). 1953. № 335 С. 17.

⁶ См.: Ефимовский Е. Памяти В.А. Лазаревского // Русский путь (Париж). 1953. № 14. С. 14.

⁷ См.: Livak L. Russian émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: a Bibliographical Essay. Montreal; Kingston; Lnd.; Ithaca, 2010. P. 192–193.

и документов в изучении истории мировой войны»). За первый же свой фундаментальный перевод архивных материалов Николая II («Archives secrètes de l'empereur Nicolas II», 1928) Лазаревский был представлен издательством «Payot» к награждению орденом французской ассоциации «Renaissance Française». Затем в этой же серии была им переведена и издана книга известного казачьего деятеля и журналиста Ильи Г. Савченко о Гражданской войне на Кубани («Les Insurgés de Kouban. La guerre des rouges et des blancs», 1929). Лазаревский хорошо знал автора, они вместе участвовали в создании Общества по изучению проблем Лиги наций в 1926 году. Вслед за книгой о казачестве последовал перевод исторического исследования терроризма в России генерала жандармерии А.И. Спиридовича («Histoire du terrorisme russe. 1886–1917», 1930).

Из переводов Лазаревского художественных произведений русских писателей, живших в эмиграции во Франции, следует назвать повесть М.А. Алданова «La Dernière symphonie» («Десятая симфония») и его же исторический очерк «Roi Feuçal et le colonel Lawrence» («Король Фейсал и полковник Лауренс», 1935), рассказы И.А. Бунина «L’Affaire du cornette Elaguine» («Дело корнета Елагина», 1934), «Ida» («Ида», 1933), «Le Coup de soleil» («Солнечный удар», 1935), роман А.И. Куприна «Jeanette. La Princesse des quatre rues» («Жанетта. Принцесса четырех улиц», 1936). Лазаревский сотрудничал как автор и переводчик в журналах «Revue et France», «L’Illustration», «Revue des sciences politiques», «Correspondant». Для последнего журнала перевел главу из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» («C’était Natacha...», 1935). Ряд переводов Лазаревский выполнил в сотрудничестве с Шарлем Ледре⁸.

Во время Второй мировой войны Лазаревский входил в состав Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции, занимался вопросами выдачи пропусков. И здесь, в сложных условиях оккупированного Парижа, он оставался мужественным и деятельным человеком. Отвечая за ходатайства по пропускам (в организационных документах так было и записано: «ходатай по пропускам» — В.А. Лазаревский), он добивался у властей того, чтобы эмигранты имели пропуска для перемещений в плане трудоустройства, в том числе из оккупированной французской зоны в неоккупированную и обратно, для воссоединения с семьями и т.д.⁹ Многие русские парижане были благодарны своему соотечественнику за такую помощь.

⁸ См.: *Livak L.* Op. cit. (по указ. имен).

⁹ См.: Отчет о деятельности Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции // Архив Л.А. Мнухина, м/п, 7 л.

12 сентября 1944 года, спустя две недели после освобождения Парижа, Петр Ковалевский записал в своем дневнике, что Владимир Лазаревский возобновляет свои дела¹⁰.

Война окончена, Лазаревский незамедлительно возвратился к своей общественной и журналистской деятельности, продолжил чутко откликаться на все исторические процессы, происходившие в послевоенной Франции и российском зарубежье. В эти годы в русской эмиграции выявились два политических течения. С одной стороны, многих русских эмигрантов охватило стремление вернуться на родину. Они надеялись, что после войны там наступят существенные перемены. С другой стороны, определенные слои эмиграции были твердо настроены против своей самоликвидации.

Положение критически настроенной части эмигрантов осложнялось еще и отсутствием своего печатного органа. Проводниками же просоветской линии во Франции, поддерживаемой французским правительством, были две газеты: «Русский патриот» (позднее — «Советский патриот») и «Русские новости». Для противостояния этим изданиям группе общественных и литературных деятелей и нужна была своя периодическая печать. Одну из главных ролей в создании такого печатного органа и взял на себя Владимир Лазаревский. Непосредственным же поводом для начала организационных действий явилось событие, которое состоялось 29 августа 1945 года в Александро-Невском соборе в Париже. Здесь прошла первая официальная встреча главы Западно-Европейских церквей митрополита Евлогия и прибывшего из Советского Союза наместника патриарха Московского и всея Руси митрополита Николая (Крутицкого). После приветственного слова митрополита Евлогия с докладом о положении Православной церкви в России выступил митрополит Николай. Главный мотив его доклада — «мысль о воссоединении Патриаршества уже давно была горячим желанием руководителей Русской церкви»¹¹. «В радостном смятении толпа эмигрантов, — напишет позднее очевидец события Лазаревский, — слушает речь Митрополита. Он привез нам, так долго оторванным от отчизны, привет родной земли, настал долгожданный час встречи; отныне мы едины... Вокруг меня раздавались прерывистые восклицания; счастливые слезы блистали на глазах окружающих»¹². А, по свидетельству священника Льва Липеровского, особенно сильное впечатление на присутствующих произвело сообщение о том, что вновь разрешено печатание Евангелия в России¹³. «Волна трепет-

¹⁰ См.: Ковалевский П.Е. Дневники // ИИШ. Archives «К». Period: 1941–1955. Запись 12 сентября 1944 г.

¹¹ Липеровский Л. Митрополит Крутицкий Николай в Париже // Русские новости. (Париж). 1945. 7 сент.

¹² Лазаревский Вл. Из недавнего прошлого // РМ. 1948. 9 апр.

¹³ См.: Липеровский Л. Указ. соч.

ного умиления, — продолжает Лазаревский, — захватила и меня. Но тем явственнее потом ощутил я за правдивыми словами митрополита призрак великой лжи... И назревало твердое решение: больше молчать нельзя»¹⁴.

Лазаревский решается начать издавать свой журнал, пригласив к участию в нем ближайших единомышленников — С.П. Мельгунова и А.В. Карташева. И в середине февраля 1946 года, после того как были «обойдены надводные и подводные камни» (по выражению Лазаревского), выходит первый номер сборника «Свободный голос» под редакцией его основателя. Всего за шесть месяцев Лазаревскому удалось выпустить три номера «полулегального журнальчика», как его окрестила советская сторона¹⁵. Лазаревский выступал не только как главный редактор, но и как автор злободневных статей, таких как «Прискорбная годовщина» (о посещении группы эмигрантов советского посольства), «Право на жизнь» (о международных соглашениях по репатриации), «Таинственная “маффия”» (о похищениях невозвращенцев). Лазаревский явился пионером в восстановлении антисоветской печати в Европе, по выражению редактора «Часового» Василия Орехова, в «медовый месяц советско-европейской дружбы»¹⁶, что, безусловно, сопровождалось большим риском в то время.

Однако формат издания, тематика, ограниченная политикой, сложность регистрации у французских властей и т.д. не позволяли в полной мере осуществить Лазаревскому задуманный орган свободной печати. После третьего номера «Свободного голоса» он передал редакторские обязанности С.П. Мельгунову, которому удалось, несмотря на множество проблем, выпустить еще девять номеров журнала. При этом требования французских властей по регистрации периодических русских эмигрантских изданий редакция сумела обойти, каждый раз, начиная с № 4, меняя название: «Свободное слово», «Независимое слово», «Свободная мысль», «Независимая мысль», «Независимый голос» и т.д. (Одnodневные газеты и единичные выпуски журналов регистрации не требовали.)

Неутомимый Лазаревский несколько раз запрашивал у французского правительства разрешения издавать независимую национальную газету, однако каждый раз он получал отказ. Весной 1947 года ему на помощь пришел его знакомый, один из руководителей Католического синдиката «Французской Конфедерации Трудящихся Христиан», Кристиан Брюне, который оказал содействие Лазаревскому в получении поддержки проекта у генерального секретаря конфедерации Гастона Тесье. Было рекомендовано издавать на первых порах газету, как орган федерации для

¹⁴ Лазаревский Вл. Из недавнего прошлого.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ Орехов В. Указ. соч.

русских трудящихся христиан. Материальная сторона издания не должна была касаться конфедерации. В редакционной работе, по настоянию Лазаревского, ему была предоставлена полная свобода. Подробная история «Русской мысли» уже не раз была предметом публикаций¹⁷, поэтому здесь дается лишь ее краткое изложение с акцентом на роль в ней Лазаревского.

Первого апреля 1947 года на квартире Лазаревского (11-bis, rue Roqueline, 8-e, где он к этому времени уже постоянно жил с семьей), ставшей вскоре на некоторое время помещением для конторы и редакции газеты, состоялось первое заседание редакции, на котором присутствовали В.А. Лазаревский, П.Е. Ковалевский, В.Ф. Зеелер, В.В. Полянский и С.А. Водов. Главным редактором газеты был избран Лазаревский. Были распределены и другие обязанности (Лазаревский и Ковалевский — сбор средств и материалов, Зеелер — отбор материалов, Водов — выпускающий редактор, Полянский — денежно-бухгалтерская часть). Все они с первых номеров выступали в газете и как постоянные авторы. Для ведения переписки Лазаревский привлек бывшую сестру милосердия и многолетнего редакционного работника Евгению Николаевну Рышкову, которую хорошо знал еще по работе в газете «Возрождение». Название «Русская мысль» предложил В.В. Полянский. Главный вопрос, который встал перед инициаторами издания, был денежный. Обошли состоятельных людей, обратились к русским организациям, но безрезультатно. Одни боялись себя скомпрометировать, другие не верили в реальность проекта. Тщетными оказались и попытки заинтересовать церковные круги (Епархиальное управление и Соборный приход). Для выпуска первого номера надо было внести в типографию 50 тысяч франков. Лазаревский вложил весь свой капитал — сорок тысяч, еще десять достал П.Е. Ковалевский. Первый номер вышел пасхальным, датированный 19 апреля 1947 года, он поступил в продажу уже вечером 18-го. На первой странице был изображен внутренний вид храма Сергиевского Подворья. Главный редактор в своем приветствии «Христос Воскресе!» так определил назначение издания: «Русская мысль может выражать себя — нужно ли это доказывать? — только за пределами России. Только здесь может быть свободное русское слово... И обещаем читателям освещать чаяния, мысли и жизнь нашего народа с полной беспристрастностью».

Но для распространения газеты и возврата затраченных средств нужны были киоски, согласные ее продавать. И здесь неоценимую услугу газете оказала мать Лазаревского, Валентина Варсановьевна. Несмотря на свой

¹⁷ См.: Мнухин Л.А. «Русская мысль» // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940 / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 560–565; Ковалевский П. Начало пути // РМ. 1972. 20 апр., и др.

возраст, а ей уже было за семьдесят, она развозила тираж на метро и в автобусах, разносила по парижским киоскам. Первым из них откликнулся киоск напротив дома, где жили Лазаревские. Продавец даже выставил «Русскую мысль» на видном месте. Как вспоминал Ковалевский, покупавшие так боялись проявить свои чувства, что, получив газету, немедленно прятали ее в карман¹⁸.

Продолжая лучшие традиции русской прогрессивной печати, очень скоро «Русская мысль» стала одной из самых интересных и важных газет русского зарубежья.

Лазаревский, почти в каждом номере, особенно в первые годы существования газеты, публиковал статьи, откликаясь на самые актуальные вопросы и проблемы как международного положения, так и внутренней эмигрантской жизни. Главными, пожалуй, были темы «Русская эмиграция перед лицом России» и «Россия и Франция». Такие статьи Лазаревского, как «Россия и Франция» (1947. 20 сентября), «Новое французское правительство» (1948. 30 июля), «Итоги французского кризиса» (1948. 17 сентября) и т.п. пользовались у читателей особым спросом, поскольку затрагивали непосредственно их жизненные интересы. Лазаревский откликался на все важные события и даты. В специальном номере, посвященном царской семье, его статье «Крушение империи» была посвящена целая полоса. (1948. 16 июля). В юбилейном пушкинском номере «Русской мысли» он писал о духовном облике великого поэта (1949. 1 июня) и т.д.

В ноябре 1948 года Лазаревский открыл на страницах газеты рубрику «Не на злобу дня», посвященную отдельным текущим событиям. Будучи журналистом одаренным, всесторонне образованным, с утонченной европейской культурой, Владимир Александрович с первых номеров газеты особое внимание уделял ее общекультурной части, посвященной литературе, живописи, музыке, театру, науке, духовно-философским течениям. Отведенная вначале для культуры страница «Литература и искусство» со временем не могла уже вмещать все материалы о культурной жизни и вскоре стала занимать едва ли не половину всего объема газеты. Нашлось место и французской культуре, ее главным событиям.

Почти семьдесят лет тому назад Лазаревский выразил мысли, которые и сегодня не потеряли своего значения: «Задача, стоящая перед нами: служить франко-русскому культурному сближению. “Европейская идея” немислима без сотрудничества европейского Востока, т.е. России, с европейским Западом, духовным вождем коего была и остается Франция. Это — особая и большая тема. Не может быть Европа без франко-русской друж-

¹⁸ См.: Ковалевский П. Начало пути.

бы — не той дружбы, которая является темой тостов на дипломатических банкетах, а той, которая основана на подлинном и глубоком взаимном понимании.

В этом отношении русская эмиграция сыграла уже огромную роль в смысле связующего звена между французской и русской культурой»¹⁹.

Несмотря на напряженную редакторскую работу, Лазаревский продолжал активнейшим образом участвовать в общественной и культурной жизни русского Парижа. Входил в административный совет Российского музыкального общества за границей, в Пушкинский комитет по организации празднования 150-летия со дня рождения поэта, в Комитет по организации чествования Б.К. Зайцева, в Комитет по подготовке Дня русской культуры, в Юбилейный комитет по празднованию 250-летия Санкт-Петербурга, был председателем Русско-польского объединения. Участвовал во встречах французских и русских литераторов, читал курс лекций «Русская культура» в Школе руководителей юношеских организаций.

В мае 1952 года он стал одним из основателей Российского национального союза в Париже и был избран в Комитет для выработки устава союза. Последним его проектом стало создание Детского исторического музея в Париже, но этот замысел осуществить он уже не успел. А в феврале 1953 года состоялось его последнее публичное выступление. В Комитете русских беженцев в Лионе он прочел доклад «Международное положение и задачи русской эмиграции»²⁰.

Огромные эмоциональные нагрузки, бесконечные затраты душевных и физических сил в условиях эмигрантского быта, пережитые годы Гражданской войны и годы оккупации Парижа не могли не отразиться на здоровье Лазаревского. Летом 1953 года он уехал на лечение и отдых в Ниццу. Но справиться с тяжелым недугом ему так и не удалось. 25 августа 1953 года Владимир Александрович Лазаревский скончался и был похоронен на русском кладбище Кокад в Ницце. Остались мать, жена и четверо усыновленных им детей²¹. В Париж известие о его кончине пришло не сразу, помешали трехнедельные забастовки по всей Франции. Лишь только 2 сентября газета смогла посвятить своему основателю и главному редактору целую полосу с некрологами, телеграммами соболезнования, портретом.

В заключение хотелось бы вернуться к началу статьи, где говорилось о Лазаревском как лауреате «Renaissance Française» в 1928 году, этой редчайшей для русских премии.

¹⁹ Лазаревский Вл. Христос Воскресе! // РМ. 1947. 19 апр.

²⁰ Русское зарубежье: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции во Франции, 1940–1975: в 4 т. Paris, М., 2000–2002 (по указ. имен).

²¹ См.: Ковалевский П.Е. Дневники. Запись 12 августа 1953 г.

До этого отличившиеся эмигранты удостоивались чаще всего ордена Почетного легиона (Ordre de la Légion d'Honneur) (в биографическом словаре российских эмигрантов во Франции насчитывается 560 таких лауреатов), ордена Искусств и словесности (Ordre des Art et des Lettres) (130). Военным крестом (Croix de Guerre) были награждены 260 наших соотечественников, а десять русских эмигрантов удостоились высшей военной награды Франции — ордена «Крест освобождения» (Ordre de la Libération)²². Об исключительной редкости награды, полученной Лазаревским, свидетельствует тот факт, что следующий российский лауреат «Renaissance Française» в области франкофонии был объявлен лишь спустя 10 лет. Им стал в 1938 году писатель, критик, журналист, уроженец Харькова Евгений Шкафф, один из организаторов в Париже Ассоциации революционных писателей и художников, писавший под псевдонимом «Жан Фревилль»²³. Но это уже тема для следующего труда.

²² См.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / Под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008–2010.

²³ См.: Там же. Т. 3. С. 431.

Г.Н. Кацов

Нью-Йоркский еженедельник «Печатный орган» (1994–1998)

Аннотация: Статья посвящена судьбе русскоязычного еженедельника «Печатный орган», выходившего в Нью-Йорке в 1994–1998 гг.

Annotation: The article is dedicated to a Russian-language weekly «The Press Organ (Pechatniy organ)», which was issued at New York in 1994–1998.

Ключевые слова: «Печатный орган», еженедельник, Г. Кацов.

Key words: «The Press Organ (Pechatniy organ)», weekly, G. Katsov.

«Печатный орган» (далее — «ПО») — популярная русскоязычная еженедельная газета, выходившая в Нью-Йорке с сентября 1994 г. по май 1998 г. Издателем и главным редактором периодического издания был поэт, писатель и журналист Геннадий Кацов.

История создания «ПО». В середине 90-х гг. прошлого столетия в Нью-Йорке наметилась тенденция к единению представителей так называемой четвертой волны русской иммиграции. Люди, приехавшие в конце 1980-х — начале 1990-х гг. из России и бывших советских республик, хотели общаться. В городе Большого яблока значительно увеличилось, с разнообразием и размахом, число мероприятий с участием русскоязычных литераторов, музыкантов, художников, актеров. Они привлекали огромное количество представителей русско-американской общины. Буквально за пять-семь лет, с конца 1980-х гг., сложилось новое поколение иммигрантов. Тогда и возникла мысль о газете. Поначалу о некоем информационном бюллетене, который был бы интересен, по крайней мере, тем, кто приходил на такие вечера.

Первый номер «ПО» вышел 9 сентября 1994 г. на двух листках обычной писчей бумаги тиражом в 500 экземпляров. Он распространялся в ксерокопиях на вернисажах, литературных и музыкальных вечерах, показах мод, танцевальных площадках.

К тому времени в газетных киосках Нью-Йорка читателям предлагалось не менее двадцати наименований русскоязычных изданий: «Интересная газета», «Нью-Йоркские новости», «Наш дом — Америка», «Курьер», «Новый меридиан», «Еврейский мир», «Форвертс» (ставший ныне «Форумом»), «Вечерний Нью-Йорк», «Новое русское слово», «Русская реклама», «Русский базар», «В Новом Свете». Многие из них дублировали друг друга, перепе-

чатывая статьи и интервью, в основном криминальной и секс-тематики из российской прессы. Но некоторые издания были самостоятельными, с собственными журналистскими материалами, они дожили до сегодняшнего дня. Самой старой газетой русской эмиграции была ежедневная «Новое русское слово». Как было написано в первом выпуске «ПО»: «Мы понимаем трудности единственной ежедневной газеты русской общины в Нью-Йорке: и штат укомплектован профессионалами, и формат газеты на уровне (не то, что наш). И единственная она, и традиции с 1910 года. Попробуй-ка при таких условиях выпускать... классную газету. Она, как и большинство городских русскоязычных газет, решает одну и ту же задачу. Задача эта — катарсис, катарсис и еще раз катарсис! Негативная информация о странах СНГ: инфляция, девальвация, коррупция, проституция, спекуляция, мафия, преступность, фашизм... Остальное добавить по вкусу. Все это дает читателю возможность ежедневно убеждаться в том, что выбор иммигрантом сделан правильный. Там — ужас и юдоль, место скорби, и какое счастье, что мы от туда уехали! В результате, читатель ощущает себя провидцем и испытывает удовольствие от непрожитых там лет...»¹.

В статье «От редакции» явно звучит критика русскоязычной прессы Города Большого яблока. Но «ПО» не призывало к какой-либо координации или консолидации деятельности русскоязычных СМИ. Была объявлена самостоятельная, позитивная программа действий: «Нью-Йорк, как история и современность, как Мекка XX века в мире культуры и искусства, как место, где не только зарабатывают деньги, но и отдыхают, развлекаются... Такой город Нью-Йорк читателям местных русских газет известен весьма приблизительно. Печатного органа, который бы соединил эти темы и предложил, как всю информацию использовать на практике, в нашем городе до настоящего времени не было»².

В феврале 1995 г. «ПО» вышел на восьми стандартных таблоидных страницах тиражом 2000 экземпляров. В считанные месяцы объем достиг 64 газетных полос при тираже 5–7 тысяч экземпляров. Нью-йоркская молодежь, даже не столько молодежь в смысле возраста, сколько люди определенного типа мышления и поведения, стали верными читателями газеты.

31 октября 1995 г. в манхэттенском Нижнем Ист-Сайде открылось кафе «Апууау», ставшее центром культурной жизни четвертой волны тех лет. Одним из совладельцев кафе был издатель и главный редактор «ПО» Геннадий Кацов. Газета получила новый импульс: расписание мероприятий в кафе составлялось раз в две недели и публиковалось на страницах «ПО» (выставки, концерты, театрализованные представления, при этом литера-

¹ [Кацов Г. От редакции] // Печатный орган. 1994. 9 сент. № 1. С. 1.

² Там же.

турные чтения — еженедельно). «Печатный орган» раздавался посетителям «Anyway» бесплатно.

Газета стала заметным явлением нью-йоркской периодики. Журналист и писатель Вадим Ярмолинец писал: «В сентябре 1994 года мне в руки попал конверт, в котором лежал отпечатанный на ксероксе двойной листок издания со смешным названием «“Печатный орган” — “ПО”». К его содержанию я отнесся иронически. Стоило ли издательских хлопот описание экскурсии по нью-йоркским пивным? Казалось, кто-то просто решил подучиться в узком кругу приятелей. Но “игра” привлекла довольно большую аудиторию. Издатель “ПО” Геннадий Кацов справедливо заявляет, что он открыл в русском Нью-Йорке аудиторию, на которую до него не обращали внимания»³.

Редакция. Главным редактором на протяжении всего существования газеты был Геннадий Кацов. В состав редколлегии входили Владимир Давиденко, Екатерина Шрага (первые четыре выпуска), Владимир Кноп, Игорь Барташов (дизайнеры), Марк Копелев, Людмила Кудинова, Михаил Бернадский (фотографы), Алексей Храповицкий (рекламный отдел), Ирина Дяченко (отдел подписки и распространения).

Направленность и редакционная политика. «ПО» стал путеводителем по актуальным событиям культурной жизни Нью-Йорка и истории города. Газета с самого начала обращалась к широкой молодежной аудитории, независимо от ее идеологии. Среди постоянных рубрик «ПО»: Наше дело» (колонка редактора), «ПО белу свету», «С миру ПО строчке» (обзоры международных событий Владимира Парамонова), «ПОчта ПО», «От нашего стола — вашему»; «Нью-Йорк инфо»; «Московское бюро ПО» (Александр Глезер); «Политический лексикон» (Захар Гинсбург); «Американские праздники» (Валерий Окунь), «Исторические хроники» (Борис Клейн); «Хождение по клубам» (полезная информация Аллы Верлоцкой для горожан и гостей города), «Частное мнение» (интересные места для досуга в Нью-Йорке), «Нью-йоркский этикет», «Дела ПОдсудные» (заметки юриста Ильи Фридмана), «Про РОК» (актуальная дискография, ответственный — Александр Цалихин), «ПО галереям» (Павел Радецкий), «ПОходы с ПО» (Михаил Шаинский), «Твой стиль» (Ольга Дашкевич); «Арт-бомонд» (хозяйка полосы Серафима Пизанская), «Спорт-бомонд» (П. Спортсмен), «Поваренная книга ПО» (Марина Давыдова), «Нью-Йорк в удовольствие» (Елена Лебедева), «Internetor» (Алекс и Владимир Друки), «Russian Web Girls» (Елена Долгих); «Вы — в Америке» и статьи о самообороне без оружия Бориса Талиса.

В рубрике «Интервью» были опубликованы эксклюзивные беседы с Гюсом ван Сентом, Севой Новгородцевым, Эрнстом Неизвестным, Вагричем

³ Ярмолинец В. Гена Кацов до и «ПО»сле // НРС. 1998. 29 сент. № 30941. С. 18.

Бахчаняном, Соломоном Волковым, Гришей Брускиным, Михаилом Шемякиным, Владимиром Войновичем, Брюсом Ла Брюсом, Андреем Макаревичем, Сергеем Курехиным, Василием Шумовым (группа «Центр»), Севои Гаккелем (группа «Аквариум»), Вероникой Долиной, Александром Дольским, Олегом Гаркушей (группа «АукцЫон»), группой «Оберманекен», певицей Лолитой, режиссером Сергеем Соловьевым, Еленой Соловей, Алексеем Хвостенко, Юзом Алешковским (вернее, с его супругой Ириной) и многими другими.

Среди авторов и колумнистов, что публиковались на страницах «ПО», Петр Ильинский (культура и американская история), Ярослав Могутин (статьи и интервью), Миша Гуткин (городская жизнь), Катя Капович («Новости Новой Англии»), Владимир Козловский (криминальный Нью-Йорк), Игорь Тимофеев (статьи о Москве), Лилия Панн (литература и литераторы Нью-Йорка), Евгений Фикс (об институте Михаила Шемякина), Вилен Люлечник (исторический блокнот), Семен Печерский («Мы и вокруг нас»), Арнольд Малиевский («Золотая цепь еврейского народа»), Леонид Пинчевский (арт-Нью-Йорк), Арье Нейшлос под псевдонимом «Алекс Крупин» («Секс-туры ПО миру»), Сергей Арно («Заметки майамца»), Геннадий Кацов («Сельская жизнь» — еженедельные отчеты о событиях в манхэттенском кафе «Ayuway»). Постоянную страницу комикса «Мастер и Маргарита» вел художник Михаил Бланк.

В рамках рубрики «Книга в газете» на страницах «ПО» были опубликованы перевод книги V.O. Fussel «Class», выполненный с английского специально для «ПО» Марией Гордон; главы из книг Сергея Довлатова «Ремесло» и «Чемодан» (со специального разрешения для «ПО» Елены Довлатовой); главы из книги Александра Гениса «Американская азбука»; главы из еще неопубликованной в те годы книги Виктора Суворова «Очищение»; главы из книги Владимира Фромера «Кому нужны герои»; главы из книги Марка Штейнберга «Евреи в войнах тысячелетий»; первое журнальное издание романа «Поучительный адюльтер Биренбойма» Максима Шермана (Чернин); главы из книги Геннадия Кацова «Нью-Йорк: история с географией».

Финансирование еженедельника. Как показала практика, тематическое периодическое издание, рассчитанное на узкий читательский сектор, не может рассчитывать на большие тиражи регулярной, конвенциональной периодики и не может с ней конкурировать на газетном рынке в условиях иммиграции. Так, не смогли долго продержаться, наряду с молодежными, издания юмористические, литературные, спортивные, кулинарные. Доход от газеты позволял выплачивать гонорары авторам, зарплаты дизайнерам, корректору и машинистке (редактору подчас зарплаты уже не хватало) и рассчитываться с типографией и распространителями газеты. «ПО» распро-

странялся по подписке (первоначально \$14.00 за год, \$7.77 — полугодовая подписка) и в газетных киосках всех пяти районов Нью-Йорка и в штате Нью-Джерси (цена за один номер — \$0.25).

Просуществовал «ПО» три года и девять месяцев, всего вышло 150 номеров. Вся подшивка газеты сдана на хранение в Нью-Йоркскую публичную библиотеку, центральное здание на Пятой авеню. Отдельные номера находятся в частных коллекциях.

Газета просуществовала недолго, но была яркой, нестандартной, интересной. Она, безусловно, должна быть вписана в историю печатного дела нью-йоркской четвертой волны эмиграции.

БЕСЦЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Л.Ю. Гусман

Л.П. Блюммер: надежды и разочарования эмигранта-журналиста «эпохи великих реформ»

Аннотация: В статье анализируется политическая программа русского эмигранта-конституционалиста 1860-х гг. — Л.П. Блюммера, выступившего с идеями, эклектически сочетавшими либерализм и социализм. Когда пылкие надежды Блюммера на скорое введение конституции в России не оправдались, он был вынужден вернуться в Россию «кающимся грешником».

Annotation: This article is devoted to a study of political program of Russian émigré liberal of the 1860s, L.P. Blummer. His views were an eclectic mixture of socialism and liberalism. When his ardent constitutional hopes became in vain, he had to return to Russia as a «confessed sinner».

Ключевые слова: либерализм, конституция, реформы, эмиграция, Л.П. Блюммер, П.В. Долгоруков, А.И. Герцен.

Key words: liberalism, constitution, reforms, emigration, L.P. Blummer, P.V. Dolgorukov, A.I. Herzen.

История русской общественной мысли 1860-х гг., несмотря на плодотворные усилия многих поколений исследователей, все еще содержит много недостаточно изученных проблем. По большей части это связано с тем, что внимание ученых в основном концентрируется на анализе деятельности фигур «первого ряда» русских публицистов и литераторов, тогда личности и издания, характерные для своего времени, но не сумевшие оказаться в центре внимания большинства их современников и потомков, по большей части игнорируются. При таком подходе неизбежно происходит обеднение и искажение исторического контекста, в котором действовали А.И. Герцен и Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, не говоря уже о писателях более умеренных взглядов. К тому же зачастую игнорируются те общественно-политические явления, которые не вполне соответствуют сложившимся идеологическим схемам.

Характерным примером такого подхода со всеми его недостатками является изучение Вольной русской печати первой половины 1860-х гг., концентрировавшееся главным образом вокруг изданий Герцена и Огарева и не обращавшее особого внимания на многочисленные заграничные публикации русской либерально-конституционалистской эмиграции, часто вступавшей в политический союз с редакторами «Колокола», но ревностно отстаивавшей свою идейную независимость. Сочинения ее основ-

ных представителей П.В. Долгорукова, Л.П. Блюммера, в меньшей степени И.Г. Головина являлись органической частью оппозиционной публицистики 1860-х гг., выдвигавшей цельную программу решительных преобразований государственного строя России. Их изучение необходимо, чтобы установить круг чтения оппозиционной интеллигенции, происхождение и аудиторию таких известных прокламаций, как «Великорусс», а главное, чтобы иметь представление о разнообразии политических альтернатив, выдвигавшихся в то время.

Исследования либеральной эмигрантской периодики, на наш взгляд, до сих пор не приобрели систематического характера не только из-за указанных выше общих причин, но вследствие наличия у каждого из ее активных деятелей темного шлейфа обвинений, более или менее доказанных: возможное участие П.В. Долгорукова в написании преддвуэльного пасквиля на А.С. Пушкина и шантажной записки в адрес М.С. Воронцова; вероятная служба Л.П. Блюммера агентом III отделения Е.И.В. канцелярии и т.д. Подобные подозрения, как правило, заслоняли и заслоняют от ученых политические воззрения помянутых выше публицистов, мешая оценке их деятельности «без гнева и пристрастия».

В последнее время ситуация с изучением некоторых либеральных эмигрантов заметно улучшилась. Особенно следует отметить содержательную и во многом новаторскую работу И.Н. Ермолаева, посвященную анализу роли П.В. Долгорукова в русском общественном движении¹. Нам представляется, что нужно поставить вопрос о причинах неудачи либерально-конституционной альтернативы для России. Для этого требуется конкретное исследование политической программы тех органов вольной печати, которые отстаивали благодетельность для России «перемены образа правления», не призывая при этом к социалистическому переустройству общества. Несомненно, ведущим представителем таких взглядов являлся князь Долгоруков, однако не следует игнорировать и публицистику его первоначально соратника, а затем врага — Л.П. Блюммера. Отзывы о нем и собственные его сочинения дают весьма противоречивую характеристику этого публициста. Одно бесспорно: за два года эмиграции он смог занять видное место среди оппозиционных публицистов, обладая собственным голосом и стилем, ведя активную пропаганду политического переустройства России. Мы не ставим задачу решить в данной работе вопрос о степени искренности взглядов Блюммера, выразившихся им в печати, для этого, по нашему мнению, недостаточно имеющихся в распоряжении исследователей сведений.

¹ См.: *Ермолаев И.Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова.* Псков, 2001. Анализ политической программы эмигрантской конституционалистской журналистики начала 1860-х гг. см.: *Гусман Л.Ю. В тени «Колокола».* СПб., 2004.

Родившийся в 1840 г. и рано проявивший необыкновенные способности, Л.П. Блюммер стал участником студенческого движения начала 1860-х гг. То время характеризовалось необычайным общественным подъемом, затронувшим и молодое поколение. Блюммер отнюдь не пользовался доверием своих университетских знакомых, упрекавших его в «пустоте», лживости, хлестаковщине, но самым страшным, хотя и не доказанным, стало обвинение в сотрудничестве Блюммера с III отделением². Нам представляется, однако, что политические взгляды редактора «Европейца» заслуживают внимания сами по себе и могут быть объяснены без привлечения «шпионской» версии.

В конце 1861 г. Л.П. Блюммер выехал из России в Берлин и практически сразу установил контакты с основными эмигрантскими изданиями. В то время одной из ведущих тем русской оппозиционной печати была поддержка волнений студентов Санкт-Петербургского и Московского университетов и осуждение репрессивной политики властей. А.И. Герцен красноречиво обращался к учащимся: «Хвала вам! Вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальних намеков, запрещенных книг проходит. Вы тайно еще печатаете дома, но явно протестуете»³. Студенческие выступления воспринимались эмигрантами как начало освобождения России от произвола. И сочувствие к студентам — участникам антиправительственных выступлений неизбежно распространялось и на Блюммера. Он отправил в редакции двух ведущих оппозиционных органов — «Колокола» Герцена и Огарева и «Будущности» П.В. Долгорукова — статьи, одна из которых и была напечатана⁴. Эта публикация содержала довольно интересные сведения о студенческих волнениях, к которым, однако, следует относиться с большой осторожностью, учитывая неоднозначность репутации Блюммера. Но у статьи в «Колоколе» имелся особый смысл. Она была подписана полным именем Блюммера, который тем самым фактически заявлял о своем переходе на положение политического эмигранта.

В «Будущности» статья, по-видимому, напечатана не была из-за прекращения этого издания. Однако его редактор сразу же обратил внимание на публицистику молодого эмигранта. Если у «Колокола» в начале 1860-х гг. не было недостатка в пламенных приверженцах герценовской социалистической программы, то либеральный конституционализм Долгорукова, хотя и имел сторонников в России, не встречал активного позитивного отклика.

² Более подробно о политических взглядах и общественной репутации Л.П. Блюммера см.: Гусман Л.Ю. Страницы истории русского либерализма. СПб., 2010. С. 23–50.

³ Герцен А.И. Исполин просыпается // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т.XV. С. 175.

⁴ Блюммер Л.П. Защита московских профессоров (Письмо к издателю) // Колокол (Лондон). 1862. 15 янв. Л. 119–120. С. 996–997.

Появление юноши, владевшего пером публициста и в целом разделявшего взгляды Долгорукова, очевидно, стало для князя доказательством жизнеспособности конституционалистской идеологии. Этим и объяснялась поддержка, долго оказываемая им Блюммеру.

В середине февраля 1862 г. в Берлине появился первый номер русского журнала «Свободное слово». Он издавался прусским книгопродавцем Ф. Шнейдером, а редактировался Блюммером. До конца года вышло еще 7 номеров (фактически 5, так как № 5–6 и 7–8 были сдвоенными). Для того времени издание являлось уникальным. «Свободное слово» представляло собой 50-страничный толстый журнал, включавший, помимо передовиц, посвященных актуальным вопросам, статьи о различных проблемах юриспруденции и социологии, рецензии на русскую заграничную литературу. И «Колокол», и русскоязычные издания Долгорукова, выпускавшиеся куда более даровитыми, нежели Блюммер авторами, значительно отличались по задаче от блюммеровского издания, уступая ему в объеме и предпочитая острые заметки, посвященные злобе дня. «Свободное слово» стремилось к некоторой стилистической сдержанности в отношении политических оппонентов, что также выделяло его из остальных заграничных русских журналов.

Сам Блюммер выразительно объяснил мотивы своей эмиграции: «Начинается жизнь за границей ... И русскому почти становится стыдно самих себя. Где у них эта жизнь? ... За что же меня, на минуту сбросившего свои путы, снова заставят принижаться, падать, снова терять полную человеческую личность. За что? ... Тут о выборе думать нельзя: дорога одна — борьба с самодержавием. ... Мы желаем полной свободы совести и мысли, политической и гражданской безопасности лица, равенства всех перед законом и выборного управления, — а следовательно, необходимого для этого, уничтожения самодержавия, перемену его на конституционную монархию»⁵.

Программа Блюммера, при всем его антисамодержавном красноречии, не была оригинальной. Ее требования уже высказывались Герценом, а особенно — убежденным конституционалистом Долгоруковым⁶. Но у публицистики Блюммера были характерные особенности. Уже в первом номере журнала «Свободное слово» молодой эмигрант полемически подчеркивал: «Для истинной свободы слова еще необходимы его обдуманность, сдержанность»⁷. Издававшееся в 1862 г. «Свободное слово» являлось серьезным

⁵ Блюммер Л.П. От редакции // Свободное слово (Берлин). 1862. Вып. 1. С. 62–64.

⁶ См., напр.: Долгоруков П.В. Программа журнала // Будущность (Париж-Лейпциг). 1860. 15 сент. № 1. С. 1–2; он же. О перемене образа правления в России. Лейпциг, 1862.

⁷ Блюммер Л.П. Проспект // Свободное слово. 1862. Вып. 1. С. 1–2.

журналом, в котором подробно с точки зрения либерального конституционализма и без оттенка скандальности рассматривались политические проблемы русской жизни.

Редактор «Свободного слова» неоднократно выражал свое отношение к планировавшимся в России реформам. Знал он и о полуконституционалистских поползновениях некоторых министров, таких как П.А. Валуев. Блюммеру казалось, что введение конституции близко и неминуемо; он и сам разработал ее проект, составленный по образцу Основного закона Пруссии. Обосновывая свою позицию, Блюммер писал: «Мы желаем в развитии дорогой нам России — не скачков, а постепенного перехода из формы в форму. ... Мы решились работать для конституционной России, для современной России, предоставляя нашим наследникам трудиться для будущих поколений. Первое зло, зло самое сильное, производящее в России всю безурядицу — это произвол. Поэтому ... мы желали бы закона, обеспечивающего нас от этого зла»⁸.

Прежде всего проект гарантировал признание основных прав человека: равенства всех перед законом, свободы печати, совести, собраний, союзов, отмену смертной казни и телесных наказаний. Подобного рода предложения не отличались большой оригинальностью среди тогдашней эмиграции, но были удачно систематизированы и сформулированы в виде законодательных параграфов. Само же государственное устройство России конституция Блюммера изображала в виде представительной монархии во главе с императором. Предусматривались двухпалатный парламент, причем выборной была бы лишь нижняя палата, децентрализация управления, ликвидация чрезвычайных судов. Несомненна связь проекта Блюммера с конституционными идеями Долгорукова, на которого в «Свободном слове» есть восторженные ссылки. При этом в отличие от предложений Блюммера Долгоруков считал необходимой выборность части верхней палаты. Казалось бы, перед нами весьма умеренный и даже робкий проект, даже несмотря на подразумевавшееся в нем отделение Польши и почти всей Финляндии от империи. Но необходимо понять мотивы, которые заставили Блюммера до известной степени смягчать свои требования. Для его публицистики начала 1862 г. был характерен своего рода «утопический конституционализм». Журналисту казалось, что самодержавие доживает последние дни, власти не сегодня завтра от него откажутся и вопрос состоял, по словам Блюммера, лишь в том, каким будет новое устройство страны. Неоправданной самоуверенностью веяло от его слов: «Видимое сознание вверху необходимости дать конституцию и неременное ее дарование в настоящем году. Какая

⁸ Блюммер Л.П. Уставная грамота русского государства // Свободное слово. 1862. Вып. 2. С. 84.

будет конституция — мы не знаем; но предлагаем такую, которую могут дать, которая, сохраняя все личные интересы императорского семейства, обуславливает свободу, счастье и тишину России. Благодаря этому основанию, мы были так умеренны, как только возможно — при большей требовательности наш проект потерял бы практичность; при меньшей — внутреннюю солидарность»⁹. Итак, по существу, Блюммер предлагал Александру II уже готовую конституцию, подчеркивая, что ее умеренность объясняется не принципиальными, а лишь тактическими соображениями. Этот проект являлся только своеобразной «программой минимум»: «Мы хотим ... хоть какой бы то ни было конституции, чтобы уже с нею добиться до лучшей; мы отбрасываем в сторону половину наших требований, чтобы найти удовлетворение другой половине и потом с большей силой искать отложенного до поры до времени»¹⁰. Таким образом, очевидно, что политические взгляды Блюммера, как редактора эмигрантского издания, были куда более радикальны, нежели составленный им проект конституции. Целью публициста стало стремление доказать петербургским властям: «Все современные нужды России можно решить не по частям, а одним реформаторским движением. Именно: дать России конституционно-выборное правление»¹¹. Но существенным становился вопрос: какой будет страна после принятия конституции? Что же касается вопроса: а будет ли в России в ближайшие год-два конституция? — то он казался Блюммеру, и не ему одному, риторическим.

Блюммер выражал неподдельную тревогу за стабильное функционирование, как он считал, неизбежной в недалеком будущем конституционной системы в России. Для достижения спокойного и бескровного перехода от одной формы правления к другой Блюммер стремился согласовать интересы всех сословий: «Отдать все дело в руки крестьянства, как отдать его в руки дворянства, — это значит ждать крови, к которой едва ли кто имеет симпатию. Нужно интересы уравновесить ... почему нам и нужна не крестьянская конституция, не дворянская, а просто конституция, при которой бы были уравновешены все интересы»¹². Интересен в этой связи факт, что Блюммер выступал против всеобщего избирательного права. Но прежде чем обвинять эмигранта в антидемократизме, следует учитывать историческую атмосферу 1860-х гг.

Режим Второй империи Наполеона III, который основывался на всеобщей подаче голосов при полном контроле государственного аппарата за ходом выборов, служил грозным предостережением для пропагандистов

⁹ Блюммер Л.П. Уставная грамота русского государства // Свободное слово. 1862. Вып. 3. С. 172.

¹⁰ Там же. С. 174.

¹¹ РВ-ч [Блюммер Л.П. ?]. Современные нужды России // Там же. Вып. 2. С. 118.

¹² Там же. С. 119.

неограниченного права народа на голосование. Даже такой убежденный сторонник народовластия, как Герцен, отмечал: «Всеобщая подача голосов сделала из Франции смиренный дом». Развил эту мысль Долгоруков, ставший с 1861 г. ревностным критиком бонапартистского режима, в серии статей, несомненно знакомых Блюммеру: «Предоставить право подачи голосов всему миру ... значит превратить выборы, в большей части местностей, в настоящую комедию. Тогда все работники, все поденщики, все люди, необеспеченные в своем постоянном пропитании, будут подавать голоса по желанию местных властей или по желанию самых богатых и самых влиятельных лиц той местности. Тогда и выборы превратятся в официальный обман»¹³. Эти небеспочвенные опасения разделял и Блюммер, предлагая, как и Долгоруков, предоставить право голоса собственникам и интеллигенции, без распространения на нее имущественного ценза: «Не существует столь безнравственных проделок, сколько при общей подаче голосов. Франция второю империю обязана не чему иному, как этой же пресловутой подаче. У нас она была бы еще вреднее. Наше простолудие не дикий зверь, ... но едва ли оно безусловно понимает сущность выборов. Что значат наши деревенские всегласные выборы? Кто на них играет главную роль? — Так называемые мироеды, бездомовники, которые продают свою широкую пасть за кварту водки»¹⁴. Понимая неизбежность упреков «слева», и пытаясь по возможности их смягчить, Блюммер все же твердо отстаивал свою позицию: «Те в высшей степени ошибутся, которые предположат, что мы желаем господства плутократии, т.е. владычества богатых. Нет, “Свободное слово” не добивается дворянской или крестьянской конституции, — а хочет такого политического устройства, при котором всплыли бы наверх элементы, представляющие лучшее ручательство за спокойствие и благоденствие страны. Необходимо господство не теории, а того только, что представит больше гарантий своего превосходства. В какой цвет окрасится конституция — в дворянский ли, буржуазный или в чисто крестьянский — это укажет общественная жизнь»¹⁵.

Блюммер сильно преувеличивал враждебность различных слоев русского общества к самодержавному строю. Он всерьез рассматривал возможность объединения либерального дворянства с крестьянством в борьбе против произвола властей: «Почему правительство не дало крестьянам полного гражданства? Почему оно не развязало дворянство от столкновения с крестьянством? Потому что по бессилию своему оно боится их соедине-

¹³ Долгоруков П.В. О перемене образа правления в России // Будущность. 1861. 30 сент. № 19-20. С. 147.

¹⁴ Блюммер Л.П. Уставная грамота русского государства // Свободное слово. 1862. Вып. 3. С. 175.

¹⁵ Там же. С. 178.

ния и единства»¹⁶. Чрезвычайно сложно и неоднозначно решался русскими конституционалистами вопрос о возможности революционного исхода для России. Прочитируем очень характерные слова Долгорукова, под которыми могла бы стоять и подпись Блюммера: «Мы не любим ни революций, ни революционеров, в особенности тех, которые являются защитниками отжившего порядка вещей и врагами потребностей современных; эти люди худшие из всех революционеров, потому что своими неразумными действиями и своим пагубным влиянием они делают революции необходимыми и неизбежными»¹⁷. Итак, можно сказать, что Долгоруков рассматривал именно деятельность властей как объективно ведущую к кровавым переворотам, а свою публицистику — как контрреволюционную. Радикальные реформы как лекарство от революций — таков девиз русской либеральной эмиграции.

«У революции снизу редко бывает строгая организация, гражданский и нравственный порядок. Революция — печальное историческое явление, хотя явление иногда совершенно законное»¹⁸, — напоминал Блюммер. Следовательно, требовалось каким-то образом отвести от России революционную грозу. Для этого Блюммер считал возможным использовать разнообразные методы. Прежде всего — обращения к императору с реформаторскими призывами, в подражание аналогичным письмам к царю Герцена. Редактор «Свободного слова» тщетно пытался убедить власти, что радикальные преобразования — прежде всего вопрос самосохранения династии: «Мы не желали бы революционного исхода, потому что из всей императорской фамилии Александр Николаевич [Александр II. — Л.Г.] все-таки лучший человек — мирный исход возможен только при нем. Состоит же он в том, чтобы Александр Николаевич пошел путем закона, а не произвола, чтобы он дал возможность народному голосу достигать до него. Это тот исход, о котором просили государя и дворянство, и общество, и народ — в лице тверских и других дворян»¹⁹. И Блюммер по существу умолял власти дать политическую свободу, уверяя в полной ее безопасности для правящих кругов: «Мало минут в истории русского народа, в которые русское правительство могло бы находиться в таком выгодном положении, как в настоящее время. У нас теперь общество настолько сознательно, как оно еще никогда не бывало, у нас нет теперь искания дикой, первичной свободы. ... К правительству при-

¹⁶ Блюммер Л.П. Современное положение русского правительства // Свободное слово. 1862. Вып. 4. С. 240.

¹⁷ Долгоруков П.В. Программа журнала. С. 2.

¹⁸ Блюммер Л.П. Современное положение русского правительства // Свободное слово. 1862. Вып. 4. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 250.

ступают с требованиями наиболее снисходительными. ... И Россия ли виновата, что правительство не понимает и не хочет понять Россию! Россия ли виновата, если правительство ведет себя на край бездны»²⁰.

Необходимо отметить, что Блюммер, несмотря на определенную умеренность своей позиции, чрезвычайно благожелательно, за знаменательным исключением «Молодой России», расценивал радикальные прокламации. Это объяснялось тем, что для Блюммера казалась очевидной необходимость мощного общественного давления на власть. Поэтому и встречаются в «Свободном слове» патетические заявления редакции: «Дело “Великорусса”, как мы уже предсказывали, не останется без продолжателей. Пока правительство не пойдет честно с народом, до тех пор ... всегда найдутся люди, которые не убоятся ни каторги, ни смерти, чтобы работать для свободы России»²¹, а так как власти отнюдь не стремились выполнять рекомендации Блюммера, то и тон его публицистики становился жестче, а контрреволюционность — слабее.

Большим разочарованием для редактора «Свободного слова» стало принятие русскими правящими кругами каких-либо конституционных мер, которые ожидались по случаю празднования тысячелетия России. Блюммер воспринял это как личное оскорбление. «Правительство не поспело [с радикальными реформами. — Л.Г.] ... поспеете ли вы, центральные и нецентральные революционные комитеты? Поспеешь ли ты, несчастный, забитый народ русский?»²². В публицистике Блюммера конца 1862 г. революционный исход хотя им и не приветствовался, но и не осуждался с прежней силой: «Мы — против революции, против ее кровавых уроков. Но когда народ восстает за свою свободу и мы не видим возможности достигнуть ее действиями мира — мы искренно станем в ряды работников русской свободы, не усомнясь перейти при первой возможности на дорогу спокойного разрешения вопроса»²³.

Отношение Блюммера к польскому вопросу, о котором он писал много и содержательно, уже становилось предметом научного исследования²⁴, и поэтому мы не будем на нем подробно останавливаться. Отметим лишь некоторые, по нашему мнению, принципиальные аспекты взглядов Блюммера на взаимоотношения России и Польши. Уже в первом выпуске «Свободного слова» позиция журнала высказывалась ясно и недвусмысленно.

²⁰ Блюммер Л.П. Современное положение русского правительства. С. 243.

²¹ Блюммер Л.П. Новая прокламация, напечатанная в Тайной русской типографии // Свободное слово. 1862. Вып. 3. С. 212.

²² Блюммер Л.П. 26 августа не будет // Весть (Берлин). 1862. № 1. С. 1.

²³ Блюммер Л.П. Польская революция 1830–1831 гг. // Свободное слово. 1862. Вып. 5–6. С. 389.

²⁴ См.: Śliwowska W. Pierwsi emigranci polityczni i ich stosunek do kwestii polskiej // Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX wieku: Materiały Sesji Naukowej, Poznań, 12–14 listopada 1970 / Pr. do druku W. Śliwowska. Wrocław, 1972. S. 160–164.

Независимость Польши обосновывалась Блюммером с разных точек зрения. Прежде всего им использовались историческо-философские аргументы. Блюммер отнюдь не являлся крайним западником и во многом разделял критическое отношение Герцена к социальным устоям европейского общества и веру в высокое призвание славянского мира: «Цивилизация ... должна будет перейти в свое время с берегов Сены, Темзы и Рейна. ... Куда? Конечно, на почву уже подготовленную, на Восток Европы, на почву славянского семейства»²⁵, а насильственное присоединение Польши мешало, с точки зрения публициста, полноправному развитию русского и польского народов. Но у Блюммера имелись и политические доводы: «Удерживать за Россию Польшу значит — быть за самодержавие, за все его неисчислимое зло, значит — быть против грядущего величия России»²⁶. Для журналиста, объявившего войну абсолютизму, это был главный аргумент, так как становилось очевидным, что введение конституции в Польше, по меньшей мере, ослабит русское самодержавие. Очень четко звучал общий вывод публициста: «Желаем скорейшего осуществления полной свободы Польши, полной ее самобытности. Поляки, как думаем мы, не наши, как и мы не их»²⁷.

Однако Блюммер не ограничивался простой констатацией права Польши на независимость. Его статьи пропагандировали польско-русский революционный союз, а Польскую революцию Блюммер поддерживал, проповедуя активную борьбу против самодержавия соединенными усилиями «Мы решительно уверены, что молчание русских не есть молчаливое их согласие на справедливость существования самодержавия. ... Однако пора русским и не соглашаться молчаливо. ... И они должны, по нашему мнению, высказать прежде всего несогласие с правительством по польскому делу, потому что без свободы Польши нет свободы России»²⁸. Впрочем, Блюммер по своему студенческому опыту знал об отчужденности между образованными поляками и русскими, о национализме польских университетских землячеств и обращал к ним горькие слова: «Поляки-патриоты, свободолюбцы. ... Они решительно в стороне от русских, лишая последних возможности учиться у них выработанному ими, их осторожности в политических делах. Мы не требуем у них апостольского проповедыванья, но оскорбляемся их недоверием»²⁹. Известно, что эта отчужденность во многом способствовала поражению Польского восстания 1863–1864 гг. Однако в 1862 г. Блюммер еще верил или заставлял себя верить, что взаимопонимание

²⁵ Блюммер Л.Л. Русско-польский вопрос // Свободное слово. 1862. Вып. 1. С. 8.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 14–16.

²⁹ Там же. С. 16–17.

между русскими и поляками наладится, потому что «польские деятели теперь не аристократической породы, а выходцы из народа»³⁰. Такой подход оказался, как выяснилось в дальнейшем, утопическим, поскольку именно дворянско-шляхетская партия «белых» возобладала в польском освободительном движении, но в 1862 г. ясности в этом вопросе еще не было и имелись определенные надежды на победу польских демократов-«красных». Излишний оптимизм Блюммера относительно перспектив русско-польских отношений разделяли в конце 1862 г. и другие представители русской эмиграции, да и не только эмиграции.

Взгляды молодого публициста получали поддержку со стороны видного эмигранта П.В. Долгорукова, поскольку идеи конституционного переустройства России, которые выдвигал последний, не были позитивно восприняты на Родине, и «князь-республиканец» радостно встретил неожиданно появившегося способного и энергичного единомышленника. Затем Долгоруков предложил Блюммеру собственную типографию в Брюсселе. Амбициозный план Долгорукова предполагал выпуск двух журналов — «Листка, издаваемого князем Петром Долгоруковым», в котором печатались небольшие обличительные статьи, и «Свободного слова», публиковавшего сочинения, идейно обосновывавшие либеральный конституционализм³¹. На первых порах эта идея успешно реализовывалась. Блюммер в Брюсселе активно сотрудничал в долгоруковском «Листке»³². Необходимо отметить постоянное стремление Блюммера подчеркнуть свою идейную самостоятельность в рамках русского конституционного либерализма. Несмотря на близость его воззрений к взглядам Долгорукова, тождественными они не были. По нашему мнению, это объяснялось социально-психологическими причинами. Блюммер принадлежал к более молодому поколению, чем князь, никогда не обладал каким-либо богатством, в отличие от Долгорукова, а главное, находился под влиянием публицистики Герцена, доказывавшего неминуемый упадок буржуазной Европы. Долгоруков — убежденный противник социализма, считавший образцом для России конституционные Италию и Бельгию, — неизбежно воспринимался Блюммером с некоторым скепсисом, как политический анахронизм. В одной из своих итоговых статей редактор «Свободного слова» подверг вежливой, но открытой критике Долгорукова за то, что он «верит в незыблемость теперешних основ

³⁰ Блюммер Л.П. Польские дела 1862 года // Свободное слово. 1862. Вып. 5–6. С. 385.

³¹ См.: Долгоруков П.В. Об издании Листка и о моей типографии // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым (Брюссель). 1862. Ноябрь. № 1. С. 1–2.

³² См.: Блюммер Л.П. Письма к верноподданному боярину А.И. Кошелеву по поводу невинных мечтаний его о самодержавии // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. 1862. Декабрь. № 2. С. 9–11; Декабрь. № 3. С. 19–21; он же. Страх и подлость // Там же. 1863. Январь. № 5. С. 33–34.

общежития, выработанных государствами Западной Европы»³³. В противовес этой умеренной точке зрения Блюммер подробно изложил собственную позицию, ставшую манифестом левого крыла русского конституционализма: «Есть в конституционно-монархической партии отдел, который, признавая конституцию необходимою, не верит ни в вечность этой формы, ни в вечность современных оснований современной общественной жизни. Не имея права хвалиться знанием народных потребностей и желаний во все времена и при всех обстоятельствах, деятели этого отдела конституционной партии не стараются окончательно уничтожить современные порядки и вводить новые в народную жизнь, добиваются только возможности высказана народом своих желаний и возможности привести эти желания в необходимое исполнение. Конституцию они не считают самостоятельной формой общежития. Для этого отдела конституционной партии нет идеала, а есть только жизнь и способы ее выражения»³⁴. Однако Блюммер отнюдь не желал открытого разрыва с Долгоруковым и потому поспешно оговаривался: «Впрочем, конституционная партия, насколько она выражается и кн. Долгоруковым, приходит почти к тому же и, будучи партией за народ ... может принести с лишком много пользы нашему крестьянству, хотя, может статься, из большей осторожности умедряет факты очень близкие»³⁵. Блюммер тем самым намекал, что приближается переход Европы к социализму, а конституция должна стать для России лишь переходной ступенью развития к новому экономическому порядку. Для Долгорукова такая постановка вопроса была неприемлемой, но до поры до времени эти расхождения между двумя либеральными эмигрантами решались компромиссом, как и разногласия между Блюммером и Долгоруковым по польскому вопросу. Заслуживает внимания тот несомненный факт, что Блюммер до середины 1863 г. придерживался более радикальной позиции, чем автор «Правды о России».

Необходимо кратко проанализировать общественную реакцию на пропаганду «Свободного слова», чтобы стало понятно, как к публицистике Блюммера относились представители различных направлений социально-политической мысли России. Появление первого же номера «Свободного слова» вызвало целый ряд откликов. Прежде всего рецензии на новый оппозиционный журнал поместили ведущие органы эмигрантской печати. Достаточно краткой была заметка в «Колоколе», очевидно принадлежавшая перу Герцена. В ней отмечалось, что программа «Свободного слова» «напи-

³³ Блюммер Л.П. Кто народ и кто не народ? (Отношения политических партий к нашему крестьянству) // Свободное слово. 1862. Вып. 7–8. С. 492.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

сана в духе примирительно-прогрессивном и независимом»³⁶ и говорилось: «успех такого органа нам кажется несомнительным»³⁷. Заметна некоторая сухость тона этой публикации. Издатели «Колокола» всегда приветствовали радикально настроенную молодежь и, казалось бы, должны были братски протянуть руку человеку, сразу же объявившему войну самодержавному произволу. Однако этого не случилось. По нашему мнению, это объяснялось тем, что до Герцена уже дошли слухи о возможных связях Блюммера с охранкой. Очевидно, новому эмигранту удалось оправдаться. По крайней мере, 22 февраля 1862 г. Герцен писал И.С. Тургеневу: «Против Блюммера видно зря врут. В его журнале ничего дурного нет»³⁸. И отношения между редактором «Свободного слова» и Герценом оставались вполне лояльными, вплоть до очередного появления компрометирующих Блюммера слухов в 1864 г.³⁹

Намного радостнее отозвался на появление «Свободного слова» Долгоруков, который не упустил случая по этому поводу изложить свою политическую программу: «Направление его [“Свободного слова”. — Л.Г.] просвещенное и либеральное; цель — монархия конституционная с полным равенством всех русских перед законами; с уничтожением сословий, с свободною печатью и с разделением власти законодательной между Государем и выборными людьми от земства, одним словом, цель та же, что и нашего журнала. ... С радостью и сердечным сочувствием приветствуем нового собрата на поприще русской заграничной гласности, ... собрата умного, дельного, и — что едва ли не важнее всего — энергического»⁴⁰. Можно сказать, что Долгоруков весьма активно помогал Блюммеру, он сотрудничал в его журнале⁴¹ и передал молодому эмигранту для напечатания письмо русских офицеров, критиковавших политику властей⁴². Блюммер, несмотря на уже упоминавшиеся разногласия, также восхвалял князя, с некоторым оттен-

³⁶ Герцен А.И. Русская заграничная литература // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVI. С. 280.

³⁷ Там же.

³⁸ А.И. Герцен — И.С. Тургеневу, 22 февраля 1862 г. // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1963. Т. XXVII. С. 213.

³⁹ Упоминания о Л.П. Блюммере в сочинениях А.И. Герцена в 1862 г. кратки, но позитивны (см.: Герцен А.И. От издателей; Нашего полка прибыло // Герцен А.И. Собр. соч. Т. XVI. С. 219, 298). В свою очередь Л.П. Блюммер, несмотря на определенные различия социально-экономических взглядов, неоднократно защищал издателя «Колокола» от нападок просамодержавных публицистов (см., напр.: Блюммер Л.П. Пишущие жандармы // Свободное слово. 1862. Вып. 5–6. С. 333–348).

⁴⁰ Долгоруков П.В. Новый русский журнал // Правдивый (Лейпциг). 1862. 27 марта. № 1. С. 5.

⁴¹ См.: Долгоруков П.В. Замечания на статью «Неизвестные заговоры» // Свободное слово. 1862. Вып. 2. С. 108–112.

⁴² См.: Голос офицеров армии граждан России // Весть. 1862. № 1. С. 1–3; Долгоруков П.В. Ответы корреспондентам // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. 1862. Ноябрь. № 1. С. 8.

ком лести в адрес Долгорукова: «Он — честный и благородный человек, искренне любящий Россию и искренно любимый уважающими свободу и сознающими свое человеческое достоинство»⁴³. Итак, публицистика Блюммера 1862 г. вызывала, в целом, сочувственный отклик со стороны русских эмигрантов, а сам он также поддерживал своих товарищей по изданию антисамодержавной печати.

Объективности ради заметим, что Блюммер далеко не всегда действовал искренне по отношению к своим эмигрантским покровителям. Характерен, к примеру, эпизод, связанный с журналом «Правдолюбивый». Это издание появилось после того, как Долгоруков, редактировавший в марте-мае 1862 г. «Правдивый», был отстранен, по-видимому не без участия российских властей, от участия в нем. Князь негодовал на действия издателя, книгопродавца В. Гергарда, который, выпуская «Правдолюбивый», нарушил ряд пунктов договора. Poleмика оказалась, учитывая бурный темперамент Долгорукова, ожесточенной и выплеснулась даже на страницы «Колокола»⁴⁴. Позиция Блюммера была двойственной. В печати он нападал на Гергарда и новый журнал, в котором и в самом деле было много смешного и графоманского, защищал позицию князя⁴⁵. И в то же самое время молодой эмигрант, согласно достоверным источникам, подбирал для этого, явно антидолгоруковского, издания сотрудников, вполне дружески общаясь с Гергардом⁴⁶. Несомненно, знай о таких маневрах Долгоруков, его разрыв с Блюммером произошел бы намного раньше. Впрочем, подобные черты натуры редактора «Свободного слова» были тогда малоизвестны, и многие воспринимали его как серьезного эмигранта, «юное дарование» русского конституционализма.

В нашем распоряжении имеется не много данных о распространении сочинений Блюммера в России, однако все же сохранились отдельные свидетельства по этому вопросу. Интересную оценку «Свободному слову» дал начальник канцелярии Министерства государственных имуществ, наблюдательный мемуарист К.Н. Лебедев: «Прочел я 4 выпуска “Свободного слова”. ... Он задуман серьезно, но несерьезно исполняется. И поспешно, и молодо, и незрело. Он серьезнее “Колокола” и “Будущности” (“Правдивого”), но мелок, короток, слаб и тощ. Едва ли ему и прожить долго. ... Сдается, что молодой редактор может быть хорошим публицистом. Программа и

⁴³ Блюммер Л.П. Европейские доблести // Свободное слово. 1862. Вып. 7–8. С. 574.

⁴⁴ См.: Долгоруков П.В. От князя П.В. Долгорукова // Колокол. 1862. 1 июля. Л. 138. С. 1148; Гергард В. «Правдивый», «Правдолюбивый» и В. Гергард // Там же. 1862. 15 авг. Л. 141. С. 1171.

⁴⁵ См.: Блюммер Л.П. По делу «Правдивого» и «Правдолюбивого» // Свободное слово. 1862. Вып. 5–6. С. 446–448.

⁴⁶ См.: Ермолаев И.Н. Указ. соч. С. 237.

приемы его обнаруживают человека гуманного, способного отказаться от крайностей и увлечений. ... Наши выходцы были и могут быть полезными и при настоящем положении»⁴⁷. Подобная оценка важна, потому что она принадлежит перу видного бюрократа, который, несомненно, хорошо был знаком с заграничной запрещенной литературой. Отрицательно оценивая сам журнал, Лебедев сделал знаменательное исключение для его редактора. Возможно, это связано с тем, что и сам чиновник, как видно из его дневника, не видел иного выхода для России, кроме введения конституции, и призывы Блюммера могли встречать сочувственный отклик даже в бюрократической среде.

Для русских молодых социалистов программа «Свободного слова» являлась неприемлемой именно из-за отсутствия в ней «крайностей и увлечений», которое нравилось К.Н. Лебедеву. Вскоре после появления конституционного проекта Блюммера его автор получил письмо из России, чрезвычайно аргументировано критикующее самое существо политической платформы журнала. Эта немедленно опубликованная статья, на наш взгляд, является важным свидетельством умонастроений в социалистической среде. Автор или авторы письма подняли важнейший для народнического движения России 1860–1870-х гг. вопрос об отношении к политической борьбе. Известно, что большинство народников до образования «Народной Воли», считали, что форма правления — вопрос второстепенный, а политические свободы не нужны голодному народу и выгодны лишь буржуазным либералам. Такая позиция, по нашему мнению, впервые была четко высказана именно неизвестным оппонентом Блюммера в 1862 г.: «Мы потеряли веру не только в болото самодержавия и золотую середину конституции, но даже и в эдем республики. ... Нам, русским, нужно прежде всего хорошее экономическое устройство России. Как ни подновляй, ни чини формы европейской политической организации, — не в ней спасение новому человеку. ... Спасение России не в конституционном, не в республиканском образе правления (форма правления вещь второстепенная); ее спасение, как и спасение всей Западной Европы, в правильном социальном устройстве»⁴⁸.

Отметим, что эта публикация стала уже в конце 1880-х гг. поводом для критического переосмысления идеологического наследия народничества. Известный эмигрант В.К. Дебагорий-Мокриевич резко осудил аполитизм большинства народников и, характеризуя данную статью в «Свободном слове», заявлял: «На почве подобных-то идей [о ненужности для народа политической свободы. — Л.Г.], вполне несвоевременных для России, носивших более или менее отщепенский характер, которые проповедовались

⁴⁷ Лебедев К.Н. Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1911. № 3. С. 406.

⁴⁸ Конституция и социализм // Свободное слово. 1862. Вып. 4. С. 277–278, 280.

радикальными писателями того времени и стали возникать наши тайные общества»⁴⁹. И так, образ мыслей, выраженный в публикации «Конституция и социализм», продолжал вызывать острую полемику и через 30 лет после своего открытого выражения в *Блюммеровском журнале*. Это объяснялось актуальностью обсуждавшихся в тексте вопросов о совместимости борьбы за социализм с требованием политической свободы и, в частности, конституции.

Впрочем, разногласия с Блюммером автора статьи во многом носили тактический, а не принципиальный характер. Мы уже отмечали, что редактор «Свободного слова» отнюдь не являлся защитником западного капитализма. Он был вполне последователен, когда в своем ответе почти оправдывался в некоторой умеренности своей «программы-минимум»: «Мы скажем откровенно автору письма, что наши личные желания несколько не умереннее его желаний, но, не видя возможности их осуществления, мы работаем, по мере разумения, не для собственных желаний, а для свободы России. ... За горечь этих раздумий, за тщетность наших исканий, простите наше согласие на компромиссу [sic! — Л.Г.] философского и исторического начал человеческой жизни»⁵⁰. Полемика была достаточно миролюбивой, это, скорее, спор союзников, а не противников.

Необходимо отметить, что между Блюммером и составителем письма имелась важная общая черта — (не редактировал ли письмо сам Блюммер?) — отрицание революции. Неизвестный автор статьи, несмотря на весь свой социальный радикализм, с пафосом писал: «Мы не проклинаям революционного движения, но и не желаем его. А наберется через край народной чаши желчи и слез — тогда хлынувший поток накопившей веками злобы будет ужасен. Много наделает бед первый громовый удар русской революции. Наш общий долг стараться его заблаговременно отразить»⁵¹.

Но в России были публицисты, настроенные куда более решительно, чем этот аноним, люди, призывавшие к революции. И для них либералы, пусть даже и сочувствовавшие социализму, как Блюммер, являлись врагами. Неприязнь являлась взаимной. Ярким подтверждением тому стало появление в апреле 1862 г. известной прокламации «Молодая Россия» и ответ на нее Блюммера.

Этот нашумевший манифест, призывавший к кровавому перевороту, являлся сочинением старых знакомых Блюммера по Московскому университету — П.Г. Заичневского и его товарищей. Авторы открыто заявляли,

⁴⁹ Дебагорий-Мокриевич В.К. Отщепенство и народничество // Свободная Россия (Женева). 1889. № 2. С. 5.

⁵⁰ Блюммер Л.П. Ответ на предыдущее письмо // Свободное слово. 1862. Вып. 4. С. 285, 289.

⁵¹ Конституция и социализм // Там же. С. 281–282.

что не испугаются, если увидят, «что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90-х гг. [XVIII века. — Л.Г.]»⁵². Каждая строка прокламации содержала угрозы существовавшему порядку вещей и его защитникам. Если Герцен и «Великорусс» сравнительно вежливо осуждались за «отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать»⁵³, то либералам-конституционалистам выносился жестокий приговор: «Не понимаем, зачем это уезжают из России господа вроде Блюмера и Кн. Долгорукова. Шли бы себе они ..., да вызывали бы все вместе своими принципами презрение всех честных людей»⁵⁴. Ответ Блюмера не заставил себя долго ждать.

Для редактора «Свободного слова» «Молодая Россия» стала не только личным оскорблением. Он, стремившийся к объединению всех оппозиционных сил, был возмущен прокламацией, которая, напротив, решительно отмежевывалась от всех, кто не звал «к топору». Недаром Блюмер заявлял о выгодности такого рода манифестов властям, которым был на руку раскол антисамодержавного движения⁵⁵. Поэтому Блюмер довольно запальчиво отвечал оппонентам: «Мы конституционисты, хотим воли народной, удовлетворения народных требований, а вы хотите владычества вашей личной воли»⁵⁶. Он фактически предсказал «нечаевщину», как неминуемое следствие революционного экстремизма, указывая на сходство методов властей и их смертельных врагов: «Тот человек, который говорит: “в топоры”, “бей”, ведь не что иное, как то же III отделение, умеющее бить отлично. Согласитесь, милые люди, что быть битому вами или жандармом — одно и то же. Вы, конечно, скажете, что бить будете только до поры до времени, до тех пор, пока на земле не настанет общее братство. Да полноте: кто поручится, что это не будет бесконечно»⁵⁷. Несмотря на эту едкую полемику Блюмер, верный своему «примирительно-прогрессивному» направлению, пытался найти точки соприкосновения даже с «Молодой Россией», пытаясь доказать ее авторам, что расходится с ними не по целям, а лишь по методам их достижения: «Вы, собственно говоря, кроме топоров и резни, ... требуете того же, чего и мы: землю для крестьян, народный суд, выборное управление, равномерное распределение налогов, порядочного воспитания детей,

⁵² Молодая Россия // Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый: Документальная публикация / Ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1997. С. 146.

⁵³ Там же. С. 145.

⁵⁴ Там же. С. 146.

⁵⁵ См.: Блюмер Л.П. Новые прокламации, напечатанные в тайных русских типографиях // Свободное слово. 1862. Вып. 4. С. 306.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 307.

освобождения женщины, уничтожения монастырей, уменьшения срока службы, независимости Польши и Литвы. Этого добиваемся и мы, конституционисты, — только вы своим требованиям даёте нечеловеческую форму, вы требуете крови для того, чего можно добиться без крови. Кто из нас правее — должны решать не мы сами, а народ. Он и скажет, кто прав»⁵⁸. Аргументированность и четкость этой статьи Блюммера делает ее важным документом общественного размежевания между различными оппозиционными течениями 1860-х гг. Отметим, что в конечном итоге Блюммер солидаризовался с аналогичной позицией Герцена относительно «Молодой России»⁵⁹.

«Свободное слово», таким образом, являлось достаточно авторитетным органом эмиграции. Само упоминание о нем в прокламации П.Г. Заичневского свидетельствовало о внимании к журналу даже со стороны рьяных противников взглядов Блюммера. Об успешности этого издания говорит и тот факт, что два последних выпуска берлинского «Свободного слова» были «двойными», иначе говоря, вдвое превышали обычный объем, а в промежутке между их изданием Блюммер выпустил номер газеты «Весть», и, следовательно, недостатка в публицистическом материале редактор явно не испытывал. В конце 1862 г. в истории «Свободного слова» наступил новый, как первоначально казалось, еще более многообещающий этап.

В конце 1862 г. Долгоруков основал в Брюсселе собственную типографию и пригласил к себе Блюммера. Князь предложил ему переезд издания «Свободного слова» в Бельгию, и сотрудничество в новом долгоруковском «Листке...». Долгоруков выдвинул весьма амбициозный план пропаганды конституционных идей. Предполагалось, что в «Листке» будут печататься небольшие статьи, разоблачавшие деятельность самодержавия, а в «Свободном слове» станут публиковаться объемные сочинения, посвященные идейному обоснованию русского конституционализма⁶⁰. Первоначально этот план реализовывался весьма удачно. Блюммер активно сотрудничал в «Листке», полемизируя со славянофилами — противниками конституции⁶¹, призывая соотечественников к гражданской активности, но отнюдь не к революции⁶². Долгоруков был удовлетворен деятельностью соратника и писал своему другу, католическому публицисту И.С. Гагарину: «Он [Блюммер. — Л.Г.]

⁵⁸ Блюммер Л.П. Новые прокламации, напечатанные в тайных русских типографиях. С. 309.

⁵⁹ См.: Блюммер Л.П. По поводу пожаров и «Молодой России». От редакции // Свободное слово. 1862. Вып. 5–6. С. 427–428.

⁶⁰ См.: Долгоруков П.В. Об издании Листка и о моей типографии. С. 1–2.

⁶¹ См.: Блюммер Л.П. Письма к верноподданному боярину А.И. Кошелеву по поводу невинных мечтаний его о самодержавии // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. 1862. № 2. Декабрь. С. 9–11; № 3. Декабрь. С. 19–21.

⁶² См.: Блюммер Л.П. Страх и подлость // Там же. 1863. Январь. № 5. С. 33–34.

весьма умный и способный малый, плохо знает по-немецки, ... еще хуже по-французски, неотлично пишет по-русски, но умен и имеет хорошие юридические познания. Ему всего 22 года от роду, и потому из него может выйти замечательный писатель»⁶³. Наконец, в конце февраля 1863 г. вышла первая и, как выяснилось затем, последняя книжка брюссельского «Свободного слова». Примечателен положительный отклик Герцена, назвавшего этот номер «очень хорошим»⁶⁴. Особенное внимание «Колокола» заслужила полемика по польскому вопросу, помещенная в «Свободном слове». С одной стороны, в ней участвовал польский националист под псевдонимом «Литвин»⁶⁵, с другой — отстаивавший польско-русский революционный союз «Русский»⁶⁶. Сам Блюммер не дал ясного комментария к этой публикации, хотя его симпатии, очевидно, во много находились на стороне «Русского».

Вскоре публицистика Блюммера получила иное направление. Из-за скандала, связанного с так называемым «воронцовским процессом»⁶⁷, весной 1863 г. Долгоруков и его типография перебрались из Брюсселя в Лондон. Блюммер не сочувствовал вызывающим эскападам князя и не последовал за ним. 1863 год — год Польского восстания стал временем краха иллюзий. Выяснилось, что эмигрантские журналисты преувеличивали оппозиционность русского дворянства и иных социальных групп, рано хороня самодержавие. Вчерашние почитатели Герцена и других эмигрантов становились пламенными поклонниками М.Н. Каткова. Упал спрос на антисамодержавные издания. Вместе с тем Блюммер все еще не считал дело русской либеральной конституции проигранным. Он был убежден, что эмигрантская периодика должна, не изменяя своим принципам, отвечать настроениям русского образованного общества, как это было в годы максимальной популярности «Колокола». Блюммер стремился вновь сделать заграничную русскую прессу авторитетной силой. Такую задачу было легко поставить, но нелегко решить. 1863 г. прошел для Блюммера в раздумьях о способе найти дорогу к сердцу и разуму недавних прогрессистов, вернуть их на прежний либерально-оппозиционный путь. Гневные обличения самодержавия вообще и императора в частности, самонадеянные пророчества о скором конце русского абсолютизма уже не отвечали новой ситуации. Поэтому появившаяся 7 февраля 1864 г. и издававшаяся в дрезденской типографии Б. Винеке новая газета Блюммера «Европеец» придерживалась

⁶³ П.В. Долгоруков — И.С. Гагарину, 31 октября 1862 г. / Переписка И.С. Гагарина с П.В. Долгоруковым // Символ (Париж). 1985. № 13. С. 237.

⁶⁴ Герцен А.И. [Свободное слово] // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVII. С. 309.

⁶⁵ См.: К Бакунину от Литвина // Свободное слово (Брюссель). 1863. № 1. С. 30–56.

⁶⁶ См.: Ответ Русского Литвину // Там же. С. 57–72.

⁶⁷ Ермолаев И.Н. Политический контекст обвинений князя П.В. Долгорукова на парижском процессе (1861–1862 гг.) // Вестник Московского университета. 1996. Сер. 8. № 2. С. 18–29.

иной тактики. Это издание имело некоторые особенности, внешне выделявшие его из эмигрантской периодики и демонстрировавшие претензии «Европейца» на солидность и объективность своей позиции. Газета, в отличие от других эмигрантских изданий, распространялась не только через розницу, но и по подписке, что должно было подчеркивать финансовую и издательскую стабильность и надежность газеты. «Европеец» стал еженедельником и выпускался в формате большого газетного листа, стремясь стать респектабельным, неподцензурным органом русского либерального западничества, далеким от радикализма и полемических увлечений.

Необходимо признать, что уже статьи Л. П. Блюммера, опубликованные в первом номере «Европейца», свидетельствовали об определенной эволюции взглядов публициста. Ранее, в период редактирования «Свободного слова», Блюммер подчеркивал недолговечность западноевропейского социально-политического строя и доказывал неизбежность переноса центра мировой культуры в Россию⁶⁸. Об этом он писал в 1862 г., но к началу 1864 г. такие мысли уже не казались Блюммеру актуальными. В России тогда стали модными «самобытные» и антиреформаторские настроения, и эмигранту было важно, заняв западническую позицию, призывать к продолжению преобразований. Программная статья, помещенная в первом номере «Европейца», была красноречивой и откровенной декларацией либерально-западнической идеологии.

Ясно и бескомпромиссно звучали слова: «Благодаря народности, русскости, самобытности и своеобразию у нас начали восхвалять предметы и понятия, давно осужденные просвещенными представителями других народов и судом целого человечества, до которого хоть немного достиг ... луч нравственного света. Мы ... смело говорим, что наша цель не народность и самобытность, а свобода и просвещение». Блюммер разъяснял причины этого несогласия: «Сознавая все права народа, все хорошие стороны русской самобытности, мы откровенно высказываем желание, чтобы все русские, оставаясь своеобразными, были европейцами. ... Всматриваясь пристально в существующие улучшения и перемены, каждый беспристрастный человек поймет, что лучшие из этих перемен суть те, при введении которых мы широко пользовались уроками и опытами Западной Европы». Блюммер считал это проявлением закономерности и отвергал «особый путь» России: «Удачи наши в этом случае [использовании западного опыта при проведении реформ. — Л.Г.] были не исключениями из общих правил, а, напротив, подтверждением последних. Поэтому благое, выработанное прежде нас другими народами, было благом и для нас».

⁶⁸ См.: Блюммер Л.П. Русско-польский вопрос // Свободное слово. 1862. Вып. 1. С. 8.

Блюммер прозрачно намекал на политику Александра II, которая к середине 1860-х гг. приобрела репрессивный оттенок, и отмежевывался от поверхностного западничества: «Жалкая пьеса, при исполнении которой актеры облакаются в европейские костюмы, нисколько не выше жалкой пьесы, действующие лица которой наряжены в ветхозаветные кафтаны и мурمولки. Поэтому необходимо не только признать достоинства заимствуемых учреждений, но и свободу личности, свободу мысли и убеждения. Тот реформатор, который, установляя [sic! — Л.Г.] новые лучшие основания суда, беспричинно бросает сотни невинных людей в убийственные конуры тюрьмы и каторги, всегда останется деспотом». Но Блюммер обвинял не столько власти, сколько русское общество, на которое он ранее надеялся. Тем сильнее стало разочарование: «Крепостное право уничтожено, а дух рабства, порождаемый невежеством, идолопоклонством, своекорыстью, ложью других общественных отношений — уничтожен ли он? ... Восторг от палачей, радость при угнетении других — европеизм ли это или азиатство?»⁶⁹ Он доказывал связь жестокостей при подавлении Польского восстания с замедлением темпов преобразований.

Газета рисовала мрачную картину почти всеобщего ренегатства: «Тяжело писать: дурного очень много, хорошему не веришь: рядом с некоторыми слухами, которым можно порадоваться, идут о бок кучи грязных дел, о которых и подумать неприятно. Всюду развивается самое гнусное шпионство. На людей, которых любил вчера, нельзя полагаться сегодня, Продажность делается безграничною: за бедную кроху власти люди меняют убеждения и верования»⁷⁰. Однако сам Блюммер не терял оптимизм и надеялся на скорое возрождение былых либерально-конституционных настроений. Рассчитывал он и на то, что сами власти вернутся на дорогу активных реформ. Редактор «Европейца» сделал ставку на великого князя Константина Николаевича. Он был уверен, что влияние Константина поможет осуществлению необходимых, с точки зрения либералов, перемен⁷¹, и, как впоследствии выяснилось, излишне самонадеянно, даже с эйфорией, предсказывал близкое торжество своих идеалов⁷². Необходимо заметить, что у Блюммера был близкий и довольно влиятельный знакомый в политическом стане «константиновцев» — русский посол в Бельгии Н.А. Орлов, чья активная борьба за отмену телесных наказаний, равноправие раскольников и евреев получила широкую известность. Орлов систематически переписывался с тогдашним наследником престола — великим князем Ни-

⁶⁹ Европейец (Дрезден). 1864. 7 февр. № 1. С. 1, 3.

⁷⁰ Там же. 1864. 28 марта. № 7. С. 25.

⁷¹ См.: Там же. 1864. 7 мая. № 9. С. 35.

⁷² См.: Там же. 1864. 14 марта. № 6. С. 21.

колаем Александровичем, высказывая ему весьма смелые взгляды, к примеру доказывая необходимость предоставления независимости Польше⁷³. Очевидны многочисленные точки соприкосновения между политическими воззрениями Орлова и конституционалистов-эмигрантов.

Знакомство Блюммера с Орловым относится к началу 1863 г., когда наметился разрыв молодого эмигранта с Долгоруковым, и Блюммер обратился к Орлову с просьбой выяснить: может ли он вернуться в Россию, не опасаясь репрессий?хлопоты Орлова оказались безрезультатными⁷⁴, но знакомство, скрепленное политическим единомыслием, продолжалось, и нельзя исключать, что именно Орлов финансировал издание «Европейца», намереваясь превратить его во влиятельное орудие пропаганды взглядов великого князя Константина Николаевича и его окружения.

Примечательно, что Блюммер именно в связи с деятельностью Орлова отчетливо изложил свою внешнеполитическую концепцию⁷⁵. С точки зрения Блюммера, политика, направленная на сближение с бонапартистской Францией, являлась губительной, поэтому он предлагал отправить в отставку А.М. Горчакова, желая ему «внеслужебного покоя»⁷⁶, и назначить на его место Орлова. Не вполне ясно, почему редактор «Европейца» считал, что еще недавно клеймимая им власть будет считаться с его рекомендациями. Возможно, Блюммер выступал не только от своего лица, но и от имени все еще влиятельной, хотя и ослабленной под давлением консервативных оппонентов, таких как М.Н. Муравьев и М.Н. Катков, группировки «константиновцев». Интересно отметить для характеристики Блюммера, что он категорически отрицал в этой статье свое знакомство с Орловым, хотя такого явного искажения истины можно было бы легко избежать.

Быть может некоторая сдержанность приведенных деклараций покажется свидетельством отхода Блюммера от прежней непримиримости к петербургским властям. В действительности же публицист лишь несколько изменил стилистику своих статей. В «Европейце» нельзя встретить жестоких нападок на личность императора, которые попадались в «Свободном слове», но журналист изменил только тактику, но не политическую программу. Меньше всего Блюммер хотел, чтобы его газета стала «гласом вопиющего в пустыне», и его взаимоотношения с Орловым, обладавшим определенным политическим влиянием, очень характерны в этом отношении: «Из фактов мы убедились, что деспотическое, начальническое отношение журналиста

⁷³ См.: *Нифонтов А.С.* Письма Н.А. Орлова о России в 1859–1869 годах // *ВИ.* 2000. № 8. С. 137–148.

⁷⁴ См.: *Лемке М.К.* [Комментарии] // Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке. Пг., 1920. Т. XVI. С. 115–120.

⁷⁵ См.: *Европеец.* 1864. 14 февр. № 2. С. 5.

⁷⁶ Там же.

к читающей публике только вредит обеим сторонам, — запальчиво отвечал Блюммер критикам «слева» из «Колокола». — Журналист теряет читателей, читатели перестают быть читателями. ... Не отказываясь от существующих у нас убеждений, мы изменили только способ выражения и отношение к некоторым предметам ... Мы стоим под прежним знаменем свободы и просвещения»⁷⁷. И это не являлось пустой фразой. Оппозиционность «Европейца» по отношению к российской власти совершенно очевидна и недвусмысленна.

Безрадостно, несмотря на внешнюю сдержанность, выглядела панорама пореформенной России, нарисованная Л.П.Блюммером, представителем левого крыла либерального движения: «Основная из наших реформ — крестьянская не довершена: крестьянство остается еще вне полного гражданства, дворянство имеет излишние привилегии, которые положительно несправедливы; русский народ таким образом еще разделен на две неравноправные части. Судебное устройство, не только старое, но и новое, уступает судебному устройству Франции; рядом с законною судебною властью существует неправильная, незаконная, произвольная власть третьего отделения. По делам печати в России имеет силу вреднейшая из цензур — предварительная. По делам государственных финансов нет малейшего контроля»⁷⁸. Критика Блюммером основ самодержавной государственности была довольно конкретной, но рекомендации своим единомышленникам отличались абстрактностью. «Европеец» лишь советовал «ежеминутно предъявлять свои нужды, настойчиво ждать их осуществления, заботиться о саморазвитии и не сидеть сложа руки». Такая программа допускала разные толкования и была слишком неопределенна, чтобы встретить позитивный отклик.

Из многих статей Блюммера, помещенных в «Европейце» и посвященных разнообразным вопросам — от положения православной церкви⁷⁹ до внешней политики России⁸⁰, — упомянем гневную инвективу в защиту осужденного Н.Г. Чернышевского⁸¹. Взгляды Блюммера и Чернышевского заметно различались, но редактор «Европейца» взволнованно поддержал товарища по перу. Статья весьма напоминает выступление Герцена на ту же тему⁸². Блюммер забыл о своей умеренности и почти солидаризовался с радикалами, провозглашая: «Как бы виновато ни было русское общество

⁷⁷ Европеец. 1864. 14 марта. № 6. С. 21.

⁷⁸ Там же. 7 марта. № 5. С. 17, 18.

⁷⁹ См.: Там же. С. 17.

⁸⁰ См.: Там же. 14 февр. № 2. С. 5–6.

⁸¹ См.: Там же. 7 мая. № 9. С. 33–34.

⁸² См.: Герцен А.И. Н.Г. Чернышевский // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. XVIII. С. 221–222.

перед личностями вроде г. Чернышевского, пусть не угасает у нас поколенческие люди, которые будут заботиться об общественном благе, несмотря на тяжелую перспективу каторги»⁸³. Так, Блюммер, в сущности, отказывался от надежд на скорую либерализацию политического курса в России. Бесмысленным становилось и издание «Европейца». Газета не пользовалась успехом. Для одних ее направление казалось слишком оппозиционным, для других — излишне умеренным. Довольно критически отнесся к «Европейцу» Герцен⁸⁴. Прежний покровитель Блюммера, Долгоруков огласил давние, хотя недоказанные, подозрения о секретной службе журналиста российским властям⁸⁵. К тому же «Европеец» стал выходить крайне нерегулярно, хотя и был подписным еженедельником. А в начале июня 1864 г. Блюммер внезапно и тайно, не оповестив даже издателя⁸⁶, уехал из Дрездена, покинув русскую эмигрантскую печать. Последний — 10-й — номер «Европейца» вышел 7 июня 1864 г. уже без участия Блюммера, бежавшего от подписчиков и издателей.

На Родине этот безусловно одаренный человек так и не смог найти признание своим способностям. Написание мелких фельетонов, посредственных романов, полемических заметок в провинциальной подцензурной журналистике — вот чем был вынужден заниматься писатель, в свое время бросивший открытый вызов самодержавному строю, казалось близкому к падению

Бесславный финал «Европейца» не должен заставить нас игнорировать выражавшиеся в этом издании убеждения. Статьи Л.П. Блюммера и его корреспондентов являются ценными свидетельствами растерянности российской либеральной оппозиции в условиях быстрого поправления общественных настроений. Публикации Блюммера заслуживают внимания историка русской печати 1860-х гг.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что издания Блюммера, призывавшие к объединению всех оппозиционных сил и содержавшие сведения, компрометировавшие российские власти, несомненно, сыграли определенную роль в борьбе с русским самодержавием. Этот факт следует учитывать при обсуждении вопроса о политической честности публициста. Что же касается политической программы, выдвигавшейся в «Свободном слове» и «Европейце», то она должна рассматриваться как одна из альтернатив

⁸³ Европеец, 1864. 7 мая. № 9. С. 34.

⁸⁴ См.: Герцен А.И. «Европеец» // Герцен А.И. Собр. соч. Т. XVIII. С. 105–106.

⁸⁵ См.: Долгоруков П.В. Леонид Блюммер агент русской тайной полиции // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым (Лондон). 1864. 28 апр. № 19. С. 147–149.

⁸⁶ См.: Письмо и объявление г-на дрезденского книгопродавца Бруно Винеке // Там же. 1864. 28 июля. № 22. С. 176.

развития России в пореформенный период. Ее суть заключалась в признании либеральной конституции отправной точкой дальнейшего движения России к новому общественному строю, далекому от западноевропейского капитализма. Порой эклектичное, но своеобразное сочетание элементов либерализма и социализма в сочинениях Блюммера представляет несомненный интерес для историка русской эмиграции 1860-х гг. Отметим, что выдвигаемая Блюммером идейная платформа — сначала политическая свобода, а затем социальные преобразования — стала весьма популярна уже в 1880–1890-е гг., когда многие революционеры отказались от былого игнорирования «буржуазных свобод». Публицистика позднего С.М. Степняка-Кравчинского, «народоправцев», М.П. Драгоманова и его окружения во многом приходила к тем же выводам, что и молодой эмигрант начала 1860-х гг. Разумеется, здесь не было прямого влияния, но тем интереснее схожесть идей.

По нашему мнению, примечателен и психологический рисунок судьбы Блюммера. Его возвращение в Россию стало первым в череде покаяний вождей русской эмиграции — В.И. Кельсиева, Н.И. Утина, Л.А. Тихомирова (упоминаем лишь самых известных), каждый из которых в результате драматических разочарований убеждался в относительной силе и крепости русского самодержавия и неустойчивости политических симпатий отечественного образованного класса. Усилия горстки дворянской и разночинной молодежи были способны напугать власти и провоцировать охранительные меры и ужесточение цензуры, но это были далеко не те результаты, на которые рассчитывали русские романтики-радикалы, к которым, с некоторыми оговорками, можно причислить и Блюммера.

Т.М. Симонова

Русские периодические издания в Польше 1920–1938 гг. как источник культурной жизни русской эмиграции и национального меньшинства

Аннотация: В статье рассматривается русскоязычная печать в Польше в межвоенные годы, в которой нашли отражение интересы русского национального меньшинства (православного меньшинства) и русской эмиграции. Автор прослеживает изменения основных тем периодики от призывов к антибольшевистской борьбе к обсуждению национального самосохранения и правовой защиты и культурно-информационной тематике.

Annotation: The article deals with the Russian-language press in Poland in the interwar years, which reflects the interests of the Russian minority (Orthodox minority) and Russian emigration. The author traces the changes in the periodicals from the calls for anti-Bolshevik struggle to discuss national self-preservation and legal protection and cultural and informational issues.

Ключевые слова: русская печать в Польше, беженство, русская эмиграция, национальные меньшинства, «Свобода» («За свободу»), Б. Савинков, Д. Filosofov.

Key words: Russian press in Poland, refugee, Russian emigration, national minorities, «Svoboda» («Za svobodu»), B. Savinkov, D. Filosofov.

Тема актуальна в аспекте глобальной проблемы сохранения национальной идентичности в условиях инонациональной культуры и роли СМИ в формировании массового сознания¹. В значительном пространстве печати русского зарубежья польский сегмент в 1920–1939 гг. не имел изданий общеевропейского формата (как «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки»); отсутствовало их многообразие². В этом смысле можно говорить о «провинциализме» русской печати в Польше, ввиду ее определенной замкнутости и малой ангажированности в проблемы русского зарубежья³. Духовная, культурная (часто — родственная) связь с польским обществом, бывшей «русской» частью Польской республики, породила феномен тесной и противоречивой взаимосвязи русского национального меньшинства и эмиграции: «во

¹ СМИ выполняют несколько функций: информационную, аналитическую, развлекательную, культурно-образовательную, коммуникативную, рекламно-справочную, а также функцию формирования массового сознания (идеологическая или социально-ориентирующая) (см.: Комаровский В.С. Государственная служба и СМИ. Воронеж. 2003. С. 32).

² В Сербии выходило 115 изданий (см.: Джурич О. Русская литературная Сербия, 1920–1940: (Писатели, кружки и издания). Белград. 1990. С. 258–263).

³ См.: Жирков Г.В. Ведущие газеты Русского Зарубежья // URL: http://evartist.narod.ru/text5/20.htm#_ftn2.

многих областях жизни существовало сотрудничество, соперничество, даже борьба, реже возникали союзы, но чаще конфликты»⁴. Издавалось не более 20 печатных изданий (большая часть просуществовала от года до трех лет); отдельную категорию составляли нерегулярные рукописные и ротاپринтные издания в лагерях интернированных и военнопленных. В каждом регионе сосредоточения беженцев короткое время выходили издания, выполнявшие функцию информационно-координирующих беженских центров⁵.

Издания национального меньшинства выходили в регионах расселения, прежде всего в Вильно, и общепольского значения не имели. Особой категорией русской печати следует считать религиозные периодические издания; для них была характерна многонациональная универсальность: так, «Народная Нива» выходила на русском, белорусском, украинском, издавалась в Вильно; одной из задач считала защиту интересов национальных меньшинств. Особый вклад в изучение темы православной печати в Польше принадлежит Ю.А. Лабынцеву и Л.Л. Щавинской⁶.

Несколько изданий, взявшие старт в 1918–1920 гг., не смогли просуществовать более года⁷, в их числе — «Варшавская речь» («внепартийный демократический орган» под редакцией Г. Ледкевича). Газета тесно сотрудничала с Русским комитетом, носила информационно-справочный характер, тон публикаций — антибольшевистский. Издатель держал читателей в курсе решений польских властей; давал регулярные обзоры военных операций с фронтов Гражданской войны в России, характеристику большевистского военного руководства (офицеров царской армии, которых знал лично), информацию из польского Представительства Правительства Всевеликого войска Донского и Русской военной миссии в Польше. Одним из авторов был генерал П. Симанский⁸. С ноября 1919 г. газета обогатила содержание фельетонами и рассказами Леонида Билинского, «эскизами» о положении в России («Вальд. Потапов», В. Потапов), поздней осенью 1919 г. начала публиковать рассказы беженцев из России.

Малоформатную газету «Эхо» («ежедневная, прогрессивная, демократическая») недолгое время издавал и редактировал Г. Новицкий, владелец Первого почтового бюро в Варшаве. Новости Русского комитета, краткие

⁴ См.: *Замойский Я.Е.* Русская (белая) эмиграция в Польше и ее польские связи (1918–1939) // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. / Ред. Н.И. Щавелева. М., 1998. С. 170.

⁵ Во Львове, Бресте, Пинске, Вильно, Гродно, Лунинце, Ровно, Торуне, Варшаве.

⁶ См.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература межвоенной Польши. М. 1998; *они же.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М. 1999; *они же.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск. 2001.

⁷ «Свободное слово», «Варшавское эхо», «Варшавская речь», «Варшавское слово».

⁸ См., напр.: *Варшавская речь.* 1919. 21 сент.; 23 сент.; 8 окт.; 10 окт. и др.

военные обзоры, новости из польских и зарубежных изданий занимали три страницы. Газета просуществовала недолго и исчезла вместе с предприятием владельца.

«Варшавское слово» (ежедневный «орган демократической мысли» под редакцией Вл. Горвиц-Самойлова) начало выходить с января 1920 г. в собственном издательстве. В первом номере было обозначено, что она является «четвертой по порядку русской газетой, выходящей в столице освобожденной Польши»; была дана дерзкая характеристика предшествующих ей русских изданий⁹ и критика их «явно эмигрантского» характера. Редактор понимал, что у него будет русская аудитория, что «в орбиту польской государственности вошло и войдет весьма значительное количество граждан — русских по языку, культуре, национальным традициям и религии». Претендуя на представительство их интересов, он отделил от них «кучку эмигрантов, случайно и временно обосновавшихся в Польше»; а защиту интересов польских граждан русской национальности и «всестороннюю помощь ей в деле русско-польского сближения на основе общей государственности» поставил в качестве приоритетной задачи. Редактору виделась возможной борьба за «права русской культуры» под девизом «равный с равными, свободный со свободными». Приемлемой для русского национального меньшинства он назвал демократическую Россию как союзницу демократической Польши», поскольку «случайные и эфемерные эмигрантские утопии» не могут интересовать миллионы польских граждан русской национальности, которым жизнь диктует «путь трезвой, сознательной и деловой защиты своих прав в тех рамках, которые они сами создадут в общем государственном строительстве обновленной Польши»¹⁰.

В одном из номеров за подписью «Эмигрант» была дана классификация русской эмиграции по группам: 1) не слишком значительная, но самая вредная для престижа русского имени («обломки реакционного лагеря б. империи, которые, как утопающие за соломинку, хватаются за всякий проблеск возможной, по их мнению, реставрации»); 2) значительное количество «дельцов» (которые, несмотря на свою органическую ненависть к большевикам, умудрились вывести из большевистской России основательные запасы разноцветных бумажек с водяными знаками и царскими портретами», мечтая о «единой, великой и неделимой»); 3) лица «потерянной или еще не найденной ориентации» (утратившие надежду на победу белых генералов и не риску-

⁹ «Ни одна из них не обнаружила строго определенного курса. Ни одна не удовлетворила широкого круга читателей. Радикальное “Свободное слово” и денкинская “Варшавская Речь” оказались почти в равной мере далекими от нужд русского населения Польской Республики. О полуграмотном “Варшавском Эхо” не приходится и говорить. Это было просто печатное недоразумение» (Варшавское слово. 1920. 4 янв.).

¹⁰ Там же.

ющие пока связываться с красными генералами); 4) самая значительная и заслуживающая особого внимания (люди самых разнообразных профессий и социального положения, выброшенные бурей революции на чужбину, они «лишены всякой международной и дипломатической защиты»). Редактор дал уничижительную характеристику «т. наз. русским дипломатическим миссиям и русским комитетам за границей», которые состоят из представителей первых трех категорий и бессильны облегчить положение четвертой, да и не прилагают к этому особых усилий, являясь «своеобразной эмигрантской аристократией, по российскому обычаю, далекой от плебса»¹¹.

Информационный материал подбирался из европейских газет; чрезвычайно интересной была подборка материалов из советских газет об антибольшевистской и антисоветской деятельности в рубрике «Из Советской России»¹². В конце января 1920 г. появилась рубрика русской православной церкви в Польше; размещались отрывки из произведений русских писателей о польском национальном характере, польском народе и его истории¹³. Наиболее активными авторами «подвалов» были А. Вольский, профессор И. Малиновский, В. Станкевич, А. Куприн¹⁴, И. Соколов-Микитов, Д. Мережковский (отрывок из очерка «Иосиф Пилсудский») и др.¹⁵ Газета перепечатывала произведения Н. Тэффи, Саши Черного, А. Аверченко, Р. Гуля. Следует выделить серию очерков профессоров И. Бодуэна де Куртене¹⁶, М. Довнар-Запольского, Б. Лебединского, А. Гаряинова (Украина). Из Финляндии присылал статьи Н. Иорданский, бывший главный редактор марксистского журнала «Современный мир», «погибшего от большевистского насилия»¹⁷, из Праги — Д. Раков (очерки-воспоминания «В застенках Колчака»); Б. Мерцалов опубликовал серию очерков «В царстве кожаных» и «Красная Армия»; В. Замятин: «Набег кавалерии Буденного на Житомир»¹⁸.

На страницах издания видим публикации Юлиана Тувима («Большая Теодора», «Wielka Teodora»), Ю. Каден-Бандровского; интервью с польскими государственными деятелями; с прибывшими 15 января в Варшаву Н.В. Чайковским и Б.В. Савинковым¹⁹: беседы с Д.С. Мережковским. Регу-

¹¹ Варшавское слово. 1920. 16 марта.

¹² «Петроградская правда», «Известия», «Красная Армия», «Красная газета», «Киевский коммунист».

¹³ Например, отрывок из лондонского издания рассказа Л.Н. Толстого «За что? (Период польского восстания 30-х гг.)» (Варшавское слово. 1920. 4 марта).

¹⁴ См.: Там же. 8 февр.

¹⁵ См.: Там же. 15, 16 июля.

¹⁶ Наиболее важная тематика: восточные границы Польши и национальное белорусское самосознание.

¹⁷ Варшавское слово. 1920. 25 марта.

¹⁸ См.: Там же. 13 июля.

¹⁹ См.: Там же. 17 янв.

лярно публиковались материалы из Риги (советско-польские переговоры); весной 1920 г. открылась рубрика «Письма из провинции» (материалы как корреспондента газеты Л. Ольгина, так и жителей польских восточных окраин из Луцка, Дубно, Ковно, с Волыни).

С ноября 1920 г. газета была переименована в «Новое Варшавское слово»²⁰, в ней стали появляться обзоры культурной жизни (театр, книгопечатание, русская школа за границей). Постоянными стали рубрики «На фронте генерала Врангеля», «В Крыму»; интересны размышления о причинах развала Врангелевской армии²¹. Программе Б. Савинкова была отведена полоса с одновременным изложением позиций социалистов-революционеров и независимых демократов по этому вопросу²². Привлекает внимание анализ В. Черновым стенографического отчета «Первого Всероссийского совещания по партийной работе в деревне» («Большевики в деревне»)²³. «Варшавское слово», по словам Мережковского, слыло «большевизантским»²⁴; отношения с новой газетой «Свобода» установились «молчаливо-враждебные»²⁵, поскольку Горвиц-Самойлов не разделял увлечения Врангелем и не видел перспектив у русско-польского военного союза.

Рождение самого известного и длительного периодического издания — газеты «Свобода»²⁶ связано с ее антисоветской деятельностью. Состав редакции: Б.В. Савинков, Ф.И. Родичев, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов; редактор-издатель — В.А. Злобин, собственные корреспонденты были в Польше, в Крыму и за границей. В первом номере²⁷ («политической, литературной и общественной» газеты) обозначен ее лозунг: «За Родину и свободу»²⁸. Первая редакторская статья «Россия и Польша» содержала ряд ключевых тезисов группы Б. Савинкова: Россия борется за свое национальное бытие и освобождение от советского ига; Польша — един-

²⁰ «Новое Варшавское слово» выходило до конца 1921 г.

²¹ «В действительности он был орудием, игрушкой мощной финансово-промышленной организации с ее главной квартирой в Париже. Эта компания называлась “Русско-французским обществом для эксплуатации южной России и Крыма”. Основана она была в начале текущего года с капиталом в 12 млн франков группой русско-французских финансистов и промышленников. Сюда входили главные акционеры Криворожских железных копей, к юго-западу от Екатеринослава, и самых ценных каменноугольных копей Донецкого бассейна, к юго-востоку от Харькова» (Варшавское слово. 1920. 25 нояб.).

²² См.: Русская демократия о самоопределении народов // Варшавское слово. 1920. 1 дек.

²³ См.: Там же. 1920. 2, 3, 5 дек.

²⁴ *Атаман Искра* [Лохвицкий И.А.]. То, что было. Берлин, 1922. С. 10–11.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ С ноября 1921 г. — «За свободу», с 6 апреля 1932 г. по 31 января 1934 г. — «Молва», затем — альманах «Меч» (1934–1939).

²⁷ Первый номер вышел 11 июля 1920 г.

²⁸ Рядом с названием — перечень программных пунктов: «Россия. Союз народов. Учр. Собрание. Земля — народу. Закон. Порядок».

ственная страна, которая ведет войну с большевиками; Польша — союзница России в борьбе с общенациональным врагом (большевиками). Провозглашалось право народов на самоопределение; Литва, Белоруссия и Украина решат свою судьбу только «через Учредительные собрания».

Ф. Родичев (эссе «Свобода») оценил большевистское общество, в котором все «по-большевистски равны в скотстве и рабстве», сформулировал лозунг большевиков («взбесившихся обезьян») в 1917 г.: свобода «душить буржуазию» и «грабить награбленное». Б. Савинков (статья «Чего мы хотим») утверждал: «крестьянская», «будущая Россия», которая в равной мере против «красных» и «белых» реквизиций и поборов, может возродиться только на началах равенства и свободы, после перехода всей земли в собственность крестьян. Лозунг единства славян прозвучал, но очень слабо — его заглушил мощный призыв предотвратить «господство немецких неистовых шовинистов», которые с частью русской эмиграции «подготавливают реставрацию в России». Страстное эссе З. Гиппиус («С того света») содержало несколько ярких образов: «на востоке — гнойный нарыв... Внутри — боль, прах, смрад, слизь. Нарыв давно готов — для операции. Без операции — он прорвется внутрь европейского организма. Тогда — заражение крови, гибель — неизбежны». Д. Философов («Большевистское жулье») заявил, что большевизм порождает «мерзость, ложь, воровство, мошенничество, жульничество, хамство и ... жестокость».

В «Воззвании к русским людям»²⁹ была приведена цитата из приказа начальника Польского государства Ю. Пилсудского: «Сражаясь за свободу свою, мы сражаемся не с русским народом, а с тем порядком, который, признав законом террор, уничтожил все свободы и довел страну до голода и разорения»; врагом Польши был обозначен «большевизм, наложивший на русский народ ярмо новой и страшной тирании. Он хочет и нашей земле навязать свою власть — власть крови и мрака». Только «святая кровь польская и русская, пролитая за свободу, соединит оба народа, некогда разделенных кровавой враждой, в вечный союз на благо всему человечеству». В первом номере была и «программа Врангеля»³⁰. Центром будущего антибольшевистского движения были намечены Крым, казачьи земли, Донецкий бассейн. Была объявлена регистрация русских граждан, находящихся в Варшаве.

²⁹ Его подписали Б. Савинков, Д. Мережковский, З. Гиппиус, П. Глазенап, Ф. Родичев, председатель правления Русского комитета в Варшаве Д. Философов, члены комитета: Ю. Соловьев, кн. Мещерский, П. Симанский, Н. Племянников, Н. Штейнберг, В. Бадер (?), А. Лелюхин.

³⁰ «Передача земли в собственность крестьян, широкая федерация различных частей России, будущее которых и их политический строй» должны быть установлены свободной народной волей через «собрания представителей, избранных на демократических началах». Заимствована из Daily Telegraph, в изложении начальника внешних сношений Южнорусского правительства П.Б. Струве.

Первоначально «Свобода» решала информационно-пропагандистскую задачу и играла роль объединяющего органа группы Б. Савинкова, связанной с польским генеральным штабом и французской военной миссией. В условиях советско-польской и Гражданской войны в России, создания антибольшевистской оппозиции и антисоветских формирований, газета становилась инструментом информационной войны. По своей экономической сути издание не было российским, поскольку существовало не на доходы от своей деятельности и/или спонсорскую поддержку русских кругов, а преимущественно финансировалось из польского бюджета.

До конца 1920 г., в самый активный период собирания антисоветской военной оппозиции на территории Польши³¹, в каждом номере помещалась информация из польского генерального штаба; обращения Народной Добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича; подробная информация о казачестве (потенциальном союзнике) в России, об армии генерала П.Н. Врангеля (стратегическом союзнике). Постоянными были рубрики «Вести из Совдепии», «Польско-большевистская война», «Обзор польской печати», «В польском сейме». Виктор Савинков («Станичник») публиковал «Записки» о своем переходе из Красной армии к полякам и о нравах в Красной армии³². Публиковали письма В. Бурцева; материалы о гибели адмирала А. Колчака, биографические очерки о русских генералах Белой армии и др. Большое впечатление на читателя произвели выдержки из Дневника Д. Мережковского за 1919–1920 гг. о «царстве Антихриста»³³. Постоянными авторами, кроме упомянутых выше, в 1920 г. были А. Дикгоф-Деренталь, П. Симанский, А. Гзовский, А. Смолдовский.

Газета была вовлечена в информационную войну ИНО ВЧК против русских эмигрантов: в частности, в течение сентября–октября 1921 г. в «Свободе» и русской прессе («Общее дело», «Руль», прибалтийские газеты) публиковались «Разоблачения поручика Масловского» с целью дискредитации братьев Савинковых³⁴. Операция прошла успешно, и после

³¹ См. подробнее: *Симонова Т.М.* Русские антисоветские формирования в Польше, 1919–1925. М., 2013.

³² См.: *Свобода*. 1920. 3, 7, 8, 12, 14, 17, 18 сент.

³³ «Великий русский писатель, Василий Васильевич Розанов, умер от страха голода. Перед смертью подбирал окурки папирос на улицах»; «по двадцатиградусному морозу за 15 верст гоняют на окопные работы семнадцатилетних курсисток и старых профессоров-академиков. Горький возмутился, написал Ленину; просит, чтоб этого не делали. Как будто не сам Горький с Лениным это сделали»; «В Петербургском Институте экспериментальной медицины бульон для разводки бактерий изготавливают из пропускаемой через мясорубку человеческой печени. А Европа гадает: возможна или невозможна постепенная эволюция от человеческой мясорубки к свободе, равенству и братству?» (*Свобода*. 1920. 28 июля).

³⁴ См. подробнее: *Симонова Т.М.* Ликер «Слезы Карахана» // *Родина*. 2007. № 10. С. 89–93.

их выдворения из Польши в конце октября 1921 г. с ноября 1921 г. газету переименовали в «За свободу»³⁵. Главным редактором стал Философов; существенно снизилось финансирование из польского бюджета и политический накал публикаций. Из пропагандистского органа газета превратилась в информационно-обзорный, а с 1926 г. (после майского переворота Ю. Пилсудского) — в информационно-культурный. Относить ее к «газетам эсеров»³⁶ на основании условной принадлежности Б. Савинкова к партии эсеров, необоснованно. «За свободу» стала организационным и интеллектуальным центром все более редющей русской эмиграции в Польше и центральным органом русского национального меньшинства, поддерживая тесные контакты с региональными и православными изданиями.

Уже в феврале 1921 г. Философов отметил: «Период вооруженной борьбы закончился неудачей», перед российским беженством и эмиграцией встали задачи «объединения не на основе общей ненависти к большевикам, но на основе любви, общей положительной программы», «культурного воспитания русской эмиграции» и сохранения тесной связи с крестьянством; сохранения чувства национальной идентичности³⁷. Целью беженства и эмиграции редактор видел строительство «третьей», великой России³⁸ общим «единым фронтом»³⁹. «Покаянное письмо» Б. Савинкова на Лубянку и признание им советской власти он оценил как измену. Переписку, организованную чекистами⁴⁰, редактор комментировал на страницах газеты. В ответ на признание Б. Савинкова, что уже с весны 1923 г. борьбу с большевизмом он «считал не только бесполезной, но и ненужной», Философов ответил: «Вы предали не только своих друзей и сотрудников, но и того Савинкова, которому я остался верным»⁴¹.

Разочарованный Философов отошел от политической деятельности, сосредоточившись на литературной и редакторской работе. В 1925 г. изменился состав редакционной коллегии⁴²; актуальными стали сложные

³⁵ Выходила до апреля 1932 г.

³⁶ Жирков Г.В. Ведущие газеты Русского Зарубежья.

³⁷ «Величие нации заключается не в территориальных расширениях, а в ценности, глубине и возвышенности ее культуры» (Философов Д. Задачи русской эмиграции. Доклад на заседании Союза Возрождения России 11 февраля 1921 г. // Свобода. 1921. 13 февр.).

³⁸ См.: Там же.

³⁹ Философов Д. Доклад по поводу 10-летнего юбилея Первой мировой войны // За свободу. 1924. 8 авг.

⁴⁰ См.: Письма Б. Савинкова к Д. Философову от 3 сентября, 20 декабря 1924 г., 31 марта 1925 г. // Борис Савинков на Лубянке: Документы / Науч. ред. А.Л. Литвин. М., 2001. С. 100–101, 143, 157.

⁴¹ За свободу. 1925. 22 апр.

⁴² М.П. Арцыбашев, В.В. Португалов, Д.В. Философов, Е.С. Шевченко.

вопросы правового положения русских беженцев⁴⁵: положение в лагерях интернированных, которые стали неотъемлемой частью русского беженского сообщества; ситуация во всех уголках Польши, где они находились (включая г. Данциг); положение национальных меньшинств в Польше; решения Лиги Наций. После Рижского мира в результате территориальных приобретений в состав Польши вошло почти 3,5 миллиона не польского населения (33 % населения, которое проживало на 50 % территории⁴⁴, более миллиона русских и более 4 миллионов православных⁴⁵); но в материалах государственной переписи (1921 г.) графа «русские» отсутствовала. В связи с русским учительским съездом в апреле 1925 г. заместитель премьер-министра Ст. Тугутт, заявил: «Русские в Польше не представляют собой национального меньшинства, и они не должны притязать на то, чтобы иметь права, равные с народностями, имеющими соответствующую территорию»⁴⁶.

В таких условиях в поле зрения редактора были проблемы не только русских, но и белорусов, украинцев, евреев, немцев и др., так как «дело борьбы за русское национальное меньшинство в Польше» он считал «не только местным, маленьким делом», но работой «во имя умиротворения послевоенного мира»⁴⁷. В середине апреля 1926 г. Институт исследования национальных проблем⁴⁸ поставил вопрос «о польских меньшинствах и их роли в строительстве польского государства». Т. Голувко⁴⁹ «один имел мужество

⁴⁵ Число беженцев в Польше в некоторые периоды достигало, по данным Лиги Наций, до полу-миллиона человек (см.: *Симонова Т.М.* Специфика правового положения различных групп российской эмиграции в Польше // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы: Сб. материалов междунард. науч. конф. «Нансеновские чтения 2006» / Науч. ред. З.С. Бочарова. СПб., 2006. С. 262).

⁴⁴ По официальной информации, перепись 1921 г. выявила 31,1 % непольского населения (*Mały rocznik statystyczny*. Warszawa, 1938. S. 22–25; Информация Статистического комитета // Свобода. 1921. 1 июля; *Sprawy narodowościowe*. 1927. № 1. S. 95). По подсчетам Е. Томашевского, численность нацменьшинств достигала 35,3 % (*Tomaszewski J.* *Stosunki narodowościowe w II Rzeczypospolitej // Polska Niepodległa, 1918–1939.* Ossolineum, 1984. S. 161); по данным В. Миховича, приближалась к 34 % (*Michowicz W.* *Problemy mniejszości narodowych // Polska Odrodzona, 1918–1939: Państwo. Społeczeństwo. Kultura.* Warszawa, 1988. S. 287).

⁴⁵ См.: *Лабынцев Ю.А.* *Всему православному миру.* М., 1995. С. 5–6.

⁴⁶ *Философов Д.* Учительский съезд и польская политика // За свободу. 1925. 16 апр.

⁴⁷ *Философов Д.* О докладе Серебренникова // Там же. 18 янв.

⁴⁸ Институт исследования национальных проблем был создан в 1921 г. по инициативе группы соратников Ю. Пилсудского: Т. Голувко, С. Поснера, Ст. Тугутта, Л. Кшивицкого и др. Активную деятельность в работе Института и издании его печатного органа принимал видный историк М. Хандельсман. Председателем правления Института в апреле 1926 г. стал бывший премьер Ст. Тугутт.

⁴⁹ Родился в Семипалатинске, Степного генерал-губернаторства Российской империи. Деятель «прометеизма», публицист и издатель, политик, государственный деятель.

сказать, что в Польше существует русское национальное меньшинство»⁵⁰; польский политик, в свою очередь, приветствовал создание Русского национального объединения в первой половине мая 1926 г.⁵¹

Важнейшей, до момента создания автокефальной православной русской церкви в Польше в 1925 г., была дилемма «польско-русского сближения или католизации православных»⁵². В прошлом поборник единой вселенской церкви, Философов открыто выступил против «первенствующей роли» католических архиепископов и прелатов, т.к. целью «громадной работы католической пропаганды» он видел «работу по разложению и уничтожению» православия⁵³. Постоянной стала хроника реквизиций и ревиндикаций православных церковных земель и имущества, закрытия храмов и приходов на «восточных кресах», перевода церквей в католические костелы; драматические судьбы православных священников.

Особое внимание русская газета уделяла вопросу соотношения русской и польской культур, проявляя уважение к «польской, славянской душе со всеми ее духовными возможностями»⁵⁴. М. Домбровская видела в Философове глубокого знатока творчества А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Ст. Жеромского, «европейца, либерала, прекрасного писателя и независимого человека»⁵⁵. Большую роль в пропаганде русского литературного наследия сыграли публикации в литературном приложении к газете (с сентября 1925 г.): произведения И. Шмелева, Д. Мережковского, З. Гиппиус и др. авторов; статьи о русских классиках и современниках (Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Ф. Гладкове, К. Чуковском и др.). Тогда же были открыты новые авторские рубрики: «Заметки старого театрала» и «Заметки старого читателя».

В ответ на очередное выселение русских эмигрантов из страны Философов написал: «Нельзя не протестовать, когда на русских, как из рога изобилия, сыпется целый ряд арестов по обвинению в шпионаже, когда виднейших представителей привлекают к судебной ответственности, нещадно штрафуют»⁵⁶. Националистическая «Gazeta Warszawska» посоветовала редактору «держат язык за зубами, ибо его статьи пишутся таким образом, будто он старается утвердить Министерство просвещения в том убеждении,

⁵⁰ Философов Д. Благое начинание // За свободу. 1926. 16 апр.

⁵¹ См.: Беседа Д. Философова с Т. Голувко // Там же. 7 мая.

⁵² Философов Д. Русская политика Ватикана // За свободу. 1923. 15 нояб.

⁵³ См.: Статья митрополиту Евлогию («Последние новости») в связи с закрытием Французского союза помощи русским эмигрантам и беженцам // За свободу. 1926. 8 апр.

⁵⁴ «Сложная простота, целомудренная стыдливость, её страдания» (см: статья Д. Философова о постановке комедии С. Жеромского «Улетела моя пташечка» в Национальном театре (За свободу. 1925. 8 марта)).

⁵⁵ Dąbrowska M. Dzienniki. Warszawa, 1988. Т. 2. S. 83.

⁵⁶ За свободу. 1925. 24 марта.

что оно поступило правильно, начав преследования против Русской Академической группы»⁵⁷.

Майский переворот 1926 г. польская и русская интеллигенция приняли с надеждой. М. Домбровская записала в «Дневнике»: «Были созданы условия для новой жизни»⁵⁸. «Пора проснуться», — призывал Философов, — от самих нацменьшинств зависит, смогут ли они «выработать планомерную, легальную программу реально воплотимых требований и пожеланий»⁵⁹.

После убийства полномочного представителя П.Л. Войкова⁶⁰, в июле 1927 г. Г.В. Чичерин сообщал И. Сталину: «Мы будем считать себя удовлетворенными, если Польпра [Польское правительство. — Т.М.] примет решения и произведет некоторые акты против белогвардейских эмигрантов»⁶¹. Русский комитет был распущен, председателя В.И. Семенова по обвинению в монархической и прогерманской деятельности выслали из страны. Русские организации были поставлены под гласный и негласный контроль польской полиции и «экспозитуры»⁶²; на новый уровень было выведено спонсирование национальной эмиграции и в Польше, и в европейских странах (прометеизм)⁶³. В то же время получили развитие межгосударственные отношения⁶⁴; расширились польско-русские культурные связи: в Варшаву на гастроли приезжали Пражская группа МХАТ, Рижский театр русской драмы, Ф. Шаляпин, А. Вертинский, О. Плевицкая, И. Северянин, И. Стравинский и др.⁶⁵

В 1930 г. Пилсудский распустил Сейм, организовал новые выборы, встал во главе правительства. Усилилась цензура; политика в отношении национальных меньшинств ужесточилась: Польша заявила протест против создания в структуре Лиги Наций комиссии по делам нацменьшинств; в СМИ было размещено предупреждение: «Национальные мень-

⁵⁷ Речь идет о процессе по уголовному делу в отношении членов русской Академической группы (1924–1925 гг.), который закончился ее полным оправданием. Но русские «академические аттестаты» так и не были признаны достаточными для поступления в польские вузы.

⁵⁸ В 1943 г. М. Домбровская в дневнике напротив этих строк приписала: «Боже, какой ошибкой оказалась эта вера» (*Dąbrowska M.* Op. cit. 1988. Т. 1. S. 180).

⁵⁹ *Философов Д.* Пора проснуться // За свободу. 1926. 23 мая.

⁶⁰ Убийство совершил Борис Коверда, белорус и польский гражданин, сын редактора и публициста Э. Коверды, с начала 1920-х гг. примыкавшего к РПК Б. Савинкова.

⁶¹ АВПр. Ф. 04. Оп. 32. П. 220. Д. 52727. Л. 27.

⁶² *Симонова Т.М.* Специфика правового положения россиян в Польше. С. 265.

⁶³ См.: *Симонова Т.М.* «Мы бесподанные безгосударственники» ... // Родина. 2007. № 2.

⁶⁴ Польское правительство заключило с правительством СССР двусторонний гарантийный договор и торговое соглашение.

⁶⁵ Подробнее: *Фалькович С.М.* Советско-польские культурные связи в 20–30-е гг. XX в. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / Отв. ред.: С. Гжибовский, В.А. Хорев. М., 2011.

шинства должны остерегаться искать помощи за пределами своих государств, т.к. обращение к этой помощи ... может ухудшить положение этих меньшинств»⁶⁶.

В это время Философов начал развивать идею «активизма»⁶⁷, считая его «живым воплощением» маршала Пилсудского⁶⁸. Генштаб (экспозитура) привлекал Философова в качестве эксперта; на издательскую деятельность он продолжал получать дотации из бюджета, которые сократились лишь после подписания договора о ненападении Польши с СССР⁶⁹. С отставкой министра иностранных дел А. Залесского и назначением Ю. Бека сменился внешнеполитический курс. Газета «За свободу» была закрыта; в последнем номере редактор подчеркнул: «Знамени своему газета ни разу не изменила», на нём был начертан лозунг «непримиримость к большевикам и борьба с ними»⁷⁰.

С апреля 1932 по январь 1934 г. выходил иллюстрированный ежедневник «Молва»⁷¹, который обозначил смену поколений: «Новая газета берёт от нас всё лучшее, что у нас было, наши заветы, непримиримость и нашу веру в воскресение России»⁷². В мае 1934 г. Философов и Мережковский, при поддержке пражской группы литераторов и журналистов во главе с А.Л. Бемом, приступили к изданию еженедельника «Меч»⁷³. В первом номере Философов изложил идеологическую концепцию активизма⁷⁴: «антикоммунизм, антиматериализм, антимарксизм»⁷⁵. Но уже в октябре 1934 г. редактор сделал печальный вывод об отсутствии точек соприкосновения с «Парижем». В.А. Злобин заметил: «Парижская элита к вопросам общественным охладевает с каждым днём всё больше... вопрос на очереди — о праве

⁶⁶ За свободу. 1930. 22 сент.

⁶⁷ «Непримиримость должна войти в плоть и кровь всякого эмигранта, как руководящее начало его жизни, его быта» (*Философов Д. Воздетые руки // За свободу. 1930. 7 нояб.*)

⁶⁸ *Философов Д. Уроки польского восстания // Там же. 29 нояб.*

⁶⁹ В июле 1932 г. сроком на три года.

⁷⁰ *Философов Д. Последняя статья // За свободу. 1932. 3 апр.*

⁷¹ В составе редакции были представители русской литературной группы молодого поколения «Свой угол»: В.В. Брандт, Е.С. Вебер-Хирьякова, С.Л. Войцеховский, Г.Г. Соколов.

⁷² *Философов Д. Редакционная статья // Молва. 1932. № 1.*

⁷³ В октябре 1934 г. творческий союз Философова и Мережковского распался «вследствие непреодолимых противоречий между Парижем и Варшавой» (оценка Философова) (*Меч. 1934. № 19–20. С. 3.*)

⁷⁴ Подробнее см.: *Симонова Т.М. Дмитрий Философов в эмиграции: диалог культур и практика борьбы // Sztuka Europy Wschodniej: Polska — Rosja. Sztuka i Historia = Искусство Восточной Европы: Польша — Россия. Искусство и История / Red. J. Malinowski. Toruń; Warszawa, 2014. Т. 2: Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX–XXI wieku = Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты XX–XXI веков. С. 381–390.*

⁷⁵ *Философов Д. От чего зависит возрождение эмиграции? Доклад 18 марта 1934 г. на собрании «Литературного содружества» // Меч. 1934. № 1–2. С. 3–6.*

на личную жизнь, на личное счастье»⁷⁶. А.Л. Бем сокрушался, что «молодое писательское поколение страдает какой-то дряблостью, отсутствием веры в свою правду, неумением бороться за свои ценности»⁷⁷. Л. Гомолицкий вспоминал, что «Меч» должен был стать «мостом между Варшавой и Парижем» (во главе редакции видели З. Гиппиус), но «Париж» «слабо откликнулся на приглашение», а для русского читателя в Польше «уровень журнала оказался слишком элитарным». Философов передал руководство журналом В.В. Брандту и Г.Г. Соколову, но в каждом номере были его «Письма к неизвестным». После закрытия последнего русского журнала в 1939 г. возникла ежедневная газета с таким же названием, «заурядного вида и содержания», в которой Философов⁷⁸ не участвовал⁷⁹.

Проблема отражения интересов русского национального меньшинства (православного меньшинства) и русской эмиграции в русскоязычной печати в Польше в рассматриваемый период требует дальнейшего изучения. Фрагментарное рассмотрение ключевых аспектов проблемы позволяет сделать, во-первых, вывод о сложной (часто — противоречивой), но тесной взаимосвязи интересов этих групп населения в период до середины 1920-х гг.: русская печать выполняла широкие функции (политическую; социально-организационную; информационно-консультативную; культурную). Во-вторых, газета «Свобода» в финансовом отношении зависела от дотаций из польского военного бюджета и была в связи с этим включена во внешнеполитические программы польского руководства. С середины 1920-х гг. это издание пыталось ставить вопросы о национальной идентификации и правовом положении русского меньшинства, сосредотачиваясь на культурно-информационной тематике. С начала 1930-х гг. преемники «Свободы» — газета «Молва» и журнал «Меч» — переживают сложный период адаптации к процессу авторитаризации власти в стране, с одной стороны, и смены ценностных ориентиров в русском пространстве Польши, в связи со сменой поколений, — с другой.

⁷⁶ Злобин В.А. Тяжелая душа. М., 2004. С. 189.

⁷⁷ Бем А.Л. О прошлом и настоящем // Меч. 1934. № 1–2.

⁷⁸ Д. Философов скончался 5 августа 1940 г. Погребен на кладбище на Воле в Варшаве. Подготовленная им к печати рукопись сборника произведений (статьи, эссе, обзоры) сгорела в период Варшавского восстания.

⁷⁹ См.: Гомолицкий Л. Воспоминания о Дмитрие Философове / Пер. Н. Горбаневской // Новая Польша. 2006. № 9 (78). С. 33.

Т.С. Кутаренкова

Образ СССР на страницах эмигрантской газеты «Возрождение»

Аннотация: В статье анализируется специфика освещения внешней и внутренней политики СССР одним из крупнейших периодических изданий русской эмиграции первой волны во Франции — газетой «Возрождение». Рассмотрены условия работы «Возрождения» в данном направлении, источники информации, идеологические установки редакции, методы создания негативного образа СССР в представлении читателя. Отмечены нюансы редакционной политики в данном вопросе в разные периоды истории издания и влияние «советского вопроса» на взаимоотношения редакции с читательской аудиторией и властями Франции.

Annotation: The article analyses the specifics of highlighting of the politics of the USSR by one of the periodicals of Russian emigration of the first wave in France, the newspaper «Vozrozhdenie». The factors and conditions of the work are considered as well as the sources of information, ideological principals of the editorial staff, the methods used to create the negative image of the USSR for the readers. The nuances of editorial politics in different periods and the influence of the «soviet question» on the relations between the editorial and the readers, the editorial and the French officials are also mentioned.

Ключевые слова: Франция, русская эмиграция, «Возрождение», периодическая печать, журналистика, П.Б. Струве, Ю.Ф. Семенов, СССР, антибольшевизм.

Key words: France, Russian emigration, periodicals, «Vozrozhdenie», journalism, P.B. Struve, J.F. Semyonov, USSR, antibolshevism.

Ни одно эмигрантское издание общественно-политического направления не могло обойти стороной события, происходящие в СССР или как-то связанные с Советской Россией. Жизнь оставленной родины интересовала читательскую аудиторию едва ли не в первую очередь. Разница была лишь в подходах, оценках, прогнозах тех или иных изданий и журналистов. Отношение к Советской власти, внешней и внутренней политике СССР во многом позволяет понять место и роль того или иного издания в системе периодической печати русского зарубежья в 1920–1930-е гг.

Газета «Возрождение» издавалась в Париже с 1925 по 1940 г. Она была основана общественным и политическим деятелем, философом, историком и экономистом П.Б. Струве, ставшим ее первым редактором, и нефтепромышленником А.О. Гукасовым, финансировавшим издание. В 1927 г., в результате конфликта редактора и издателя, Струве покинул свой пост в газете и главным редактором «Возрождения» стал Ю.Ф. Семенов, который редактировал ее до 1940 г., когда издание газеты прекратилось.

В «Возрождении» печатались такие видные деятели культуры русской эмиграции первой волны, как И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, И.Д. Сургучев, А.И. Куприн и др. На страницах этой газеты были развиты и изложены основные положения философских и политических программ И.А. Ильина, С.С. Ольденбурга, В.В. Шульгина и др.

Проект патриотической газеты, которая сможет конкурировать с «Последними новостями», был составной частью политического плана великого князя Николая Николаевича и генерал-лейтенанта А.П. Кутепова, направленного на сплочение эмигрантов для активной борьбы с большевистским режимом¹. Газета была задумана как умеренно-консервативный печатный орган, объединяющий на основе идей Белого движения все активные силы русского зарубежья и противостоящий, по утверждению создателей газеты, «беспринципности либерального крыла эмиграции»².

Своей основной целью «Возрождение» ставило идейную борьбу с большевизмом из-за рубежа и объединение политической эмиграции с этой целью. Поэтому одной из ключевых задач издания стало формирование негативного образа СССР. Можно условно обозначить два направления, по которому шло формирование этого образа: внутривнутриполитическое и внешнеполитическое. Как и многие другие эмигрантские газеты, «Возрождение» стремилось удовлетворить интерес читательской аудитории к событиям на оставленной родине. «Возрождение» не просто давала информацию о жизни советского общества, а пыталось доказать невыносимость и бесчеловечность Советской власти по отношению к своим гражданам. Вместе с тем газета стремилась представить СССР как геополитического агрессора.

Откуда же редакция «Возрождения» получала информацию о жизни в СССР? Ценным источником, особенно в первые годы работы издания, были свидетельства вновь прибывших эмигрантов. Информация из уст очевидцев была наиболее убедительной. «Возрождение» часто публиковало письма из России и статьи лиц, недавно покинувших СССР, в которых рассказывалось о жизни людей под властью большевиков. В 1925 г. было опубликовано несколько статей человека, подписавшегося фамилией «Бусанов», посвященных облику и настроениям интеллигенции, оставшейся в Советской России. В этих статьях говорилось о том, что интеллигенция забита и задушена, «население терроризировано», «часть интеллигенции не только служит у большевиков, но и прислуживается к большевикам», большевики стараются «не допускать “буржуазных” детей ни к какому учению»³.

¹ См.: *Лайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905–1944 / Пер. А. Захарова. М., 2001. Т. 2. С. 463.

² Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: в 2 т. / Под ред. А.Н. Николоюкина. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 64.

³ *Бусанов.* Интеллигенция в Советской России // *Возрождение.* 1925. 20 авг. С. 2–3; *он же.* Жизненная обстановка интеллигенции в Советской России // Там же. 21 авг. С. 2; *он же.* Отцы и дети в советской России // Там же. 22 авг. С. 2

Другим источником выступали французские периодические издания («Юманите», «Ле Фигаро», «Ле Рампар», «Круа» и др.). «Возрождение» часто публиковало материалы французских газет и журналов, а также сообщения французских информагентств, касающиеся отношений Франции и СССР.

29 сентября 1927 г. в «Возрождении» появилась статья «Француз о ГПУ», в которой приводились перепечатанные из французской газеты «Журналь» свидетельства корреспондента Жео Лондона о пребывании в Советской России. Жео Лондон провел журналистское расследование, изучив, как идет борьба ГПУ с контрреволюционными элементами. «Под противниками советской власти вовсе не следует подразумевать только “белых”. ГПУ преследует с той же жестокостью как правых, так и левых»⁴. Далее «Возрождение» приводило свидетельство французского журналиста об одиночных камерах, в которых содержалось по несколько заключенных, а иной раз целая толпа (т.н. «псарни»), где люди спят на голом полу, питаются «только черным хлебом» и «ничтожной порцией супа». «Оправдание — это юридический термин, неизвестный ГПУ»⁵. В номере от 8 ноября 1933 г. была опубликована переведенная статья из французского еженедельника «Кандид», а точнее, письмо в редакцию еженедельника от капитана торгового судна, в котором приводились страшные подробности, касающиеся голода в СССР⁶.

Информация из французских периодических изданий также была ценной для «Возрождения», когда речь шла о внешнеполитических вопросах. В сентябре 1927 г. «Возрождение» опубликовало статью «Франция и советы: статья “Тан”», в которой разбиралась статья французских журналистов о франко-советских отношениях. «Возрождение» особенно подчеркивает следующую мысль, озвученную «Тан»: «Большевики также обманывают русский народ, как обманывают за границу»⁷. В обзоре французской печати в номере от 6 июня 1936 г., в числе прочих, «Возрождение» приводило выдержки из католического печатного органа «Круа»: «Надо неустанно повторять, что забота Москвы о сильной Франции — это временная и ограниченная. Она ежедневно может уступить место обычным тенденциям московской революционной машины»⁸.

Особо важным источником была советская пресса («Правда», «Известия», «Красная газета», «Рабочая газета» и др.). В «Возрождении» существовала иллюстрированная рубрика «Советская Россия», состоявшая из пере-

⁴ Француз о ГПУ // Возрождение. 1927. 29 сент. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ См.: Голод в России: Письмо в «Кандид» капитана торгового флота // Возрождение. 1933. 8 нояб. С. 1.

⁷ Цит. по: Франция и советы: Статья в «Тан» // Возрождение. 1927. 29 сент. С. 1.

⁸ События в Париже // Возрождение. 1936. 6 июня. С. 2.

печатак материалов большевистской прессы. Также новости из жизни на родине попадали в рубрику «Разные известия». На первый план выносились криминальные хроники, происшествия⁹, стихийные бедствия¹⁰, судебные процессы (особенно над интеллигенцией)¹¹ и др.

Образ СССР, с внешнеполитической точки зрения, формировался во многом и благодаря постоянной рубрике, которую вел первый главный редактор, П.Б.Струве, — «Дневник политика». В этой рубрике Струве давал оценки текущим событиям в Советском Союзе и за его пределами, в эмиграции, вел дискуссии с оппонентами. Но главной темой выступлений главного редактора была внешняя политика. Струве постоянно развивал и подчеркивал мысль об опасности, грозящей странам, признавшим Советскую власть и заключившим дипотношения с СССР. В 1927 г. выходит статья Струве «Большевики как мировая опасность», которая по своей сути представляет собой квинтэссенцию антибольшевистской идеологии газеты. Это был оперативный отклик «Возрождения» на заявление американского государственного секретаря Ф. Келлога о «работе, которую большевики ведут против Соединенных Штатов в Америке», в котором Струве видел «добрый признак того, что мысль о мировой опасности большевизма, засевшего в России, становится не отвлеченным тезисом, а вновь, как до окончания мировой войны, делается практической максимой»¹².

Установление связей и разного рода отношений СССР с какой-либо державой означало только враждебное отношение «Возрождения» к этой державе. Этой критике подвергались поочередно все страны, признавшие законным советское правительство и само существование СССР как суверенного государства. Это отличало газету от «Последних новостей» П.Н.Милюкова и «Дней» А.Ф. Керенского, которые, напротив, радовались успешным шагам советской дипломатии. «Возрождение» делало акцент на неудачах советской внешней политики и любых попыток международных объединений в борьбе с большевизмом. Например, очень подробно освещалась деятельность Лиги Обера, созданной в 1924 г. для борьбы с III Интернационалом¹³.

Всех вступающих в борьбу с Коминтерном «Возрождение» считало друзьями России, каждое соглашение с большевиками оно воспринимало как враждебное действие, направленное против своих соотечественников и своей исторической родины. Один из постоянных авторов «Возрождения», С.С.Ольденбург, писал: «Борьба с советской властью не есть борьба с Рос-

⁹ См.: Разгром памятника в Петрограде // *Возрождение*. 1926. 23 мая. С. 2.

¹⁰ См.: В утонувшем Нижнем // *Там же*. 23 мая. С. 3.

¹¹ См.: Бессудные казни в СССР // *Возрождение*. 1927. 8 июня. С. 1; Отклики дела Шалапина // *Там же*. С. 2.

¹² *Струве П.Б.* Большевики как мировая опасность // *Там же*. 16 янв. С. 1.

¹³ См.: *Яковлева Т.А.* Пути возрождения: Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. Иркутск, 1996. С. 148–149.

сией, а, наоборот, борьба со злейшим ее врагом. Борьба с международным злом неминуемо должна вестись в международной плоскости»¹⁴.

Г. Мейер отмечал, что контрреволюционной и антибольшевистской идеологии «Возрождения» не могло поколебать ничто, никакие изменения в мировой политике. По словам Мейера, менялись только его расположения и нерасположения к государствам, в зависимости от их отношений к Советской власти¹⁵.

Именно вопрос о большевизме был одним из главных предметов жесткой полемики «Возрождения» с газетой П.Н.Милюкова «Последние новости». Последняя признавала законность революции и установившейся в ее результате власти. Оставаясь непримиримым врагом большевизма, Милюков со страниц своей газеты убеждал читателя в том, что советская система под воздействием требований жизни будет эволюционировать, изживая коммунистическую идеологию, и к этой эволюции должна приноравливаться тактика эмиграции¹⁶. Такая позиция получила название «новая тактика».

П.Б. Струве и его сторонники были непримиримы. В одном из своих «Дневников политика» Струве заявил: «Мы считали и считаем, что советская власть есть хроническая гражданская война против настоящей России»¹⁷. «Эволюция коммунистической партии, эволюция сифилиса, эволюция туберкулеза — невозможна, — писал Струве в 1925 г., — ... коммунистическая советчина именно потому выросла и окрепла, что подавляющая масса ее противников предавалась оптимистическому квиетизму в какой-то странной уверенности, что большевизм сам падет»¹⁸.

Формированию негативного образа СССР во многом способствовали и карикатуры на страницах «Возрождения». «Товарищ СССР во французском салоне» («Что делать, чтобы этот нахал не клал ноги на стол?», «Гхм... надо убрать стол») — такая карикатура художника Мада (М.А. Дризо) была опубликована в номере от 29 сентября 1927 г.

Даже после перемены главного редактора непримиримое отношение к Советской власти оставалось одной из ведущих идейных линий газеты. Более того, эта позиция «Возрождения» еще более усилилась при редакторе Юлии Семенове. В отличие от либерального консерватора Струве, Семенов придерживался праворадикальных взглядов.

¹⁴ *Ольденбург С.С.* Существо коммунистической власти // *Возрождение*. 1926. 6 апр. С. 1.

¹⁵ См.: *Мейер Г.* Возрождение и «Белая идея» // *У истоков революции*. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 121–242.

¹⁶ См.: *Думова Н.Г.* Судьба Павла Николаевича Милюкова // *Российская научная эмиграция: двадцать портретов* / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 325.

¹⁷ *Струве П.Б.* Отказ П.Н. Милюкова от активной борьбы с большевиками // *Возрождение*. 1925. 5 июля. С.1.

¹⁸ *Струве П.Б.* Положение советской власти // *Возрождение*. 1927. 10 июня. С. 1.

Уже в одной из первых статей в колонке главного редактора Семенов утверждал, что признание безбожной и антинародной власти Политбюро — измена России¹⁹. Эту же мысль подтверждал внешнеполитический обозреватель С.С. Ольденбург в статье «Всегда против Коминтерна!», в которой он писал: «Соблазн советских завоеваний — опасный соблазн. Он заставляет русских сочувствовать своим злейшим врагам. Он вносит смуту в умы — и не в первый раз. вспомните 1920 г. и Тухачевского под Варшавой! Что из этого вышло? вспомните поход Блюхера в Маньчжурию. Что от него осталось, кроме резни русских в Трехречье и продажи за бесценок Восточно-Китайской дороги? Русские не вправе радоваться тому, что красноармейский сапог топчет землю, над которой некогда реял русский трехцветный флаг. СССР и Россия — не одно. Для русских должен оставаться в силе все тот же лозунг: всегда против Коминтерна!»²⁰.

В 1937 г. «Возрождение» опубликовала речь генерал-майора А.В. Туркула, произнесенную им на собрании Русского национального Союза участников войны. «В эволюцию советской власти мы не верим. Сталин такой же палач русского народа, каким был Троцкий или Дзержинский... А так называемые оборонцы, пособники советского палачества, кричат здесь о защите России. ... Они зовут к обороне не России, а советской власти. Но мы, русские солдаты, против советской власти...»²¹.

Крайности непримиримой позиции главного редактора со временем привели к ряду осложнений в отношениях редакции и с читателями, и с другими изданиями, но самое главное — с властями Франции. Премьер-министр Франции Эдуард Эррио, установивший дипломатические отношения с СССР в 1924 г., в 1932 г. подписал договор о ненападении и совершил поездку в СССР. По итогам визита он официально заявил прессе, что в России нет голода, о котором пишут эмигрантские газеты. Заявление вызвало бурю негодования со стороны эмигрантской прессы, и в первую очередь редактора «Возрождения» Ю.Ф. Семенова. Последний срочно опубликовал на страницах газеты критику заявления Эррио. В ответ последовало предупреждение Семенову от французских властей и требование прекратить нападки на СССР во избежание высылки за пределы Франции. С этого момента агенты «Сюртэ Женераль» начали постоянную слежку за редакцией «Возрождения»²².

Информация о скандале попала на страницы мировых изданий. Французские газеты «Юманите» и «Энформасьон» в своих материалах заявляли

¹⁹ См.: Семенов Ю.Ф. Упорный фанатизм // Возрождение. 1928. 12 янв. С. 2.

²⁰ Ольденбург С.С. Всегда против Коминтерна! // Возрождение. 1939. 29 сент. С. 3.

²¹ Туркул А.В. Речь на собрании Российского Национального Союза участников войны 16 июля 1937 года // Возрождение. 1937. 25 июля. С. 1.

²² См.: О «Возрождении» в парижских газетах // Возрождение. 1933. 8 нояб. С. 2.

о том, что антисоветская информация, публикуемая «Возрождением», исходит от гитлеровских кругов, «Ле Кри дю Жур» подозревала Семенова в агентурной работе на Геббельса²⁵.

В том же 1932 г. разгорелся еще один скандал: над газетой нависла угроза разгона, а ее сотрудников чуть было не выслали из Франции. 6 мая 1932 г. выстрелом бывшего белого офицера Павла Горгулова в Париже был убит французский президент Поль Думер. Как известно, Думер не раз высказывал свою благосклонность к советскому правительству. Многие лидеры зарубежья отrekliсь от убийцы. «Возрождение» же в это время было готово пойти на любые домыслы, лишь бы использовать это убийство для осложнения советско-французских отношений. И поэтому Семенов не замедлил сообщить в газете данные, согласно которым Горгулов был чекистом и большевистским агентом. Однако сенсацией редактор не добился ничего. Франция должна была считаться с растущей агрессивностью Германии, и в этой связи происходило постепенное ее сближение с СССР²⁴. После этого конфликта «Возрождение» на некоторое время прекратило публикацию статей откровенно антисоветского характера, хотя власти Франции по-прежнему относились к газете с некоторой опаской. В 1936 г. по ложному обвинению в шпионаже на Германию был арестован сотрудник газеты Н.Н. Алексеев, который был оправдан после 14 месяцев предварительного заключения²⁵.

Семенов и его сотрудники поддерживали идею интервенции и категорично заявляли: большевизм свергнет только вмешательство извне²⁶, хотя предыдущий редактор газеты, П.Б. Струве, предупреждал читателей об опасности «интервенционной истерики», этого «политического призрака»²⁷. Наиболее яростным защитником интервенционистской идеи в «Возрождении» являлся А.А. Салтыков. В статье «О “Трех столицах” В.В. Шульгина» он писал, что только вооруженная интервенция сможет спасти Россию²⁸. П.П. Муратов считал, что единственное спасение России — в Гитлере. «Вам не нравится Гитлер? — спрашивал он в своей рубрике «Каждый день». — Тоже, скажете, варвар? Но Гитлер — противоядие. В Гитлере спасение всей Европы, тем хуже для французов и англичан, что не сумели вовремя справиться с большевизмом»²⁹.

²⁵ О «Возрождении» в парижских газетах // Возрождение. 1933. 8 нояб. С. 2.

²⁴ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 177.

²⁵ См.: Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 270.

²⁶ См.: Рысс П. Не спора ради // Возрождение. 1930. 17 июля. С. 2.

²⁷ Струве П.Б. Между интервенционной истерикой и противointервенционным доношением // Возрождение. 1925. 11 нояб. С. 1.

²⁸ См.: Салтыков А.А. О «Трех столицах» В.В. Шульгина // Возрождение. 1927. 22 сент. С. 1.

²⁹ Яковлева Т.А. Указ. соч. С. 155.

Симпатии к Муссолини и Гитлеру и интервенционистские настроения сотрудников «Возрождения» вскоре начали вызывать недовольство французской общественности. Лишь к 1938 г. Семенов прозрел, и «Возрождение» начало характеризовать Гитлера «злейшим врагом России и русского народа»³⁰.

Газета «Возрождение» стала органом наиболее непримиримых и активных борцов с большевизмом среди русских эмигрантов. В этой связи стоит напомнить о том, что именно по инициативе редакции «Возрождения» в 1926 г. был созван Российский Зарубежный съезд, поставивший своей целью объединить умы эмиграции, вне зависимости от партийных и идейных принадлежностей, в борьбе за освобождение России от большевиков. Она фактически возглавила информационную кампанию против Советской власти из-за рубежа. Специфика работы этой газеты заключалась в том, что события освещались через призму этой непримиримости. И этим же принципом журналисты газеты руководствовались при отборе информационных поводов. Политика газеты была направлена на создание исключительно негативного образа Советской власти, для чего был задействован широкий спектр источников информации, различные формы и инструменты журналистского творчества.

³⁰ Яковлева Т.А. Указ. соч. С. 147.

В.Ю. Волошина

Газета «Огни» как источник изучения истории научного сообщества зарубежья

Аннотация: Статья посвящена еженедельной газете культуры, науки и искусства «Огни», выходившей в Праге в 1924 году в издательстве «Пламя». По мнению автора, значение этой газеты как источника для изучения истории научного сообщества русского зарубежья недооценено, поскольку большинством исследователей она считается рекламным изданием. Между тем на ее страницах представлены разнообразные материалы о деятельности научного сообщества и отдельных ученых.

Annotation: The article is devoted to the weekly newspaper of culture, science and art «Ogni» (=«Lights»), issued by publishing house «Plamya» (=«Flame»; Prague, 1924). To author's opinion, the value of this newspaper as a source of studying a history of Russian abroad scholar community is underestimated, since the majority of researchers considered the newspaper as an advertising one. Meanwhile there are a lot of information dealing with scholar community and particular scholars.

Ключевые слова: издательское дело, русское зарубежье, газета «Огни», научное сообщество, ученые-эмигранты.

Key words: publishing, Russian abroad, newspaper «Ogni» (=«Lights»), scholar community, émigré scholars.

Периодическая печать составляет отдельную и очень важную группу источников для изучения истории эмигрантского научного сообщества. В зарубежье она служила не только самым массовым и привычным средством информации, но и важнейшим инструментом структурирования общественного мнения диаспоры, оказывающим на последнюю колоссальное идеологическое воздействие. Как правило, исследователи научного зарубежья, кроме специализированных изданий различных научных институций (научные труды, ученые записки, известия и т.п.), довольно часто используют материалы эмигрантской периодической печати, и прежде всего таких газет, как «Последние новости» (Париж), «Возрождение» (Париж), «Дни» (Берлин, Париж), «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига), журналов «Современные записки» (Париж) и др. На страницах этих изданий, наряду с разнообразной информацией о жизни диаспоры в целом, о международном положении и ситуации в советской России, довольно регулярно печатались статьи ученых, помещалась информация о жизни научного сообщества, о его культурно-просветительской деятельности.

Вместе с тем в эмиграции существовала, правда недолго, специализированная еженедельная газета культуры, науки и искусства «Огни». При

изучении истории научного зарубежья материалы этой газеты привлекаются отечественными исследователями достаточно редко. Возможно, это происходит от того, что долгое время сама газета являлась библиографической редкостью. Полностью подшивка сохранилась в Славянской библиотеке (Прага), в российских библиотеках она представлена фрагментарно. Недавно национальная библиотека Чешской республики в рамках проекта «Kramerius» оцифровала всю имеющуюся у них подшивку издания и разместила ее в Интернете. Но дело здесь не только в отсутствии этой газеты в российских библиотеках. Мне думается, что ее роль как важнейшего источника недооценена. Даже в «Литературной энциклопедии русского зарубежья» ничего не сказано о роли газеты в освещении жизни научного сообщества. В соответствующей статье говорится лишь о литературных материалах, помещенных на страницах этого издания. При этом отмечается, что, помимо «высоких» целей пропаганды и распространения русской культуры, создатели «Огней» преследовали и чисто утилитарные: «Газета создавалась при издательстве “Пламя” и во многом выполняла “рекламные” функции, знакомя читателей с книжными новинками, публикуя рецензии на только что вышедшие книги, небольшие фрагменты из рукописей, готовящихся к публикации»¹. Безусловно, нельзя отрицать вполне понятные и утилитарные цели издательства «Пламя», но анализ содержания газеты позволяет утверждать, что это было не вполне обычное рекламное издание, в нем рекламировалась российская культура. Банальных рекламных объявлений частных клиник, транспортных, парфюмерных, банковских и прочих компаний в нем было не больше, чем в других эмигрантских газетах. Материалы о жизни научного сообщества занимали здесь достойное место.

Газета «Огни» издавалась в Праге издательством «Пламя» с января по июнь 1924 года. Вышло 22 номера. Издателем и ответственным редактором ее был Ф.В. Рихтер, являвшийся одновременно директором типографии «Легиография» и членом правлений издательства «Пламя» и Легионбанка. Именно последний выделил кредит и помог купить помещение для типографии издательства «Пламя». Сотрудник издательства М.Л. Слоним, говоря об открытии русского отдела в чешской типографии «Легиография», на базе которой впоследствии печатались «Огни», признавал, что Ф. Рихтер «все для нас делает и о “Пламени” весьма заботится»².

Редакционную политику в значительной мере определял Е.А. Ляцкий, известный этнограф, литературный критик и историк литературы, про-

¹ Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: в 2 т. / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 287.

² Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 75.

фессор и заведующий кафедрой русского языка и литературы Карлова университета. Еще в дореволюционной России он приобрел богатый опыт сотрудничества в академической периодике, а также в журналах «Русская старина», «Вестник Европы», «Современный мир» и др. Ляцкий придерживался умеренно-либеральных взглядов, был известен как последователь культурно-исторической школы в русском литературоведении. В 1917 году Ляцкий уехал из России в Финляндию, и после обретения последней независимости в Россию не вернулся. В 1920 году в Стокгольме он организовал издательство «Северные огни», задачей которого стало издание русской классики. В 1922 году Ляцкий переехал в Прагу и через год возглавил русско-чешское издательство «Пламя» (1923–1926). Характеризуя задачи издательства «Пламя», Ляцкий писал, что оно «посвящает себя только запросам литературным, научным и художественным, тщательно избегая всего, что наложило бы на него печать партийных или политических целей... частные партийные или узко политические цели не должны иметь место в предприятии, которое задается величайшей задачей — спасти русскую культуру в области научных и художественных достижений и, постепенно, объединяя их с культурной работой всего Славянского мира»³.

Наряду с русскими и чешскими писателями и общественными деятелями в газете «Огни» активно сотрудничали такие известные представители эмигрантского научного сообщества, как профессора В.В. Водовозов, С.И. Гессен, С.В. Завадский, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, М.А. Циммерман, а также К.Р. Кочаровский, В.А. Розенберг, М.Л. Слоним, В.Н. Тукалевский и др. В состав редакционной коллегии входил известный чешский филолог, профессор Карлова университета Йиржи (Юрий Иванович) Поливка, председатель общества чешско-русского единения «Еднота» (1919–1928) и Комитета русской книги (1923–1925).

Газета выходила по понедельникам, как правило, на шести страницах, на каждой из которых было по четыре колонки. Некоторые номера имели по 8 страниц. Газета распространялась через склады и книжные магазины издательства «Пламя» в Праге, Мукачево, Брно, Пряшеве, Ужгороде, Братиславе, Берлине, Варшаве, Белграде, Ковно, Ревеле, Гельсингфорсе и в Харбине⁴. На территории Чехословакии ее экземпляр стоил достаточно дешево: 1 чешская крона, подписная цена составляла 3,5 кроны в месяц. Оплата принималась в любой валюте из расчета 1 крона — 1,34 американ-

³ Цит по: Издательства и издательские организации русской эмиграции, 1917–2003 г.: Энциклопедический справочник. СПб., 2005. С. 211.

⁴ См.: Проект докладной записки Е.А. Ляцкого МИД ЧСР министру иностранных дел Э. Бенешу относительно результатов деятельности издательства «Пламя» // Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 80.

ских доллара. К сожалению, мне не удалось найти данные о тираже этого издания.

С самого начала редакторский коллектив отказывался от задач освещения политических событий, перенеся акценты на культурную и литературную жизнь диаспоры. В первом номере газеты редакция заявила, что будет «стремиться отражать культурную жизнь вообще и главным образом славянских народов. В частности, будет уделено особое внимание вопросам чешско-русских взаимоотношений»⁵. Здесь же были помещены две редакционные статьи («Славянство и Запад» и «Россия»), в которых разъяснялись и конкретизировались задачи нового издания. В первой статье отмечалось, что славянская культура для Запада всегда была неразгаданным сфинксом. Она виделась Западу как «особый своеобразный мир с иным строем чувствований и восприятий, с исканиями, порывами и нравственными метаниями, которые трудно уложить в привычные рамки оценок и суждений»⁶. Мировая война изменила мир. Она создала условия для преодоления извечной отчужденности западноевропейского и славянского миров и продемонстрировала опасность как пангерманизма, так и панславизма. «Человечество, прошедшее через огненное испытание войны, — подчеркивалось в статье, — ...разумом и инстинктом рвется к иным, более широким и свободным формам объединения»⁷. В результате геополитических изменений, происшедших в Европе после войны, исчезли «разорванность и порабощение славянства». Последнее «предстало перед миром освобожденное от оков, как самостоятельная действенная сила на арене истории». Признавая, что Запад всегда был «хранилищем великих культурных ценностей, очагом современной цивилизации», автор редакционной статьи подчеркивал, что и славянской культуре есть что показать и она может внести свой достойный вклад в мировую культуру. В связи с этим в статье перед деятелями славянской культуры ставилась двуединая задача: с одной стороны, пропаганда на Западе достижений славянской культуры, с другой — дальнейшее сохранение и развитие последней.

Вторая из названных статей конкретизировала общеславянские задачи применительно к России, одновременно объясняя смысл названия нового издания. В статье отмечалось, что народы России, несмотря на колоссальные революционные потрясения, смогли сохранить основы своей духовной жизни и быта. «Там, на бесконечных пространствах нашей родины, и здесь — на чужбине снова виднеются светящиеся огни — культуры»⁸. В ста-

⁵ Огни (Прага). 1924. 7 янв.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ть подчеркивалось, что только на ее основе, повсеместно поддерживая эти огни, возможно сохранение национальной идентичности и исторической памяти диаспоры. «Историк отметит эту особую черту русской эмиграции, которая в лице своей интеллигенции, оказавшейся за рубежом, подняла факелы культуры и науки выше взаимной политической борьбы»⁹. Нельзя не заметить, что задачи, поставленные редакционной коллегией перед новым изданием, в значительной мере совпадали с задачами эмигрантского научного сообщества, намеченными съездами Союза русских академических организаций за границей¹⁰. Интеллигенция зарубежья в целом и научное сообщество в частности должны были стать своего рода «мозговым центром» и организатором культурно-просветительной работы, ставшей одной из форм борьбы за выживание вдали от родины.

На первой странице газеты, как правило, помещались редакционные статьи, посвященные актуальным проблемам сохранения культуры славянских народов и интеграции ее в общемировую культуру. Таковы, например, статьи «Судьбы Европы» (14 января), «Культурное единение» (18 февраля), «Судьбы интеллигенции» (3 марта), «Стихия разрушения» (24 марта), «Славянство и человечество» (14 апреля), «Цивилизация и культура» (12 мая), «Положение европейской интеллигенции» (19 и 26 мая) и др. Иногда автором редакционных статей был Е.А. Ляцкий, здесь он выступал не только как редактор газеты, но и как публицист. Так, в статье «Молодежь в эмиграции» (11, 18 февраля) он размышлял о положении русских студентов и о перспективах получения ими образования в Чехословакии, обращая при этом внимание на то, что подавляющая часть студенчества явилась в эту страну «уже надломленной ужасами гражданской войны и голодного скитания». Но если отвлечься «от внешней серой картины» и посмотреть, как тянется к знаниям молодежь, то, по Ляцкому, можно оптимистически смотреть в будущее. Он обращал внимание на то, что «нет ни одного крупного академического явления, где бы студенты не приняли самого активного участия. Нет ни одной публичной лекции, которая бы не привлекла бы десятки и сотни представителей учащейся молодежи, и без того заваленной обязательными занятиями»¹¹. Отвечая на сетования некоторых профессоров о падении нравов и отсутствии интереса студентов к гуманитарным наукам, Ляцкий писал, что не вина студентов в том, что «хороший машинист оказался для обывателя нужнее гениального философа. Покойный Ключевский сказал однажды о Петре Великом удивительно меткое слово:

⁹ Огни (Прага). 1924. 7 янв.

¹⁰ См.: Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013. С. 165, 175, 205.

¹¹ Ляцкий Е.А. Молодежь в эмиграции // Огни. 1924. 11 февр.

“С машинами он (Петр) обращался так бережно, как не мешало бы ему общаться с людьми, а с людьми обходился так сурово, как можно только общаться с бездушными машинами”. Вот и теперь наступила пора ремесла, а не искусства, пора машин, фабрик, всякого рода техники и механики. Немудрено, что около машин создалась и своя атмосфера и что всяческие Петры малые (за отсутствием великого) льют в человеческую душу не елей любви и мира, не бальзам надежды, а некое машинное масло, состряпанное из всякой дряни»¹².

На первой странице регулярно помещалась иностранная хроника прошедшей недели, давался обзор, а иногда и оценка основных событий в России. Иногда здесь печатались объявления о продаже издательствами «Пламя» и «Северные огни» тех или иных книг.

На второй странице обычно печатались публицистические очерки, фрагменты рукописей и книг, принятых к публикации издательством «Пламя». Поскольку тематический диапазон издательства был достаточно широк, то среди авторов здесь были не только поэты и писатели, но и ученые, представляющие различные области знания, что позволяет составить представление о направлениях исследований авторов. Как правило, их публикации приурочивались к тем или иным историческим датам. Так, в связи со 125-ю годовщиной со дня рождения А.С. Пушкина была опубликована статья профессора Е.Ф. Шмурло «Несколько слов о Пушкине», в которой он подчеркивал роль творческого наследия поэта в русской культуре в целом и в культуре зарубежья в частности. «В нашем нынешнем положении Пушкин — одна из тех нравственных точек опоры, за которые цепляешься особенно нервно и благодарственно уже по одному тому, что таких точек опоры в жизни вообще не особенно много, потому что они дают нам право еще гордо держать свою голову и говорить: “как ни тяжелы наши утраты, но самое ценное, наша Святая Святых — оно еще не тронута, еще с нами и нас не покинуло”. Народ, создавший Пушкина, ...может ли он не иметь великой будущности»¹³. С 1925 года эти мысли ученого стали лейтмотивом проведения ежегодного общеэмигрантского праздника День русской культуры, который отмечался в день рождения поэта.

Известно, что одной из самых распространенных форм научного творчества ученых в эмиграции было рецензирование статей и монографий. Это давало возможность презентации собственных взглядов по той или иной проблеме, позволяя ученому быть в курсе научных интересов коллег. Практически ни один номер газеты не обходился без разделов «Отзывы о книгах» и «Книги и писатели», которые располагались на 3, 4 и 5-й страни-

¹² Огни. 1924. 18 февр.

¹³ Шмурло. Е.Ф. Несколько слов о Пушкине // Там же. 26 мая.

цах. Можно согласиться с мнением современного исследователя издательского дела зарубежья П.Н. Базанова, который классифицирует газету «Огни» как библиографическое издание¹⁴. Постоянными авторами здесь были ученые. В основном они выступали с рецензиями на книги, выпущенные в издательстве «Пламя». Так, очень интересна рецензия А.А. Кизеветтера на книгу бывшего редактора «Русских ведомостей» В.А. Розенберга «Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета “Русские ведомости” 1863-1918 гг.». По мнению рецензента, «история “Русских ведомостей” составила поистине блестящую страницу в ходе нашей общественной культуры за вторую половину минувшего столетия и за первые два десятилетия XX века. ... “Русские ведомости”, не в пример распространенным в русском обществе нравам, твердо стояли на страже того основного положения политической культуры, что иметь собственное *credo* вовсе не значит стремиться перервать глотку у всякого думающего иначе»¹⁵. Известно, что характерной чертой жизни научного зарубежья в 1920-е годы была тесная интеллектуальная связь ученых-эмигрантов с коллегами, оставшимися в России. Эмигранты по-прежнему причисляли себя к единому российскому научному пространству и пристально следили за научными публикациями, выходящими как на родине, так и в зарубежье. Подтверждение этому мы находим и на страницах газеты «Огни». Так, тот же А.А. Кизеветтер опубликовал в «Огнях» свой отзыв на монографию С.Ф. Платонова «Смутное время», напечатанную издательством «Пламя» в Праге в 1924 году. Высоко оценивая вклад Платонова в изучение истории Смуты, он писал: «Для сведущих людей совершенно ясно, что эта схема борьбы общественных классов, последовательно выступивших на арену за время Смуты, целиком была уже установлена Ключевским в его знаменитом курсе русской истории. Но С.Ф. Платонов, усвоив эту схему, облек ее в плоть и кровь детально обследованных фактов и дал на ее основе всесторонне освещенную картину всех перипетий этого сложного момента нашей истории. Он выполнил эту задачу с таким знанием дела, что за ним по праву утвердилась репутация лучшего знатока этой эпохи»¹⁶.

Разнообразная информация о жизни научного сообщества содержалась в постоянном разделе «Академическая жизнь». Как правило, он размещался на 3-й или 4-й странице. Здесь, наряду с информацией о работе научных институций (Русский институт в Праге, Институт коммерческих знаний, Русский народный университет, Русский заграничный исторический архив,

¹⁴ См.: Издательства и издательские организации русской эмиграции... С. 210.

¹⁵ Кизеветтер А.А. Биография «Русских ведомостей» // Огни. 1924. 19 мая.

¹⁶ Кизеветтер А.А. Смутное время: Академик С.Ф. Платонов. Издательство «Пламя». Прага, 1924. 244 с. // Там же. 25 февр.

общество химиков и др.), давалось краткое содержание лекций, с которыми выступали ученые, помещались обзоры научных публикаций и т.п. На страницах газеты освещалась подготовка III съезда Союза русских академических организаций за границей, который прошел в Праге осенью 1924 года¹⁷. К сожалению, материалы этого съезда в дальнейшем не были опубликованы и сохранились лишь фрагментарно в отдельных фондах Пражской коллекции ГАРФ. Это обстоятельство придает большую ценность любой информации об этом съезде научного сообщества. Уникальна информация о подготовке I съезда славянских географов и этнографов¹⁸.

К сожалению, единственная в зарубежье специализированная газета культуры науки, искусства и литературы просуществовала всего полгода. 16 июня 1924 года редакция сообщала подписчикам, что издание как еженедельная газета прекращает свое существование и с начала июля станет выходить в виде периодических тематических сборников «Огни». Редакция подчеркивала, что не намерена вносить существенные изменения в программу нынешнего издания, речь могла идти лишь о том, чтобы «расширить и углубить те вопросы литературной, научной и культурной жизни, которые ставились ею в пределах газетных столбцов»¹⁹. Причины этого решения, возможно, кроются в финансовых проблемах, которые стояли перед издательством. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся проект докладной записки Е.А. Ляцкого на имя министра иностранных дел Чехословакии Э.Бенеша, в которой говорилось, что, хотя «критика общая и специальная признала за издательством “Пламя” значение весьма крупного и оригинального явления славянской книжной жизни», «издательство не располагает средствами для напечатания и литературной оплаты тех рукописей, кои условно приобретены им»²⁰.

Изучая содержание газеты «Огни» можно сказать, что ее редакторскому коллективу удалось «отражать умственную работу русских ученых и культурных деятелей, оказавшихся за пределами своей родины, в особенности тех из них, работа которых протекает в славянской Праге»²¹. Разнообразные материалы об интеллектуальной и духовной жизни ученых-эмигрантов делают ее полноценным источником изучения истории научного сообщества зарубежья.

¹⁷ См.: Огни. 1924. 29 янв.

¹⁸ См.: Там же. 19 мая.

¹⁹ Там же. 16 июня.

²⁰ Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 80–81.

²¹ Огни. 1924. 16 июня.

Н.А. Родионова

Альманах «Трибуна» как источник для изучения истории Русской академической группы в Париже в 1920-е гг.

Аннотация: Статья посвящена изданию профессором права А.М. Горовцевым политического еженедельника «Трибуна» в 1921–1922 гг. (Париж), освещавшим актуальные политические события в России и за рубежом. В 1926 г. издание было возобновлено под тем же названием в виде альманаха, основное содержание которого составили материалы, связанные с исключением А.М. Горовцева из Русской академической группы в Париже.

Annotation: The article is dedicated to a history of publication of political weekly «Tribuna» (=«Tribune»; Paris, 1922) by professor of law A.M. Gorovtsev. «Tribune» informed readers about current political events in Russia and abroad. In 1926 «Tribune» was re-established as an almanac fully devoted to a conflict in Russian academic group in Paris dealing with the expelling of A.M. Gorovtsev.

Ключевые слова: А.М. Горовцев, послереволюционная эмиграция, Русская академическая группа в Париже, издательская деятельность, «Трибуна».

Key words: A.M. Gorovtsev, post-revolutionary emigration, Russian academic group in Paris, publishing activity, «Tribuna» (=«Tribune»).

Издательская деятельность русского зарубежья до сих пор является одной из самых малоизученных тем в истории послереволюционной эмиграции. Пробел в этой области эмигрантоведения отчасти восполняет фундаментальная монография П.Н. Базанова, посвященная издательской деятельности политических партий русской эмиграции¹. Что касается отдельных представителей русского эмигрантского сообщества, пытавшихся, заняв эту нишу, выжить в трудных условиях беженского существования и включиться в политическую жизнь эмиграции, то это — terra incognita. Именно таким издателем был Александр Михайлович Горовцев, человек разносторонних дарований, магистр права, профессор, внесший значительный вклад в науку международного права. Личность А.М. Горовцева несколько таинственна: несмотря на то, что он был в центре скандала, разразившегося в Русской академической группе в Париже (РАГ), имя его редко упоминается в эмигрантской переписке или в прессе, словно под-вергнуто заговору молчания. Его деятельность в эмиграции не привлекала внимания эмигрантоведов, встречаются лишь отдельные упоминания², в

¹ См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008.

² См.: Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: Проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. С. 67.

то время как издаваемый им альманах «Трибуна» — вполне информативный источник о повседневной жизни Русской академической группы в Париже в 20-е гг. XX в.

Александр Михайлович Горовцев (1878–1933) происходил из мещан, крещеный еврей. По окончании гимназии с золотой медалью в 1895 г. поступил в Санкт-Петербургский университет. В личном деле он фигурирует как Александр Моисеевич Горовиц (он же Горовцев). В 1900 г. он окончил одновременно два факультета Санкт-Петербургского университета: юридический и восточный, оба с дипломами первой степени, и был оставлен по кафедре международного права юридического факультета для подготовки к профессорскому званию. Его конкурсные сочинения были удостоены медалей: по административному праву, «Трудовая помощь, как средство призрения бедных», и по международному праву, «Кодификация законов и обычаев войны». Обе работы были опубликованы. В этом же году поступил на службу в Министерство иностранных дел в качестве юрисконсульта и был на несколько лет командирован на Дальний Восток, где служил в Харбине, в Маньчжурии, а затем, во время войны с Японией, управлял японским отделом департамента МИД и был командирован для связи с осажденным Порт-Артуром в консульство в Чифу, принимал участие в работе официальной делегации по заключению мира в Портсмуте с Японией, после чего вернулся в Санкт-Петербург, где продолжил службу в МИД в качестве юрисконсульта. Успешно сдав магистрантские экзамены в 1911 г., он преподавал на кафедре международного права Санкт-Петербургского университета в качестве приват-доцента с 1912 г. по сентябрь 1918 г. В 1917 г. опубликовал книгу «Некоторые основные спорные вопросы учения о праве, в связи с международным правом», которая предполагалась к защите как магистерская диссертация, оставшаяся незащищенной «ввиду наступившей после октябрьского переворота общей разлаженности академической жизни и последовавшей вскоре отмены ученых степеней»³.

После Октябрьской революции А.М. Горовцев был приват-доцентом, а затем профессором юридических факультетов Пермского, Томского и Иркутского университетов, последовательно переезжая из одного сибирского города в другой вслед за отступающими колчаковскими войсками. После занятия Иркутска советскими войсками он вернулся в Европейскую Россию и с осени 1920 г. стал читать лекции по международному праву в Киеве в Институте народного хозяйства. При советской власти он издал несколько работ, в том числе «Курс междугосударственного (международного) права»

³ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 327. Подробнее об А.М. Горовцеве см.: *Родионова Н.А.* Профессор А.М. Горовцев в Париже: судьба изгнанника // Русское научное наследие за рубежами России: материалы науч. конф., 24–25 окт. 2013 г. / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2013. С. 15–26.

(Иркутск, 1920. Вып. 1: Введение и общая часть). В марте 1921 г. А.М. Горюцев эмигрировал сначала в Румынию, затем во Францию, где опубликовал на французском языке серию трудов по международному праву. В эмиграции в Париже в 1921 г. он продолжил издательскую деятельность, начатую еще в 1915 г. в Петрограде, когда под псевдонимом Сергей Рунин издавал журнал фельетонов «Отклики», в котором публиковал речи депутатов Государственной думы, в том числе и знаменитую речь своего главного врага в эмиграции П.Н. Милюкова против кабинета Б.В. Штюрмера. В 1916–1917 гг. под редакцией Горюцева вышло почти два десятка выпусков сборника «Трибуна: Всеобщая библиотека. Избранные парламентские речи, политические фельетоны, статьи и проч.». В 1917 г. он недолго выпускал еженедельную политическую газету под одноименным названием.

Горюцев страстно мечтал с «того, российского, берега», глядя на этот, эмигрантский, о дружной борьбе, которая должна кипеть в среде русской эмиграции «против безумцев, разрушающих родину. На фронте этой борьбы нет и не может быть внутренних раздоров и несогласий», полагал он. Однако эмиграция была раздираема распрями, взаимными обвинениями, бесплодными попытками найти виновного в том, что произошло с Россией и с ними. Попытавшись сотрудничать в эмигрантских изданиях «Последние новости», «Воля России», «Общее дело», он убедился в их ангажированности, предвзятости, узкопартийной направленности: «Писать в той или иной газете можно, только будучи рабом мысли ее редактора»⁴. Стремление к свободному независимому выражению своей позиции подвигло его к изданию альманаха «Трибуна». Альманах Горюцев издавал на собственные средства. Целью альманаха, который Горюцев начал издавать в Париже, и в этом он видел свой гражданский долг, было «отдать свой отчет в том, что я увидел на “этом” берегу» [т.е. в эмиграции. — *Н.Р.*], «мятущимся на этом берегу в тисках страданий за гибнущую Россию», равно как и тем, кто «остался на том берегу, в тисках мучений советского кошмара»⁵. Им он посвящал «свои первые свободные строки».

Страницы альманаха он использовал как трибуну для выражения своих политических взглядов и отношения к происходящему в академической среде в Париже. В 1921–1922 гг. Горюцев выпустил несколько еженедельных восьмистраничных номеров с откликами на актуальные политические события в России и за рубежом. Цена одного номера составляла 15 сантимов. В 1922 г. А.М. Горюцев был исключен из РАГ. Целых 4 года он отказывал себе в самом необходимом, часто не обедая по несколько дней, чтобы,

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 327.

⁵ [Горюцев А.М.]. «Как хороши, как свежи были розы»... (Вместо предисловия) // Трибуна. 1926. Вып. 1 (XV). С. 3.

откладывая по 5–10 франков, собрать необходимые 1000 франков для издания альманаха «Трибуна», в котором, наряду с откликами на важнейшие политические события в России и за рубежом, он информировал читателей о том, что его волновало больше всего — ситуация, сложившаяся в Русской академической группе в Париже и его исключение из РАГ.

В 1926 г. вышло 3 выпуска альманаха⁶; каждый полноформатный выпуск (64 страницы) предварялся информационным листком с аннотациями публикуемых материалов. Полноформатные выпуски стоили от 2,5 до 3,5 франка. Печатался альманах в типографии общества «Presse» в Берлине, позже — в типографии «Франко-Русской печати». Распространялся в розницу и по подписке. Цена подписки на 6 месяцев 1926 г. составляла 12 франков. Но в 1926 г. вышло лишь три выпуска. В этом же году, объединив три выпуска под одной обложкой с сохранением пагинации, Горовцев издал отдельную брошюру под заглавием «Трибуна»⁷.

Горовцев полагал, что для возвращения в Россию необходимо «заслужить и сохранить симпатии и уважение к эмигрантам и России, и Европы, без которой не спастись ни нам, ни России». Он считал своим долгом на страницах журнала не только «осыпать проклятиями большевиков», что он и делал, но и бороться за чистоту своих рядов, потому что «вернейшая в нее [Россию. — *Н.Р.*] дорога ведет путями моральной чистоты, подъема, самоотвержения»⁸.

Проклятье вам, предатели свободы!
Проклятье вам за все ваши грехи.
Его пошлют и наш, и все народы,
Рабочий от станка и пахарь от сохи.
Проклятье вам за то, что соблазнили
Вы малых сих соблазном громких слов
И смертным разрушением казнили
Страну, где так силен был жизни зов⁹.

Борясь за чистоту рядов, Горовцев не оставлял без внимания и тех, кто находился с ним на одном берегу. Пародируя «Собрание насекомых» А.С. Пушкина (по мотивам басни И.А. Крылова), он написал свое «Собрание насекомых».

⁶ См.: Трибуна = La Tribune. 1926. Вып. 1 (XV): «С этого берега»; Вып. 2 (XVI): «Скрепя вех»; Вып. 3 (XVII): «Сим не победишь»: О том, как меня исключили из Русской академической группы в Париже: Общественная сторона одного «личного» дела».

⁷ См.: Горовцев А.М. «Трибуна»: Воспоминания о настоящем. [Paris, 1926].

⁸ [Горовцев А.М.]. «Как хороши, как свежи были розы»... (Вместо предисловия) // Трибуна. 1926. Вып. 1 (XV). С. 4.

⁹ [Горовцев А.М.]. Большевикам // Там же. С. 6.

МОЕ СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Мое собрание насекомых
 Полно имен, всем вам знакомых:
 Все та же прежняя семья! Их знаете и вы, и я.
 Все вечно та же сортировка.
 Вот Львов — не Божья ль он коровка?
 Вот Бурцев — свой свершивший круг,
 Вот Милюков — всех тактик друг,
 Керенский — громкая букашка,
 Чернов — «селянская» мурашка.
 Куда их столько собралось!
 Теперь уж за стеклом. В Европе
 «Вожди», разбитые насквозь,
 Они «ведут»... Но как? Хоть брось!...¹⁰

Горовцев совмещал функции издателя, редактора и единственного автора своего журнала. Он писал публицистические статьи, откликаясь на актуальные политические события в России и за рубежом, стихотворения, пародии, эпиграммы, делился с читателями своими переживаниями по поводу исключения его из РАГ, пытаясь доказать несправедливость этого деяния, и использовал издаваемый им альманах, чтобы привлечь внимание к ситуации в академическом сообществе в Париже и показать истинное лицо виновных в его исключении.

Многожанровая деятельность Александра Михайловича, с одной стороны, показатель одаренности клокочущего энергией 44-летнего профессора, с другой — свидетельство его одиночества, покинутости в изгнании. Горовцев был женат на аристократке Софии Степановне Соллогуб, однако брак распался еще до эмиграции, и хотя бывшие супруги вместе оказались в Париже, но отношений не поддерживали, что болезненно переживалось Горовцевым.

Первые выпуски «Трибуны» за 1926 г. наряду с ситуацией в академической группе в Париже освещали актуальные политические события, третий же выпуск — был полностью посвящен истории исключения Горовцева из РАГ и роли отдельных членов русского академического эмигрантского общества в этих событиях.

В ответ на призыв Е.Д. Кусковой, Ю.В. Ключникова и Н.В. Устрялова «засыпать ров гражданской войны» и возвращаться на родину, он вспомнил свое бегство из Советской России. Причиной его решения покинуть страну были не преследования со стороны нового режима, а ощущение несвободы: «Можно ли “жить” в гробу, когда уже слышишь, как заколачиваются вбивае-

¹⁰ Демьян Небогатый [Горовцев А.М.]. Собрание насекомых // Там же. С. 60.

мые в него гвозди, и нет сил, нет дыхания, чтобы хотя бы только крикнуть»¹¹. Факт его бегства с опасностью смерти на каждом шагу мог бы послужить для сомневающихся ответом на вопрос, стоит ли возвращаться «в ту Россию», убеждал читателя Горовцев и утверждал, что путь на родину возможен только после падения режима большевиков.

В ряду многочисленных сочувственных откликов в связи с покушением на П.Н. Милюкова реакция Горовцева прозвучала диссонансом и вызвала возмущение эмигрантского сообщества. Выразив сочувствие Милюкову и квалифицировав покушение как преступление, Горовцев тем не менее оправдывал стрелявших монархистов, вынужденных прибегнуть к крайней мере из-за невозможности добиться гласного суда над экс-министром иностранных дел Временного правительства, повинного в гибели царской семьи: Милюкова обвиняли в отказе дать разрешение на отъезд царской семьи к родственникам в Великобританию. Горовцев осмелился выступить против всесильного Милюкова, заявив, что следует «перестать смотреть на Милюкова как на икону, на которую можно только молиться»¹², и настаивал на вынесении судебного решения по его деятельности на посту министра иностранных дел Временного правительства.

Милюков стал объектом обвинений Горовцева в его отклике на статью «Кто виноват в революции», опубликованную в газете «Последние новости». Главными виновниками российской трагедии, по мнению Милюкова, были те деятели старого режима, которые годами и десятилетиями, почти столетиями накапливали для Ленина и Троцкого порох «социальной революции в темном погребке невежества и бесправия русских народных масс», однако Горовцев в число виновников в расшатывании престола включает и «халифов на час» — Милюкова, Гучкова и Родзянко¹³.

П.Н. Милюков неоднократно становился объектом публицистического заряда Горовцева. Он верил, что «слово — не только высший дар от Бога человеку. Прямое, открытое, мужественное слово — это также и самое сильное, самое мужественное оружие, которое, раньше или позже, всегда одолевает ложь и лицемерие»¹⁴, с которыми он столкнулся в РАГ.

Без сомнения, юрист Горовцев полагал, что «политика как способ коллективного существования человека, есть форма цивилизационного общения людей на основе права» (как формулируют современные правоведы)¹⁵,

¹¹ А.Г. [Горовцев А.М.]. «Возвращение в Россию» // Там же. С. 50.

¹² Горовцев А.М. Отклики (К покушению на П.Н. Милюкова) // Трибуна. 1922. 30 июля. № 4. С. 2.

¹³ Горовцев А.М. Оправдывающимся. Отклик на статью П.Н. Милюкова «Кто виноват в революции» в газ. «Последние новости» // Там же. 16 июля. № 3. С. 4.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 124. Л.74 об.

¹⁵ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2001. С. 12.

но в Русской академической группе в Париже, объединявшей русских ученых в эмиграции, он столкнулся с ущемлением его прав как ученого при попустительстве других членов группы. Следуя аристотелевскому определению «политики как деятельности, направленной на достижение общего блага»¹⁶, выпускаемый им альманах он назвал политическим журналом, на страницах которого он начал бороться за достижение справедливости и «общего блага» в РАГ в Париже.

Основное содержание «Трибуны» посвящено ситуации в РАГ в связи с его исключением из нее. Борясь за справедливое распределение часов (нагрузки) в РАГ, он оказался исключенным из сообщества ученых. Горюцев рассматривал свою борьбу с руководством РАГ не как личное дело, а как общественное.

Суть конфликта состояла в том, что отнюдь не самые бедные представители русского научного сообщества, имевшие дополнительные источники существования, оказались во главе РАГ и получили возможность преподавать на русском отделении Сорбонны, в то время как ученые, приехавшие позже и находившиеся в бедственном положении, такой возможности не имели, поскольку все часы были уже распределены между теми, кто оказался в эмиграции раньше. Горюцев усматривал в этом проявлении социальной несправедливости, так как, «получая достаточные средства к существованию, эти люди вырывают кусок хлеба у своих нуждающихся товарищей»¹⁷.

«После трех с половиной лет голодания в советской России я голодаю и теперь в Париже. В течение полугода не имею возможности обедать каждый день»¹⁸, — писал о своем бедственном положении Горюцев в Бюро РАГ. В этом он был не одинок: «Один из наших коллег, вместо того чтобы заниматься научною деятельностью, вынужден работать на сапожной фабрике... Другой бегаёт по всему городу, разыскивая хоть переписку на пишущей машинке... Третий просто бегаёт, ища, у кого можно было бы занять 5 франков. У него умирает ребенок, и ему не на что купить для него молока»¹⁹.

Речь шла прежде всего о членах Бюро РАГ, которые, являясь сотрудниками милюковской газеты «Последние новости», работали юрисконсультами в разных компаниях и занимались преподавательской деятельностью. Председателем РАГ в 1922 г. был П.П. Гронский, товарищ председателя —

¹⁶ Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 380.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 229.

¹⁸ Там же. Л. 203.

¹⁹ Там же. Д. 124. Л. 7 об. См. также: Горюцев А.М. «Краса и гордость русской демократии»: (Академическое обозрение русского Парижа, в 3-х действиях, с Прологом и Эпилогом) // Трибуна. 1926. Вып. 1 (XV). С. 17.

А.Н. Анцыферов, секретарь Л.И. Кепинов и делопроизводитель А.С. Людоговский. В президиум (Бюро) РАГ (всего 11 членов) входили Б.Э. Нольде и А.А. Пиленко, главные фигуранты «дела Горовцева».

Гронский был юрисконсультom Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания. Член бюро РАГ барон Нольде — юрисконсультom Сопещания послов, а также служил юрисконсультom в частных банках, получая хорошее жалованье. Член бюро РАГ Пиленко получил место юрисконсульта в Торгово-промышленном союзе. Пиленко себя считал «человеком, умеющим устраиваться»²⁰. Материальное положение позволило А.А. Пиленко приобрести виллу на Балеарских островах.

Милюков в руководстве РАГ не состоял, однако на самом деле именно он обладал совершенно исключительным влиянием, делавшим его фактическим руководителем группы. Заметим, что в год исключения Горовцева Милюков лишь раз был на собрании РАГ. Горовцев наивно полагал, что Милюков, «некоронованный король русской демократии», не может вести себя столь недемократично, он лишь неправильно информирован обо всем, совершающемся в РАГ, членом которой он являлся.

Горовцев поставил вопрос об изменении принципов распределения преподавательской нагрузки или, как он пишет, принципов финансирования русских ученых со стороны французского правительства в связи с изменившимися обстоятельствами²¹, то есть появлением в эмиграции многочисленных специалистов высокого класса, которые также жаждали получить работу и средства к существованию. На русском отделении Сорбонны училось 4–5 студентов, и заработная плата преподавателей, по мнению Горовцева, выглядела как благотворительность со стороны французского правительства в отношении русских научных кадров в эмиграции.

В соответствии с предложенным Горовцевым порядком распределение средств, ассигнуемых французским правительством в помощь русским ученым, производилось не по персональному признаку, который мог бы служить источником разногласий, а по формальному — по принадлежности к той или иной категории академического персонала, «как это принято в нормальных условиях академической жизни». При этом Горовцев допускал возможность отступления от предложенного порядка субсидирования для заслуженных ученых, как, например, Н.П. Кондаков. Тем же, кто имел прочные и более крупные источники существования, Горовцев предлагал в интересах русской науки и образования русской молодежи 1–2 часа в неделю посвятить чтению лекций без особого вознаграждения, что «способствова-

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 124. Л. 14 об.

²¹ Там же. Д 71. Л. 102.

ло бы поднятию престижа русской науки, не говоря уже о той помощи, которую они оказали бы этим и материально и морально своим нуждающимся товарищам по науке»²².

Свой проект Горовцев письменно изложил Милюкову в надежде на его одобрение. Не получив от Милюкова ответа на его разъяснения о положении дел в РАГ, Горовцев решил на страницах альманаха «Трибуна» обратиться к «Его Величеству общественному мнению».

Горовцев осмелился открыто обвинить Милюкова в nepoтuзмe, использовании политических связей для продвижения своих «выдвиженцев» путем устройства для них научно-популярных курсов и лекций, в то время как остепененные, более достойные члены академического сообщества остаются без работы. Так, старый профессор, занимавший кафедру в Московском университете и выпустивший в свет две диссертации, должен был долгое время работать в качестве грузчика на вокзале Сен-Лазар²³.

При молчаливом попустительстве членов РАГ, многие из которых были сотрудниками милюковских «Последних новостей», Горовцев был исключен из РАГ. После отказа Милюкова опубликовать в «Последних новостях» статью о положении в РАГ Горовцев в открытом письме Милюкову, изданном в форме листовки, выразил «чувство глубочайшей горечи, какую только может испытать человек, у которого отняли одну из немногих, оставшихся у него иллюзий. Чувство глубочайшей горечи к тому, кто эту иллюзию разбил собственной рукой»²⁴. «Великий грех П.Н. Милюкова перед достоинством русского академического имени» Горовцев видел в том, что «в тяжелую пору изгнанничества именно он, прежде всего политический деятель, гораздо более, чем ученый, внес в академическую среду тот дух «партийной дисциплины», который является отрицанием самой идеи академизма, и, конечно, не мог не отвратить от нее истинных ученых»²⁵.

В отчаянии Горовцев писал злые эпиграммы на Милюкова и присных.

Кто он?
Средь академиков - герой,
Среди героев — академик,
Он всетактической игрой
Всегда всем друг и всем — изменник²⁶.

Демьян Небогатый

²² ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.

²³ См.: Там же. Д. 124. Л. 72 об.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 246. Л. 5 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 124. Л. 72.

²⁶ Там же. Л. 45 об.

Не говорите, он не умер — он живет,
Пусть речи он твердит — никто им не внимает,
Пусть тактика красна — она не довезет,
Пусть тянет новости — от них лишь все зевают²⁷.

В «Трибуне» Горовцев дал нелюбезные характеристики членам Бюро РАГ. В частности, Б.Э. Нольде Горовцев клеймит за двурушничество: в 1917 г. после революции, когда министром стал Милюков, он получил назначение на пост товарища министра иностранных дел. Ранее барон Нольде был ближайшим сотрудником «носителя крайне правых течений» и антипода Милюкова, Штюрмера. Именно Штюрмером он был назначен на высокий ответственный пост директора департамента, и этот пост — не юридического или технического советника, независимого от политических взглядов сотрудника, а, напротив, предполагал устойчивую политическую позицию. Обвиняя Б.Э. Нольде в карьеризме, в «исключительной способности пить воду из двух колодцев, хотя бы и с самую различную водой», Горовцев подвергает сомнению и научные достижения Нольде и вспоминает университетскую его кличку «барон Де-ноль»²⁸. Реакция Нольде не заставила себя ждать: Горовцев был лишен возможности преподавания в Институте русского права, в котором кафедру, соответствующую специальности Горовцева, возглавлял барон Нольде.

Кто в банках всех юрисконсульт?
Барон де-Ноль: ведь деньги культ.
Деньги — культ, а совесть — чей юрисконсульт?²⁹

Выпуск «Трибуны» с оскорбительными эпиграммами усугубил положение Горовцева. Уже одного номера «Трибуны» было бы, по мнению Бюро, достаточно, чтобы прийти к выводу о недопустимости для члена группы подобного отношения к своим коллегам и ее председателю. На первое собрание по исключению Горовцева пришло 32 члена РАГ, настроение было не в пользу Бюро, и голосование по вопросу исключения Горовцева не состоялось в связи с отсутствием кворума: по уставу должны присутствовать 2/3 членов (из 60).

В июле 1922 г. Горовцев был исключен из РАГ, несмотря на отсутствие кворума. На втором собрании присутствовало 17 человек и о кворуме уже никто не вспоминал: 15 членов РАГ проголосовали за исключение, против 2, исключение состоялось.

²⁷ Трибуна. 1922. 16 июля. № 3. С. 4.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 72. Л 42.

²⁹ Трибуна. 1922. 30 июля. № 4. С. 6.

Началась многолетняя борьба за восстановление в РАГ. Горовцев настаивал на третейском суде, обращался во французский гражданский суд, чем вызвал возмущение руководства РАГ, предпочитавшего не выносить сор из избы.

Решение об исключение Горовцева было отменено постановлением французского гражданского суда науки 8 января 1929 г. Одержавший победу Горовцев был восстановлен в составе РАГ с выплатой понесенного им морального ущерба, оцененного в 100 франков³⁰. Понадобилось семь долгих лет борьбы за восстановление справедливости, однако это была уже не прежняя РАГ. В 1925 г. из нее выделился Русский Академический союз, куда входили главные оппоненты Горовцева во главе с Милюковым. В Париже образовались две отдельные организации: старая РАГ и Русский Академический союз, возглавляемый Милюковым, который был окружен членами правления, все теми же юными «академиками» из «Последних новостей»³¹. Организацией своего «собственного» Академического союза Милюков на деле подтвердил ту характеристику, которую он однажды сам себе дал, — «разъединитель».

Борьба А.М. Горовцева не прошла бесследно: вскоре после его выступления средства были распределены более справедливо, и пользование ими стало возможным также и для многих действительно нуждающихся ученых³². Выступление Горовцева способствовало если не прекращению, то сокращению злоупотреблений в русской академической среде в Париже и предупредило подобные злоупотребления в других русских организациях.

В 1929 г. на 70-летие Милюкова Горовцев отправил письмо, в котором обвинил юбиляра в том, что именно ему он обязан позорным исключением из научной среды, не имеющим прецедентов в истории академической жизни, и нависшей над ним угрозой голодной смерти³³. «Прошлое не есть небывшее, и надо, чтобы русское общественное мнение не оставалось в неведении о нем при оценке Вашей личности, если не как политического деятеля, то как человека и как официального представителя русской науки»³⁴. Милюков отказался опубликовать документально подтвержденное письмо Горовцева о причинах его исключения, что, по мнению исключенного из РАГ Горовцева, являлось «нарушением законов о печати» и прибавило «еще один штрих к его характеристике в качестве деятеля печати»³⁵. В черновом

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 72. Л. 215.

³¹ Там же. Д. 124. Л. 72 об.

³² См.: Там же. Д. 71. Л. 206.

³³ См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

³⁴ Там же. Л. 5 об.

³⁵ Там же.

варианте поздравления Милюкова Горовцев написал: «Примите, милостивый государь, уверение в тех чувствах, которые Вы от меня заслуживаете»³⁶.

Неблагодарная миссия судить и тех, кто остался на том берегу, и тех, кто на этом, в эмиграции, затруднила адаптацию А.М. Горовцева в изгнании. Немногие могли осмелиться противостоять всеильному Милюкову и поддержать справедливые требования Горовцева. Он оказался изгоем, чужим среди своих, а сосредоточенность издаваемого им альманаха на узкой проблематике, касающейся главным образом сложившейся ситуации в академическом эмигрантском сообществе, сократила число читателей и в конечном итоге предопределила неуспех его предприятия. Горовцева обвиняли в том, что он разлагает эмиграцию «трупным ядом партийных споров, своекорыстных расчетов»³⁷. Адаптироваться в эмиграции Горовцев не сумел, что привело его к трагическому концу. 27 октября 1933 г. в 9 часов утра в Булонском лесу выстрелом из револьвера в рот Горовцев покончил с собой. Смерть последовала мгновенно. В оставленном предсмертном письме говорилось, что на самоубийство его толкнула нищета. В течение года у него не было никакого заработка³⁸.

Благодаря издаваемому А.М. Горовцевым альманаху «Трибуна» мы имеем возможность судить о деятельности РАГ в Париже, о личностных характеристиках ее членов, участниках или пассивных наблюдателях дела Горовцева. Альманах «Трибуна» выражает субъективный взгляд автора на его исключение из РАГ; содержание его тем не менее является свидетельством конкретных исторических событий в среде академического сообщества русской эмиграции в Париже, дополняя их и тем самым способствуя воссозданию целостной объективной картины происходящего.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-6095. Оп. 1. Д. 72. Л. 182.

³⁷ Там же. Д. 72. Л. 8 об.

³⁸ См.: Некролог // ПН. 1933. 28 окт. № 4602. С. 4.

Э. Успенская

Литературная критика на страницах суворинского «Нового времени» (1921–1923 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается формирование традиций литературной критики в первые годы выхода «Нового времени» (1921–1923), самой известной русскоязычной газеты в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Нововременская литературная критика в этот период в основном находилась под сильным влиянием общей идеологической и политической ориентации газеты, выступавшей под лозунгом «Церковь, Царь, Народ». Вместе с тем нововременские очерки, статьи и фельетоны, в которых обсуждаются произведения литературы не только близких по убеждениям авторов и издательств, но и противников («сменовеховцев» и просоветских писателей), создают широкую панораму текущей русскоязычной литературно-издательской жизни с ее разнообразными направлениями, злободневными вопросами, полемиками и формально-литературными поисками.

Annotation: This paper depicts literary criticism of «Novoe Vremya» (=«New Time»), a well-known newspaper of Russian emigrants in Yugoslavia, during the first years of its publishing (1921–1923). At that time «Novoe Vremya»'s literary criticism was under the great influence of general ideological and political orientation, according to which «Church, Czar and People» were the key slogans to be acted on. However, «Novoe Vremya»'s reviews, articles and feuilletons, which analyzed numerous literary works of authors and publishers sharing similar views, as well as opponents the so-called “smenovehovci” (intellectuals gathered around *Smena veh*) and pro-Soviet writers. One could find a broad and picturesque survey of contemporary literary life and publishing activities in Russian language with diverse movements, burning topics, polemics and formalist literary (re)search.

Ключевые слова: «Новое время», литература, издательское дело, критика, очерк, фельетон, статья.

Key words: «Novoe Vremya» (=«New Time»), literature, publishing, review, article, feuilleton.

Самая известная газета русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии, «Новое время», издавалась в Белграде в первое послевоенное десятилетие. Первый номер газеты вышел 22 апреля 1921 г., а последний — 26 октября 1930 г. Владелцем и редактором газеты был Михаил Алексеевич Суворин, ответственным редактором — М. Павлович.

Литературную критику, сложившуюся на страницах «Нового времени», определяло общее направление газеты, которое велось под знаменами «Церковь, Царь, Народ». Редакторы и главные сотрудники «Нового времени» были членами «Литературного Художественного общества», являвшегося наследником одноименного петербургского общества, или примыкали к нему. В числе учредителей белградского общества состояли М.А. Су-

ворин, П.Я. Семичков, А.М. Селитренников, Ю.Л. Ракитин, С.Ф. Колесников, Г.К. Сапожков, А.А. Башмаков, К.Я. Шумлевич, В.К. Иванов, А.Л. Погодин, Б.В. Юрлов, Н.Н. Григорьев, М.М. Головков. Почетным председателем общества была Ее Королевское Высочество княгиня Елена Петровна. Общество возобновило традиции знаменитых «субботников», проводившихся в Петербурге по субботам два раза в месяц, в помещениях общества на углу Невского и Морской улицы. В Белграде первый «субботник» состоялся в помещении гостиницы «Златни Лав» на Пуенкоровой улице. «Новое время» регулярно извещало о «субботниках», в которых, помимо писателей и артистов, принимали участие и гастролирующие исполнители вокальной и инструментальной музыки.

Нововременская литературная критика продолжала традиции петербургской газеты, в которой главенствующую роль играл критик и писатель В.П. Буренин, жестко критиковавший декадентское искусство, в частности К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и А.А. Блока. Получив ложные сведения о смерти В.П. Буренина, нововременцы в сентябре 1921 г. опубликовали ряд сочувственных некрологов своему уважаемому сотруднику. В одном из них сказано, что Буренин «умер с голоду, потому что не пошел, как Чуковский, на служение к Луначарскому и Горькому»¹. В статье «Писатели в Петербурге» описывались последние дни писателя: «Буренин вовсе не находится в той крайности о которой пишет Данченко, хотя его положение было гораздо хуже положения А. Кони, Амфитеатрова и тех писателей, которые так или иначе устроились. Так как жена его умерла, то положение больного писателя было тяжким: его кое-как поддерживала жившая с ним его единственная дочь, тоже больная, у которой “по ошибке” были расстреляны оба ее сына, что повлияло на нее так, что она иногда неделями не могла подняться на ноги ... Тем не менее Буренин не падал духом, написал драму в стихах, “Христос”. ... В квартире у него поселили несколько матросов, не давших ему покоя и воровавших у него все, что только было можно»².

В.В. Розанов также был среди авторов, почитаемых нововременцами. Ведущий корреспондент газеты А. Ренников (А.М. Селитренников) написал некролог по поводу его смерти³. Но и помимо этого, имя Розанова постоянно мелькает на страницах газеты, например «как сказал бы В.В. Розанов», а в ряде случаев строки из его сочинений брались в качестве эпиграфов. В фев-

¹ М. Памяти Буренина // НВ. 1921. № 113.

При уточнении изданий и раскрытии псевдонимов нами были использованы следующие работы: Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: книги 1917–1940: материалы к библиографии. СПб., 1993; Бурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. Горни Милановац, 1990; Качаки Н.И. Библиография русских беженцев в королевстве С.Х.С. (Югославии), 1920–1945 гг. Арнхем, 1991.

² М. Писатели в Петербурге // НВ. 1922. № 358.

³ См.: Селитренников А.М. В.В. Розанов. Некролог // НВ. 1921. № 2.

рале 1922 г. были напечатаны воспоминания, записанные со слов некоего студента духовной академии, который видел В.В. Розанова за две недели до смерти. Студента поразило то, что знаменитый писатель пришел к одному из профессоров академии возвращать долг — сорок рублей, в то время когда в кармане у самого бедного студента было триста, а то и пятьсот рублей. «Пришел он, — рассказывал студент, — в старом, рваном костюме, почти в лохмотьях. Тут висит, там висит. Худой, бледный. Тяжело смотреть было. Но ум его был бодр, свеж. Весь вечер разговор велся на общие темы, больше всего о еврействе, о его исторической библейской роли, о тех вопросах еврейства, которых Розанов так любил касаться в своих писаниях»⁴.

Однако абсолютным литературным авторитетом для нововременцев был Ф.М. Достоевский. По поводу изданных И.П. Ладыжниковым «Записок из мертвого дома» и «Игрока» нововременец заявил, что Достоевский теперь их писатель, их современник, потому что они теперь стали преступниками и наказанными, угнетенными и оскорбленными. Столетие рождения Достоевского было отмечено публикацией рукописи из материала к «Бесам», романа, про который автор публикации писал, что в нем «выражен весь дух русского большевизма»⁵. В газете был помещен обзор «Чествований памяти Достоевского», в котором особо выделялись речи митрополита Антония Храповицкого, профессоров Е.В. Аничкова и Е.В. Спекторского⁶. Обзор о книге митрополита Антония «Словарь творений Достоевского» написал А.А. Башмаков. По его мнению, главная заслуга митрополита Антония «заключается именно в том, что он попытался разрешить вопрос о коллизии знания и веры, именно в плоскости общечеловеческой психологии ... Я бы сказал больше — это не попытка, а верное указание пути для примирения этих двух сторон нашей душевной деятельности»⁷. По поводу этой же книги Ренникову пришлось в фельетоне «Экскурсанты» жестоко поспорить с А. Яблановским, напечатавшим в газете «Руль» фельетон, в котором о книге Антония приводились отрицательные отзывы Струве, Куприна, Чирикова, Мережковского и Михайловского. «Яблановский! — писал Ренников. — Запомните, вы вовсе не беженец. Поймите крепкое различие, которое существует между митрополитом Антонием и его единомышленниками и всеми вами, Сергееями, Александрями, Мережковскими, Донами Аминадо, Милюковыми»⁸.

Нововременская критика, установив эстетические каноны на идеалах «Церковь, Царь, Народ», неприязненно относилось к новому искусству

⁴ - н. О Розанове // НВ. 1922. № 240.

⁵ С. К. Из рукописей Достоевского // НВ. 1921. № 132.

⁶ См.: Чествование памяти Достоевского // НВ. 1921. № 171.

⁷ См.: Башмаков А. Комментарии митрополита Антония о Достоевском // НВ. 1922. № 241.

⁸ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Экскурсанты // НВ. 1921. № 136.

XX века, ревизирующему ценности прошлого. Но самые сильные удары нововременцев были обращены на литературу, создаваемую в Советской России, а в особенности на тех авторов, которых протезировала большевистская власть. Большое количество самых едких, иронических, а порой и грубейших выражений было высказано в адрес М. Горького и В.В. Маяковского. Так, в напечатанной статье Густава Эрве Горький был назван «чистильщиком сапог Ленина». По поводу писем Горького с обращением к западным странам с просьбой о помощи голодающему русскому народу Ренников сказал, что «на попрошайничестве у ненавидимых окреп и вырос талант мещанина Пешкова»⁹. Ренэ Санс (К. Шумлевич) без обиняков назвал Горького «врагом русского народа». Однако книги Горького «Воспоминания о Л.Н.Толстом»¹⁰ и «О русском крестьянстве»¹¹ были оценены положительно. Нововременская критика обрушилась и на певца революции Владимира Маяковского. В рецензии на книгу «Поэзия большевистских дней» Ренэ Санс называл Маяковского, Есенина и даже Блока (из-за «Двенадцати») «шутами гороховыми, именующими себя поэтами, даже недостойными критики»¹². А в рубрике «Среди газет и журналов» в обзоре статьи А. Бухова из ревельской газеты «Жизнь», в которой приводились «образчики стихов из книги Библиотека поэта», вышедшей с одобрения Наркомпроса, Маяковский был назван придворным поэтом. В статье цитировались его стихи из поэмы «Люблю» как пример якобы «оригинального подхода к новшествам в области автобиографии»¹³. В этой же рубрике было прокомментировано стихотворение Маяковского, посвященное убитому в Женеве большевику Воровскому: «Декадентский пиит Маяковский напечатал свои полуумные вирши на страницах московских “Известий”. Вот какой белибердой разразился Маяковский»¹⁴ и т.д. Фельетон Ренникова «Советские рыжие» был посвящен книгам, выпущенным издательством «Логос» под протекторатом газеты «Накануне»: «Соловей» Игоря Северянина, «Избранный Маяковский» и «Аль Баррак» А. Кусикова. Про Северянина Ренников написал, что он «без сомнения рыжий способный ... Но все-таки рыжий. Из той же компании, которая скачет, пляшет, падает, дрыгая ногами, на цирковой ковер, чарует галерею ужимками и внезапными трюками и вместо обычной речи изрыгает восклицания, коверкая русский язык». Но Маяковский, по словам Ренникова, «редко играет в цирке томного расслабленного Пьеро, как Севе-

⁹ Ренников А.М. Босьяк // НВ. 1921. № 94.

¹⁰ [Рец. на:] Горький М. Воспоминания о Льве Толстом. Берлин, 1921 // НВ. 1921. № 117.

¹¹ Суворин М. Горький и крестьяне // НВ. 1922. №. 430.

¹² Ренэ Санс [Шумлевич К.] Поэзия наших дней // НВ. 1921. № 73.

¹³ В.В. Маяковский. Изящная поэзия. Среди газет и журналов // НВ. 1922. № 363.

¹⁴ В.В. Маяковский. Среди газет и журналов // НВ. 1923. № 629.

рянин, или мрачного кровавого злодея, как Кусиков. Он добрый уличный мальй, заборный весельчак, вздохнувший от отсутствия царских городских с их предательскими свистками»¹⁵.

Нововременская критика не благоволила авторам, жившим в Советской России, но не воспевавшим советскую власть. Рецензируя журнал «Новая русская книга», выходявший в Берлине под редакцией А.С. Яценко, Ренников привел отрывки из биографий знаменитых писателей, которые, по его ироническому выражению, и должны были представить все «тонкости творчества»¹⁶, — Александра Дроздова, Евг. Замятина, Ильи Эренбурга, Александра Кусикова. О «Московском альманахе», вышедшем в Берлине в издательстве «Огоньки», с предисловием А. Белого, нововременский критик написал, что рассказы, напечатанные в нем, как и его обложка, жутки: «Неестественные и кошмарные темы в рассказах впадающего в детство Ремизова. Пильняк, старающийся подделаться под язык то Мельникова-Печерского, то Лидина, дает только обрывки описаний и мыслей, и все тонет в непрерывных выкрутасах неожиданных кренделей ... Редкие интересные места описаний нового быта уничтожаются этими кривляниями, и когда доходишь до конца, то делается понятным, что сборник кончается “Записками сумасшедшего” (“Я”) Андрея Белого — смесью бреда и кошунственных сравнений». «И зачем тратить бумагу на такие книги?» — задается вопросом критик¹⁷.

Очевидно, что для нововременцев было трудно приемлема любая новизна, нарушающая эстетические нормы, выработанные «прекрасным» прошлым. Об «Лалазаре», кавказском сказе, Алексея Ремизова критик, оценивая обложку работы автора, написал, что это «не то кусок обоев из деревенского трактира, не то кубическая мазня». О самой легенде: «без твердых знаков, без особого содержания — это легенда, не легенда, а так что-то вроде чего-то, слишком наивно для взрослых и непонятно для детей»¹⁸. Правда, в связи с произведениями «Трава-мурава», «Крашенные рыла», «Россия в письменах», «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове», «Шумы города» о Ремизове в «Новом времени» можно было прочесть и другое: «Слишком плодovitый и потому небрежный писатель, писатель манерный в смысле и содержания и стиля, в своих словечках идущий дальше Лескова и Максимова, и тем не менее восемь заграничных издательств печатают его произведения. Причина выдающегося успеха в нашей тоске по утраченной родине,

¹⁵ Ренников А. М. Советские рыжие // НВ. 1923. № 577.

¹⁶ Ренников А. М. Писатели о себе // НВ. 1922. № 353.

¹⁷ Антар [Селитренников А. М.] Московский альманах // НВ. 1922. № 436.

¹⁸ Антар [Селитренников А. М.] [Рец. на:] Ремизов А. М. Лалазар: Кавказский сказ. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 450.

которую Ремизов так любит, так ценит и так понимает, не только в ее настоящем, но и в ее далеком прошлом. Четыре года он прожил с большевиками, но остался верен себе». И далее рецензент в духе нововременской критики замечал: «От смрадной новизны он ушел в малоизвестные глубины драматической поэзии русского народа, всех маня домой, зовя оглянуться на наше счастливое, хотя и оклеветанное прошлое, указывая горные вершины патриотического одушевления. Ремизов влюблен в русский язык и крепко верит в мощь своей родины»¹⁹.

«Певцами Иуды» Ренников называл Минского, Вл. Короленко, Михаила Кузмина, Алексея Ремизова и Леонида Андреева, правда опомнившегося позднее. «О чем мечтают эти писатели? — спрашивал критик. — Чему научились? Во что поверили? Какой идеал сложился в их представлениях, воплощаемых образах, после разрушения великой страны, страданий народа, страшных смертей невинно распятых?» И сам же отвечал: «Ясно, какой идеал. Иуда. Иуда Искарот, непонятый в первые века христианства и находившийся под бойкотом около двух тысяч лет»²⁰.

В «Новом времени» можно встретить объективные отзывы, хотя и с некоторой отрицательной нотой, о книгах В. Лидина. Так о «Повестях о многих днях» написано, что это книга, в которой три повести рисуют жизнь в России в годы войны, революции и при большевиках, производят впечатление обрывков сцен и картин кинематографической ленты. Но такая задача, «требующая большого таланта, психологического опыта и знания, не удастся автору, тем более что книга слишком сжата»²¹. О книге «Шестая дверь», где в четырех рассказах описаны жизнь и быт в России после революции, критик написал, что, «несмотря на столь глубокие темы и “возвышенный” стиль, рассказы, не создают ярких образов и не оставляют у читателя значительного впечатления»²². Петербургский сборник из шести рассказов из жизни собак («Собачья доля») был прочтен рецензентом «с интересом». Лучшими рассказами сборника рецензент назвал «Собачью жизнь» В.Я. Ирецкого (наст. фам. Гликман) и «Азор» В.Я. Шишкова, хотя они и «не чистоплотно написаны». Рецензент закончил обзор фразой: «Пенять за это, пожалуй, и нельзя: уж больно нечистоплотна и примитивна жизнь теперь у нас на Родине»²³.

¹⁹ С. [Рец. на:] Ремизов А.М. Трава-мурава; Россия в письмах; Шумы города; Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове; Крашенные рыла // НВ. 1922. № 454.

²⁰ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Певцы Иуды // НВ. 1922. № 314.

²¹ Антар [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Лидин В. Повести многих дней. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 507.

²² Н.Р. [Резникова Н.] [Рец. на:] Шестая дверь. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 603.

²³ [Рец. на:] Собачья доля: Петербургский сборник рассказов. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 230.

Нововременская злободневная литературная критика не обошла своим вниманием и скандального Сергея Есенина. Автором фельетонов о Есенине является Ренэ Санс (К. Шумлевич). В поэме «Пугачев» Ренэ Санс отметил «образы дикие, без рифмы, сомнительные созвучия. В нескольких местах самые грязные, площадные выражения, из которых одно, как полагается по режиму, направлено против императрицы Екатерины»²⁴. В фельетоне «Дунька Есенина», вспомнив о восхитивших петербуржцев гастрольях Айседоры Дункан, автор ничем не может оправдать замужество и поворот к большевизму знаменитой танцовщицы «босоножки», как только ее помешательством²⁵. В другом фельетоне в едко-шутливых тонах пересказано сообщение нью-йоркской газеты, повествующее о погроме, учиненном русским поэтом Есениным: «В доме поэта Мани Лейб Есенин с таким остервенением набросился на публику, что все присутствующие навалились на него и уложили на диван. Вот тут он и показал себя: он стал ругать всех евреев и проклинать Троцкого». Американский журналист прокомментировал событие так: «Мы поняли много того, что происходит в несчастной России», а нововременец от себя добавил: «Мало поняли и плохо поняли, но во всяком случае Есенину за “разъяснение” спасибо». Текст кончался саркастическим замечанием: «Кстати Есенин пожалован в академики. Так что следующие скандалы — которых не миновать — будут уже академические»²⁶.

Субъективизм нововременской критики в негативных оценках литературы, доходившей с утраченной родины, не подлежит сомнению, однако не все произведения оценивается в сугубо отрицательном смысле. Так, Ренэ Санс, ругавший Блока за поэму «Двенадцать», написал о нем весьма сочувственный некролог. «После “Двенадцати” многие говорили, что Блок отрекся от креста. Но это не отречение, а наваждение [рецензент цитировал Ариадну Тыркову. — Э.У.], мы уже знаем теперь, что, уходя в мир иной, он это наваждение отвел от себя»²⁷. Объективным старался быть и неподписавшийся автор отзыва о двухтомнике стихотворений Блока, изданном книгоиздательством «Слово»: «Блок — поэт законченный, но ищущий, с метаящейся какой-то больной душой, благодаря чему не всегда ясна мысль его произведений и не всегда они ровно написаны. Есть у него и поклонники, есть и равнодушные к нему. Особенного следа в истории русской поэзии он не оставит»²⁸. По-другому оценивались А. Блок и его поэма «Двенадцать» в статье профессора А.Л. Погодина: «Как разразилась большевистская рево-

²⁴ Ренэ Санс [Шумлевич К.] Пугачев // НВ. 1922. № 411.

²⁵ Рене Санс [Шумлевич К.] Дунька Есенина // НВ. 1922. № 316.

²⁶ Ренэ Санс [Шумлевич К.] Театральная жизнь // НВ. 1922. № 448.

²⁷ Ренэ Санс [Шумлевич К.] Поэт Александр Блок: некролог // НВ. 1921. № 128.

²⁸ [Рец. на:] Блок А. Стихотворения. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 237.

люция ... многие готовы в ней были увидеть какое-то новое слово и наши поэты заговорили о пришествии нового христианства, так объясняется и удивительная [курсив мой. — Э.У.] вещь А. Блока “Двенадцать”, и дикая сильная поэма А. Белого “Христос Воскрес”. И дальше: «На смену им пришла коллективная пролетарская поэзия, которая затем переходит к той литературе душевной тоски, которая неизбежно вырастает на бесплодии советской жизни, где скучно, так как может быть скучно только дьяволу. Кстати, отметим, что недавно вышел замечательный памятник этого рода “Избранный Маяковский”. При всем хулиганстве, при истинной смердяковщине этого человека все-таки иногда останавливается мысль и перед его глубокой тоской и перед истинным трагизмом *богато одаренной* [курсив мой. — Э.У.] и проплевавшей себя души»²⁹.

Конечно, нововременская критика была ориентирована на литературу эмиграции, и, разумеется, она предпочитала «своих» авторов, которых поддерживали идеалы монархии, родины (особенно веры в ее возрождение), нации, православной веры, русской армии. Высоко оценивалось творчество П.Н. Краснова: «Его книги, — по словам рецензента романа «Опавшие листья», — самые истрепанные в библиотеках. Чтобы получить их, надо долго ждать в очереди, а потом “проглатывать” в один-два дня, чтобы не задерживать длинный “хвост” ожидающих». Стиль П. Краснова, продолжал критик, «просто красив, в нем нет “закорючек” — надуманных слов и выражений, которыми любят улащать современные литераторы свои труды, очевидно с целью “оживления” русского литературного стиля»³⁰. С симпатией отнеслись нововременцы к произведениям Ивана Лукаша. Обширный отзыв о книге Лукаша мистерии «Дьявол» написал В. Даватц, похвально отзывавшись и о его книге «Голое поле»³¹. Вообще, галлиполийская тема весьма близка «Новому времени», которое внимательно следило за пребыванием русской армии в Галлиполи с первых дней. Так, Ренников похвально отметил книгу М. Критского «Сказание о галлиполийском сидении»³². В целом, военная тема интересовала нововременцев, и они доброжелательно относились ко всем писателям, славящим русскую армию и ее подвиги как до, так и во время революции. Федор Касаткин-Ростовский, оценивая труд барона С.А. Торнау «С родным полком», писал, что эта «интересная и трогательно-простая книга переносит читателя в то недавнее время, когда русские офицеры, духовно спаянные с солдатами, совершили с ними в войне с австрийцами и немцами

²⁹ *Погодин А.* [Рец. на:] Иванов Ф. Красный Парнас: Литературно-критический очерк. Берлин, 1922 // НВ. 1923. № 643.

³⁰ *В.К.* [Рец. на:] Краснов П. Опавшие листья. Берлин, 1922 // НВ. 1923. № 590.

³¹ *Даватц В.* [Рец. на:] Лукаш И. Дьявол. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 562.

³² *Ренников А.М.* [Селитренников А.М.] Сказание о галлипольском сидении // НВ. 1922. № 360.

ряд подвигов беззаветной храбрости»³³. Однако книга А.И. Деникина «Очерки русской смуты» подвигла Ренникова к полемике: «Когда ген. Деникин командует, я восторженно говорю: “Слушаюсь, ваше превосходительство”. Когда же он берется за перо, я просто беру книгу и спрашиваю: “А что вы такое написали, Антон Иванович?” И слепой веры в его талант как историка уже нет...» Отметив, что основной вывод книги в том, что в революции виноваты и царь, и духовенство, и непатриотический народ, Ренников писал: «Пусть это было и так. Ну, а больше виновных нет? Легко и просто!» Далее в связи с «очевидным примером», портретом Г. Распутина в окружении шестнадцати дам, Ренников продолжил: «Портрет Распутина, конечно, интересен. Но почему к книге не приложены портреты и автографы других знаменитостей? Например, некоторых членов Государственной думы, представителей земства ... институток, студентов, аптекарских помощников? Шестнадцать дам, правда, опасность. Ну а 6000 курсисток в черте оседлости вокруг профессора Щепкина — где снимок с них? А автографы князя Львова? Родичева? Милюкова? Набокова? Некрасова? Родзянки? Проппера? Кугеля?»³⁴.

Защита императора и его семьи входила в политическую программу «Нового времени», и само собой разумеется, что редакция обращала внимание на все публикации, касающиеся этой темы. Так, Ренников назвал неэтичным выход в Берлине в издательстве «Слово» «Писем Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II». В другом месте Т. Локоть поддержал это мнение, однако отметил, что замысел издателя осквернить личности императора и императрицы не удался и эти письма будут иметь «огромное политическое значение — именно в смысле развенчивания революции, в смысле вскрытия ее антипатриотичности и антигосударственности»³⁵. Мемуары А.А. Вырубовой «Листки из моей жизни», в которых император объявлялся инициатором войны, а императрица стремится ее избежать, по мнению рецензента, были «писаны под чьим-то давлением»³⁶. Но, в целом, по словам автора отзыва, мемуары Вырубовой исполнены преданности к царской семье. Книга Татьяны Мельник (урожд. Боткина) «Воспоминания о Царской Семье и ее жизнь до и после революции», в которой автор записала ею лично пережитое, а также рассказано ее отцом об «этой Семье Мучеников»³⁷, была принята «Новым временем» с восторгом и рекомендовалась читателям.

³³ Касаткин-Ростовский Ф. [Рец. на:] Торнау С.А., барон. С родным полком // НВ. 1923. № 570.

³⁴ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Смута в русских умах // НВ. 1922. № 314.

³⁵ Локоть Т. Письма Императрицы // НВ. 1922. № 420.

³⁶ И.Н. Мемуары А.А. Вырубовой // НВ. 1922. № 497.

³⁷ Антар [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Мельник Т. Воспоминания о царской Семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1922 // НВ. 1922. № 245.

Уровень художественных достоинств литературного произведения для нововременцев измеряется не эстетическими, а его этическими свойствами, среди которых на первом месте — любовь к родине и неотъемлемая вера в ее возрождение. Литературным образцом в этом смысле нововременцы считали произведение В. Левитского «О любви к отечеству и народной гордости». Рецензент отмечал, что книга является одним из «звеньев, соединяющих крепкой цепью всю зарубежную Россию в общем чувстве патриотизма, тоске по прошлому, которое в большинстве случаев было недооценено, и горячем призыве верить в будущее нашей Родины и в те великие задачи, которые ей предначертала история»³⁸. Такую же высокую оценку получила и стихотворная книга Анатолия Бурнакина «Чужая даль»: «Маленький сборник, написанный в разное время, дает нам представление о поэте чутком, вдумчивом, страдающем вместе с Россией, тоскующем о ней на чужбине и верящем в ее возрождение. Это книга — отражение переживаний русской души»³⁹.

На страницах газеты можно найти краткие отзывы о литературных произведениях многих писателей-эмигрантов. Так, о романе Лаппо-Данилевской «На ком вина» сказано, что автор — бывшая сотрудница «Исторического вестника», ее роман является окончанием двух предыдущих — «Развал» и «Крушение». Роман «На ком вина» охватывал время до февраля 1917 г. и давал «ряд правдивых и ярких картин из петроградской жизни»⁴⁰. В рассказах Сергея Юрицына были «затронуты не только большевики, но интересно разобрана психология ряда англичан, с которыми большевикам приходится сталкиваться на деловой почве»⁴¹. «Стихотворения» В. Сумбатова оценивались как «искренние и глубокие по мысли стихи»⁴². Роман А. Савватия «Танька» «интересно, вдумчиво, красивым образным языком описывает настоящую жизнь», рисуя «жизнь исчезающего прошлого, хронику дней помещицкой усадьбы. Главная прелесть книги — ее естественность и отсутствие в ней политики»⁴³. Книга Ф.М. Букетова «Американская Русь» описывала переживания русского православного приходского священника в Америке⁴⁴. Подробного разбора удостоились мемуары князя С.М. Волконского,

³⁸ [Рец. на:] Левитский В. О любви к отечеству и народной гордости: Беседы. Царьград, 1921// НВ. 1922. № 251.

³⁹ *Антар* [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Бурнакин А. Чужая даль: Стихотворения 1907–1922. Царьград, 1923 // НВ. 1923. № 628.

⁴⁰ [Рец. на:] Лаппо-Данилевская Н.А. На ком вина. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 377.

⁴¹ *Антар* [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Юрицын С. В тумане. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 450.

⁴² *Антар* [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Сумбатов В. Стихотворения. Мюнхен, 1922 // НВ. 1922. № 462.

⁴³ *Антар* [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Савватий. Танька. Берлин, 1922// НВ. 1922. № 507.

⁴⁴ См.: [Рец. на:] Букетов Ф.М. Американская Русь: Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1922 // НВ. 1922. № 557.

охватывавшие целую эпоху — с 1860 г. по 1922 г.⁴⁵ В книге Г. Магнитского «Тройные рассказы» рецензент Н. Резникова выделила рассказ по евангельским мотивам, «Сон Прокулы, жены Пилата»⁴⁶. Повесть «Золотые берега» В. Витухина обратила на себя внимание «Нового времени», без сомнения, высказываниями автора о еврейском вопросе, добавляя от себя, что только «подкупленный или потерявший всякую способность ориентации станет отрицать что Россия сейчас вся находится под гнетом еврейства»⁴⁷. Роман в стихах «Елена Деева» Л. Столицы получил следующую оценку рецензента: «если отбросить несколько тяжеловатую форму поэмы, шероховатость стиха и слишком рискованные рифмы», то можно сказать, что «поэтесса дает нам в своей книге много интересного из жизни старой купеческой Москвы»⁴⁸. Книга В. Пиотровского «Полынь и звезда» была «интересна своими символическими стихами», правда, «творчество Пиотровского оставляет читателя в смущении: верующий он или атеист»⁴⁹. Воспоминания князя Е. Трубецкого «Из прошлого» для «Нового времени» были «интересны особенно той объективностью и правдивостью, с какою автор рисует минувшее время и ряд интересных ушедших людей. В противоположность А.П. Чехову и сменовеховцу Алексею Толстому, рисовавшим дворянство выродившимся и слабым, кн. Евгений Трубецкой в своих записках говорит о тех людях, которые своей высокой интеллигентностью, музыкальностью, духовной мощью и образованием дали России ряд выдающихся личностей, передовых и глубоких»⁵⁰. Восторженно принятый альманах «Медный всадник» должен был стать символом величия России: «Объединивший всех этих писателей (И. Бунин, Евг. Чириков, И. Лукаш, Ив. Немирович-Данченко, Б. Зайцев, Бальмонт, Сергей Маковский, Струве, В. Сирин), да будет символом возрождающегося настоящего искреннего русского слова»⁵¹.

Принадлежность к литературе русской эмиграции не была поводом для исключительно похвальных отзывов нововременской критики, широка амплитуда ее неодобряющих и отрицательных отзывов, порой ядовитых и колких. Так, в статье «Русская книга за границей» А.Л. Погодин весьма строго оценивал современных писателей, печатавшихся за границей в десятках русских книгоиздательств, существовавших в начале 1920-х гг. И.А. Бунин был охарактеризован как писатель «довольно

⁴⁵ В.В. [Рец. на:] Волконский С.М. Мои воспоминания. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 562.

⁴⁶ Н.Р. [Резникова Н.] [Рец. на:] Магнитский Г. Тройные рассказы. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 579.

⁴⁷ [Рец. на:] Витухин В. Золотые берега. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 587.

⁴⁸ Антар [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Столица Л. Елена Деева. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 596.

⁴⁹ Антар [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Пиотровский В. Полынь звезда. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 596.

⁵⁰ Антар [Селитренников А.М.] [Рец. на:] Трубецкой Е. Из прошлого. [Вена], б.г. // НВ. 1923. № 642.

⁵¹ Касаткин-Ростовский Ф. Медный всадник // НВ. 1923. № 615.

посредственный, но усердно раздуваемый приятелями», А.Н. Толстой — «талантливо начинающий, неряшливо кончающий», А.И. Куприн — «как-то растерявшийся». Наиболее критичным был отзыв о Ф. Сологубе за роман «Заклинательница змей», «удивительно нелепый роман», бывший «каким-то анахронизмом: все что-то хочет сказать, важное замечательное и еще неведомое, а выходит нечто обычно-эротическое из жизни купеческих саврасов»⁵². Книга рассказов К.Д. Бальмонта «Воздушный путь» была встречена нововременской критикой двояко: «среди двенадцати рассказов есть и хорошие и серьезные, но есть и до смешного странные, и даже очень-очень скверные». Рассказы «Васенька» и «Волчья шуба», как выразился критик, «да будет позволено так сказать, детско-порнографические», тогда как в рассказах «Дети», «Почему идет снег» и «Солнечное знамя» «есть и красота своя, и своя поэзия»⁵³. Про книгу Л. Урванцова нововременский критик не без иронии написал, что весь сборник выдержан очень сильно, в том смысле, что нигде нет ни малейшего указания, что именно, где и когда происходит. Недоумения возникают на каждой странице, и нужно ждать, когда автор догадается издать к книге особый «ключ» с комментариями, страниц примерно в двести, «меньше этого едва ли хватит»⁵⁴. Основная задача мемуаров М. Горяиновой «Струны прошлого» (о дочери автора, пианистке Ирине Энери) — «изобразить петербургское высшее общество — не удалась автору», хотя «петербуржцы найдут в ней много знакомых имен, для них эта книга будет все-таки воспоминаниями прошлого, хотя бы только перечислением тех фамилий, кого видел или с кем был знаком. И если бы эта книга была написана только для друзей автора», она бы, по мнению Ренникова, «была интересна»⁵⁵. Однако по поводу мемуаров «Из потонувшего мира» графини М. Клейнмихель рецензент выразился более резко: для «семидесятилетней старушки печатать кроме болтовни и глупостей, также и беззастенчивое вранье — нехорошо. Так как неумную болтливость на склоне жизни Бог всегда простит. А вранье в таком возрасте — никогда»⁵⁶.

Неприятно относилось «Новое время» к политическим и идеологическим противникам, сменовеховцам. Так, Ренников о газете «Накануне» и о поэте А. Дроздове писал следующее: «Я люблю собак и ни за что во фокса не брошу камень, когда он растерянный в толпе ищет хозяина.

⁵² *Погодин А.* Русская литература за границей // НВ. 1921. № 205.

⁵³ *М.П.* [Рец. на:] Бальмонт К.Д. Воздушный путь: рассказы. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 585.

⁵⁴ *М.П.* [Рец. на:] Урванцов Л. Только одно. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 619.

⁵⁵ *Антар [Селитренников А.М.]* [Рец. на:] Горяинова М. Струны прошлого. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 507.

⁵⁶ *Ренников А.М. [Селитренников А.М.]* Утопленница // НВ. 1923. № 590.

Я люблю Дроздова как скромного талантливого писателя, растерявшегося после того, как Деникин уехал в Англию. ... И тоже никогда ничего в него не брошу. Он не продажный, нет. Он просто, как сменовеховец, нашел наконец настоящих хозяев»⁵⁷. О Дроздове и его причастности к русской революции писал и А. Столыпин⁵⁸. Повесть Глеба Алексеева, по словам критика, «написана живо, но производит гнетущее впечатление. Чувствуется близость автора к сменовеховцам, с которыми он и не стесняется сотрудничать»⁵⁹.

Про первую книгу зарубежного сборника «Одиссея» критик писал, что «в названии слово “русский” очевидно умышленно упущено. И слава Богу! Одиссея — это, надо полагать, странствие русской эмиграции в России в период гражданской войны». По его словам, сборник «украшают» имена «недавних сменовеховцев — Алексея Толстого и Александра Дроздова». Рассказ В. Лидина назван «бредом», и далее: «в ту компанию попал и Савватий со своими рассказами сомнительного достоинства». Но «полным диссонансом в сборнике является хорошо и искренно написанный рассказ Г. Магницкого “Инженер”», хотя «в общем, сборник смело можно и не читать»⁶⁰. Литературно-художественный журнал «Веретено» критиковался В. Городовским за мнимую аполитичность анонимной редакции. Здесь, писал критик, «напечатан рассказ Александра Дроздова, посвященный графу А.Н. Толстому. Так и напечатано графу, а не Товарищу». В журнале указывалось, что повесть Ивана Лукаша «Государь» печатается только «из-за художественных достоинств». Вместе с тем в статье о писателях и их отношении к революции не упоминался такой крупный писатель, как П. Краснов. Городовский отмечал, что этот «старый прием бойкота и умолчания, практиковавшийся еврействовавшей критикой, пытавшейся замолчать даже Розанова, не говорит ни в пользу автора ни в пользу “аполитичной” анонимной редакции»⁶¹. Вообще, можно сказать, что «Новое время» отрицательно относилось ко всему, что имело прилагательное «еврейский», хотя эта тема и не так однозначно трактовалась нововременцами, как это может казаться на первый взгляд. Так, о книге Ш. Горелика «Силуэты еврейских писателей» было сказано, что эта «маленькая книжечка, изданная опрятно, знакомит нас с биографиями и обзором произведений ряда еврейских писателей, кроме Шолом Аша совершенно неизвестных русскому читателю»; правда, вставал вопрос для русских читателей: «Зачем эта книга издана на русском, а не на еврейском

⁵⁷ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Сменовеховцы // НВ. 1922. № 353.

⁵⁸ См.: Столыпин А. Закостенелая интеллигенция // НВ. 1921. № 144.

⁵⁹ В.К. [Рец. на:] Алексеев Г. Мертвый бег: Повесть зарубежных лет. Берлин, 1923 // НВ. 1923. № 590.

⁶⁰ В.К. [Рец. на:] Одиссея: Зарубежный сборник. Берлин, 1923. Кн. 1 // НВ. 1923. № 580.

⁶¹ Городовский В. Веретено // НВ. 1922. № 353.

языке?»⁶² Особенно ярим юдофобом был Ренников, который в фельетоне под названием «Пес» жестоко критиковал парижскую газету «Свободная мысль», называя ее «грязной простыней» за напечатанное в ней стихотворение «Кашеев хруст» одессита А.П. Шполянского (Дона-Аминадо). Процитировав стихотворение, Ренников писал: «Пусть русские люди ознакомятся, как думают о России Шполянские, Вастовские и прочие не буквы, а просто жида»⁶³. Имя Дона-Аминадо Ренников упоминал и в фельетоне «Свистоплясы», написанном по поводу парижского литературного вечера под названием «Кэ фер?» («Что делать?»), вопрос, занимавший умы всей эмиграции. Отмечая участие Александра Яблановского, Тэффи и Дона-Аминадо, нововременский фельетонист заключал, что «лучше бы было Яблановским уже больше никогда не садиться на русскую землю, а Шполянским остаться со своими проклятыми вопросами в веселом Париже и открыть комиссионный магазин имени Тэффи»⁶⁴.

«Новое время» обращало внимание и на литературу белградских (и шире — сербских) писателей, однако количество отзывов о произведениях «местных» изданий сравнительно мало, поскольку и издательская и литературная деятельность беженцев за этот первый двухлетний период выхода газеты была лишь в зачатке, она достигла расцвета в тридцатые годы. Так, о пьесе «Тамо далеко» Ренникова в газете писали неоднократно. Самые обширные отзывы принадлежат критику Ренэ Сансу, который, назвав пьесу трагикомедией, отмечал, что «написана она отличным языком», «производит большое впечатление, особенно на беженцев, из жизни которых взяты почти все сцены». И далее: «Тут и смешные стороны нашей злосчастной эмиграции, но смех не переходит в зубоскальство, а сдерживаемый границами, подсказанными художественным чутьем автора. Тут глубоко трагические черты, которыми полны дни нашей оторванной от родины жизни». Недостатком пьесы Ренэ Санс счел «некоторую длинноту, портящую целостность впечатления»⁶⁵. Сам Ренников в фельетоне «Ужасы драматургии» писал о трудностях постановки пьесы в Союзе деятелей русского искусства. Вот характерная выдержка, рисующая атмосферу этой постановки: «—Что мне делать? — растерянно спросил меня режиссер Суходельский, — 31 артиста, по моему подсчету, не хватает. — И одного двойника, — сердито добавил Ракитин. — А без хорошего двойника я главной роли не играю». А после спектакля некоторые зрители возмутительно обращались к автору:

⁶² Антар [Селитренников А.М.] Горелик Ш. Силуэты еврейских писателей. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 507.

⁶³ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Пес // НВ. 1921. № 193.

⁶⁴ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Свистоплясы // НВ. 1921. № 18.

⁶⁵ Ренэ Санс [Шумлевич К.] Тамо далеко // НВ. 1922. № 357.

«—Вы что наделали? Господи что за мрачная вещь... Вы черт знает что пишете. Нехорошо, дорогой мой»⁶⁶. Ренников переработал свою пьесу, и уже в таком виде она была поставлена на сцене белградского Народного театра. И об этой постановке отозвался Ренэ Санс, на этот раз между прочим написавший: «Мы проводим вечер, день и ночь в Петербурге, мы думаем о том, какие сделали мы ошибки, как бы мы их исправили, если бы можно было начать жизнь сначала, если бы Волга-матушка да вспять пошла ... мы стоим перед волнующей нас тайной и гадаем: — Будет — не будет? Дождемся — не дождемся? Вернемся, — не вернемся? Но без репатриации моего почтенного собеседника — доктора Нансена. Вот приблизительно то, что думает каждый, ухидивший из театра после “Тамо далеко”»⁶⁷. Правда, и в этот раз Ренэ Санс подчеркнул что пьеса в драматургическом смысле страдает длиннотами.

Интересен отзыв Ренникова о «самиздатовском» журнале «Лазурные дали», принесенном ему одним из его редакторов на просмотр: «Среди этих, молодых, новых, собирающихся в безвестные рукописные журналы, среди даже не организовавшихся в такие ячейки нужно ждать литературного рассвета. Лазурные дали — близки»⁶⁸.

Несмотря на чисто догматическое отношение к православию и Церкви, «Новое время» не обходило вниманием книги, трактовавшие религиозные вопросы с иной точки зрения. Для нововременцев был интересен и актуален вопрос отношения между религией и наукой. Например, на вопрос П. Николаи, назвавшего свою книгу «Может ли современный, образованный мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа?», нововременец отвечал: «Если бы автор упомянул, что все в мире воплощается и сохраняется в известных формах, что истинным хранителем и верным наследником благодатных заветов Христа является православие, в котором так гармонично сочетаются идеалы личного счастья с обетованиями, мы бы сказали, что эта небольшая и интересная книга способна вызывать размышления и у “современного, образованного человека”»⁶⁹. Даже и о книге В. Гольденберга «Антропософское движение и его пророк» в «Новом времени» был помещен сравнительно положительный отзыв, в котором рецензент уважительно писал об учении Рудольфа Штейнера⁷⁰.

⁶⁶ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Ужасы драматургии // НВ. 1922. № 360.

⁶⁷ Ренэ Санс [Шумлевич К.] Тамо далеко // НВ. 1922. № 448.

⁶⁸ Ренников А.М. [Селитренников А.М.] Лазурные дали // НВ. 1922. № 361.

⁶⁹ Н.Р. [Резникова Н.] [Рец. на:] Может ли современный образованный мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа? Прага, 1923 // НВ. 1923. № 619.

⁷⁰ В.В. [Рец. на:] Гольденберг В. Антропософское движение и его пророк. Берлин, 1922 // НВ. 1922. № 501.

Итак, литературная критика на страницах «Нового времени» в период первого двухлетия была довольно обширна. Она представлена отзывами, рецензиями, фельетонами и статьями о современной русской литературе эмигрантских и советских авторов. Нововременскую критику нельзя назвать объективной с точки зрения литературных ценностей, поскольку она страдает излишним идеологическим субъективизмом. Она обременена антисемитизмом и сугубо отрицательным, желчным отношением к противникам, советским и сменовеховским писателям и литераторам. Однако для историка литературы нововременская критика значима как факт, игравший немалую роль в пропагандировании и формировании литературных вкусов части русского зарубежья. Нельзя отрицать и ее информационную функцию, создающую широкое представление о культурной жизни, идейных ориентациях и спорах интеллигенции русского зарубежья в первые годы после октябрьского переворота.

В.В. Леонидов

Переписка И.А.Бунина с издательством «Петрополис»

Аннотация: В статье рассматриваются отношения И.А. Бунина с издательством «Петрополис» сквозь призму переписки.

Annotation: The article deals with I.A. Bunin with the publishing house «Petropolis» through the prism of the correspondence.

Ключевые слова: И.А. Бунин, издательство «Петрополис», М.С. Каплан, переписка, собрание сочинений.

Key words: I.A. Bunin, publishing house «Petropolis», M.S. Kaplan, correspondence, collected works.

Издание собрания сочинений было для И.А. Бунина одним из главных событий его литературной жизни. Первое, как известно, состоялось в 1915 г. и воплотилось в жизнь выходом шести книг в «Товариществе издательского и печатного дела А.Ф. Маркса» для выдачи бесплатным приложением к журналу «Нива». Интересно, что переговоры об этом щедром предприятии с управляющим конторой «Нивы» Александром Евсеевичем Розинером (1880–1940) Бунин начал еще до начала войны¹. Переписка Ивана Алексеевича по этому поводу представлена в известном сборнике писем Бунина за 1905–1919 гг.

Второе собрание увидело свет уже во времена эмиграции и было начато на волне интереса после получения писателем Нобелевской премии и поистине всеобщего восторга, охватившего в связи с этим весь мир русского изгнания. Одиннадцать томов вышли в берлинском издательстве «Петрополис» в 1934–1936 гг. «Лица» (5-я часть романа «Жизнь Арсеньева») вышла в 1939 г. уже в Брюсселе как приложение.

Переписка Бунина с издательством «Петрополис» не пропала в огне войны и нацистского лихолетья. В 1994 г. в Иерусалиме в третьем выпуске альманаха «Евреи в культуре русского зарубежья» было опубликовано несколько писем великого мастера русской прозы в «Петрополис» за 1934 г. и одна записка создателю издательства Якову Ноевичу Блоху (1892–1968)².

¹ См.: Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подготовка текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007. С. 659.

² См.: *Рейтблат А.И.* Я.Н. Блох и издательство «Петрополис»: Письма к Я.Н.Блоху // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Сост., гл. ред. М.А. Пархомовский. Иерусалим, 1994. Т. III: 1939–1960-е гг. С. 170–189.

Однако звездный час бесценных писем Бунина, связанных с его яростной борьбой за каждую строчку, за шмуцтитул, за оформление страниц, пришел 21 апреля 1998 г. Именно в этот день, на десятилетнем юбилее журнала «Наше наследие», в знаменитом здании Российского фонда культуры компания «Финансовый континент», выкупив переписку у известного парижского букиниста и антиквара Андрея Владимировича Савина (1946–1999), преподнесла письма в дар фонду (200 единиц хранения, в том числе 93 послания самого Бунина, корректуры с авторской правкой, образцы титульных листов). В основном бунинские письма написаны от руки, некоторые — на машинке. Ответы представителя «Петрополиса» в Париже Михаила Семеновича Каплана (1894–1979) напечатаны на машинке и представлены копиями, без подписи, так как предназначались для архива издательства. Интересно, что в своей заметке о «Петрополисе» для энциклопедии «Книга» наша замечательная исследовательница И.А. Шомракова написала, что архив «Петрополиса» давно утрачен³.

Через три года в журнале «Наше наследие», редакция которого сыграла первую скрипку в возвращении переписки в Россию, было опубликовано 31 письмо Ивана Алексеевича и представителя «Петрополиса» в Париже Михаила Каплана⁴. Однако дальнейшее изменение в судьбе уникальной коллекции, равно как и интерес к работе над подготовкой своих произведений в печать одного из самых гениальных людей, когда-либо рождавшихся на русской земле, позволяют вернуться к этой теме снова.

Итак, через пятнадцать лет письма опять сменили место хранения и обрели постоянную прописку. 25 июня 2013 г. Наталья Дмитриевна Солженицына и директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына Виктор Александрович Москвин приняли в дар от Российского фонда культуры большую коллекцию уникальных документов и книг, переданных по распоряжению президента фонда Никиты Сергеевича Михалкова. Среди них и были три папки переписки Ивана Алексеевича и «Петрополиса».

Русское берлинское издательство «Петрополис», хорошо знакомое по знаменитому знаку Мстислава Добужинского, запечатлевшего памятник Петру I над вспененными волнами Невы, достаточно известно любителям книги⁵.

³ См.: Шомракова И.А. Петрополис // Книга: Энциклопедия / Гл. ред. В.М. Жарков. М., 1999. С. 481.

⁴ См.: Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова при участии В.В. Леонидова // НН. 2001 № 57. С. 79–92.

⁵ См.: Н.З. [Залашупина Н.]. Петербургское книгоиздательство «Петрополис» // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1. С. 34–35; Лозинский Г.Л. «Petropolis» // Книга: Исследования и материалы. М., 1989. Сб. 59. С. 158–162; Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 398; Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указ. [Сост. И.Е. Березовская и др.]. М., 1990. Ч. 1. С. 102; *Рейтблат А.И.* Указ. соч.; Издательства и издательские организации русской эмиграции, 1917–2003 гг.: Энцикл. справочник / Сост. П.Н. Базанов. СПб., 2005. С. 204.

Издательство было создано благодаря неукротимой энергии историка театра Якова Ноевича Блоха. Именно он в самом начале 1917 г. организовал кооператив, целью которого был выкуп частных библиотек для последующей распродажи по умеренным ценам. Другой целью являлось просветительство — организация лекций по истории книги и искусства.

С началом НЭПа деятельность «Петрополиса» развернулась вовсю. Через много лет Яков Блох утверждал в интервью, что «издательство был связано почти со всеми выдающимися представителями русской литературы, русского искусства, русского театра»⁶.

Действительно, книги выходили на высочайшем полиграфическом уровне, увидели свет такие уникальные библиофильские альбомы, как «Портреты» Юрия Анненкова и «Книжные знаки русских художников», издания Н. Гумилева, А. Ахматовой, Г. Иванова, серия «Памятники мирового репертуара». Председателем редакционной комиссии издательства стал Михаил Кузмин.

Другую душой «Петрополиса» был экономист, проректор Петроградской сельскохозяйственной академии Абрам Саулович Каган (1889–1983). Однако вскоре его бурные усилия пошли явно вразрез с новой властью, и в ноябре 1922 г. он был выслан на очередном «философском пароходе» в Берлин, где создал уже немецкий филиал издательства, просуществовавший до 1939 г.

Наиболее масштабной акцией «Петрополиса» в его зарубежный период было, безусловно, издание собрания сочинений И.А. Бунина. Как уже говорилось, переписка великого писателя с «Петрополисом» ныне хранится в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Главным адресатом Бунина был знаменитый книжник Парижа, владелец «Дома русской книги» М.С. Каплан. Именно он представлял в столице Франции интересы «Петрополиса».

«Вот и пришел я в Дом русской книги, вот и увидел я сидящего за конторкой — создателя и хозяина магазина и издательства Михаила Семеновича Каплана. Славный был человек Михаил Семенович, как-то сразу к себе располагал», — вспоминал наш замечательный дирижер и коллекционер Г.Н. Рождественский⁷.

Михаил Каплан родился в Одессе. Дальше в рассказах о его судьбе начинаются разночтения. Уже упоминавшийся Г.Н. Рождественский, много общавшийся с ним и его сыновьями, писал: «В здании на рю Эперон русские книги начали печатать в 70-х гг. прошлого века. С 1905 здесь находи-

⁶ Офросимов Ю. О Гумилеве, Кузмине, Мандельштаме... (Встреча с издателем) // НРС. 1953. 13 дек. № 15205. С. 8.

⁷ Рождественский Г.Н. Треугольники: Фрагменты из книги. (Парижские букинисты. Дмитрий Шостакович) // НН. 1998. № 46. С. 158.

лось издательство “Яков Поволоцкий”. В 1919 году на службу к Поволоцкому поступил приехавший из Одессы М.С. Каплан. Вскоре он перекупил издательство у Поволоцкого и под маркой «Дом Русской Книги» стал печатать и продавать русские книги»⁸. Однако совершенно другую версию жизни Каплана сообщают создатели трехтомного словаря «Русское зарубежье во Франции: 1919–2000»: «Участник мировой войны. С 1918 воевал как солдат в составе Русского экспедиционного корпуса, затем в Иностранном легионе во Франции. Был награжден Георгиевским крестом и медалью Русских добровольцев»⁹. Как бы то ни было, именно Михаил Семенович подписал 21 марта 1934 г. от имени «Петрополиса» договор с Бунинным на издание собрания сочинений.

Договор для писателя был явно не самым выгодным. Издательство обязывалось выпустить в свет 10 томов в течение года при условии, что автор не будет задерживать корректур. Автор получал 15 % при продаже комплектов томов и 20 % при реализации каждой книги. Причем Бунин не имел права переиздавать книги, вошедшие в собрание сочинений.

Все письма — это сплошная битва писателя за возможности вносить изменения в корректуру. И за то, чтобы книга выглядела так, как этого хочет автор:

«Только что получил от г. Каплана Ваше письмо к нему, касающееся моего с Вами дела. Возражаю, во-первых, против неточности, которая есть в этом письме относительно поправок, будто бы сделанных мной в корректуре “Митиной любви” так, что пришлось “ломать” верстку — по моей якобы вине. Таких поправок я не делал, ломать верстку из-за меня Вам не было надобности, — говорю это совершенно уверенно, ибо знаю типографское дело. Вы должны были только выправить ее, сделать в ней передвижения. Но я ли вынуждал Вас к этому? Нет, к этому вынудила Вас та небрежность, с которой Ваша типография верстала книгу, сделав совсем неравномерные пролеты между главами, поставив заглавия вещей, составляющих книгу, на разных уровнях — и т.д. Но оставим это первое пока в стороне — будем об этом спорить тогда, когда мы будем решать этот вопрос с доказательствами в руках, т.е. когда Вы предъявите мне корректурные листы с моими поправками и знающие люди докажут Вам мою правоту в этой частности. Сейчас гораздо важнее для нас с Вами не частное, а общее — второе, т.е. вопрос: какие Вы можете мне дать твердые гарантии»¹⁰.

«Совершенно не понимаю, почему “Петрополис” оставил без всякого ответа мое (заказное) письмо. К чему же поведет это молчание? Если я во-

⁸ *Рождественский Г.Н.* Треугольники: Фрагменты из книги. С. 8..

⁹ Русское зарубежье во Франции, 1919–2000 гг.: Биографический словарь: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1: А–К. С. 656.

¹⁰ И.А. Бунин — издательство «Петрополис», 4 сентября 1934 г. // Архив ДРЗ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

обще не получу никакого удовлетворяющего меня ответа 1-го марта, напечатаю 3–4-го письмо в газетах, расскажу все, что произошло. Поймите меня, пожалуйста: канителиться с остальными 6-ю томами еще полтора года (ведь каждый том берет три месяца) я совершенно не могу, никак не могу. Денег нет? Займите, заложите себя, жен и детей! Но взятое на себя обещание исполните»¹¹.

Эти две цитаты из писем Ивана Алексеевича более чем ярко дают представление о том, что он слал в «Петрополис». А вот пример ответа:

«Если Вам угодно в дальнейшем получать и первую корректуру, охотно будем ее Вам посылать, но должен Вам еще раз подчеркнуть, что все авторские поправки будут производиться за Ваш счет. Надеюсь, Вы не будете вносить столько поправок в каждую корректуру, которые служили бы основанием для типографии выпускать томики с запозданием»¹².

И тем не менее, хотя и с нарушением сроков договора, «Петрополис» выпустил второе собрание сочинений Бунина. В Германии уже утвердился нацизм, все владельцы «Петрополиса» давно покинули Берлин, и 19 декабря 1938 г. Каплан уведомил Бунина о полной ликвидации предприятия. Однако Иван Алексеевич продолжал настаивать на выполнении обязательств:

«...Терпелив был и есмь я в ожидании от “Петрополиса” и отчетности, и хоть какой-нибудь платы за мои книги: ведь уже пять лет прошло с подписания нами (мною и Вами) условия насчет их издания... Условие мое подписывали Вы — и вот, за целых пять лет Вы прислали мне только однажды клочок бумажки, на котором было написано, сколько моих книг продано»¹³.

Материалы переписки добавляют много интересных деталей к истории взаимоотношений И.А. Бунина с издательствами в эмиграции¹⁴.

¹¹ И.А. Бунин — М.С. Каплану, 23 февраля 1935 г. // Архив ДРЗ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹² М.С. Каплан — И.А. Бунину, 27 июля 1934 г. // Там же. Д. 56. Л. 3.

¹³ И.А. Бунин — М.С. Каплану, 21 января 1939 г. // Там же. Д. 38. Л. 2.

¹⁴ См.: *Аболина М.М.* И.А. Бунин в издательском деле русской эмиграции (1920–1953 гг.): к постановке вопроса // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 1 (1). С. 30–36.

Г.Б. Глушанок

В.В. Набоков и издательство «Петрополис»

Аннотация: В статье рассматриваются отношения В.В. Набокова с издательством «Петрополис», и прежде всего с А.С. Каганом. В приложении публикуется переписка между Набоковым и «Петрополисом», касающаяся финансовых расчетов за изданные книги и вопроса об издании романа «Дар».

Annotation: The article deals with the relations between V.V. Nabokov and publishing house «Petropolis», first of all with A.S. Kagan. The correspondence between Nabokov and «Petropolis», concerning financial calculations for published books as well as the intention of publishing Nabokov's novel «Dar» (=«Gift») is attached.

Ключевые слова: В.В. Набоков, «Петрополис», А.С. Каган, Я.Н. Блох, Г.Л. Лозинский, корреспонденция, финансовый отчет, роман «Дар».

Key words: V.V. Nabokov, «Petropolis», A.S. Kagan, Ya.N. Blokh, G.L. Lozinsky, correspondence, financial report, novel «Dar» (=«Gift»).

Триумвират совладельцев издательства «Петрополис» — А.С. Кагана (1888–1983), Я.Н. Блоха (1892–1968) и Г.Л. Лозинского (1889–1942) сложился в Петрограде в 1918 г., и «атмосфера взаимного доверия и сотрудничества» помогли сохранить частное предприятие на крутых поворотах истории, сделав его одним из самых известных проектов-долгожителей книжного дела за рубежом. «Петрополис» был порождением петербургской культуры¹. Отблеск «Мира искусства», художники которого возвели оформление книги в разряд высокого искусства, лежал на всех книгах нового издательства. Первыми же авторами стали молодые поэты-современники, чьи имена еще не вошли в поэтические антологии и энциклопедии: А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Кузмин, О. Мандельштам, Г. Иванов, Г. Адамович. Станным диссонансом на фоне ночных обысков, грабежей, расстрелов, пайков и «уплотнений» выглядели книги, издаваемые «Петрополисом». В них, отменяя революцию,

¹ Об издательстве «Петрополис» см.: *Лозинский Г.Л. «Petropolis» // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1928. Вып. 2. С. 33–38* (То же: *Книга: Исследования и материалы. М., 1989. Сб. 59. С. 158–162*); *Н.З. [Залшупина Н.] Петербургское книгоиздательство «Петрополис» // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1. С. 34–35*; *Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 398*; *Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указ. [Сост. И.Е. Березовская и др.]. М., 1990. Ч. 1. С. 102*; *Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» // Русская литература. 1991. № 1. С. 189–204*; *Рейтблат А.И. Я.Н. Блох и издательство «Петрополис»: Письма к Я.Н. Блоху // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Сост., гл. ред. М.А. Пархомовский. Иерусалим, 1994. Т. III: 1939–1960-е гг. С. 170–189 и др.*

материализовалась прежняя человеческая жизнь с потребностью в искусстве. Однако к началу 1921 г. положение частных издательств резко ухудшилось, а их хозяева начали испытывать давление со стороны Советской власти. Первым, спасаясь от ареста, в 1921 г. бежал в Финляндию, переправившись на лодке, Г.Л. Лозинский; из Финляндии он перебрался в Париж, где до конца дней занимался педагогической деятельностью. Лозинский умер в оккупированном немцами Париже. В середине сентября 1921 г. ночью арестовали жену и сестру, Я.Н. Блоха, и лишь через 2 месяца благодаря хлопотам друзей они были выпущены. Через год после ареста, в 20-х числах сентября 1922 г. Я.Н. Блох с семьей эмигрировал в Берлин. В ночь с 16 на 17 августа 1922 г., без предъявления ордера, А.С. Каган был арестован в своей квартире и доставлен в ГПУ на Гороховую. Этой же ночью в Петрограде одновременно были арестованы 30 человек «антисоветской интеллигенции» — пассажиры будущего «философского парохода». 16 ноября 1922 г. немецкий корабль «Пруссия» увозил из Петрограда уже вторую группу изгнанников. Каган с женой и сыном высылались вместе с Н.О. Лосским, Л.П. Карсавиным, И.И. Лапшиным, друзьями-литераторами.

* * *

«Спешу приветствовать Ваше появление на немецкой территории, — писал Кагану Я.Н. Блох 23 ноября 1922 г. — Очень огорчен, что не имел возможности обнять и расцеловать вас еще в Штеттине. ... Надеюсь, что Вы вполне оправились от пребывания в Домашнем пансионе Зиновьева. И по-прежнему полны энергии»².

Подписанный в 1922 г. Рапвальский договор между РСФСР и Веймарской республикой способствовал бурному развитию книгоиздательской отрасли³. «Оказывается, — писал Р.Б. Гуль, — один год в Германии русских книг вышло больше, чем немецких. Об этом мне рассказал мой берлинский издатель (и приятель) А.С. Каган (“Петрополис”). Он издал в Берлине русских книг больше тысячи наименований. Под маркой — “Петрополис”, “Парабола”, “Обелиск”, “Гранит” (правда, этот “Гранит” был придуман только для книг “гранитного” Троцкого, вышвырнутого Сталиным на Запад)»⁴.

² ВА. А. Kagan papers. Box 1.

³ Историк литературы Г.П. Струве объяснял феномен «русского Берлина» следующим образом: «В Германию с концом Гражданской войны в России, введением нэпа и установлением дружественных отношений между Советской Россией и Веймарской Республикой потянулись и советские люди. Возник целый ряд издательских предприятий, которые, печатая книги в Германии, готовы были обслуживать и советский, и эмигрантский рынок и печатать авторов, проживающих как внутри, так и вне России» (Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 32).

⁴ Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции / Предисл. О.А. Коростелева. М., 2001. Т. 1: Россия в Германии. С. 154.

Стремительная девальвация немецкой марки подорвала экономические основы жизни. С введением стабилизационной рейхсмарки в ноябре 1923 г. произошло удорожание жизни в 6 раз. Берлин перестал быть столицей русского зарубежья. Многочисленная русская колония убывала — уезжали в Прагу, в Париж, который стал бесспорным центром русской эмиграции в предвоенное десятилетие. А «от сумасшедших берлинских лет, — по словам В.Л. Андреева, — осталось только воспоминание как о невероятном фейерверке — как будто в одну ночь сгорела целая фабрика бенгальских огней»⁵. Высокоразвитая книжная промышленность и конвенция об авторских правах еще удерживали издателей и авторов в сфере издательской деятельности, но прежней «галактики Гуттенберга» уже не существовало, многие разорились.

Однако в непростых условиях экономической катастрофы и жесткой конкуренции невероятная активность А.С. Кагана только возросла. Теперь он не только издавал книги, но изучал рынок русских книг, объезжая последовательно главные центры русской эмиграции. Параллельно организованная торговля советскими книгами и антикварно-букинистической литературой расширила рынок сбыта и сохранила издательство «Петрополис» в период кризиса.

27 февраля 1933 года издательство «Петрополис» отмечало 15-летие своего существования: «В загородном доме в Груневальде собрались на чествование, можно сказать, все общественные русские круги Берлина. Председателем был И.В. Гессен, и я с Яковом Ноевичем [Блохом. — Г.Г.]. Собрались писатели, журналисты, издатели, адвокаты, врачи, общественные деятели. У меня сохранилась фотография этого собрания. ... К концу вечера сообщили зловещее известие: горит Рейхстаг. Под этим впечатлением мы разошлись»⁶. Пожар Рейхстага был началом процесса захвата власти нацистами.

* * *

24-летний Владимир Набоков приехал в Берлин, окончив в Англии Кэмбриджский университет, на следующий год после гибели отца, В.Д. Набокова (1922 г.). Внезапно обесцененную на его глазах берлинскую жизнь он опишет одним предложением в романе «Подвиг»: «Мартын менял в трамвае доллар, — вместо того, чтобы на этот доллар купить доходный дом»⁷.

⁵ Андреев В.Л. История одного путешествия // Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М., 2003. С. 57.

⁶ ВА. А. Kagan papers. Box 1.

⁷ Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. / Сост Н.И. Артеменко-Толстой; предисл. А.А. Долинина; примеч. О.Ю. Сконечной, А.А. Долинина, Г.М. Утофа, А.Д. Яновского, Ю. Левинга, М.Э. Маликовой, Р.Д. Тименчика. СПб., 2001. Т. 3. С. 197.

Через год после свадьбы, в 1926 г., Набоков писал жене: «Моя душенька, из побочных маленьких желаний, могу отметить вот это, — давнее: уехать из Берлина, из Германии, переселиться с тобой в Южную Европу. Я с ужасом думаю об еще одной зиме здесь. Меня тошнит от немецкой речи, — нельзя ведь жить одними отражениями фонарей на асфальте, — кроме этих отблесков и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, — есть вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус гнилой колбасы и самодовольное уродство. Ты все это понимаешь не хуже меня. Я предпочел бы Берлину самую глухую провинцию в любой другой стране»⁸.

За 10 лет из сына Владимира Дмитриевича Набокова, юриста, одного из основателей партии Народной свободы, депутата Государственной думы I созыва, Владимир стал известным в эмиграции автором, писателем Сириным.

«Петрополис» был для Набокова вторым и последним довоенным русским издательством после гессеновского «Слова», не считая журнал «Современные Записки», издавшего в 1932 г. отдельной книгой роман «Подвиг». А.С. Каган еще по Петрограду хорошо знал В.Д. Набокова, отца писателя. И, как секретарь Союза издателей, знал и ближайшего друга В.Д. — И.В. Гессена, издателя столичной газеты «Речь» и юридического еженедельника «Право». Помимо дружбы, их связывали профессиональные интересы. В годы кризиса, когда издательство «Слово» закончило свою деятельность, его перекупил именно Каган.

В Берлине «Петрополисом» были изданы два набоковских романа: роман «Камера обскура» вышел уже во время Третьего рейха, в декабре 1933 г. В 1936 г. был издан роман «Отчаяние».

На обложке романа «Камера обскура» упомянуты два издательства: «Современные записки» и «Parabola», последнее — тоже было детищем А.С. Кагана. На обратной стороне титульного листа значилось: «Склад издательства Petropolis-Verlag A.G.».

Оплата писательского труда — одна из постоянных тем, важная составляющая жизни писателя по пушкинской формуле: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». В 1929 г., составляя первый договор с начинающим прозаиком В. Сириным в журнале «Современные Записки», И.И. Фондаминский предлагал платить 500 франков за лист при том, что Бунин получал 600 франков за лист, Алданов — 400–450 франков. Фондаминский писал М.В. Вишняку: «Сирин живет в Германии и по немецким ценам и 500 фр<анков> (84 марки) — гроши. Он очень нуждающийся человек,

⁸ В.В. Набоков — В.Е. Набоковой, 4 июля 1926 г. // NYPL. V. Nabokov papers.

живет своими заработками, и оплата по получении рукописи побудит его к аккуратности»⁹. Но даже став постоянным автором престижного журнала, Набоков действительно испытывал нужду: денег катастрофически не хватало. Как писал Г.П. Струве, «русский книжный рынок, раздувшийся было в годы инфляции в Германии, с обеднением эмиграции или ее денационализацией ... все больше и больше сжимался. Существовать писательским трудом могли только те писатели, которых переводили на иностранные языки и которые в переводах имели успех»¹⁰. Первые романы Сирина — «Машенька» и «Король, дама, валет», переведенные на немецкий язык, и принесли наибольший доход их автору.

Установочной продажной ценой в «Петрополисе» была сумма в два французских франка, которые переводились в немецкие рейхсмарки, что составляло пятую часть от продажной суммы. По отношению к Набокову издательство соблюдало «приличия»: финансовые отчеты о продажах посылались каждый квартал с информацией о количестве проданных книг и суммой, которая перечислялась В.В. Набокову (см. письма № 1–10).

* * *

Начиная с 1933 г. в Германии последовательно вступали в силу равные законы. До организации территориального гетто для евреев было создано интеллектуальное: они были изгнаны из юриспруденции, медицины, уволены из университетов. Бизнесы и учреждения, принадлежащие евреям, отчуждались в пользу «истинных арийцев». Последние штемпели со свастикой на письмах Кагана заканчиваются весной 1938 г. Руководители «Петрополиса» стали покидать Германию. Первым уехал Блох с семьей, сначала во Францию, позже — в Швейцарию (1938 г.). Каган с семьей бежал в Бельгию (через Париж): «Моя издательская деятельность в Германии не прекращалась вплоть до моего отъезда летом 1938 года»¹¹. «С “Петрополисом” мне пришлось расстаться, его пришлось ари-

⁹ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 25 мая 1929 г. // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М., 2011. Т. 1. С. 493.

¹⁰ Струве Г.П. Указ. соч. С. 164. Ср.: «...даже эмигрантским писателям старшего поколения, слава которых твердо установилась в дореволюционной России, невозможно было надеяться, что книги доставят им средства к существованию. Писания еженедельной колонки в эмигрантской газете никогда не хватало на то, чтобы сводить концы с концами. По временам неожиданный куш приносил перевод на иностранный язык, в основном же продление жизни пожилого писателя зависело от подношений разнообразных эмигрантских организаций, заработков, доставляемых публичными чтениями, да от щедрости частных благотворителей. Авторы помоложе, менее известные, но более адаптивные пополняли случайные субсидии тем, что брались за какую угодно работу. Я, помню, давал уроки английского и тенниса» (Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. / Сост. С.Б. Ильина и А.А. Кононова; коммент. С.Б. Ильина и А.М. Люксембурга. СПб., 1999. Т. 5. С. 560–561).

¹¹ ВА. А. Kagan papers. Box 1.

зировать, — писал Каган А.Л. Бему уже из Бельгии 18 июля 1938 г. — Во главе его стали приличные люди, но не думаю, чтобы они справились с многообъемностью издательского дела за рубежом. Это дело исключительно трудное, требует чрезвычайной гибкости, приноровления, установления дружеских отношений, для чего требуется известный культурный уровень. Новое правление состоит из людей несомненно честных, но не обладающих указанными качествами. Удастся ли отсюда ими руководить, сильно сомневаюсь. Пока они ограничатся изданием однотомных классиков, это[го] хватит на год»¹².

Вырвавшись из нацистской Германии, Блох и Каган возродили издательство «Petropolis», разместившееся в Брюсселе, где поселился Каган. Как писал Каган тому же Бему 15 августа 1938 г., «работаю над созданием издательства. Я хочу построить издательство на совершенно иных основаниях, придав ему общественный характер, создав своеобразный кооператив. Пока издательство должно быть только на русском языке, и каков бы ни был рынок, русское издательство должно существовать»¹³. Предприимчивый Каган довольно быстро влился в жизнь русской диаспоры в Брюсселе: он познакомился с Русским клубом, с русской типографией, могущей предоставить кредит; завел контакт с бельгийской фирмой, ввозившей советские и антикварные книги, для дальнейшей торговли; получил заказы на издание трудов славянского отдела Восточного института и стал разыскивать своих прежних авторов. «Адреса Сирина не знаю: слышал, что он в Ментоне. Вы можете, думается, писать ему по адресу И.И. Фондаминского — с просьбой переслать», — отвечал М.А. Осоргин на запрос Кагана¹⁴.

* * *

В январе 1937 г. В.В. Набоков отправился в лекционный тур по Бельгии, Великобритании и Франции. В ежедневной драматической переписке с женой, оставшейся в Берлине, решался трудный выбор страны проживания, связанный с писательской профессией. В начале мая 1937 г. Вера с 4-летним Дмитрием тоже навсегда уехала из Берлина — в Прагу, к Елене Ивановне, матери Набокова, которая никогда не видела внука. 11 мая Набоков писал жене: «Как я счастлив, что мы разделались, наконец, с Германией. Никогда, никогда, никогда я туда не вернусь. Будь она проклята, вся эта холодная сволочь. Никогда»¹⁵. 22 мая семья соединилась в Праге, а в конце

¹² LAPNP. Фонд А.Л. Бема. Кор. 4.

¹³ Ibid.

¹⁴ ВА. А. Kagan papers. Box 1.

¹⁵ В.В. Набоков — В.Е. Набоковой, 11 мая 1937 г. // NYPL. V. Nabokov papers.

июня Владимир и Вера уехали во Францию, опять превратившись в беженцев с нансеновскими паспортами.

Осенью 1938 г., когда Каган с семьей уже осел в Брюсселе, Набоков написал З.А. Шаховской, жившей там же: «У нас сейчас особенно отвратительное положение, никогда такого безденежья не было, эта медленная гибель никого не огорчает и даже не волнует (впрочем, нет, Союз Литераторов в Париже выслал мне 200 франков). Совершенно не знаем, что делать дальше, как только наберем на билеты, поедем в Париж... Мы сейчас находимся в русской, очень русской инвалидной вилле, среди старых гримз, на Кап д'Антиб, который сам по себе упоителен. В Париже ходит легенда, что мы сидим на Ривьере ради прекрасных глаз моря, эти завистливые идиоты не понимают, что нам просто деваться некуда» (недатированное письмо)¹⁶.

К этому времени — осени 1938 г. и относится вторая часть переписки, посвященная единственному вопросу: изданию романа «Дар» с главой о Н.Г. Чернышевском, которая была отвергнута редакцией журнала «Современные записки» по настоянию М.В. Вишняка. 19 октября 1938 г. вышел 67-й номер журнала «Современные записки» с последней, 5-й главой романа. Редакционное примечание, предшествующее публикации, гласило: «Глава 4-я, целиком состоящая из “Жизни Чернышевского”, написанной героем романа, пропущена с согласия автора. — *Ред.*». Читатели были обмануты: Набоков не был согласен ни на какие сокращения. Он вел безрезультатную эпистолярную полемику со вторым редактором журнала, В.В. Рудневым, по поводу которой Руднев иронически и проницательно писал ему: «В отдельном издании романа Вы восстановите Вашего “неуча” [В.Г. Белинского. — *Г.Г.*], а в историю литературы этот эпизод войдет как образец демократической цензуры, а Вы — с ореолом мученика и жертвы»¹⁷. Каган оказался пятым издателем, к которому обращался Набоков, желая напечатать свою «любимую вещь»¹⁸.

¹⁶ MDLC. V. Nabokov papers. Box 22.

¹⁷ В.В. Руднев — В.В. Набокову, 1 декабря 1937 г. // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М., 2014. Т. 4. С. 321.

¹⁸ Первым был И.И. Фондаминский, пообещавший напечатать отвергнутую 4-ю главу в новом журнале «Русские записки». Но основатель журнала М.Н. Павловский выбрал на пост редактора П.Н. Милюкова, а на секретаря редакции — М.В. Вишняка, не пропустившего главу в «Современных записках». Ситуация оказалась безвыходной.

В мае 1938 г. Набоков получил письмо от С.В. Рахманинова: «Только сегодня, 28 мая, до меня дошло Ваше письмо к Л. Львову от 10 мая, где два слова о “дикой нужде” меня поразили. Распорядился Вам выслать по телеграфу 2500 франков, которые Вы мне можете отдать, когда вышеупомянутые слова отпадут. Если это и не скоро будет, от чего — Боже упаси, — не беда. Одно сознание, что мог Вам в тяжелую минуту помочь, мне радостно. Вопрос о напечатании “Дара” в настоящее время — должен, к сожалению, отклонить» (С.В. Рахманинов — В.В. Набокову, 28 мая 1938 г. // MDLC. V. Nabokov papers. Box 22).

А.С. Каган был почти ровесником М.В. Вишняка — младше всего на пять лет. Их эстетические взгляды формировались в годы распространения утилитарно-дидактической эстетики 1860-х гг. — политического радикализма, желавшего подчинить искусство — политике. В дневнике Кагана представлен стандартный список книг, формировавший мировоззрение молодого социалиста-революционера начала века. Кроме русских и зарубежных классиков, упомянута и «текущая» литература: «Скучнейший Скабичевский, Белинский, примитивный Писарев. Для того, чтобы быть “сознательным” социал-революционером, надо было знать не только материализм, но и идеализм, который присвоили себе социал-революционеры; Михайловский был обязателен, и его очерк “Что такое прогресс” я знал чуть ли не наизусть. Затем Чернышевский со своим “Что делать?”»¹⁹. Как принял четвертую главу романа Каган, прибавивший к своим юношеским запойным чтениям тридцать лет жизни? Видимо, издатель «Дара» победил читателя «Что делать?».

Решение Кагана издать «Дар» обрадовало Набокова (письмо № 12). После переговоров об оплате и делении книги на два тома Набоков написал З.А. Шаховской, жившей в Брюсселе (возможно, на ее предложение выслать машинопись романа ей для содействия): «Прежде чем посылать манускрипт, мне бы хотелось ответа от Кагана. Надеюсь, ты прочла мою открытку, там речь шла о “Даре”. Буду тебе очень благодарен, если ты поднажмешь на него» (1938)²⁰.

Несмотря на сугубо деловой характер переписки, отношения издателя и автора были менее формальные, чем это кажется на первый взгляд. Каган отчасти выступает «агентом» Набокова — старается продать роман «Защита Лужина», устроить перевод какого-нибудь произведения на фламандский язык, несмотря на неудачу с «Меден-ферлягом» и «м-м Лаваль». Он сооб-

kov papers. Box 1). Летом 1938 г. Набоков обращался к своему американскому литературному агенту Altagracia de Jannelli. Внутренняя рецензия А.И. Назарова для издательства «Bobbs-Merrill» не дала результатов.

Набоков запрашивал издателя «Русских записок» и книги его рассказов «Соглядатай» — М.Н. Павловского, который писал В.В. Рудневу о 67-й книге «Современных записок»: «Зато — великолепен — “Дар”. Вот уж действительно самое выдающееся произведение нашей эмигрантской литературы. Если памятником ее останется только “Дар”, то этого будет достаточно. Для меня лично создается тягостный cas de conscience <случай совести>. В. Сирин предложил мне издать всю книгу, включая 4-ую часть. Не издать такой книги прямо невозможно (когда до сих пор продолжает выходить отдельными книгами всякая ерунда). Но что делать с 4-й частью (которую я сам даже еще не читал, но которой меня пугают решительно со всех сторон?» (М.Н. Павловский — В.В. Рудневу, 27 декабря 1938 г. // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 1. С. 878. Примеч. 15).

¹⁹ ВА. А. Kagan papers. Box 1.

²⁰ MDLC. V. Nabokov papers. Box 22.

щает Набокову о своих детях, спрашивает адреса друзей отца — Гессена и Фрумкина и даже привозит от З.А. Шаховской платье для Веры Евсеевны.

Прошел год тщетных ожиданий. Порванная, недатированная, но все-таки сохранившаяся последняя открытка от Кагана оставляла надежду (письмо № 17). Но в ней уже прозвучало страшное слово «война». Книжные интересы в охваченной войной Европе отступали перед реальностью. «Подальше из Европы, катастрофа неминуема, вопрос только во времени. Здесь спокойно, страсти улеглись. Но сможет ли эта маленькая страна остаться в стороне? Очень сомнительно», — писал Каган Г.В. Вернадскому в августе 1938 г.²¹

* * *

«В начале мая 1940-го г. немецкие армии двинулись на нейтральные страны, на своем пути почти не встречая препятствий, занимая один город за другим, и лавиной обрушились на Бельгию... Немецкие аэропланы стали обстреливать Брюссель». 14 мая семья Каганов покидает город. Вместе с другими беженцами добираются до Франции: Париж, Бордо, Тулуза... В Париже «петрополи» видятся в последний раз: «Мы поехали к Блохам, они собирались на днях покинуть Париж — немцы были уже близко. Переночевали у Раюши [Раиса Блох] — она вечером уезжала уже, а ребенок с Мишей [Михаил Горлин] уже уехали... Побывал у Лозинских. ... Утром направился в ОЗЕ, где работал Яков Ноевич». Прощальное свидание — в Тулузе, куда пришлось уехать семье Кагана. Там «нас навестил Яков Ноевич, который с ОЗЕ покинул Париж»²².

Свою последнюю «европейскую ночь» 1940 г. Набоков опишет в «Других берегах» с документальной точностью: «Дело было в мае — около 19 мая 1940 г. Накануне, после нескольких месяцев ходатайств, просьб и брани, удалось вспрыснуть взятку в нужную крысу в нужном отделе и этим заставить ее выделить нужную *visa de sortie* <выездная виза>, которая в свою очередь давала возможность получить разрешение на въезд в Америку. ... Кроме скуки и отвращения, Европа не возбуждала во мне ничего. Кругом было очень тихо. Облегчение, которое я испытывал, придавало тишине некоторую нежность. Из-под дивана выглядывал игрушечный грузовичок. В соседней комнате ты и наш маленький сын мирно спали. Лампа на столе была в чепце из голубой сахарной бумаги (военная предосторожность) ... Непроницаемые занавески отделяли меня от притушенного Парижа. Лежавшая на диване газета сообщала крупными литерами о нападении Германии на Голландию»²³.

²¹ В.А. G. Vernadsky papers. Box 40.

²² В.А. А. Kagan papers. Box 1.

²³ *Набоков В.В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. / Сост Н.И. Артеменко-Толстой; предисл. А.А. Долинина; примеч. Ю. Левинга, А.А. Долинина, М.Э. Маликовой, О.Ю. Скопечной, А.А. Бабилова, Г.Б. Глушанок. СПб., 2000. Т. 5. С. 323.

Когда-то, только познакомившись с Верой, Владимир, гостивший у матери, писал ей из Праги в Берлин: «А что-то будет в Берлине, моя любовь? Поедешь ли ты со мной в Америку?..» 20 мая 1940 г. корабль «Шамплэн» увозил их в Новый Свет. Два года спустя этот же спасительный путь сотен людей проделает и Каган с семьей. «Петрополиса» больше не существовало, как не существовало того Петербурга, Брюсселя и Парижа.

По прибытии в Нью-Йорк 28 июня 1942 г. Каган написал Г.В. Вернадскому: «Жизнь в четвертый раз начинается снова»²⁴. В Америке Каган станет американским издателем. Набоков — американским писателем. «Дар» будет издан в 1952 г. в Нью-Йорке «Издательством им. Чехова».

* * *

Переписка В.В. Набокова с А.С. Каганом, главой издательства «Petropolis», отложилась в двух американских архивах: в личном фонде В.В. Набокова в Библиотеке Конгресса сохранились финансовые отчеты о продаже двух набоковских романов, изданных «Петрополисом», «Камеры обскуры» и «Отчаяния»; договор на издание романа «Отчаяние» и несколько открыток, касающихся издания романа «Дар». В личном фонде А.С. Кагана, хранящемся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета сохранилось пять набоковских открыток трех последних месяцев 1938 г. с запросами об издании романа «Дар» и обсуждении условий договора. Всего 17 корреспонденций, текст которых воспроизводится в современной орфографии и пунктуации. Переводы финансовых отчетов издательства с немецкого языка на русский сделаны Владимиром Янценом (Галле, Германия), которому публикатор приносит глубокую и сердечную благодарность.

²⁴ BA. G. Vernadsky papers. Box 40.

1. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 10 ноября 1934 г.

Sehr geehrter Wladimir Wladimirowitsch!

Wunschgemäß teilen wir Ihnen mit, daß der Absatz Ihres Buches „Camera obscura“ sich folgendermaßen gestaltet hat:

Bis zum 31.12.33	172 Expl.
I. Quartal 1934	46"
II. " "	22 "
III. " "	26 "

insgesamt...

 266 ".

Wir entschuldigen uns für die Verzögerung und zeichnen mit vorzüglicher Hochachtung

С приветом А.Каган
den 10.11.1934

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Согласно Вашему желанию сообщаем, что сбыт Вашей книги «Camera obscura» осуществлялся следующим образом:

До 31.12.33 г.	172 экз[емпляра]
I квартал 1934 г.	46 "
II " "	22 "
III " "	26 "

 всего... 266 ".

Приносим извинения за задержку и остаемся
С совершенным уважением
С приветом А. Каган
10.11.1934 г.

2. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 30 ноября 1934 г.

Sehr geehrter Wladimir Wladimirowitsch!

Wir überreichen Ihnen anbei einen Scheck über M 51,20 und werden Ihnen noch M 40,-- innerhalb 8–10 Tagen zukommen lassen. Wir bitten Sie vielmals um Entschuldigung, daß wir die Zahlung so verspätet leisten.

Der Betrag von M 91,20 ergibt sich wie folgt:

Absatz von «Camera obscura» bis zum II. Quartal 1934 à M 0,38 no. = M 91,20

Mit vorzüglicher Hochachtung

А. Каган

Anlage: 1 Scheck
den 30.11.34

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

При сем пересылаем Вам чек на 51,20 м[арки], а в течение 8–10 дней отправим Вам еще 40,-- м[арок]. Приносим Вам многократно извинения за то, что с таким опозданием производим эту оплату.

Сумма в 91,20 м[арки] складывается следующим образом:

Продажа «Camera obscura» до II-го квартала 1934 г. по 0,38 м[арки] за экз[емпляр] = 91,20 м[арки]

С совершенным уважением

А. Каган

Приложение: 1 чек
30.11.34 г.

3. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 5 апреля 1935 г.

Многоуважаемый Владимир Владимирович,

Мы согласны принять к изданию Ваш роман «Отчаяние». Роман мы должны выпустить в течение этого года в количестве экземпляров не свыше 1000 (одной тысячи). В случае расхождения его мы имеем право вновь выпустить его в таком же количестве экземпляров при соблюдении прочих условий. Вы получаете 10% с номинала по мере расхождения книги. Расчет Вам представляется каждый квартал, уплата к следующему кварталу. В качестве авторских Вы получаете бесплатно 40 экземпляров книги. Если понадобится еще некоторое коли-

чество экз[емпляров] (отнюдь не для продажи), Вы получаете их с максимальной издательской скидкой. Рукопись должна быть сдана в совершенно готовом для печати виде. Корректурa по Вашему усмотрению читается нами либо Вами. В последнем случае она должна возвращаться без авторской правки.

Если после расхождения первого издания мы в течение трех месяцев не приступим к новому изданию, то права на издание переходят к Вам. Права по переводу на иностранные языки сохраняются за Вами и фильмовые права¹. В случае возникновения недоразумений последние разрешаются третейским судом в Берлине.

Ваше согласие не откажите в любезности подтвердить на копии сего письма.

С совершенным уважением.

Готовые к услугам

А. Каган

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. На бланке издательства «Петрополис». Машинопись, поправки и подпись-автограф.

¹ «Фильмовые права» написано от руки на левом поле.

4. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 17 мая 1935 г.

Für das 3. Quartal 1934 stehen Ihnen noch zu für 26 Expl. «Kamera obscura» ffrs. 52,-- und für das IV. Quartal 15 Expl. = ffrs.30,-- / insgesamt ffrs. 82,-- oder Reichsmark: 13,35. Diesen Betrag überweisen wir mit gleicher Post auf Ihre Adresse.

Die Abrechnung für das 1. Quartal 1935 folgt in einigen Tagen.

Hochachtungsvoll А. Каган

den 17. Mai 1935

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

За 3-й квартал за 26 экз[емпляров] «Kamera obscura» Вам причитаются еще 52,-- ф[ранцузских] фр[анка], а за IV квартал 15 экз[емпляров] 30,-- ф[ранцузских] фр[анков] / всего 82,-- ф[ранцузских] фр[анка] или рейхсмарок: 13,35. Эту сумму мы переведем той же самой почтой на Ваш адрес.

Оплата за 1-й квартал 1935 г. последует через несколько дней.

С глубоким почтением

А. Каган

17 мая 1935 г.

5. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 27 июля 1935 г.

Nachstehend geben wir Ihnen Abrechnung über den Verkauf des Buches
«Kamera obscura».

verkauft I. Quartal 19 Expl.

" II. " 10 "

Insgesamt 29 " à ffrs 2, -- = ffrs: 58, --

= Reichsmark: 9,66

Diesen Betrag werden wir Ihnen in den nächsten Tagen überweisen.

Hochachtungsvoll

[*Unterschrift unleserlich*]

den 27. Juli 1935

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

Нижеследующим даем Вам отчет о продаже книги «Kamera obscura».

Продано в I квартале 19 экз[емпляров]

" во II " 10 "

всего 29 " по 2, -- ф[ранцузских] фр[анка]=

ф[ранцузских] фр[анков]: 58, --

= рейхсмарок: 9,66

Эту сумму мы переведем Вам в течение следующих дней.

С глубоким почтением

[*подпись неразборчива*]

27 июля 1935 г.

6. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 18 марта 1936 г.

Abrechnung: «Kamera Obscura»

verkauft im III. Quartal 1935 23 Expl.

" " IV. " " 21 "

44 Expl. à ffrs. 2, -- = ffrs: 88, --

oder Reichsmark: 14,65

Ordnungshalber teilen wir Ihnen mit, daß von dem Buch jetzt insgesamt 354
Expl. abgesetzt wurden.

Hochachtungsvoll

А. Каган

Den 18.3.1936

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

Отчет: «Kamera Obscura»

Продано в III квартале 1935 г. 23 экз[емпляра]

" " IV. " " 21 "

44 экз[емпляра] по 2, --ф[ранцузских] фр[анка] = ф[ранцузских] фр[анков]
88, -- или рейхсмарок: 14,65

Ради порядка сообщаем Вам, что этой книги сейчас продано в общей сложности 354 экз[емпляра].

С глубоким почтением

А. Каган

18.3.1936 г.

7. А.С. Каган — В.В. Набокову

Берлин, 28 апреля 1936 г.

Abrechnung: Kamera Obscura i «Otschajanie»

I. Quartal 1936 Kam. Obsc. 24 Expl. à 2, -- ffrs. = 48, --

" " " «Otschaj.» 153 " " 2, -- " 306,--
354, --

ffrs. 354, -- = Reichsmark: 59, --

Der Betrag ist zu zahlen nach dem 1. Juli 1936. Ordnungsgemäß teilen wir Ihnen mit, daß von dem Werk «Kamera Obscura» insgesamt 378 Exp.1 abgesetzt wurden. Von «Otschajanie» die oben genannte Zahl.

Hochachtungsvoll

А. Каган

den 28.4.1936

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

Отчет: Kamera Obscura и «Отчаяние»

I квартал 1936 г. Kam[era] Obsc[ura] 24 экз[емпляра] по 2,
-- ф[ранцузских] фр[анка] = 48, --

" " " «Отчая[ние]» 153 " "
2, -- " 306,-- 354, --

ф[ранцузских] фр[анка] 354, -- = рейхсмарок: 59, --

Эта сумма подлежит выплате после 1 июля 1936 г. В соответствии с установленным порядком сообщаем Вам, что произведение «Kamera Obscura» было продано в общей сложности 378 экз[емпляров]. «Отчаяния» — вышеназванное количество.

С глубоким почтением А. Каган

28.4.1936 г.

8. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 10 августа 1936 г.

Abrechnung: für das II. Quartal 1936

«Kamera obscura» 22 Expl. à 2 ffrs. = ffrs.44, --
«Otschajanie» 52 " " 2 " = " 104,--
" 148, --

= Reichsmark 24,65

zahlbar nach dem 1. Oktober 1936.

Der Ordnung halber teilen wir Ihnen noch mit, daß insgesamt abgesetzt wurden von

«Kamera obscura» 378 Expl.

«Otschajanie» 153 ".

[Unterschrift unleserlich]

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Датируется по почтовому штемпелю. Машинопись, подпись-автограф.

Перевод

Отчет: за II квартал 1936 г.

«Kamera obscura» 22 экз[емпляра] по 2 ф[ранцузских] фр[анка] =
44 ф[ранцузских] фр[анка] --
«Отчаяние» 52 " " 2 " = __"
104,--

" 148, --

= рейхсмарк 24,65

подлежат к выплате после 1 октября 1936 г.

Порядка ради сообщаем Вам, что в общей сложности было продано

«Kamera obscura» 378 экз[емпляров]

«Отчаяние» 153 ".

[подпись неразборчива]

9. А.С. Каган — В.В. Набокову
Берлин, 23 марта 1937 г.

23.III. [19]37.

RECHNUNG für Mr. Набоков¹

Ваши книги		brutto	netto ²
4 Защита Лужина	3	12 -	6 -
2 Отчаяние	3,35	6,70	3,35
1 Чорба		3 -	1,50
1 Король, дама		3 -	1,50

1 Машенька		1,50	0,75
1 Камера Обскура		3,35	1,65
7 Томов В[аших] произв[едений]	4,20	29,40	14,70
1 Пушкин кож.		8,15	4,10

		Марки	33,55

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись.

¹ Счет для господина Набокова (нем.)

² Brutto и netto — бухгалтерские обозначения для оборотных, валовых сумм, т.е. без налога; и сумм «чистого» дохода за вычетом всех расходов. В данном счете перечислены те издания, которые Набоков заказывал у издательства для собственных нужд дополнительно к авторским экземплярам, получая их как автор с 50%-й скидкой. Поэтому рядом проставлены две цены.

10. А.С. Каган — В.В. Набокову
13 апреля 1937 г.

BERLIN W 15, den 13. April 1937.

Verkauf II. Halbjahr 1936 und 1. Quartal 1937

«Kamera obscura» 47 Ex. à M 0,33,5 = M 15,75

«Otschajanie» 92 " " 0,33,5 = " 30,80

M 46,55

Der Ordnung halber teilen wir Ihnen mit, daßbis zum 1. April 1937 insgesamtverkauft wurden:

«Kamera» 425 Expl.

«Otschaj.» 245 ".

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. На бланке издательства «Петрополис». Машинопись.

Перевод

БЕРЛИН W 15, 13 апреля 1937 г.

Продажа за II полугодие 1936 г. и 1-й квартал 1937 г.

«Kamera obscura» 47 экз. по 0,33,5 марки = 15,75 марок

«Отчаяние» 92 " " 0,33,5 = " 30,80

46,55 марки

Порядка ради сообщаем Вам, что до 1 апреля 1937 г. в общей сложности было продано:

«Камера» 425 экз[емпляров]

«Отчаяние» 245 ".

11. В.В. Набоков — А.С. Кагану
 Кап д'Антиб, 6 октября 1938 г.

Многоуважаемый Абрам Саулович,

Мы оба с женой¹ были очень рады узнать, что Вы окончательно выбрались из зловещей Германии, и желаем Вам всякого успеха при возобновлении Вашей деятельности. Жалеем, что, не быв в Париже, не могли с Вами повидаться. Надемся, что и Блох² окончательно выехали за границу.

Я тоже очень рад буду продолжать с Вами сотрудничество. Желаете ли Вы печатать «Дар»? Пожалуйста, ответьте мне на этот вопрос немедленно и, до окончательного разрешения этого вопроса, сохраните мое предложение в секрете. Между прочим, гл[ава] 4, вызвавшая бурю в редакции, осталась ненапечатанной, что должно бы повысить читательский интерес к «Дару»³.

Для перевода на Фламандский могу Вам предложить «Истребление тиранов», только что напечатанное в «Русских Записках»⁴. Рассказ весьма актуальный, читали ли Вы его? Ежели Вы предпочитаете рассказ более «фабульный», предлагаю Вам любой из только что вышедшего моего сборника «Соглядатай»⁵. Буду очень рад, если Вам удастся продать «Защиту»⁶. А что же с Лаваль и Меденферлягом?⁷

В случае Вашего желания выпустить «Дар» в Вашем изд[ательст]ве, мне хотелось бы от Вас получить конкретное предложение, главным образом с точным определением срока.

Жена очень Вас благодарит за свое платье⁸. Мы оба шлем Вам наш искренний привет.

В. Набоков 6.X. 38.

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

¹ Набокова (урожд. Слоним) Вера Евсеевна (1902–1991). С 15 апреля 1925 г. — жена В.В. Набокова. О ней см.: *Шифф С. Вера. Миссис Владимир Набоков / Пер. О. Кириченко. М., 2002.*

² Речь идет о семье Я.Н. Блох. См. вступительную статью.

³ Роман «Дар», последний из русских романов В.В. Набокова, печатался в 1937–1938 гг. в «Современных записках» (№ 63–67). Глава 4, представляющая собой жизнеописание Н.Г. Чернышевского, была изъята редакцией журнала. См. вступительную статью.

⁴ *Набоков В.В. Истребление тиранов // РЗ. 1938. № 8-9. С. 3–29.*

⁵ Сборник «Соглядатай», названный по заглавию вошедшей в него повести, включал в себя также 12 рассказов, ранее опубликованных в эмигрантской печати в период с 1930 по 1935 г. Сборник вышел в мае 1938 г. в Шанхае, в издательстве «Русские записки», финансирувавшемся М.Н. Павловским.

⁶ Роман «Защита Лужина» В.В. Набокова, напечатанный впервые в «Современных записках» в 1929–1930 гг. (№ 40–42), был переиздан в 1930 г. в Берлине в издательстве «Слово» у И.В. Гессена. Имеется в виду эта книга.

⁷ Видимо, Каган хотел перевести изданный у него роман «Отчаяние» на французский язык. Сведениями о переводчице и издательстве мы не располагаем.

⁸ Платье З.А. Шаховской, которая она передала через Кагана В.Е. Набоковой. «Спасибо за платье, которое посылаешь с Каганом. Как жалко, что Наташа везла так далеко и вдруг не влезло» (В.Е. Набокова —

З.А. Шаховской, б.д. // MDLC. V. Nabokov papers. Box 22). [Наташа — Наталья Алексеевна Шаховская (1903–1988), сестра Зинаиды, первая жена композитора Н.Д. Набокова]. «Дорогая Зиночка, только сегодня получила твоё восхитительное платье, за которое хочу еще раз тебя поблагодарить. Сидит дивно, ничего не нужно переделывать, — и мне захотелось на бал, чего уже давно не бывало» (В.Е. Набокова — З.А. Шаховской, 16 ноября 1938 г. // Ibid).

12. В.В. Набоков — А.С. Кагану *Кап д'Антиб, 12 октября 1938 г.*

12. X. [19]38.

Многоуважаемый Абрам Саулович, благодарю Вас за письмо¹, и очень рад, что «Дар» выйдет у Вас, тем более что это моя любимая вещь, над которой я работал свыше трех лет. Вы пишете «желательно не превышать 15 листов». Должен Вас предупредить, что в «Даре» около 450 страниц. Вы меня озадачили и огорчили предложением платить 10% с 201-го экземпляра. Ведь в Берлине я у Вас получал с первого экз[емпляра]. «Истребление» посылаю. Книг у меня здесь нет. Но 1-го ноября я буду в Париже и тогда вышлю Вам и «Соглядатая», и «Защиту».

До 18-го я остаюсь здесь, а с 18-го прошу Вас писать в Париж, покамест на адрес Фондаминского². Жена и я, мы оба шлем Вам искренний привет.

В. Набоков

MDLC. V. Nabokov papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Фондаминский Илья Исидорович (1880–1942) — политический деятель, член партии социалистов-революционеров. Один из редакторов «Современных записок», ставший близким другом Набокова. В квартире Фондаминского Набоков останавливался, приезжая в Париж.

Об отношениях Набокова и Фондаминского см.: «Единственно мне подходящий и очень мною любимый журнал...» / Публ., вступ. ст. и примеч. Г.Б. Глушанок // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 4. С. 263.

13. В.В. Набоков — А.С. Кагану *Кап д'Антиб, 24 октября 1938 г.*

Многоуважаемый Абрам Саулович, благодарю за письмо¹. Я не совсем представляю, как мы разделим «Дар» на два тома, ибо в нем 5 глав приблизительно равной длины. Будем ли мы делить среднюю главу — чего мне не хотелось бы — или можно сделать один том на 80 страниц длиннее другого? А главное, — возможно ли выпустить оба тома почти одновременно — это для меня чрезвычайно существенно! Мне чрезвычайно трудно согласиться на Ваши гонорарные условия: если Вам необходимо удержать авторские за 200 экзempl[аров] и если от этого условия Вам невоз-

можно отказаться, то я согласен ничего не получать от продажи экзempl[яров] с 201 по 400, но очень Вас прошу выплатить мне по мере продажи %% за первые 200 экз[емпляров]².

С искренним приветом В.Набоков.

ВА. А. Kagan papers. Box 1. Датируется по почтовому штемпелю. Автограф.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² Ср. описание у В.В. Набокова в «Даре»: издатель «Жизни Чернышевского» «аванса не давал никакого, с первой тысячи проданных экземпляров предлагал пять процентов, но зато со следующей доводил авторские до тридцати, что показалось Федору Константиновичу и справедливым, и щедрым» (*Набоков В.В. Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 391*).

14. А.С. Каган — В.В. Набокову Брюссель, 1 ноября 1938 г.

1.11. 1938.

Дорогой Владимир Владимирович,

Подтверждаю получение Вашего открытого письма от 24-го м/м. Относительно раздела «Дара» можно договориться. На полуслове нельзя, конечно, обрывать, но можно выбрать и середину главы. Главное, чтобы обе части вышли почти одновременно. Соображение, почему я хочу раздробить роман на две части, только порядка целесообразности. Если роман будет дорого стоить, то его не будут покупать, и наши взаимные интересы пострадают. Может, мы сделаем с Вами один том длиннее другого.

Я понимаю, что Вам трудно согласиться на мои гонорарные условия. Но теперь риск издания книги сильно повысился. Особенно мне сейчас трудно рисковать, когда я начинаю снова с азов. Давайте, может, сойдемся на среднем: Вы предлагаете не платить Вам за экземпляры, начиная с 201-го, я предлагаю не платить за первые 200 экз[емпляров]. Я Вам сейчас предлагаю начать платить с первого же экземпляра, но до 400 экземпляра платить по 5% с номинала, а потом обычный порядок. Это будет справедливо. Если Вы найдете возможным сократить роман без ущерба его, это будет хорошо, но я не хочу оказывать на Вас никакого давления. «Истребление тиранов» я передал фламандскому издателю¹. Думаю, пройдет. Но главное — я заинтересовал его выпустить фламандское издание «Защиты Лужина», но мне нужен экземпляр, у меня ни одного нет. Платят от 1200 до 1800 бельгийских франков. На нашу валюту это на 25% больше.

Сердечный привет Вере Евсеевне.

Преданный Вам

А. Каган

ВА. А. Kagan papers. Box 1. Машинопись, подпись-автограф.

¹ Возможно, что это Ландсман, о котором А.С. Каган писал в дневнике: «Главным интересом Л<андсмана> была русск<ая> лит<ерату>ра. Он, будучи чистокровным фламандцем, попал в университет в Праге, кот<отрый> и окончил, и так усвоил русск<ий> яз<ык>, что свободно говорил и писал на нем» (В.А. А. Каган papers. Box 1). Осенью 1938 г. Каган писал А.Л. Бему: «На днях встречаюсь с Ландсманом. Посмотрим, что можно устроить на фламандском языке». В письме от 1 июля 1939 г. Каган сообщал Бему: «Я затеял с Ландсманом и еще с рядом лиц издание серии книг касательно России на фламандском языке для Бельгии и Голландии. Это история России, русской литературы, философии, церкви, музыки, искусства. Книги объемом не свыше 15 листов, объективные, без политики и партийности» (LAPNP. Фонд А.Л. Бема. Кор. 4).

15. В.В. Набоков — А.С. Кагану
Париж, ноябрь 1938 г.

Многоуважаемый Абрам Саулович,
посылаю Вам экземпляр моего «Дара». Само собой разумеется, что я не согласен ни на какие сокращения. Из предложенных Вами возможностей мне больше нравится выпустить первые три главы одним том[ом], а остальные две — вторым, тем более что 4-я глава (о Чернышевском) самая длинная. В случае же крайней необходимости я бы согласился на раздел третьей¹.

Ваши условия: 5% с первых 400 экземпляров и, начиная с 401-го — 10% принимаю, скрепя сердце. «Защиту Лужина» вышло в понедельник или вторник. А что с Меден-ферлягом? Что случилось с Вашим складом в Берлине и как будем теперь рассчитывать за продажу старых книг?

С искренним приветом

В.Набоков.

Новый адрес на обороте!

В.А. А. Каган papers. Box 1. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Три года спустя, уже находясь в Америке и переписываясь с переводчиком своих рассказов на английский язык, П.А. Перцовым, Набоков твердо выразил свое мнение: «The book I would like to have published in Russian is “Dar”. It must be published in one volume of approximately 500 pages, — this condition is essential, I mean it cannot be divided into two volumes. So then herewith I give you the desired option on “DAR” until the 1 of November 1941» (пер.: «Книга, которую я хотел бы опубликовать по-русски — “Дар”. Она должна быть издана одним томом при том, что в ней почти 500 страниц — это условие существенно важно, мне кажется, роман не может быть разделен на два тома. Итак, настоящим я даю Вам желаемый опцион на “Дар” до 1 ноября 1941 года») (V.V. Nabokov — P.A. Pertzoff, July 25, 1941 // NYPL. V. Nabokov papers).

16. В.В. Набоков — А.С. Кагану
 Париж, 19 декабря 1938 г.

Многоуважаемый Абрам Саулович.

Я получил, наконец, экземпляр «Защиты», который сегодня Вам посылаю. Жду от Вас вестей по всем нашим делам. Набираете ли уже «Дар»? Что с рассказами? Есть ли у Вас известия относительно перевода «Отчаяния»?¹ Я совершенно не понимаю, что там могло произойти? Существует ли м-м Лаваль? Можете ли сообщить мне (если она не отвечает на письма) адрес издательства?

С приветом

ВА. А. Kagan papers. Box 1. Датируется по почтовому штемпелю. Машинопись.

¹ После публикации в «Современных записках» роман «Отчаяние» был издан «Петрополисом» в 1936 г. В следующем году Набоков сам перевел роман на английский язык («Despair») для издательства «John Long» (Lnd., 1937).

17. А.С. Каган — В.В. Набокову
 Брюссель, 1939¹

Подтверждаю получение Вашего письма. Я не отказался от мысли из[дать ро]ман «Дар». Война меня, прав[да, выбила из] колеи, но я не прерывал своей издательской деятельности, и Ваша книга у меня на очереди. Давайте <sic!> еще только немного прийти в себя. Рукопись Ваша у меня в полной сохранности. Ваш рассказ в стиле Боккаччо <sic!>-Аретино² меня интересует. Может быть, что-либо и можно предпринять. Пришлите его мне. Мой адрес неизменно тот же.

Не можете ли Вы мне сообщить адрес Иосифа Владимировича³, а может быть, Вы знаете и адрес Якова Григорьевича⁴? Буду Вам [очень признате]лен.

[] получно. Сын в Австра[лии в] качестве архитектора⁵. [Дочь?] уже настоящая францу[женка]⁶.

[Привет] Вере Евсеевне.

[] преданный Вам А. Каган

ВА. А. Kagan papers. Box 1. Датируется по содержанию. Машинопись, подпись-автограф.

¹ Открытка с утраченными фрагментами — оторван верхний правый угол и нижний левый угол. Почтовый штемпель не сохранился.

² Рассказ, впоследствии названный «Волшебник», — предтеча «Лолиты». Набоков вспоминал: «В одну из тех военных времени ночей, когда парижане затемняли свет ламп синей бумагой, я прочел мой рассказ маленькой группе друзей. Моими слушателями были М.А. Алданов, И.И. Фондаминский, В.М. Зензинов и женщина-врач Коган-Бернштейн; но вещицей я был недоволен и уничтожил ее после переезда в Америку, в 1940-ом году» (*Набоков В.В. О книге, озаглавленной «Лолита»* (Послесловие к американскому изданию 1958-го года) // *Набоков В.В. Собр. соч. американского периода. Т. 5. С. 378*). Впоследствии рас-

сказ был найден и переведен на английский язык сыном Набокова (*Nabokov V. The Enchanter / Transl. by D. Nabokov. N.Y., 1986. См. также: Набоков В.В. Волшебник // Звезда. 1991. № 3. С. 9–28*).

³ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — юрист, общественный деятель, издатель, мемуарист.

Гессен был хорошо знаком с семейством Набоковых. Именно он пригласил В.Д. Набокова в основанный им юридический еженедельник «Право» (Санкт-Петербург / Петроград, 1898–1917). С этого времени началась их многолетняя дружба, продлившаяся до трагической гибели В.Д. Набокова в Берлине в 1922 г. В Берлине Гессен был председателем русского Союза писателей и журналистов, издавал газету «Руль» при ближайшем участии В.Д. Набокова и А.И. Каминки, где начал печататься В.В. Набоков под псевдонимом В. Сириин. В 1920 г. Гессен организовал издательство «Слово», где вышел перевод Набокова повести Р. Роллана «Colas Breugnot» — «Николка Персик» (1922), а также первые романы: «Машенька» (1926), «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1930) и сборник рассказов и стихов «Возвращение Чорба» (1929). В издаваемом Гессеном сборнике «Архив русской революции» были опубликованы воспоминания В.Д. Набокова «Временное правительство и большевистский переворот» (1921). В.В. Набоков был автором некрологической статьи «Памяти Гессена» (НРС. 1943. 31 марта; То же: *Набоков В.В. Собр. соч. американского периода. Т. 5. С. 594–596*).

Гессена и А.С. Кагана связывали дружеские и профессиональные отношения. Каган «наследовал» во время инфляции гессеновское издательство «Слово» при немецком концерне Ульштейн. 27 февраля 1933 г. в Берлине Гессен вместе с Я.Н. Блохом председательствовал на юбилейном вечере «Петрополиса».

⁴ Фрумкин Яков Григорьевич (1874–1971) — адвокат, член народно-социалистической партии.

В Берлине в 1920-е гг. Фрумкин был представителем книготорговой фирмы «Логос» при издательстве «Слово». Фрумкин был другом отца В.В. Набокова, весной 1941 г. он помог Набоковым выехать с помощью ХИАСА в США на корабле, зафрахтованном ХИАСОМ. «Значительную часть денег достал Фрумкин», — вспоминала Вера Набокова. Фрумкин также помог и сыну Кагана — Анатолию — получить выездную визу. Набоков состоял в переписке с Фрумкиным и его женой.

⁵ Речь идет о сыне А.С. Кагане — Анатолии (1913 г.р.). В письме от 31 июня 1937 г. Каган писал А.Л. Бему: «Мой сын в Австралии. Устроился там архитектором, и мы с женой счастливы, хотя нас и отделяют тысячи километров» (LAPNP. Фонд А.Л. Бема. Кор. 4).

⁶ По всей вероятности, речь идет о дочери А.С. Кагана, Ирине (1931 г.р.; в замужестве Гуттман). В дневнике Каган есть запись о пребывании Ирины в бельгийской школе: «Ирина в школе держалась дичком, не зная фр[анцузского] яз[ыка], и стыдилась, что она может говорить только по-немецки. Она была точно немая. Я объяснил учительнице в чем дело, и она терпеливо ждала. Ирина оказалась очень восприимчивой и скоро затараторила по-французски, и стала даже очень хорошей ученицей» (BA. A. Kagan papers. Box 1).

Список сокращений

1. Архивохранилища

- АВПР — Архив внешней политики Российской Федерации
АРЗ — Архив Русского зарубежья. Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»
Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ЗНБ ЮФУ. ОРИ — Зональная научная библиотека Южного федерального университета. Отдел редких изданий
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГВА — Российский государственный военный архив
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ACS. PS — Archivio centrale dello Stato di Roma. Ministero dell'Interno. Direzione Generale di Pubblica Sicurezza. Divisione Affari generali e riservati (Italy)
ASMAE. MINCULPOP — Archivio storico-diplomatico del Ministero degli Affari Esteri. Ministero della Cultura Popolare (Italy)
BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA)
Beinecke — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University (USA)
EUL. SCD — Edinburgh University Library. Special Collections Division (UK)
HIA — Hoover Institution Archives. Stanford University (USA)
IISH — International Institute of Social History (The Netherlands)
LAPNP — Literární Archiv Památníku Národního písemnictví v Praze (Czech Republic)
LRA — Leeds Russian Archive (UK)
LVVA — Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs (Latvia)

Список сокращений

MDLC — Manuscript Division. Library of Congress (USA)
MDNLI — Manuscript Department. National Library of Israel (Israel)
NYPL — The Henry W. and Albert A. Berg Collection of English and American Literature.
New York Public Library (USA)
RCA. FFR — Rockefeller Archive Center. Ford Foundation Records (USA)
UIUCA — University of Illinois at Urbana-Champaign Archives (USA)
UML. KFYA — University of Minnesota Libraries. The Kautz Family YMCA Archives (USA)

2. Библиотеки

БВУ — Библиотека Вильнюсского университета
БНАЭ — Библиотека Национального архива Эстонии
БРГСО — Библиотека Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины
НБ Беларуси — Национальная библиотека Беларуси
НБ Латвии — Национальная библиотека Латвии
НБ Литвы — Национальная библиотека Литвы
НБ Польши — Национальная библиотека Польши
НБ Словакии — Национальная библиотека Словакии
НБ Чехии — Национальная библиотека Чехии
НБ Эстонии — Национальная библиотека Эстонии
РГБ — Российская государственная библиотека
СБГАЛ — Специальная библиотека государственных архивов Латвии
ЧС — частное собрание
UEFL — University of Eastern Finland Library

3. Печатные издания

АЕ — Археографический ежегодник
Вестник РСХД — Вестник Русского студенческого христианского движения
ВИ — Вопросы истории
ИА — Исторический архив
НВ — Новое время
НЖ — Новый журнал
НЛО — Новое литературное обозрение
НН — Наше наследие
НРС — Новое русское слово
ОА — Отечественные архивы
ОИ — Отечественная история
ПН — Последние новости
РЗ — Русские записки
РИ — Российская история
РМ — Русская мысль
СЗ — Современные записки
СМР — Cahiers du Monde Russe
СМРС — Cahiers du Monde Russe et Soviétique

Авторы сборника

- Аккаттоли Аньезе,
Университет Салерно (Италия).
- д'Амелия Антонелла,
Университет Салерно (Италия).
- Базанов Петр Николаевич,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- Бакунцев Антон Владимирович,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- Бочарова Зоя Сергеевна,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- Вовк Алексей Юрьевич,
Лицей № 1574 (Москва).
- Волошина Валентина Юрьевна,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
- Герасимов Николай Игоревич,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.
- Глушанок Галина Борисовна
(США).
- Голубев Александр Владимирович,
Институт российской истории РАН.
- Громова Алла Витальевна,
Московский городской педагогический университет.
- Гусман Леонид Юрьевич,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.
- Димьяненко Анна Андреевна,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- Кацов Геннадий Наумович
(США).
- Кодин Евгений Владимирович,
Смоленский государственный университет.

- Коростелев Олег Анатольевич,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН.
- Кравцов Андрей Николаевич,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- Кратц Готтфрид,
Университетская и Земельная библиотека Мюнстера (Германия).
- Кутаренкова Татьяна Сергеевна,
Российский государственный гуманитарный университет.
- Лабынцев Юрий Андреевич,
Институт славяноведения РАН.
- Левченко Валерий Валерьевич,
Одесский национальный морской университет (Украина).
- Леонидов Виктор Владимирович,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.
- Михальченко Сергей Иванович,
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского.
- Мишуровская Мария Владимировна,
Российская государственная библиотека искусств.
- Мнухин Лев Абрамович,
Мемориальный Дом-музей М. Цветаевой в Болшеве / Дом-музей
М. Цветаевой в Москве.
- Николаев Дмитрий Дмитриевич,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
- Полчанинов Ростислав Владимирович
(США).
- Равдин Борис Анатольевич,
Латвийское общество русской культуры (Латвия).
- Родионова Надежда Александровна,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
- Сегал Димитрий Михайлович,
Еврейский университет в Иерусалиме (Израиль).
- Сегал-Рудник Нина Михайловна,
Еврейский университет в Иерусалиме (Израиль).
- Седова Елена Евгеньевна,
Воронежский государственный педагогический университет.
- Семенов Константин Константинович,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.
- Скарлыгина Елена Юрьевна,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

- Симонова Татьяна Михайловна,
Российский университет театрального искусства — ГИТИС.
- Сорока Марина Евгеньевна,
Университет Макгилла (Канада).
- Тарасова Марина Николаевна,
Зональная научная библиотека Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).
- Толстой Иван Никитич,
Радио «Свобода» (Чехия).
- Трибунский Павел Александрович,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт российской истории РАН.
- Ульянкина Татьяна Ивановна,
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
- Успенская Эниса,
Университет художеств (Сербия).
- Хазан Владимир,
Еврейский университет в Иерусалиме (Израиль).
- Хайлова Нина Борисовна,
Институт российской истории РАН.
- Черемухин Вячеслав Владиславович,
Московский педагогический государственный университет.
- Шруба Манфред,
Рурский университет в Бохуме (Германия).
- Щавинская Лариса Леонидовна,
Институт славяноведения РАН.

Содержание

От редакции.....	5
------------------	---

ПОГОВОРИМ О ГЛАВНОМ

<i>П.Н. Базанов</i> Проблемы изучения истории издательской деятельности русской эмиграции.....	9
<i>Г. Кратц</i> Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине.....	15
<i>А.В. Голубев</i> «Хроникерские и хронические выдумки»: эмигрантская пресса в СССР в 1920–1930-е гг.....	29
<i>И.Н. Толстой</i> Платформа для «тамиздата»: к постановке темы.....	46

ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ

<i>К.К. Семенов</i> Издательская деятельность Архива «Белое дело» в документах архивного собрания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.....	63
<i>А. Аккаттоли</i> Издательское дело русской эмиграции глазами фашистского режима: по материалам итальянских архивов.....	70
<i>А.В. Бакунцев</i> Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937): краткий очерк деятельности.....	79
<i>С.И. Михальченко</i> Письма Е.А. Ляцкому как источник по истории издательства «Пламя».....	91
<i>М. Шруба</i> «Меценат изумительный!»: издательская деятельность М.Н. Павловского.....	97
<i>Н.М. Сегал-Рудник, Д.М. Сегал</i> «Vita Nova» Verlag: Рудольф Рёсслер и его издательские планы.....	136

<i>Р.В. Полчанинов</i>	
Русское книгоиздательство в Германии в 1945–1951 гг.	150
<i>М.Н. Тарасова</i>	
Из истории издательского дела Николая Парамонова в эмиграции: книги и открытки для лагерей ди-пи.	168
<i>В. Хазан</i>	
Из материалов к истории издательства «Рифма»	181
<i>О.А. Коростелев</i>	
«Издательство имени Чехова» в отзывах эмигрантов первой волны	195
<i>Е.В. Козин</i>	
Издательская деятельность Мюнхенского института по изучению СССР, 1950–1972 гг.	207

ДЕЛА КНИЖНЫЕ

<i>М.Е. Сорока</i>	
Католическая русскоязычная литература и ее издатели	219
<i>В.В. Левченко</i>	
Публикации одесских ученых за рубежом как составляющая русскоязычной экстериорики (XIX — первая половина XX в.): история, тематика, проблемы	235
<i>Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская</i>	
Варшавская Синодальная типография и издание произведений Хрисанфа Саковича (1920–1930-е гг.)	246
<i>А.А. Димьяненко</i>	
Основные центры издания детской книги русского зарубежья, 1920–1940-е гг.	261
<i>А.Н. Кравцов</i>	
«Дальний край» на Дальнем Востоке: к 90-летию выхода в Японии первого романа Б.К. Зайцева	268
<i>М.В. Мишуровская</i>	
«Белая гвардия» в Париже и Риге. К истории печатания романа М.А. Булгакова в 1927–1929 гг.	277
<i>Б.А. Равдин</i>	
Предварительный список русских календарей, изданных на оккупированной территории СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1942–1944 гг.	288
<i>Г. Кратц</i>	
Русские книги Герроzé — на службе берлинского Министерства пропаганды в 1943–1944 гг.	307
<i>П.А. Трибунский</i>	
«Избранные стихотворения» А.А. Ахматовой (1952): история издания . . .	321

<i>Т.И. Ульянкина</i>	
Об истории издания «Золотой книги российской эмиграции»	329

ДЕЛА ЖУРНАЛЬНЫЕ

<i>Д.Д. Николаев</i>	
«Бич» — русский сатирический журнал в Париже.	343
<i>Е.Е. Седова</i>	
Педагогические издания русского межвоенного зарубежья	357
<i>А. д'Амелия</i>	
Русские художники — сотрудники итальянских периодических изданий	367
<i>В.В. Черемухин</i>	
«Будет сделано то, что ты сделаешь сам»: периодические органы Российского Имперского Союза-Ордена в эмиграции в 1920–1970-е гг.	380
<i>Н.И. Герасимов</i>	
«Дело труда — Пробуждение» — анархистский эмигрантский журнал	391
<i>А.В. Громова</i>	
К истории «Нового журнала»: переписка Л.Ф. Зурова с Р.Б. Гулем	397
<i>Е.Ю. Скарлыгина</i>	
Литературные и общественно-политические журналы третьей волны эмиграции: редакционные стратегии	409

ДЕЛА ГАЗЕТНЫЕ

<i>З.С. Бочарова</i>	
Место «Руля» в ряду эмигрантской прессы 1920-х гг.	425
<i>Н.Б. Хайлова</i>	
«Мы не собираемся издавать газету политическую...»: издательский проект и его реализация (на примере газеты «Неделя», Прага, 1928–1930)	436
<i>А.Ю. Вовк</i>	
Основание и издание газеты «Русский Патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления	452
<i>Л.А. Мнухин</i>	
Владимир Лазаревский — журналист, переводчик, издатель	458

<i>Г.Н. Кацов</i> Нью-йоркский еженедельник «Печатный орган» (1994–1998)	468
---	-----

БЕСЦЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

<i>Л.Ю. Гусман</i> Л.П. Блюммер: надежды и разочарования эмигранта-журналиста «эпохи великих реформ»	475
<i>Т.М. Симонова</i> Русские периодические издания в Польше 1920–1938 гг. как источник культурной жизни русской эмиграции и национального меньшинства.	500
<i>Т.С. Кутаренкова</i> Образ СССР на страницах эмигрантской газеты «Возрождение»	513
<i>В.Ю. Волошина</i> Газета «Огни» как источник изучения истории научного сообщества зарубежья.	521
<i>Н.А. Родионова</i> Альманах «Трибуна» как источник для изучения истории Русской академической группы в Париже в 1920-е гг.	529
<i>Э. Успенская</i> Литературная критика на страницах суворинского «Нового времени» (1921–1923 гг.).	541
<i>В.В. Леонидов</i> Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис»	557
<i>Г.Б. Глушанокё</i> В.В. Набоков и издательство «Петрополис»	562
Список сокращений	585
Авторы сборника	587

Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. / И-36 Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; Институт российской истории Российской академии наук. — М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. — 600 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-062-5

В сборнике научных трудов обобщаются материалы международной конференции «Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.)» (7–9 октября 2015 г.), проведенной Домом русского зарубежья им. А. Солженицына и Институтом российской истории РАН.

УДК 002
ББК 76.17

В оформлении книги использованы
логотипы русских издательств в Германии
(1920–1939)

На переплете:

Издательство «Двуглавый орёл» (Берлин)

Издательство «Гамаюн» (Берлин)

Издательство «Огоньки» (Берлин)

Издательство «Медный всадник» (Берлин)

Издательство «Геликон» (Москва–Берлин)

Издательство «У.М.С.А. Press Ltd.» (Берлин)

Издательство «Милавида» (Мюнхен)

На фронтисписе:

«Государственное издательство» (Берлин)

Книгоиздательство «Знание» (Берлин)

Издательство «Ратай» (Киев–Лейпциг)

Издательство «Фаланга» (Берлин)

Издательство «Разум» (Берлин)

Издательство «Возрождение» (Москва–Берлин)

Книгоиздательство «Икар» (Берлин)

Научное издание

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО
российского зарубежья
(XIX–XX вв.)

Сборник научных трудов

Ответственный редактор
Трибунский Павел Александрович

Корректор *А.З. Лазуткина*
Верстка *Л.А. Фирсова*

Подписано к печати 07.12.2017. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Тираж 200 экз. Заказ

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2.
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48. www.domrz.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии: Чеховский печатный двор
Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Телефон: +7(495) 988-63-41
Сайт: www.chpd.ru

ISBN 978-5-98854-062-5

9 785988 540625 >